Ю.А. Тихонов

Дворянская усадьба и крестьянский двор в России

17 и 18 веков

Российская Академия наук
Институт российской истории

Ю.А. Тихонов

Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков

сосуществование и противостояние

Библиотека группы
ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ
И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
https://vk.com/sarist

Москва
2005

ББК 63.3(2)46
Т 46

Настоящее исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00152а).

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-01-00650д).

Рецензенты:
доктор исторических наук *Я.Е.Водарский*
доктор исторических наук *С.А.Козлов*
доктор исторических наук *М.Ф.Прохоров*

Тихонов Ю.А.

Т 46 Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII-XVIII вв.: сосуществование и противостояние. — М.; СПб.: Летний сад, 2005. — 448 с. — илл.

ISBN 5-94381-129-X

Монография посвящена изучению проблемы внутривотчинных отношений между землевладельцами и крепостными крестьянами. Проведенный анализ описаний дворянских имений в XVII в. и в период 1700-1770-х гг. позволил установить изменения во внешнем виде и интерьере господских домов и в усадебном хозяйстве. Подворные описи крестьянских дворов в этих имениях отразили положение закрепощенного населения (состав и численность семей, перечень строений жилых и хозяйственных, занятия земледелием, животноводством, садоводством). Обращение к помещичьим инструкциям по управлению имениями показало сельский быт и повседневную действительность крепостной деревни.

Группировка крестьянских дворов по числу взрослых работников м.п. выявила преобладание слоя малосостоятельных хозяйств и снижение доли зажиточных. Стремление дворян к переводу крепостных на барщину рыночного направления и к увеличению оброка вело к ужесточению крепостного режима, который обрекал крестьянское хозяйство на низкий потребительский уровень. Крепостное право и барщинно-оброчная система подрывали устои сосуществования усадьбы и крестьянского двора и усиливали тенденцию к их противостоянию.

Книга предназначена историкам, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами отечественной истории.

В оформлении обложка использована акварель (фрагмент) усадьбы в Богородицке. 1786 г. А.Т. Болотов, П.А. Болотов

ISBN 5-94381-129-X

© Институт российской истории РАН, 2005
© Ю.А. Тихонов, 2005
© Летний сад, оригинал-макет, оформление, 2005

Содержание

Историографические и методические аспекты изучения помещичьих имений Центральной России 5

Часть 1. Крепостники и крепостные (Усадьба и усадебное хозяйство, повинности, демографические и хозяйственные показатели крестьянского двора по «государственным» описаниям помещичьих имений) 83

Глава 1. Помещичьи имения в XVII в. 85

Глава 2. Помещичьи имения в первой четверти XVIII в. 98

Глава 3. Помещичьи имения в 30–50 гг. XVIII в. 170

Глава 4. Помещичьи имения в 1760—1770-х гг. 272

Общие положения и итоги 333

Часть 2. Крепостная деревня (Социальный облик и бытовое устройство по помещичьим инструкциям управителям имений) 337

Заключение 414

Перечень помещичьих имений (с описаниями крестьянских дворов) 421

Именной указатель 437

Географический указатель 441

Историографические и методические аспекты изучения помещичьих имений Центральной России

Основной социальной и хозяйственной ячейкой в Центральной России XVII—XVIII вв. (помимо городов и селений городского типа) являлось частное феодальное владение и, прежде всего, имение служилых людей «по отечеству» — дворянства. Дворцовые волости, патриаршие и монастырские вотчины и по земельной площади, и по численности зависимого населения занимали подчиненное положение[1]. Можно сказать, что дворянское землевладение оказалось стержневым в аграрной структуре европейской части страны. Это определило особое внимание отечественной историографии к проблемам эволюции сословий землевладельцев и земледельцев.

Уклад жизни дворянского имения на протяжении XVII—XVIII вв. складывался под воздействием расширения сословных привилегий служилых людей и системы крепостного права. Крепнущие крепостнические порядки приобрели к середине XVIII столетия черты рабства.

Соборное Уложение 1649 г. юридически закрепило систему земельных владений. Среди них первое место занимали помещичьи имения численностью примерно от двадцати до тридцати тыс. единиц. Каждое имение представляло собой самодовлеющий замкнутый социальный и хозяйственный организм, слабо зависимое от государственной администрации образование, обязанное лишь уплачивать подати и поставлять рекрутов.

Добившись превращения крестьян в крепостных, помещики и вотчинники при содействии государственной власти создали в своих владениях режим подчинения и угнетения. На первое место вышли разнообразные формы личной зависимости, обратной стороной которой стали всеобъемлющая регламентация крестьянского быта и полное бесправие сельских труженик-

[1] *Кабузан В. М.* Крепостное население России в XVIII — середине XIX вв. СПб., 2002. О боярско-дворянской земельной собственности в XVII в. и помещичьей в XVIII в. см.: *Бодарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. Эволюции централизованной вотчинной системы землевладения служилых людей «по отечеству» в связи с социально-чиновной структурой правящего сословия посвящены монографии О. А. Шватченко: 1) Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. (М., 1990); 2) Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII в. (М., 1996); 3) Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I (М., 2002).

ков. «Крепостной устав», о котором писали в своей коллективной челобитной 1658 г. дворяне и дети боярские разных городов[2], стал реальностью.

Объектом исследования данной монографии избрано помещичье имение с двумя составляющими — дворянской усадьбой и крестьянским двором. Целостность объекта заключается в сосуществовании его разнородных частей, их связанности. И одновременно в их глубокой несхожести, проявляющейся в противостоянии, разнонаправленности их интересов и действий.

Крепостное право, как выражение монополии дворянства на землевладение и душевладение, скрепило поземельными и личными отношениями такие разнородные хозяйственные организмы, как помещичье и крестьянское хозяйства. Основой их сосуществования и взаимодействия являлось натурально-потребительская направленность бытия. Рыночные связи (особенно проявившиеся в товарной направленности барщинной системы) усложняли хозяйственный строй помещичьего имения, но не вели к его преобразованию. Эксплуатация крестьян продолжала покоиться на внеэкономическом принуждении.

Проблема феодальных связей в границах вотчинного комплекса патриарших владений XVII в. была поставлена А. Н. Сахаровым. Им были обоснованы положения о единстве взаимодействия и противоборства интересов патриаршей власти и крепостных крестьян, о разнодействующих тенденциях барщинно-крепостнических и антикрепостнических (связанных с оброчно-денежными явлениями) хозяйствования. Автор показал, что степень внеэкономического, крепостнического принуждения крестьян к труду определялась общим развитием страны и прежде всего формами феодальной ренты[1].

Ныне все более насущной становится проблема выявления и изучения внутривотчинных отношений, связывающих воедино все части помещичьего имения. Такие отношения можно считать центростремительными. Наряду с ними действовали противоположные, центробежные, разрывающие господское и крестьянское сообщество. Они проявлялись и в скрытом (повседневном), и в открытом крестьянском сопротивлении наиболее тягостным формам повинностей и высокому уровню поборов.

Наиболее важными в комплексе внутривотчинных отношений можно считать производственные. Особенно это относится к имениям с полевой барщиной. В этой связи становится актуальной двуединая задача исследования. С одной стороны, необходимо представить, опираясь на конкретные данные, степень помещичьей эксплуатации. С другой, установить параметры крестьянского хозяйства по основным показателям. Без этого трудно судить о воздействии на крестьянский двор помещичьего тягла, оценить скреплявшие землевладельца и земледельца крепостнические отношения.

Хозяйственные связи в помещичьем владении прежде всего зависели от формы феодальной ренты. Немаловажное значение следует отвести нали-

[2] «...Чтоб в твоей государеве державе все люди божии и твои государевы кождо от великих и четырех чинов, освященный, и служивый, и торговый, и земледелательной, в своем уставе и в твоем царском повелении твердо и неподколебимо стояли» (Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 312).

[1] *Сахаров А. Н.* Русская деревня в XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.

чию (или отсутствию) в имении дворянской усадьбы. Примерно в половине имений располагались господские дворы с жилыми постройками. С увеличением числа имений росло и количество усадеб[4].

Начало XXI в. ознаменовано научным «прорывом» в области исторического усадьбоведения. В изучении сельской дворянской усадьбы в историческом плане сложилась необычайная ситуация. До самого последнего времени труды историков по этой теме фактически отсутствовали. В то же время значительных успехов достигли специалисты в области искусствознания. Возрожденное в 1992 г. Общество изучения русской усадьбы подготовило девять специальных сборников «Русская усадьба» и провело ряд научных конференций в таких памятных местах, как Пушкинские Горы, Большие Вяземы, Остафьево, Ясная Поляна, Хмелита и др.

«Молчание» историков было прервано появлением в 2001 г. коллективного труда сотрудников Института российской истории РАН «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. Исторические очерки» (отв. ред. Л. В. Иванова), подготовленного и изданного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда[3]. В этой работе Л. В. Иванова выдвинула новую, исключительно важную для понимания российского аграрного строя концепцию сельской дворянской усадьбы как особого населенного пункта (подобно городу, селу, деревне). Усадьба выделялась своим хозяйством, составом населения, своеобразным бытом и духовной культурой. Усадьба «претендовала на то, чтобы быть пространством культуры, но в естественном природном пространстве... Она занимала положение промежуточное (между городом и деревней)...»[6].

Как ни странно, ранее специалисты не особенно задумывались над содержанием понятия «сельская усадьба». Поэтому созданный коллективный труд не мог быть написан без объединяющей всех авторов конструктивной идеи. Эта концепция дворянской и купеческой сельской усадьбы такова: владельческую усадьбу в сельской местности следует считать поселением, отличающимся от крестьянского. Дворянская усадьба располагалась в отдалении от крестьянских дворов. Уже со второй половины XVII в. и еще более в XVIII в. усадьба крупного, среднего, а в значительной мере и мелкого помещика резко отличалась от крестьянского двора жилыми постройками и богатым убранством. Население составляли сами владельцы с семьями, родственники и гости (нередко жившие здесь длительное время), приказчики и дворовые люди. Усадебное хозяйство отличалось и своими размерами, и многоотраслевой организацией. В перечень хозяйственных единиц входили сады, овощные огороды, рыбные пруды, дворы скотные, конюшен-

[4] *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России в XVII—XVIII вв.: сосуществование и противостояние // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 3. С. 16—27.

[3] См. «Круглый стол» Русская усадьба и ее судьбы // Отечественная история. 2002. № 5; Вопросы истории. 2002. № 4 (автор. рец. В.Ф. Козлов); Вестник архивиста. 2002. № 1 (автор. рец. А.Ю. Кононова).

[6] *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 16.

ные, житные, птичные, псарные, винокурни и солодовни, ткацкие избы, кирпичные сараи, житницы, погреб, ледник, амбары, гумно с овинами и ригой. С середины XVIII в. действовали приусадебные текстильные, кожевенные, стекольные и другие фабрики и заводы. К этому следует добавить особый сельский быт, проявлявшийся в усадебном образе жизни.

До выхода в свет указанного исследования в научной литературе не уделялось внимания автономности усадебного поселения, его непохожести на городскую усадьбу дворянина или чиновника и, тем более, на крестьянский двор. Это обстоятельство обедняло истинную картину сельской жизни. Представление об экономике оказывалось неполным, лишенным важной хозяйственной составляющей, тем более что и отход от традиционных приемов в земледелии, и попытки улучшить породу скота наблюдались именно в усадебном хозяйстве.

Впервые установлена примерная численность сельских дворянских усадеб в XVII—XVIII вв. В соответствии с изменениями в численности и составе сословия светских землевладельцев и величины их душевладения Я.Е. Водарский на 1650 г. (к этому времени сословие служилых людей по отечеству насчитывало 64 тыс. чел., в том числе 21 тыс. глав семей) принял число усадеб в 21 тыс. единиц. Эти расчеты подтвердились данными на 1700 г., когда число усадеб уже достигло 23 тыс. единиц. На 1737 г. дворянских имений стало 63 тыс. и соответственно (2:1) усадеб около 32 тыс.; на 1800 г. 70 тыс. и 35 тыс. Таким образом, с середины XVII в. по конец XVIII столетия численность усадеб увеличилась на 14 тыс. единиц.

В коллективном труде показана многовековая эволюция помещичьей усадьбы от ее появления до гибели. Выявлена связь между увеличением числа сельских усадеб в XVII в. и расширением вотчинного землевладения в центре страны, в западном и северо-западном регионах. В связи с массовыми пожалованиями поместий в вотчину при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче и позднее думным и московским чинам и верхушке уездных дворян поместная система стала свертываться. Петр I распространил обязанность постоянного пребывания в армии и государственных учреждениях на все служилое сословие. Деление на поместья и вотчины изжило себя. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой первенствующее сословие было лишено возможности хозяйствовать в своих усадьбах. Однако дворяне не смирились с этим. Они не забросили свои усадьбы, а обходными путями благоустраивали их. Крепло и усадебное хозяйство, основанное на труде дворовых людей. При господских дворах возводились скотные и конюшенные дворы, овощные огороды и сады, устраивались рыбные пруды, действовали винокурни. Примечательным стало заведение усадеб в уездах, прилегающих к новой столице — Санкт-Петербургу. В середине 1710-х гг. царь стал раздавать приближенным земельные участки при дороге из Санкт-Петербурга в Петергоф для постройки загородных домов. Они мало отличались от усадебных домов знати в Московском уезде.

Расцвет дворянской усадьбы начался после Манифеста о вольности дворянской 1762 г.[7] (процесс захватил и первую половину XIX в., когда возведение усадеб отмечено в Новороссии и в Крыму). Дворянская вольность была подкреплена юридическим оформлением помещичьей собственности на землю в ходе генерального межевания 1760—1790-х гг. Более того, как установил Л. В. Милов, дворяне закрепили за собой около 50 млн десятин захваченных государственных угодий[8]. По числу усадеб выделялись губернии Рязанская, Курская (более 2 тыс.), Ярославская, Тверская, Калужская, Московская (более 1 тыс.). В черноземных губерниях их было меньше. Под Санкт-Петербургом вблизи дорог в Петергоф и Царское Село преобразились усадьбы высших чиновников, военных и придворных. Это были особняки дворцового типа для отдыха, увеселений и охоты. Особого хозяйственного значения они не имели.

Главным компонентом сельской усадьбы в разное время являлся «помещиков» или «вотчинников» двор сначала служилого человека думных, московских и уездных чинов (XVI—XVII вв.), а затем дворянина (первая половина XVIII в.). Позднее в источниках фигурирует «господский дом» (середина и вторая половина XVIII в.). Обязательное наличие жилых помещений и выражало специфику усадебного поселения. Поэтому место расположения господских хозяйственных построек без владельческого жилья нельзя принимать за усадьбу. Такое понимание усадьбы позволяет разделить земельные владения (поместья, вотчины, имения) на усадебные и безусадебные. Наличие усадьбы усложняло хозяйственную и социальную структуру дворянского имения и не могло не отражаться на повинностях и занятиях крепостных крестьян.

Усадебные жилые постройки (хоромы) в XVII — начале XVIII вв. состояли из горниц поземных, либо поставленных на подклетах. Видимо, горницы со многими окнами стали называться светлицами. Поземные жилища оставались лишь у рядовых помещиков. Все чаще строились господские дома в два-три этажа. Обычной являлась и «связанность» жилых построек: горницы и светлицы ставились вплотную друг к другу или соединялись сенями (иногда их называли «проходными») и на них ложилась общая крыша. Кровельный материал — тес, гонт, драньё (дранница). Потолки появляются в описаниях 1720—1730-х гг., тогда как прежде подволоки упоминались крайне редко. Появляются не только холщовые, но и бумажные обои, лепнина («штукатурная работа и убранье»). Слюдяные оконницы в окнах заменяются стеклянными, двери покрываются сукном, а дверные петли, крюки, запоры делаются из железа.

В усадебных домах XVII — первой четверти XVIII в. отмечены глиняные, кирпичные, облицованные кафелем и изразцами печи. В 1720—1740-х гг. источники называют камины, печи «галанские», круглые «для красоты», облицованные «живописным» кафелем, с железными и чугунными заслонками и затворками.

Изредка в усадьбах конца XVII — начала XVIII в. помимо икон находятся картины на библейские сюжеты, портреты Петра I, изображения «пер-

[7] *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

[8] *Милов Л. В.* Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию. М., 1965. С. 18—21.

сон женских», а также «фряжские» с видами городов, гравюры и «листы». В первой половине XVIII в. картины и гравюры становятся обычным (как и зеркала) явлением жилого интерьера. А во второй половине XVIII в. многими богатыми помещиками овладела настоящая страсть к приобретению и коллекционированию художественных ценностей. Стали формироваться собрания российской и западноевропейской живописи; среди жанров «комнатной» живописи все большее место занимали пейзажи. Заметно стремление помещиков к покупке привозных из стран Европы и Азии мебели, посуды, предметов роскоши.

Исходя из сформулированной концепции сельской усадьбы авторы наметили и определенные методологические установки для изучения этого многопланового явления. В частности, было признано, что основой усадебного мира является усадебное хозяйство, что усадьба была экономическим и социальным организмом, в котором соединялись хозяйственные, социально-административные, бытовые и культурные функции, различающиеся по этапам исторического развития страны, что усадебный строй во многом определялся личностью владельца, его положением в обществе, при дворе и в государственном аппарате, богатством и связями, его кругозором и духовными запросами, наконец, что дворянская усадьба и крестьянская деревня существовали в границах автономного помещичьего имения и не могли не соприкасаться друг с другом.

Общий взгляд на усадебное хозяйство приводит к мысли, что где-то в первой половине XVIII в. зерновое земледелие при усадьбах свертывается и на первый план выходят животноводство, птицеводство, рыбоводство, овощеводство и особенно садоводство (открытое и парниково-оранжерейное). Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. садоводство, виноградарство, маслоделие и сыроварение в ряде мест уже дают продукцию на рынок. Соответственно слой холопов-земледельцев заменяется дворовыми людьми, обслуживающими указанные отрасли хозяйства и сам усадебный дом.

В XVII — начале XVIII в. среди дворовых людей преобладали скотники и скотницы, конюхи, «деловые люди», реже садовники, огородники, хлебники, рыбаки, птичники, истопники. Во второй половине XVIII в. состав дворовых заметно меняется. Чаще упоминаются садовники, повара и люди ремесленных специальностей (кузнецы, плотники, столяры, портные, сапожники, башмачники). Появляются живописцы, актеры, музыканты, маляры, слесари, каретники, кучера, вышивальщицы, кружевницы, кондитеры, сыровары, камердинеры, гувернеры, гувернантки, горничные.

Примерно с середины XVIII в. хозяйственная жизнь усадьбы осложняется появлением заводов и фабрик. Среди них были суконные (поставляющие изделия для военного ведомства), полотняные, «парусинные», шелковые, кожевенные, бумажные, обойные, а также сукновальные и пильные мельницы. Здесь работали крепостные крестьяне, частично наемные люди, а продукция потреблялась владельцами и продавалась на рынке, в том числе в Санкт-Петербурге и Москве. Примерно с середины XVIII в. создаются конные заводы. Кроме того, при многих усадьбах в средних и малых имениях действовали небольшие полотняные, суконные, кирпичные заведения для «домашних расходов».

После 1762 г. заметно изменяется облик господских домов крупных помещиков. К проектированию и строительству привлекаются столичные и местные архитекторы, а также крепостные зодчие. Владельцы средней руки использовали при строительстве печатные издания и специальные руководства. Новостью стало особое внимание к окружающей дом местности, что отражалось в садово-парковой архитектуре. На смену регулярным приходят пейзажные парки со скульптурой, беседками, павильонами, стилизованными «руинами», «пещерами».

В книге исследовано усадебное хозяйство как основа усадебного мира. Удалось развеять сложившийся в художественной литературе образ помещика-барина, равнодушного и неумелого хозяина, полного пленника своих приказчиков и управляющих. Конкретный материал показывает сельскую усадьбу в виде культурно-бытового гнезда, проводника в провинциальной жизни новых веяний в духовной жизни общества. На усадебный облик воздействовали (особенно во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.) веяния европейской культуры в области литературы, зодчества, живописи.

Уже с середины XVII в. обозначились различия в постройках крестьянских дворов и дворянских усадеб. И те, и другие являлись деревянными. Усадебные постройки из камня появились на рубеже XVII—XVIII вв. Каменных жилых домов было очень мало. Так, по топографическим описаниям в 1760—1770-х гг. в Московской губернии отмечено 127 каменных домов и 1199 деревянных, в Калужской 38 и 1320. В остальных губерниях каменных насчитывалось не более 20.

В усадьбах изба встречается только у малосостоятельных помещиков. Обычно владельцы жили в горницах (светлицах). Нередко 2—3 горницы соединялись сенями. Встречаются господские дома двухэтажные и трехэтажные. С конца XVII в. слюдяные окна сменяются стеклянными. В первой половине XVIII в. в интерьере отмечаются изразцовые, голландские печи, картины, гравюры, зеркала, ковры, мебель столярной работ, хрустальная и фарфоровая посуда.

Углубленному изучению крестьянского двора способствует сложившаяся в 1980—1990-х гг. историографическая ситуация. В обобщающих трудах были подведены итоги исследовательской работы по истории российского крестьянства[*].

Общий взгляд авторов 3-го тома «Истории крестьянства Европы» заявлен в следующем положении: «Развитие крестьянства в разных европейских странах становится, с одной стороны, более общим по своей главной сути,

[*] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986 (автор главы «Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» В. А. Якубский; автор главы «Российское крестьянство в середине XVII — середине XIX в.» В. А. Александров); История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). М.,1993 (отв. ред. А. А. Преображенский).

а с другой — более разнообразным по формам, в которых оно реально воплощалось». Для этого избран путь сочетания регионального и общеевропейского изучения (с. 11). Признавая дуализм аграрного развития Европы в XVI—XIX вв. (в Западном, Юго-Западном и Северном регионах разложение феодального строя сопровождалось зарождением и укреплением капиталистических отношений, а в Центральном, Восточном и Юго-Восточном наблюдалось возобладание барщинно-крепостнических или оброчно-крепостнических форм хозяйствования), исследователи выступают против его абсолютизации (с. 12—13, 549).

Прежде всего во всех регионах отмечено хотя и в разных количественных показателях «растущее включение» крестьянства «в буржуазные отношения» по причине социальной дифференциации сельского населения (с. 548). В положении крестьян в обоих ареалах Европы наблюдаются такие важные черты, как сословная неполноправность, отсутствие или урезанность права собственности и владения на землю, ограниченность хозяйственной свободы, возраставшая фискальная эксплуатация в интересах абсолютистских монархов и их окружения (с. 550).

В 3-м томе «Истории крестьянства в Европе» в специальной главе о крестьянах европейских стран Центрального, Восточного и Юго-Восточного регионов показан процесс утверждения барщинно-крепостнического режима в частновладельческой деревне. Складывавшийся тип аграрных отношений способствовал «взаимодействию» закрепощения и перехода к отработочной ренте.

Среди выявленных факторов аграрной эволюции названы уровень мелкокрестьянского производства, неспособного увеличить продуктовые поборы и денежные платежи, экстенсивная форма зернового земледелия, переплетение санкционированных государством трех форм зависимости крестьян от владельцев (поземельной, личной, судебно-административной). К особым российским условиям отнесено наличие неосвоенных земель, разделение страны на производящие и потребляющие области, замедленность во времени процессов утверждения крепостнических порядков и барщины (с приоритетом первого элемента над вторым), действенность государственного и вотчинного аппарата принуждения, как необходимого условия развития крепостничества.

Важными представляются суждения о крайней противоречивости барщинной системы, сочетающей и товарно-денежную хозяйственную сторону, и натурально-хозяйственную. Крестьянский двор, призванный обеспечивать господское хозяйство, во многом терял «свое самостоятельное производственное значение». Окончательно завести деревню в хозяйственный тупик помешикам мешали и сопротивление подневольного населения, и необходимость сохранения для барщинных работ среднеобеспеченных крестьянских дворов. Саморегулирование системы не допускало полного разорения крепостных.

В главе о российском крестьянстве В. А. Александрову удалось очертить особенности российской аграрной системы. На первое место среди факторов расширения сельскохозяйственного производства поставлено освоение

новых земель в Сибири, Поволжье и в Южном Черноземье, а также прирост населения в новых районах. Однако средняя плотность населения в Нечерноземье оставалась самой высокой. К концу XVIII в. помещичье землевладение заняло ведущие позиции и в нечерноземных, и в черноземных уездах. Автор считает, что установленная Соборным Уложением 1649 г. крепостная зависимость крестьян была более поземельной, чем личной. Позднее в законодательстве проявилась тенденция усиления личной зависимости. В развитие государственных актов помещики своими инструкциями закрепили бесконтрольную власть над личностью и хозяйством крепостных.

В XVIII в. происходило перераспределение доходов, получаемых от крестьянства. При Петре I государство забирало через налоги и повинности основную часть прибавочного труда крестьян. Постепенно соотношение менялось в пользу землевладельцев. Набирало силу стремление помещиков расширить барщинные поля за счет крестьянских наделов, выйти на рынок со своим хлебом, а крестьян оттеснить от торговли зерновыми продуктами. Помещичьи и казенные поборы, малоземелье и чересполосица, общинное землепользование препятствовали интенсификации крестьянского хозяйства. Увеличение товарности как барских полей, так и крестьянского двора достигалось изматывающим трудом земледельцев под постоянным контролем вотчинной администрации.

Автор отметил значение общины и для крестьян (поддержание и регулирование мелкого хозяйства и деревенского быта), и для помещиков (обеспечение власти и выполнения повинностей). Помещичья вотчина с усадьбой и сельская община являлись неразрывными звеньями в структуре крепостнического (особенно барщинного) хозяйства. Все более проявлялось единство действий вотчинной администрации и общинных выборных. Земельные сделки крестьян внутри вотчины совершались по решениям общинного собрания, и нередко индивидуальные участки сливались с общинным владением. Практика крестьянского землепользования наряду с ограниченностью трудовых ресурсов в преобладавшей численно малой семье сдерживали социальное расслоение деревни.

Всесторонняя жизнь сельского населения получила освещение в 3-м томе коллективного труда «История крестьянства России». Установлена доля помещичьих крестьян среди сельского населения (Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан). На 1678 г. из общего числа сельчан 10 млн чел. об. п. 4,6 млн чел. проживали в вотчинах и поместьях бояр и дворян. К 1763 г. помещичьих крестьян стало 10,4 млн чел. (53,1 % от численности всех категорий крестьян 19,6 млн чел. и 49 % от количества всего населения страны 21,2 млн чел.). В Центральном промышленном, Центральном земледельческом, Западном регионах население дворянских имений составляло больше половины всех жительствующих на этих территориях.

Показана эволюция социального и правового положения крестьян в XVII — первой половине XVIII вв. (А. Г. Маньков). Для обеспечения налоговых поступлений государство расширяло рамки крепостной зависимости помещичьих крестьян путем установления над ними административно-полицейской опеки помещиков. Указ 1727 г. возложил на помещиков реали-

защию важнейших государственных повинностей — сбор подушных денег и поставку рекрутов. Любой временный уход из вотчины, работа по найму, поставку рекрутов. Любой временный уход из вотчины, работа по найму, либо продажа своих продуктов вне имения по указу 1722 г. и «плакату» 1724 г. совершались только по разрешению господина. Запрещен уход на военную службу. Крестьян лишили права торговать «в портах», брать подряды, заводить суконные и «амуничные» фабрики. С 1741 г. присягу монархам за них приносили помещики. Попытки запретить продажу крепостных игнорировались.

Интенсивная законодательная деятельность абсолютистской монархии XVIII в. по крестьянскому вопросу (А. А. Пушкаренко) основывалась на представлении о крестьянстве как социальной группе, поставляющей денежные средства, рабочие руки, рекрутов, и вместе с тем как «главном источнике социальной напряженности и социальной опасности». Для обеспечения крепостнических порядков царизм избрал в качестве главного метода «ограничение прав и крестьянских свобод, увеличение крестьянских обязанностей, усиление власти помещиков, дворцовой и правительственной администрации над крестьянами, правового и внеправового принуждения». Не случайно в правилах 1764 г. для начальников карательных военных частей указывалось, что они обязаны действовать против непокорных «равно как против неприятеля». Некоторые послабления крестьянам в области торгово-промышленной деятельности не покушались на власть помещика.

Освещение крестьянского хозяйства проведено с учетом отмеченного в книге А. Н. Сахарова взаимодействия и противоборства землевладельцев и крестьян в пределах феодальной вотчины, о взаимосвязанных и в то же время разнодействующих тенденциях развития барщинно-крепостнических и оброчно-крестьянских форм хозяйствования. Развиты выдвинутые в монографии Е. Н. Баклановой (Швейковской) тезисы о взаимосвязанности численности и структуры крестьянской семьи с производственными возможностями сельского двора. Эффективность земледельческих и животноводческих занятий как основы производства напрямую зависела от труда всех членов семьи, и в первую очередь взрослых работников м. п.

В целом установлен невысокий уровень крестьянского хозяйства, далеко не соответствовавший трудовым затратам закрепощенных сельчан. Возрастание государственных и помещичьих повинностей приводило к малой населенности обычного крестьянского двора, к недостатку пашенных и сенокосных земель, к невысокому поголовью и слабой продуктивности скота. Типичным становился двор с одним-двумя взрослыми работниками (таких насчитывалось до трех четвертей от общего числа) с наделом от 2,2 до 4,5 дес., с одной-двумя головами рабочего скота. Такие хозяйства назывались «среднестатейными» не по обеспеченности жизненными средствами, а по возможности отбывать помещичье тягло.

В томе показано место дворянских владений к концу XVIII в. Помещичьи владения занимали чуть менее трети (29 %) всей территории европейской части страны. Помещичьи крестьяне обрабатывали 81 млн дес. господских и надельных земель (34 % всей площади). Площадь помещичьей пашни за XVII—XVIII вв. увеличилась в 5 раз. Нововведения в земледелии касались

главным образом господских полей. В поисках восстановления плодородия почв помещики стали внедрять четырехполье и пятиполье, практиковать севообороты с клевером и бобовыми. Внесение навозного удобрения становилось обычным на господской пашне (в крестьянских дворах скота не хватало, да к тому же «практичные» господа забирали у крепостных и навоз). В отличие от XVII столетия стали признавать необходимость боронования, особенно под яровыми. К важному нововведению относится распространение крупяных культур (гречиха, просо). Усилилось внимание к хранению семян. Многие помещики принуждали крестьян к обмену семенным материалом, отдавая нуждающимся больше семян, но несортных и низкого качества.

В сельскохозяйственном производстве из-за погодных условий громадное значение имел фактор времени. Его значение более возрастало в барщинных имениях, где из-за первоочередных работ на господских полях крестьянские наделы обрекались на низкую урожайность.

На основании исследований И. Д. Ковальченко в томе показано соотношение в торговых операциях крестьянского и помещичьего зерна. В последней трети XVIII в. и в начале XIX в. крестьянский хлеб занимал доминирующее положение. Примерно в конце второго десятилетия XIX в. первенство в поставках товарного зерна приобрели дворянские барщинные имения. В 1850-е гг. помещики давали 53,4 % хлеба, крестьяне 46,6 %. Однако в таких регионах, как Северный, Северо-Западный, Нечерноземный центр, Средневолжский все время преобладал хлеб крестьянский. Поставка льна и конопли в основном исходила от земледельцев. В европейской части России к концу XVIII в. высевалось около 250 тыс. четв. льна и более 430 тыс. конопли. Экспорт льна и пеньки в европейские страны увеличился за 3 десятилетия в $1^1/_2$ — 2 раза. Сложились центры торгового огородничества (Московский, Ростовский, Боровский и другие уезды).

Помимо итоговых обобщающих трудов по истории крестьянства необходимо отметить исследования общего плана о сельском хозяйстве России XVII—XVIII вв. Среди них две книги из серийного издания Московского университета «Очерки русской культуры»[10]. Л. Н. Вдовина показала, что XVII столетие многое унаследовало от предшествующего времени: та же система земледелия (трехполье с обращением к перелогу и подсеке), тот же набор зерновых культур и земледельческих орудий. Правда, отмечено появление сохи-косули. Северные и центральные уезды оставались основными хлебопроизводящими местами. Освоение южных уездов по Белгородской черте и поволжских по Симбирской ощутимо в производстве зерна еще не сказывалось. Важнейшими техническими культурами (имеющими и экспортное значение) были лен и конопля. Развитыми районами животноводства являлись места по Северной Двине (Архангельск, Холмогоры) и по Волге (Ярославль, Романов и др.).

[10] Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1 (автор раздела «Земледелие и скотоводство» Л. Н. Вдовина); Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1 (автор раздела «Культура сельскохозяйственного производства» — § 1—8 — Л. В. Милов; § 9 «Агрономия и сельскохозяйственная практика» написан Л. Н. Вдовиной).

Л. В. Милов определил историческое место XVIII столетия в многовековой эволюции сельскохозяйственного производства в России. Он сумел вскрыть в общей структуре аграрной экономики традиционное и новое в их взаимосвязи. Специфической чертой земледелия XVIII в. являлось «наслаивание» на традиционные приемы новых, формирующихся «под воздействием» рыночных требований (с. 50).

Нововведения отчетливо проявились в возделывании такой товарной культуры, как пшеница. По традиции под яровую пшеницу — культуру малоустойчивую к весенним погодным условиям — отводились небольшие участки. Во второй половине XVIII в. народная практика создала новый сорт — «ледянку» (со сверхранним посевом на подготовленную еще осенью землю). Ледянка не нуждалась в навозном удобрении. Осенью напряженность земледельческого труда спадала, и помещики стали вводить зяблевую вспашку под ледянку. Пшеница становилась постоянной культурой и на барщинных полях (с. 52—53).

В черноземных уездах в борьбе с сорняками перешли к ранней зяблевой вспашке. А раннее созревание яровых вынудило нарушить трехполье: на паровом поле высевали не рожь, а скороспеющие пшеницу, овес, ячмень, горох (с. 62).

Л. В. Милов показал, что в целом для Нечерноземной полосы низкая урожайность зерновых не отражалась на их повсеместном посеве, производимом из года в год земледельцами. Главным критерием оставалась их необходимость для потребительского хозяйства, прежде всего крестьянского. При ощутимом спросе на зерно трудовые затраты оказывались ниже рыночных цен на зерновые (с. 102—103). В черноземных губерниях существенную роль уже стали играть потребности товарного хозяйства.

Воздействие рынка ощутимо сказалось на расширении участков подо льном и конопляй. Под коноплю вывозят в лучших помещичьих хозяйствах до 3 тыс. пудов навоза. Обычно под рожь шло навоза в два раза меньше (с. 46, 48, 64).

«Важнейшим изъяном» крестьянского трехполья Л. В. Милов называет постоянное снижение плодородия пашни (с. 58). Уже во второй половине XVIII в. земледельцы испытывали недостаток навоза для удобрения. Больше половины земель, включая и господские поля, получали менее половины принятой нормы. К концу столетия пашенные угодья засевались наполовину. Лишь позднее, в 40—50-е гг. XIX в., вся пашня оказывалась засеянной (с. 60).

Острая нехватка времени у барщинных крестьян приводила к поспешной вывозке навоза на наделную пашню и к его потерям. Разбрасывать навоз на полях не успевали, и удобрение от долгой лежки в кучах теряло свою силу (с. 74).

На XVIII в. приходится массовая интродукция (распространение) растений. Число культур с 55 видов увеличилось вдвое. Большое участие в пропаганде новых культур приняло Вольное экономическое общество (ВЭО) (с. 137).

Помимо обычных культур помещики высевали и европейские сорта зерновых (английская рожь и ячмень, немецкий овес и восточный, валахская озимая рожь и др.). Интродукция видов и сортов культур практиковалось в XVIII в. только в помещичьем хозяйстве. Лишь к 1790-м гг. картофель получил место на крестьянских огородах (с. 78).

У помещиков стало возобладать мнение о необходимости частой смены семян. Они же применяли опробование семян перед высевом (клали под дернину, смачивали в навозной жиже) (с. 79).

Показателем больших возможностей помещичьих хозяйств можно считать замену с 1780-х гг. овинов для сушки зерна ригами (сушильными сараями с печами). К ним пристраивались молотильные сараи. Владельцы стали возводить для молотьбы крытые мощеные гумна (с. 91).

Во второй половине XVIII в. в помещичьих хозяйствах Московской, Владимирской, Калужской, Тульской губерний внедряется травосеяние. Появляются посевы клевера, люцерны, кормовых трав. В конце века отмечено травосеяние у крестьян Вологодской губернии (с. 134—135).

И помещичий, и крестьянский скот поражали эпизоотии. А. Т. Болотов считал, что из-за них поголовье скота в крестьянских дворах было низким (с. 112). Цены на господских лошадей колебались в Москве от 20 до 70 руб. Стоимость крестьянских в ближайших городах обычно составляла от 2 до 15 руб. (с. 114).

По мнению Л. Н. Вдовиной, «XVIII век был переломным в истории культуры сельскохозяйственного производства» (с. 125).

Ко второй половине столетия относится начало формирования агрономической науки. Новации агрикультуры и агротехники были адресованы дворянам, которые стремились использовать их для подъема доходности своих хозяйств (с. 126). И в помещичьих инструкциях по ведению хозяйства культура земледелия занимала более заметное место, чем в XVII столетии (с. 127—128). В 1730—1740-х гг. появились переводы книг по сельскому хозяйству (в их числе книга Губертуса «Экономическая стратагема», переведенная М. В. Ломоносовым под названием «Лифляндская экономия»). Позднее начался книжный и журнальный поток. С 1766 г. издавалось 6 специальных журналов. Были опубликованы 52 части «Трудов» ВЭО (тираж 1200 экз., затем 2400) и 40 томов «Экономического магазина» (с. 129). Всего за столетие издано 120 оригинальных и переводных книг сельскохозяйственного содержания (с. 142).

Большую роль в распространении агрономических знаний сыграло ВЭО. С 1765 по 1800 г. его членами и корреспондентами стали 692 человека. В его трудах напечатаны сочинения ведущих агрономов А. Т. Болотова, И. М. Комова, В. А. Левшина и других (с. 129—131). Общество откликалось на важнейшие нужды земледелия, животноводства, садоводства и лесоводства: восстановление плодородия почв, их удобрение, естественное восстановление плодородия путем многополья и севооборота, травосеяние и создание искусственных лугов, почвозащитные меры, культура пахоты и посева, борьба с сорняками, вопросы зоотехники и ветеринарии, усовершенствование инвентаря и изобретение новых орудий труда и др.

Многие положения, выдвинутые Л. В. Миловым в «Очерках», получили более углубленное освещение в его монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», опубликованной в 1998 г. (изд. 2-е — 2001 г.). Монография имеет большое значение для понимания специфики в России аграрного сектора[11].

[11] См. также: *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 40—56.

Автор нарисовал яркую картину необычайных трудностей, выпавших на долю российских земледельцев (с. 7—14). Среди них важнейшее место занимают природные климатические и почвенные факторы. На российской территории (в отличие от Финляндии, Скандинавских стран, Канады) суровое арктическое воздействие и стойкие морозы не смягчались океанским воздухом. Возврат холодов приводил к весенним и осенним ночным заморозкам. Холодное лето сменялось засушливым, а на южных окраинах земледелие страдало от засухи.

К неблагоприятным климатическим условиям добавлялась малая плодородность подзолистых почв в лесисто-болотистых регионах. Черноземные почвы занимали лесостепные и степные пространства к югу от Оки (с. 15—17), и некоторые из них еще только осваивались.

Если в Западной Европе земледельческие работы производились в течение 10 месяцев, то российские земледельцы должны были обычно укладываться в 5—6 месяцев (апрель—сентябрь) (с. 554).

Худые почвы требовали напряженного труда при их обработке. На одной десятине (80 × 30 саж.) крестьянин проходил с сохой (один пуд веса) или с косулей (2 пуда) 40—50 верст (50—60 км). Для его лошади даже 24 версты оказывались непосильными. Из-за недостатка удобрений повсеместно требовалась вторая (а то и третья) вспашка (с. 194—196). Короткие сроки исключали время для отдыха. Требовалось многократное боронование, так как деревянные бороны были легкими. Вывозка на поля навоза и его разброс еще более увеличивали и без того тяжелую нагрузку (с. 194—196, 199—201). Это данные по Нечерноземью. В Черноземной полосе затраты на пахоту, на внесение удобрений, на жатву, на сушку зерна были меньше. Однако здесь требовалось больше усилий на борьбу с сорняками и вредителями. Природные условия усложняли и без того непростой цикл сельскохозяйственных работ. Обработка различных пашенных культур и заготовка кормов на сенокосных угодьях создавали непрерывную череду крайне напряженных видов работы, да еще набегающих по срокам друг на друга. Временные границы отдельных операций усиливали затраты труда. Уборка зерновых шла в течение двух месяцев без перерыва (с. 160). Трудности усугублялись необычайной дробностью помещичьего землевладения, общинного и подворного землеустройства (чересполосица, «чересполосица» по определению А. Т. Болотова, ведущая к разбросанности земельных участков) (с. 46—47). С каждым годом возрастала выпаханность почвы, что являлось «буквальным бичом для русского крестьянина». А уже во второй половине XVIII в. «наблюдается острая нехватка навозного удобрения» (с. 57). Так, в Тульской губернии крестьяне на каждое из трех полей вносили навоз один раз в 9—12 лет (с. 201).

Прибавим к этому и важнейший фактор социального порядка. Помещичье хозяйство, особенно барщинное, забирало у крестьян значительную долю труда и рабочего времени.

Л. В. Милов предостерегает по поводу упрощенного понимания эффективности труда на господских и крестьянских полях. На барщинных полях крестьянский труд был менее производителен. Однако по сравнению с работой на наделе разница вряд ли оказывалась существенной. Крестьянин и

на барщине стремился побыстрее закончить работу, чтобы перейти на свой участок. К тому же вотчинные власти повседневно следили за производительностью труда крепостных. Надо также учитывать, что на своем наделе крестьянин трудился в худшие агрономические сроки (с. 190—191, 206).

Что же противопоставлял русский земледелец и стихийным природным силам, и помещичьим притязаниям? Кроме совершенствования производственных навыков и трудовых действий Л. В. Милов называет модификацию трехполья (внедрение заблевой вспашки, перемену в чередовании озимых и яровых злаков, борьбу с сорняками, посевы предшественников ржи, практику занятого парового поля). Распространение такого пашенного орудия, как косуля, обеспечило расширение пашни за счет тяжелых глинистых и иловатых земель. Во многих местах внедрялось в практику «двоение» и «троение» пашенных участков под озимыми и яровыми культурами. Из-за короткого лета зерно в колосьях не дозревало, и его сушили в овинах. Во избежание пожаров в нечерноземных уездах стали устраивать в овинах печи. Продленный по времени обмолот позволял растягивать его на всю осень и даже зиму, и при этом достигалась сохранность урожая. Крестьяне старались на зиму укрывать овец в примитивных постройках, и это позволяло стричь их и осенью, и весной (шерсть получалась более мягкая). Не считаясь с большими трудовыми затратами, крестьяне сеяли репу и в полях, и на огородах из-за ее питательности и быстрого созревания (в Нечерноземье XVIII в. репа являлась «вторым хлебом»).

Как видно, крестьяне (по словам Л. В. Милова) «упорно искали выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации» (с. 385). Однако, считает автор, объективные условия сельскохозяйственного производства нередко выдвигали непреодолимые преграды.

Как ответить на вопрос, указанные претрады действовали с наибольшей силой в виде природных факторов, или же не меньшее значение имели факторы социальные? Автор как будто бы склоняется к приоритету природных сил, как основного препятствия на пути решения зерновой проблемы. «Россия (по его словам) была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». ««Вериги» вечной отсталости земледельческого производства» (низкий уровень агрикультуры, низкая урожайность и прочее) не позволяли выйти из путь ускоренного движения аграрного сектора экономики (с. 417). По его мнению, «коварство нашей природы», проявляющееся в «коротком сезоне земледельческих работ», дефиците теплых и влажных дней, в обилии неплодородных земель, вело к низкому уровню урожайности (сам=2 — сам=3) вопреки небывалым затратам крестьянского труда (с. 384—385).

Л. В. Милов заявляет, что советская историография видела в неэффективности сельскохозяйственного производства, в необычайной замедленности его развития только «свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права» (с. 402). Если автор предлагает учитывать при этом и значение природных условий, с ним нельзя не согласиться. Однако его упрек историкам бьет мимо цели. Л. В. Милов приводит расчеты соотношения крестьянского труда на господских и собствен-

ных участках. На помещичьем участке в одну десятину крепостной трудился в течение 39—42 человеко-дней, а на надельной десятине в два раза меньше — 22—23 рабочих дня. При барщине время еще уменьшалось вдвое (с. 385). Показатели настолько впечатляющи, что не могут не привести к заключению, что основной причиной малопроизводительного труда являлась физическая невозможность добиться хороших результатов на собственной земле. Именно крепостное право не позволяло российскому земледелию увеличить размер прибавочного продукта. «Крепостническое рабство», обрекая земледельцев на изнуряющий и в то же время малопроизводительный труд, на невозможность повысить урожайность наделов, многократно усиливало отрицательное воздействие природных факторов.

На фоне неблагополучного состояния хозяйства крестьян поразительными являются хозяйственные достижения помещиков, достигнутые предельной эксплуатацией дарового труда крепостных. В господских экономиях под пашню вносилось достаточное количество навоза. Хорошая кормовая база позволяла улучшать содержание скота. Так, коровы получали в день по пуду сена. В имениях возводились теплые скотные дворы (у крестьян скотные дворы встречались очень редко) с отдельными помещениями для телят, овец и свиней. Появлялись племенные заводы (с. 245—246, 248—249).

Во второй половине века на помещичьих огородах выращивались новые виды и сорта овощных культур и поваренных трав (с. 277). А в усадебных садах выводили новые сорта яблок и груш (с. 283). Широкое распространение получили в усадьбах парники (покрытые застекленными рамами низкие гряды), теплицы (теплые помещения) и оранжереи (теплые застекленные помещения с печами и трубами) (с. 291—292).

Второй части своей монографии Л. В. Милов дал название «Феодальная Россия — социум особого типа». Показательно название первой главы «Мачеха-природа и судьба земледелия (тупик или развитие)». Ее содержание свидетельствует скорее о «тупиковой ситуации» для крестьянина (с. 385), так как природные условия и ограниченный надел (примерно 4,54 дес.) при самом напряженном труде «не позволяли достигнуть урожая в сам=4 в целом по Нечерноземью». В черноземных губерниях чистые сборы на душу населения (2,4—5,8 четв.) названы «более чем скромными, а главное, нестабильными» (с. 395). Уровень крестьянской жизни «располагался между крайней бедностью и состоянием выживания». Понятно, что отдача земледельческого производства в целом для Европейской России и, в особенности, для территории ее исторического ядра признается автором крайне низкой (с. 399—400). «Драматизм повседневной жизни большинства российских крестьян огромного Нечерноземья» проистекал «из безнадежно нерентабельного земледельческого производства», оно «едва осуществляло функцию простого воспроизводства» (с. 400—401). Автор упрекает советских историков, сводивших все приведенные данные к доказательству отрицательного, негативного воздействия на экономику крестьянского хозяйства крепостного права. Во-первых, необходимо уточнить, что в трудах советского времени крайне тяжелое положение крепостных земледельцев объяснялось главным образом социальными факторами. А во-вторых, это подтверждает и

материал книги Л. В. Милова. К примеру, типичный бюджет крестьянина Тверской губернии исчислен в источнике 1780-х гг. в 26 рублей с половиной (с. 398). В год ему «потребно» на подушный оброк 7 руб. с полтиной, на подати и «расходы домашние и на избу и на прочее строение» 4 руб. с полтиной. Всего 12 руб. Однако в расчетах отсутствуют мирские сборы, которые, включая расходы на поставку рекрутов, оказывались довольно ощутимыми[12]. Вряд ли будет преувеличением сказать, что поборы составляли половину крестьянского бюджета.

Казалось бы, автор должен поддержать мнение о гибельном воздействии крепостного права и барщинной системы на крестьянское хозяйство. Однако в следующей главе «Компенсационные механизмы выживания» выдвигаются иные положения. Механизмами названы «община и система крепостного права» (с. 418).

Прежде всего, смущает наименование механизмов компенсационными. Для кого они таковыми являлись: для общества, помещиков или крестьян. Используемые автором помещичьи инструкции показывают, что община была «необходимым компонентом вотчинной системы управления» (с. 421), что «основное предназначение» общины заключалось в обеспечении тяглоспособности крестьянского хозяйства, а также в равномерном (по хозяйственной силе) распределении тягла и раскладке основной доли поборов «на прожиточных», в перераспределении надельной земли в соответствии с величиной тягла. Таким образом, в XVIII столетии помещику не было нужды «нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления». Она была включена в систему управления имением и ее старались использовать при усилении эксплуатации крепостных крестьян (с. 556).

Как показано в книге В. А. Александрова о сельской общине (см. настоящую монографию, с. 25), ее роль в защите крестьянских интересов мало заметна. Община следовала установкам помещиков, выраженным в инструкциях и в других предписаниях. И дворяне, и их управители, и мирские власти были озабочены не поддержанием крестьянского хозяйства на удовлетворительном уровне, а исправным поступлением налогов и выполнением повинностей. Община следила за разверсткой тягла по реальным возможностям двора. Сельская община «компенсировала» исполнение указаний помещичьих инструкций, которые составлялись с целью обеспечить доходность имений. Община не «боролась» с бедностью. Мирские власти, наоборот, стремились избавиться от «нищенских» дворов. А выдача зерновых ссуд обедневшим крестьянам являлась функцией приказчиков, и община к этому не допускалась. Помощь при ремонте жилья и погорельцам оказывалась по распоряжению помещика. Семейные разделы, выдача женщин замуж в чужие владения запрещались помещиком нередко без учета интересов общины.

Непонятно, почему вмешательство дворян и приказчиков в повседневную жизнь деревни, в крестьянский быт нельзя «воспринимать как произ-

[12] Так, в ивановской вотчине Шереметевых мирские сборы в 1770-е гг. составляли около 30 % к сумме оброка, а к концу века — до 60 % (*Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 159).

вол помещиков» (с. 429). Л. В. Милов считает, что «эти явления были вызваны безысходностью жизни крестьян». Не вернее ли все-таки усматривать в этом всевластие крепостников, видевших в крестьянах не людей, а работников, обязанных обеспечивать их доходы?

Автор прямо заявляет, что система крепостного права объективно способствовала поддержанию земледельческого производства там, где условием его были неблагоприятны (с. 433). Он подкрепляет это мнение М. М. Щербатова, опасавшегося, что без крепостного состояния масса крестьян переместится на плодородные земли. Озабоченность князя-крепостника понятна. Больше всего его пугала крестьянская свобода и самостоятельность. Не случайно им сочинена одна из самых обширных сохранившихся инструкций, закреплявших крепостнические порядки.

Крепостничество, продолжает автор, «органично свойственно» российскому типу социума, «ибо для получения обществом даже минимума совокупного прибавочного продукта необходимы были жесткие рычаги государственного механизма, направленные на его изъятие» (с. 433). Суждение очень спорное. Можно не сомневаться, что отказ от барщинной системы и перевод на денежный оброк (чего, конечно, не допустили бы помещики и крепостническое государство) лучше бы обеспечили страну хлебом. В крепостном хозяйстве нуждалось не общество в целом, а дворяне-крепостники и чиновничий аппарат самодержавной монархии, так как режим крепостничества, справедливо считает Л.В. Милов, являлся основой деспотических форм государственной власти (с. 556, 565). Для помещиков крепостное право являлось «компенсационным». Крепостничество во второй половине XVIII в. являлось условием сохранения помещичьего хозяйства, рабского труда и состояния крепостных крестьян. Оно выступало главной преградой для умножения требуемого обществом объема сельскохозяйственных изделий.

Сам же автор вскрывает крайне противоречивый характер правительственной политики (с. 547—550). Крестьяне Нечерноземья не могли обходиться без неземледельческих заработков. Однако до 1750-х гг. власти запрещали селянам торговать и промышлять в городах. Правительство Елизаветы перешло к некоторому поощрению крестьянских промыслов, а при Екатерине II произошел своеобразный «промысловый переворот». А это не могло не отразиться на спросе и предложении зерновых продуктов. И в это же время наблюдается ужесточение крепостного права, и всевластие помещиков достигло предельных границ[13].

Об особой противоречивости экономической политики правительства Екатерины II (и усиление крепостничества и разрешение торгово-промышленной деятельности для всех категорий крестьян) можно говорить с большими оговорками. Необоснованно и называть решения, касающиеся помещичьих крестьян, «рискованными». Указы не затрагивали главного в крепостном режиме — полного контроля дворян над всеми видами деятельности крепостных. Промыслы, торговые сделки, отход на заработки, наем работников — все это допускалось только с разрешения помещика и вотчинных властей. За ними оставалось и право запрещать любые занятия крестьян вне вотчины. Размеры барщинных повинностей (и полевых, и фабрично-заводских) в имениях устанавливались помещиками. Царизм и высшая бюрократия и не помышляли об их ограничении.

[13] См. также: История России. С начала XVIII до конца XX в. Учебное пособие. М., 2001. С. 187—192 (автор раздела Л. В. Милов).

Исторически сложившиеся под воздействием и природных, и социальных факторов особенности сельскохозяйственного производства обусловили многообразие функций феодального государства (в том числе в социально-хозяйственной сфере). Крепостнический режим стал всеобщим, ибо «все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе» (с. 555—567, 572). Верховная власть, связанная решением оборонительно-наступательных, внешнеполитических проблем, встала на путь расширения частного феодального землевладения и укрепила его введением общегосударственной системы крепостного права.

Однако можно ли согласиться без оговорок с тем, что «система крепостного права объективно способствовала поддержанию земледельческого производства» (с. 433)? Необходимо добавить, что крепостное право обрекало страну на крайне низкий уровень аграрного развития, на невозможность увеличить объем прибавочного продукта.

Как ни удивительно, но в «Заключении» к монографии Л. В. Милов обошел ключевую тему — влияние самой тяжелой для земледельцев формы феодальной ренты на аграрный строй. Между тем в главах его книги отрицательное воздействие барщины на крестьянское хозяйство показано убедительно. Барщинно-крепостническая система не только препятствовала интенсивному развитию российского земледелия и животноводства. При ней удовлетворение потребностей страны в продовольствии (учитывая неблагоприятные природные факторы) оказывалось невозможным.

Была ли реальной возможность уменьшить отрицательное воздействие барщины переходом на иную форму феодальной ренты? Припомним, что значительная часть помещичьих крестьян находилась на денежном оброке (1765 г. — 45,3 %). Однако у большинства дворян были свои корыстные расчеты, а российская бюрократия стояла на позициях полного невмешательства в порядки помещичьих владений.

Взаимоотношения между дворянином и крестьянином невозможно представить без крестьянской общины, действующей в границах имения.

Функционирование сельской общины, границы ее действий и взаимоотношения с вотчинными властями обстоятельно выявлены в монографии В. А. Александрова[14]. В основу исследования положены и опубликованные, и выявленные автором в архивах помещичьи инструкции.

Автор установил, что во многих барщинных имениях в системе управления общине не находилось места. Это отразилось и в инструкциях приказчикам барона Вольфа и А. Т. Болотова, представленных на конкурс ВЭО и

[14] *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

им опубликованных. В оброчных имениях совместно действовали и вотчинные власти, и выборные от крестьянской общины. Такое сочетание было наиболее распространенным (с. 67—69, 78).

В. А. Александров, анализируя инструкции, во главу угла поставил следующие вопросы: «как конкретно организовывалась самими феодалами их власть над деревней, с какими принципами подходили они, утверждая эту власть», каков был «статус общины в составе вотчины в условиях частнофеодального права». Всевластие помещиков вытекало из того, что, кроме выполнения общегосударственных повинностей и налогов и отправления суда по наиболее тяжким преступлениям, повседневный деревенский быт в законах не затрагивался, и вся жизнь крепостных отдавалась на усмотрение владельцев. Последние не преминули реализовать данные им абсолютистским государством привилегии, что и отразилось в помещичьих инструкциях (с. 47—48).

В. А. Александров, вскрывая сущность инструкций, не считал их обычными управленческими и хозяйственными руководствами, направленными на повышение доходности имений. В отличие от «наказов» и «памятей» XVII в. с их общими положениями и ссылками на обычай[11], крепостники при их составлении исходили из задач «освоить и кодифицировать дарованное им право господства» (с. 50—51). Автор назвал инструкции «документами юридического значения, в которых детализировалось частнофеодальное право; ...конкретно осуществлялась взаимосвязь собственно помещичьего хозяйства и крестьянской общины, ...фиксировались ее функции и нормы существования» (с. 51). Это важнейшее положение необходимо учитывать при рассмотрении отношений между помещиком и отдельным крестьянским двором. Процесс усиления власти помещика на протяжении XVIII в. проявлялся и по отношению к общине, и по отношению к каждой крестьянской семье. Как замечает В. А. Александров, уже ко времени объявления в 1768 г. ВЭО конкурса на «образцовую инструкцию» для приказчиков «дворянство обладало и опытом, и традициями в кодификации своих частновладельческих прав и в претворении их в жизнь» (с. 54).

В зависимости от взглядов помещиков на организацию вотчинного хозяйства и на пути повышения его доходности, от их стремления контролировать многие, а то и все стороны деревенской жизни, только и могли действовать мирские сходы и мирские выборные. По словам автора, «сельская община могла быть сугубо дополнительным орудием вотчинного управления, могла иметь право совещательного голоса в системе этого управления, обладать известной самостоятельностью в решении важных вопросов крестьянской и даже общевотчинной жизни под эгидой, конечно, барской власти» (с. 54—55). Наиболее распространенным было признание права общины совместно с приказчиками следить за выполнением помещичьих распоряжений. Лишь в сфере крестьянского землепользования, внутридеревенского распоряжения землей признавалось решающее значение мирских установлений (с. 114—115). В ведении общины находилось выполнение рек-

[11] См.: *Новосельский А. А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929. С. 65—66.

рутской повинности. На практике и помещики, и общины сдавали в солдаты «всех тех, кто был им не угоден или не нужен» (с. 258, 271, 273, 275).

Таким образом, взаимоотношения дворянской усадьбы и крестьянского двора не могли не осложняться общинными порядками.

Важными представляются заключительные выводы В. А. Александрова: «Сельская община во всей противоречивости ее сущности во многом способствовала вековому повседневному сосуществованию двух антагонистов-феодалов и подчиненных им крестьян» (с. 316). «В повседневной жизни власть помещика над деревней поддерживалась не только его собственно вотчинным аппаратом, но и самой общинной организацией» (с. 315). Препятствуя крайним проявлениям помещичьего всевластия, община в то же время наряду с вотчинным аппаратом претворяла в жизнь указания владельца имения и обеспечивала выполнение повинностей. Перераспределение земельных участков община проводила в целях обеспечения отправления тягла всеми сельчанами, а не в хозяйственных интересах отдельных дворов. Мир стремился не допустить такого падения уровня крестьянского хозяйства, при котором двор терял тяглоспособность. Однако для поддержания дворов на среднем уровне мирские власти практически ничего не предпринимали (с. 317). Пострадавшим от стихийных бедствий, от неурожая помощь оказывалась путем временного освобождения целиком или частично от тягла (с. 311).

Рекрутские наборы обогащали помещиков, местных государственных чиновников, офицеров, принимавших людей в солдаты. Дворяне продавали своим же общинам дворовых людей или купленных на стороне крестьян для сдачи в рекруты. Мирские власти постоянно собирали деньги для покупки квитанций, освобождающих от сдачи крестьян в солдаты. С учетом курса падения рубля с середины XVIII до начала XIX в. стоимость рекрута со 150 руб. поднялась до 2 тыс. руб. В 1795 г. при сдаче 18 рекрутов из пермских имений Г. А. Строганова общинные власти выдали штаб-лекарю «за необракование болезнями зараженных», советнику казенной палаты за прием юношей, «не дошедших до указных лет», капитану «за необракование одежды», прапорщику и вахмистру, «стоявшим в приемной у станка за вытянутие представляемых коротких рекрут» и другим 459 руб. 85 коп.[16]

В конце 1930-х гг. А. Л. Шапиро на материалах первой половины XVIII столетия пришел к выводу, что в результате длительного «хозяйничанья» феодалов община существенно изменилась и на первое место выступило «много черт податного и полицейского характера»[17].

В начале 1980-х гг. крестьянская община в оброчных вотчинах крупнейших российских землевладельцев Шереметевых получила всестороннее освещение в книге Л. С. Прокофьевой[18]. В ней использован обширный вотчин-

[16] *Александров В. А.* Сельская община в России... С. 282—285. Сельские общины, пишет автор, «устанавливали своеобразный денежный рекрутский налог» (с. 318). Вернее сказать, общины вынуждены были вводить такой сбор.

[17] *Шапиро А. Л.* Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. // Ученые записки Саратовского ун-та. 1939. Т. 14. Вып. 1. С. 69—71.

[18] *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981.

ный архив, содержащий большое количество конкретных сведений о взаимоотношениях помещиков с мирскими властями. В монографии Л. С. Прокофьевой нашли подтверждение и развитие некоторые положения, высказанные В. А. Александровым, например, о том, что структура общинного устройства определялась расположением и границами дворянских владений. И в обширных имениях Шереметевых функционировали как сложная форма (община — волость) из нескольких селений, так и простая (община — деревня) (с. 21—23). Простые (мелкие) входили в состав сложной. Мелкая община и представляла собой «единый хозяйственный коллектив», в котором площадь земельного надела определялась размером тягла. Автор считает, что к концу XVIII в. определились «главные принципы землеустройства: наследственность крестьянского надела и его неотчуждаемость» (с. 30). Общинники были связаны между собой и как члены поземельной общины, и как члены коллектива, «главной обязанностью которого являлась выплата помещичьих и государственных податей» (с. 31).

Л. С. Прокофьева квалифицирует приказчика (представителя вотчинника), как административно-фискального чиновника. Мирские выборные («вотчинные командиры», по словам помещика) включались в систему вотчинной администрации. В общине—волости главенствовал выборный, или бурмистр. Он был первым помощником приказчика и постоянно проживал на графском дворе. Бурмистру подчинялись волостной староста и целовальник. С течением времени увеличивалось число выбранных сборщиков податей и мирских денег, а также оброчных и хлебных целовальников, земских (письмоводителей и делопроизводителей). Возрастало и их денежное содержание. Автор называет это «бюрократизацией общины».

С усилением крепостнической зависимости, отметила Л. С. Прокофьева, «возрастала опека общины над своими членами, а следовательно, увеличивались и ее административно-управленческие полномочия» (с. 128). Шереметевы превратили мирской сход в посредника между собой и общинной массой. Вопросы отбывания повинностей стали главными для общинного самоуправления. При раскладке податей сход учитывал хозяйственные возможности каждого двора, состав семьи и возраст ее членов, площадь земельных участков (с. 145). Община могла снижать долю тягла и освобождать обедневших от уплаты недоимки, снимать тягло с жен рекрутов, вдов, стариков, больных. Шереметевы поддерживали распределение тягла «по прожиточности» и невольно способствовали выдвижению «капиталистых» крестьян в число наиболее активных общинников. Ведущее место на сходах занимали зажиточные, первостатейные, а крестьяне рядовые нередко отказывались в них участвовать.

Общинные власти получали от помещиков право решения спорных между крестьянами дел (присвоение чужого имущества, нежелание качественно обрабатывать надел, неуплата долгов, нанесение разного рода обид, пьянство и т. д.). Мир участвовал в вопросах наследования и раздела семейного имущества.

Л. С. Прокофьева показывает, что Шереметевы и их приказчики при совершении крестьянами земельных сделок допускали действие норм обычного права. Однако это не исключало вмешательства вотчинных властей в поземельные отношения. Все хозяйственно-имущественные действия крестьян, и внутри владения, и вне его, находились под контролем приказчиков, исходивших из интересов полного и своевременного отбывания тягла. Автор замечает, что в вотчинной документации уже отсутствуют показатели количества и качества крестьянских земель и др. Они заменены данными по учету тяглоспособности двора и его работоспособного населения (с. 100—101). Постепенно ослабевала роль общины в практическом регулировании поземельных отношений с помощью переделов, так как возрастало число частных сделок. В 1800 г. земельное неравенство «с давних времен» вынужден был признать Н. П. Шереметев (с. 111).

Как показано в книге, недовольство массы общинников направлялось не против помещиков, а против приказчиков и выборных лиц, против их произвола и корыстолюбия, возраставших мирских платежей и вмешательства в хозяйственную деятельность (с. 187—188). Это были, как правило, жалобы групповые и индивидуальные, подаваемые на рассмотрение помещика.

Судя по штрафным журналам, мирские власти либо сами наказывали крестьян за проступки, за неплатеж податей, либо обращались для этого к приказчикам (с. 190—191). Возраставший численно общинный аппарат, содержавшийся на крестьянские деньги, а также неправые действия «мироедов» вызывали поток мирских челобитных. К сожалению, по данной монографии трудно судить, достигали ли челобитчики каких-либо результатов. Ведь и приказчики, и мирские выборные являлись верными служителями владельцев.

Изучение общины во владениях Шереметевых приводит автора к такому заключению: «Весь внутренний строй крестьянской общины в крепостной вотчине, начиная от землепользования и кончая поведением каждого крестьянина, был предопределен помещиком. Община... превратилась в орудие неравенства и угнетения» (с. 186). Связь при феодализме между общиной и вотчиной, являющихся «антиподами в социально-экономическом и социально-политическом смысле», являлась неизбежной. Помещик не мог эксплуатировать земледельцев, не опираясь на общину. «В этой эксплуатации и заключается единственная и неизбежная при феодализме связь между общиной и вотчиной». Община «способствовала функционированию самостоятельного крестьянского хозяйства». Она же осуществляла на практике принцип «уравнительности», добиваясь соответствия земельного надела с тяглоспособностью двора (с. 210—211).

Издание монографии С. А. Козлова о соотношении традиций и новаций в аграрном секторе в границах центральных нечерноземных губерний углубило представление о специфике аграрных порядков[19]. Книга обогащает положения Л. Н. Вдовиной и Л. В. Милова о сельскохозяйственном производстве и научно-практических достижениях в этой отрасли. В то же время она затрагивает и проблему взаимоотношений помещиков с подвластными земледельцами в дворянских имениях.

[19] *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.

С. А. Козлов выдвинул задачу осветить процесс совершенствования сельскохозяйственного производства в Нечерноземном центре на протяжении последней трети XVIII и первой половины XIX вв. и выявить соотношение традиционного хозяйствования и новаций, предлагаемых отечественными и западноевропейскими учеными и практиками того времени (с. 4). Автор заявляет, что именно после создания ВЭО «начинают последовательно использоваться элементы отечественной и зарубежной рационализации» (с. 9).

Автор считает, что в области аграрных отношений традиционализм был «буквально всеобъемлющим», ибо в его основе лежало «внутреннее содержание ключевых элементов аграрного строя». Среди них укоренившиеся многообразные связи в помещичьих имениях между дворянами и крестьянами, порядки и обычаи сельской общины, внутреннее содержание культуры деревенского хозяйства и быта (с. 23). Общинные функции в основном подавляли стимулы к хозяйственному совершенствованию (с. 28). Это проявлялось в господстве трехпольного севооборота и обычных орудий труда, в использовании устаревших форм и методов природопользования, включая хищническое отношение к окружающей среде (с. 25—27). Огромное влияние на устойчивость обычных правил оказывал возраставший помещичий гнет и продворянская политика самодержавного государства.

Монография написана на основе изучения изданных трудов ВЭО, сочинений отечественных и иностранных ученых, периодической печати (газеты и журналы). Значительное место в освещении рационализации хозяйственных работ последней трети XVIII в. отведено помещичьим инструкциям, однако даже краткого разбора этого вида источников автор не предлагает. По этой причине у читателя возникает недоумение, о чем же свидетельствует текст инструкций: о приверженности традициям или о стремлении усовершенствовать хозяйственный порядок.

Если исходить из главного назначения наказов (детализация частнофеодального права в помещичьих имениях), то напрашивается вывод о нежелании основной массы дворян менять устоявшиеся правила и приемы. Инструкции нацеливали на усиление административного и податного контроля приказчиков и общины над хозяйственным укладом и бытом крестьян[28]. Да и вряд ли сами крупные вотчинники (а почти все известные инструкции составлены для крупных владений) представляли в деталях сельскую жизнь. Очевидно, хозяйственные пункты инструкций написаны служителями вотчинных контор из бывших приказчиков. Не случайно содержащие рационалистические взгляды и предложения наказы по управлению имениями А. Т. Болотова и П. И. Рычкова так отличались от обычных инструкций, что получили награды и были опубликованы в трудах ВЭО. В самой книге разбор новационных предложений в инструкциях отсутствует, да и вряд ли он был по силам исследователю. Выявить в массе прежних приемов отдельные черты нового представляется необычайно трудной задачей.

Предлагаемые в инструкциях меры сводились главным образом к совершенствованию управления имениями, к ужесточению контроля приказчиков за выполнением крестьянских повинностей. Этому подчинены и указания хозяйственного порядка. Такую «рационализацию» следует именовать «крепостнической».

[28] См.: *Александров В. А.* Сельская община в России... С. 51—55, 314—315.

Привлеченные С. А. Козловым источники не содержат информацию о внедрении рекомендаций в помещичьи и крестьянские хозяйства. Автор был вынужден встать на путь предположений и прийти к мнению, что масса дворянских имений не воспринимала предлагаемые улучшения в агротехнике и зоотехнике. Рационализаторам во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. приходилось действовать «в условиях равнодушия, а порой и сопротивления новациям со стороны основной массы крестьянства и подавляющего большинства далеких от любых преобразований крепостников-вотчинников, зачастую при отсутствии реальной помощи со стороны государства» (с. 331).

С. А. Козлов признает (вслед за Л. В. Миловым) ведущую роль господского хозяйства в обращении к новациям. По его словам, «вдохновителями, организаторами и вместе с тем главными исполнителями сложнейшей работы по усовершенствованию основных отраслей хозяйства региона стали отечественные помещики-рационализаторы». Им же принадлежала и заслуга пропаганды «основ рационального хозяйствования в помещичьей и крестьянской среде» (с. 385). Заслуживает внимания концептуальный вывод о деятельности российских помещиков — рационализаторов дореформенного периода. Она стала «важным шагом к созданию принципиально новой для страны формы усадебной культуры» (с. 385—386). К сожалению, перечень таких рационализаторов ограничен рамками первой половины XIX в. (с. 386), а надо бы было также упомянуть и новаторов последней трети XVIII столетия: А. Т. Болотова, Н. И. Новикова, Д. М. Полторацкого, Е. И. Бланкеннагеля.

И все же автору следовало бы и относительно первой половины XIX в. подчеркнуть, что новые агрономические приемы практически ограничивались границами собственно помещичьего земледелия и животноводства. Закрепощенная деревня их не воспринимала. С. А. Козлов очень мало внимания уделил и такому важнейшему фактору консервации обычного уклада, как чересполосица, чрезполосица, чрездесятинщина.

Итоговые положения монографии С. А. Козлова таковы. Автор признает «отсутствие широкомасштабных результатов сельскохозяйственной рационализации». В то же время он считает, что на основе соединения лучших отечественных традиционных черт и западноевропейских новаций удалось в дореформенное время выявить оптимальные формы и методы хозяйствования. К ним он относит «успешную просветительскую деятельность в крестьянской среде, внедрение рациональных начал в практику хозяйствования и область национального менталитета и, наконец, значительные успехи в научной и технико-технологической областях» (с. 389).

По нашему мнению, признание повсеместного разрыва между научными рекомендациями и отдельными опытными образцами и широкой практикой противоречит авторскому утверждению о значительных достижениях. «Крепостническая рационализация» не могла остановить усиливавшуюся деградацию сельскохозяйственного производства.

В книге С. А. Козлова получили освещение взаимоотношения господ и крестьян. Автор полемизирует с теми учеными, в трудах которых противостояние и враждебность дворянской и крестьянской культур чрезмерно абсолютизируются. Он считает, что «несмотря на очевидную обособленность, культурно-хозяйственные миры дворянской усадьбы и крестьянского двора были тесно связаны друг с другом» (с. 33). Еще одно связующее начало С. А. Козлов усматривает в духовных традициях православной веры, единой для всего сельского населения (с. 37). О хозяйственных связях усадьбы и двора можно и не говорить. Что же понимать под иными, в том числе и культурными?

«Прежде всего, — отмечает С. А. Козлов, — это общие природно-климатические и социально-исторические условия существования». В этом положении, как нам кажется, связи подменены условиями природными и общественными. По причине таких условий и в усадьбе, и в деревне бытовали одни и те же «стародавние методы хозяйствования» в земледелии, в содержании скота, в луговодстве (с. 33). Правда, различия в усадебном и крестьянском хозяйстве велики. Сам же автор отмечает несравненно лучшее кормление скота в господских скотных и конюшенных дворах. Добавим к этому и более обильное навозное удобрение барщинных полей и заботу о сохранении барских лугов.

А. С. Козлов выступает против утверждения о безразличном отношении помещиков к хозяйственным делам и к управлению имениями. С этим стоит согласиться. Однако из этого следует необоснованный вывод, будто бы в использовании сельскими дворянами крестьянской аграрной культуры и общинного хозяйственного уклада, в разверстке крестьянских душ по тяглам, в обычае отдавать в рекруты ленивых и склонных к праздности крестьян и в приведении крепостных к послушанию можно усматривать «сближение помещичьего и крестьянского быта» (с. 35). На самом деле все это следует трактовать как разнонаправленные побуждения владельца и крепостных. Дворянство и крестьянство, указывает С. А. Козлов, «объединяли общие особенности национального менталитета и глубокие патриархальные традиции». К ним автор относит коллективизм, соборность, бескорыстие, приоритет духовных ценностей, отношения патернализма, которым противостоят элементы рыночной психологии (с. 330). Надо лишь добавить, что патриархальность дворяне использовали в своих интересах.

К положительным чертам, объединяющим сельских жителей, С. А. Козлов относит защиту помещиком своих крепостных от притеснений уездных и губернских властей, соседних крестьян и землевладельцев (доказательства этого автор видит в повести А. С. Пушкина «Дубровский»), а также практику выдачи крестьянам господского зерна в неурожайные годы. Во второй половине XVIII в., по утверждению А. С. Козлова, в помещичьих имениях организуется сеть запасных магазинов (с. 35—36).

Возражая автору, следует заметить, что лишь отдельные богатые дворяне решались сталкиваться с чиновниками, обладающими на местах безграничными правами и возможностями. Хлебные ссуды трудно квалифицировать как благодеяние. К выдаче ссуд призывало дворян и правительство. Так,

в апрельском указе 1734 г. помещику вменялось кормить крестьян в неурожайный год и ссужать их семенами. Крестьяне были обязаны возмещать их зерном нового урожая. Мнение о сети запасных магазинов источники не подтверждают. С. А. Козлов приводит только рекомендации из инструкций Ф. Вольфа и А. Т. Болотова о желательности заведения магазинов. Сами помещики стремились устройство магазинов переложить из общинные власти.

Итак, заключает автор, жизнь в дворянских имениях пронизывала «взаимосвязь народных сельскохозяйственных и культурных традиций, присущих как крестьянскому, так и помещичьему быту» (с. 38). Тут же он вспоминает о дифференциации поместного дворянства и замечает, что крупных вотчинников волновали не аграрно-культурные традиции, а увеличение доходности имений путем ужесточения эксплуатации крепостных (с. 38—39). Очевидно, так и было. Однако о росте доходов пеклись также и средние и мелкие вотчинники, т. е. все землевладельцы в целом. Росту доходности помещики подчиняли все стороны сельского быта, независимо от размеров имений.

Предлагаемые С. А. Козловым связи, объединяющие дворян и крестьян, вряд ли можно рассматривать как равновеликие и равнодействующие. Ведь природно-климатические, социально-исторические, религиозные составляющие были едиными для всей страны, и их нельзя ограничивать рамками отдельного имения. Внутри же имения помещичья собственность была всеохватывающей. Пахотные, луговые и лесные угодья, рыбные ловли, мельницы считались владением помещика, и за их пользование и аренду крестьяне расплачивались трудом и деньгами. Проявления национального менталитета и патриархальности не являлись существенными для культурно-бытового сближения. В итоге автору не удалось изыскать иные (кроме хозяйственных и фискально-податных) виды взаимодействия с учетом интересов и душевладельцев, и их крепостных.

Отношение помещиков к крепостным С. А. Козлов квалифицирует как патернализм (помощь, благотворительность). Нам представляется, что более точно его следует квалифицировать понятием «патронажа», что означает покровительство, попечительство, управление подвластными людьми и их семьями[2].

Кажется, что и сам С. А. Козлов, вскрывая «охранительную сторону патерналистских отношений» помещиков и крестьян, понимает их как попечительские. Так, он считает, что «мелочная опека над крестьянами, освященная традициями патриархального общинного уклада, сковывала волю, самостоятельность и инициативу как низших, так и высших слоев дореформенной деревни» (с. 66). Охранительная сторона помещичьего попечительства отрицательно сказывалась и на самих проявлениях благотворительности.

При характеристике господской власти в помещичьем имении XVIII в. В. О. Ключевский применяет понятие «попечительство». Помещичья опе-

[2] Персонаж «Романа в письмах» А. С. Пушкина пишет, собираясь в сельскую усадьбу: «Звание помещика есть та же служба». «Заниматься управлением» крестьян, «коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...» (Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 6. М.; Л., 1949. С. 71).

ка над всеми сторонами крестьянской жизни неминуемо вела к усилению крепостнического режима. Он писал, что законодательство 1730—1760-х гг. в целях укрепления дворянского землевладения и душевладения предоставило помещикам новые формы наказания крепостных и тем самым «расширяло и самое крепостное право». Со своей стороны, крепостническую «практику паутиной ткал помещик, как податной сборщик и опекун крестьянского хозяйства»[22]. В то время «господствовал взгляд на помещика, как на естественного покровителя своих крепостных». В правящих кругах, обеспокоенных ростом недоимок и учащением побегов, полагали, что дворяне вполне могли обеспечить «попечительное сельское управление»[23]. Возложив на помещика сбор подушной подати (1731 г.), обязав его предоставлять крестьянам в неурожайные годы, правительство считало, что тем самым он становится «их хозяйственным попечителем»[24].

«Теснейшая взаимосвязь отдельных сторон помещичьего и крестьянского быта» не исключала пропасти в образе жизни крепостных и их господ. Сам же С. А. Козлов указывает на разделявшую помещиков и крестьян «огромную социальную, имущественную и культурную дистанцию». Объединяли «язык, православная вера, сельские обычаи и традиции, а также осознание... общности исторической и национальной судьбы» (с. 59).

Логика исследования подводит С. А. Козлова к констатации усиливавшегося процесса разрушения традиций «патернализма» в дореформенной деревне. В основе лежала борьба против крепостнического произвола, за собственные хозяйственные интересы. Показательно признание накануне 1861 г. чиновников Департамента сельского хозяйства, что в помещике крестьяне «видят... не отца, а природного врага своего, и рвутся от него на волю» (с. 75—76).

Некоторая недооценка воздействия крепостного права на сельскую жизнь присутствует и в монографии С. А. Козлова. Автор признает деформацию традиций патернализма под воздействием крепостнических отношений и особенно отработочной ренты. Однако он же считает, «что вплоть до конца XVIII в., когда барщина приобретает свою классическую форму, крепостные отношения еще не оказывали мощного разрушительного воздействия на социально-экономическое и культурное развитие русского крестьянина» (с. 36). Иначе говоря, автор относит период ярко выраженного крепостничества в помещичьей деревне только к первой половине XIX в. При этом следует ссылка на высказывание такого авторитета, как Ю. Ф. Самарин, который заявлял, что до 80-х гг. XVIII столетия крестьяне, отдав помещику налоги, «располагали свободно всем своим временем и всеми своими рабочими силами» (с. 36). Вот только утверждение публициста никак не согласуется с выводами историков о развитии барщинной системы во второй половине XVIII в. как важнейшем процессе в аграрной сфере. По подсчетам Н. Л. Рубинштейна, за последнюю треть XVIII в. барщина увеличи-

[22] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С 319.
[23] Там же. С. 316.
[24] Там же. С. 315.

лась не менее чем вдвое, а ее общий размер в денежном выражении к концу столетия возрос в 8—9 раз[25].

Явлением в новейшей историографии стал выход в свет двухтомного труда сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)» (СПб., 1999. 2-е изд. — 2001 г.). По аграрной тематике интерес представляют разделы первого тома об эволюции сословий дворянства и крестьянства, о типологии крестьянской семьи, о численности и социальной структуре сельского населения, о крепостном праве и крепостническом состоянии и режиме.

В советской историографии (пишет Б. Н. Миронов) господствовали парадигмы, «которые поддерживали минорную или черную тональность в трактовке прошлого: народ страдал и бедствовал, элита маниакально преследовала корыстные классовые интересы, забывая об интересах общества, государства и нации; ...дворянство эксплуатировало крестьянство; ...крепостное право было только кошмаром и несчастьем» (с. 15). Крепостное право, продолжает автор, советские историки неправомерно считали главной причиной экономической и культурной отсталости России (с. 360) и полагали, что оно «блокировало социально-экономическое развитие страны». Как видим, обвинения довольно серьезные. Обоснованы ли они?

Прежде всего отметим, что в самой же книге «черная тональность» подтверждается при освещении основных направлений социальной истории. В ней убедительно показано, как сословность, крепостничество, самодержавие обрекали основную массу населения — крестьян, особенно помещичьих, — на бесправие, крайне низкий уровень материального достатка, глушили инициативу и самостоятельность, препятствовали эффективной хозяйственной деятельности.

Важное место в труде Б. Н. Миронова занимает глава «Крепостное право: от зенита до заката». В дореволюционной историографии, пишет он, причины становления крепостного права связывались с потребностью государства в прикреплении людей к месту проживания и к определенному социальному слою для контроля за выполнением государственных налогов и повинностей. «В конечном счете государственные соображения и потребности... являлись главным фактором как закрепощения, так и раскрепощения всех сословий» (с. 360). Б. Н. Миронов, в сущности, присоединяется к этому положению.

В советской историографии учреждение крепостного права объяснялось либо барщинной системой, либо стремлением к его установлению со стороны массы служилых людей — дворянства. Советские историки, как полагает Б. Н. Миронов, считали закрепощенными только крестьян «и лишь в ограниченном смысле» горожан (посадских людей)[26]. По нашему мнению,

[25] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 162, 166.
[26] Приведенное противопоставление суждений дореволюционных и советских специалистов выглядит упрощенным. К примеру, В. О. Ключевский считал государственных крестьян «свободным» сельским населением, так как «существенной чертой крепостного права, как его понимали люди XVIII в., был взгляд на крепостного крестьянина как на личную полную собственность владельца» (*Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1958. С. 131, 135).

автор принижает вклад советских историков в разработку проблем закрепощения крестьян. В целом можно считать, что советская историография усматривала причины складывания крепостническо-барщинной системы и усиления внеэкономического принуждения в особенностях социально-экономического и политического строя и в господствующем положении сословия феодалов-землевладельцев.

Следует подчеркнуть, что изучение эволюции аграрного строя в XVI—XIX вв. проводилось с учетом общего и особенного европейских регионов. В отличие от Западной Европы, где с XVI столетия обозначилась в аграрной сфере «буржуазная перестройка деревни», главной чертой аграрной эволюции стран к востоку от Эльбы стало превращение «помещичьего хозяйства, основанного на труде крепостных крестьян-барщинников и работающего на рынок, в хозяйственную доминанту». Для стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период позднего феодализма «типичной для деревни фигурой становится не просто феодально-зависимый, а крепостной крестьянин»[27]. Обращение дворянства к отработочной ренте было вызвано стремлением увеличить доходность имений, возможностью довольно быстро поднять товарность зерновой отрасли господского хозяйства и в то же время трудностями для крестьян перейти к увеличенным денежным оброкам, предпочтительностью для них на первых порах именно трудовой повинности (отрицательные последствия этого проявились позднее), всевластием помещиков, которых абсолютистское государство наделяло административно-судебными и финансовыми полномочиями в отношении сельского населения[28].

Ужесточение крепостного состояния крестьян и распространение полевой барщины с товарным уклоном уже в XVI в. отчетливо заметны в ареале польских, восточных германских и датских земель, в XVII в. — в Эстляндии и Лифляндии. В России движение в этом направлении в XVI—XVII вв. лишь обозначилось, но в XVIII столетии проявилось в полной мере.

По мнению Б. Н. Миронова, «крепостное право — совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина». Это право «могло включать все или только некоторые формы внеэкономического принуждения» (с. 361). Подобные утверждения вызывают сомнения, так как они все формы (и суровые, и мягкие) личной зависимости, т. е. внеэкономического принуждения, объявляют крепостническими. В специальной литературе понятие крепостного права относится только к зависимому сельскому населению[29]. Б. И. Миронов распространяет его на все общество в целом.

Основными признаками крепостной зависимости в XVIII — первой половине XIX в. Б. Н. Миронов считает: 1) внеэкономическую, личную зависимость от господина (т. е. отдельного лица), корпорации (общины), государства; 2) прикрепление к месту жительства; 3) к сословию; 4) ограничения в правах на владение собственности; 5) ограничения в выборе занятий и профессии; 6) возможность лишения имущества, достоинства, чести. В зависимости от субъекта крепостничество оказывалось государственным, корпоративным, частным. Дворянство находилось в крепостной зависимости только от государства, духовенство — от светских и духовных властей. Горожане были крепостными государства и городской общины. Разряды крестьян имели разных владельцев: помещики, монастыри и церкви, дворец, казна (с. 361). У помещичьих крестьян сложилось тройное крепостничество (помещик, община, государство) (с. 389). Итак, по мнению Б. Н. Миронова, «крепостное право было всеобщим» (с. 370).

[27] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 234, 238.
[28] Там же. С. 239—243.
[29] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980: «Крепостное право включало в себя две формы прикрепления непосредственного производителя: прикрепление к земле — к феодальному владению и прикрепление к личности феодала — к вотчиннику и помещику» (с. 98). «С возникновением крепостного права объект собственности феодала становится комплексным — земля и сидящий на ней крестьянин» (с. 99).

Раскрепощение сословий началось с постепенного освобождения дворянства (по Манифесту 1762 г. и жалованной грамоте 1785 г.), затем духовенства, купечества (по жалованной грамоте городам 1785 г.). Для основной массы горожан и крестьян оно наступило в 1860-е гг.

Обращаясь к причинам отмены крепостного права, автор указывает, что и в советской, и в западной историографии реформы 1860-х гг. связывали с кризисом крепостнической системы хозяйства. Советские историки отмечали также и становление капиталистических отношений и «экономическую неэффективность крепостного труда». Зарубежные добавляли к экономическому кризису «военные нужды» государства, «культурные факторы» и «страх перед крестьянскими волнениями» (с. 360). Нельзя не отметить, что как раз в советской литературе антикрепостническая борьба крестьянства рассматривалась как реальная угроза, пугавшая и массу дворян, и высшую бюрократию.

Б. Н. Миронов присоединяется к тем исследователям, которые считали, что «хозяйства, основанные на крепостном труде, приносили их владельцам доход и вплоть до 1861 г. не испытывали экономического кризиса» (с. 400). Среди таких ученых значатся зарубежные, труды которых вышли из печати в 1970—1980-х гг., а из отечественных авторов указан лишь П. Б. Струве с изданной в 1913 г. книгой «Крепостное хозяйство...». Сам автор добавляет, что «в условиях крепостничества, казенного или частного, чем больше была сила экономического принуждения, тем больше и лучше работали крестьяне», что «хозяйства, основанные на крепостном труде, были доходнее, чем крестьянские хозяйства, которым была предоставлена экономическая свобода» (с. 400).

Складывается впечатление, что Б. Н. Миронов не принимает во внимание сущностные черты и особенности экономического кризиса помещичьего хозяйства предреформенного периода. Во-первых, в основе доходности имений лежал даровой труд крепостных. Во-вторых, рост помещичьих доходов неминуемо вел к снижению производственных возможностей самих крестьянских хозяйств. Крепостники в погоне за доходностью подрывали тяглоспособность подневольных крестьянских дворов.

Таким образом, заключает Б. Н. Миронов, «не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния внутреннего разложения, верховная власть... в 1860-е гг. наносит решительный удар по всему институту крепостничества». Это произошло, по словам ав-

тора, под воздействием прогрессивной общественности и самого крестьянства, в силу государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских достижений (с. 414). Из этих положений не вполне ясно соотношение государственной решимости и воздействия на нее общественных сил и крестьянского сословия. Однако очевидно авторское мнение, что в экономическом плане крепостничество если и не процветало, то обеспечивало доходность помещичьего бюджета. Однако эта доходность не могла не усугублять «внутреннее разложение» дворянских имений.

Трудно согласиться с тем, что все сословия (до 1785 г., включая и дворян) являлись «крепостными» по отношению к российскому государству, к сменявшим друг друга императорам и императрицам. Строго говоря, за исключением владельческих крестьян, остальные сословия были отягощены только государственной службой и казенными налогами. Вполне очевидно, что в полной мере и главным образом крепостное право регулировало социально-экономическое и юридическое состояние крестьян (а в наибольшей степени — сельчан в помещичьих имениях). Лишь помещичьи крестьяне не имели юридической защиты, лишь их занятия и хозяйственная деятельность находились под полным контролем помещика, вотчинных и общинных властей. По мнению Б. Н. Миронова, нельзя считать помещичьих крестьян «бесправными ни юридически, ни фактически», хотя «они и признавались *до некоторой степени* (курсив мой. — *Ю. Т.*) собственностью помещика». Крепостные могли обращаться в коронный суд, обходя вотчинный, могли совершать гражданские сделки (правда, с согласия помещика), могли жаловаться на господина, имели право на защиту «от бесчестья» (с. 376). Перечисленные «крохи с правового стола», по нашему мнению, лишь усиливают доказательность крестьянского бесправия в целом.

Правовое положение владельческих крестьян в имениях служилых людей по отечеству было зафиксировано Уложением 1649 г., установившим постоянную крепостную зависимость. При этом права феодала в отношении крестьянина оказывались почти безграничными, так как он отвечал за крепостного во всех судебных делах, кроме особо тяжких преступлений, а в границах имения правовые действия владельца вообще не оговаривались. Нормы Уложения действовали и в течение XVIII столетия. Введение подушной подати еще больше расширило объем ответственности владельца, возложив на него и ответственность за сбор и уплату налогов и поставку рекрутов.

Итак, население помещичьего имения можно считать полностью несвободным, накрепко привязанным и к земле, на которой оно проживало и трудилось, и к своему конкретному господину.

Как же трактовать положение государственных крестьян? Ведь они по обязанностям и некоторым правам были близки к массе горожан. Персонифицированного владельца, своего хозяина (подобно помещику) они не имели. Они были прикреплены к своему сословию, к месту жительства; их хозяйственные занятия были стеснены и в чем-то ограничены. Но в целом в их экономическую деятельность казна не вмешивалась, приказчика с палкой или кнутом они не ведали. Сравнивать их казенные службы и повинности (в основном в пользу военного ведомства) с полевой барщиной не-

правомерно. Их несвободу считать крепостным состоянием просто некорректно. Скорее можно говорить об их слабой юридической защищенности, о сословной неполноправности.

Рассмотрим аргументацию автора о якобы крепостном состоянии дворянского сословия. В обязанности дворянина входили: обязательная бессрочная служба, подготовка к ней детей, обязательное обучение грамоте (образование — условие карьеры). Понятно, что до конца XVIII в. нарушители подвергались наказаниям, в том числе и телесным.

Если люди податных сословий никаких привилегий от государства не получали, то дворянство имело осязаемые стимулы для службы. Именно служба при всей ее тягости обеспечивала привилегированное положение и позволяла занимать командующее положение в обществе. Только дворяне по существу имели возможность занимать офицерские и генеральские должности в армии и в государственном управлении. Только дворяне обладали правом владеть землей и крестьянами, и только они полностью освобождались от всех общих и местных налогов и повинностей. Б. Н. Миронов считает, что дворяне были лишены «полных прав собственности» на землю и крепостных. Они, во-первых, несли за это бессрочную службу, а во-вторых, совершали земельные сделки только с такими же служилыми. Действовали также и право родового наследования вотчин, и право их выкупа. Однако такие ограничения вполне укладываются в правовые рамки феодального общества, в котором собственность естественно приобретала сословный характер. В действительности уже во второй половине XVII в. землевладельцы обходили ограничения на приобретение и отчуждение и имений, и крестьян.

Государственная служба дворян, считал В. О. Ключевский, будучи тяжелой личной повинностью, оказывалась залогом важнейших сословных привилегий. По словам Петра I, служба, как главная обязанность, являлась той основой, ради которой дворянство «благородно и от подлости (простонародья) отлично». Оценивая последствия Манифеста 1762 г., В. О. Ключевский писал: «Получив вольность, дворянская масса усаживалась по своим сельским гнездам с правом или возможностью бесконтрольно распоряжаться личностью и трудом крепостного населения. Это усадебное сближение дворянства с крестьянством внесло самую едкую струю в процесс того нравственного отчуждения, которое, начавшись еще в XVII в. на юридической почве и постепенно расширяясь, легло между господами и простым народом». Именно крепостное право отчуждало «дворянство от остального общества»[30].

В целом, при обосновании «всеобщности крепостничества» Б. Н. Миронов отдает предпочтение правовым нормам. Однако последние довольно часто не облекались в государственные установления[31], а прецедентами служили отдельные указы. Ведь императорская власть являлась единственным законотворцем в силу прав верховного собственника на землю. Никаких преград для использования в своих целях и интересах труда и собственнос-

[30] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С. 71, 82, 332—333.
[31] В. О. Ключевский заметил: «Правительство искало не юридической установки крепостных отношений, а способа бездоимочного подушного сбора» (Там же. С. 314).

ти подданных всех сословий для императорской власти в XVIII в. не существовало. Полным всевластием обладали и дворяне в своих имениях. Сам же Б. Н. Миронов признает, что «впервые отношения крепостных и помещиков нашли четкое юридическое оформление лишь в первом «Своде законов Российской империи» 1832 г.», и показательно, что зафиксированный в «Своде...» объем прав явно напоминал требования дворян о том же «в проекте законодательной комиссии в 1750-е гг.» (с. 367).

Социальные процессы, определяемые Б. Н. Мироновым понятием «всеобщность крепостничества», В. О. Ключевский называл, на наш взгляд гораздо точнее, «государственным прикреплением сословий» и их «государственным раскреплением». Под прикреплением понимались не правовые нормы хозяйствования и социальных взаимоотношений, а сословные обязанности службы и тягла (денежные налоги и трудовые повинности) в государственных интересах. Завершение прикрепительного порядка приходится на царствование Петра I. Позднее дворянство стало превращаться «в правящий класс, сбрасывая с себя одну за другой прежние свои государственные обязанности, но не теряя прежних прав и даже приобретая новые». По жалованным грамотам 1785 г. дворяне и верхи города достигли «государственного раскрепления» и «стали в исключительное положение»[32]. Ключевский подчеркивал, что для дворянства акт раскрепления означал не только освобождение от сословных обязанностей, а прежде всего приобретение самых существенных привилегий. Они были столь значительными, что дворянский образ жизни стал совершенно иным. Вследствие чего «дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьезного дела» и обрекло себя на «безделье, политическое и хозяйственное». В своем имении помещик «не хозяйничал, а правил крепостными душами и приказывал»[33].

Монография Б. Н. Миронова о социальной истории позволяет приблизиться к ответу на вопросы, почему российское дворянство горой стояло за жесточайший крепостнический режим в своих имениях, почему среди разных форм крестьянских повинностей оно отдавало предпочтение полевой барщине. В барщинных имениях к середине XIX в. проживало уже около 56 % помещичьих крестьян (с. 451).

Б. Н. Мироновым установлено, что труд крестьянина на барщине оказывался существенно выгоднее по сравнению с трудом оброчного (с. 394). С увеличением площади господских полей затраты (а значит, и выгодность для помещика) крестьянского труда возрастали. По приблизительным расчетам, интенсивность труда в барщинных имениях с середины XVIII до середины XIX в. увеличилась в разных регионах от 20 до 40 % (с. 395).

Автор приводит убедительные данные о возрастании феодальной ренты. Свидетельством увеличения доходов помещиков на протяжении XVIII — первой половины XIX в. является рост цен на крепостных и населенные имения, причем они росли быстрее, чем цены на хлеб и промышленные изделия. За

[32] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1958. С. 126, 180—181.
[33] Там же. С. 162.

1701—1800 гг. доход от оброчного крестьянина вырос примерно на 69 %. Платежи оброчника и господину, и в казну за XVIII в. с учетом инфляции и хлебных цен возросли примерно на 14 %. Труд барщинных крестьян в земледелии был более производительным, по сравнению с оброчниками. В барщинных имениях господский доход в среднем был в 2 раза выше (с. 394).

По подсчетам Б. Н. Миронова, сумма оброчных платежей и налогов с 1719—1724 гг. по 1850-е гг. у государственных крестьян возросла в 2,8 раза, а у помещичьих — в 5 раз. Помещичьи земледельцы под жестким принуждением и контролем трудились гораздо больше и тем самым обеспечивали возрастание господских поборов (с. 395).

Главную причину слабой результативности крестьянской экономики Б. Н. Миронов видит в ориентации на удовлетворение «элементарных материальных потребностей». «В системе ценностей крестьянства, — продолжает он, — материальное благополучие не занимало первого места». Однако далее в его объяснении акцент смещается на неблагоприятные условия хозяйствования и крепостнические поборы. Автор полагает, что «закрепощение крестьянства, господство передельной общины и обязательного для всех способа земледелия компенсировали отсутствие у крестьянства инициативы, предприимчивости, желания (не способности!) добиваться максимально возможных экономических результатов» (с. 401).

Какие же причины следует считать главными? Сам ли крестьянин не стремился к благополучию или же ему мешали труднопреодолимые преграды? Не правильнее ли говорить не о компенсации, а о бытовании рабского, из-под палки труда на помещика?

Естественно, что экономическое и социальное положение государственных крестьян в сравнении с помещичьими было лучше. К тому же они чаще обращались к неземледельческим занятиям. Автор установил, что в 1801—1861 гг. среди казенных крестьян доля зажиточных составляла по губерниям от 19 до 21 %, среди помещичьих меньше 14—19 % (с. 403).

Рост помещичьих поборов и крепостной режим вызывали ответную реакцию. «Практически, — считает Б. Н. Миронов, — на каждого помещика хотя бы раз в его жизни нападали крестьяне». Обобщая имеющиеся факты, автор пишет: «Бунтовали главным образом помещичьи крестьяне, и их лозунгом было освободиться не вообще от крепостничества, а лишь от помещичьей власти и стать казенными или удельными крестьянами» (с. 405—407).

Для обоснования положения об ухудшении уровня жизни помещичьих крестьян Б. Н. Миронов обратился к исторической антропонимике[34]. Автор поставил задачу выяснить, сопровождались ли достижения в XVIII в. в области промышленности и торговли, победы в войнах со Швецией и Турцией, присоединение Прибалтики и Причерноморья «ростом благосостояния населения или, наоборот, происходили за его счет». Россия была страной земледельческой, а ее население в подавляющей части проживало в сельской местности, так что поиск ответа на поставленный вопрос правомерно

[34] *Миронов Б. Н.* Время величия. Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII ст. // Родина. Сентябрь 2001. С. 32—36; см. также журн. Отечественная история. 2004. № 6. С. 17—31.

касается русского крестьянства. Опираясь на данные современной биологии о зависимости роста людей прежде всего от питания, его количества и качества, Б. Н. Миронов посчитал, что сведения о росте российских рекрутов за XVIII столетие могут быть использованы для выяснения улучшения или снижения биологического статуса населения. Биологический статус в существенной степени определяется уровнем жизни, в том числе в значительной степени затратами труда и средств на приобретение пищевых продуктов. Измерение роста рекрутов в России было ведено в ноябре 1730 г. Автор обработал данные о росте 57 549 новобранцев 16—35-ти лет (в 1730—1799 гг. проведено 50 наборов). Таким образом, историческая антропометрия XVIII в. расширяет информационное поле историка, так как корпус известных источников не содержит прямых или косвенных данных об уровне и динамике благосостояния, в том числе о питании крестьян.

Прежде для такого суждения привлекались данные о казенных сборах. Однако сведения о количестве и размерах налогов далеко не полные и напрямую не связаны с изменениями в уровне жизни сословий, обязанных поставлять солдат в армию. К тому же не поддаются исчислению в денежном выражении такие тяжкие повинности, как принудительные трудовые посылки по доставке казенных грузов, мобилизации на строительные работы, а также оплачиваемые за счет крестьянских общин поставки рекрутов (покупка для них одежды и обуви и др.).

Итак, что же показали наблюдения Б. Н. Миронова? Средний рост рекрутов за 1700—1724 гг. уменьшился на 21 мм. Затем началось увеличение, и в начале 1740-х гг. показатель снова стал прежним. Позднее и до конца столетия рост снижался (с 1647 до 1635 мм), а значит, снижался и биологический статус. Рост удельных (дворцовых) крестьян упал на 21 мм, помещичьих — на 20, государственных — на 19 (в целом на 19—21 мм). К концу XVIII в. самый низкий средний рост оказался у помещичьих и удельных крестьян. Показатель роста дворовых людей не случайно составил только 11 мм. Ведь в господских дворах питание было лучше, чем у крестьян.

В значительной степени снижение роста (и общее, и по периодам) связано с тяготами военных лет. Далее автор отмечает расходы на проведение реформ при Петре I и Екатерине II. Дворяне-душевладельцы, в свою очередь, увеличивали подати из-за стремления и в городе, и в деревне жить по-европейски. Увеличение за столетие хлебных цен в 5,7 раза в серебре стало для помещиков стимулом к расширению барщинных полей и увеличению денежных оброков. Стремление поднять доходность имений приводило к ужесточению крепостнического режима. В итоге, если при Петре I и государство, и помещики примерно поровну делили между собой налоги с помещичьих крестьян, то к концу XVIII в. дворянская доля в прибавочном продукте возросла до 88 %.

В целом выявленные антропометрические данные позволили автору прийти к выводу, что приобретение Россией ранга великой державы произошло за счет заметного снижения биологического статуса и жизненных потребностей в целом большинства населения (96,5 %).

***

Представленный историографический обзор работ последних лет по аграрной истории России XVII—XVIII вв. выдвигает настоятельную необходимость исследования свойственных российскому земледелию социальных и хозяйственных черт. На первый план вновь выходит проблема выяснения основ бытования в стране крепостного права и крепостнических порядков в дворянских имениях. В данной монографии предприняты попытки приблизиться к решению этой задачи через обращение к ведущей в то время социальной организации, включающей помещичью усадьбу и двор крепостного крестьянина.

Разнообразные источники о внутреннем устройстве и жизни помещичьих имений находятся и в составе фондов государственных учреждений, центральных и местных, и в составе личных и вотчинных архивов и коллекциях землевладельцев. Наиболее содержательными из них для избранной темы можно считать помещичьи инструкции (наказы) приказчикам и управителям, а также описания дворянских владений. Среди последних наибольшую ценность представляют те, в составе которых даны сведения об усадьбах и усадебном хозяйстве и перечни (описи) крестьянских дворов, включающие показатели о жителях и их хозяйстве (скот, посевы и др.). Описания, составленные представителями местных учреждений, можно назвать «государственными», а составленные по приказу помещиков вотчинными властями — «вотчинными».

Следует подчеркнуть, что в «вотчинных» описаниях, как правило, отсутствуют данные об усадьбах.

«Государственные» описания помещичьих владений XVII — начала XVIII вв. сохранились в фонде Поместного приказа (в 1720 г. переименован в Канцелярию вотчинных дел) и в фонде Вотчинной коллегии РГАДА[35]. В их составе находятся так называемые книги поместно-вотчинных дел (отписные, отказные, описные, отдельные, раздельные). По этим книгам дворяне вводились во владение поместьями и вотчинами, передавали их по наследству, а также производилась конфискация (отписка) имений и передача в казну за всякого рода проступки.

Обычно книги поместно-вотчинных дел содержат перечни владельческих (помещиковых и вотчинниковых) дворов, дворов деловых людей (холопов), крестьянских и бобыльских дворов и их населения м.п. или об.п. Иногда в них встречаются сведения о господских усадьбах и дворовых людях, об усадебном хозяйстве. В некоторых книгах (их сравнительно немного) содержатся данные как о господских дворах и господском хозяйстве, так и о крестьянских дворах, их жителях, крестьянских посевах, поголовье скота и др.

Наиболее часто описания дворянских усадеб и крестьянских дворов встречаются в отписных книгах[36]. Отписные книги первой четверти XVIII в. изучены К. В. Сивковым[37]. Им же подготовлена ценнейшая публикация отписных книг за первую четверть XVIII в.[38]

---

[35] В фонде Вотчинной коллегии находятся книги за 1722—1728 гг.

[36] См.: *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. Гл. 1.

[37] *Сивков К. В.* Отписные книги XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 367—390.

[38] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.

С 1729 г. описка дворянских имений проводилась Канцелярией конфискации (упразднена в 1782 г.)[39]. Ее фонд хранится в РГАДА. В делах имеются описные, отписные и ценовные книги по отдельным вотчинам[40].

В течение 1750—1770-х гг. помещичьи имения описывались по предписаниям Санкт-Петербургской и Московской контор Государственного банка для дворянства (создан в 1754 г.) чиновниками провинциальных или уездных воеводских канцелярий. К описаниям привлекались и местные дворяне, вышедшие в отставку. Банковские конторы выдавали ссуды помещикам под залог населенных вотчин. Размер ссуды определялся не площадью владения, а числом крепостных крестьян. Несмотря на льготные условия (длительный срок и отсрочки возврата ссуд, уменьшения процентов по ним), дворяне часто не спешили или не могли оплатить банковский долг. Кредитная политика правительства преследовала цель поддержать дворянское землевладение. Заложенные имения очень редко выставлялись на продажу. Так же редко проводилась их передача в казну. Не желая разорять помещиков, правительство в 1761 г. решило передавать заложенные вотчины, по которым истекал срок возврата ссуды, под управление Канцелярии конфискации. Канцелярия конфискации из оброчных сборов с крестьян десятую часть выплачивала помещику на его нужды. Остальные деньги шли на погашение ссуды. В то же время увеличивались залоговые ссуды. В первое время банк оценивал крепостную душу м.п. в 10 руб. В 1766 г. цена составила 20 руб., в 1786 г. — 40 руб., в 1801 г. — 60 руб. Помещикам, чьи владения пострадали во время восстания Е. И. Пугачева, под каждую душу выдавали 40 руб. при увеличении срока возврата ссуды с 8 до 10 лет[41].

«Вотчинные» описания имений, сохранившиеся в личных фондах, составлялись по указаниям землевладельцев. Их появление было связано со сменой вотчинной администрации, с большими хозяйственными потерями, резким снижением крестьянских платежей и т. д. Недовольные уровнем доходности имений, помещики требовали от приказчиков представления обстоятельных данных об отдельных земельных угодьях, мельницах, но главным образом о крестьянских дворах и их хозяйстве. Информативная ценность вотчинных описаний больше, чем у «государственных». В них полнее описаны все отрасли крестьянского хозяйства, указана тяглоспособность дворов.

Однако в отличие от «государственных» «вотчинные» описания не дают сведений об усадебных постройках и усадебном хозяйстве. Поэтому исследователи называют их подворными описями крестьянских хозяйств. Можно заметить, что в материалах XVII—XVIII вв. сохранились в основном описания, составленные на местах для государственных органов управления, а в делах конца XVIII — первой половины XIX в. преобладают описания «вотчинные», затребованные от управителей владельцами имений[42].

Подворные описи содержат, как правило, хозяйственные данные. О крепостнических порядках и положении крестьян повествуют помещичьи инструкции (наказы) вотчинным властям по управлению имениями, сохранившиеся в составе вотчинных архивов.

В обзоре документов вотчинного делопроизводства И. Ф. Петровская с полным основанием выделила, как особо ценные, инструкции приказчикам и подворные описи[43]. Составление подворных описей к концу XVIII в. стало обязательным «для всех более или менее организованных помещичьих хозяйств». Перепись крестьянских дворов производилась для распределения тягла во всех его видах, а также для поставки солдат, разверстки земли. Трудности их использования связаны с различной степенью полноты зафиксированных сведений по разным имениям. Особого рода документы сохранились в описаниях имений с дворянскими усадьбами. Здесь материалы о строительстве, о садах и парках, штатные расписания дворовых людей, об их обучении ремеслам. То же относится к владениям, в которых действовали промышленные предприятия (описи оборудования, кассовые отчеты и др.).

Б. Г. Литвак в монографии о массовой документации вотчинного происхождения посвятил особые очерки инструкциям и подворным описям. Автор относит их к «массовым источникам». Их возникновение «связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни». Таковые источники отвечают всем критериям массовых документов. Они ординарны по обстоятельствам происхождения, они однородны («повторяемость содержания»), они однотипны по форме. От повествовательных источников массовые отличаются однообразием содержания, а от статистических тем, что не имеют никакой научно-статистической заданности[44].

Б. Г. Литвак пришел к выводу, что помещичьи инструкции являлись основополагающими для формирования вотчинного делопроизводства (с. 23, 25). Вотчинники по инструкциям устанавливали систему учета владельческих доходов и контроля за расходованием господского зерна и др. продуктов (с. 30). Все разновидности документов, упоминаемые в частных инструкциях и в «образцовых» наказах, опубликованных в 1770-х гг. в «Трудах» ВЭО, в той или иной форме применялись вплоть до отмены крепостного права (с. 24).

Инструкции, составлявшиеся по разным причинам и в разное время, естественно, по своей структуре и полноте заметно отличаются друг от друга. Это же можно сказать и о таком виде массовых источников, как подворные описания.

---

[39] Приношу глубокую благодарность М. Ф. Прохорову за сообщение и разрешение использования результатов его поисков в фонде Канцелярии конфискации описаний дворянских имений. Он же сообщил об описании 1750 г. обширного имения Василия Петровича Поспелова в Тамбовском уезде, обнаруженном им в фонде Сената РГАДА.

[40] *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958. С. 19—20; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. М., 2001. С. 27—28.

[41] *Боровой С. Я.* Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества // Вопросы истории. 1954. № 2. С. 129—138; *Он же.* Кредит и банки России. М., 1958. С. 46—49, 57, 59, 64; *Мороган В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). СПб., 2001. С. 31—45.

[42] В данной монографии использованы «государственные» описания.

[43] *Петровская И. Ф.* Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII — первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. Сб. 6. М., 1958. С. 22—24; 28—30.

[44] *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 7—8.

Содержание подворных описаний, которые составляли отписчики в имениях по указаниям Поместного приказа, а позднее Канцелярии конфискации и контор Дворянского банка, не являлось трафаретным. Попытка формализовать описания, как установил Б. Г. Литвак, относится к началу царствования Елизаветы Петровны. 8 июня 1743 г. были утверждены 9 форм описания «движимых и недвижимых имений». Они включали указания о дворовых дворах, о поголовье крестьянского скота и посевных площадях. Практического применения эти формы все же не получили (с. 63—64).

Б. Г. Литвак верно обозначил основной признак подворной описи — наличие сведений о хозяйственно-тягловом описании двора (с. 60). Он же поднял важный вопрос о границах информации подворных описаний, «о целесообразности, с точки зрения владельца, точной фиксации параметров крестьянского хозяйства и его состояния». Монография Б. Г. Литвака основана на источниках XIX в. По нашему мнению, в XVII—XVIII столетиях и для значительной массы помещиков (особенно владельцев оброчных имений), и для большинства приказных и канцелярских служителей сведения хозяйственного плана являлись по большей части второстепенными и ограничивались отметками о поголовье скота и реже — о посевах зерновых. Главными были записи о населении крестьянских дворов. Поэтому основная часть описаний не содержит информации о хозяйственном инвентаре и домашнем имуществе, об огородах и садах и др.

Включение в вотчинную документацию сведений о состоянии и возможностях крестьянского хозяйства, его количественных показателях нередко зависело от видов рентных поборов. Они больше интересовали владельцев барщинных имений и гораздо меньше — оброчных. Предшественником подворной описи XIX в. Б. Г. Литвак считает инструкцию А. П. Волынского 1724 г., в которой были соединены детально разработанные и демографические, и хозяйственные сведения (с. 62). Однако даже в своем имении (к сожалению для историков) Волынский не сумел принудить приказчиков к ее составлению, хотя и составил для них в 1735 г. «образцовую» форму. Крупные землевладельцы XVIII в. часто не настаивали на включении в описи даже сведений о посевах и запасах зерна. Предложения П. И. Рычкова и А. Т. Болотова расширить перечень показателей о крестьянском «домостроительстве» (о наличии работников и неработников, о площадях всех земельных угодий, о всех повинностях и поборах, о неземледельческих промыслах) были приняты, хотя и в усеченном виде, только некоторыми помещиками (с. 68—69).

Говоря о методических приемах изучения подворных описаний, прежде всего надо отметить вклад И. Д. Ковальченко. Его книга посвящена первой половине XIX в.[45] К этому периоду относится основная часть сохранившихся в архивах описей, но разработанная им методика вполне может быть использована и при работе с источниками XVII—XVIII вв.

[45] *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 33—36. Этой книге предшествовала монография «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.» (М., 1959).

И. Д. Ковальченко обнаружил в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Смоленска 289 подворных описей по 183 имениям (114 500 крестьян). По 44 владениям имеются повторные описания. Большинство описаний относится к имениям крупнейших землевладельцев. В каждой описи отмечено не менее 250 чел. м.п. (с. 33—36).

В монографии 1967 г. автор по показателям поголовья рабочего скота (иногда в сочетании с крупным рогатым) произвел группировку дворов (бедные, посредственные, зажиточные). А в этих группах определил средние данные на двор и на чел. м.п. Это позволило сравнивать состоятельность дворов по группам и (при наличии разновременных описаний) их показатели в динамике.

По свидетельствам современников, для простого воспроизводства необходимо было иметь на положенного в тягло работника м.п. 2 лошади и 1—2 коровы. Исходя из этого, при группировке крестьянских дворов за основу И. Д. Ковальченко принимал обеспеченность их рабочим скотом. Безлошадные и однолошадные отнесены им к беднейшей прослойке. Обоснования объединения безлошадных дворов с однолошадными в книге не приводятся. К среднему слою отнесены дворы, где на одного положенного в тягло работника имелось 2 лошади. Если на двор приходилось два тягла, то требовалось поголовье в 4 лошади. Такой двор мог осуществлять простое воспроизводство. Дворы с пятью лошадьми и выше составляли группу зажиточных (с. 45—46).

Учитывая наличие в ряде мест Нечерноземной полосы развитого скотоводства, автор предлагает учитывать и коровье поголовье (за минимум берется показатель 2 коровы на тягло или работника-мужчину, 3—5 для средней группы, 6 и более — для зажиточной).

Как видно, автору приходится соотносить поголовье лошадей и коров и с численностью работников м.п. Это еще больше усугубляет условность градации по рабочему скоту.

И. Д. Ковальченко считает необходимым при обработке подворных описей вычислять показатели в расчете и на двор, и на душу м.п. Двойной расчет, полагает он, необходим из-за различной населенности двора и неодинакового семейного состава во времени и в разных местностях (с. 48—49). Правда, автор замечает, что и расчет на душу м.п. при сравнении крестьянских хозяйств небезупречен, ибо не учитывает того, что у зажиточных относительные затраты на жилые и хозяйственные строения и др. меньше, чем у средних, а у средних меньше, чем у бедных.

И. Д. Ковальченко усматривает в качестве одной из главных — тему соотношения помещичьего и крестьянского хозяйства как противоположных по своей сути социально-экономических единиц. Речь идет о том, «какое из них являлось наиболее рациональной формой организации общественного производства», какое из них больше отвечало становлению в сельскохозяйственном производстве товарно-денежного рыночного направления (с. 4).

Автор поставил задачу путем анализа состояния хозяйства и положения крестьян в первой половине XIX в. выявить степень «тормозящего и сковывающего воздействия крепостничества» на развитие помещичьей деревни, так как обеспеченность крестьянского двора необходимыми средствами не могла не зависеть от интенсивности владельческой эксплуатации (с. 19).

И. Д. Ковальченко исходил из того, что крестьянское хозяйство тесно связано с помещичьим, и значит, его изучение невозможно без учета тех сторон господской экономии, которые оказывали прямое воздействие на жизнь и труд закрепощенных сельчан. Поэтому он считал нужным изучить эту проблему с учетом форм и размеров ренты, площади полученных крестьянами наделов, способов обеспечения нуждающихся и беднейших дворов средствами существования и хозяйствования, методов «удержания их в сфере крепостного хозяйства», приемов «регулирования и контроля хозяйственной деятельности крестьян в интересах помещиков». По его мнению, таковы основные факторы, влиявшие на сельскую жизнь (с. 18)[46].

К середине XIX в. развитие товарного производства уже явно подрывало присущие помещичьему и крестьянскому хозяйству натуральные устои. Расширение господской пашни с рыночным уклоном способствовало превращению отработочной ренты из потребительской в потребительско-меновую. Рыночная направленность барщинного хозяйства, считал автор, неминуемо вела к увеличению повинностей до таких размеров, которые оказывались несоразмерными с возможностями крестьянского двора. Если в первые десятилетия XIX в. барщина не ограничивала заметно воспроизводство крестьянского хозяйства, то позднее, «в силу предельно высокой интенсивности эксплуатации крестьян, в наибольшей мере снизился уровень хозяйства, и ухудшилось положение крестьян» (с. 378—380).

И. Д. Ковальченко полагал, что крестьяне к концу XVIII столетия обрабатывали предельно возможные для них площади — 4 дес. в Черноземье, 3,5—3,7 дес. в Нечерноземье. И значит, расширение господской пашни могло идти только за счет сокращения наделов, т. е. подрыва условий для нормального функционирования хозяйства крепостных крестьян. Особенно тягостным становилось положение беднейшей группы деревенского населения (с. 279—281).

Крепостническая, главным образом барщинная, система являлась преградой крестьянскому товарному производству, подчеркивает И. Д. Ковальченко, а мелкокрестьянское хозяйство и было «основным выражением производственных и социальных сдвигов в деревне». Крепостное состояние допускало «превращение в товар лишь части продукта труда» и исключало «развитие мелкотоварного производства в полном объеме» (с. 383).

Однако даже в тисках крепостнической эксплуатации крестьянское хозяйство производило основную массу валовой продукции зерновых и картофеля, значительную часть (более 40 %) части товарного хлеба и животноводства, почти весь товарный объем льна и конопли. Да и производительность труда оказывалась выше на крестьянских наделах (с. 384).

Можно предположить, что И. Д. Ковальченко положил в основу исчисления средних показателей двора поголовье рабочего скота, а не работников м.п., по причине историографической ситуации 1960-х гг. В следующем

[46] Помещичье хозяйство в монографии не рассматривалось. Может быть, по этой причине перечисленные факторы в его книге оказались сюжетами второго плана и не получили необходимого конкретного освещения.

десятилетии произошел прорыв в демографическом аспекте изучения крестьянского двора. В трудах В. А. Александрова и Е. И. Швейковской (Баклановой) была установлена зависимость крестьянского хозяйства от вида, структуры и состава семьи.

И. Д. Ковальченко впервые с такой полнотой и тщательностью определил средние показатели крестьянского хозяйства на обширной территории и выявил их динамику. Благодаря этому получили обоснование его выводы об отрицательном воздействии возраставших господских повинностей, особенно барщинных, на крестьянское надельное землепользование и поголовье скота. Сокращение времени, потребного для работы в крестьянском хозяйстве, вопреки интенсивности трудовых затрат, не позволяло стабилизировать товарную направленность земледельческого хозяйства сельских тружеников.

Б. Г. Литвак высоко оценил методику И. Д. Ковальченко при анализе подворных описаний. Он согласился с его мнением, что производимое вотчинными властями деление крестьян на «худых», «средственных», «исправных», «первостатейных» исходило из податных возможностей, а не из реального имущественного положения (с. 98—99). Б. Г. Литвак положительно отнесся к теоретическому обоснованию автором критериев дворов по простому и расширенному воспроизводству. Однако заметил, что источник не дает для этого сведений («это явное противоречие между стремлением и возможностями исследователя»), и не случайно И. Д. Ковальченко вынужден проводить группировку по рабочему и крупному рогатому скоту (с. 100—101).

Обзор источников об усадьбах XVII—XVIII вв. представлен в обобщающем труде историков[47]. В нем подчеркивается малочисленность имеющихся сведений. Основная информация имеется в обширных и недостаточно изученных фондах Поместного приказа, Вотчинной коллегии, Канцелярии конфискации РГАДА, в материалах экономических примечаний к генеральному межеванию, хранящихся в центральных и местных архивах. Великое множество архивных источников пока еще неизвестно исследователям. Мало изучены личные фонды и коллекции усадьбовладельцев, хранящиеся в архивах, музеях и библиотеках.

Помещичьи инструкции XVIII в. не содержат сведений о самих усадьбах. Тем значительнее выглядит находка Е. Б. Смилянской, переданная в отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ — инструкция с детальным описанием усадебной жизни. По словам исследовательницы, «это самая подробная и объемная» из всех известных. Она написана в течение 1754—1757 гг. в Санкт-Петербурге капитаном Преображенского полка Тимофеем Петровичем Текутьевым и отправлена приказчику в усадьбу при селе Новое (Новоселки) Кашинского уезда. По ревизиям в именьи числилось 78—80 чел. крепостных м.п.[48]

[47] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 27—29.
О новых находках инструкций в последние годы см. в настоящей монографии с. 342.
[48] Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII в.: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М., 1998.

Публикатор отмечает особенность инструкции: «Тимофей Текутьев в своем желании до мелочей предусмотреть хозяйственные надобности деревенской жизни превзошел, кажется, всех своих современников» (с. 10). Помещик в 320 (по его счету) пунктах определил «домашние порядки», обязанности дворовых людей и их обеспечение, перечень полевых работ на господской земле, поборы с крестьян и их повинности, правила содержания скота и птицы, приемы обработки льна и конопли, ткачества полотна и салфеток, заготовки и хранения рыбы, овощей, фруктов, грибов. Подробно изложено, «каким порядком» делать пироги, торты, коврижки, сахарный и миндальный «хлеб», конфеты, меды, водки, фруктовые вина и прочее. Инструкцию можно считать своеобразной «энциклопедией» усадебной жизни 1750-х гг.

***

Первостепенное значение для нашей темы такого вида источников, как подворные описи, обязывает рассмотреть труды тех историков, которые привлекали их для изучения крестьянского хозяйства.

В отечественной историографии первым обратился к исследованию хозяйственного состояния крестьян В. И. Семевский. Во введении к первому тому монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (1881 г.) он провозгласил необходимость выдвижения на первый план изучения «внутренней жизни народа», «народной жизни, и прежде всего экономического положения народа, а также его домашней жизни и нравов».

Говоря о структуре своего труда, В. И. Семевский назвал два направления. Во-первых, рассмотреть «актив крестьянского бюджета» (земледелие, огородничество, скотоводство, пчеловодство, рыболовство, лесные и отхожие промыслы). Сюда входит изучение «всевозможных заработков мужчин, женщин и детей и цены на их труд в связи с ценами на главнейшие жизненные припасы». Затем последует рассмотрение «пассива крестьянского хозяйства, т. е. податей и повинностей». В итоге будет выявлено «экономическое положение крестьян под влиянием того и другого фактора», затронуты положения «о бедности и зажиточности крестьян».

Однако автор выполнил свою задачу только наполовину. «Актив», т. е. само крестьянское хозяйство в книге не получило должного освещения. Исходя из своего опыта автор предупреждал будущих ученых, какой громадный многолетний труд надо будет затратить при работе над источниками, разбросанными по многим фондам столичных и местных архивов.

В обзоре архивных источников для изучения помещичьих крестьян XVII—XVIII вв. В. И. Семевский среди первостепенных назвал комплекс писцовых, переписных, отказных и иных книг Поместного приказа, в которых имеются описания дворянских имений, в том числе крестьянских дворов. Такие же дела хранятся в фонде Канцелярии конфискации.

Все же основными источниками для В. И. Семевского стали экономические примечания к генеральному межеванию. В них приведен «полный материал для статистики землевладения», даны сведения о количестве усадебной, пахотной, сенокосной и иной земли, численности дворов и душ м.п.,

о крестьянских промыслах, о повинностях крепостных (оброк или барщина). Однако автор не оговаривает условность этих сведений, которые приводятся не по помещичьим владениям, а по населенным пунктам в целом (к одному селению могли «тянуть» владения нескольких дворян). Он отмечает, что сведения указанных документов «крайне скудны».

Отношения помещиков и крестьян в границах имений В. И. Семевский показал в основном на материалах «Трудов» ВЭО и Полного собрания законов за XVIII столетие. Законы обязывали помещиков помогать крестьянам в неурожайные годы. В 1761 г. было рекомендовано иметь годовой запас хлеба, чтобы при недородах его не покупать. При поддержке правительства в «Трудах» ВЭО появились предложения об устройстве запасных магазинов (зерно должно поступать с отдельно обрабатываемых крестьянами участков в барщинных и в оброчных имениях). П. И. Рычков советовал после окончания господских работ заставлять крестьян для себя пахать, сеять, жать и убирать еще по одному дню. Землевладельцы же считали, что хлебные магазины следует создавать за счет казны (с. 235—237). Крестьянам, потерявшим скотину, либо помещики, либо по их приказу мир оказывали помощь, но с возвратом скота или денег через некоторое время (с. 241).

В. И. Семевский попытался дать «беспристрастную оценку крепостного права». Он отметил, что имущество крестьян не было защищено законом от власти помещика, что они могли вступать в имущественные отношения только с согласия или по поручительству господина, а размеры повинностей не ограничивались ни юридически, ни фактически. По усмотрению помещика крестьяне могли быть переселены в другие места. Юридическое бесправие вело к «беззащитности личной и имущественной». «Мрачными сторонами нашего прошлого» автор назвал систему барского произвола, жестоких наказаний, «домашней расправы», продажу крепостных, отдачу мужчин в рекруты для получения денег из казны, вмешательство в семейно-брачные дела.

В целом «благоприятными условиями в жизни крепостных» В. И. Семевский считал «сильное развитие оброчной системы», сравнительно «большое количество земли» в крестьянском пользовании, «значительную степень имущественного равенства, зависящего от переделов земли», «общинный дух и взаимную помощь», самоуправление у оброчных крестьян. Бросается в глаза, что этот перечень «условий» относится к оброчным имениям, а ведь больше половины крестьян жили и трудились в барщинных. Говоря об обеспеченности земельными наделами, автор сравнивал их площади с наделами после 1861 г., не задаваясь вопросом, каким должен быть прожиточный земельный минимум во второй половине XVIII в. Имущественное равенство сводится автором к равенству по земельным наделам. Не раскрыта и сущность мирского самоуправления.

У оброчных крестьян было немало земель, и они в большей мере были свободны в своих хозяйственных делах, поэтому В. И. Семевский называет их положение «довольно сносным» (с. 57). Напротив, положение барщинных, объем работ которых зависел от воли владельца, квалифицируется как незавидное. Даже в воскресные и праздничные дни они в страдную пору или при хорошей погоде трудились на господских полях и лугах, оставляя не-

обработанными свои наделы. У крестьян во многих уездах «земледелие пришло в упадок, по причине непрестанных работ и больших поборов господских» (с. 60). В книге приведено предложение П. И. Панина дать предписание ограничить барщину четырьмя днями и установить дневную норму для пашни не более одной десятины. Верховная власть не осмелилась на такое распоряжение даже в секретном порядке. Почасовой нормы также не существовало. Лишь в 1780 г. по соглашению дворян Ораниенбаумского и Ямбургского уездов было назначено работать в апреле и сентябре по 11—13 час., а в мае—августе — по 14—16 час. (с. 61—63).

Пионером в изучении подворных описей можно считать К. В. Сивкова. Для анализа состояния крупной подмосковной вотчины середины XVIII в. он изучил отписную книгу 1743 г. по селу Павловское с деревнями Звенигородского уезда[48]. В источнике описана помещичья усадьба и приведена подворная опись крестьянских хозяйств. Владение сосланной в Сибирь Анны Гавриловны Бестужевой (дочери канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, жены обер-гофмаршала Михаила Петровича Бестужева) конфисковали по делу Лопухиных. На господском дворе стояли две еловые горницы с комнатой, в которых жил приказчик. Автор полагает, что это была старинная постройка. Около горниц отмечены черная изба, баня, бревенчатая поварня и птичья изба (9 индейских кур, 21 гусь, 47 уток), а также судебная изба. Строился конюшенный двор, а пока 31 лошадь находилась в конюшне. Крупный и мелкий рогатый скот содержались на скотном дворе (28 коров, 4 быка, 5 волов, 27 телиц и 11 телят, 37 баранов и овец, в «буйловом» сарае — 3 буйвола, 5 буйволиц, 4 теленка. Перечислены хозяйственные строения (житница, погреб, омшаник с тремя ульями пчел и др.). Все они крыты соломой.

За пределами господского двора отмечены коптильня, хмельник (в окружности 73 саж.), обнесенный плетнем. Отдельно располагался житный двор (27 × 30 саж.) с 7-ю житницами. В нем необмолоченная рожь, овес, ячмень, греча. Огороженные плетнем два сада занимали большую площадь (94 × 59 саж.; 114 × 104 саж.). В них 241 яблоня, 16 груш, 170 кустов крыжовника, 20 деревьев чернослива, 100 деревьев и 108 кустов вишневых, 50 кустов терна, 799 кустов смородины, 11 гряд «клубницы» и 2 гряды земляники. Сады в какой-то степени являлись и парками. В две линии посажены 320 берез, в других линиях липы, ели, вязы, да еще 20 рябин и 75 кустов орешника. Возможно, что сады ведут начало от насаждений середины XVII в., когда усадьба являлась любимой резиденцией боярина Бориса Ивановича Морозова. Два больших озера, четыре пруда с рыбой и ловля на реке Истре сдавались на откуп.

Многоотраслевое усадебное хозяйство обслуживали дворовые люди (38 чел. м.п. и 46 чел. ж.п.). На семью выдавалось в месяц ржи и ячменя по половине четверика. Да «на присевок» выделялось по одной десятине.

Крупному усадебному хозяйству соответствовала и большая господская пашня. В первом поле 216 дес. с небольшим, во втором 219 $^{1}/_{2}$ дес., в третьем 227 дес. (к нему «вновь распахано 20 дес.»). Всего около 685 дес. В среднем на двор 1,7 дес. Автор предполагает, что крестьяне пахали на господских лошадях, но с этим трудно согласиться. Из яровых сеяли овес, ячмень, гречу, пшеницу, горох, мак, лен и коноплю. Луга занимали 290 дес. По мнению К. В. Сивкова, товарность помещичьего хозяйства была невелика. В другие имения летом посылали 18 конных и 30 пеших работников. Крестьяне уплачивали денежный оброк (625 руб. 85 коп., около 49 коп. с чел. м.п.). «Столовый запас» включал 125 пуд. свиного мяса, 250 баранов, 1 тыс. кур, 10 тыс. яиц, 158 саж. трехаршинных дров.

В имении насчитывалось 393 крестьянских двора (1276 чел. м.п., 1280 чел. ж.п.). В 14-ти дворах (и в крестьянских) проживали бобыли (298 чел. м.п., 215 чел. ж.п.) Посевы у них не отмечены. Бобыли трех дворов «кормятца кузнешным промыслом», другие «мельнишною работою», третья работали на фабриках в Москве. «Дряхлые» и «скорбные» нищенствовали. Среди жителей крестьянских дворов фабричных было мало. Эти семь дворов были малолюдными и малоимущими.

Согласно описи, в среднем на двор приходилось по 2 лошади. Безлошадных дворов 21 (6 %), дворов с 4—6 лошадьми — 29 (7 %). Средний показатель коров полторы головы. Бескоровных 79 (20 %). Дворов с 3—10 коровами — 36 (11,4 %). Овец в среднем насчитывалось по 4 головы на двор. Мало было свиней (268 в 178-ми дворах). Из птицы держали практически только кур. Пчелы отмечены только в восьми дворах. По словам автора, скот предназначался для потребностей самого крестьянского двора.

Посевы ржи были небольшими (403 дес.) и не могли обеспечить собственное потребление. Обычно на двор приходилось от одной четверти до 2-х дес. Так же обстояло дело с яровыми. Беспосевных дворов насчитывалось девять.

При низком хозяйственном состоянии крестьяне могли отбывать тягло только «чрез изделья свои». Среди промыслов: заготовка для продажи дров, веников, сена, а также сплав леса, извоз в Москве и работа на столичных предприятиях.

Е. Н. Кушева опубликовала подворные описи из фонда Канцелярии конфискации трех селений Саратовского уезда владения Николая Алексеевича Шахматова. Описи составлены 17 августа 1776 г. по причине неуплаты взятых в 1774 г. в Петербургской конторе Дворянского банка 3 тыс. руб. Конфискация не состоялась, так как уплата долга была отсрочена. В описи указаны состав 33-х семей, поголовье скота и птицы, запасы зерна, посевы зерновых в четвертях и четвериках[50].

Б. Г. Литвак установил, что источниковедческое освоение подворных описей относится к 1930-м гг.[51] В. Н. Кашин выдвинул проблему достовер-

[48] *Сивков К. В.* Подмосковная вотчина середины XVIII в. // Московский край в его прошлом. М., 1928. Вып. 1. С. 75—96.

[50] *Кушева Е. Н.* Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в. // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 8. С. 682—683, 688. При селе Хмелевки находился господский дом с библиотекой (книги на русском, немецком и французском языках). В покоях отмечены «разные картины». Возможно, в 1790-х гг. был построен каменный дом, для которого в Москве куплены зеркальные стекла и люстры из меди с позолотой и хрустальными подвесками (с. 686).

[51] *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 83—88.

ности показателей по отдельному двору[32]. Г. Н. Бибиков при сопоставлении данных описей 1784 и 1815 гг. по вотчине М. М. Голицына баршинному селу Голунь в Новосильском уезде Тульской губернии разработал приемы изучения крестьянских хозяйств не только в статике, но и в динамике[33]. Как подметил Б. Г. Литвак, исследователь не сам определил критерии хозяйственного состояния дворов, а принял группировку, примененную составителем ведомости 1784 г. приказчиком имения. Последний разделил 196 дворов на 3 группы: первой статьи, посредственные, последней статьи, а Бибиков дал представление об усредненном дворе каждой группы. По градации приказчика первостатейных дворов оказалось довольно много (84 — 43,1 %). В среднем на двор 13—14 чел. об.п. В этих семьях находилось 56,3 % всех людей об.п. рабочего возраста. Из этих дворов автор выделяет 20 богатейших хозяев (16,2 % всех дворов). Посредственных дворов было 76 (38,6 %). В среднем на двор 10 чел. (рабочего возраста 34,2 %). По запасам зерна они едва дотягивали до нового урожая. Дворов последней статьи 36 (18, 3 %). Бибиков называет их «разоренными бедняками». В семьях десятая часть (9,5 %) общего количества работников м.п. и ж.п. Бибиков с удивлением отмечает у них большое поголовье лошадей (в среднем на двор 2,9). Последнюю группу составляли 9 дворов, освобожденных от тягла (в них 5 работников м.п.)[34].

Сравнение Г. Н. Бибиковым средних показателей подворных описей 1784 и 1815 г. в целом по имению дает их уменьшение, т. е. «указывает на прогрессирующий процесс разорения крестьянских хозяйств» (с. 108).

В критическом осмыслении такого источника, как подворная опись, заметно продвинулась Е. И. Дракохруст[35]. Ее вклад Б. Г. Литвак видит в том, что исследователь установила конкретные причины проведения описей в оброчном селе Пятницкое Перемышльского уезда Калужской губернии в 1784, 1785, 1787 гг., определила соответственно различия в статьях описей и поставила вопрос о степени отражения в описях действительных хозяйственных показателей.

Автор, как и Г. Н. Бибиков, группирует дворы по оценке приказчика. Среди них достаточные (16 — 20,5 %), исправные (17 — 22 %), посредственные (29 — 37 %), бедные (16 — 20,5 %), всего 78. Приказчик, естественно, исходил из тяглоспособности дворов. Это в значительной степени объяснялось занятиями крестьян: торговля, промысел, отход, земледелие (с. 127). К сожалению, основная таблица, составленная по 78-ми дворам, прокомментирована недостаточно. Так, число взрослых работников на достаточный

[32] *Кашин В. И.* Крепостные крестьяне землевладельцы накануне реформы. М., Л., 1935.

[33] *Бибиков Г. Н.* Расслоение крепостного крестьянства в баршинной вотчине в конце XVIII и в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1938. № 4. С. 76—112.

[34] Вызывает сомнение значительная доля первостатейных дворов. Их больше, чем посредственных. Не вернее ли отнести в эту группу только 20 богатейших? Удивляет также многолошадность (до 5—6 голов) некоторых дворов последней статьи. В общем, предложенная группировка доверия не вызывает.

[35] *Дракохруст Е. И.* Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. // Исторические записки М., 1938. № 4. С. 113—140.

двор в среднем определено 6,4, на исправный 5,5, на посредственный 1,7, а на бедный 1,8. Возникает вопрос, не целесообразнее ли было объединить посредственные и бедные дворы в одну группу?

В 1968 г. напечатано исследование Т. И. Осьминского о крестьянских доходах и расходах в помещичьем имении. Автор изучил хранящиеся в Череповецком краеведческом музее хозяйственные материалы 1730—1731 гг. по одному из имений крупного землевладельца (400 дворов — 2400 чел. об.п.) Петра Михайловича Бестужева-Рюмина. Среди них особую ценность имеют «подворные списки» крестьян пошехонского имения. Они содержат сведения о населении, конском и коровьем поголовье, промыслах и ремеслах. Данные о крестьянском землепользовании автор извлек из выписей из писцовых и переписных книг[36].

Группировку крестьянских дворов автор провел на основе их деления самим помещиком на 3 статьи («которые получши, и средние, и плохие»). Отдельно просчитаны показатели по 90 баршинным и 49 оброчным дворам. Оброк денежный с первых составлял 1 руб. 16 коп. с тягла, со вторых — 3 руб. Оброчники, не уплатившие сбор, отрабатывали его на барщине. По итоговым расчетам, денежный баланс баршинных дворов выше, чем оброчных. В первостатейных дворах показатели были намного выше, чем у дворов других статей (с. 371). Как видно, Т. И. Осьминский повторил критерий исследователей конца 1930-х гг. — деление крестьянских дворов по имущественной оценке вотчинных властей.

Использование подворных описей в исследовательской работе заметно усилилось с конца 1950 — начала 1960-х гг. В опубликованной в 1957 г. монографии «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.» Н. Л. Рубинштейн в качестве центрального и определяющего направления исследования выдвинул задачу показать организацию крестьянского и помещичьего хозяйства «в их взаимной связи и обусловленности и вместе с этим в их взаимной борьбе» (с. 3). Как видно, проблема взаимосвязанности хозяйственной жизни в пределах имения в исследовании Н. Л. Рубинштейна заявлена со всей определенностью. Экономическое развитие крестьянского хозяйства, подчеркивает автор, «может быть правильно понято лишь во взаимосвязи с организацией и экономикой господского хозяйства» (с. 131).

Становление нового уклада в аграрной сфере Н. Л. Рубинштейн усматривает прежде всего в товарном производстве, подтачивающем прежние натуральные устои (с. 11). Одной из причин расширения помещичьего землевладения путем покупки и прямого захвата казенных и спорных земель, населенных однодворцами, ямщиками и др., особенно в южных черноземных уездах, автор называет крепнущую рыночную направленность господского хозяйства. «Округление» имений и их появление в новых местах было юридически оформлено генеральным межеванием. Расширение дворянского землевладения являлось показателем выдвижения на первый план в сельскохозяйственном производстве господского хозяйства (с. 62, 65, 72).

[36] *Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 355—383.

Автор считает, что в связи с изменениями в помещичьих имениях важно выяснить, менялось ли в XVIII в. «соотношение господского и крестьянского хозяйства». Исследователь не может не учитывать связь между ними (с. 131).

Для своего исследования Н. Л. Рубинштейн наметил ряд комплексов источников. К их числу относятся топографические описания 1780—1790-х гг., экономические примечания к генеральному межеванию в основном за те же десятилетия, экономические анкеты 1750—1760-х гг., донесения губернаторов, помещичьи инструкции и др. Подворные описания автор называет «ценнейшим источником при изучении экономики крестьянского хозяйства» (с. 149—152). Однако он рассматривает их только в плане распределения повинностей между крестьянскими дворами. Подворное исчисление производилось Н. Л. Рубинштейном прежде всего по взрослым трудоспособным работникам м.п. (15—60 лет), в барщинных имениях — по «вещам» (супружеским парам трудового возраста). В то же время при бытовании барщины автор «определяющее значение» отводит наличию рабочего скота.

В книге Н. Л. Рубинштейна значительное место отведено основным формам феодальной ренты — барщине и денежному оброку — как реальному отражению крепостнической зависимости крестьян. В расширении и усилении отработочной ренты в середине XVIII в. и позднее автор усматривает не возврат к примитивным феодальным повинностям, а приспособление господского хозяйства к рынку в целях повышения его доходности. Как раз начиная с 1760-х гг. вопрос о барщине и оброке становится злободневным. В ответах на Сенатскую анкету 1767 г. денежные платежи осуждались (они вели якобы к отрыву крестьян от земледелия) и помещиков призывали к заведению полевой барщины (с. 71, 77, 79).

В то же время, к 50—60-м гг. XVIII в., заметен перевод крестьян на денежную ренту и замена деньгами натуральных продуктов в ряде крупных дворянских имений (Шереметевых, Щербатовых, Голицыных и др.) и в дворцовых владениях (с. 90).

Изучая вопрос о соотношении отдельных форм ренты, Н. Л. Рубинштейн отмечает фактическое исчезновение натурального оброка как самостоятельного вида повинностей. Ведущей формой он считает сочетание и денежного оброка, и барщины, как реакцию на развитие товарно-денежных связей (с. 93, 95). Между этими формами ренты автор выявляет коренные отличия. В основе оброка лежит приобщение к рынку крестьян, в основе барщины — самого господского хозяйства. При барщине происходит «более полное и организованное использование товарных ресурсов вотчины». Землевладельцы в расчетах на возрастание продукции закрывают глаза на принудительный и даровой труд крепостных. Поэтому «товарность не является органическим свойством барщинного хозяйства и характеризует только его функциональную сторону» (с. 98). Господское хозяйство развивается за счет крестьянского и подрывает его жестокой системой эксплуатации. Рост сбыта помещичьего хлеба к тому же вел к вытеснению крестьянской продукции (с. 96, 98, 128—129).

В книге приведены данные В. И. Семевского о денежном оброке (60—70-е гг. — 2—3 руб. с души м.п., 80-е гг. — 3—5 руб., 90-е гг. — 5—10 руб.).

Н. Л. Рубинштейн с полным основанием считает, что эти прямые ставки в помещичьих документах не учитывают дополнительные сборы. По крестьянским челобитным общие платежи к концу XVIII в. составляли до 30 руб. (с. 156—159).

Размер барщины для 1760-х гг. указывался от 2-х до 3-х дней в неделю. Он повышался с увеличением площади барщинных полей — это был основной путь подъема помещичьих доходов от земледелия. На практике в связи с тем, что крестьяне в первую очередь выполняли господские работы, недельные уроки доходили до 4-х и даже до 5-ти дней.

Автор принимает расчеты В. И. Семевского о росте оброка от 2-х до 5-ти раз и увеличении господской запашки примерно в 2 раза. С учетом роста хлебных цен в 4—5 раз барщина в денежном выражении возросла в 8—9 раз (с. 160—161, 166). Н. Л. Рубинштейн соглашается с размером барщины в 1 дес. в озимом и яровом полях на душу м.п., но считает, что фактически норма была выше. Ведь не учитывалась обработка третьего поля и земли под техническими культурами. К тому же господские работы включали обслуживание усадьбы, подводную повинность и прочее. Вернее, полагает автор, следует считать на 1 чел. м.п. примерно 2 дес. (с. 163—164).

Основной отраслью господского хозяйства являлось зерновое земледелие (хлебопашество). Главные культуры рожь и овес. Посевы пшеницы стали увеличиваться только в последней четверти XVIII в. Лен и конопля занимали незначительное место вплоть до конца столетия. Овощным огородам, а особенно фруктовым садам уделялось большое внимание. Однако ими занимались в основном для собственного потребления. Рыночное значение помещичьего животноводства, прудового рыболовства также было невелико (с. 167, 170, 172).

В целом, считает автор, на рынке сельскохозяйственных продуктов вплоть до конца XVIII в. ведущее место занимала крестьянская продукция, а удельный вес помещичьего хлеба «оставался невысоким». Крестьянин выступал «главным поставщиком хлеба на рынок». В его хозяйстве производилась и основная доля технических культур. Однако уже назревали перемены. Резкое усиление барщины означало «наступление помещика на крестьянина», начало борьбы за преобладание на рынке сбыта сельскохозяйственных продуктов, за вытеснение земледельца из товарного производства и обращения (с. 315—316). Ощутимых результатов помещики добились позднее, в первой половине XIX в.

В разделе о крестьянском хозяйстве Н. Л. Рубинштейн устанавливает такие показатели обеспеченности пахотной землей и площадью посева без пара на 1 чел. м.п. в десятинах. Для Центрального промышленного региона пашни 3,2—3,5, посева 1,2; для Северо-Западного 3,6, посева 1,28; для Центрального черноземного 4,2—6,0, посева 1,9. Как видно, в Черноземье самая высокая площадь используемой пашни. Однако и здесь имелись неиспользуемые земли, так что о кризисе трехполья, как полагает автор, говорить нет оснований. Скорее можно прийти к выводу о трудности для барщинных крестьян расширять клин обрабатываемого надела из-за отсутствия работников. Нормальным наделом современники считали 3 дес. пашни на

1 чел. м.п. Но эта норма приближается к предельному показателю (с. 232, 234—235).

Н. Л. Рубинштейн показал, что более высокая обеспеченность работниками и лошадьми зажиточных дворов давала семье излишки зерна до 30 четв. в Нечерноземье (урожай до сам=5) и около 75 четв. в Черноземье (урожай до сам=7). Бедные крестьяне получали в среднем урожай до сам=3, а из семена в зерновом расходе шло около 35 % сбора (у зажиточных — 12—20 %), и в распоряжении оставалась лишь душевая потребительская норма — 3 четв. Таким образом, надел 1—2 дес. в трех полях представлял собой голодный минимум.

Важнейшей чертой крестьянского хозяйства второй половины XVIII в. Н. Л. Рубинштейн называет рост товарности земледелия, хотя потребительство оставалось основной функцией. Выделялось и специальное рыночное производство, прежде всего у зажиточных земледельцев. Свидетельством этого является расширение в Черноземной полосе посевов пшеницы за счет ржи, распространение крупяных культур — гречихи и проса. В Черноземье рожь и овес составляли 40 % рыночного продукта, а в ценностном выражении — 15 % от стоимости общей продажи зерновых. На первое место вышла по объему сбыта греча (23 %), затем просо. По 6 % давали пшеница и ячмень. Средневолжский район снабжал хлебом Санкт-Петербург. В производстве технических культур, в огородничестве и садоводстве первенствовало крестьянское хозяйство.

Крестьянское скотоводство, бытовавшее повсеместно, имело потребительский характер и, за исключением ряда районов, не становилось самостоятельной отраслью (с. 281). На севере и в степных районах оно носило промыслово-торговый характер (с. 285—286). Птицеводство существенного значения не имело. Пчеловодство, особенно рыночное, отмечено лишь у зажиточных дворов.

Впервые к изучению дворянских владений 1730—1750-х гг. по делам фонда Канцелярии конфискации РГАДА приступила в своей монографии П. К. Алефиренко. Она отметила, что из-за отсутствия за вторую четверть XVIII в. вотчинных архивов в распоряжении историка остаются лишь материалы Канцелярии конфискации. В них имеются описания имений в основном средних и мелких помещиков, а также представляющие особую ценность описи крестьянских дворов. В последних указано население об.п., постройки, поголовье скота, однако редко встречаются сведения о посевах и запасах хлеба[37].

Помещичье и крестьянское хозяйство автор рассматривает в территориальных рамках Центрального промышленного, Центрального земледельческого и Западного районов (в основном имения Московской, Нижегородской, Казанской, Смоленской губерний). По каждому району на основании описаний имений и перечней крестьянских дворов выведены средние показатели барщинных и оброчных повинностей, населенности дворов, поголовья скота и размеров посевов зерновых по имущественным группам

[37] *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 7—8, 19—20.

(«скудные», «среднестатейные», «достаточные»)[38]. Выявлено наличие больших запасов помещичьего зерна в крупных имениях, так как дворяне выжидали повышения хлебных цен. Развитое животноводство наблюдается в крупных имениях. У мелкопоместных владельцев скота было мало. Отмечена возросшая предпринимательская деятельность дворян в промышленности (переработка зерна, винокурение, суконные и полотняные мануфактуры и др.). Автор полагает, что помещичьи крестьяне уже испытывали нехватку земель. Зажиточные хозяйства были втянуты в регулярные рыночные отношения, тогда как основная часть крестьян вела потребительское хозяйство. Они обращались к промыслам для уплаты господских поборов[39].

При изучении имущественного расслоения помещичьих крестьян П. К. Алефиренко придает особое значение поголовью рабочего скота, как «показателю мощности крестьянского хозяйства». Многолошадность позволяла расширить внеподельную запашку. Автором предложена следующая градация: «скудные» крестьяне (безлошадные и однолошадные), «среднестатейные» (двух- и трехлошадные), «достаточные» (с четырьмя лошадьми и более)[40]. В таблицах (приложения) о крестьянском хозяйстве автор делит дворы на 5 групп по численности конского поголовья (безлошадные, с одной лошадью, с двумя, с тремя, с четырьмя и более).

Уделив главное внимание помещичьему хозяйству, П. К. Алефиренко оставила без внимания сельскую дворянскую усадьбу. Приведенные ею сведения о жилых и хозяйственных постройках в усадьбах крупных и мелких помещиков подтверждают резкие отличия дворянских имений друг от друга[41].

Э. С. Коган в своей монографии проанализировала материалы фонда Куракиных (Отдел письменных источников Государственного исторического музея)[42]. Среди бумаг, исходящих от владельцев пензенской и саратовской вотчин, находились помещичьи инструкции, ведомости, ежедневные записи о барщинных работах и больных крестьянах, донесения приказчиков (они отсылались с каждой почтой, раз в 7—10 дней) и др. Наряду с ними сохранились источники, фиксировавшие состояние крестьянского хозяйства: подворные описи, оброчные ведомости, реестры о наличии денег. Автор считает «самой ценной частью... подворные описи».

Подворные описи относятся к 1770—1780-м гг. Первая — 1771 г. — составлена после решения о ликвидации господского хозяйства и введении повышенного оброка после подачи крестьянской челобитной, в которой крестьяне просили обследовать дворы и убедиться в разорении хозяйства. В подворную опись вотчинные власти внесли не только данные о населении, поголовье скота, посевах и др., но и записи о возможности уплаты оброка или необходимости его снижения, о физическом состоянии тяглецов. Следующая опись — 1783 г. — относится к тому времени, когда Куракины

[38] *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос... С. 35, 62, 83, 395—415.
[39] Там же. С. 28—32, 38—39, 48, 53.
[40] Там же. С. 33—35.
[41] Там же. С. 32—33, 56—58.
[42] *Коган Э. С.* Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М., 1960. С. 6—12.

решили завести винокуренные заводы. Для этого надо было наметить группу дворов для перевода на барщину (сведения о посевах, запасах зерна, о скоте), а для другой группы установить повышенный оброк (в дополнение к описи составлен реестр крестьян, имеющих деньги). Третья опись относится к 1787 г., когда в связи с неурожаем в соседних губерниях подскочили хлебные цены. Для винокурения часть хлеба покупалась, и помещики хотели узнать о посевах и о запасах зерна в крестьянских дворах. Внесены также записи о дворах, нуждающихся в хлебных ссудах. По каждому двору записано: «достаточный» или «недостаточный».

Куракины завели свое хозяйство еще в 1733—1734 гг., когда были построены господский дом и скотный двор. К 1744 г. помещичья пашня занимала 100 дес. в одном поле. В 1750-х гг. площадь колебалась от 317 до 410 дес. В 1750—1760 гг. размер барщинного поля увеличился незначительно (424—427 дес.) (с. 17). Своего земледельческого инвентаря помещики не имели, и на барщину крестьяне приходили со своими сохами. Работа в господском хозяйстве была обычной и для оброчных крестьян (с. 66—67). Куракины устроили конский завод (с 1752 г. — 116 лошадей). На скотном дворе отмечено: 25 коров, 216 овец, 74 свиньи, 56 голов птицы. Действовал винокуренный завод (с. 18). Винокуренное производство хотели расширить в начале 1770-х гг., однако этому помешало сопротивление крестьян (с. 28). Позднее винокуренный завод все же начал действовать.

После заведения винокуренного завода в пензенской вотчине Куракины для получения зерна в 1786 г. перевели на барщину крестьян саратовского имения. Из крестьянской надельной земли отобрали 560 дес. (с. 117). Да к тому же отобрали у крестьян ярового зерна по 12 четв. с тягла. Из-за этого 15 дворов разорились, а другие смогли отдать зерно только в следующем году. Помещики для распашки залежи и целины приобрели 50 железных плугов и стали применять семена лучшей сортности. Приказчики строго следили за качеством работ. В результате урожаи на барщинных полях становились выше, чем на наделах. Возвели 18 риг с крытыми токами и печами. Поставили их «в самые морозы», и они развалились; тогда возвели каменные. Построили мельницы и крупорушки. Крупу и вино отправляли на продажу в Петербург. На скотном дворе в этой вотчине отмечено 260 голов крупного рогатого скота, в овчарне 1663 овцы, на птичнике 1403 птицы.

Усадьба Надеждино (Борисоглебское) стала резиденцией Александра Борисовича Куракина. Здесь построили дворец, церковь, оранжереи, разбили сады и парки (с. 117—120). Во время отсутствия А. Б. Куракина в имении «все постройки были перенесены на гору по соседству с прежней усадьбой». Князь писал наследнику Павлу в 1794 г.: «Эта фантазия, стоившая мне изрядно, удалась сверх ожидаемого, и удовольствие, которое я получил, с лихвой искупило все расходы, на нее затраченные... Весь ансамбль представляет довольно приятное и величественное зрелище»[43].

[43] *Дмитриева Е. Е., Куницына О. Н.* Жизнь усадебного мира: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 452. В этой книге владельцу Александру Борисовичу и усадьбе Надеждино посвящен очерк «И сад был южной...».

Дом в Надеждино постоянно принимал десятки гостей, и «многие из бедных дворян жили здесь по нескольку месяцев... и пользовались всеми удобствами широкой барской жизни». Приезжие получали печатную инструкцию «Обряд и правила для здешнего образа жизни...». Усадьбу обслуживало около 300 слуг.

Перу князя принадлежали две книги с описаниями путешествий по Англии и Голландии, по притоку Волги реке Суре. Имеет основание предположение, что он был автором стихотворных подписей к усадебным сооружениям в саду[44].

Помимо дворовых, усадебную жизнь Куракина обеспечивали нанятые за высокую плату несколько десятков иностранцев, в первую очередь французы, взятые в качестве секретарей, библиотекарей, докторов, поваров, музыкантов, садовников, курьеров[45].

По совету соседа («опытного хозяина») Куракин установил высокую норму полевой барщины. Каждого крестьянина обязали обрабатывать по десятине в озимом и яровом полях и конопляник площадью 80 × 5 саж. Он же должен был обмолотить часть зерна, а его жена переделать в крупу 3 четв. проса и гречихи и 1 $^1/_2$ четв. овса. Зимой для отвоза на продажу господского хлеба крепостной выделял две подводы, а безлошадные отвозили зерно на господских лошадях за тысячу верст. Помещику сдавали также продуктовый оброк. Часть крестьян была переведена в дворовые, и за них остальные отрабатывали уроки. Строительные работы в усадьбе также отнимали немало времени.

Размеры господских полей не уменьшались. По перечню и объему всех работ барщина стала четырехдневной, в летние месяцы — непрерывной. Помимо урочной системы проводились работы «сгоном». Крестьяне ответили бегством, и Куракин был вынужден изменить порядок. В неделю 3 дня работала половина тяглецов (другая половина на наделах). Затем они менялись. «Четвертый же день в неделе, — писал крепостник, — то есть воскресение оставляю вам». Однако, судя по «журналам», в седьмой день недели трудились обе половины. В течение года барщинные работы прекращались только по большим праздникам на пятнадцать дней. В 1791 г. крестьяне м.п. отработали (не считая июля, августа, сентября) 63 478 дней, женщины 34 397 дней. В июле—сентябре мужчины трудились примерно по 7 тыс. дней, женщины по 4 тыс. Полевая барщина занимала 25—30 % затрат труда, винокурение — 15—20 %, строительство — 16 %, обслуживание скотных дворов — 4 %, мельниц — 3 %, работа в парниках и оранжереях — 2 %, работа в господском доме — 2 % (с. 117—123).

Крестьяне вели зерновое хозяйство и на надельных, и на вненадельных («чищеных») землях. На 1771 г. первых имелось не менее 294-х дес., вторых — 216-ти дес. Расчищенные земли не облагались податями. «Чищеные» участки крестьяне считали своей собственностью, а доля обрабатываемой надельной земли снижалась. Так, в 1783 г. степень использования наделов по посевным группам колебалась в пределах от 18 до 56 % (с. 47). Обеспо-

[44] Там же. С. 313—314, 455—456.
[45] *Евангулова О. С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 56.

коенные вотчинные власти запретили распахивать новые участки (с. 32—35). Приказчики считали неполную обработку наделов проявлением «лености» и «нерадения» и наказывали крестьян. Нарушителям из малоимущих угрожали невыдачей зерновых ссуд (с. 69).

Другое направление внутривотчинной борьбы касалось лесных угодий. На лесных материалах основывались крестьянские промыслы. С начала 1770-х гг. помещичья администрация перешла к охране лесных угодий. Самовольные порубки были запрещены, и нарушители карались денежными штрафами. Одновременно приказчики выделяли земли для посадки новых деревьев. Лесники содержались на крестьянские деньги. Сельчан учили валить деревья не топорами, а ручными пилами. Работу такого мастера-учителя оплачивали сами крестьяне (с. 38—39).

Э. С. Коган, исходя из наличия во всех подворных описях сведений о посевах и запасах зерновых культур, принимает за основу группировки общий размер посева в озимом поле из всех крестьянских участках, и надельных, и вненадельных (с. 46). Она считает, что критерий поголовья рабочего скота не показателен. Дворы с равной обеспеченностью лошадьми по хозяйственной состоятельности неодинаковы, так как лошади нужны также и для извоза, и для вывоза продуктов на продажу (с. 11—12). Также нецелесообразен критерий показателей тягла, так как община при разверстке учитывала многие стороны каждого крестьянского двора (с. 46). Учитывалось и неравенство в крестьянском землепользовании. Наделы дополнялись арендованными и расчищенными от леса участками (с. 44—45).

Денежный оброк с 1760-х до 1780-х гг. увеличился в расчете на душу м.п. с 2 до 5 руб. Значительными были платежи на «мирские нужды». Сборы в течение года проводились неоднократно. По подсчетам автора, доля мирских платежей составляла в отдельные годы 12,7 %, подушных 18,4 %, оброчных 68,9 % (с. 40—41).

Как установила Э. С. Коган, из 1771 г. при группировке 206 дворов в пензенской вотчине по площади озимого поля в 143 хозяйствах (69,4 %) расходы были выше доходов (с. 54—56). Сумма доходов 1278 руб., а на подати ушло 1418 руб., на 140 руб. больше. В 63 дворах доходы преобладали над расходами. Сумма доходов 1570 руб., подати заплачены на сумму 680 руб. В 1783 г. разница в посевах еще более возросла. Дворы с посевом 4—7 дес. высевали примерно в четыре раза больше, чем дворы с посевом от половины до 2 дес. (с. 56—57).

Под расслоением крестьян в помещичьем имении Э. С. Коган понимает «углубляющееся обособление хозяйственных групп» (с. 42), т. е. выделение дворов, которые «значительно различаются как по общему уровню хозяйства, так и по степени его товаризации» (с. 53).

По показателям посева и запасам зерна в пензенской вотчине выявляются следующие дворы: 1) не обеспеченные зерном, 2) обеспеченные, но без товарных остатков, 3) дворы с товарными остатками хлеба. Из 305 дворов в первую группу попали 196 дворов (64,2 %), во вторую 55 (18,1 %), в третью 54 (17,7 %). Итак, в имении 3 группы земледельцев: 1) скудные (посевы до 1 дес., от 1 до 2 дес.), 2) средние (2—4 дес.), 3) первостатейные (4—5 дес. в

озимом поле) (с. 56). В первостатейных дворах оказывалось больше скота. Они имели заметный доход от промыслов, от торговли. Они же нанимали работников, в том числе из числа скудных.

Через некоторое время после публикации книги, в которой на основании материалов Канцелярии конфискации второй четверти XVIII в. крестьянское и помещичье хозяйства были представлены по трем регионам в обобщенном (табличном) виде[66], П. К. Алефиренко напечатала статью о положении сельского населения в обширных вотчинах, конфискованных в 1741—1742 гг. у одного из крупнейших помещиков — вице-канцлера графа М. Г. Головкина[67]. Всего у сосланного в Сибирь графа числилось в 7 губерниях 6790 крестьянских дворов (26 498 чел. м.п., 26 632 чел. ж.п.), в усадьбах 1525 дворовых людей об.п. Крестьянские пашенные наделы были небольшими: 1—3 дес. на душу м.п. в трех полях в Нечерноземном регионе, 1, 2—3, 5 дес. — в Черноземном, а в Суздальском, Звенигородском, Галичском, Копорском уездах — меньше одной десятины. Еще меньше было сенокосных угодий. Не случайно крестьяне арендовали луга, а пашню изредка, да и то в оброчных имениях. Нехватка покосов объясняла небольшое поголовье скота во дворах.

В статье детально показаны крестьянские повинности. В 33 владениях была барщина, в 23-денежный оброк. Чаще крестьяне и работали на барщине, и платили деньги, и вносили продукты. В тягло Головкин требовал включать только мужчин 15—60 лет по четыре человека из осьмак. Крестьянский мир в тяглецы записывал и моложе, и старше, увеличивая тем самым число податных единиц (с. 136). В среднем на двор приходилось три чел. м.п. и один-два работника м.п. и из него раскладывалось в полях и лугах до десяти дес. Автор считает, что на барщину привлекались полностью один или два работника с лошадьми. После перехода владений в казну крестьяне крупных имений в Симбирском и Саранском уездах просили освободить их от барщинных работ и продуктового оброка и перевести на денежный, соглашаясь платить с осьмака в первый год по 3 руб., а через три года по 8 руб.

Большое место занимали натуральные сборы. Часть из них была заменена деньгами, но платежи помещик поднимал в полтора-три раза выше рыночных цен. В денежном выражении в ряде вотчин продуктовый оброк составлял половину денежного оброка, а то и равнялся ему (с. 140). Перечень продуктов очень велик (с. 141). Помещику всего поступало около 10 200 руб. Показательно, что среди крестьян, уплачивавших только денежный оброк, недоимщиков не было (с. 143).

Для изучения крестьянского хозяйства П. К. Алефиренко использовала подворные описи по 8 владениям (927 дворов — 5606 чел. об.п.) — 13,6 % всего населения (с. 143). Описи составлены в 1741—1743 гг. Автор замечает, что «ограниченное количество описей дает право только на предвари-

[66] *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 26—93.

[67] *Алефиренко П. К.* Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40—50-х гг. XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Об. 5. С. 132—162.

тельные обобщения» (с. 143). Представляется, что это не так. Владения в 4 уездах были многолюдными. По селу Тарычево Московского уезда перечислено 67 дворов (129 работников м.п.), по костромскому селу Сараево — 94 двора (173), по имению Керенского уезда — 341 двор (544), по имениям Симбирского уезда — 357 дворов (469). Меньше крестьян в селениях Галичского уезда — 53 двора (83). Населенность небольшая в Казанском (5—6) и в Пошехонском уездах (10—29).

Можно сомневаться в обоснованности группировки дворов по конскому поголовью. Пояснение, что сами крестьяне считали лошадность «главным показателем мощи крестьянского двора» (с. 143—144), неубедительно (крестьяне в челобитных просили Канцелярию конфискации не забирать у них лошадей в зачет налогов). Вызывает также сомнение, целесообразно ли объединять дворы, расположенные в разных уездах с большими почвенно-климатическими и экономическими отличиями? Вряд ли это оправданно. Следует также заметить, что расчеты по дворам не включают средние показатели. Отсутствуют и расчеты на душу м.п.

В статье дана «весьма пестрая картина имущественного неравенства среди крепостных Головкина». Доля безлошадных дворов составляла по имениям от 6 до 40 %. Положение таких дворов названо автором «бедственным». Многие уходили на заработки, часть крестьян — на московскую суконную мануфактуру Еремеева.

И в оброчных, и в барщинных селениях много однолошадных дворов (от 25 до 38 %). У них и низкие показатели продуктивного скота и посева зерновых. Такие дворы ежегодно брали у помещика семенные ссуды из так называемого «капитального хлеба». Возвращать надо было больше — на четверть прибавлялось полчетверика зерна, т. е. на 8 пудов полпуда.

Наиболее многочисленной была группа двухлошадных дворов (в нечерноземных уездах — 31,9—38,8 %, в черноземных — 17,0—41,9 %). Среди них реже попадались дворы без скота и посевов. Но и здесь было возможно в основном только простое воспроизводство.

Группа трехлошадных дворов была немногочисленной и по показателям оказывалась близкой к предыдущей. Крестьяне называли эти хозяйства среднестатейными, а отдельные среди них — достаточными.

Четырехлошадных дворов оказалось очень мало (1,3—8,5 %). В них чаще встречаются большие семьи. Они отличались и посевами, и поголовьем скота (без продуктивного скота дворов не было). Автор все же относит дворы к группе среднестатейных и лишь самых зажиточных к достаточным.

Еще меньше дворов с 5—8 лошадьми (1,2—4 %). Они отмечены не во всех имениях. У них во дворе по две-три избы, немало хозяйственных построек. По какой-то причине количество дворов в группе (как и по другим группам) в статье не указывается. Мир относил эти хозяйства к «достаточным», или «заживным», а переписчики называли их «лучшими». Крестьяне арендовали земли, мельницы, мосты, рыбные ловли на Волге. У них же «пришлых людей много в работниках». Самые богатые три двора в симбирском селе Терешинское именуют «капиталистыми». У них отмечены запасы хлеба для продажи. По другим источникам, в двух селах Пензенского уезда шесть таких «капиталистых» крестьян имели 68 крепостных об.п. (41 м.п.), купленных на имя Головкина. Они арендовали у графа два винокуренных завода за 1850 руб. и семь мельниц за 141 руб.

Такие явления, как считает П. К. Алефиренко, позволяют говорить о перерастании «имущественного неравенства в социальное расслоение».

В 1964 г. была опубликована статья А. Л. Шапиро «Хозяйство кромских крестьян (Опыт сравнительного изучения описей XVII—XIX вв.)»[68]. Хозяйственное состояние в начале XVIII в. автор рассматривает на материале подворных описей 1723—1724 гг. трех помещичьих владений Кромского уезда, опубликованном ранее К. В. Сивковым[69]. Автор отметил благоприятные природные условия края для земледелия и животноводства, например, наличие еще мало освоенных пашенных и сенокосных угодий, а также сравнительно небольшую помещичью запашку и отсутствие денежного оброка. Следствием этого явилось высокое поголовье крестьянского скота, что обеспечивало, в частности, внесение навоза под коноплю, продажу мяса на местных рынках. Посевы зерна были незначительными.

Имущественное «разделение» крестьян автор показывает на основе группировки по конскому поголовью. Из 146 дворов безлошадных и однолошадных было 13 (8,9 %). В 31 дворе отмечено по две лошади, в 22 — по три (37,3 %). У 80 дворов лошадей больше (54 двора — 4—6 голов, 26 дворов — 7—13 голов). Их доля 54,8 %. Это можно считать очень высоким показателем и к тому же редко встречающимся.

Л. И. Петрова обработала подворную перепись крестьян 1721 г. вотчины А. Д. Меншикова (село Ивановское Рыльского уезда). В ней из 270 по 248 дворам указано население и его возраст, поголовье скота и птицы, посевы зерновых в четвертях и четвериках, запасы зерна и хлеба в копнах, размер тягла, имущество, как до прихода крестьянина в село, так и нажитое позднее. Даны сведения о прежнем месте жительства и годе прихода. Как видно, эта вотчинная перепись отличается от казенных книг освещением многих сторон сельского быта. Автор сгруппировал дворы по конскому поголовью. Зерна оказалось мало во всех хозяйствах, даже у многолошадных (до 10—11 голов). По мнению автора, животноводство было главным занятием крестьян, поскольку село стояло на большом тракте[70].

В 1963 г. опубликована статья М. Д. Курмачевой «Расслоение крестьян в ардатовских вотчинах Голицыных в конце XVIII — середине XIX вв.»[71]. Она написана на основе четырех подворных описей за 1778, 1795, 1814 и 1845 гг., хранящихся в ОПИ ГИМ. Описи выделяются разносторонними демографическими и хозяйственными сведениями. Имение было оброчным. Подавля-

[68] Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С 428—441.
[69] Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 144—164.
[70] *Петрова Л. И.* Крестьяне крупной курской вотчины в первой четверти XVIII в. // Вестник Ленинградского ун-та. 1964. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 129—133; *Она же.* Наделенность землей и скотом крестьян курской вотчины в XVIII—XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 375—385.
[71] Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 363—378.

ющая часть дворов занималась неземледельческими промыслами и торговлей. Немало крестьян работало по найму, в основном из беднейших дворов. Составителями описей дворы разбиты на три группы: «состояния первого», «состояния среднего», «состояния последнего». Как пишет автор, к концу XVIII в. по большинству дворов отмечено уменьшение числа семей, численности населения, площади наделов и поголовья скота. Однако возросли показатели площади купленных земель и заявленных «капиталов» (от 8,1 до 17, 1 %), а также доля однолошадных (от 20,3 до 41, 9 %). М. Д. Курмачева считает безлошадные и однолошадные хозяйства по хозяйственному состоянию близкими друг к другу. Группа средних (2—3 лошади) насчитывала от 36,9 до 52,5 % от общего числа дворов. Малочисленная группа богатых дворов владела значительной долей всего скота.

Качественно новым явлением автор считает для многих дворов наличие купленных земель (так, в 1795 г. 1766 дес.), по площади превышающих размеры наделов (1560 дес.). Размеры наделов колебались в основном от 2 до 3 и от 4 до 5 дес. Значительная часть купленных земель сдавалась богатыми в аренду «своим и стороннем крестьянам», и выручка составляла сотни и тысячи рублей. Работа по найму увеличилась в первой половине XIX в. В 1842 г. помещик писал в имение: «малосостоятельных выслать на промышленность, посредством которой приобретали бы они деньги» для оброка, а «более безнадежных» отдавать «в работники своим состоятельным крестьянам или на сторону за выгоднейшую плату», но на руки им денег до оплаты поборов не давать (с. 375). Если в конце XVIII в. «капиталы» у крестьян обычно составляли 50—300 руб., то в XIX в. — 300—1000 руб. Возросло и число дворов с покупной землей. А доля безлошадных дворов в вотчине к 1845 г, поднялась с 11,0 до 23,7 % и вместе с однолошадными составила половину (51,2 %).

В монографии И. А. Булыгина[72] показано превращение крупного имения Александра Ивановича Полянского в Саранском и Пензенском уездах в хозяйство предпринимательского типа к концу XVIII в. Черты предпринимательства приобретают и некоторые зажиточные крестьянские хозяйства этого имения. Основу этого процесса составляло усиление товарности ряда отраслей и прежде всего зернового земледелия. Объем продажи помещичьей ржи приблизился к 60 % от общих запасов, по яровым он достиг 80—90 % (с. 108). К концу столетия доход от продажи хлеба в 3—5 раз превышал сумму оброчных денег (с. 140—141). Животноводство и пчеловодство также получили товарную направленность. Часть средств помещик направлял на улучшение хозяйства. Господские поля увеличивались (особенно посевы крупяных культур и гороха), и началось применение плугов, железных борон. 78 штук сделали крепостные кузнецы по купленному образцу весом каждая 17 $^1/_2$ фунтов (с. 97—98). Внедрялись новые сорта овса и гречи (с. 102). Помещик требовал от управляющих продавать как можно больше зерновых продуктов. С 1780 г. началась продажа всех яровых. Крупы из проса, гречи, ячменя, полбы, мак и горох сбывались в Москве и Петербурге (с. 108—109).

[72] *Булыгин И. А.* Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (По материалам Пензенской губ.). М., 1966.

Переехав в 1791 г. в имение, Полянский лично вникал в организацию сбыта зерна, исходя из рыночных цен в Сарапске, Саратове, Нижнем Новгороде (с. 111). Продажа велась и во многих селениях Нижегородской и Симбирской губерний. Улучшались породы коров, овец, свиней. Появились конные заводы. Продукты садоводства, овощеводства, пчеловодства, рыболовства в основном шли в усадьбу, но частично и на продажу.

Сдвиги в вотчинном хозяйстве вызывали усиление ряда крестьянских повинностей, особенно подводной. Перевоз хлеба на крестьянских подводах обходился так дорого, что Полянский иногда снижал денежный оброк. Помещик разрешал крепостным самим выбирать место сбыта, но при условии продажи по назначенным им ценам (с. 111—112).

Для строительных работ — ремонт господского дома, постройка храмов, двух каменных флигелей для дворовых, каменных конного и скотного дворов, каменной кузницы, пяти каменных ряг, трех мостов — заведены печи по обжигу извести и кирпичные заводы (с. 127—128). Крестьянам, взрослым и мальчикам, на время работы выдавалась мука. Вольнонаемных Полянский не хотел привлекать. Скотники и конюхи набирались из крестьян с переводом на месячину (с. 118). А с 1794 г. появились печники и штукатуры из крестьян.

Помещик устроил полотняную мануфактуру. Число станов с 6 увеличилось до 22 (34 работника). Рабочим выдавались деньги (нерегулярно) и хлеб, а затем определили им земельные участки (десятина в поле). Пряжу крестьянки готовили в принудительном порядке из господской конопли и льна. Действовали также суконная и ковровая мастерские. Работали крестьяне и крестьянки, получавшие месячину. Шерсть поступала от господских овец. Продукция мануфактур шла в Петербург и Москву. Видно, что дворянское предпринимательство не ослабляло, а усиливало крепостнический гнет во всех его проявлениях.

Помещичьи поборы с крестьян включали барщинные работы (пашня, сенокос, изготовление круп, крахмала, масла, поставка кирпича, лов рыбы и птицы, доставка дров), натуральный оброк, денежный платеж за некоторые продукты, ежегодную поставку подвод в Москву (или уплату 1 руб. 50 коп.), перевозка господских продуктов в имении и в округе. Часть крестьян была переведена на высокий денежный оброк (7 руб. со взрослого мужчины, 3 руб. с женщины). Им отдали те десятины, которые раньше обрабатывали на барщине. Некоторые оброчные селения были обязаны трудиться на выращивании господского льна и конопли (с. 146—148). Повинности исполнялись под нажимом вотчинных властей («с немалым наказанием», «секли жестоко», староста «бил..., на снегу морил») (с. 149, 151).

Из-за крестьянского сопротивления Полянский в 1776 г. изменил порядок отбывания тягла. Оброчники вносили 7 руб. с супружеской пары. Другие выполняли господские работы по три дня в неделю, платили 1 руб. 50 коп. за подводу и 1 руб. столовых денег, давали по 2 саж. дров, по 2 тыс. кирпича и др. Полевая барщина составила 1 $^1/_2$ дес. в трех полях на тягло, но фактически она была выше. Однако сами крестьяне все повинности разложили на всех по венцам.

В 1792 г. Полянский увеличил размер барской запашки. Он приказал работать не по вениам, а всем мужчинам поголовно. Каждую десятину тремя сохами предписывалось вспахать за один день. Получалось по 0,7 дес. в поле на каждого. Боронование пашни и посевов должны были производить мальчики и девочки (две бороны на одну десятину в течение дня). На жатве десятину обрабатывали за день четыре женщины. На свои наделы крестьяне отпускались после господских работ. Господский лен и конопля раздавались крестьянам для обработки (с. 158).

И. А. Булыгин отмечает, что если раньше барщинный труд измерялся по десятинам, то теперь на полевых работах при новых нормах «работать нужно было столько, сколько требовал помещик». Полянский писал, что если не дать крестьянину норму да не смотреть за ним, толку от его работы будет мало (с. 159).

Отныне во второй половине апреля крестьяне из 16 дней работали на помещика 11. На себя оставалось 5 дней, в основном праздничных. В июне из 30 дней они трудились в своем хозяйстве только 12, в июле из 31 дня — 10, в августе из 31 дня — 13, в сентябре из 26 дней — 7. Таким образом, считает автор, по меньшей мере две трети рабочего времени надо было отработать на барщине во всех ее видах (с. 159—160).

Вотчинные власти состояли из управляющего (ему «все отдано в волю»), приказчиков в селениях, избираемых общиной старост и выборных (обычно из богатых крестьян). Старосты и выборные освобождались от тягла, и до 1779 г. им ежемесячно выдавалась ржаная мука. Приказчики вели годовые счетные книги (по разработанной Полянским форме), а с конца 1770-х гг. книги были заменены ежемесячными рапортами. Относительно правдивости содержания рапортов Полянский писал: «...я из тех мало прибыли имею и, читав те, сыт не буду, а больше еще и проголодаюсь» (с. 164). Конечно, помещик имел основания сетовать на приказчиков. Возможно, он имел сведения и о подношениях от богатых крестьян, и об их попойках. Жестокие наказания не могли обеспечить исправное поступление поборов от задавленных барщиной крестьян. Полянский в 1792 г. потребовал не выполнивших урок оставлять ночевать на десятине, включая мальчиков и девочек, чтобы они утром завершили работу. Позднее он ввел систему штрафов для «ленивых», а также за потравы, порубки и др. (с. 166).

Крестьянское хозяйство И. А. Булыгин анализирует по вотчинным подворным описям 1773, 1777, 1781 гг., которые содержат сведения о поголовье скота, а одна из них также о посевах (с. 170). Автор группирует крестьянские дворы по рабочему скоту и устанавливает «глубокое имущественное неравенство» между ними. Безлошадные в 1773 г. составляли четверть всех дворов (25 %). К средним отнесены дворы с 1—4 лошадьми. Богатых (5 и более лошадей) оказалось 11 дворов (около 15 %). На 1777 г. безлошадных стало уже 33 двора (более 40 %). Из них 26 дворов не имели посевов. Группа богатых уменьшилась (6 дворов — 7,2 %). Возможно, сказались последствия расправы карателей над крестьянами в 1774 г., так как по описи 1781 г. число безлошадных уменьшилось до 20 (26 %). Число богатых возросло до 10 (13 %). Соотношение между группами почти повторяет данные 1773 г. (с. 174).

Относительно градации дворов необходимо сделать замечание. Объединение в среднюю группу дворов с одной и даже с двумя головами рабочего скота и дворов, у которых 3—4 лошади, неправомерно. Выделение безлошадных (они же и беспосевные) в особую группу для сравнения с другими также сомнительно. Автор сам же считает, что обрабатывать и барщинную, и надельную землю они не могли и, очевидно, либо занимались промыслами, либо нанимались на разные работы.

В целом имущественное расслоение с усилением товарности крестьянских хозяйств осложнялось явлениями социального характера.

В 1971 г. нами опубликована статья о крестьянских хозяйствах в каширском имении барона П. П. Шафирова. Она написана по данным одного из первых подворных описаний начала XVIII в.[73] Исходя из земледельческой направленности дворов было взято за основу группировки конское поголовье. Десять безлошадных дворов составили беднейший слой. Одно-лошадные дворы (их 51) составили 27,7 %. Дворов с двумя лошадьми оказалось 55 (29,8 %), с тремя — 39 (21,0 %), с четырьмя 16 (8,6 %). 14 дворов, где значилось от 5 до 11 голов, составили самую зажиточную группу. Ныне нам представляется та группировка не очень убедительной. В группах с одной-тремя лошадьми дворы так отличались по поголовью коров, овец, свиней и по другим показателям, что их пришлось делить на подгруппы. С учетом средних по всему скоту и новому урожаю ржи составлена иная группировка по 175 дворам. Поэтому в малосостоятельный слой попали и однолошадные, и двухлошадные (91 двор); в среднесостоятельный — и с двумя, и с тремя лошадьми (49 дворов). Зажиточных оказалось 35 дворов.

В монографии Е. Н. Баклановой «Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в.», опубликованной в 1976 г., выдвинута задача «рассмотреть хозяйство отдельного крестьянского двора как низовой единицы феодальной вотчины», помещичьей и монастырской (с. 4). Автор попыталась оценить двор по его обеспеченности работниками, землей, скотом и инвентарем на основании государственных переписей 1678 и 1717 гг. и описаний отдельных монастырских и дворянских земель 1702—1706, 1723 гг. по Вологодскому уезду, в том числе по 19 отписным книгам дворянских имений за 1704—1706 гг.

Последующая задача сводилась к показу «производственных связей двора с феодальной вотчиной» (виды и размеры ренты и их изменения), а также к установлению поземельных прав двора (семьи) как члена общины.

В Кубенской трети Вологодского уезда преобладали мелкопоместные имения. К 1717 г. количество крестьянских дворов и численность помещичьих крестьян м.п. существенно снизились по сравнению с 1678 г. Среди причин основными являлись смертность, мобилизации в армию и на казенные работы, бегство. Средняя населенность двора, наоборот, увеличилась с 3,2 чел. м.п. до 3,8. Основную причину автор усматривает в нежелании и дворян, и крепостных производить семейно-хозяйственные разделы. Подсчеты 636 семей помещичьих крестьян показали преобладание людей м.п. (с. 16—17).

[73] *Тихонов Ю. А.* Крестьянское хозяйство Центральной России первой четверти XVIII в. // История СССР. 1971. № 4. С. 169—178.

Большой интерес вызывает анализ половозрастного состава населения. Почти половину (44 %) составили молодые люди об.п. в возрасте до 20 лет. Обычны семьи с тремя детьми (67,7 %). Доля детей (автор относит к ним всех до 15 лет включительно) достигала трети всех крестьян об.п. До пяти лет соотношение мальчиков и девочек одинаковое, затем возрастает доля мальчиков. На 100 мальчиков 11—15 лет приходилось 63 девочки. Трудоспособное население (16—60 лет) для мужчин составляло 59,5 %, для женщин — 65,3 %. В пределах 61—70 лет численность крепостных об.п. резко сокращается (в 3 раза по сравнению с группой 51—60 лет). Сокращение численности женщин наблюдается после 40 лет, и оно еще более заметно с 50 лет (с. 23—24).

Заслугой автора следует считать установление взаимосвязи структурно-численного состава крестьянского двора (семьи) с его хозяйственными возможностями. И само крестьянское хозяйство, и площадь надела, и выполнение им повинностей увязывались не с численностью населения двора, а с количеством взрослых работников (с. 24).

При анализе типов крестьянских семей и их составе Е. Н. Бакланова впервые в исторической литературе использовала терминологию, принятую этнографами. Это позволяет сравнивать семьи по наличию работников м.п., столь необходимых на пашне и на сенокосе. Ранее историки ограничивались выявлением средних показателей людей м.п. и ж.п. на крестьянский двор. Автор установила более сложный структурно-поколенный состав семей у помещичьих крестьян (636) в сравнении с монастырскими. Преобладали семьи из двух и трех поколений (в них от 4 до 9 чел. об.п.), а среди неразделенных (2—3 супружеские пары) чаще встречались братские, чем отцовские (с. 35). Больше было дворов с двумя (иногда с тремя) избами (36,3 %). Таким образом, в первой четверти XVIII в. в дворянских владениях на долю малой семьи приходилось 54,5 %, неразделенной — около 46 % (с. 39). В первой находился один взрослый работник, во второй — 2—3. Возраст полного работника автор принимает от 18 до 60 лет, неполного — 15—17 лет. Тип семьи показывал трудовые возможности двора.

Автор выдвинула важное положение, что для изучаемого периода «владение землей было для крестьянина уже не правом, а обязанностью» (с. 47). Площадь надела определялась, в конечном счете, интересами землевладельца и стремлением общины обеспечить земельное равенство своих членов. В монографии установлена «прямая взаимосвязь между числом работников и величиной крестьянского надела». Выявлено и «соответствие между величиной посева и поголовьем рабочего скота» (с. 192).

По описаниям монастырских вотчин автор установила, что максимально были нагружены пахотой в посевную компанию лишь дворы с одним работником. Другие (от 2 до 6 взрослых работников) имели резерв рабочей силы.

Изучение отписных книг Поместного приказа с описаниями крестьянских дворов за 1704—1706 гг. дало сведения о 163 дворах. Они не содержат достаточно полных данных о типе семей и числе работников. Поэтому за основу группировки была взята величина озимого посева в связи с поголовьем скота, прежде всего рабочего (с. 68—69). Выявлено три группы: 1) при типичном посеве в полчетверти на двор приходится лошадь и 2 коровы;

2) при посеве в одну четверть — 1,5 лошади и 3,5 коровы; 3) при посеве 1,5—2 четверти — 2 лошади и 5—6 коров (с. 73). В последней группе отмечены отдельные хозяйства с 3—4 лошадьми, но их мало, так как крестьяне уделяли основное внимание молочному стаду. Прямо пропорциональная зависимость показателей очевидна. В целом половина дворов имела по одной лошади, по одной-две коровы. В одной пятой хозяйств не было рабочего скота, в одной десятой — крупного рогатого скота (с. 72).

Автор считает, что количество голов скота определялось площадью пашни. Неравенство по надельной земле проявлялось заметнее, чем по скоту (с. 76). Условно обычный двор — это двор с семьей из прямых родственников двух поколений 3—6 чел. об.п. В нем 1—2 взрослых работника. Надел от 2,25 до 4,5 дес. и 1—2 головы рабочего скота (с. 83).

Таким образом, при группировке дворов автор выдвинула комбинированный показатель площади посева в сочетании с рабочим и крупным рогатым скотом.

Крестьяне Вологодского уезда постоянно прибегали к аренде дополнительных земельных участков, пашенных и особенно сенокосных. И недостаток надельной земли, и наличие нескольких работников заставляли искать и обрабатывать пустующие площади (с. 160).

По переписи 1717 г. автор установила, что в помещичьих имениях семейные раздела охватили 92 семьи (14,4 % от общего числа семей). Наиболее часто встречаются семьи из супругов с малолетними детьми, из супругов с женатым сыном и внуками, из двух женатых братьев.

Е. Н. Бакланова выявила двойное возрастание государственных налогов и вотчинных поборов, что вело к исчерпанию трудовых ресурсов крестьянского двора. В конце XVII в. в обработке считалось 2,2—4,5 дес. надела в трех полях и одна треть десятины барской пашни. Уже к 1702 г. господская пашня достигла 1,6 дес. Для первой четверти XVIII в. при том же наделе барщина составляла 3,5 дес. (с. 193).

В приложении к книге воспроизведен текст отписной книги по небольшому помещичьему безусадебному владению. В деревне Котласы Двиницкой волости Вологодского уезда Михаилу Тимофеевичу Кологривову принадлежали 3 крестьянских двора (10 чел. м.п., 9 чел. ж.п.). Отмечены постройки дворов, домашнее имущество, инвентарь (сохи, косы, серпы), поголовье скота, запасы зерна в четвертях и четвериках, посевы озимой ржи в четвериках. На все перечисленное, кроме посевов, указаны цены.

Облик имения премьер-майора Дмитрия Алексеевича Кушникова в Кокшайском уезде воспроизведен в статье А. Г. Иванова[74]. Его описание извлечено из материалов Центрального государственного архива Чувашской республики. Имение описано в октябре 1776 г. при взыскании денег по векселям русских и английских купцов на сумму 3100 руб. Усадьба находилась у деревни Нерядово. Двор (31 × 20 саж.) огорожен забором. Здесь располага-

[74] *Иванов А. Г.* Описание дворянского имения Д. А. Кушникова в селе Кушниково, деревнях Нерядово и Завражное Кокшайского уезда, 1776 г. // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 31—38.

лись господский дом о двух покоях с кирпичной печью и трубой и со стеклянными окончинами, людская изба черная, конюшня, два погреба (ледник и теплый) с сушилами на крыше, сарай для скота, сарай для колясок, два амбара. При дворе сад ($22^1/_2 \times 22^1/_2$ саж.): 85 яблонь, 6 вишен, 4 куста красной смородины. В саду беседка с перилами, дверью и двумя окошками (в одном стеклянная «окончина»). Возле сада гумно. Дворовых двое: муж с женой.

В трех селениях отмечено 50 дворов (75 семей — 295 чел. об.п., в том числе 143 чел. в возрасте 16—60 лет). Опись дворам дана в форме таблицы (номер двора, фамилия и имя хозяина, возраст жителей, поголовье скота и его стоимость).

Крестьяне платили денежный оброк. В их пользовании было около 190 дес. земли. В среднем на чел. м.п. 1,3 дес. По подсчетам автора, 14 дворов с одной лошадью, 33 — с двумя, 2 — с тремя, 1 — с пятью (безлошадных не было). В дворах многолошадных отмечено от 4 до 7 работников.

Все имение оценено в 5851 руб. 25 коп. Стоимость усадьбы 50 руб. 50 коп. Стоимость пашенной земли 377 руб., скота 290 руб. 75 коп. Крестьян об.п. оценили в 4440 руб. (75,9 % стоимости имения).

Методические разработки о подворных описях обобщены В. И. Крутиковым на основании наблюдений ряда исследователей и анализа данных 256 описей по помещичьим имениям Тульской губернии из московских и областного архивохранилищ за 1777—1860 гг.[75]

В. И. Крутиков разделил описи на два вида и предложил условно назвать одни — «вотчинными» (их составляли приказчики в имениях), а другие — «государственными». По Тульской губернии большую часть (60 %) составили вторые. По преимуществу вотчинные описи охватывали крупные имения, государственные — средние и мелкие. Их формуляры имели большое сходство. Однако вотчинные полнее по составу. Они включали разверстку каждого двора по тяглу, указывали молодняк при перечне скота, давали сведения о промыслах, о «поведении» крестьян, их отношении к труду в своем и господском хозяйстве.

Автор подчеркивает ценность описей при определении трудовых ресурсов крестьянского двора. Им произведены расчеты по 158 описям барщинных имений без указания времени составления. К работникам отнесены мужчины в возрасте 18—60 лет, женщины — 16—55 лет; к полуработникам люди м.п. 14—17 и 61—65 лет, ж.п. — 12—15 и 56—60 лет. Правда, автор знает, что юноши в 15—17 лет нередко считались в те времена работниками. Полученные данные распределены по трем группам по поголовью рабочего скота. Беднейшая — безлошадные и однолошадные дворы; средняя — 2—4 лошади; зажиточная — 5 и более голов. На двор беднейшей группы (доля дворов 12,7 %) пришлось 2,7 работника и 0,7 полуработника; на средний двор — 3,6 работника и 0,8 полуработника (доля дворов 57,5 %); на зажиточный — 5,5 работника и 1,2 полуработника (доля дворов 29,8 %). Средняя по рабочему скоту 0,8; 3,0; 6,5 голов (с. 112—113).

[75] *Крутиков В. И.* Подворные описи как источник для изучения положения помещичьих крестьян в период разложения и кризиса крепостничества // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 110—119.

Сопоставление описей последней четверти XVIII в. и второй четверти XIX в. показывает увеличение доли работников в беднейшей и средней группах за счет полуработников и нерабочих вследствие роста смертности детей и стариков. Изменения в зажиточной группе менее заметны (с. 113).

Вопреки изложенному В. И. Крутиков полагает, что определить, по каким критериям составители вотчинных описей делили дворы по имущественным статьям, невозможно. Попытки группировки по рабочему скоту также «не дают желаемых результатов» (с. 114). Однако он же считает (не приводя аргументов), что принятая в литературе градация по рабочему скоту «отражает действительное положение крестьян» (с. 115). Автор пробует решить этот вопрос путем группировки дворов по числу работников, но довольно «робко», на основании описи одного крупного имения 1855 г. Показатели не совпадают. Градация составителей описей: беднейшая группа 16,7 %, зажиточная — 25 %. Градация по рабочему скоту — 9,5 и 10,7 %. Если же вывести показатели на одного работника, то «обнаружим или полное совпадение данных, или их незначительное расхождение» (с. 115). Таким образом, по его мнению, можно считать, что вотчинные власти учитывали трудовые возможности дворов.

При сравнении данных о крестьянской пашне по экономическим примечаниям и по подворным описям В. И. Крутиков пришел к выводу, что лишь описи дают сведения о действительных размерах запашки без переложных и залежных участков, не входивших в ежегодный трехпольный оборот (с. 117—118).

Таким образом, позиции В. И. Крутикова относительно приемов работы с подворными описями не отличаются четкостью. Он отмечает известную условность расчетов по рабочему скоту. Однако перейти к группировке по числу работников автор, по существу, не решился.

Л. С. Прокофьева в указанной выше монографии отмечает наличие в архиве Шереметевых нескольких подворных описаний второй половины XVIII в. (с. 19). Однако ею рассмотрены показатели только одной переписи Молодотудской волости 1762 г. (с. 176). В ней приведены сведения о составе семей с указанием числа мужчин-работников, о поголовье скота и запасах хлеба. В среднем на двор приходилось 2,5 четв. ржи, 3,4 четв. овса (на душу м.п. 0,7 и 1,0 четв.) Поголовье скота было значительным: на двор 2,4 лошади, 2,6 коровы, 3 овцы и 3 свиньи (на душу 0,7 лошади и по 0,8 коровы, овцы и свиньи). Доля однолошадных дворов 20 %, двухлошадных — 44,5 %, дворов с тремя-четырьмя лошадьми — 30 %, с пятью и более — 5,5 %. Однолошадных и двухлошадных автор относит к малообеспеченным хозяйствам. В 1802 г. доля однолошадных поднялась до 23 %, к 1838 г. — до 50 %.

В Молодотудской волости Ржевского уезда число крестьянских дворов, имевших наименьший надел, в 1754 г. было небольшим — 20 (2 %), в 1779/80 г. оно возросло до 211 (10,6 %), в 1791 — до 333 (17,8 %). Доля таких малоимущих дворов увеличилась в 9 раз (с. 82).

Существенный вклад в изучение помещичьих крестьян внесла докторская диссертация М. Ф. Прохорова[76]. Она явилась итогом многолетних изыс-

[76] *Прохоров М. Ф.* Крепостное крестьянство России в 1750-х — начале 1770-х годов. Автореферат дис. докт. ист. наук. М., 1999.

каний автора в 20 архивах, музеях и библиотеках страны (162 фонда). Анализ всех сохранившихся за третью четверть XVIII в. источников позволил автору всесторонне изучить экономическое и социальное положение крестьян в дворянских имениях. Так, автор ввел в научный оборот ведомости о посевах и сборе хлебов за 1760—1770-е гг. (считалось, что они сохранились с 1780-х гг.), офицерские описи по монастырским вотчинам (а в них оказались данные и по 1432 помещичьим владениям в 100 уездах).

Среди изученных М. Ф. Прохоровым источников видное место занимают подворные описания (автор считает их материалами «особой ценности»). Он делит их на две группы — «государственные» и «вотчинные». Первые обнаружены в фондах Сената, Канцелярии конфискации, Дворцового отдела, воеводских и провинциальных канцелярий РГАДА. Вторые — в личных фондах ряда архивохранилищ[7]. Государственные описания охватили около 450 имений (9 тыс. дворов, 30 тыс. крестьян м.п.), вотчинные — около 80 имений (5 тыс. дворов, свыше 19 тыс. чел. м.п.). Среди последних 17 повторных описей по 8-ми владениям. В основном «вотчинные» описи хранятся в архивах крупных землевладельцев — Воронцовых, Куракиных, Голицыных, Шереметевых. Вотчинные описания подробнее, чем официальные, их формуляр более устойчив, а некоторые приобретают табличную форму. К сожалению, они составлялись в XVIII в. нерегулярно, и повторные описи по одному имению встречаются чрезвычайно редко.

М. Ф. Прохоров касается ряда вопросов методического плана. По причине неравенства площади наделов он не принимает за критерий группировки дворов данные о земельных участках (этого придерживалась в своей книге Э. С. Коган). Более оптимальным автор считает критерий обеспеченности рабочим скотом. При определении трех имущественных групп дворов автор принимает выдвинутые И. Д. Ковальченко показатели. Группы таковы: безлошадные и однолошадные — беднейшая группа, 2—3 лошади — средняя, 4 и более — зажиточная. В первой группе показатели безлошадных дворов выделены особо. По отдельным уездам допускается корректировка по крупному рогатому скоту. Для имений, вблизи которых пролегали большие дороги, М. Ф. Прохоров считает возможным отнесение к «средним» дворам дворы с двумя-четырьмя лошадьми, а не только с двумя-тремя. Трудно согласиться с утверждением автора, будто «как правило, при обработке описей крестьянских дворов единицами расчета исследователи берут двор и работника». И. Д. Ковальченко применяет этот критерий только при сравнении повторных разновременных описаний XIX в. одних и тех же имений. Другие исследователи этого критерия не придерживались.

На основании подворных описей составлены таблицы о крестьянском хозяйстве (поголовье скота и птицы, посевы, запасы зерна) в целом и по регионам, о повинностях в соответствии с формами ренты. Средние показатели автором даны на двор и на работника м.п. (18—60 лет). Обоснования расчета

[7] Им посвящена статья Прохорова М. Ф. «Подворные описи XVIII в. как исторический источник» // Археография и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1997.

на работника автор не приводит. Отсутствие средних на чел. м.п. не позволяет сравнивать их с показателями, известными в научной литературе.

Для середины XVIII в., по расчетам автора, в среднем на работника м.п. приходилось 1,4 лошади, 0,2 жеребенка, 1,2 коровы, 0,6 теленка, 3,4 овцы, 1,1 свиней, 0,1 козы, 3,0 птицы и 3,56 четв. посева зерновых (с. 283).

В диссертации М. Ф. Прохорова установлено преобладание неразделенной семьи, отцовской и братской. Она была обычной для средних, а еще больше для зажиточных дворов. Малая семья отмечена в бедных дворах, отчасти в средних. Автор отрицает бытование ранних браков в помещичьей деревне середины XVIII в. Обычно юноши женились в 18—20 лет, девушки в 16—18 лет. В среднем на семью приходилось 6 чел. об.п., в том числе 2—3 ребенка (с. 600).

С ростом имущественного состояния увеличивается число брачных пар во дворе. Об этом свидетельствуют данные и подворных описей, и ревизских сказок.

М. Ф. Прохоров установил численность дворовых людей по изученным описаниям. Она составила 2074 чел. м.п. (7,2 % от числа крепостных крестьян). В том числе в мелких имениях 46,3 %, в средних 22,6 %, в крупных 5,3 %. Обычная норма месячины 4 четверика хлеба для мужчины, 2 четверика — для женщины.

М. Ф. Прохоров выдвигает положение о том, что в дворянских владениях имел место «рационально сбалансированный порядок взаимоотношений трех важнейших социальных институтов общества: государства, помещиков и крестьян». Этот порядок основывался на внеэкономической системе принуждения, позволявшей владельцу расширять и увеличивать комплекс поборов и трудовых затрат, не считаясь с семейными и хозяйственными возможностями крестьянского двора. Система принуждения дополнялась превращением помещика в своеобразного государственного чиновника в сфере суда, сбора налогов, организации рекрутской и иных повинностей.

Уточняя данный вывод Прохорова, хочется заметить, что крепостнический порядок трудно назвать сбалансированным. Приоритет помещичьих интересов являлся стержнем всей вотчинной жизни. Он усиливался интересами государственными. Интересы крепостных крестьян учитывались в незначительной степени.

В диссертации показано, что плоды приобщения аграрного сектора к рыночным отношениям доставались небольшому слою зажиточных крестьян, а основной массе приходилось искать ресурсы «для выживания и поддержания своей экономики». Товарно-денежные связи в середине XVIII в. еще не могли заметно поколебать стремления массы крестьян, общины и владельца в сохранении «крепостнического равенства» в быту и хозяйстве. Ощутимую зависимость от рынка, конкуренцию при сбыте продукции испытывала сравнительно небольшая часть крестьян оброчных имений Нечерноземной полосы, примыкающих к важнейшим транспортным путям. Крестьяне-барщинники (их большинство) выходили на рынок с продуктами излишка необходимости оплаты владельческих и государственных сборов. Во многом этим объяснялось и растущее участие помещичьих крестьян в продаже своего труда в промышленности и на транспорте.

В связи с увеличением барщины помещики уменьшали полевые наделы крестьян. Росла численность безземельных и малоземельных. Все заметнее становилась площадь внеотчинных арендуемых земель, особенно в нечерноземных уездах. Малоземелье вынуждало помещиков при помощи общины следить за уравнительными показателями крестьянского землепользования. В целом, по расчетам М. Ф. Прохорова, надел на чел. м.п. составлял 2,08 дес. в поле в барщинных имениях и 1,18 дес. — в оброчных (с. 600—601).

М. Ф. Прохоров не согласился с мнением В. И. Семевского о преобладании денежной ренты в крупных имениях. По его подсчетам соотношение примерно равное (34,5 % имений — барщина, 33,2 % имений — оброк). Причем в Нечерноземном регионе больше имений на оброке (45,2 %), чем на барщине (23,2 %). В других регионах первенствовала отработочная рента (с. 502).

При изучении имущественного неравенства крестьян автор опирается на данные подворных описей (16 475 дворов). По его расчетам (по поголовью рабочего скота), оказалось беднейших дворов 5915 (35,9 %), в том числе безлошадных 1227 (7,4 %), средних 8062 (48,9 %), зажиточных 2498 (15,2 %). Преобладали средние дворы (их чуть более трети). Средние на двор таковы:

	Бедные	Средние	Зажиточные
Лошади	0,8	2,3	4,9
Коровы	0,8	2,0	3,6
Мелкий скот	2,6	7,1	16,2
Птица	2,3	4,7	9,2
Посевы, четв.	2,2	6,29	9,56

Такое же соотношение вырисовывается при расчете на работника м.п. По регионам соотношение дворов следующее (с. 565—566):

	Бедные	Средние	Зажиточные
Центральный нечерноземный	40,4 %	49,7 %	9,9 %
Центральный черноземный	26,4 %	48,8 %	24,8 %

Как видно, доля средних почти одинакова. Бедных дворов заметно больше в Нечерноземье, а зажиточных — меньше.

По формам ренты выведены такие показатели (с. 561—564):

	Бедные	Средние	Зажиточные
Барщинные имения	34,4 %	48,4 %	17,2 %
Оброчные имения	43,0 %	45,8 %	11,2 %

И здесь показатели заметно расходятся по группам бедных и зажиточных.

М. Ф. Прохоров установил такие средние показатели одного крестьянского двора (с. 559): 6 чел. об.п., 2,2 лошади, 1,8 коровы, 6,8 голов мелкого скота, 4,5 птицы, 5 четв. посева.

М. Ф. Прохоров считает, что имущественное неравенство в помещичьей деревне проявлялось повсеместно. Явления социальной дифференциации (предпринимательство зажиточных и полное разорение безлошадных) имели место в ограниченных размерах, в основном в торгово-промысловых селениях. В целом же на протяжении изучаемого периода можно отметить снижение хозяйственного уровня дворов среднего достатка, численно преобладавших в дворянских имениях. Попытки помещиков сдержать процесс обнищания крепостных путем выдачи ссуд деньгами и зерном, раздачей скота не давали результатов (с. 603—605).

Итак, положение в области изучения аграрного строя России в XVII—XVIII вв. и в изучении сельскохозяйственного производства в помещичьих имениях, в частности, выдвигает задачу более углубленного исследования внутриотчинных связей. Вопрос о причинах, по которым хозяйственные и бытовые отношения в условиях усиления товарной направленности господского хозяйства эволюционировали в сторону упрочения внеэкономического принуждения и усиления крепостнически-барщинной эксплуатации, давно привлекает внимание историков.

Проблема взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян, взаимосвязей между господским и крестьянским хозяйством приобретает большое научное значение. В литературе взаимосвязи усматриваются, главным образом, в воздействии на крепостную деревню форм ренты и размеров эксплуатации. Конкретно это проявляется в сокращении площади наделов, в ограничении выхода крестьян с хлебом на рынок. Широкое распространение земельной аренды являлось реакцией земледельцев на стремление крепостников усилить поборы и в то же время ослабить товарную направленность крестьянского хозяйства. Однако вотчинные власти неодобрительно смотрели на расширение вненалельного землепользования. Смена форм ренты и обращение дворян к промышленному и торговому предпринимательству усиливали негативное воздействие одного хозяйственного сектора на другой. Помещичье попечительство в какой-то степени поддерживало устойчивость среднего крестьянского хозяйства. Первенствующее положение землевладельца в связке государство—помещик—крестьянин определялось возложением на помещика обязанностей «чиновника» в своем имении. «Крепостническое равенство» по тяглу при отбывании повинностей (о чем заботились и помещики, и мирские выборные) не могло приостановить тенденцию к понижению хозяйственных возможностей среднего слоя крестьян, составлявших большую часть населения помещичьих владений.

Наряду с расширением круга источников по данной проблеме наблюдается совершенствование исследовательских приемов в изучении помещичьих инструкций и особенно подворных описей. Градация крестьянских хозяйств по имущественным параметрам вотчинной администрацией признается неубедительной. Не получила признания и группировка по такому критерию, как площадь посевов зерновых. В основном исследователи применяют для установления неравенства крестьянских хозяйств показатели рабочего скота (иногда с добавлением показателей крупного рогатого скота).

Критерий численности работников м.п. не нашел еще своих сторонников, хотя, начиная с исследований 1970-х гг., взаимосвязь между типом, структурой и составом крестьянской семьи и хозяйственными возможностями крестьянского двора становится все более очевидной.

Таким образом, при изучении населения и хозяйственных возможностей крестьянских дворов основания для их группировки не получили нетей необходимой аргументации. По этой причине суждения о хозяйственном неравенстве помещичьей деревни пока еще не подкреплены убедительными расчетами.

***

Настоящая монография состоит из двух частей. В первой части по материалам «государственных» описаний помещичьих имений представлены антиподы — усадьба и усадебное хозяйство и крестьянский двор и крестьянское хозяйство. Автор привлек данные всех известных ему описаний с подворными описями (с обязательным присутствием хозяйственных показателей, хотя бы только поголовья скота), независимо от того, представлена ли в них усадьба или имение является безусадебным. В виде исключения включены описания отдельных господских усадеб, не совсем обычных по своему виду или хозяйству.

Во второй части поставлена задача по содержанию помещичьих инструкций XVIII в. обозначить социально-экономические ориентиры взглядов дворян-крепостников по важнейшим вопросам развития аграрного сектора страны.

Описания имений по времени их составления распределены по четырем периодам: XVII в., первая четверть XVIII в., 30—50-е гг. XVIII в., 1760—1770-е гг. Такое расположение, связанное с укреплением крепостнических порядков в помещичьей деревне, дает возможность наметить общее направление хозяйственного развития в связи с расширением барщинной системы и ее нацеленностью на сбыт продуктов на внутреннем рынке.

Изучаемые помещичьи имения по числу крепостных крестьян м.п. разделены на три группы — крупные, средние, мелкие.

Дифференциацию дворян для XVIII столетия по имущественному положению, впервые предложенную В. И. Семевским (владельцы крепостных до 20 чел м.п. — мелкопоместные, 20—100 чел. — среднепоместные, 100 и более — крупнопоместные), можно считать принятой в литературе. Я. Е. Водарский ее уточняет: считая в среднем на двор 4 чел. м.п., к первой он относит владельцев до 20 душ (или до 5 крестьянских дворов); ко второй 21—99 (или 6—25 дворов); к третьей от 100 чел. и более (от 26 дворов)[78].

И. Д. Ковальченко соглашается с принятой в первой половине XIX в. градацией имений по числу крестьян м.п. (мелкие до 21 души, средние 21—100 душ, крупные — свыше 100 душ, крупнейшие — свыше 1 тыс. душ). Для оп-

[78] См.: Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 38. Об иных группировках см.: *Фаизова И. В.* Указ. соч. С. 50—51.

ределения состояния крестьянского хозяйства (считает он) показательно положение крепостных именно в крупных имениях[79].

Общие изменения в период 1678—1777 гг. в составе дворян-душевладельцев выявлены Б. Н. Мироновым.

В 1678 г. у мелких дворян (их 9,7 тыс. чел. — 47 %) было 89 тыс. крепостных крестьян. В среднем 9 чел. на одного владельца. На 1777 г. мелких стало 41 тыс. (59 %), и они владели 316 тыс. крестьян (6 %), а средний показатель 8 чел.

Численность средних дворян возросла с 8 тыс. (38 %) до 18 тыс. (доля уменьшилась до 25 %). У них было 325 тыс. крепостных, стало 940 тыс. (19 %). Средние 41 и 52.

Количество крупных с 3,1 тыс. чел. поднялось до 11 тыс. (16 %). Число крепостных с 1074 тыс. поднялось до 3663 тыс. (75 %). Средние 347 и 333 (небольшое снижение)[80].

Всего в данной монографии использованы описания 167 имений помещиков. Среди них 34 крупных (100 и более чел. м.п.), 69 средних (21—99), 64 мелких (до 20 чел.). Процентное соотношение 20,4; 41,3; 38,3. В 90 имениях находились дворянские усадьбы.

В 34 крупных имениях отмечено 2988 дворов (11 351 чел. м.п.). В 69 средних крепостных было намного меньше (772 двора, 2670 чел. м.п.). В 64 мелких в 225 дворах проживал 721 чел. м.п. (см. *табл.*).

Для выяснения семейных и хозяйственных различий между крестьянскими дворами в помещичьей деревне в качестве методического приема применяется распределение дворов по группам и выведение средних показателей в расчете на двор (крестьянское хозяйство) и на чел. м.п. В настоящей монографии показатели средних чисел даны главным образом для крупных имений.

Наличие в каждом из них 100 и более чел. м.п. позволяет представить дифференциацию крестьянского населения и хозяйства по средним показателям на двор и на чел. м.п. Численность дворов в средних и, тем более,

Дворянские владения в XVII-XVIII веках

Имения / Период	Крупные			Средние			Мелкие		
	кол-во	в них		кол-во	в них		кол-во	в них	
		крестьянские дворы	крестьяне м.п.		крестьянские дворы	крестьяне м.п.		крестьянские дворы	крестьяне м.п.
XVII в.	–	–	–	15	155	572	16	48	164
Первая четверть XVIII в.	15	1028	4616	20	208	723	16	54	181
1730-1750 гг.	10	1274	4569	5	67	239	7	24	77
1760-1770 гг.	9	686	2166	29	342	1136	25	99	299
Всего	34	2988	11351	69	772	2670	64	225	721

[79] *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 58—60.
[80] *Миронов Б. Н.* Социальная история России... С. 90—92.

мелких владениях не позволяет придать расчетам (средним числам) необходимую убедительность. В итоговых по главам показателях приводятся средние величины для средних имений в целом (а не по группам).

И. Д. Ковальченко предложил следующее определение понятия крестьянский двор. Для последнего необходимо либо наличие собственного хозяйства, либо усадьбы с избой. Проживавшие в одном дворе две семьи, имевшие самостоятельное хозяйство, следует принимать за два двора. Проживавшие во дворе семья или один человек без собственного хозяйства в число группируемых дворов не включаются (как и бездворные крестьяне)[41].

Представляется, что при дифференциации крестьянских хозяйств группировать их по поголовью рабочего скота или по размерам посева зерновых нецелесообразно. Исследователи отмечали уязвимость группировки дворов по лошадям. Двор с тремя головами (как и с двумя) относили к средней группе, хотя можно отнести его и к зажиточной. Двор с четырьмя головами при регулярном извозном промысле мог обрабатывать под озимую рожь небольшой участок. Наконец, почему-то безлошадных объединяли с однолошадными дворами. Безлошадных крестьян следовало бы вообще исключить из группировки. Либо они разорились, либо занимались неземледельческими промыслами. Не случайно некоторые историки дополняли показатели по поголовью лошадей данными по крупному рогатому скоту.

Сведения подворных описей о поголовье скота имеют некоторые особенности. Молодняк в них, за редким исключением, не выделяется. Также обычно нет подразделения на коров и быков, овец и баранов, свиней и боровов, кур и петухов.

Еще более уязвим показатель площади посевов. В «государственных» описаниях он встречается довольно редко. Иногда производятся данные только по посеву озимой ржи. Надо учитывать к тому же, что в описаниях отсутствуют указания, какие же даны сведения — меры поверхности или же меры веса. При исчислении полей в десятинах нет сомнения в том, что речь идет о земельной площади. Четверти и четверики могли обозначать и то, и другое. Очень велико было в практике XVIII в. разнообразие норм высева различных культур. Нормы даже в близко расположенных уездах менялись в зависимости от качества семян, видов почвы, от степени удобривания участков, засоренности сорняками и т. д. По мнению Л. В. Милова, до 25—30 % крестьянских хозяйств не могли придерживаться привычных нормативов[42]. Б. Г. Литвак, обобщая наблюдения, писал, что валовые данные посева при отсутствии сведений о густоте высева культур не позволяют вычислить размер площади пашни[43].

Многие исследователи отмечали, что пользоваться каким-либо одним показателем для выявления хозяйственной состоятельности трудно, так как не всегда различные стороны крестьянской деятельности оказывались связаны-ми друг с другом. К примеру, безлошадный или однолошадный двор мог «обыв-вить» значительный «капитал», вырученный от промыслов или торговли. По-

[41] *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 48.
[42] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь... С. 133.
[43] *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 44.

этому нельзя не согласиться с тезисом Э. С. Когана, что «ни одна из сторон хозяйства, взятая сама по себе, не является достаточной для его исчерпывающего определения»[44]. К этому надо добавить, что «государственные» описания имения имели малую информативность, ограничиваясь в основном показателями числа жителей дворов и количеством голов крестьянского скота.

В настоящей монографии критерием группировки крестьянских дворов в крупных имениях избрано число работников м.п. в возрасте от 15 до 65 лет. Еще в конце 1938 г. Г. Н. Бибиков заметил, что крестьянский двор являлся своеобразной семейной кооперацией. И действительно, двор в помещичьем имении можно считать «кревостнической семейной кооперацией» простого типа (для бедных и средних хозяйств) или сложного типа (для зажиточных хозяйств предпринимательского характера)[45].

Мы выбираем в качестве определителя групп дворов число взрослых работников м.п. скорее не в силу его предпочтительности в сравнении с поголовьем рабочего скота, а на основании обычной связанности демографических и хозяйственных показателей двора.

По крупным имениям (более 100 чел. м.п.) к первой группе нами отнесены дворы с одним взрослым работником; ко второй — с двумя; к третьей — с тремя. В последнюю, четвертую выделяются дворы с числом работников от четырех и более. В некоторых имениях дворов с четырьмя работниками оказываются единицы (1—2). Мы присоединяем их к дворам с тремя работниками.

В исключительных случаях, когда в подворных описях отсутствуют сведения о возрасте людей м.п. и невозможно выяснить число работников от 15 до 65 лет и в то же время указаны для всех дворов площади посевов «в поле» озимой ржи, деление по группам производится по озимым посевам.

При дифференциации дворов возникает вопрос, как быть с безлошадными и беспосевными дворами. Если в них не было другого скота (или его учтено очень мало) и не отмечены посевы зерновых, то, несмотря на наличие взрослых работников, их следует исключать из расчетов.

Населенность крестьянского двора была различной. По этой причине средние подворные показатели дополнены средними показателями на чел. м.п. Подворные описи позволяют определить форму и состав семьи в помещичьей деревне. Как справедливо писал Б. Н. Миронов, крестьянское хозяйство не могло существовать вне семейной формы. Это определялось спецификой земледельческого труда и воззрениями крестьян на главенство в нем мужчины. Без взрослых сыновей семья не могла рассчитывать на хорошее хозяйство. Производственные интересы обусловливали и ранние браки. В XVII — начале XVIII вв. обычно вступали в брачные отношения юноши 15—16 лет, девушки 13—14 лет[46].

Мы придерживаемся типологии русской крестьянской семьи периода феодализма, разработанной В. А. Александровым[47]. Семья являлась основ-

[44] *Коган Э. С.* Указ. соч. С. 53.
[45] *Бибиков Г. Н.* Указ. соч. С. 84. Автор считал двор зажиточного крепостного семейной кооперацией, усложненной привлечением покупных и, может быть, наемных работников.
[46] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России... С. 167.
[47] *Александров В. А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78—96.

ной производственной единицей, и от ее состава и структуры не могло не зависеть хозяйственное и имущественное состояние крестьянского двора (с. 78). Автор предложил такие типы семьи: малая семья (супружеская пара с детьми малолетними или взрослыми, но холостыми); неразделенная отцовская семья (совместно жившие женатые и холостые братья без родителей). На основе неразделенной братской (женатые братья) могла создаваться семья из дядьев и племянников (с. 88). Источники свидетельствуют о преобладании семей в два поколения. На основе малых семей создавались неразделенные, а затем происходило их разделение на те же малые. Каждый мужчина в семье любого состава (малой и неразделенной) обладал правом на долю имущества (с. 90, 93—94).

В заключение приведем сведения о том, как проводились государственные описания имения. Известен порядок описания в основном XVII — первой четверти XVIII в. За время после конца 1720-х гг. данных в нашем распоряжении очень мало, и они освещают лишь отдельные детали переписи господского имущества. Один экземпляр описных книг отправлялся в банковскую контору, которая переправляла его в Канцелярию конфискации. Крестьяне обязывались сохранять переписанное помещичье добро. Крепостные продолжали платить оброчные деньги, отвозя их в местную канцелярию.

В марте 1763 г. из Санкт-Петербургской конторы Банка для дворянства в Канцелярию конфискации была направлена промемория о посылке в Канцелярию описных книг на московское имение графа Николая Федоровича Апраксина. Собранные с крестьян оброчные деньги 300 руб. «в силу указа» Сената от 25 октября 1761 г. предлагалось прислать в банковскую контору[88].

В октябре 1772 г. за неплатеж взятых в прошлом году 600 руб. отписано имение Боровского уезда секунд-майора Дмитрия Федоровича Мартынова усадьба Голубино и сельцо с крестьянами (9 дворов, 34 чел. м.п.). Второй экземпляр описных книг «с оценкою» был послан согласно указанию из Боровской воеводской канцелярии в Санкт-Петербургскую контору Банка для дворянства. После описи крестьяне при присланном из Боровска канцеляристе выбрали старосту и обязались «быть у него в ведомстве и во всякой работе повинны и ослушания ему чинить не будут»[89].

В июне 1775 г. за неплатеж 1 тыс. руб. отобрали вологодское имение (21 крестьянский двор — 52 чел. м.п.) у Елизаветы Сергеевны Нарышкиной, дочери генерал-майора Сергея Михайловича. После описания дворов староста и крестьяне «дали сию подписку»: до возврата долга в банк госпожу не слушать и оброк ей по 2 руб. с души не отдавать, а вносить в том же размере в Вологодскую провинциальную канцелярию. В рапорте в Дворянский банк указано, что экземпляр описания послан в его контору, а другой «оставлен здесь для ведома»[90].

Некоторые описания господского имущества были неполны. Так, в марте 1763 г. в имении умершего подпоручика Якова Семеновича Лаврова Великолукского уезда в хоромах «под одною крышкою о 5-ти покоях белых» отмечены 3 стола, 2 шкафа, 5 стульев и «одне кресла», обитые сукном и кожей. Остальные пожитки были увезены матерью и вдовой помещика[91].

С разрешения Канцелярии конфискации зерно из конфискованных имений продавалось на местном рынке.

В декабре 1763 г. из Пронской воеводской канцелярии было отправлено доношение в Канцелярию конфискации. В нем сообщалось, что описное имение вдовы поручика Вердеревского поручено отставному капитану из дворян Есакову, который в рапорте «объявил, что имение в целости». За них рожь, овса, гречи, пшеницы и умолоту из них в четвертях и четвериках «по опыту». В 1763 г. осенью оставалось рожи 82 четв. 4 четверика, овса 40 четв. 3 четверика, гречи 3 четв. 6 четвериков, пшеницы озимой 9 четв. Да еще 45 копен сена (3 коп. копна). Далее сообщалось: «А как ныне в городе Пронску и в Пронском уезде по малоурожаю всякого хлеба состоит в ценах хлеба немалое перед прошлыми годами повышение» и по справке Пронской ратуши в декабре с.г. «покупается от уездных обывателей в торговые дни в лавки» рожь по 60 коп., овес по 56 коп., греча по 48 коп., пшеница по 1 руб. 60 коп. четверть. «В таком случае, — спрашивалось, — не повелено ли хлеб продать с публичного торга охочим людям». В ответе от 10 февраля 1764 г. было дано разрешение на продажу зерна[92].

Продажа конфискованных имений производилась очень редко. Видимо, она допускалась лишь при уверенности, что владение не будет возвращено владельцу или его родственникам. В выявленных материалах встретился лишь один такой случай, относящийся к 1730-м гг.

20 декабря 1732 г. состоялся аукцион по продаже данковского имения бывшего жильца Василия Ивановича Ценина. Явившиеся на покупку давали первоначальную цену 70, 75, 80, 100 руб. Имение было куплено секретарем Иваном Семеновичем Черным за 255 руб. (служитель Василия Татищева объявил, что больше 254 руб. давать не будет, и Черный перекрыл его цену на 1 руб.)[93].

Рязанское имение Ценина также было назначено к продаже. В июне 1734 г. явившийся в Канцелярию конфискации обер-секретарь Сената Аврам Степанович Сверчков заявил о желании купить по нижней оценке (1 руб. за четв. земли — всего пашни 109 1/2 четв.), так как земля плохая, луговых и речных угодий нет, а подушные деньги полностью не внесены. Всего он давал 380 руб. Капитан Муромского пехотного полка Яков Васильевич Сабуров соглашался на надбавку 10 руб. Торги были перенесены в Москву. 6 сентября участники предлагали 150, 151, 380, 390 руб. Снова перенесли аукцион на 11 октября. На этот раз явился один подполковник Афанасий Никифорович Юшков и купил имение за 414 руб.[94]

[88] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 3. Д. 9589. Л. 1.
[89] Там же. Д. 10830. Л. 8.
[90] Там же. Д. 11847. Л. 35, 41.
[91] Там же. Д. 9807. Л. 41 и об.
[92] Там же. Д. 9602. Л. 120—126.
[93] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 972. Л. 18 об.—19.
[94] Там же. Л. 54—56, 87.

***

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам Института российской истории РАН О. Г. Агеевой, А. И. Аксенову, Н. Н. Ауровой, А. П. Богданову, А. В. Голубеву, В. Я. Гросулу, Б. С. Елизарову, П. Н. Зырянову, А. Е. Иванову, Э. Г. Истоминой, А. В. Ковальчуку, А. П. Корелину, В. А. Кучкину, Е. Н. Марасиновой, В. А. Невежину, И. М. Пушкаревой, М. А. Рахматулину, Н. М. Рогожину, Л. Г. Сапрыкиной, С. В. Тютюкину за ценные советы, пожелания, замечания и моральную поддержку при подготовке монографии к печати.

Особых слов благодарности заслуживает коллектив РГАДА. При помощи архивистов была создана солидная источниковая база монографии. Автор благодарит сотрудников архива А. В. Антонова и А. И. Гамаюнова за консультирование при поиске архивных материалов.

Ценную помощь в поиске и подготовке иллюстраций оказали старший научный сотрудник отдела изобразительных материалов ГИМ М. Е. Гуренок и сотрудник РГАДА А. А. Булычов.

Выражаю глубокую благодарность Д. Н. Александрову, Л. А. Тихоновой и С. Ю. Тихонову за содействие и квалифицированную помощь в составлении таблиц и за их оформление для печатного воспроизведения.

Часть I

Крепостники и крепостные

Усадьба и усадебное хозяйство, повинности, демографические и хозяйственные показатели крестьянского двора по «государственным» описаниям помещичьих имений

Глава 1

Помещичьи имения в XVII в.

Проблема взаимосвязанности помещичьей усадьбы и крестьянских дворов в рамках имения в этом столетии в научной литературе ранее не ставилась. Косвенно она затронута в трудах 1970-х гг. по изучению помещичьего имения как демографической и хозяйственной единицы[1]. На основе изучения книг поместно-вотчинных дел Поместного приказа были рассмотрены имения служилых людей по отечеству и в зависимости от бытования различных форм феодальной ренты выявлены различия в их усадебном облике — наличии тех или иных дворов. Четкого представления об усадебном имении, как имении с господским (помещиковым или вотчинниковым) двором, тогда еще не существовало.

Принятая авторами методика позволила установить, что обычно в имениях с денежным оброком ни господских дворов, ни господской пашни, ни хозяйства не было. В отдельных имениях с денежным и продуктовым оброком появлялись господские дворы. В барщинных владениях, напротив, наличие господского двора становится рядовым явлением. Крупные и средние землевладельцы, наряду с господскими, ставили хозяйственные дворы (скотные, конюшенные), а также дворы приказчиков, конюхов, деловых людей. Доля усадеб с хозяйственными дворами с течением времени возрастала. По перечню жилых помещений (горницы, светлицы, комнаты или избы у мелких помещиков) можно судить, являлась ли усадьба резиденцией владельца либо административно-хозяйственным центром по управлению имением. Установлено, что на протяжении всего столетия численно преобладали имения с одним господским двором (число крестьянских дворов в них не более 25, а чаще не более 5—10). В значительной части имений (около десятой—пятой части) крестьян не было, и все работы выполняли дворовые люди. Усадебное хозяйство (животноводство и птицеводство, овощеводство и садоводство, хмелеводство, рыбоводство, винокурение) в основном велось в тех имениях, где в системе крестьянских повинностей видное место занимала отработочная рента (прежде всего полевая барщина).

[1] См. *Назаров В. Д., Тихонов Ю. А.* Помещичье имение в России в первой половине XVII в. / Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 65—79; *Тихонов Ю. А.* Помещичья усадьба и помещичье хозяйство в России после Соборного Уложения (1649—1679 гг.) // История СССР. 1978. № 4. С. 140—155.

Примерно тогда же приступили к изучению подмосковных усадеб знатных людей во второй половине XVII в. Наряду с материалами Поместного приказа были привлечены сборники документов о вотчинах Б. И. Морозова[1] и В. В. Голицына[2] с известиями о внешнем виде и внутреннем убранстве усадеб. Особенно впечатляющими выглядели дворы главы правительства Софьи Алексеевны князя Василия Васильевича Голицына. Устойчивой становится традиция устройства знатным человеком усадьбы во многих крупных вотчинах, в том числе и удаленных от столицы, хотя сам владелец мог посещать, да и то изредка, по особому разрешению царя, лишь свои подмосковные. Первым устроил такое место отдыха Борис Иванович Морозов. Его загородная усадьба, напоминавшая царское Измайлово, находилась у села Павловское Звенигородского уезда[4]. Его примеру последовал родной брат Глеб Иванович с сыном Иваном (усадьба у подмосковного села Зюзино)[5]. Обширный господский двор со многими жилыми строениями (горницами с комнатами) возводят во второй половине 1670-х гг. князь Юрий Алексеевич Долгоруков и его сын Михаил у звенигородского села Степановское[6]. От постройки единичных усадеб к созданию целой сети подмосковных дворов перешел князь Василий Васильевич Голицын. Усадьбы князя и его сына находились при девяти селах и одном сельце. В хоромах насчитывалось до 12 горниц. В селе Анкудиново, Соколово тож на реке Москве начиналось сооружение главного усадебного дома из 26 жилых помещений[7]. В некоторых приусадебных селах строились каменные храмы, а прежние церкви приобретали достойный вид (новая кровля, слюдяные или стеклянные окончины, золоченые иконостасы и др.)[8].

В целом в облике подмосковных усадеб рубежа XVII—XVIII вв. прослеживается подражание царским дворцам. Это проявлялось в увеличении числа жилых покоев и в их богатом убранстве (Коломенское), и в заведении многоотраслевого усадебного хозяйства (Измайлово). В свою очередь, подмосковные усадьбы знати становились примером для подражания при строительстве господских дворов в отдаленных уездах[9].

***

Подворные описи крестьян по крупным дворянским имениям не сохранились. Опубликованы перечни крестьянских дворов в знаменитых торгово-

[1] Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. 1. Л., 1933; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 1. М.; Л., 1940.
[2] Разрядные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893.
[3] Покровская Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. М.; Л., 1967. С. 46.
[4] Тихонов Ю. А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в. / Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 138—140.
[5] Там же. С. 144—146.
[6] Там же. С. 146—152.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 157.

промышленных селах Лысково и Мурашкино 1671—1672 гг.[10] С 1665 г. они находились в дворцовом ведомстве. Царские карательные отряды жестоко расправились с вставшими на сторону Степана Разина жителями. Многие дворы в селах и прилегающих деревнях были сожжены и разграблены, что и отражено в переписных книгах этих селений.

Средние и мелкие имения

Средние имения

В нашем распоряжении имеются описания усадеб и перечни крестьянских дворов 15 средних имений (см. Перечень).

Подворные описания средних имений XVII в. включают следующие сведения: о населении м.п. (за исключением двух вотчин, по которым в перечень включены людя об.п), о поголовье скота и птицы (по 12 владениям), о посеве зерновых (по семи), о запасах зерна (по восьми) и хлеба необмолоченного (по двум). Постройки в крестьянских дворах отмечены в трех описаниях, хозяйственный инвентарь — в двух. О домашнем имуществе данных почти нет, лишь в одном описании перечислены кафтаны сермяжные и шубные, в другом — посуда деревянная.

Из подворных описаний средних имений XVII в. некоторые выделяются особой информативностью. Среди них ценовная и отказная книга 19 марта 1697 г., составленная подьячим Одоевской приказной избы по грамоте из Приказа сыскных дел и по распоряжению уездного воеводы. В ней описано *поместье Андрея Ивановича Трегубова жеребей деревни Матюхино в Веприском стане Алексинского уезда*, отказанное по иску стольника Ивана Никитича Тараканова в 5 ½ руб.[11] Поместье с крестьянами и «крестьянскими животами» оценено в 273 руб. 15 алт. Господского двора не было. В деревне стояли 5 крестьянских дворов (38 чел. об.п., 24 чел. м.п.). В описи указан возраст мальчиков и девочек, а также неженатых сыновей и братьев 15—20 лет. В среднем на двор приходилось 4,8 чел. м.п. (это выше показателей по всем средним имениям XVII в.).

Особенность описания состоит в том, что постройки дворов названы уменьшительными и даже уничижительными словами, придающими оттенок незначительности и неприглядности. Среди таких слов: избенка, клетченка, конюшнишко, сараишка, банишка, погребиченко, воротишко, на гумне овинишко. Перечень построек двора заканчивается словами «все вет-

[10] Разгром Разинщины. Л., 1934; Хозяйство крепостного крестьянина XVII в. М.; Л., 1982. Хранящаяся в Нижегородской областной библиотеке подлинная переписная книга 1665 г. села Лыскова, составленная по случаю перехода села в дворцовые владения, к сожалению, не опубликована.
[11] Отмечено, что Тараканов по иску священника Архангельского собора и его сына дьячка «за покраденную коробью с бельем и за похищенную церковную утварь, и за хоромное и дворовое строенье, и за платье, и за посуду домашнюю и за рухлядь» стоимостью 303 руб. 27 алт. 4 д. оплатил долг Трегубова.

хо», «все ветхо только на дрова» и их стоимостью (1 руб. 29 алт. 2 д., 1 руб. 16 алт. 4 д., 1 руб. 13 алт., 30 алт., 20 алт.). Вот цены отдельных строений: изба — 25 и 30 алт., клеть — 13 алт. 2 д. (а также 2 и 3 алт.), баня — 3 алт. и 8 алт. 2 д., конюшня — 3 алт., погребица — 3 алт. 2 д., овин — 1 алт. 2 д. и 2 алт. 2 д., конюшня — 3 алт., погребица — 3 алт. 2 д., овин — 1 алт. 2 д. и 2 алт. «Мелкая всякая посудишко (посуденко) деревянное» оценено в трех дворах в 2 алт. 2 д., 2 алт. 4 д., 4 алт. Посуда в состоятельном дворе получила выше — 6 алт. 4 д. Конское поголовье названо словами меренишко, кобыленка, жеребченка, хотя цены на них можно считать обычными (мерины — 26 алт. 4 д., 30 алт., 1 руб., 1 руб. 3 алт. 2 д.; кобылы 13 алт. 2 д., 15 алт., 20 алт., 23 алт. 2 д., 25 алт., 30 алт., 1 руб.).

Всего в пяти дворах отмечено 16 лошадей (10 руб. 26 алт. 4 д.), 14 коров в трех дворах (4 руб. 8 алт. 2 д.), 45 овец в четырех (4 руб. 5 алт.), 14 свиней в четырех (1 руб. 13 алт. 2 д.), 8 гусей в трех (13 алт. 2 д.), 64 курицы (21 алт. 2 д.).

Средние на двор и на чел. м.п. следующие: лошади (3,2 и 0,7), коровы (2,8 и 0,6), овцы (9,0 и 1,9), свиньи (2,8 и 0,6), куры (12,8 и 2,7). Как видно, показатели по конскому и овечьему поголовью в этом поместье выше средних по всем именям, а показатели по коровьему и свиному поголовью ниже.

В ноябре 1682 г. была переписана вотчина казненного начальника Стрелецкого приказа *князя Ивана Андреевича Хованского сельцо Коптяжино в Хованском стане Волоколамского уезда*. Во дворе горниц не было. В избах жили 2 брата дворника. Конского поголовья оказалось мало (11), так как за два дня до описи приехавшие люди князя угнали 25 лошадей в дмитровскую вотчину сельцо Семеркино. Оставалось еще 8 овец, 6 свиней и птица. На гумне отмечены рожь и овес в снопах и овинах, а в четырех житницах много зерна (150 четв. ржи, 90 четв. овса, 18 четв. ячменя, 7 $^1/_2$ четв. пшеницы, 3 четверика гороха, 3 четверика льна, 2 четверика конопли).

Озимой ржи посеяли 23 четв. В среднем на двор 13,1 четвериков, на чел. м.п. 2,8. По сказке старосты и крестьян всего в вотчине господской и крестьянской пашни 120 дес. в поле. Сена ставилось 600 копен да еще в пустоши 350 копен.

Помимо крестьян в сельце жили бобыль с сыном «в избе бездворно».

На крестьянский двор в среднем приходилось 4,6 чел. м.п. Животноводство стояло на хорошем уровне: 54 лошади (в среднем на двор 3,8, на чел. м.п. 0,8), 62 коровы (4,4 и 0,9), 85 овец (6,1 и 1,3), 59 свиней (4,2 и 0,9), 126 кур (9,0 и 1,9). Во дворах заготовили сена 850 копен (60,7 и 13,1). Ржи посеяно 264 четверика (18,8 и 4,1). Необмолоченный хлеб отмечен только в одном дворе. Указано крестьянское зерно 838 четвериков ржи (59,8 и 12,9), 1136 овса (81,1 и 17,5), 376 ячменя (26,8 и 5,8), 126 пшеницы в 12 дворах (9,0 и 1,9), 13 льна (0,9 и 0,2), 50 конопли (3,6 и 0,8). Горох сеяли только 4 двора (4 $^1/_2$ четверика).

12 июня 1663 г. была составлена отписная книга на вотчину *дьяка Василия Нефедьева село Ивановское, Спирово, Свиридово тож в Замыцкой волости Московского уезда*. Хоромное строение вотчинникова двора (в нем жил дворовый человек Василий Гусь) состояло из горницы с комнатой на жилых подклетах и стоявшей напротив повалуши «о трех житьях». Горницу и повалушу соединяли сени, по обе стороны которых «поделаны крыльцы» с лестницами. У заднего крыльца находилась мыльня черная. В отдалении устроена поварня.

В горнице и повалуше отмечены «всякого деревянного завода» 2 стола больших с ящиками, 3 скамьи, 2 стула кожаных, посуда медная (ендова, кунган, кружка «с рыльцом», 3 сковородки) и шандал медный «что ставят сальные свечи», посуда оловянная («оловеник», кружка, 3 тарелки), поставец ножевой (9 ножей «с костми»), погребец винный (8 скляниц и 6 стаканов), посуда деревянная (5 блюд, братина), 4 горшка железных больших, 11 окончин слюдяных, пищаль-винтовка, сабля, саадак, 5 рогатин. Среди «железной рухледи» 4 сохи с сошниками и полицами и 3 сошника новых без полиц, 3 отреза, 11 кос, 9 серпов, 2 снасти косные, 6 топоров, 6 заступов, клещи, ножницы, скобели, потес, пазник, напарья, «щипец», 2 сверла, «что делают трубы у колодезя», 2 пешни.

В сенях и сараях переписали сани «проезжие», обитые сверху кожей, «сани ездалые», двое саней казанского дела, сани «служилые» с покрышкой, возок санный, 6 саней дровен, 3 телеги работные, телегу служилую.

В избе на скотном дворе проживал скотник — крестьянин, привезенный из нижегородской деревни Нефедьева. Владелец женил его на дворовой крепостной девке. Скот содержался в конюшне, в коровнике, в стаях «для мелкой животины». Перечислены 5 лошадей деловых, 13 коров, 3 быка и 3 бычка, 10 подтелков и телят, 32 овцы и баран, 9 свиней и 8 «поросенков», 18 гусей, 11 уток, 9 кур русских и петух

Напротив двора вотчинника на улице стояли четыре житницы. После выдачи дворовому и скотнику месячины, выделения зерна на семена и раздачи взаймы крестьянам оставалось еще много муки ржаной (10 четв.), ржи (27 четв.), овса (около 100 четв.), а всего примерно 190 четв. На гумне хранился скирд ржи («по смете будет» 45 сотниц, а «вымолачивают» из 100 снопов по четверти с четвериком).

Крестьянам (4 чел.) «роздано взаймы» около 13,5 четв. овса (да еще одному дополнительно дали 4 четв., «что сын его ...скот пасет вотчинников»), 1 $^1/_2$ четв. ячменя, 2 четверика гороха[12].

В прошлом 1662 г. было высеяно ржи на вотчинника, по сказке крестьян, 38 $^1/_2$ четв. По смете отписчика на площади 20 дес. В среднем на двор приходится 1,8 дес., на чел. м.п. 0,5 дес. в поле.

На господском тягле находилось 11 дворов. Еще в одном дворе жил мельник с семьей — «тягла под ним нет, кормитца от мельницы». Полное тягло отбывали 7 дворов («тягла... 2 нивы, на вотчинника пахали в поле по ниве,

[12] Хлебные займы были широко распространены во владениях Б. И. Морозова. В 1657 г. согласно росписям заемного хлеба по селу Мурашкино с деревнями заемщиками являлись 316 чел., в том числе «бедные скудные крестьяне». Им дано 910 четв. ржи, овса, пшеницы. По описным книгам 1667 г. заемного хлеба по всем вотчинам значилось более 8 тыс. четв., причем зерно взято в течение нескольких предыдущих лет. По ряду сел Нижегородского, Арзамасского, Темниковского уездов у крестьян числилось более 1 тыс. четв., а у жителей села Новое Покровское 2394 четв. Морозов требовал «заемной хлеб выбрать с первых овинов и всыпать в мои житницы», следить, чтобы бедные «хлеб посеяли, а не съели, а как новь поспеет, ...тот хлеб взять назад в житницы мои... без недобору» (*Петрикеев Д. Н.* Указ. соч. С. 148—150).

а в двух по полуторе»). 4 двора обложены в треть (2 двора) и две трети (2 двора) в тех двух нивах. Один из трех родных братьев имел $^1/_3$, два других — $^2/_3$. Та же раскладка у других двух родных братьев. Как видно, обычный двор получал тягло в 5 нив (2 нивы в озимом поле, 3 — в яровом и паровом).

Мельник, не имея надельного участка, высевал «на стороне» на наемной земле рожи 10 четвериков и овса 10 четвериков. 8 дворохозяев высевали и на наделе, и на стороне. Только семья в 3-х дворах наемной земли не имели. Все 11 дворов высевали рожи на наделах 204 четверика (в среднем на двор 18,5), 7 дворов на наемной — 78 четвериков (соотношение 2,6:1). Соответственно овса 344 и 239 (1,4:1). Высев остальных яровых, производимый только на надельной земле, невелик — 74 $^1/_2$ четвериков. К тому же горох не сеяли четыре двора, коноплю — пять. Как видно, посевы рожи и особенно овса на наемной земле занимали видное место, но для большинства дворов вспомогательное. Только у двух дворов основная часть высева рожи приходилась на наемный клин, высева овса — у четырех (*см. табл. № 1.1*).

На 12 июня, время составления книги, отмечалось наличие зерна, очевидно, прошлогоднего урожая. Зерно совершенно отсутствовало в одном дворе. Еще в трех дворах его оставалось мало (1—4 четверика). Примечательно, что их дворохозяева или не сеяли на наемной земле, или высев мизерный. Необмолоченную рожь (4 сотницы) переписчик отметил только в одном дворе. Среди запасов зерна на первом месте отмечен овес (661 четверик), на втором рожь (200). Ржаную муку (84) имели семьи в восьми дворах. В среднем на двор падало около 18 четвериков ржи, 7—8 четвериков муки ржаной, 60 четвериков овса, примерно по 3 четверика ячменя и пшеницы. Крупу (не указано какую) записали только за одним двором, семя конопляное — за двумя.

Царский указ от 13 сентября 1661 г. ужесточил наказание помещикам за прием и укрывательство беглых крестьян. Отныне, помимо взыскания «заживых денег», за принятого после указа беглого прежнему владельцу власти отдавали 4-х наддаточных крестьян. Реализация закона отразилась в переписной и отдаточной книгах 6 июня 1664 г. вотчины *дьяка Григория Богданова. В деревне Венюково Замецкого стана Московского уезда* подьячий Поместного приказа и понятые из дворян, приказчиков и старост переписали население и хозяйство 16 крестьянских дворов с пометками о времени поселения дворохозяев в вотчине дьяка.

По этим записям только один крестьянин жил в Венюкове за прежним вотчинником (Богдановым); 2 крестьянина жили «наперед сего» в деревне за другим помещиком и около 3-х лет назад достались дьяку (по каким причине Богданова в деревне Острецово Каширского уезда и около 4-х лет назад переведены в подмосковное имение. Одного крестьянина дьяк купил 6 лет назад у его прежнего вотчинника Рязанского уезда.

Остальные крестьяне оказались «пришлыми» из дальних мест. Двое были в прошлом посадскими людьми. Один родился в Архангельске и пришел за 7 лет до переписи, другой родом из Серпухова поселился «жить во крестьянстве» за 2 года. 4 человека назвались «литвинами» Смоленского уезда, по-

Табл. № 1.1

Крестьянское хозяйство в подмосковном имении Нефедьева В. (1663 г.)

Дворы, кто?	Крестьяне м.п.	Крестьяне взрослые	Тягло	Лошади	Высево рожи, четвериков		Высево овса, четвериков		Высевано, четвериков				Хлеб (зерно), четвериков					
					на надделе	на стороне	на надделе	на стороне	пшеница	ячмень	горох	конопля	рожь	мука ржаная	овес	ячмень	пшеница
1	3	2	полное	1	24	-	36	-	1	4	0,5	-	-	-	1	-	-
2	1	1	треть	2	8	16	16	24	1	3	1	-	40	14	72	12	4
3	3	2	2 трети	4	16	12	32	48	3	4	1	-	17	12	136	2	12
4	4	2	2 трети	3	16	24	16	48	6	6	-	1	40	-	160	4	4
5	3	1	треть	2	8	-	12	32	1	2	-	-	20	4	128	2	3
6	5	2	полное	4	24	4	40	24	4	4	0,5	1,5	18	1	64	2	4
7	3	2	полное	3	24	8	40	39	1	4	1	0,5	40	32	80	12	3
8	4	1	полное	1	12	2	16	-	2	2	0,5	-	1	4	-	-	-
9	3	3	полное	3	24	-	40	-	2	4	-	1	-	1	-	-	-
10	3	2	полное	2	24	-	48	-	-	1	-	0,5	2	-	-	-	-
11	4	2	полное	4	24	12	48	24	3	4	0,5	1	24	16	20	2	4
Всего	36	20		29	204	78	344	239	24	40	5	5,5	200	84	661	36	34

* Во дворе 4 четверика муки «пашой»

Табл № 1.2

Крестьянское хозяйство в д. Венюково Московского уезда (1664 г.)

Двор по книге	Крестьяне м.п.	Дворохозяин	Место рождения	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Хлеб обмолоченный, четверики: рожь	овес	ячмень	пшеница	В гумне рожь	Посеяно, четверики: рожь	овес	ячмень	пшеница	горох	лен	конопли
1	3	Ларионов	д. Венюково	3	4	23	5	–	24	6	4	–	32	56	2	–	–	1	2
2	6	Киселев	д. Венюково	5	10	26	11	60	120	32	16	[illegible]	64	96	–	24	–	–	2
3	4	Селиванов	Каширский уезд	2	3	1	3	–	8	8	–	–	10	24	1	3	решето	1	1
4	2	Васильев	Каширский уезд	3	7	8	3	24	8	–	–	–	8	48	–	7	–	1	2
5	4	Наумов	Рязанский уезд	2	2	6	4	4	–	–	–	–	8	48	2	6	1	0,5	1
6	5	Красный	Архангельск	1	4	8	1	24	8	4	2	–	8	32	–	8	1	–	–
7	1	Букин	Серпухов	1	1	3	3	–	–	–	–	–	5	28	–	2	–	–	1
8	4	Семенов	Смоленский уезд	2	4	8	3	4	–	3	4	–	12	40	1	12	–	–	4,5
9	4	Никитин	Смоленский уезд	2	3	3	–	–	4	4	–	–	24	36	1	2	–	–	1
10	4	Васильев	Смоленский уезд	3	5	19	3	–	4	4	1	–	20	48	2	8	–	–	2
11	4	Семенов	Смоленский уезд	1	4	3	2	–	6	–	–	–	12	28	–	3	–	–	2
12	2	Никитин	Брянский уезд	1	1	2	2	–	–	–	–	–	8	4	–	3	–	0,5	1
13	1	Короткий	родом черкашенин	2	3	8	–	4	6	2	–	–	20	32	2	3	–	–	2
14	2	Федоров	родом черкашенин	2	3	6	2	–	8	4	–	–	18	–	1,5	5,5	–	–	1
15	2	Матвеев	родом черкашенин	1	4	3	3	–	–	–	–	–	–	32	–	4	–	0,5	1
16	3	Макаров	д. Венюково	4	11	6	6	8	40	32	4	2 овина	24	48	–	8	1	–	1,5
Всего	50			35	69	133	51	148	236	99	31		273	598	12,5	98,5	3	4,5	25

селившимися за 8 лет, еще один «литвином» Брянского уезда, пришедшим за 10 лет. 3 человека «родом черкашенины» появились в деревне 6 лет назад (2 чел.) и один после «морового поветрия 1654 г. (*табл. № 1.2*).

Все перечисленные «сказались» при понятых, «что они не кабалные и не старинные дворовые и не деловые задворные люди», а «жили во крестьянех» за дьяком «по ссудным порядным записем, а иные по купчим и по старине». Как видно, основная часть допрошенных крестьян вотчины привлечена владельцем в годы длительной войны с Речью Посполитой путем выдачи ссуд.

Как записано в книге, крестьяне из указанных дворов были отвезены в поместье вдовы иноземца Кирилла Нагаева в деревню Петровскую Замыцкого стана «на его Григорьевых подводах» и «отданы за ее беглых четырех крестьян». Имеется расписка ее духовного отца в получении 15 семей; передача 16-й семьи была задержана из-за подачи челобитья о принадлежности крестьянина другому помещику. Из 16 дворохозяев только трое являлись уроженцами деревни. Остальные при поселении получали ссуды и какие-то еще льготы. Казалось бы, их имущественное состояние должно определяться сходными показателями. Перепись показала иное. Во дворах отмечено от 1 до 5 голов лошадей. При среднем показателе на двор 2,2 у 11 дворохозяев лошадей было меньше. Коровьего поголовья (в среднем 4,3) было меньше у 12 чел. Перепись составлялась в начале июня. К этому времени в девяти дворах уже не было ржи, в пяти — овса, в шести ячменя, в десяти пшеницы Рожь необмолоченная, очевидно, от прошлого года, отмечена только в двух дворах.

При среднем высеве ржи около 17 четвериков только для семи дворов этот показатель оказался выше. У одного крестьянина, родом черкашенина, посев ржи отсутствовал («а ржи де он не сеел за мочью»). Хлеба в житнице и на гумне у него также не было, и «кормил де его из житницы своей дьяк». Зажиточные имели под рожью до 2—4 дес., под овсом до 6 дес. Мало высевали ячменя: отсутствует у 8 чел. Обычный высев 1—2 четверика. Средний посев пшеницы 6,4 (его превысили только 6 чел.). Лен сеяли 6 дворов (4 $^1/_2$ четверика). Посевы конопли (25) были почти у всех, но засевали участки небольшие (1—2 четверика).

Мелкие имения

Сохранились описания крестьянских дворов в 16 мелких имениях (см. Перечень). По трем описям можно представить состояние крестьянских хозяйств в имениях с одним-двумя дворами.

Самое раннее описание поместья с одним крестьянским двором относится к 1626 г. 27 июля описали *подмосковное имение дьяка Марка Поздеева деревню Шатурово Ратуева стана*. На огороженном забором дворе помещика стояли изба с пристенком, сушило с зерном и житница. На скотном дворе отмечены 2 избы и 3 клети деловых людей (5 чел.), амбар, стаи лошадиная и воловая, огороженные плетнем. Среди скота мерин, 12 голов коровьего поголовья, 2 борова, свинья с семью поросятами, баран черкасский и 3 овцы,

козел и коза с козленком, а иных лошадей «поймали» люди дьяка и сбежали «неведомо куды». Овец и свиней имели и деловые люди, у них же по 5 кур. Платья у всех по шубе и зипуну. Отдельно располагался двор приказчика с избой, клетью и погребом. Скота у него овца и свинья. У помещика было 5 сох с сошниками, 3 косы, 5 серпов, 2 телеги двоеколки.

В единственном крестьянском дворе в избе и клети жил Степан Евдокимов с сыном. Он «пашет на помещика по полудесятине» в поле, «а деньгами никаких доходов не давал». Скота: мерин, 3 кобылы, корова, 8 овец старых и 7 молодых, 2 свиньи и 2 поросенка, 10 кур. Инвентарь: соха, 2 косы, 2 телеги двоеколки. Крестьянин посеял у деревни 2 дес. ржи и овса, 2 дес. ярицы (яровой ржи), гречихи, гороха и льна, в двух пустошах поллесятины ржи, 1 1/2 дес. и 1 1/4 дес. овса, 1 дес. ярицы, поллесятины гречихи. Всего более 7 1/2 дес.

Барщинные поля занимали большую площадь 47 дес. в трех полях. Скорее всего, их обрабатывали и холопы, и крестьянин, а возможно, и прихожие жители других владений дьяка и окрестные государевы крестьяне (им Поздеев сдавал на брок 2 пустоши за 1 руб. 30 алт. в год)[11].

В отписной книге 18 февраля 1675 г. на *суздальское поместье Тимофея Андреева жеребей деревни Муромцево* отражено устройство усадьбы. На «тяглой общей земле» был «заложен» помещиков двор: поставлены «заборовные столбы», «изрублено и заложено 4 ряда подклетов о 5-ти житьев, клеть о дву житьях». Других строений не успели поставить, и господский хлеб (3 четв. ржи, 4 четв. пшеницы, 20 четв. овса, 3 1/2 четв. ячменя, полчетв. гороха) хранился в житнице одного крестьянина. И сена отмечено «вопче» с крестьянским 13 стогов. Оба крестьянских двора в поместье имели достаточно скота, однако зерна было не очень много. В одном (2 брата Филипьевы Василий и Илья, сын, племянник) 3 избы, 2 клети, омшаник. В другом (2 брата Филипьевы Петр Большой и Петр Меньшой, 6 сыновей) 2 избы, 2 клети, омшаник. В первом 5 лошадей, 4 быка плужных, бычок, 3 коровы и телушка, 5 овец, 4 свиньи; в другом 5 лошадей и 2 жеребенка, бык плужной, 2 бычка, 8 коров и телят, 9 овец (свиней не было). Крестьяне имели 3 плуга («железа плужные»), 4 сошника, 7 кос, 12 серпов, 7 топоров. В первом дворе 20 четв. овса и необмолоченной ржи 3 овина; во втором 1 четв. ржи и 4 четв. овса.

В декабре 1691 г. *деревня Воронино Закоторосского стана Ярославского уезда Константина Ивановича Мотовилова* отказана в поместье его брату стольнику Василию. Двор помещиков «выгорел», и понятые оценили «жеребей» в 2 руб. 26 алт. 4 д. В единственном крестьянском дворе жили 2 брата с женами (и у каждого сыи). Строение: изба и клеть, ветхий забор. Цена двора 10 руб. Стоимость скота (мерин, кобыла, корова, 2 теленка, 3 овцы) 2 1/2 руб.

[11] *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 120–121.

Итоговые положения и показатели

Подворные описания XVII в. перечисляют население только м.п. без указания возраста. Исключение составляют перечни людей в двух имениях. По вотчинам Румянцева 1687 г. и Трегубова 1697 г. представлены люди об.п. Кроме того, по второму владению обозначен возраст детей (сыновей и дочерей).

Всего в 15 имениях 155 крестьянских дворов (572 чел. м.п. — в среднем на двор 3,7).

Средние показатели людей м.п. во дворе по отдельным имениям от 2,1 до 6,2 (в том числе по трем имениям 2,1–2,7; по пяти — 3,1–3,9; по четырем — 4,5–4,8; по двум — 5,5–5,6; по одному — 6,2). Сумма средних 60,2. Средняя величина по всем имениям 4,0. Таким образом, показатели для восьми имений ниже общей средней величины, для семи — выше.

Средние величины конского поголовья имеются по двенадцати средним имениям (см. *табл. № 1.3*). На двор они составляют от 1,2 до 3,9. Сумма средних на двор 35,4. Общая средняя 2,9. Показатель по пяти имениям ниже общего, по семи — выше.

Соответственно средние на чел. м.п. колеблются от 0,4 до 1,5. Сумма средних 9,1. Общая средняя 0,7. Соотношение имений до общей и выше — 4 и 8.

Обратимся к коровьему поголовью 12 имений с такими же расчетами. Колебания от 2,1 до 8,3. Сумма средних на двор 42,7. Общая средняя 3,5. Для восьми имений средние ниже, для четырех — выше.

На чел. м.п. показатели от 0,5 до 1,6. Сумма средних 10,6. Общая средняя 0,9. Имения распределяются поровну: для шести средние ниже, для шести — совпадают и выше.

По овечьему поголовью для пяти имений средние показатели на двор ниже общей средней (7,0), для семи — выше. На чел. м.п. средняя (1,7) для пяти имений ниже, для семи — выше.

Табл. № 1.3

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в средних имениях XVII века (в числителе - на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по имениям от... до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	12	1,2–3,9 / 0,4–1,5	35,4 / 9,1	2,9 / 0,7	5 / 4	7 / 8
Коровье	12	2,1–8,3 / 0,5–1,6	42,7 / 10,6	3,5 / 0,9	8 / 6	4 / 6
Овечье	12	1,1–10,7 / 0,5–3,0	83,8 / 20,6	7,0 / 1,7	5 / 5	7 / 7
Свиное	12	1,2–8,4 / 0,2–1,9	42,4 / 10,6	3,5 / 0,9	7 / 6	5 / 6
Кур русских	6	8,1–13,8 / 1,7–3,0	63,1 / 13,6	10,5 / 2,3	4 / 4	2 / 2

По свиному поголовью средние на двор ниже общей средней у семи имений, равны или выше — у пяти. На чел. м.п. соотношение одинаковое — 6 и 6.

Посев зерновых отмечен для восьми имений, в том числе для трех и озимых, и яровых (в одном дан посев только овса). Посев ржи озимой в трех описях указан в четвертях, в двух в десятинах и нивах. В описании суздальского имения 1699 г. Есипова показаны четверти, но по одному двору имеется заметка: «в земле посеево ржи на трех десятинах 4 четв. с осьминою». Расчет показывает норму высева 1,5 четв. (12 четвериков) на одну десятину. Опись владимирского владения Плешеева дает посев хлеба в четях, осьминах, пудках «в муромскую меру», что затрудняет перевод в меру обычную. Нормы высева ржи на десятину (ниву) в рязанских имениях 1670 и 1678 гг. Бестужева и Челищева неизвестны (можно принять их в 2 четв. на дес.). Все это придает всем расчетам известную долю условности.

О средних показателях посевов зерновых в четвериках см. *табл. № 1.4.* Средние для ржи выведены по шести имениям. Общие средние: на двор 23,7, на чел. м.п. 5,7. Для овса, пшеницы, ячменя, конопли имеются сведения только по двум имениям; для гороха и льна — по одному.

Описание хозяйственного инвентаря находим в материалах по двум имениям. В переписной книге 30 июля 1629 г. суздальского имения Григория Немцова и Василия Мячина в пяти дворах отмечены «железа плужные», во всех пятнадцати — косы (21) и топоры (21), в четырнадцати — серпы (40). Бросается в глаза отсутствие плужных устройств в хозяйствах десяти дворов.

В отписной книге 15 марта 1686 г. суздальского спорного поместья, которое «объявилось» за Василием Федоровичем Карповым, в сельце Мансурова в 18 дворах (из 19) значилось 35 сох, в том числе 15 с сошниками и полицами, в 17 дворах — 31 коса, в 14 дворах — 56 серпов, в 15 дворах — 32 топора. Инвентаря не было только в одном дворе.

По этим же двум имениям имеются сведения о крестьянской верхней одежде. В описании 1629 г. в 14 дворах (из 15) указано 20 кафтанов шубных и 20 сермяжных, в восьми дворах по 2 кафтана, в шести дворах — по 4. По книге 1686 г. одежда не упомянута при описании двух дворов. В остальных 17 семьях записали наличие 6 шуб баранных одевальных (среди них одна новая), 32 кафтанов шубных, 36 сермяжных, одного кожаного, трех сарафанов крашенинных, ферязей крашенинных, 28 шапок (одна шапка «с лисицей, вершок сукно дикий цвет»), 28 пар рукавиц. Примечательны упоминания в трех дворах шубенок, кафтанишков, шапенок, рукавичонок.

Табл. № 1.4

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в средних имениях XVII века (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Рожь	6	16,6–28,4 / 4,1–7,8	142,4 / 34,4	23,7 / 5,7	2 / 3	4 / 3
Овес	2	48,9–52,3 / 15,0–16,0				
Пшеница	2	2,7–6,4 / 0,8–2,1				
Ячмень	2	1,3–4,1 / 0,4–1,2				
Конопля	2	0,5–1,6 / 0,2–0,5				
Горох	1	0,4 / 0,1				
Лен	1	0,3 / 0,1				

Глава 2

Помещичьи имения в первой четверти XVIII в.

Описания имений с перечнем крестьянских дворов сохранились в фонде Поместного приказа РГАДА среди дел первой четверти XVIII в.[1] По этому периоду имеются описания крестьянских дворов в 15 крупных владениях, в том числе в 3 безусадебных. 3 имения принадлежали Петру Павловичу Шафирову. Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев владел крупным имением в Пензенском уезде и двумя средними в Московском. Федосей Михайлович Безобразов имел крупную вотчину в Брянском уезде и мелкие в Бельском и Смоленском. Средних имений насчитывалось 21 (в том числе 8 безусадебных), мелких 16 (в том числе 8 безусадебных). У стольника Ивана Васильевича Кожина среднее имение находилось в Можайском уезде, мелкое — в Вологодском.

Среди помещиков самым крупным землевладельцем был вице-канцлер сенатор барон Петр Павлович Шафиров. В феврале 1723 г. за публичную ссору в Сенате с обер-прокурором Григорием Григорьевичем Скорняковым-Писаревым у обоих по приказу императора отобрали в казну всю недвижимую собственность, а самих сослали[2]. Владения Скорнякова-Писарева значатся в 7 уездах. Конфискованные владения Шафирова располагались в 11 уездах, и везде стояли помещиковы дворы. Среди них наиболее благоустроенными можно считать в Московском уезде Ильинское, в Каширском Жерновки, в Пензенском Ломовская Слобода, в Суздальском Михалково[3]. Взятые в казенное ведомство в 1714—1715 гг. имения полоцкого коменданта Никиты Тимофеевича Ржевского находились в трех уездах. Также в трех уездах отмечены владения дьяка Адриана Григорьевича Ратманова (1723 г.) и капитана Федосея Михайловича Безобразова (1724—1725), а в двух — касимовского царевича (1723) и воеводы Василия Петровича Зиновьева (1723—1724). Всего 12 владельцев.

[1] Значительная часть взята из книги «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.» (М., 1951). Далее — Материалы...

[2] Материалы... С. 378—379.

[3] См. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 139.

Крупные имения

Владения крупных душевладельцев располагались в семи уездах Нечерноземной полосы (Брянский, Владимирский, Касимовский, Каширский, Рязанский, Шуйский, Ярославский) и в четырех черноземных (Болховский, Елецкий, Кромский, Пензенский). В шести имениях крестьяне отбывали полевую барщину. Еще в шести владениях барщина дополнялась денежной и продуктовой рентой. Только в одной вотчине барщины не было. А еще по двум имениям повинности не указаны (см. Перечень).

Подворные описания 15 имений неравноценны по своему содержанию. В трех описаниях 1700—1705 гг. перечислены жители м.п. Состав семей можно определить по восьми владениям. Указания о возрасте людей об.п. присутствуют по пяти вотчинам, да еще в одном имении приведен возраст крестьянских детей м.п. Поголовье скота (лошади, коровы, овцы, свиньи) отмечено во всех описях. Мало сведений о козах. Из птицы чаще значатся куры русские. Гуси, утки, куры индейские встречаются редко. Сведения о размерах высева зерновых отсутствуют по четырем имениям. Еще в пяти указывается посев только ржи озимой, в двух — ржи и овса. Весь перечень яровых культур значится только по трем вотчинам, а в трех он указан для небольшого числа дворов. Очень редко даются сведения о запасах зерна (три имения) и необмолоченного хлеба, о заготовленном сене, о пчеловодстве. Хозяйственный инвентарь (сошники, косы, топоры) описан лишь в одном имении. Дворовые постройки перечислены по пяти имениям.

Обратимся сначала к четырем имениям первых лет XVIII в. (1700—1705 гг.). Они расположены в смежных нечерноземных уездах. В двух бытовала барщина, а в двух форма ренты не указана. В перечнях крестьянских дворов указаны только люди м.п. без возраста.

В апреле 1700 г. описано *имение вдовы окольничего князя Семена Романовича Пожарского в Вандужском стане Владимирского уезда*. Оно было безусадебным. У села Екимово располагался господский скотный двор с небольшим поголовьем скота на содержании трех скотников. В житнице хранилось 30 четв. ярицы. По сказке старосты, целовальника и выборных посев озимой ржи составлял 30 четв. В среднем на двор приходилось в поле 4,4 четверика, на чел. м.п. 1,4 четверика. В переводе на десятину — 0,3 и 0,1 дес.

В подворном описании указаны люди м.п. и возраст детей, перечислены постройки и скот (лошади, коровы, овцы, свиньи). Всего в селе 52 крестьянских двора и 2 бобыльских (168 чел. м.п.). При делении по числу взрослых м.п. дворохозяева и их сыновья старше 14 лет составили 4 группы (см. *табл. № 2.1*): с одним взрослым 22 двора (40, 7 %), с двумя — 18 (33,3 %), с тремя — 11 (20,4 %), с четырьмя — 3 (5,6 %).

Средние дворовые показатели по скоту невысокие, за исключением овечьего поголовья. Коровы не отмечены в трех дворах, овцы — в пяти. Очень мало свиного поголовья. Их не было в 28 дворах. Средние первой группы и частично второй ниже общих по имению. Подушные показатели примерно одинаковы (*табл. № 2.2*).

В январе 1700 г. описали конфискованное у *князя Якова Юрьевича Волконского* («за силу, что он... в корабельные припасы денег не платил») *владение в Ярославском уезде*.

Табл. № 2.1

Крестьянское хозяйство во владимирском имении Пожарского С.Р.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Взрослые м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи
1	22	47	21	30	28	68	7
2	18	60	36	33	31	69	15
3	11	43	33	20	23	58	8
4	3	18	12	13	12	32	10
Всего	**54**	**168**	**102**	**96**	**94**	**227**	**40**
В среднем на двор	–	3,1	1,9	1,8	1,7	4,2	0,7
В среднем на человека м.п.	–	–	–	0,6	0,5	1,3	0,2

Табл. № 2.2

Средние показатели крестьянского животноводства в имении Пожарского С.Р.

Группа	Поголовье			
	конское	коровье	овечье	свиное
в среднем на двор				
1	1,4	1,3	3,1	0,3
2	1,8	1,7	3,8	0,8
3	1,8	2,1	5,3	0,7
4	4,3	4,0	10,7	3,3
Всего по имению	**1,8**	**1,7**	**4,2**	**0,7**
в среднем на чел. м.п.				
1	0,6	0,6	1,4	0,1
2	0,5	0,5	1,1	0,2
3	0,5	0,5	1,3	0,2
4	0,7	0,7	1,8	0,5
Всего по имению	**0,6**	**0,5**	**1,3**	**0,2**

Двор помещика стоял в селе *Аксиньинское*. В нем немного птицы (гуси, утки, «курята» индейские) и 10 четв. ржи, овса, ячменя. На владельца посеяно ржи озимой 18 четв. У села Андреевское отмечен двор вотчинника. Здесь был и скот (3 коровы, 9 овец), и птица (2 гнезда гусей, 3 гнезда уток, 2 ½ гнезда кур индейских), 7 четв. ячменя, 4 стога сена. На господском поле посев ржи озимой 15 четв. В среднем барщины приходилось на двор 0,9 четв., на чел. м.п. — 0,3.

В подворное описание крестьян (36 дворов, 120 чел. м.п.) включены сведения о людях м.п. без их возраста, о поголовье скота (лошади, коровы, овцы, свиньи), о запасах «всякого хлеба», о посеве ржи озимой в четвертях и осьминах.

Хозяйственные показатели для всего имения посредственны. В разгар зимы в восьми дворах зерна уже не было. В среднем на двор приходилось 12,8 четвериков, на чел. м.п. 3,8. Дворовый посев озимой ржи 6,9 четвериков, душевой 2,1. Величины низкие. Скота значилось немного. Лошади отсутство-

вали в 11 дворах, коровы — в восьми, овцы — в 18-ти. Свиньи показаны в десяти дворах, а в 26 их не было. В 16 дворах сена переписчики не обнаружили.

При отсутствии сведений о возрасте людей м.п. для установления числа взрослых работников пришлось отнести дворы только с одним дворохозяином в первую группу, а дворы с главой семьи с сыновьями — во вторую. В первой (с одним взрослым) оказалось 27 дворов, во второй (с двумя) — 9. Средние подворные показатели в 2 и более раз для второй группы выше (по свиному поголовью — примерно в 5 раз). Запасы зерна также в 2 раза выше. Разница в посевах ржи сравнительно небольшая (8,4 и 6,4). Так же выглядят средние душевые. Только душевой показатель по высеву озимых, наоборот, заметно выше для дворов первой группы (2,3), чем во второй (1,6).

Более обоснованным представляется деление по величине высева озимой ржи (см. *табл. № 2.3*). К средней группе отнесено 12 дворов (33,3 %) с посевом

Табл. № 2.3

Крестьянское хозяйство в ярославском имении Волконского Я.Ю.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Посев ржи озимой, четверики	«Хлеба всякого», четверики	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Сено
1	19	62	66	242	13	38	18	10	11 стогов, 11,5 возов
2	12	38	96	136	7	29	16	–	8 стогов, 2 воза
3	5	20	88	83	10	20	26	7	–
Всего	**36**	**120**	**250**	**461**	**30**	**87**	**60**	**17**	–
В среднем на двор	–	3,3	6,9	12,8	0,8	2,4	1,7	0,5	–
В среднем на человека м.п.	–	–	2,1	3,8	0,2	0,7	0,5	0,1	–

Табл. № 2.4

Средние показатели крестьянского хозяйства в ярославском имении Волконского Я.Ю.

Группа	Посевы ржи озимой, четверики	«Хлеба всякого», четверики	Поголовье			
			конское	коровье	овечье	свиное
в среднем на двор						
1	3,5	12,7	0,7	2,0	0,9	0,5
2	8,0	11,3	0,8	2,4	1,3	–
3	17,6	16,6	2,0	4,0	5,2	1,4
Всего по имению	**6,9**	**12,8**	**0,8**	**2,4**	**1,7**	**0,5**
в среднем на человека м.п.						
1	2,1	3,8	0,2	0,7	0,5	0,1
2	2,5	3,6	0,2	0,8	0,4	–
3	4,4	4,1	0,5	1,0	1,3	0,3
Всего по имению	**2,1**	**3,8**	**0,2**	**0,7**	**0,5**	**0,1**

8 четвериков. К первой 19 дворов (2—4 четверика). К третьей — 5 дворов, среди которых 4 двора с посевом по 16 четвериков и один — 24 четверика.

Средние показатели свидетельствуют о невысоком имущественном положении (см. *табл. № 2.4*). На двор приходилось 6,9 четвериков посева озимой ржи (2,1 — на чел. м.п.). Запасов «всякого хлеба» на двор пришлось 12,8 четвериков. Скота было мало: на двор 0,8 лошади, 1,7 овцы, 0,5 свиньи. Только показатель коровьего поголовья выглядит удовлетворительно (2,4). Лошадей не отмечено в 11 дворах, коров — в 8, овец — в 18, а свиней — в 26.

Средний высев ржи в первой группе более чем в 2 раза уступал второй и более чем в 4 раза третьей. Показатели по скоту для первой группы наименьшие. Средние душевые первой группы также ниже остальных, хотя и близки к показателям второй группы.

В октябре 1704 г. переписаны крестьянские дворы в безусадебном имении *Петра Ивановича Травина в Шахове стане Ярославского уезда. В трети* деревни *Бор* с другими деревнями насчитывалось 42 двора. В описании указаны только люди м.п. без возраста. Имеются сведения о поголовье скота. Свиньи отмечены только в одном дворе, куры — в 19 дворах. Даны сведения о запасах зерна (рожь, овес, пшеница, горох, семя льняное) в житницах, находящихся за двором (по некоторым дворам проставлен вес ржи чистой и «невейянцы»); о посеве ржи озимой в четвертях и осьминах, о количестве стогов сена. Указано, что при 8 дворах имеются ветряные мельницы.

Для группировки взято 40 дворов. Исключаем 2 двора. В одном дворе проживала крестьянка — вдова. У нее посев ржи 2 четверика, скота одна лошадь, 3 коровы, овцы. В другом беспосевном хозяйстве у двух братьев с сыновьями отмечена только одна корова.

Делим 40 дворов по группам в соответствии с высевом озимой ржи (см. *табл. № 2.5*). К первой отнесены 20 дворов (50 %) с показателями 2,4 и 6 четвериков, ко второй 13 дворов (32,5 %) с показателем 8 четвериков, к третьей — 7 дворов (17,5 %) с показателем 12, 16 и 20 четвериков. Средние на двор таковы (см. *табл. № 2.6*): первая — 4,1; вторая 8,0; третья — 13,7 (при общей по имению 7,0). Как видно, показатель первой группы далек от общего, второй — несколько больше, а третьей больше почти в 2 раза. То же мы видим по запасам зерна и сена. Надо, однако, учитывать, что у крестьян мог оставаться хлеб необмолоченный. Конское поголовье у второй и третьей групп имеет равный показатель, коровье — примерно равный. По овцам отрыв третьей группы значителен. Средние на чел. м.п. по высеву ржи наибольшие по дворам третьей группы, по конскому поголовью равны для всех групп.

В марте 1705 г. у *князя Ильи Федоровича Шаховского* отписали безусадебную вотчину в *Борисоглебской волости Шуйского уезда сельцо Кудряково* с деревнями. Шуйские подьячие внесли в подворную опись сведения о населении м.п. без указания возраста, о «хоромном строении» дворов, поголовье скота и птицы, о запасах зерна, о высеве озимой ржи. Размер высева записывался по сказке крестьян.

Предельно краткие сведения о населении вынуждают группировать крестьянские дворы по величине посева озимой ржи. Без заметок о возрасте

Табл. № 2.5

Крестьянское хозяйство в ярославском имении Травина П.И.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Посев ржи в поле, четверики	Зерна за дворами в житницах, четверики					Лошади	Коровы	Овцы	Сено, стога
				рожь	овес	пшеница	горох	семя льняное				
1	20	60	82	512	484	76	33	33	26	89	68	40
2	13	69	104	468	496	72	31	42	30	70	57	31
3	7	32	96	464	264	67	8	8	16	40	38	22
Всего	**40**	**161**	**282**	**1444**	**1244**	**215**	**72**	**83**	**72**	**199**	**163**	**93**
В среднем на двор	-	4,0	7,0	36,1	31,1	5,4	1,8	2,1	1,8	4,9	4,1	2,3
В среднем на человека м.п.	-	-	1,75	5,1	4,4	0,8	0,2	0,3	0,2	1,2	0,8	0,3

Табл. № 2.6

Средние показатели крестьянского хозяйства в ярославском имении Травина П.И.

Группа	Посеяно ржи в поле, четверики	В житницах зерна, четверики					Поголовье			Сено, стога
		рожь	овес	пшеница	горох	семя льняное	конское	коровье	овечье	
в среднем на двор										
1	4,1	25,6	24,2	3,8	1,6	1,6	1,3	4,4	3,4	2,0
2	8,0	36,0	38,1	5,5	2,4	3,2	2,3	5,4	4,4	2,4
3	13,7	66,3	37,7	9,6	1,1	1,1	2,3	5,7	5,4	3,1
Всего по имению	**7,0**	**36,1**	**31,1**	**5,4**	**1,8**	**2,1**	**1,8**	**4,9**	**4,1**	**2,3**
в среднем на человека м.п.										
1	1,4	8,5	8,1	1,3	0,5	0,5	0,4	1,5	1,1	0,7
2	1,5	6,8	7,2	1,0	0,4	0,6	0,4	1,0	0,8	0,4
3	3,0	14,5	8,2	2,1	0,2	0,2	0,5	1,2	1,2	0,7
Всего по имению	**1,75**	**5,1**	**4,4**	**0,8**	**0,2**	**0,3**	**0,2**	**1,2**	**0,8**	**0,3**

Табл. № 2.7

Крестьянское хозяйство в шуйском имении Шаховского И.Ф.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	«В земле высеяно ржи», четвериков	В выборах зерна, четвериков				Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи
				рожь	овес	ячмень	пшеница				
1	21	81	185	160	272	950	13	23	51	41	9
2	23	87	368	264	376	151	56	35	70	81	16
3	7	41	196	124	280	68	26	20	37	52	13
Всего	**51**	**209**	**749**	**548**	**928**	**339**	**95**	**78**	**158**	**174**	**38**
В среднем на двор	–	4,0	14,7	10,7	18,2	6,6	1,8	1,5	3,1	3,4	0,7
В среднем на человека м.п.	–	–	3,6	2,6	4,4	1,6	0,4	0,4	0,7	0,8	0,2

Табл. № 2.8

Средние показатели крестьянского хозяйства в шуйском имении Шаховского И.Ф.

Группа	Посевы ржи, четвериков	В выборах зерна, четвериков			Поголовье			
	рожь	овес	ячмень	пшеница	конские	коровьи	овечьи	свиные
в среднем на двор								
1	8,8	7,6	12,9	4,8	0,6	1,1	2,4	1,9	0,4
2	16,0	11,5	16,3	6,6	2,4	1,5	3,0	3,5	0,7
3	28,0	17,7	40,0	12,6	3,7	2,8	5,3	7,4	1,8
Всего по имению	**14,7**	**10,7**	**18,2**	**6,6**	**1,8**	**1,5**	**3,1**	**3,4**	**0,7**
в среднем на человека м.п.									
1	2,3	2,0	3,3	1,2	0,2	0,3	2,4	0,5	0,1
2	4,2	3,0	4,3	1,7	0,6	0,4	0,8	0,9	0,2
3	4,8	3,0	6,8	2,1	0,6	0,5	0,9	1,3	0,3
Всего по имению	**3,6**	**2,6**	**4,4**	**1,6**	**0,4**	**0,4**	**0,7**	**0,8**	**0,2**

нельзя установить число работников во дворе. Из подсчетов исключены бобыльский двор, так как в нем «скотины и хлеба ничего нет», и один крестьянский (4 чел. м.п.), в котором «хоромного строения, скотины, хлеба ничего нет».

51 двор разделен на три группы (см. *табл. № 2.7*). Больше всего дворов (23) оказалось с посевом 16 четвериков. Они составили среднюю группу. В первую отнесены дворы с посевом менее 16 четвериков (от 2 до 12), в третью — с посевом более 16 (от 20 до 40). Соотношение дворов по группам таково: 1) 21 двор (41,2 %); 2) 23 (45,1 %); 3) 7 (13,7 %). Соответственно распределение людей м.п.: в первой 81 чел. (38,8 %), во второй 87 чел. (41,6 %), в третьей 41 (19,6 %).

Общее состояние зернового земледелия удовлетворительным назвать трудно. В среднем посев ржи озимой на двор составил 14,7 четвериков, то есть менее 2 четв. К марту у десяти дворов в амбарах уже не было ржи и овса, у 12 — ячменя, у 24 — пшеницы. Участки под озимой рожью у многих оказались незначительными. Высев ржи не более 8 четвериков показали 13 дворохозяев, высев в 12 четвериков еще 8 чел. Лишь у семи дворов посев превысил средний показатель. Поголовье скота у крестьян сравнительно небольшое. В среднем на двор приходилось 1,5 лошади. Очень мало свиней (0,7). Лучше обстояло дело с коровами (3,1) и овцами (4,3).

Имущественные различия по группам проступают вполне отчетливо (см. *табл. № 2.8*). Средние первой группы (и дворовые, и душевые) ниже общих по имению. Средние второй близки к общим, а средние третьей — выше. Средняя по посеву ржи в дворах третьей примерно в $3\frac{1}{2}$ раза превышает показатель первой. Такой же разрыв по поголовью скота и наличному зерну.

* * *

Сравнение хозяйственного состояния крестьянских дворов в трех рассмотренных имениях Ярославского и Шуйского уездов 1700—1705 гг. с группировкой по размерам высева озимой ржи (см. *табл. № 2.9*) показывает сходство в некоторых показателях. Численность дворов по группам довольно близка друг к другу. В первую вошли 19, 20 и 21 двор. Их доля составляла 52,8 %, 50,0 %, 41,2 %. По дворам второй группы выделялось имение Шаховского — в нем 23 двора (45,1 %), а в других имениях — 12—13 дворов (32,5 %, 33,3 %). Число дворов третьей группы от пяти до семи. Их доля 13,9 %, 17,5 %, 13,7 %. Можно считать, что соотношение дворов в группах (за исключением второй группы в имении Шаховского) дает сходные величины. Доля состоятельных дворов третьей группы 13—17 % (а их численность 19), малосостоятельных первой группы — 40—52 %(их 60).

По средним размерам высева озимой ржи показатели имения Шаховского гораздо выше (примерно в 1,5—2 раза). Высев в двух ярославских имениях колебался по дворам от 2 до 24 четвериков, а в шуйском — от 2 до 40. В имениях Волконского и Травина средние по конскому поголовью меньше единицы (0,8 и 0,25). Мало также у них было овец (1,7 и 0,6), а у Шаховского — 3,4. Свиноводство находилось на низком уровне во всех трех имениях. По ко-

Табл. № 2.9

Средние показатели посевов озимой ржи и животноводства по описаниям 1700-1705 гг.

Год описания	Владелец имения	Крестьянские дворы, кол-во (%)			После ржи, четверики			Поголовье			
		1-я группа	2-я группа	3-я группа	в имении	в 1-й группе	во 2-й группе	в 3-й группе	конские	коровьи	овечьи	свиные
1700 г., январь	Волконский	19 (52,8)	12 (33,3)	5 (13,9)	6,9	3,5	8,0	17,6	0,8	2,4	1,7	0,5
1704 г., октябрь	Травин	20 (50,0)	13 (32,5)	7 (17,5)	7,0	4,1	8,0	13,7	0,2	1,2	0,6	0,3
1705 г., март	Шаховский	21 (41,2)	23 (45,1)	7 (13,7)	14,7	8,8	18,0	28,0	1,5	3,1	3,4	0,7

Табл. № 2.10

Крестьянское население в болховском имении Ржевского Н.Т.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			«Взрослые» м.п.		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор
1	24	55,8	132	47,7	5,5	67	45,3	2,8	48	41,7	2,0
2	9	20,9	63	22,7	7,0	31	20,9	3,4	27	23,5	3,0
3	10	23,3	82	29,6	8,2	50	33,8	5,0	40	34,8	4,0
Всего	43	100,0	277	100,0	6,4	148	100,0	3,4	115	100,0	2,7

Табл. № 2.11

Крестьянское хозяйство в болховском имении Ржевского Н.Т.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	«Посевного... хлеба», четверики	
								ржи	гречи
1	24	67	76	12	7	102	89	784	224	160
2	9	31	35	8	7	51	41	320	160	96
3	10	50	53	11	13	67	56	368	144	112
Всего	43	148	164	31	27	220	186	1472	528	368
В среднем на двор	-	3,4	3,8	0,7	0,6	5,1	4,3	34,2	12,3	8,5
В среднем на человека м.п.	-	-	1,1	0,2	0,2	1,5	1,2	9,9	3,6	2,5

ровьему поголовью показатели сносные, но заметно разнятся: 2,4 в имении Волконского, 1,2 в имении Травина, 3,1 в имении Шаховского.

Полоцкий комендант *Никита Тимофеевич Ржевский* лишился своих владений за то, что незаконно пропуская суда в Ригу и «брал себе... многие деньги и другие вещи»[4].

У Ржевского усадьбы были в трех уездах. Звенигородская усадьба Ларюшино сгорела в 1713 г. К 1715 г. успели поставить две избы людских (8 чел. м.п., 7 чел. ж.п.). В тульской вотчине на «помещиковом» дворе стояли 2 избы, соединенные сенями. В них жили деловые люди (5 чел. м.п., 5 чел. ж.п.). Подворная опись крестьян имеется по *болховскому имению* (октябрь 1714 г.). Двор помещика в *усадьбе Богословское* состоял из трех горниц белых на подклетах. С трех сторон их окружали сени с чуланами. Позади стояла черная отходя горница. Горницы крыты тесом и дранью. В белых печи «кафленые», в черной и в подклетах — кирпичные. На стенах иконы, в том числе на полотнах, с изображением распятия Христа, Богородицы, Иоанна Богослова «и иных святых и другие персоны» в 13 рамах. Среди мебели столярной работы 2 стола и кровать «расписная красками с подволоков». В отдалении от горниц находилась поварня и возле нее поваренная изба, погреб дубовый рубленый с выходом, в одном из амбаров ледник. Людских изб насчитывалось 5. Между двумя были сени, а другие три с простенками. Перед «помещиковым» двором поставлены 9 житниц. У пруда людская баня с прибанником. Строения крыты дубьем и дранью. При господском дворе сад «яблоновой и грушевой и сливной и вишенной». Другой сад разбит подле крестьянских дворов. Оба огорожены тыном. К «помещикову» двору примыкали скотный двор и конюшенный, а также огороженный тыном овощной огород, 5 ульев с пчелами. Приказчик с семьей жил в светлицах, конюх — на конюшенном дворе в избе, 4 семьи скотников и коновал поляк — на скотном в пяти избах, крытых соломой. Скотники имели собственный скот (овцы, свиньи, козы).

По «сказке» старосты и выборных крестьян и по смете отписчика на помещика обрабатывали под рожью 67 дес., под овсом 40 дес., под гречихой 14 дес., под горохом 2 дес., под коноплей 4 дес. Всего 127. На крестьянский двор в среднем падает 2,9 дес. в двух полях, на чел. м.п. 0,8 дес.

В подворное описание включены сведения о крестьянах об.п. без указания возраста, о поголовье скота, о посеве озимой ржи и яровых, о «пчельных заводах». Данные о посевах записаны в десятинах по «сказкам» самих жителей.

Крестьянские дворы можно разделить на группы по числу глав семей, женатых братьев, сыновей, зятьев, племянников.

В селе Богословское отмечено 43 крестьянских двора. По числу женатых мужчин и вдовцов они разделены на три группы: 24 двора с двумя, 9 дворов с тремя, 10 дворов с четырьмя (*см. табл. № 2.10*). Как видно, больше дворов (более половины) в первой группе. В ней же больше жителей об.п. и м.п. По числу женатых дворы третьей группы оказались на втором месте, и их отрыв от первой сравнительно невелик.

О хозяйственном состоянии дворов *см. табл. № 2.11*. Животноводство

[4] Материалы... С. 378.

Табл. № 2.12

Средние показатели крестьянского хозяйства в болковском имении Ржевского Н.Т.

Группа	«Посеяного...хлеба», четверики			Поголовье				
	рожь	овес	греча	конское	коровье	козье	овечье	свиное
в среднем на двор								
1	32,7	9,3	6,7	3,2	0,5	0,3	4,2	3,7
2	35,5	17,8	10,7	3,8	0,9	0,8	5,7	4,5
3	36,8	14,4	11,2	5,3	1,1	1,3	6,7	5,6
Всего по имению	**34,2**	**12,3**	**8,5**	**3,8**	**0,7**	**0,6**	**5,1**	**4,3**
в среднем на человека м.п.								
1	11,7	3,3	2,4	1,1	0,2	0,1	1,5	1,3
2	10,3	5,2	3,1	1,1	0,2	0,2	1,6	1,3
3	7,4	2,9	2,2	1,1	0,2	0,3	1,3	1,1
Всего по имению	**9,9**	**3,6**	**2,5**	**1,1**	**0,2**	**0,2**	**1,5**	**1,2**

находилось на удовлетворительном уровне: лошадей на двор 3,8, на чел. 1,1; овец 5,1 и 1,5; свиней 4,3 и 1,2. Однако коров и коз было мало (0,6—0,7 и 0,2). Коровы не отмечены в 19 дворах, козы — в 24. Средние показатели на двор первой группы ниже общих по имению. Показатели второй и третьей групп выше общих. Средние на чел. м.п. по лошадям и коровам одинаковы по всем группам. По овцам и свиньям показатели третьей группы стоят на последнем месте (*см. табл. № 2.12*).

Конкретные данные, приведенные по отдельным дворам (*см. табл. № 2.13*), показывают сходство в показателях коровьего и козьего поголовья и отрыв показателей второй и третьей групп от первой по другим видам скота.

В имении отмечен посев зерновых в десятинах (переводим их в четверики для сравнения с другими имениями). Ржи в среднем на двор приходилось 34,2 четверика, овса 12,3 четверика, гречи — 8,5. На чел. м.п. 9,9; 3,6; 2,5. Это невысокие показатели. К тому же посева овса не было в 8 дворах, гречи — в 11. Проса, гороха, ячменя высевали только 2 двора. Особой разницы в обрабатываемой площади под рожью по группам не наблюдалось, хотя средние показатели первой группы все же уступали средним по второй и третьей группам. Заметна разница по овсу и гречихе.

Конкретные данные по отдельным дворам по посеву ржи исчислены в пределах от 16 до 64 четвериков. Низший посев в 16 четвериков отмечен только в двух дворах первой группы. Начальный показатель в других группах 32 четверика. Показатели посева овса и гречи близки друг к другу (*табл.№ 2.14*).

Перейдем к описаниям *трех крупных имений Петра Павловича Шафирова (казацкого 1716 г., пензенского и рязанского 1723 г.)*. В них барщина дополнялась оброком.

«Книга записная Жерновской волости сел и деревень крестьянским дво-

Табл. № 2.13

Поголовье скота в крестьянских дворах в болховском имении Ржевского Н.Т.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем								
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
лошади															
1	24	-	24	76	1-6	1	6	9	5	2	1	-	-	-	-
2	9	-	9	35	2-6	-	3	1	1	2	2	-	-	-	-
3	10	-	10	53	2-9	-	1	-	2	4	-	2	-	1	-
Всего дворов	43	-	43	-	-	1	10	10	8	8	3	2	-	1	-
коровы															
1	24	14	10	12	1-2	8	2								
2	9	3	6	8	1-2	4	2								
3	10	2	8	11	1-2	5	3								
Всего дворов	43	19	24	-	-	17	7								
козы															
1	24	18	6	7	1-2	5	1	-							
2	9	4	5	7	1-3	4	-	1							
3	10	2	8	13	1-3	4	3	1							
Всего дворов	43	24	19	-	-	13	4	2							
овцы															
1	24	-	24	102	1-8	1	3	4	6	4	4	1	1	-	-
2	9	-	9	51	2-9	-	1	-	1	3	1	1	1	1	2
3	10	-	10	67	4-10	-	-	-	3	-	2	2	-	1	2
Всего дворов	43	-	43	-	-	1	4	4	10	7	7	4	2	2	4
свиньи															
1	24	1	23	89	1-8	2	2	5	7	5	-	1	1	-	-
2	9	-	9	41	3-7	-	-	3	2	1	2	1	-	-	-
3	10	-	10	56	3-9	-	-	1	2	3	1	1	1	1	-
Всего дворов	43	1	42	-	-	2	2	9	11	9	3	3	2	1	-

Табл. № 2.14

Посевы зерновых (четвериков) в крестьянских дворах в имении Ржевского Н.Т.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом						
						4	8	12	16	24	32	40	48	64
						рожь								
1	24	–	24	784	16–64	–	–	–	2	2	17	–	2	1
2	9	–	9	320	32–48	–	–	–	–	–	7	1	1	–
3	10	–	10	368	32–48	–	–	–	–	–	7	–	3	–
Всего дворов	43	–	43	–	–	–	–	–	2	2	31	1	6	1
						овес								
1	24	8	16	224	8–32	–	8	1	5	–	2			
2	9	–	9	160	8–32	–	4	–	2	1	2			
3	10	–	10	144	4–32	3	2	–	3	–	2			
Всего дворов	43	8	35	–	–	3	14	1	10	1	6			
						гречка								
1	24	8	16	160	4–32	2	11	–	2	–	1			
2	9	1	8	96	4–16	1	3	–	4	–	–			
3	10	2	8	112	8–32	–	5	–	2	–	1			
Всего дворов	43	11	32	–	–	3	19	–	8	–	2			

рам...»[5] для первой четверти XVIII в. является одной из наиболее информативных. Она составлена в августе 1716 г. для помещичьих надобностей по управлению имением и содержит данные о населении с указанием возраста, о поголовье скота и птицы, о сжатой необмолоченной ржи, о заготовке сена, о хмелеводстве и пчеловодстве. Наряду с величиной вытного тягла на двор указывались соответствующие размеры надела в десятинах и денежного оброка в рублях и деньгах. В селах Жерновки и Хатавки и семи деревнях описаны 189 крестьянских дворов. В четырех дворах в отдельных избах проживали по две семьи, имевших скот и посевы. Можно считать, что в вотчине находились 193 хозяйственно обособленных двора (семьи).

Материалы Книги записной могут быть дополнены сведениями о населении, повинностях, усадьбе и барском хозяйстве отписной книги 1723 г., составленной при конфискации имения[6]. О крестьянском хозяйстве в отписной книге нет сведений.

Жерновская волость находилась на правом берегу Оки примерно в 20 верстах к западу от Каширы.

К моменту составления подворной описи в 1716 г. крестьяне жерновского имения уже более 30 лет находились под властью помещиков. Дозорная книга 1588/89 гг., переписная книга 40-х гг. XVII в. и писцовая книга 70-х гг. XVII в. еще описывают Жерновской стан (волость) среди дворцовых земель Каширского уезда[7]. В 1683/84 гг. большая часть волости (119 дворов) была отдана в поместье думному дьяку Е. И. Украинцеву, меньшая (23 двора) — И. Одинцову[8]. Позже Украинцев владел всей волостью. В 1708 г. выморочная вотчина была пожалована государственному подканцлеру Шафирову[9].

Судя по «Экономическому и камеральному описанию Каширского уезда» 1770-х гг., крестьяне имения на протяжении XVIII в. продолжали оставаться в разряде помещичьих. Ко времени генерального межевания указанные два села с четырьмя деревнями (трех деревень, упомянутых в начале XVIII в., уже не было), расположенные в 22 верстах к западу от Каширы на правом берегу Оки, находились во владении бригадира Михаила, полковника Родиона и майора Андрея Родионовых детей Кошелевых. Отмечено 154 крестьянских двора, 614 душ м.п., 630 душ ж.п. Источник прямо указывает на земледельческий характер крестьянского хозяйства: «крестьяне... промышляют хлебопашеством к чему они и радетельны», хотя «земля сероглинистая и без довольного всякой год удабривания к плодородию не весьма способна, ис посеянного на ней хлеба арженаго и яроваго родица средственно». О неземледельческих промыслах мужчин ничего не говорится, а «женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделии: прядут лен, посконь, шерсть, ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу»[10].

[5] РГАДА. Госархив. Р. XI. Д. 139. Ч. 3. Л. 160–230. Фотокопия источника была любезно предоставлена автору С. М. Троицким.
[6] Материалы... С. 126–127.
[7] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Л. 9 об.–20; Кн. 179. Л. 677–689; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 225.
[8] РГАДА. Ф. 396. Оп. 38. Д. 3574. Л. 11, 34.
[9] Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 2. Вып. 1. М., 1962. С. 417.
[10] РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 3. Д. 19119. Л. 100 об.–101 об.

В имениях Шафирова «помещиковы» дворы можно разделить на два вида. В первом господские жилые постройки состояли из 3—6 светлиц, поземных или установленных на подклетах, а между ними ставились сени с чуланами и нужниками. В окна вставлялись оконницы стеклянные, реже — слюдяные. Крыши покрывались гонтом или дранкой. Ко второй группе хоромных построек (их меньше) относились одиночные или двойные горницы на подклетах или омшаниках. В уездах Костромском, Серпуховском, Веневском усадеб не было. Там устроены избы для проживания дворовых людей. Обычно в имениях были скотные дворы. В четырех усадьбах — и скотные, и конюшенные дворы, а иногда еще и житные. В каширских и пензенских имениях отмечены сады и пруды с рыбой.

По Книге записной в 1716 г. «боярский» двор располагался в сельце Бегичево. В нем горниц не было. Стояли 4 избы и 2 сарая. Здесь проживали 2 дворовых человека с семьями, да еще в сельце Мыльново дворовый с семьей (14 чел. м.п., 9 чел. ж.п.). У них было 5 лошадей и жеребенок, бык, 7 коров (в том числе 4 «боярских»), 4 теленка (в том числе 2 «боярских»), 15 овец, 8 свиней, 7 гусей (в том числе 6 «боярских»), 20 уток «боярских», 65 кур, а также 7 копен немолоченого хлеба. Крестьянам села Бегичево роздали барскую скотину (4 коровы и 4 теленка, 33 овцы черкасских и 16 русских, 22 ягненка, 6 гусей, 30 уток). В селе Жерновки отмечены дворовые, в том числе бывшие конюхи. Указания на господский двор нет. В деревне Быково жил садовник бобыль с женой.

Однако «Росписные книги» приема вотчины приказчиком от выборного старосты и целовальника от 3 сентября 1716 г. указывают на наличие в Жерновках господского двора. Хоромы состояли из 6 светлиц с сенями между ними. Отмечены передний и задний рундуки «с шатрами», 3 чулана, 2 нужника. В окошках светлиц 33 стеклянных и слюдяных окончин (в 10 окончин нет либо они разбиты). Мебели (столы, стулья, скамьи, поставцы, кровати) мало. При хоромах мыльня с чуланом и нужником. На том же дворе хоромы, «что живет приказщик» (2 горницы, между ними сени, в двух окошках окончины стеклянные, большая и малая). Из хозяйственных построек названы поварненая изба, поварня, клеть «прикащикова», сарай, 2 ледника. На «боярском дворе» находилась и приказная изба. У передних ворот — караульня.

На конюшенном дворе стояли 2 конюшни, крытые тесом, новая и старая, изба конюшенная, сарай новый («что сыплют муку»), навес, житница. Лошадей было мало (3 жеребца, кобыла, жеребчик). На скотном дворе 2 избы новые, 4 сарая с воротами для коров и овец, 5 клетей для птиц. Здесь 2 коровы сеников маленьких», 45 овец черкасских, 18 русских. Среди гусей 4 боевых, сребубой» 3 петуха и 7 кур. Русских кур 17 да один петух. При господском дворе в Жерновках хранилась в житницах основная часть боярского хлеба 530 четв. рожи, 35 четв. пшеницы, 60 четв. овса (в других селениях зерна было мало). На гумне отмечен в скирдах и копнах хлеб необмолоченный[11].

[11] РГАДА. Госархив. Р. 11. Ч. 3. Л. 253—259.

По отписной книге 1723 г., при селе Жерновки хоромное строение двора помещика включало 6 светлиц, «между ими сени» (в них 5 чуланов, 2 нужника). Светлицы крыты тесом. Прикащик жил в особых двух горницах с сенями, под одной «омшеник выкладен камнем». На дворе отмечены также баня «с прибанником» (в ней чулан и нужник), изба с поварней, приворотник, конюшня. Имелись дворы конюшенный и «скотский». В первом 7 коней ногайских и еще 4 лошади. Во втором быки и коровы, 54 овцы черкасские с ягнятами и 5 баранов, гуси, утки, куры индейские и русские. Зерно хранилось в 4 житницах на житном дворе. За «помещиковым» двором сад, где поставлены 6 ульев с пчелами. В разных местах отмечены 3 пруда с рыбой. Дворовых деловых людей в усадьбе 16 чел. об. п. Так выглядело многоотраслевое усадебное хозяйство.

В том же уезде Шафиров имел другую усадьбу при селе Везищи. На дворе стояли 3 горницы, между ними сени. Отмечены скотный двор (9 рабочих лошадей, коровы, быки черкасские, овцы черкасские, птица), 5 житниц с зерном, 3 сада, 2 пруда с рыбой. Деловых людей 23 чел. об.п. В селе Везищи и в деревне Аргуново 29 крестьянских дворов (154 чел. м.п., 139 чел. ж.п.). Крестьяне были на барщине и на натуральном оброке[12].

В описании *Жерновской волости 1716 г.* значится шесть опустевших («пустых») крестьянских дворов. Жители двух дворов переведены «в Питер» (очевидно, в усадебный петербургский двор Шафирова). Население двух дворов вымерло полностью («умре»). Один крестьянин перешел в другую деревню, где «во льготе живет». Семья (муж, жена, 2 сына) «переведена в другой двор ко вдове Пелагее».

К беднейшей группе крестьян Жерновской волости следует отнести 10 безлошадных дворов (в их числе 2 двора, выключенных их тягла, и 6 дворов без взрослых работников м.п.). В них же не было и крупного рогатого скота (отмечены лишь телица, овцы и свиньи). В трех дворах скота вовсе не было. Численность жителей об.п. в таких дворах, как правило, не превышала 5 чел. Показателен в этом плане один двор, в котором не было взрослых мужчин. Братья 48 и 44 лет умерли. Осталась вдова с четырьмя сыновьями (старшему 12 лет). У семьи скота не значилось (записано лишь 6 куриц). В другом дворе проживали муж 62-х лет («живет без тягла») с женой, тремя детьми и братом, отставным солдатом 80-ти лет. У них отмечены 4 овцы и 5 куриц. Эти 10 дворов при группировке не учитываются.

Крестьян м.п. старше 65-ти лет отмечено 37 чел. (почти 10 %). Большинство из них (22 чел.) находилось в возрасте 65—69-ти лет, 12 чел. — до 79-ти, двум было за 80 лет. Женатых детей моложе 15 лет оказалось 13 чел. (3,4 %). Среди них 9 чел. исполнилось 14 лет, двум — 13 лет, еще двум — 12 лет.

Отобранные 179 крестьянских дворов (1416 чел. об.п., 717 чел. м.п.) разделены по числу взрослых м.п. на 4 группы (см. *табл. № 2.15*). В первую вошли 62 двора (34,7 %) с одним взрослым работником в возрасте от 15 до 65 лет; во вторую — 70 дворов (39,1 %) с двумя работниками; в третью 34 (19,0 %) с тре-

[12] Материалы... С. 124, 126—127.

Табл. № 2.15

Крестьянское население в казанском имении Шафирова П.П. (Жерновская волость, 1716 г.)

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	нераздельные	
													отцовские	братские
1	62	34,7	352	24,8	5,7	179	24,9	2,9	62	17,3	1,0	54	6	2
2	70	39,1	548	38,7	7,8	278	38,8	4,0	140	39,1	2,0	5	39	26
3	34	19,0	351	24,8	10,3	170	23,8	5,0	102	28,5	3,0	–	13	21
4	13	7,2	165	11,7	12,7	90	12,5	6,9	54	15,1	4,1	–	5	8
Всего	179	100,0	1416	100,0	7,9	717	100,0	4,0	358	100,0	2,0	59	63	57

Табл. № 2.16

Крестьянское животноводство в Жерновской волости

Группа	Лошади		Коровы		Овцы		Свиньи		Куры		Заготовка сена, копны	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	98	23,1	65	21,2	174	22,2	101	21,2	427	23,3	244	28,9
2	163	29,6	120	39,2	296	38,0	173	36,3	740	40,3	327	38,9
3	108	25,6	85	27,8	197	25,2	120	25,1	430	23,5	192	22,9
4	54	12,7	36	11,8	114	14,6	83	17,4	235	12,9	79	9,3
Всего	423	100	306	100	781	100	477	100	1832	100	842	100
В среднем на двор	2,4	–	1,7	–	4,4	–	2,7	–	10,2	–	4,7	–
В среднем на человека м.п.	0,6	–	0,4	–	1,0	–	0,7	–	2,5	–	1,2	–

мя работниками; в четвертую — 13 (7,2 %) с четырьмя и шестью работниками (12 дворов — 4 работника, 1 двор — 6). Во дворах первой группы проживали 62 взрослых работника (17,3 %), второй — 140 чел. (39,1 %), третьей — 102 чел. (28,5 %), четвертой — 54 чел. (15,1 %). Всего 358 чел. Соотношение людей м.п. таково: 179 (24,9 %), 278 (38,8 %), 170 (23,8 %), 90 (12,5 %).

По населенности первенство за дворами второй группы. Примерно равны показатели первой и третьей групп, но ведь в третьей число дворов вдвое меньше. Доля дворов четвертой группы всего 7,2 %, а доля взрослых м.п. равна половине общего количества.

В Жерновской волости преобладали неразделенные семьи (120 из 179). Малые семьи находились в основном в дворах первой группы. Отцовские и братские составляли большинство в других группах. По количеству на первом месте отцовские (63), на втором малые (59), на третьем братские (57). Можно отметить значительное число братских семей.

Довольно трудно определить уровень земледельческого производства, так как в описи 1716 г. нет данных о посевах зерновых. Указано лишь на август количество необмолоченной ржи («хлеба ржи») в копнах. По ужинно-умолотным ведомостям[13], из «доброй» копны «по опыту» намолачивали 7 четвериков, из «худой» — 4. Такая рожь в копнах подразделялась на «новую» («ржи новой ужато» 1632 копны) и «старую». Старая (250 копен) отмечена лишь в 11 дворах и еще в 2 дворах было 160 четвериков ржи старой обмолоченной. Новая отсутствовала только в 6 дворах. Можно полагать, что основная часть дворов уже приступила к жатве, а некоторые ее только начинали.

Всего убрано новой ржи 1632 копны (нет показателей по шести дворам), в среднем на двор 9,1, на чел. м.п. 2,3. На 62 двора первой группы приходится 353 копны (21,7 %), на 70 дворов второй 608 (37,2 %), на 34 двора третьей 394 (24,1 %), на 13 дворов четвертой 277 (17,0 %).

Обмолоченные пшеница (80 четвериков), овес (4), греча (16) отмечены только в одном дворе. Очевидно, в других хозяйствах к обмолоту еще не приступали, если не предположить, что в единственном зафиксировано зерно прошлого года.

Наиболее полные сведения описание дает о животноводстве (см. *табл. № 2.16*). Крестьяне Жерновской волости (179 дворов) имели 423 лошади (на двор в среднем 2,4), 306 коров (1,7), 781 овцу (4,4), 477 свиней (2,7). Лошадей не было в семи дворах, коров — в 55, овец — в 12, свиней — в 26. Бросается в глаза малая численность коровьего поголовья (1,7 в среднем на двор по имению, по группам от 1,0 до 2,8). Примерно треть дворов не имела коров. Да и свиней было немного, а около 15 % дворов их не заводили.

Недостаточная обеспеченность скотом дворов первой и второй групп очевидна по средним показателям, которые ниже общеволостных (см. *табл. № 2.17*). В третьей и четвертой группах показатели выше.

Из птицы лишь куры имелись в большинстве дворов (кроме десяти). Гуси (100) и утки (40) отмечены в 26 и в 8 дворах, куры индейские (11) только в двух. Средний показатель кур русских (1832) на двор 10,2. Наибольшее

[13] РГАДА. Р. XI. Д. 139. Ч. 3. Л. 87 об., 308–309.

Табл. № 2.17

Средние показатели крестьянского животноводства в Жерновской волости

Группа	Поголовье					Заготовка сена, копны
	конское	коровье	овечье	свиное	куры	
	в среднем на двор					
1	1,6	1,0	2,8	1,6	6,9	3,9
2	2,3	1,7	4,2	2,5	10,6	4,7
3	3,2	2,5	5,8	3,5	12,6	5,6
4	4,1	2,8	8,8	6,4	18,0	6,0
Всего по имению	**2,4**	**1,7**	**4,4**	**2,7**	**10,2**	**4,7**
	в среднем на чел. м.п.					
1	0,5	0,4	1,0	0,6	2,4	1,4
2	0,6	0,4	1,1	0,6	2,7	1,4
3	0,6	0,5	1,1	0,7	2,5	1,1
4	0,6	0,4	1,3	0,9	2,6	0,9
Всего по имению	**0,6**	**0,4**	**1,0**	**0,7**	**2,5**	**1,2**

шая доля (40,3 %) приходится на дворы второй группы. В первой и третьей — по 23 %.

Конкретные показатели конского поголовья (*табл. № 2.18*) в отдельных дворах показывают его возрастание в третьей и четвертой группах. В то же время видно, что этих группах у большинства дворов отмечено не более 4 лошадей. Данные по коровьему поголовью худшие у дворов первой группы (1—5), лучшие у дворов третьей (1—8). А в целом различия не столь заметны. По овечьему поголовью дворы третьей и особенно четвертой группы явно превосходят первую и вторую. То же можно отметить и по свиному поголовью.

В Книге записной 1716 г. по всем дворам указана заготовка сена в копнах («сена косит...»). Всего 842 копны (в среднем на двор 4,7, на чел. м.п. 1,2). Дворы первой группы имели 244 копны (28,9 %), второй — 327 (38,9 %), третьей — 192 (22,9 %), четвертой — 79 (9,3 %). Дворовые средние по группам от 3,9 до 6,0. Показатель первой группы ниже общего, второй — равен ему, третьей-четвертой — выше. Душевые средние выглядят иначе. Наивысший показатель в первой группе, низший — в четвертой, во второй и третьей такие же, как в целом по имению. Конкретные данные по дворам см. в *табл. № 2.19*.

Как видно, до 4 копен заготавливали дворы первой и второй групп. Отсчет для дворов третьей и четвертой групп начинается, как правило, с 4 копен. А в целом показатели сходные и особых различий нет.

Хмель (153 четверика) выращивали 47 дворов (26,2 %). Отмечено 153 четверика, в основном во второй (63 в 20 дворах) и в третьей (41 в 11 дворах) группах.

Пчеловодство было слабо развито. В 12 дворах стояло 42 улья. В шести дворах третьей группы ульев (27) было намного больше, чем в других.

Табл. № 2.18

Поголовье скота в крестьянских дворах Жерновской волости (1716 г.)

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем													
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	20	21
						лошади																
1	62	4	58	98	1-7	33	17	5	1	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	70	2	68	163	1-7	14	26	19	7	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	34	1	33	108	1-7	2	7	14	5	1	3	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–
4	13	–	13	54	1-11	1	3	1	3	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	179	7	172	–	–	50	53	39	16	6	4	3	–	–	–	–	1	–	–	–	–
						коровы																
1	62	23	39	65	1-5	23	9	5	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	70	24	46	120	1-6	13	13	10	3	3	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	34	4	30	85	1-8	4	8	12	4	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	13	4	9	36	1-7	2	–	1	2	2	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	179	55	124	–	–	42	30	28	10	7	5	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
						овцы																
1	62	6	56	174	1-11	9	17	12	9	3	3	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–
2	70	5	65	296	1-11	7	10	8	10	8	9	5	1	4	1	2	–	–	–	–	–	–
3	34	1	33	197	1-12	1	2	2	4	5	6	6	2	2	1	1	1	–	–	–	–	–
4	13	–	13	114	1-20	1	1	1	–	2	1	1	1	–	–	–	1	1	2	1	–	–
Всего дворов	179	12	167	–	–	18	30	23	23	18	19	13	5	6	2	4	1	1	1	2	1	–
						свиньи																
1	62	15	47	101	1-21	26	11	6	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
2	70	9	61	173	1-10	23	11	7	8	3	6	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
3	34	2	32	120	1-15	7	6	7	4	2	–	2	2	1	–	–	–	–	–	1	–	–
4	13	–	13	83	1-20	1	3	1	–	1	3	1	2	–	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего дворов	179	26	153	–	–	57	31	21	14	5	8	7	3	3	1	–	–	–	–	1	1	1

Табл. № 2.19

Заготовка сена в крестьянских дворах Жерновской волости

Группа	Дворы	Общий покос	Крайние показатели на двор	Кол-во дворов с сенем, копен											
				2	2,5	3	3,75	4	5	6	7	7,5	8	10	15
1	62	244	2–15	16	4	–	–	27	11	1	–	1	–	1	1
2	70	327	2–15	7	–	1	1	30	11	16	1	1	–	1	1
3	34	192	2,5–10	–	1	–	–	10	7	8	–	3	3	2	–
4	13	79	4–10	–	–	–	–	5	1	3	–	–	2	2	–
Всего	179	–	–	23	5	1	1	72	30	28	1	5	5	6	2

Книга записная 1716 г. дает косвенные сведения о величине крестьянского надела. В записях все время фигурируют слова о посеве хлеба[14]. Лишь в двух случаях речь идет о посеве именно ржи. Исходя из этого мы можем считать, что перед нами пахотный надел в одном (озимом) поле, занятом рожью. Размеры посевов в десятинах указывают на то, что в книге зафиксирована именно крестьянская запашка, а не норма полевой барщины. Площадь надела изменяется в записях Книги 1716 г. в строгом соответствии с размером вытного тягла.

На двор приходились следующие 9 долей выти: половина осьмака, три четверти, один, один с осьмухой, полтора, полтора с осьмухой, два, два с половиной, три с половиной. Почти половина дворов (84) несли тягло с одного осьмака (47,2 %); 45 дворов (25,2 %) — с полутора осьмака; 31 двор (17,4 %) — с половины осьмака. Наименьшая доля в полосьмака отмечена только для 36 дворов первой и второй групп. Напротив, тягло в два, два с половиной, три с половиной осьмака записано для десяти дворов третьей и четвертой групп.

В Книге 1716 г. из всех феодальных повинностей указан только денежный оброк с каждого двора. Его норма определялась размерами вытного тягла, и записью о нем заканчивалось описание каждого двора.

Изучаемые 179 дворов несли повинности с 208 осьмаков. С осьмака уплачивали оброк 2 руб. 50 денег. Крестьянин с осьмака тягла обрабатывал надел в 3 дес. без осьминника[15] (надо полагать, в одном поле). Таким образом, за оброк 468 руб. крестьяне имели 624 дес. надельной земли в одном поле. В среднем на двор приходилось 1,2 осьмака, около 3,5 дес. земли надельной в поле, 4 руб. 142 деньги оброка, на душу м.п. 1 руб. 35 денег.

У крестьян первой группы (62 двора) было 62 осьмака, 180 дес. (в среднем 2,9), оброк 135 руб. (в среднем на двор 2 руб. 35 денег, на чел. м.п. 150 денег); у крестьян второй группы (70 дворов) — 77 осьмаков, надел 231 дес. (в среднем 3,3), оброк 183 руб. 50 денег (2 руб. 123 деньги и 131 деньга); у крестьян третьей группы (34 двора) — 47 осьмаков, надел 141 дес. (в среднем 4,1), оброк 113 руб. 50 денег (3 руб. 66 денег и 133 деньги); у крестьян четвертой группы (13 дворов) 24 осьмака, надел 72 дес. (в среднем 5,5), оброк 54 руб. (4 руб. 30 денег и 120 денег).

[14] По восьми дворам посев указан в нивах. Нива = 1 дес.
[15] 1 дес. = 4 осьминника = 8 полуосьминников.

Как видно, средний дворовый надел заметно возрастал (с 2,9 до 5,5). Увеличивался и показатель оброка на двор (с 2 руб. 35 денег до 4 руб. 30 денег). А показатель на чел. м.п. снижался (150 денег, 131, 133, 120).

По некоторым дворам допущены небольшие отклонения от указанных норм тягла и надела. Для размера посева это отмечено по 13 хозяйствам. Два двора деревни Бородино находились на $^1/_2$ осьмака. Однако в отличие от других запашка была для них определена несколько большей: 2 дес. с осьминником вместо 2 дес. с полуосьминником. Два двора деревни Митино, обложенные половиной осьмака, почему-то засевали чуть меньше нормы (1 дес. с осьминником вместо 1 дес. с осьминником и полуосьминником). Еще меньше пахали один двор из деревни Митино и один двор из деревни Быково, стоящие на том же окладе (1 дес. с полуосьминником, т. е. ниже нормы на четверть десятины). Один двор на осьмаке в деревне Макарово пахал 3 дес. без полуосьминника, т. е. больше нормы на полосьминник. Шесть дворов деревень Есуково, Макарово, Бородино с окладом 1 $^1/_2$ осьмака засевали больше, чем другие (4 $^1/_2$ дес. вместо 4 дес. с полуосьминником, т. е. им набавили по 3 полуосьминника).

Нормы денежных платежей нарушались для окладов в $^1/_4$ осьмака и в 1 $^1/_2$ осьмака. Два двора села Жерновки, положенные в $^1/_4$ осьмака, платили по 1 руб. 20 алт. 3 деньги, т. е. на 2 алт. 2 $^1/_2$ деньги меньше. Два двора деревни Бородино того же оклада вносили еще меньше — 1 руб. 18 алт. 4 деньги. Один двор деревни Быково и 5 дворов деревни Митино с 1 $^1/_2$ осьмака уплачивали вместо 3 руб. 12 алт. 3 денег 3 $^1/_2$ руб., т. е. на 4 алт. 1 деньгу больше нормы. Таким образом, наиболее часто отклонения от норм по 4 дворам, положенным в $^1/_2$ осьмака. В целом же, хотя отступления коснулись небольшого числа дворов, изменения в большинстве случаев означали увеличение феодального тягла для крестьян.

Данные отписной книги 1723 г. позволяют говорить и об увеличении размеров барщины и о земельной тесноте, не позволявшей крестьянам иметь полагающийся надел. По этому источнику «в корени посеено ржи 120 дес., а преж сего севалось по 40-ку дес., а 80 дес. отнета у крестьян тяглой земли д. Макаровой»[16]. Итак, прежнее барщинное озимое поле 40 дес. (на двор 0,2 дес., на чел. м.п. 0,05). По ужинино-умолотной книге 30 июля 1716 г. с яро вого поля было «нажато» пшеницы на барина и приказчика с 7 дес., овса с 26 $^1/_4$ дес., ячменя с 22 $^1/_2$ дес., гречи с 4 дес., гороху с 2 дес., семени льняно- ных поплей отмечено 3 огорода. Определим и третье поле в 60 дес. Всего в трех полях 163 дес. В среднем на двор 0,9 дес., на чел. 0,2 дес. Зерновые продукты отправлялись на московский двор Шафирова, а часть шла здесь же на корм скоту и птице и на месячину дворовым людям[17].

По отписной книге 1723 г. в трех полях значилось 3336 четв. пахотной земли, т. е. 1668 дес. Население вотчины к этому году осталось примерно таким же. На 208 осьмаков полагалось 624 дес. посева в одном поле или 1872

[16] См. Материалы... С. 126.
[17] Там же. С. 127.

дес. в трех полях. Получается нехватка по надельной земле 204 дес. А ведь на барскую запашку надо отвести 120 дес. в озимом поле, 63 дес. в яровом поле и не меньше 60 дес. в третьем поле, 243 дес. в трех полях. Господские поля увеличились на 80 дес.

Можно с большой долей уверенности предположить, что к 1723 г. господская пашня увеличилась за счет крестьянской. И значит, общая площадь надельной земли сократилась.

Экономические примечания 1770-х гг. по данному имению[18] (пашенной земли 2429 дес. в трех полях, 154 крестьянских двора, 614 чел. м.п.) свидетельствуют о существенном изменении феодальных повинностей. Полевая барщина возросла до 1100 дес., т. е. в 4 раза. На двор приходилось 7,1 дес., на чел. м.п. 1,8 дес.[19]

На 1723 г. «боярские» поля составляли 243 дес. (на двор 1,3, на душу м.п. 0,3 дес.). Средние показатели к 1770-м гг. возросли в 5—6 раз.

На долю крестьян к 1723 г. оставалось 1329 дес. пашни в трех полях (на двор 7,4 дес., на чел. м.п. 1,8 дес.). Припомним, что в 1716 г. на 179 дворов и 717 чел. м.п. приходилось 1872 дес. в трех полях, т. е. в среднем 10,4 дес. на двор, 2,6 дес. на чел. м.п. Таким образом, площадь наделов снизилась в расчете на двор и на душу м.п.

По сказке старосты и целовальника Жерновской волости 1723 г., с тягла (осьмака) помимо 2 $^1/_4$ руб. помещику шло также по четверику пшеницы и по полбарана. Такой же натуральный оброк крестьяне давали и в 1716 г. Так, 16 октября 1716 г. приказчик подмосковного села Петровское доносил Шафирову: «...привезено из Жерновок... доброй пшеницы 3 чети с осьминою да средней пшеницы 7 чети да с ними же прислано 40 баранов». В декабре того же года отмечен привоз дров «жерновскими мужиками» для московского двора Шафирова[20].

Возникает вопрос, можно ли по размерам тягла судить о хозяйственной силе крестьянского двора. Без риска ошибиться можно отнести дворы, подоженные в два осьмака и более, к зажиточным хозяйствам. Сложнее разобраться с основной массой семейств, на которые приходилось по осьмаку или по осьмаку с половиной. Для решения вопроса привлечем другие сводные материалы — «Доимочные» книги оброчным деньгам 1 марта 1716 г.[21] и 1 декабря 1717 г.[22], и «Роспись» от 11 апреля 1716 г. под названием «Жерновской вотчины скудные крестьяне, которым оброку платить нечем»[23].

Сравнение дворов между собой нередко приводит к мысли о том, что иногда обложение тем или иным окладом зависело скорее не от поголовья скота или количества хлеба, а от числа взрослых работников и населенности вообще. Возьмем, к примеру, два двора с равным конским поголовьем. Иван Ермолов сын Клубникин из села Жерновки имел 4 лошади, жеребенка, 3 коровы, теленка, 8 овец, 6 свиней, гуся, 20 куриц, 4 копны ржи «старой» и 17 копен «новой». У Ивана Захарова из села Хатавки и скота, и птицы было меньше (4 лошади, 2 жеребенка, корова, 6 овец, 3 свиньи, 15 куриц), и хлеба он снял меньше (9 копен «новой» ржи). Однако первый двор нес повинности с осьмака, а второй — с полутора осьмака. В первом дворе проживало 6 чел. (3 взрослых), во втором — 11 чел. (7 взрослых).

Имеются, правда, случаи, когда и дворы с одинаковым населением несли различное тягло. Возьмем двор Матвея Елистратова в деревне Митино. На 8 чел (6 взрослых) здесь 3 лошади, 3 овцы, 2 свиньи, 8 куриц, 9 копен ржи. Однако двор, не имевший крупного рогатого скота, положен в 1 $^1/_2$ осьмака. Гораздо более состоятельный двор Ивана Петрова в деревне Есуково (3 лошади, жеребенок, 6 голов коровьего поголовья, 5 овец, 3 свиньи, 30 куриц, 22 копны ржи) нес почему-то повинности только с осьмака, хотя и здесь взрослых было столько же, а всего 7 душ обоего пола.

Таким образом, размер повинностей зависел от многих факторов общего состояния крестьянской семьи и ее хозяйства, не зафиксированного в источниках.

Доимочные книги свидетельствуют о том, что «сидящие» на наиболее распространенных долях тягла ($^1/_2$ осьмака — 1 $^1/_2$ осьмака) хозяйства с трудом справлялись с выполнением феодальных повинностей. На 1 марта 1716 г. 130 крестьян (68 % всех дворов) задолжали 122 руб. 32 алт. 1 деньгу. Причем только 9 крестьян должны были уплатить часть платежей, а со 121 двора оброк не был выплачен полностью. Подавляющее большинство крестьян несло повинности с полуосьмака (47 чел.), осьмака (61 чел.) и 1 $^1/_2$ осьмака (12 чел.). К 1 декабря 1717 г. число должников возросло уже до 181 чел. Недоимка стала принимать хронический характер: всего за 2 года надлежало «донять» 285 руб. 15 алт. 2 деньги. И опять с большинства крестьян (134 чел.) надо было взимать оброк полностью. Из 180 крестьян 45 чел. несли повинности с полуосьмака, 82 чел. — с осьмака, 43 чел. — с 1 $^1/_2$ осьмака.

Не все «недоимщики» оказались в этих книгах по причине своих слабых хозяйственных возможностей. Возрастание недоимки по имению было связано, очевидно, и с уклонением крестьян от феодальных поборов. В этом убеждает составленная 11 апреля 1716 г. роспись «скудных крестьян», в которой оказалось 52 чел. (27 % всех хозяйств).

В росписи по 52 хозяйствам указаны следующие показатели: 1) поголовье скота; 2) доля тягла; 3) отметка об уплате или неуплате прошлогоднего оброка. В обоих вышеуказанных доимочных книгах мы находим из этой росписи 33 чел. В то же время 10 чел. из росписи в доимочных книгах не отмечены, хотя, казалось бы, «скудные» крестьяне обязательно должны были фигурировать в числе недоимщиков. Рассмотрение отметок об уплате прошлогоднего оброка это недоумение не рассеивает. 34 чел. уплатили оброк, 1 чел. уплатил его наполовину, не уплатили оброк только 16 чел. (еще об одном крестьянине ничего не сказано).

[18] РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 3. Д. 19119. Л. 100 об.—101 об.

[19] Это высокий показатель для Каширского уезда, отличающегося особым развитием товарного помещичьего хозяйства. (См. *Мыло Л. В.* Исследование об «экономических примечаниях»... М., 1965. С. 263—264).

[20] ЦГАДА. Госархив. Р. XI. Д. 139. Ч. 3. Л. 17, 34.

[21] Там же. Л. 260—265.

[22] Там же. Л. 265—273.

[23] Там же. Л. 275—278 об., 280—283 об. (2 экземпляра одной и той же росписи).

По тяглу распределение таковое: на половине осьмака — 19 чел., на $^3/_4$ осьмака — 2 чел., на осьмаке — 26 чел. (50 %), на $1\ ^1/_2$ осьмака — 3 чел., на двух осьмаках — 1 чел. (размер одной доли не указан). Рассмотрим обеспеченность рабочим скотом. У 1 чел. — 3 лошади, у 14 по 2 лошади. 27 дворов — однолошадные (у одного крестьянина лошадь без ноги, а у другого — слепая). У десяти крестьян были безлошадные хозяйства; о двух из них сказано — «скотины никакой нет, ходит по миру», еще у одного также скота не было, а один крестьянин, имея трех овец, «другую скотину продал на государеву подать».

Можно предположить, что в роспись «скудных» крестьян попали владельцы дворов, не уплативших вовремя государственные налоги. На эту мысль наводит приведенная после росписи запись допроса: «И вышеписанные крестьяня сказали, что они тяглые свои земли хлебом обсеяли, а иные за немощию своею те свои земли отдают и внаймы своим же крестьяном. А хлеба у них в житницах не у многих осталось малое число и прокормитца до нового хлеба нечем, а у иных хлеба в житницах и ничево нет и кормятца по миру христовым именем». Как видно, за 3—4 месяца до нового урожая часть «скудных» крестьян оказалась под угрозой голода, от которого не смогла спасти ни сдача своих наделов в аренду односельчанам, ни продажа скота.

Далее крестьяне приводят чрезвычайно интересный для исследователя расчет барских и государственных поборов. По их словам, с осьмака надо заплатить в год казенных податей деньгами $3\ ^1/_2$ руб. и хлебом 3 осьмины (12 четвериков). Соответственно владельцу шло деньгами 2 руб. 8 алт. 2 деньги да еще «утиных и гусиных по 4 алт. с осьмака» (видимо, переложенный на деньги натуральный сбор); «а всякого хлеба за перевоз, за хмель, за вино да пшеницы итого по 6 четвериков с осьмака на год»[20]. Всего с осьмака 5 руб. 29 алт. и всякого хлеба (18 четвериков). Добавим от себя, что необходимо еще учитывать полевую барщину, подводную повинность и мирские сборы.

Хотя общая сумма повинностей весьма велика, примечательно, что доля государственных налогов намного выше владельческих сборов (с осьмака в казну шло на 1 руб. 4 алт. 2 деньги больше деньгами и вдвое больше хлебом). Не является ли это объяснением того, что, как правило, и помещики, и крестьяне в челобитных жалуются на тяжесть государственных налогов, обходя молчанием владельческие повинности? Примечательно также, что для крестьян жерновского имения основное место среди повинностей в 1716 г. занимал денежный и натуральный оброк. Правда, спустя несколько лет мы наблюдаем рост полевой барщины.

Роспись «скудных» крестьян попала в Москву на рассмотрение управляющего имениями, действовавшего в соответствии с указаниями Шафирова. Выразив сомнение в достоверности предоставленного ему списка крестьян («буде они самые скудные и хлеба у них ничево нет»), он написал приправить; а в осень как... хлеб поспеет, тотчас... доправить». Дальнейшая часть резолюции отражает стремление выжать из крестьян все поборы пол-

[20] ЦГАДА. Госархив. Р. XI. Д. 139. Ч. 3. Л. 277 и об.

ностью. Приказчику жерновской вотчины предписывается из числа крестьян, «которые за скудостью оброку не хотят платить», отобрать 40 чел. («не робят, а добрых работников») и с 10 лошадьми выслать в подмосковное имение. Для этих 40 чел. надлежит собрать с мира подмогу денежную и хлебную, «чем мочно сытым быть». Однако половину подможных денег предписывается не отдавать работникам, а взять ее в счет оброка. Таким образом, помещик получал не только даровую рабочую силу, но и заставлял всех крестьян заплатить часть недоимки, обрекая отправленных под Москву работников на жалкое существование. Далее следует выговор приказчику за посылку в Петербург работников из малолетних братьев и детей крестьян (таковых отмечено 31 чел.), хотя ему было приказано отправлять «безлошадных и бедных». И вновь повторяется, что из «подмоги» надо вычитать весь оброк. Приказчик должен был заставлять безлошадных крестьян продавать осенью хлеб для покупки лошадей; с тех же, кому даны барские лошади, нужно высчитывать деньги по рыночной цене[21]. Как видно, отбывание повинности в Петербурге и под Москвой превращалось в своеобразное наказание, которое принуждало крестьян любыми путями поддерживать свое хозяйство на нужном для Шафирова уровне.

В *Пензенском уезде* располагалось крупное имение *Шафирова* с усадьбой *Ломовская Слобода*. Хоромное строение первого помещикова двора состояло из четырех белых сосновых горниц «о четырех жильях», двух сеней сосновых дощатых. В них печи белые изразцовые. На помещиковом дворе стояли также приказные избы липовые на омшанике «о дву жильях», караульная изба сосновая. Другой господский двор включал две горницы белые на подклетах и сени сосновые. Перед горницами крыльцо на столбах. В двух черных горницах печей не было. В двух погребах хранилось «боярское» конопляное масло (54 ведра). Отдельно располагался огороженный решеткой скотный двор, где находились конские хлевы, сенцы, ясли кормовые «конные». Позади него скотный двор для «мелкой скотины». Отмечен в ограде сад «с присадки яблонные и со всяким овощем», пруд с рыбой. В господском дворе проживали приказный человек с семьей, скотник и два конюха с семьями. В усадьбе господских лошадей не было, 13 голов числилось за приказчиком. Отмечено 6 коров, 3 козы с козлятами. А овец и свиней значилось немало (63 овцы и 40 ягнят, 70 свиней больших, 15 зимников, 20 поросят). Был в усадьбе житный двор. В житницах хранился обмолоченный хлеб (рожи, овса, ячменя 692 четв.). Среди помещичьего имущества 4 седла немецких с уборами и чепраками, седло немецкое полковое, 2 седла русских, пакет, 4 коляски с крышками, одноколка, 7 телег. Дворовых людей в усадьбе переписано 15 чел. (8 м.п. и 7 ж.п.).

В имении бытовали все формы феодальной ренты. До 1720 г. на барина крестьяне обрабатывали 30 дес. в одном поле. Затем полевая барщина возросла, («прибавлено») до 150 дес. в поле, да под коноплю засекали еще 9 дес. Таким образом, господский клин с 90 дес. в трех полях увеличился до 459 дес. В имении отмечено 220 тяглоспособных дворов (764 чел. м.п.). На двор

[21] ЦГАДА. Госархив. Р. XI. Д. 139. Ч. 3. Л. 277 об.—278 об.

приходилось прежде в среднем 0,4 дес. в трех полях, стало около 2 дес. (на чел. м.п. 0,1 и 0,6 дес.). Можно говорить об увеличении барщинной повинности в 6—7 раз. Зерно отправлялось на стругах в Санкт-Петербург «повсегодно». Крестьяне платили также денежный оброк и сдавали «столовые запасы»: мясо свиное, поросят, гусей, уток, кур русских и индейских, масло постное. Повинности были столь обременительны, что Шафиров «сложил» оброчные платежи и деньги за вино, оставив лишь поставку свиного мяса. Продуктовый сбор помещик заменил денежными платежами «по санкт-петербургской цене» (поросенок 3 алт. 2 деньги, гусь 5 алт., утка 4 алт., кура индейская 8 алт., кура русская 2 алт. 2 деньги). С пяти мельниц помещику платили оброк 42 руб. (из этого оброка четвертая доля шла в казну). Крестьяне ловили речную рыбу и продавали ее, отдавая помещику в год 10 руб. Доставка продуктов в столичные города оплачивалась крестьянами.

В год описания имения в озимом поле площадью 150 дес. (на двор 0,7 дес., на чел. 0,2) было посеяно ржи 337 ½ четв. (высев на десятину 1,1—1,3 четв.). Под яровые обработали 107 дес. для овса, 17 дес. для ячменя, 2 дес. для пшеницы, 6 дес. для гороха, 9 дес. для конопли (всего 141 дес.), да еще отмечен посев гречи 35 четв. (около 17 дес.). Всего около 308 дес. в двух полях. В среднем на двор 1,4 дес., на чел. м.п. — 0,4 дес. Точный размер третьего поля неизвестен.

Из господского зерна крестьянам выдавались «з запискою» ссуды. Ржи роздано 471 ½ четв., овса 366 ½ четв., гороха 35 четв., всего 873 четв. (или 6984 четверика). Даже если предположить, что ссудами пользовались около 100 дворов из 220, то на двор придется примерно 70 четвериков.

Описание села Ломовская Слобода включало все население об.п. с указанием возраста. Если во дворе проживали две семьи, то их хозяйства описывались порознь. Перечислялось поголовье скота и птицы. Указывалось число ульев с пчелами. В запись «хлеба в земле пасеено» вошли площади и озимых (рожь), и яровых в десятинах, осьминах и осьминниках. По многим дворам размер посевов либо не указан, либо сведения даны, главным образом, для ржи и овса. Площади под гречей, ячменем, пшеницей, полбой, конопляй были небольшими. Так, у хозяев 6 дворов (еще один двор без посева), где отмечено по 4—5 взрослых работников, показано 7 дес. под рожью, 11 дес. под овсом, 2 ½ дес. под пшеницей, 1 дес. под ячменем, ½ дес. под гречей. Размер посевных площадей (около 23 дес.) явно не соответствует числу взрослых м.п. (25 чел.).

Особая запись о наличии обмолоченного зерна в амбаре приводится далеко не по всем 220 дворам. Для ржи отсутствуют данные по 129 семьям (58,6 %), для овса по 185 семьям (84 %). Количество гречи приведено только для 17 дворов, пшеницы для 11, полбы — для шести, ячменя — для трех, семени конопляного — для двух. Можно высказать предположение, что речь идет о зерновых запасах урожая прошлого года. Ржаная мука отмечена только в 36 дворах, сухари — в двух.

Очевидно, нельзя считать описание крестьянских дворов полным.

В июле 1723 г. крестьянских семей отмечено 249. К беднейшему слою можно отнести 29 семей (12,7 %). Их жители имели мало лошадей и другого скота, у них не отмечены посевы зерновых. В некоторых дворах не оказалось «взрослых» работников. По иным сделаны заметки: «пожитку никакого нет», «животов никаких нет», «хлеба никакого нет». Значительную долю разорившихся земледельцев в такой хлебородной местности можно объяснить только непомерными помещичьими повинностями. Эти дворы из дальнейшего рассмотрения исключаются.

Группировка 220 семей (дворов) по числу «взрослых» работников (395) дает следующие результаты (*см. табл. № 2.20*). В первой с одним работником 99 дворов (45,0 %), 99 работников (25,1 %). Во второй с двумя работниками 77 дворов (35,0 %), 154 чел. (39,0 %). Третья включает 37 дворов (16,8 %), взрослых 111 чел. (38,1 %). Четвертая состоит из семи дворов (3,2 %) и в ней 31 работник (7,8 %). В последнюю вошли 4 двора с четырьмя взрослыми и 3 двора с пятью.

Количество дворов в первой группе наибольшее. Численность населения об.п. и м.п. наивысшая во второй группе. В четвертой она оказывается наименьшей. А средние подворные показатели неизменно возрастают от первой группы к четвертой и они отражают возрастание общей населенности двора вместе с увеличением числа взрослых работников м.п.. Малых и неразделенных семей в селе примерно поровну. Отцовских больше, чем братских.

При обращении к сведениям о крестьянском хозяйстве видно, что в основном данные относятся к животноводству (*см. табл. № 2.21*). Обеспеченность скотом оказывается невысокой. Средний показатель лошадей 2,6 головы на двор (они отсутствовали в десяти дворах). Хуже обстояло дело с коровьим поголовьем (в среднем на двор 1,6 головы). В 73 дворах (33,2 %) коров не было. Козы не отмечены в 211 дворах (95,9 %). Овечье поголовье — 4,9 головы. Овец не было в 52 дворах (23,6 %). Свиней немного (1,9 головы на двор), а 84 двора (38,2 %) их вовсе не имели. Кур приходилось на двор меньше обычного — 7,2. В 75 дворах (34 %) они отсутствуют. Гуси (их всего 130 в 25 дворах) не отмечены в 195 дворах. Уток переписчики указали только в одном дворе, индеек — в трех.

Казалось бы, пчеловодство находилось на должном уровне — 875 ульев. Но им занимались лишь 27 семей (пчел не заводили 193 двора — 87,7 %).

Исходя из содержания записей о крестьянских дворах (семьях), целесообразно проанализировать средние показатели в группах по посевам ржи и овса, а также по поголовью скота.

Подсчеты по высеву ржи и овса несут в себе некоторую долю условности. Посев в озимом поле не указан для 43 семей (19,5 %), посев овса — для 34 (15,4 %). Все же заметно возрастание по группам средних дворовых показателей (*см. табл. № 2.22*). Подворные показатели первой и второй групп ниже общих по имению, а третьей и четвертой групп выше в полтора-два раза. Средние душевые показатели для ржи высшие по третьей группе, для овса — по четвертой. В целом они сходны и между собой, и с показателями для всей Ломовской Слободы.

Конкретные сведения о посевах ржи и овса на отдельный крестьянский двор (*табл. № 2.23*) показывают преобладание площадей до полутора дес. (24 четверика). Площади 2—5 дес. обрабатывали всего 16—17 хозяйств (32—80

Табл. № 2.20

Крестьянское население в пензенском имении Шафирова П.П. в селе Ломовская Слобода

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	99	45,0	505	33,2	5,1	236	30,0	2,4	99	25,1	1,0	68	9	2
2	77	35,0	546	35,9	7,0	284	37,1	3,7	154	39,0	2,0	20	27	30
3	37	16,8	373	24,5	10,0	190	24,9	5,1	111	28,1	3,0	5	24	8
4	7	3,2	97	6,4	13,8	54	7,0	7,7	31	7,8	4,4	–	3	4
Всего	**220**	**100,0**	**1521**	**100,0**	**6,9**	**764**	**100,0**	**3,5**	**395**	**100,0**	**1,8**	**113**	**63**	**44**

Табл. № 2.21

Крестьянское хозяйство в пензенском имении Шафирова П.П.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	Куры	Посев, четверики	
									рожь	овес
1	99	236	180	114	10	336	128	569	676	698
2	77	284	192	124	4	405	144	521	682	656
3	37	190	150	97	4	281	103	376	786	520
4	7	54	48	23	4	58	45	114	160	176
Всего	**220**	**764**	**570**	**358**	**22**	**1080**	**420**	**1580**	**2304**	**2050**
В среднем на двор	–	3,5	2,6	1,6	0,1	4,9	1,9	7,2	10,5	9,3
В среднем на человека м.п.	–	–	0,7	0,5	0,03	1,4	0,5	2,0	3,0	2,7

Табл. № 2.22

Средние показатели крестьянского хозяйства в пензенском имении Шафирова П.П. в селе Ломовская Слобода

Группа	Поголовье				Куры	Посевы, четверики	
	конское	коровье	овечье	свиное		рожь	овес
в среднем на двор							
1	1,8	1,1	3,4	1,3	5,7	6,8	7,0
2	2,5	1,6	5,2	1,9	6,7	8,8	8,5
3	4,0	2,6	7,6	2,8	10,2	21,2	14,0
4	6,8	3,3	8,3	6,4	16,3	22,8	25,1
Всего по имению	**2,6**	**1,6**	**4,9**	**1,9**	**7,2**	**10,5**	**9,3**
в среднем на человека м.п.							
1	0,8	0,5	1,4	0,5	2,4	2,9	2,9
2	0,7	0,4	1,4	0,5	1,8	2,4	2,3
3	0,8	0,5	1,5	0,5	2,0	4,1	2,7
4	0,9	0,4	1,0	0,8	2,1	3,0	3,2
Всего по имению	**0,7**	**0,5**	**1,4**	**0,5**	**2,0**	**3,0**	**2,7**

Табл.№ 2.23

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в селе Ломовская Слобода

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом										
						2	4	6	8	12	16	24	32	48	64	80
рожь																
1	99	25	74	680	2–48	6	22	4	24	1	11	4	1	1	–	–
2	77	14	63	682	2–80	4	10	3	16	6	14	6	1	–	–	1
3	37	3	34	786	6–80	–	1	2	6	–	15	1	3	3	1	2
4	7	1	6	160	32–64	–	–	–	–	–	2	–	4	–	–	–
Всего дворов	**220**	**43**	**177**	–	–	**10**	**33**	**9**	**46**	**7**	**42**	**13**	**9**	**4**	**1**	**3**
овес																
1	99	17	82	698	2–80	16	25	3	23	1	9	2	1	1	–	1
2	77	10	67	656	2–64	7	18	3	15	–	14	4	5	–	1	–
3	37	6	31	520	2–80	1	3	1	10	1	5	7	1	–	1	1
4	7	1	6	176	24–32	–	1	–	–	–	–	2	4	–	–	–
Всего дворов	**220**	**34**	**186**	–	–	**24**	**46**	**7**	**48**	**2**	**28**	**15**	**11**	**1**	**2**	**2**

Табл. № 2.24

Поголовье скота в крестьянских дворах в Ломовской Слободе

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем														
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	20
лошади																						
1	93	7	92	180	1-6	35	36	14	5	1	1	–	–	1								
2	77	3	74	192	1-9	17	24	21	5	2	3	1	–	1								
3	37	–	37	150	2-7	–	5	10	9	6	5	2	–	–								
4	7	–	7	48	5-9	–	–	–	1	2	2	1	1									
Всего дворов	220	10	210	–	–	52	65	45	19	10	11	5	1	2								
коровы																						
1	99	39	60	114	1-6	22	27	8	2	–	1	–	–	–								
2	77	27	50	124	1-9	12	21	8	5	1	2	–	–	1								
3	37	6	31	97	1-9	5	11	4	5	3	1	–	1	1								
4	7	1	6	23	1-5	1	–	–	3	2	–	–	–	–								
Всего дворов	220	73	147	–	–	40	59	20	15	6	4	–	1	2								
овцы																						
1	99	29	70	336	1-20	3	13	8	12	11	9	4	5	3	–	1	–	–	–	–	1	
2	77	16	61	405	2-20	–	7	7	6	7	7	5	5	3	6	2	1	1	–	–	2	
3	37	6	31	281	2-20	–	1	1	6	2	3	2	2	4	1	1	1	–	3	–	4	
4	7	1	6	58	5-16	–	–	–	–	1	–	1	1	2	–	–	–	–	–	1	–	
Всего дворов	220	52	168	–	–	3	21	16	24	21	19	11	13	11	11	4	2	1	–	3	1	7
свиньи																						
1	99	48	51	128	1-9	18	10	13	6	1	1	1	–	1	1	–						
2	77	27	50	144	1-9	7	23	9	4	2	1	1	2	1	–							
3	37	9	28	103	1-10	5	9	2	3	2	4	–	1	–	2							
4	7	–	7	45	3-10	–	–	1	1	–	2	1	–	1	1							
Всего дворов	220	84	136	–	–	30	42	25	14	5	8	3	3	3	3							

четвериков). Обычный посев на площади $^1/_4$, $^1/_4$, $^1/_2$ дес. (2—8 четвериков). Это косвенное свидетельство уменьшения надельных участков из-за увеличения барщинных полей.

Средние показатели по животноводству в расчете на двор по группам возрастают. Ниже средних по имению оказываются только показатели первой группы. Для второй группы они примерно таковы же. Средние показатели третьей и четвертой групп более высокие, нежели средние по всему имению.

По-иному выглядят средние душевые показатели. Для всех групп средние по скоту на человека м.п. сходны между собой и близки к средним по имению.

Конкретные данные о поголовье скота в каждом дворе (*табл. № 2.24*) свидетельствуют, что однолошадные отмечены лишь в первой и второй группах, а в четвертой на двор приходилось от 5 до 9 лошадей. По коровьему и овечьему поголовью по группам наблюдалось сходство. По свиному — в первой, второй, третьей группах часть дворов имела только по одной голове, а в четвертой минимум пришелся на 3 головы. В целом особых различий между группами в конкретной обеспеченности скотом по большинству дворов не наблюдается. Чрезмерная помещичья эксплуатация, видимо, сдерживала имущественную дифференциацию крестьян.

Усадьба *Шафирова в Старорязанском стане Рязанского уезда близ сельца Кутуково* являлась, скорее, местом пребывания приказчика. Здесь на омшанике стояла горница белая, где проживал приказчик с женой. Дворовых людей не числится, не было и господского зерна, скота и птицы.

Крестьяне состояли на денежном и натуральном оброке. С 80 тяглых единиц (сажен) платили по 1 руб. 8 алт. 2 деньги с сажени, итого в год 100 руб. В среднем на двор около 1 руб. 30 алт., на чел. м.п. около 13 алт. (77 денег). Они же ставили 10 пудов меда-сырца, 100 аршин сукна сермяжного овечьего, 100 аршин холста посконного.

В сельце Кутуково описано 53 крестьянских двора. В них 529 чел. об.п., 258 чел. м.п. (48,8 %). Население перечислено без указания возраста. Приходится группировать дворы по дворохозяевам и женатым мужчинам (см. *табл. № 2.25*). Таких «взрослых» оказалось 132 чел. (52,1 % по отношению к численности людей м.п.).

В первую группу попало 12 дворов с одним «взрослым» (22,6 %), во вторую — 19 дворов с двумя (35,9 %), в третью 12 дворов с тремя (22,6 %), в четвертую — 10 дворов (18,9 %). В последней в семи дворах отмечено по 6 женатых, в двух по 5, в одном — 8, всего 46 чел. По числу дворов впереди вторая группа, а четвертая — последняя. А по числу «взрослых» наоборот: на первом месте четвертая, а на последнем первая. Среди семей на первом месте неразделенные отцовские 22. На втором — братские (19). Малые отмечены только во дворах первой группы.

В описании дворов указан только скот (см. *табл. № 2.26*). На 20 мая 1723 г. рожь в копнах (от 2 до 20) отмечена только в 11 дворах (20,7 %). Очевидно, эти копны прошлогодней жатвы.

Средние подворные показатели крестьянского животноводства (*табл. № 2.27*) по первой и второй группам ниже общих по имению. Показатели

Табл. № 2.25

Крестьянское население в рязанском имении Шафирова П.П.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семья		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малых	неразделенных	
													отцовских	братских
1	12	21,2	65	12,4	5,4	29	11,3	2,4	12	9,0	1,0	12	-	-
2	19	36,5	165	31,3	8,7	85	32,9	4,5	38	28,8	2,0	-	10	9
3	12	23,0	134	25,3	11,2	64	24,8	5,3	36	27,4	3,0	-	8	4
4	10	19,3	164	31,0	16,4	80	31,0	8,0	46	34,8	4,6	-	4	6
Всего	**53**	**100,0**	**529**	**100,0**	**10,0**	**258**	**100,0**	**4,9**	**132**	**100,0**	**2,5**	**12**	**22**	**19**

Табл. № 2.26

Крестьянское животноводство в сельце Кутуково

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи
1	12	29	22	9	44	20
2	19	85	47	16	138	79
3	12	64	43	26	102	78
4	10	80	51	35	153	103
Всего	**53**	**258**	**163**	**86**	**437**	**280**
В среднем на двор	-	4,9	3,0	1,6	8,2	5,3
В среднем на человека м.п.	-	-	0,6	0,3	1,7	1,0

Табл. № 2.27

Средние показатели крестьянского животноводства в сельце Кутуково

Группа	Поголовье			
	конское	коровье	овечье	свиное
в среднем на двор				
1	1,8	0,7	3,6	1,6
2	2,5	0,8	7,3	4,1
3	3,6	2,2	8,5	6,5
4	5,1	3,5	15,3	10,3
Всего по имению	**3,0**	**1,6**	**8,2**	**5,3**
в среднем на чел. м.п.				
1	0,7	0,3	1,5	0,7
2	0,5	0,2	1,6	0,9
3	0,7	0,4	1,6	1,2
4	0,6	0,4	1,9	1,3
Всего по имению	**0,6**	**0,3**	**1,7**	**1,0**

третьей и четвертой групп — выше. Средние на чел. м.п. по конскому и коровьему поголовью близки. По овечьему — самый высокий у четвертой группы, по свиньям — у третьей и четвертой.

Конкретные данные (*табл. № 2.28*) о поголовье лошадей показывают, что если в первой и второй группах высший показатель обычно 3—4 лошади во дворе, то в третьей он равен 4—6. Таковы же данные и по коровьему поголовью. По овцам по первой и второй группам низший показатель 2 головы, в других — 4. Мало свиней во дворах первой группы (не более 3 во дворе); в других группах встречаются дворы с 10—12 головами и больше

У *Скорнякова-Писарева* имения отмечены в 7 уездах, и все они были с господскими дворами. Везде стояли скотные дворы, а в Московском, Коломенском и Мешовском уездах еще и конюшенные. В нижегородском и мешовском имениях были житные дворы. В Пензенском уезде действовал «винный завод». При подмосковной усадьбе устроены 2 пруда с рыбой, при тарусской — 3, а также большой сад; при епифанской «осек со пчелами» (53 улья).

Подмосковное Мишнево находилось в Шеремском стане. 4 светлицы поземные, крытые тесом, соединялись сенями. В них 2 печи кирпичные, третья «израсчатая». На стенах 53 картины в рамах и без рам, в том числе 8 на бумаге. В окнах 22 окончины стеклянные. В передних сенях 5 пушечек чугунных. На дворе поварня, а возле нее изба поваренная. Дворовых людей 13 чел. м.п. и 27 чел. ж.п.

В селе Мишнево отмечено 8 крестьянских дворов (46 чел. м.п.). Крестьяне посеяли на помещика ржи 25 четв. на 17 $^1/_2$ дес., овса 27 $^1/_2$ четв., льна 6 четвериков, конопли 3 четверика. На двор в озимом поле приходится в среднем 2,25 дес., на чел. м.п. 0,4 дес. По сказке старосты, крестьянам «дано... в поле 2,25 дес., на чел. м.п. 0,4 дес. По сказке старосты, крестьянам «дано... в наем на семена» 33 четв., 4 четв. с полуосьминой жита.

Табл. № 2.28

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Кутуково

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем																
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	13	14	15	16	17	20	22	23	44
лошади																									
1	12	–	12	22	1–3	5	4	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	19	1	18	47	1–4	2	10	3	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	–	12	43	1–6	1	3	1	4	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	10	–	10	51	1–9	1	–	2	2	1	1	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	53	1	52	–	–	9	17	9	8	2	3	1	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
коровы																									
1	12	4	8	9	1–2	7	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	19	10	9	16	1–3	3	5	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	1	11	26	1–5	3	5	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	10	1	9	35	1–10	1	3	1	2	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	53	16	37	–	–	14	14	2	4	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
овцы																									
1	12	2	10	44	2–7	–	1	3	2	–	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	19	1	18	138	2–20	–	1	4	1	1	2	2	1	2	–	–	–	–	2	–	–	1	–	–	–
3	12	1	11	102	4–17	–	–	–	2	–	1	1	–	–	4	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–
4	10	–	10	153	4–44	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	2	1	1	–	1	1	–	–	1	1
Всего дворов	53	4	49	–	–	–	2	7	6	1	6	4	2	2	1	6	3	1	–	3	1	1	–	1	1
свиньи																									
1	12	3	9	20	1–3	1	5	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	19	–	19	79	1–12	1	5	1	6	1	1	1	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	–	12	78	2–15	–	4	1	–	1	1	–	1	–	2	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–
4	10	–	10	103	2–22	–	2	–	1	–	–	–	–	1	–	3	–	1	1	–	–	–	1	–	–
Всего дворов	53	3	50	–	–	2	16	5	9	2	–	2	–	2	–	4	1	1	2	–	–	–	1	–	–

Только по *пензенскому селу Засечное* сохранилось описание (июль 1723 г.) не только усадьбы, но и крестьянских дворов. На помещиковом дворе стояли 2 горницы липовые поземные, белая и черная, соединяли их сени. Сзади была «повалушка» и баня с «предбаньем». Хоромы крыты лубьем. В трех клетях с навесами хранились мука ржаная, рожь и овес. Скотный двор огорожен заметом. В нем 9 лошадей, 4 коровы, 9 быков, 20 свиней. Дворовых людей 8 чел. м.п. и 9 чел. ж.п., в том числе 5 детей.

При усадьбе находился винный завод. В нем винокурня («что сидят вино») и солодовня липовые, 3 амбара, колода («в которую бежит родник»). «Винной посуды» 2 котла браговарных железных, 16 казанов медных, 28 труб медных, бочки, шайки да «лесных припасов» 200 возов дров.

Крестьяне отбывали барщину. Поле под озимой рожью 36 дес. (высев 73 $^1/_2$ четв.), под овсом 25 дес. (высев 130 четв.), под горохом 2 дес. (высев 2 четв.). Всего 63 десятины. Сенных покосов господских на 200 копен. До 1772 г. прежний помещик собирал денежный оброк (с 25 тягол по 1 $^1/_2$ руб., всего 37 $^1/_2$ руб). Скорняков-Писарев оброк заменил пашней. Да еще в 1723 г. он взял за мясо свиное, поросят, кур и масло коровье 4 руб. 25 алт. В среднем на двор приходилось барщины в двух полях 1 дес., на чел. м.п. 0,3 дес., в озимом поле 0,7 и 0,2.

Подворное описание содержит перечень населения об.п. с указанием возраста, данные о поголовье скота и птицы, о посеве зерновых в десятинах, осьминах, осьминниках, об ульях с пчелами. Однако по значительной части дворов сведения отсутствуют. Посев пшеницы отмечен только в одном дворе, гороха — в трех. Пчеловодством занимались всего 10 дворов (151 улей). Лишь в одном дворе держали индейских кур.

В селе переписано 59 дворов. В пяти дворах проживало по 2 семьи (каждая со своим хозяйством). Всего 64 семьи. Для 14 семей, живших в своих дворах, переписчик не отметил наличия скота и посева зерновых, а по некоторым приведена отметка: «пожитку никакого нет». Такие беспосевные и без скота и птицы семьи в дальнейшем не рассматриваются.

Сведения о крестьянах об.п. с указанием возраста каждого позволяют выделить среди 50 семей 3 группы по числу взрослых м.п. (см. *табл. № 2.29*). В третью зачислены 8 семей с тремя взрослыми, одна — с четырьмя, одна — с пятью. К первой группе относится почти половина дворов. По населению об.п. и м.п. соотношение дворов в группах сходное, а по числу взрослых первая группа оказывается на последнем месте. Большинство составляют малые семьи, но в основном они относятся к дворам первой группы. Среди неразделенных преобладают отцовские семьи.

Общее состояние земледелия в селе оставляет удручающее впечатление. Посевы ржи не отмечены в 7 дворах, а овса — в 25. Не сеяли гречу 40 дворов, просо — 41. В среднем на двор приходилось 9,8 четвериков ржи и 5,2 четвериков овса (*табл. № 2.30*). Посев гречи составил всего 1,6, проса — 0,7. Отсутствие посевов особенно заметно во дворах первой группы (овса не было в 15, гречи в 22, проса — в 19 из 24 дворов). Во второй группе показатели также соответственно низкие. Средние дворовые показатели первой группы явно ниже общих по имению. Показатели второй группы приближаются к общим. Только показатели третьей выше общих для имения.

Табл. № 2.29

Крестьянское население в пензенском имении Скорнякова-Писарева Г.Г.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные: отцовские	неразделенные: братские
1	24	48,0	105	37,1	4,4	53	33,8	2,2	24	27,0	1,0	23	1	-
2	16	32,0	90	31,8	5,6	55	35,0	3,4	32	36,0	2,0	5	9	2
3	10	20,0	88	31,1	8,8	49	31,2	4,9	33	37,0	3,3	-	7	3
Всего	50	100,0	283	100,0	5,7	157	100,0	3,1	89	100,0	1,8	28	17	5

Табл. № 2.30

Крестьянское хозяйство в пензенском имении Скорнякова-Писарева Г. Г.

Группа	Дворы	Крестьяне м. п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	«Посеяно в земле», четверики			
								рожь	овес	гречка	просо
1	24	53	26	10	45	6	54	172	92	6	12
2	16	55	31	12	50	10	65	154	82	24	-
3	10	49	33	23	62	15	38	162	84	48	24
Всего	50	157	90	45	157	31	157	488	258	78	36
В среднем на двор	-	3,1	1,8	0,9	3,1	0,6	3,1	9,8	5,2	1,6	0,7
В среднем на человека м.п.	-	-	0,6	0,3	1,0	0,2	1,0	3,1	1,6	0,5	0,2

Табл. № 2.31

Средние показатели крестьянского хозяйства в пензенском имении Скорнякова-Писарева Г.Г.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы, четверики			
	конское	коровье	овечье	свиное		рожь	овес	гречка	просо
в среднем на двор									
1	1,1	0,4	1,9	0,2	2,2	7,2	3,8	0,2	0,5
2	1,9	0,7	3,1	0,6	4,0	9,6	5,1	1,5	-
3	3,3	2,3	6,2	1,5	3,8	16,2	8,4	4,8	2,4
Всего по имению	**1,8**	**0,9**	**3,1**	**0,6**	**3,1**	**9,8**	**5,2**	**1,6**	**0,7**
в среднем на человека м.п.									
1	0,5	0,2	0,8	0,1	1,0	3,2	1,7	0,1	0,2
2	0,6	0,2	0,9	0,2	1,2	2,8	1,5	0,4	-
3	0,7	0,5	1,3	0,3	0,8	3,3	1,7	1,0	0,5
Всего по имению	**0,6**	**0,3**	**1,0**	**0,2**	**1,0**	**3,1**	**1,6**	**0,5**	**0,2**

Обеспеченность скотом была недостаточной, особенно по коровьему и свиному поголовью. Лошадей не имели 4 двора, коров — 30, овец — 21, свиней — 35, кур русских — 31 двор. Средние показатели дворов первой группы оказались ниже общих по имению, второй группы близки или совпадают по конскому и коровьему поголовью, и только дворы третьей группы превышают общие средние (*табл. № 2.31*).

В мае 1723 г. описаны владения *касимовского царевича Ивана Васильевича. Под Москвой он владел селом Волынское и деревней Давыдково в Сетунском стане.* Близ села стоял огороженный забором двор помещика с четырьмя светлицами на подклетах; «промеж ими столовая холодная, позад хором баня». За двором большой сад (133 яблони, 33 груши, 30 вишневых деревьев, «да смородиннику цветник, да крыжевнику цветник»). Во дворе проживал дворовый человек из касимовских татар. На конюшенном дворе жили задворные дворовые люди 12 чел. об.п., на скотном — 5 чел., а в особой избе новокрещеный касимовский татарин с семьей. Скота переписано мало, так как лошадей, а также хлеб и многое другое вывезли люди князя Алексея Григорьевича Долгорукова в его вотчину село Горенки. Туда же переведены дворовые, в том числе конюх и ткач. В деревне отмечено 14 дворов (41 чел. м.п., 46 чел. ж.п.). Крестьяне «пахали пашню и хлеб всякой на них, помещиков своих, сеяли»: ржи 44 четв., овса 100 четв. На лугах косили господского сена 200 копен.

В Касимовском уезде усадьба царевича находилась у села Селище. Хоромное строение состояло из трех светлиц сосновых и бани, а «промеж светлиц сени с чердаком». Рядом располагались двор житный, а в нем 4 житницы с зерном, еще двор скотный и пруд с рыбой. Скота было мало. Его содержал скотник с семьей (8 чел. об.п.). В сельце отмечены 8 дворов татар и в их числе конюх и псарь. При селе Беляково стоял другой двор царевича (хоромное строение не указано). В нем жила дворница-вдова.

Табл. № 2.32

Крестьянское хозяйство во владениях касимовского царевича Ивана Васильевича

Рента	Дворы	Крестьяне об.п.	Крестьяне м.п.	Взрослые (вдовцы, женатые)	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	Куры	Гуси	Ульи с пчелами
Денежный и продуктовый оброк	72	1354	701	318	258[1]	111[1]	7[1]	473[1]	155[1]	155[11]	3[14]	41[14]
В среднем на двор	–	18,8	9,7	4,4	3,6	1,5		6,6	2,1	2,1	–	–
В среднем на человека м.п.	–	–	–	–	0,4	0,1		0,7	0,2	0,2	–	–
Барщина	32	494	276	131	84[2]	73[9]	5[9]	222[9]	32[10]	60[10]	–	27[15]
В среднем на двор	–	15,4	8,6	4,1	2,6	2,3		6,9	1,0	1,9	–	–
В среднем на человека м.п.	–	–	–	–	0,3	0,3		0,8	0,1	0,2	–	–
Всего	**104**	**1848**	**977**	**449**	**342**	**184**	**12**	**695**	**187**	**215**	**3**	**68**
В среднем на двор	–	17,8	9,4	4,3	3,3	1,8		6,7	1,8	2,1	–	–
В среднем на человека м.п.	–	–	–	–	0,3	0,2		0,7	0,2	0,2	0,2	–

[1] Без лошадей 7 дворов.
[2] Без лошадей 3 двора.
[3] Без коров 17 дворов.
[4] Без коров 5 дворов.
[5] В 5-ти дворах.
[6] В 4-х дворах.
[7] Без овец 7 дворов.
[8] Без овец 4 двора.
[9] Без свиней 30 дворов.
[10] Без свиней 16 дворов.
[11] Без кур 53 двора.
[12] Без кур 27 дворов.
[13] В одном дворе.
[14] В 13-ти дворах.
[15] В 8-ми дворах.

Помимо крестьянских, в двух селениях переписаны 8 бобыльских дворов. В 5-ти из них отмечены лошади, коровы, овцы, свиньи.

В обширном имении значилось 7 сел и 2 деревни. В 104 дворах переписано 1848 чел. об.п., 977 чел. м.п. Крестьяне сел Селище, Вешки, Которово, Лом (32 двора — 276 чел. м.п.) отбывали барщину. На господских полях у села Селище «в земле посеяного хлеба помещикова» 139 четв. озимой ржи, ярового 80 четв. овса, 13 ½ четв. ячменя, 1 ½ четв. пшеницы. Всего 234 четв. (1872 четверика). В среднем на двор 58 ½ четвериков, на чел. м.п. 6,8 (или на двор 2,2 дес., на чел. 0,2). Крестьяне села Беляково и деревни Власово (10 дворов — 67 чел. м.п.) платили 30 руб. оброка (на двор 3 руб., на чел. около 45 коп.); села Ермолово — 150 руб. (да еще сдавали 50 пудов свинины и 50 баранов); села Шоста — 100 руб. (да еще 2 пуда сала, 7 баранов, 50 пудов меда-сырца). Средние платежи с селений, сдававших еще и продукты, таковы: село Ермолово — 5 руб. 35 коп. с двора, 54 коп. с чел. м.п., село Шоста — 4 руб. и 35 ½ коп., деревня — 5 руб. и 60 коп.

В описании крестьянских дворов приведены данные о населении об.п. с указанием родства (сын, племянник и т. д.) и свойства (зять, приемыш), но возраст каждого не указан. Перечислены скот, птица, ульи с пчелами.

Имеется возможность сравнить состояние дворов барщинных и оброчных селений (см. *табл. № 2.32*). В первых 32 двора, 1848 чел. об.п., 977 чел. м.п. (449 вдовцов и женатых — большинство из них можно считать работниками); во вторых 72 двора, 1354 чел. об.п., 701 чел. м.п. (318 вдовцов и женатых). В среднем на двор людей приходится больше в оброчных селах и деревне. Дворовые показатели по конскому поголовью 3,6 в оброчных и 2,6 в барщинных (выше в оброчных). По коровьему и овечьему поголовью первенство, наоборот, за барщинниками (2,3 и 1,5; 6,9 и 6,6). Свиней больше у оброчников (2,1), чем у барщинников (1,0), кур тоже (2,1 и 1,9).

Сохранилось описание 1723 г. двух крупных имений, расположенных в *Кромском уезде*. Первое имение *стольника, обер-президента надворного суда Василия Федоровича Стремоухова*. Усадьба владельца находилась при *селе Шаблыкино*, и по устройству она не уступала подмосковным знати. Хоромное строение помещичьего двора состояло из 7 светлиц. Среди них белые четыре светлицы на подклетах и светлица-спальня. Между светлицами на подклетах возведены крытые тесом чердак и рундуки (сени под ними в источнике не названы). В 18 избах, стоявших там же, жили приказный человек, дворовые и деловые, в том числе крещеные иноземцы (68 чел. м.п., 72 чел. ж.п.). В усадьбе отмечены конюшенный двор (2 сарая и 6 сараев скотных) с большим поголовьем господского скота (73 лошади и 8 жеребят, 41 корова, в том числе 15 дойных, 64 овцы, 74 свиньи) и птицы, людских коров (28 дойных и 34 подойных, телка), сад площадью в десятину (яблони, груши, сливы, вишни), пчельник (7 ульев), гумно и 6 житниц с зерном. Здесь хранилось 50 полтей мяса, 6 полтей ветчины, сало гусиное и утиное, тушки индейских кур, орехи (1 четв.), груши сушеные (2 четв.). Среди повозок указаны 5 колясок крытых и 6 саней крытых. На реке стояли 3 мельницы с плотинами и двор мельника с семьей. Указаны его скот и посев хлеба. Дворы двух других мельников, проживавших в деревне, указаны без хлебных посевов.

Перечислены площади и количество посеянного помещикова зерна на июль 1723 г.: рожь (71 дес. — 105 четв.), пшеница озимая (4 дес. — 8); яровые: пшеница (5 дес. — 10), овес (30 дес. — 120), греча (20 дес. — 30), конопля (10 дес. — 9), горох, ячмень, просо (11 дес.), а также мак (2 дес.), лен (1 четверик). Высев на одну десятину ржи 1,5 четв., пшеницы 2 четв., овса 4 четв., гречи 1,5 четв. Площадь господской пашни около 153 дес. В среднем на крестьянский двор (61 тяглоспособная семья) приходится 2,5 дес. в двух полях, на душу м.п. — поддесятины (в озимом поле 1,2 и 0,2).

В подворное описание включены сведения о населении об.п. с указанием возраста, о поголовье скота, о посевах озимых и яровых в четвертях и осьминах. Другие сведения неполны и приведены не по всем дворам.

Крестьянское население имения Стремоухова насчитывало 62 семьи. В некоторых дворах проживало в отдельных избах по 2—3 семьи. Из последующей обработки хозяйственных данных приходится исключить один двор из-за отсутствия работоспособных мужчин. В нем отмечены вдовец 80 лет, его сын 10 лет, малолетние дочери и племянницы. Семья была обеспеченной. У нее немало скота (3 лошади, 4 овцы, свинья, 13 кур), высев ржи 12 четвериков, гречи 2, гороха 1 четверик.

Количество семей, в которых по возрасту имелись мужчины свыше 65 лет, невелико — 12. Среди них 4 чел. — 70 лет, 6 чел. — 80 лет, 2 чел. — 90 лет. Женатых до 15 лет в переписи не обнаружено.

По числу работников м.п. крестьянские дворы можно разделить на четыре группы: с одним человеком, с двумя, с тремя, с четырьмя и более до девяти (*см. табл. № 2.33*). Заметна численность дворов последней группы (4—9 работников). Доля из 13 дворов составляет пятую часть всего числа. Дворов первой группы 14 (22,9 %), второй — 19 (31,1 %), третьей — 15 (24,6 %). Всего 157 чел. м.п. в возрасте 15—65 лет (половина численности населения м.п.). На дворы первой группы приходится 14 работников (8,5 %), второй — 38 (22,7 %), третьей — 45 (26,9 %), четвертой — больше всех — 70 (41,9 %), всего 167 чел. От первой к четвертой группе возрастает и численность людей м.п.: 37 (11,1 %), 82 (24,7 %), 83 (25 %), 130 (39,2 %), всего 332 чел.

Малые семьи преобладали во дворах первой группы. В других группах основное место занимали неразделенные. Братских оказалось больше, чем отцовских.

При описании крестьянских дворов кромского имения Стремоухова данные о посевах («в поли посеено хлеба») записывались по сказкам глав семей, в том числе вдов. По каким-то причинам для четырех семей эти данные не приведены. В описании по первым восьми семьям указаны данные и о площади посевов в десятинах, и о количестве высеянного зерна, но затем такие записи ограничивались указанием высева зерна в четвертях, осьминах, четвериках. На одну десятину ржи — 11, 12, 16 четвериков; овса — 32 четверика, гречи — 12, конопли — 8.

В крестьянском земледелии (*см. табл. № 2.34*) преобладали посевы ржи, в среднем на двор 31 четверик, на чел м.п. 5,7 четверика, а также овса (14 и 2,6), гречи (10,7 и 2), конопли (4,5 и 0,8). Рожь не значилась в посевах четырех дворов, овес — 23, греча — сёми, конопля — семи. Очень мало сеяли

Табл. № 2.33

Крестьянское население в кромском имении Стремоухова В.Ф. в селе Шаблыкино

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные: отцовские	неразделенные: братские
1	14	22,9	83	13,6	5,9	37	11,1	2,6	14	8,5	1,0	11	2	1
2	19	31,1	162	26,5	8,5	82	24,7	4,3	38	22,7	2,0	4	10	5
3	15	24,6	157	25,6	10,5	83	25,0	5,5	45	26,9	3,0	2	4	9
4	13	21,1	210	34,3	16,1	130	39,2	10,0	70	41,9	5,4	-	3	10
Всего	61	100,0	612	100,0	10,0	332	100,0	5,4	167	100,0	2,7	17	19	25

Табл. № 2.34

Крестьянское хозяйство в кромском имении Стремоухова В.Ф.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	Куры	«Высевок», четвериков: рожь	пшеница-ница	овес	ячмень	греча	горох	конопля
1	14	37	42	24	9	121	79	172	274	13	95	6	69	7	55
2	19	82	83	98	20	115	108	265	500	4	244	7	199	14	78
3	15	83	83	41	42	108	119	225	450	12	204	26	146	20	64
4	13	130	103	86	40	126	132	274	670	1	312	12	239	23	74
Всего	61	332	311	229	111	470	438	936	1894	30	855	51	653	64	275
В среднем на двор	-	5,4	5,0	3,7	1,8	7,7	7,2	15,3	31,0	0,5	14,0	0,8	10,7	1,0	4,5
В среднем на человека м.п.	-	-	0,9	0,7	0,3	1,4	1,3	2,8	5,7	0,1	2,6	0,1	2,0	0,2	0,8

пшеницы (0,5 и 0,1), ячменя (0,8 и 0,1), гороха (1 и 0,2). Посевы пшеницы были только в семи хозяйствах (их не было в 54), ячменя — в 13 (не было в 48), гороха в 33 (не было в 23). Посевы проса и полбы отмечены всего в двух дворах.

Средние показатели высева зерновых по дворам первой группы заметно ниже общих по имению. По дворам второй и третьей — приближаются к общим. Показатели четвертой группы значительно превосходят общие для всех дворов. Средние на чел. м.п. для первой группы по высеву ржи и конопли выше общих, а для четвертой — ниже (*табл. № 2.35*). По конкретным данным посевов на отдельный двор (*табл. № 2. 36*) первая группа отстает, кроме посева конопли, от других. Самые крупные размеры высева у дворов четвертой группы.

О животноводстве см. *табл. № 2.34*. Обеспеченность крестьян лошадьми (311 голов) можно считать удовлетворительной (в среднем 5,0 на двор, 0,9 — на чел. м.п.). Коров (229) было меньше (3,7 и 0,7). Причем бескоровных дворов только 7. Довольно много было коз — 111 голов (1,8 и 0,3). Однако половина семей (33) их не имела. Поголовье овец (7,7 и 1,4) и свиней (7,2 и 1,3) оказалось значительным и примерно равным. Бросается в глаза довольно развитое птицеводство (в среднем на семью кур 15,3, гусей 5,8, уток 4,3, индеек 1,8). Правда, куры русские были у всех, а гуси не отмечены в 15 дворах, утки — в 27, индейки — в 46.

При сравнении подворных средних видно, что показатели первой и второй групп ниже общих по имению, а показатели третьей и четвертой выше. Лишь средние по коровьему и овечьему поголовью нарушают эту картину.

Табл. № 2.35

Средние показатели крестьянского хозяйства в кромском имении Стремоухова В.Ф.

Группа	Поголовье					Куры	Посевы, четверики						
	конское	коровье	козье	овечье	свиное		рожь	пшеница	овес	ячмень	греча	горох	конопля
в среднем на двор													
1	3,0	1,7	0,6	8,6	5,6	12,3	19,6	0,9	6,8	0,4	4,9	0,5	3,9
2	4,4	5,1	1,0	6,0	5,7	13,9	26,3	0,2	12,8	0,4	10,4	0,7	4,1
3	5,5	2,7	2,8	7,2	7,9	15,0	30,0	0,8	13,6	1,7	9,7	1,3	4,5
4	7,9	5,1	3,1	9,7	10,1	12,1	51,5	0,07	24,0	0,9	18,4	1,8	5,7
Всего по имению	**5,0**	**3,7**	**1,8**	**7,7**	**7,2**	**15,3**	**31,0**	**0,5**	**14,0**	**0,8**	**10,7**	**1,0**	**4,5**
в среднем на человека м.п.													
1	1,1	0,6	0,2	3,3	2,1	4,6	7,4	0,3	2,5	0,1	1,9	0,2	1,5
2	1,0	1,2	0,2	1,4	1,3	3,2	6,0	0,04	3,0	0,08	2,4	0,2	0,9
3	1,0	0,5	0,5	1,3	1,4	2,7	5,4	0,1	2,4	0,3	1,7	0,2	0,8
4	0,8	0,5	0,3	1,0	1,0	2,1	5,1	0,007	2,4	0,09	1,8	0,2	0,6
Всего по имению	**0,9**	**0,7**	**0,3**	**1,4**	**1,3**	**2,8**	**5,7**	**0,1**	**2,6**	**0,1**	**2,0**	**0,2**	**0,8**

Табл. № 2.36

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в имении Стремоухова В.Ф.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																								
						1	2	3	4	6	8	12	16	18	20	24	28	32	36	38	40	48	52	56	60	64	68	72	80	128
рожь																														
1	14	–	14	274	2–38	–	1	–	–	–	1	–	5	1	1	3	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	19	1	18	500	12–60	–	–	–	–	–	–	1	2	–	2	5	3	1	2	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–
3	15	3	12	450	8–64	–	–	–	–	–	1	–	1	–	1	–	1	2	–	1	–	2	–	1	1	1	–	–	–	–
4	13	–	13	670	18–128	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1	1	1	–	–	3	1	–	1	–	1	–	1	1
Всего дворов	**61**	**4**	**57**	–	–	–	**1**	–	–	–	**2**	**1**	**8**	**2**	**4**	**9**	**5**	**4**	**4**	**2**	–	**6**	**1**	**1**	**3**	**1**	**1**	–	**1**	**1**
овес																														
1	14	6	8	95	3–32	–	–	1	1	–	3	–	2	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	19	6	13	244	4–40	–	–	–	1	–	2	1	4	–	1	1	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	
3	15	7	8	204	4–40	–	–	–	1	–	–	–	2	–	–	1	–	2	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	13	4	9	312	12–96	–	–	–	–	–	–	1	4	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	1	–	–	–	–	1	
Всего дворов	**61**	**23**	**38**	–	–	–	–	**1**	**3**	–	**5**	**2**	**12**	–	**1**	**2**	–	**5**	**1**	–	**3**	**1**	–	**1**	–	–	–	–	**1**	
греча																														
1	14	2	12	69	2–8	–	2	1	2	1	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
2	19	2	17	199	1–24	1	2	–	1	1	2	1	7	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
3	15	3	12	146	4–24	–	–	–	1	3	2	1	2	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
4	13	–	13	239	3–72	–	–	1	–	–	2	1	6	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1		
Всего дворов	**61**	**7**	**54**	–	–	**1**	**4**	**2**	**4**	**5**	**12**	**3**	**15**	–	**5**	**2**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**1**		
конопля																														
1	14	–	14	55	1–12	3	3	2	3	–	2	1																		
2	19	2	17	78	2–8	–	1	4	8	–	4	–																		
3	15	4	11	64	2–8	–	1	–	3	1	6	–																		
4	13	1	12	74	2–12	–	1	–	5	–	5	1																		
Всего дворов	**61**	**7**	**54**	–	–	**3**	**6**	**6**	**19**	**1**	**17**	**2**																		

Средние душевые, напротив, более низкие для четвертой группы. Напомним, что эти дворы самые многолюдные.

Конкретные данные о поголовье скота в отдельных дворах (*табл. 2.37*) показывают его возрастание по группам. В третьей и особенно четвертой группах имеются дворы, где отмечено по 10 и больше лошадей, 6—7 коров, 11—17 овец, 16—20 свиней.

Довольно кратки перечни построек крестьянского двора. В основном упоминаются изба (одна, редко две) и, как правило, без сеней, а также клети (1—5), сараи и изредка амбары. Бани отмечены в восьми дворах, погреб с выходом — в одном. Не везде упоминаются конюшни. Записи об оградах с воротами («двор огорожен скитом», «огорожен в круги скитом», «двор огорожен забором и скитом») единичны. По одному двору имеется запись только об ограде без перечня жилых и хозяйственных построек. А в нем большое поголовье скота (5 лошадей, 3 коровы, 6 овец, 2 свиньи). В гумнах упоминаются овины, иногда половенники с мякиной и сараи.

В одном дворе стояла «кузня», а в ней «меха и катальня с молаты и с клещи», в другом — «кузня с кузнечною снастью».

Садоводство и пчеловодство занимали незначительное место в крестьянском хозяйстве. В описании отмечены 122 яблони в 12 дворах и 23 улья пчел в семи дворах.

Записи о крестьянском инвентаре (сошниках, косы, топоры) даны с большими пропусками. Они не отмечены при описании ряда дворов, имевших значительные посевы зерновых. Обычно на двор приходилось 1—2 единицы каждого орудия, реже 3. Среди дворов с большим числом взрослых работников в одном числилось 4, в другом 6 сошников, 6 кос, 6 топоров. Лишь один раз отмечены сошники с полицей и серпы.

В апреле—мае 1723 г. отобрали имения у *прокурора Ивана Васильевича Опухина* за то, что он был «не сыскан по многим посылкам с Генерального двора»[26] и «за неявление в Государственной военной коллегии до указу к гошпиталю». Его имения с господскими дворами располагались в шести уездах[27]. В его владении под Москвой стояли 2 «помешиковых» двора с дворовыми людьми, но крестьянских селений в нем не было. Большое имение находилось в Суздальском уезде (почти 1 тыс. дворовых и крестьян об.п.). Самая благоустроенная *усадьба размещалась у села Давыдовское Юрьев-Польского уезда*. В ней четыре светлицы с богатой обстановкой: картины, зеркала, «клевикорты», кровать «флемованная розьемная» с перциной, клетки птичьи железные. Позади светлиц баня белая с трубой и кухарня. Среди 10 изб людских отмечены «изба столярная со всяким токарным и столярным инструментом, другая изба ткацкая, в ней 3 стана, в них ткут в дву полотно, в 3-м салфетки». В сараях хранились 2 коляски дорожные, телега дорожная, возок старинный ветхий, сани немецкие дощатые крашеные и сани казанские большие, 9 фурманов, крытых кожей, и 6, крытых холстом. У владельческого двора находились дворы конюшенный и 2 скотных, 5 житниц, где по-

[26] Материалы... С. 47, 376—377.

[27] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 137, 167.

Табл. № 2.37

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Шабликино

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем															
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
						лошади																			
1	14	–	14	42	1–4	2	4	4	3	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–					
2	19	–	19	83	1–9	1	4	2	2	6	1	1	1	1	–	–	–	–	–	–					
3	15	–	15	83	2–10	–	1	2	2	4	1	2	1	1	–	–	–	–	1	1					
4	13	–	13	103	4–15	–	–	4	1	–	–	2	1	1	1	1	–	1	–	1					
Всего дворов	61	–	61	–	–	3	9	12	8	10	2	3	5	3	2	1	1	–	1	1					
						коровы																			
1	14	3	11	24	1–4	3	5	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–					
2	19	2	17	98	1–6	2	5	3	4	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–					
3	15	2	13	41	1–6	2	2	5	2	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–					
4	13	–	13	66	2–11	–	2	2	2	1	3	2	–	–	–	1	–	–	–	–					
Всего дворов	61	7	54	–	–	7	14	11	10	4	5	2	–	–	–	1	–	–	–	–					
						овцы																			
1	14	1	13	121	1–10	1	3	2	1	1	3	–	1	–	1	–	–	–	–	–					
2	19	1	18	115	2–14	–	2	1	2	5	2	1	–	1	–	2	–	–	1	–					
3	15	–	15	106	3–17	–	–	2	1	2	4	1	2	–	1	–	2	–	–	1					
4	13	–	13	126	3–17	–	–	1	–	1	2	2	–	1	–	2	2	–	1	1					
Всего дворов	61	2	59	–	–	1	5	6	4	9	14	5	4	–	3	–	4	2	2	1	–	2			
						свиньи																			
1	14	–	14	79	1–15	1	3	2	–	1	2	2	–	1	2	–	1	–	–	–					
2	19	–	19	108	1–13	1	1	3	2	4	1	3	–	1	–	1	–	1	–	–					
3	15	–	15	119	3–16	–	3	–	2	–	4	1	–	1	–	1	–	–	1	1					
4	13	1	12	132	4–20	–	–	–	2	1	–	2	1	–	1	–	–	1	2	3	1	–	1	2	
Всего дворов	61	1	60	–	–	2	7	5	4	6	7	6	1	3	–	2	1	2	3	1	–	1	–	1	2

мимо зерна и разного имущества перечислены кубы, трубы и 2 кубика, «что вотку гонят». Крестьянские дворы (23 двора — 346 чел. об.п.) стояли в сельце Лычово и в деревне Марьино.

Опись крестьянским дворам была составлена только по именью в *Кромском уезде. Сам помещиков двор находился у сельца Рассоховец* и имел хозяйственное назначение. Гумниц и светлиц в нем не было. В пяти избах жили приказчик с семьей и 24 чел. дворовых и деловых людей об.п. На скотном дворе содержался господский скот (10 лошадей, 3 коровы, 12 коз, 25 овец, 14 свиней) и птица (30 кур индейских и 20 русских). За оградой и рвом в двух садах 56 яблонь.

Крестьяне отбывали барщину и вносили продуктовый оброк. По сказке приказчика и старосты в озимом поле 19 дес. высеяно ржи 38 четв. Высев яровых: овса 48 четв., пшеницы 5 четв., полбы 6 четв., ячменя 2 $^1/_2$ четв., гороха 1 четв., конопли 4 четв., льна 5 четвериков. В среднем на двор приходилось 1 дес. в ржаном поле, на чел. м.п. 0,2 дес. С осьмака (в вотчине их 22) ежегодно поступало мяса 10 фунтов, масла коровьего 1 фунт, курица, 10 яиц, а с двух осьмаков по барану.

В селе Вожево и в сельце Рассоховец стояли 19 крестьянских дворов. В описи указано население об.п. (возраст людей только м.п.), хоромное строение, поголовье скота и птицы. В майские дни по сказкам крестьян записали размер участков под рожью («посеено хлеба в поли ржи») в десятинах и высев семенного зерна в четвертях. Для яровых проставлены размеры в четвертях, осьминах, четвериках.

С целью выявления имущественных различий разделим крестьянские дворы в соответствии с числом взрослых м.п. В первую группу отнесены 3 двора с одним работником, во вторую 6 с двумя, в третью — 8 с тремя, в четвертую — 2 с четырьмя (см. *табл. № 2.38*). Наибольшие показатели численности дворов получили вторая и третья группы. Не случайно у них основная часть неразделенных отцовских и братских семей.

Крестьянские дворы имели основательное хозяйство (*табл. № 2.39*). Рожь высевали все. Однако не было посевов овса в четырех дворах, пшеницы — в десяти, гречи — в шести, конопли — в пяти. Средние подворные показатели (см. *табл. № 2.40*) высева ржи и овса неплохие, меньше сеяли гречи и особенно пшеницы. Средние по группам для ржи высокие у второй, третьей и четвертой. Показатели первой группы ниже общих по именью, за исключение высева овса. Средние на чел. м.п. невысоки по третьей группе, а в посевах овса, пшеницы и гречи они самые низкие. Мало высевали крестьяне ячменя (4 двора — 20 четвериков) и гороха (2 двора — 2 четверика).

Хорошо обстояло дело с животноводством. Подворные средние высокие для конского, овечьего и свиного поголовья. Да и по коровам (2,3) и козам (2,4) они неплохие. Правда, коров не имели 4 двора, свиней 2, коз 8. Много было кур русских. Другую птицу держали немногие: куры индейские (41) отмечены в трех семьях, гуси (44) в четырех, утки (11) в двух.

В 12 дворах было по одной избе, в шести по 2, в одном — 3. Соотношение числа изб с общей населенностью двора не устанавливается. Для хранения имущества и летнего отдыха ставились клети (в 12 дворах 2—3). Ам-

Табл. № 2.38

Крестьянское население в кромском имении Отяева И.В.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные отцовские	неразделенные братские
1	3	15,8	18	9,3	6,0	9	8,8	3,0	3	6,4	1,0	2	1	–
2	6	31,6	53	27,3	8,8	26	25,5	4,3	12	25,5	2,0	–	4	2
3	8	42,1	94	48,5	11,7	53	52,0	6,6	24	51,1	3,0	2	1	5
4	2	10,5	29	14,9	14,5	14	13,7	7,0	8	17,0	4,0	–	1	1
Всего	19	100,0	194	100,0	10,2	102	100,0	5,4	47	100,0	2,3	4	7	8

Табл. № 2.39

Крестьянское хозяйство в кромском имении Отяева И.В.

Группа	Дворы	Крестьян м.п.	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы зерновых, четверики			
									рожь	овес	пшеница	гречка	конопля
1	3	9	12	6	7	33	9	40	32	56	4	10	3
2	6	26	25	13	10	71	26	79	120	112	16	44	16
3	8	53	41	19	14	103	46	146	184	100	8	56	15
4	2	14	17	5	14	39	19	40	64	80	10	24	6
Всего	19	102	95	43	45	246	100	305	400	348	38	140	40
В среднем на двор	–	5,4	5,0	2,3	2,4	12,9	5,3	16,0	21,0	18,3	2,0	7,4	2,1
В среднем на человека м.п.	–	–	0,9	0,4	0,4	2,4	1,0	3,0	3,9	3,4	0,4	1,4	0,4

Табл. № 2.40

Средние показатели крестьянского хозяйства в кромском имении Отяева И.В.

Группа	Поголовье					Куры	Посевы, четверики				
	конское	коровье	овечье	свиное	козье		Рожь	овес	пшеница	греча	конопля
	в среднем на двор										
1	4,0	2,0	11,0	3,0	2,3	13,3	10,7	18,7	1,3	5,3	1,0
2	4,2	2,2	11,8	4,3	1,7	13,2	20,0	18,7	2,7	7,3	2,7
3	5,1	2,4	12,9	5,7	1,7	18,2	23,0	12,5	1,0	7,0	1,9
4	8,5	2,5	16,5	9,5	7,0	20,0	32,0	40,0	5,0	12,0	3,0
Всего по имению	**5,0**	**2,3**	**12,9**	**5,3**	**2,4**	**16,0**	**21,0**	**18,3**	**2,0**	**7,4**	**2,1**
	в среднем на человека м.п.										
1	1,3	0,7	3,7	1,0	0,8	4,4	3,5	6,2	0,4	1,8	0,3
2	1,0	0,5	2,7	1,0	0,4	3,0	4,6	4,3	0,6	1,7	0,6
3	0,8	0,3	1,9	0,9	0,3	2,7	3,5	1,9	0,1	1,0	0,3
4	1,2	0,3	2,8	1,3	1,0	2,8	4,6	5,7	0,7	1,7	0,4
Всего по имению	**0,9**	**0,4**	**2,4**	**1,0**	**0,4**	**3,0**	**3,9**	**3,4**	**0,4**	**1,4**	**0,4**

бары и сараи отмечены в семи дворах, да еще в пяти сараи включались в ограждение двора вместе с забором и плетнем. Конюшни построены только в семи дворах. В 12 дворах значилось по двое ворот. Почти везде записаны гумна с овинами, иногда с половенниками. Один гуменник окопан рвом. У одного крестьянина во дворе стояла «кузня». В ней наковальня, мехи, 2 молота, двое клещей, точило.

При восьми дворах были яблоневые сады. В них обычно от 3 до 12 яблонь, а в одном саду 70.

Дьяк А. Г. Ратманов владел имениями в Московском, Ярославском, Елецком уездах. Усадьбы он имел в Московском и Елецком уездах. *В подмосковном Троицком Добрынского стана* стояли три светлицы поземные, крытые дранью. Средняя без печи «выбита холстом и выбелена». К третьей «прирублена конторка». Две печи в светлицах «израшатые». Перечислены иконы, 2 картины небольшие на бумаге в рамках за стеклами, посуда (23 стакана хрустальных «пивных», кувшинчики стеклянные, кувшины муравленые, блюда цинковые и глиняные), рукомойники глиняные, 21 пара ножей белевских, 40 ложек простых, мебель (кровать дубовая, столы дубовый и липовый, все «столярное»), 2 пушечки чугунные. Позади светлиц двое сеней с чердаками, крытые тесом, в чердаках шкаф липовый и шкаф «росписан красками», стол липовый с двумя ящиками, кровать липовая «писаная с кровлею». Между сенями баня[28]. При дворе помещика находились дворы конюшенный и скотный, а также пруд коповый с карасями. Дворовые (5 чел. м.п., 6 чел. ж.п.) жили в двух людских избах.

[28] В описании помещичьих усадеб Московского, Суздальского, Епифанского уездов разных владельцев встречаются упоминания о банях, прирубленных, пристроенных к основному жилому помещению. (Материалы... С. 87, 207, 310.)

При селениях елецкой вотчины располагались три «помещиковых» двора. В главном были две светлицы «связные» дубовые (по 2 1/2 саж. каждая). В них жил приказчик поляк с семьей. Дворовые (24 чел. об.п., в том числе 12 чел. м.п.) проживали в двух избах дубовых. В других господских дворах стояли только избы дубовые для дворовых (18 чел. м.п., 12 чел. ж.п.), у которых был собственный скот и земельные участки под хлебом.

Подворное описание (1723 г., июнь) имеется только по *елецкому имению*. Здесь у *деревни Мокрая Сменка* на «помещиковом» дворе стояли две светлицы «связные» дубовые мерою по 2 1/2 саж. В них проживал приказчик поляк с семьей. Две избы дубовые по 3 саж. (« них живут дворовые люди»). Всего отмечено 12 чел. м.п. и 12 чел. ж.п. Другой двор поставлен у деревни Голодобово. Все строение — изба 3 саж. и 2 клети. Семья дворовых людей (9 чел. м.п. и 3 чел. ж.п.) имела посев ржи на 1 дес., овса на 1/2 дес., гречи на 1 дес., проса на осьминнике, семян (то ли льна, то ли конопли) на осьминнике. У них же скот и птица: лошадь, корова с подтелком, 3 овцы, 3 свиньи, 20 кур. Третий господский двор находился у села Никольское. В дубовых избах проживали 3 семьи дворовых людей (9 чел. м.п. и 9 чел. ж.п.). У них был свой скот (лошади, овцы, свиньи) и куры. Посев ржи на 2 дес., овса на десятине, гречи на десятине, семян на осьминнике. Отмечены «помещиково» гумно и гумно дворовых людей, огороженные тыном. Посеяно господского хлеба ржи 6 дес., овса 3 дес., гречи 2 дес.

Крестьянская барщина состояла из работ на озимом поле (под рожью 20 дес.) и яровом (11 дес. под овсом, 5 дес. под гречей, по 1 дес. под пшеницей и просом, 3 осьминника под горохом, десятина под семенем). Всего около 40 дес. В среднем на крестьянский двор приходится 1,3 дес. в двух полях, на чел. м.п. 0,3 дес. (в поле 0,7 и 0,2).

Перечень крестьянских дворов в двух деревнях (31 двор) указывает состав жителей об.п. без возраста, дворовые постройки, поголовье скота (лошади, коровы, овцы, свиньи, козы) и птицы (куры, гуси, утки), посевы («в земли посеено хлеба») в десятинах, никах, осьминниках ржи, овса, пшеницы, полбы, гречи, ячменя, проса, семени льняного. Однако полба и ячмень упоминаются лишь в посеве двух дворов. Козы (7) содержались лишь в двух дворах, гуси (49) — в семи, утки (13) — в двух. Пчел (11 ульев) разводили в двух дворах.

Отсутствие в описи возрастных данных вынуждает распределять дворы по «взрослым» м.п. — вдовцам и женатым. Исключаем два двора. В одном беспосевном не было и скота. В другом проживала солдатская жена с сыном. Ее посев полдесятина ржи. Лошади не было (корова, свинья, 4 овцы). Учитывается 29 дворов.

По числу «взрослых» м.п. составлены 3 группы (*см. табл. № 2.41*). В первую вошли 17 дворов с одним работником (58,6 %). Как видно, их больше половины. В других группах дворов оказалось мало (8 и 4). В третью вошли три двора с тремя взрослыми и один с четырьмя. По числу жителей м.п. разрыв заметно меньше, а по числу работников и количественные, и процентные показатели близки.

О крестьянском хозяйстве *см. табл. № 2.42*. Озимую рожь сеяли все дворы, кроме одного. Посева овса не отмечено по пяти дворам, гречи — по трем, проса — по 11. Около половины дворов не высевали пшеницу.

Табл. № 2.41

Крестьянское население в елецком имении Ратманова А.Г.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор
1	17	58,6	100	45,0	5,9	49	42,6	2,9	17	36,9	1,0
2	8	27,6	65	29,3	8,1	34	29,6	4,25	16	34,8	2,0
3	4	13,8	57	25,7	14,25	32	27,8	4,0	13	28,3	3,25
Всего	29	100,0	222	100,0	7,6	115	100,0	4,0	46	100,0	1,6

Табл. № 2.42

Крестьянское хозяйство в елецком имении Ратманова А.Г.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы зерновых, четверики				
								рожь	овес	пшеница	гречка	просо	лен
1	17	49	45	25	151	35	152	352	180	44	160	46	54
2	8	34	20	8	71	20	60	172	60	16	76	16	28
3	4	32	19	8	36	20	95	160	64	12	48	12	24
Всего	29	115	84	41	258	75	307	684	304	72	284	74	106
В среднем на двор	-	4,0	2,9	1,4	8,9	2,6	10,6	23,6	10,5	2,5	9,8	2,5	3,6
В среднем на человека м.п.	-	-	0,7	0,3	2,2	0,6	2,7	5,9	2,6	0,6	2,5	0,6	0,9

Табл. № 2.43

Средние показатели крестьянского хозяйства в елецком имении Ратманова А.Г.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы зерна, четверики					
	конское	коровье	овечье	свиное		рожь	овес	пшеница	гречка	просо	лен
в среднем на двор											
1	2,6	1,5	8,9	2,0	8,9	20,7	10,6	2,6	9,4	2,7	3,2
2	2,5	1,0	8,9	2,5	7,5	21,5	7,5	2,0	9,5	2,0	3,5
3	4,7	2,0	9,0	5,0	23,7	40,0	16,0	3,0	12,0	3,0	6,0
Всего по имению	2,9	1,4	8,9	2,6	10,6	23,6	10,5	2,5	9,8	2,5	3,6
в среднем на человека м.п.											
1	0,9	0,5	3,1	0,7	3,1	7,2	3,7	0,9	3,3	0,9	1,1
2	0,6	0,2	2,1	0,6	1,8	5,0	1,8	0,5	2,2	0,5	0,8
3	0,6	0,2	1,1	0,6	3,0	5,0	2,0	0,4	1,5	0,4	0,7
Всего по имению	0,7	0,3	2,2	0,6	2,7	5,9	2,6	0,6	2,5	0,6	0,9

Общие средние показатели высева удовлетворительны только для ржи (*см. табл. № 2.43*). По остальным культурам низкие. Средние показатели на двор по посевам зерновых заметно различаются в группах для ржи и овса. По другим культурам они довольно близки. Показатели средних душевых часто сходны. Для первой группы они оказались выше других.

Средние дворовые показатели поголовья скота удовлетворительные по лошадям, овцам и свиньям, низкие по коровам. Коров и свиней не отметили в девяти дворах. Козы были только в двух. В пяти дворах не оказалось кур. Для дворов первой группы показатели ниже общих по имению. Для дворов второй — сходны с ними. Показатели третьей группы заметно выше. Душевые средние выше для дворов второй группы.

Крестьянские дворы этого имения огорожены плетнем и имели ворота «притворчетые». В большинстве дворов избы дубовые, липовые или «разного лесу», размером 1 $^1/_2$—3 саж. При них клеть тех же размеров (иногда 2—3 клети). Изредка указывались бани, хлевы, погреба, гумна с овинами.

В июне 1724 г. было конфисковано *именье воеводы Елецкой провинции Василия Петровича Зиновьева деревня Гостомля в Речицком стане Кромского уезда* (47 крестьянских дворов). Ранее, в декабре 1723 г. у него отобрали село Алешня в Годыревском стане Болховского уезда (18 дворов). Всего по справке Вотчинной коллегии за ним было 84 двора. Близ указанной деревни и села стояли дворы помещиков. В усадьбе Алешня постройки не описаны. Здесь проживали дворовые люди (8 чел. м.п. вместе с детьми), хранился хлеб в копнах, а также немного зерна (5 четв. ржи, 3 четв. ячменя, 2 четв. гороха). Копен отмечено больше — 50 четв. Указан господский скот — 15 лошадей и 6 коров. Гораздо больше дворовых («питаютца от помещика своего месячиною») проживало в усадьбе Гостомля (вместе с детьми 29 чел. м.п. и 25 чел. ж.п.). В сравнении с усадьбой Стремоухова это хоромное строение скромное: 3 избы, 4 клети, конюшня, сарай. В житнице отмечено зерно (ржи 5 четв. и др.), на огороженном гумне — рожь и овес в 140 копнах. Лошадей (12) и коров (8) было мало. Содержали также овец (44), свиней (5) и птицу. У речной

мельницы стоял двор мельника. Его семья «питается... месячиною». Мельник имел собственный скот: корова, 2 овцы, свинья, 2 утки, 3 куры.

Крестьяне деревни Гостомля (в 47 дворах — 61 семья со своим хозяйством, 251 чел. м.п.) исполняли барщину. На помещика под рожь засевалось поле в 33 дес. (в среднем на семью 0,5 дес. в поле, на чел. м.п. 0,1). Сена косили 130 копен. В натуральный побор входили 200 пудов мяса свиного, 9 фунтов масла коровьего, по 9 поросят, гусей, уток, кур русских, 9 фунтов шерсти овечьей, 9 четв. конопли.

По каждому двору источник указал жителей об.п. без отметок об их возрасте, поголовье скота (лошадей, коров, коз, овец, свиней) и птицы (гуси, утки, куры русские), посев ржи озимой в десятинах и перечень дворовых построек. Коз у крестьян было мало (16 в 12 дворах). В четырех дворах насчитывается только 24 улья пчел. Сведения о запасах зерна и о необмолоченных копнах ржи и овса по большинству дворов не приводятся. Для ржи они указаны в десяти дворах, для овса — в 13, для гречи и конопли в шести.

В подворном описании указано 47 крестьянских дворов. В 11 дворах проживали по три (в трех дворах) и по две (в восьми) семьи, каждая из которых вела самостоятельное хозяйство. Одна семья, не имевшая ни лошадей, ни посева, исключается из дальнейших подсчетов.

В целом на 60 семей приходилось 476 крестьян об.п., 250 чел. м.п. (*табл. № 2.44*). К «взрослым» работникам м.п. можно отнести 125 чел. — вдовцов и женатых, то есть половина всей численности м.п.

При группировке по числу работников видно, что больше всего дворов относится к первой и второй группам. По населенности первенство за второй группой. Однако если в четвертую группу (в пяти дворах по 4 работника, в одном — 6) входила только десятая часть дворов, то по численности м.п. ее доля поднимается до 17,2 %, а по работникам — до 20,8 %.

Малые семьи проживали только во дворах первой группы. Заметно число братских семей, но больше все же отцовских.

Основными отраслями крестьянского хозяйства являлись зерновое земледелие и животноводство. Озимой рожью было засеяно 87 дес. (1392 четверика). По пяти дворам высев не указан (см. *табл. № 2.45*). В среднем на двор приходилось 1,4 дес. (23,2 четверика). Средний показатель на человека м.п. — 0,3 дес. (5,6). По дворам первой группы средняя дворовая ниже (*табл. № 2.46*), по дворам второй — такая же, по дворам третьей и четвертой — выше. Средняя четвертой группы в 2 раза выше общей. Показатели средние на чел. м.п. по группам довольно близки между собой (0,3 и 0,4 дес.; 5,1—6,3 четверика). По площади посева на первом месте 21 двор второй группы (33,3 %) и третьей (25,3 %). Размер посева для первой и четвертой групп примерно тот же (21,8 % и 19,6 %), однако, в первой дворов больше в 3,5 раза.

Конкретные данные таковы (*табл. № 2.47*). Дворы первой и второй групп высевали ржи от 8 до 32 четвериков, третьей и четвертой — больше.

Обратимся к животноводству. Средний показатель на двор по лошадям удовлетворительный (4,2), по коровам — низкий (2,0). Овечье (6,3) и свиное (4,5) поголовье имеют неплохие показатели. В девяти дворах совсем не было коров, в шести — свиней. По дворам первой группы средние ниже об-

Табл. № 2.44

Крестьянское население в кромском имении Зиновьева В.П.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	21	35,0	115	24,1	5,5	59	23,6	2,8	21	16,8	1,0	21	–	–
2	21	35,0	168	35,3	8,0	88	35,2	4,2	42	33,6	2,0	–	13	8
3	12	20,0	109	22,9	9,1	60	24,0	5,0	36	28,8	3,0	–	7	5
4	6	10,0	84	17,7	14,0	43	17,2	7,2	26	20,8	4,3	–	4	2
Всего	60	100,0	476	100,0	7,9	250	100,0	4,2	125	100,0	2,1	21	24	15

Табл. № 2.45

Крестьянское хозяйство в кромском имении Зиновьева В.П.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Посеяно ржи, четверики
1	21	59	59	21	100	63	115	304
2	21	88	87	42	139	116	208	464
3	12	60	64	28	71	51	103	352
4	6	43	45	28	66	43	85	272
Всего	60	250	255	119	376	273	511	1392
В среднем на двор	–	4,2	4,2	2,0	6,3	4,5	8,5	23,2
В среднем на человека м.п.	–	–	1,0	0,5	1,5	1,1	2,0	5,6

Табл. № 2.46

Средние показатели крестьянского хозяйства в кромском имении Зиновьева В.П.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье	свиное		
в среднем на двор						
1	2,8	1,0	4,8	3,0	5,5	14,5
2	4,1	2,0	6,6	5,5	9,9	22,1
3	5,3	2,3	5,9	4,2	8,6	29,3
4	7,5	4,7	11,0	7,2	14,2	45,3
Всего по имению	**4,2**	**2,0**	**6,3**	**4,5**	**8,5**	**23,2**
в среднем на человека м.п.						
1	1,0	0,3	1,7	1,1	1,9	5,1
2	1,0	0,5	1,6	1,3	2,4	5,3
3	1,1	0,5	1,2	0,8	1,7	5,9
4	1,0	0,6	1,5	1,0	2,0	6,3
Всего по имению	**1,0**	**0,5**	**1,5**	**1,1**	**2,0**	**5,6**

Табл.№ 2.47

Посевы ржи (четверики) в крестьянских дворах в имении Зиновьева В.П.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом					
						8	16	24	32	48	64
1	21	3	18	304	8–32	2	14	–	2	–	–
2	21	1	20	464	8–32	1	9	1	9	–	–
3	12	1	11	352	16–64	–	3	–	6	1	1
4	6	–	6	272	32–64	–	–	–	2	3	1
Всего дворов	**60**	**5**	**55**	**–**	**–**	**3**	**26**	**1**	**19**	**4**	**2**

щих по имению; у второй группы они близки. Дворы третьей и четвертой групп (а их всего 18–30,0 %) по показателям выше общих. Средние душевые показатели по группам мало отличаются друг от друга.

Конкретные сведения по отдельным дворам (*табл. № 2.48*) также свидетельствуют, что для первой группы на двор приходится не более 4 лошадей (в других — 8–10 голов), 1–2 коровы (в других до 6–7), до 8 свиней (в других до 10–15).

В марте 1725 г. конфисковали вотчины капитана *Федосея Михайловича Безобразова* в Брянском, Бельском, Смоленском уездах. Крупное имение находилось в Брянском уезде. В остальных насчитывалось по 1–2 крестьянских двора. Крестьяне везде отбывали барщину (из бельской деревни они уходили на работы в смоленскую).

Единственная *усадьба Безобразова отмечена в сельце Щипань Подгород-*

Табл. № 2.48

Поголовье скота в крестьянских дворах в кромском имении Зиновьева В.П.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем											
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	15	20
лошади																				
1	21	–	21	59	1–10	4	6	7	3	–	–	–	–	–	1					
2	21	1	20	87	2–8	–	5	2	4	2	5	1	1	–	–					
3	12	–	12	64	1–10	1	1	1	2	3	1	–	–	1	2					
4	6	–	6	45	5–10	–	–	–	–	1	1	1	1	1	1					
Всего дворов	**60**	**1**	**59**	–	–	**5**	**12**	**10**	**9**	**6**	**7**	**2**	**2**	**2**	**4**					
коровы																				
1	21	5	16	21	1–2	11	5	–	–	–	–	–								
2	21	3	18	42	1–6	9	3	1	2	2	1	–								
3	12	1	11	28	1–6	4	3	1	1	1	1	–								
4	6	–	6	28	3–7	–	–	2	1	1	1	1								
Всего дворов	**60**	**9**	**51**	–	–	**24**	**11**	**4**	**4**	**4**	**3**	**1**								
овцы																				
1	21	1	20	100	2–10	–	4	3	5	1	1	1	2	1	2	–	–	–	–	
2	21	1	20	139	2–15	–	2	1	2	2	2	3	2	2	2	–	1	–	1	
3	12	1	11	71	2–10	–	2	–	1	–	3	1	1	–	3	–	–	–	–	
4	6	–	6	66	5–20	–	–	–	–	1	–	1	–	–	1	2	–	–	1	
Всего дворов	**60**	**3**	**57**	–	–	–	**8**	**4**	**8**	**4**	**6**	**6**	**5**	**3**	**8**	–	**3**	–	**1**	**1**
свиньи																				
1	21	3	18	63	1–8	3	4	3	2	4	–	1	1	1	2	1	2	–	–	–
2	21	1	20	116	1–15	2	3	1	4	1	–	2	2	1	3	–	–	–	1	–
3	12	3	9	51	2–10	–	1	2	1	–	2	1	–	–	2	1	–	–	–	–
4	6	–	6	43	3–13	–	–	2	–	–	1	1	–	–	–	1	–	1	–	–
Всего дворов	**60**	**7**	**53**	–	–	**5**	**8**	**8**	**7**	**5**	**3**	**5**	**3**	**1**	**5**	**1**	–	**1**	**1**	

Табл. № 2.49

Крестьянское население в брянском имении Безобразова Ф.М.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	4	20,0	20	10,0	5,0	11	10,3	2,75	4	8,0	1,0	4	-	-
2	9	45,0	71	35,5	7,9	38	35,5	4,2	18	36,0	2,0	-	5	4
3	5	25,0	55	27,5	11,0	29	27,1	5,8	15	30,0	3,0	-	3	2
4	2	10,0	54	27,0	27,0	29	27,1	14,5	13	26,0	6,5	-	1	1
Всего	20	100,0	200	100,0	10,0	107	100,0	5,3	50	100,0	2,5	4	9	7

Табл. № 2.50

Крестьянское хозяйство в брянском имении Безобразова Ф.М. (1725 г.)

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Кони	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы ржи,четвери
1	4	11	3	3	4	7	6	11	24
2	9	38	13	10	5	10	24	46	66
3	5	29	15	9	6	11	25	35	58
4	2	29	9	9	-	15	18	29	56
Всего	20	107	40	31	15	43	73	121	204
В среднем на двор	-	5,3	2,0	1,5	0,7	2,1	3,6	6,0	10,2
В среднем на человека м.п.	-	-	0,4	0,3	0,1	0,4	0,7	1,1	1,9

ного стана Брянского уезда. На «помещиковом» дворе построены две светлицы с комнатой (печь ценинная) и в одной «связе» горница черная. В них перписаны иконы, стол дубовый и на нем ковер, 5 тарелок, судки и кувшин оловянные, ендова и котел медные, 4 склянницы «фрустальные» в «шкатуне» окованном. Одежда: 2 кафтана, в том числе один стеганый, полукафтанье, камзол суконный кармазинный красный, кафтан «луданной» стеганый, шапка женская соболья, 3 юбки, в том числе 2 «луданные» и одна «штофовая», «куитош» лисий, «полушафрок» женский. Из хозяйственных построек отмечены конюшня с одним жеребцом, ледник сосновый и на нем амбар, сушило, погреб дубовый, житница с зерном и солодом. За воротами стояла баня. Отмечен отдельный скотный двор, где содержалось 6 лошадей рабочих, 8 коров и 2 подтелка, 6 овец, 10 свиней, 3 куры индейских, 6 гусей, 3 утки.

При усадьбе располагался винокуренный «завод» (5 котлов медных, 2 заторных железных). В нем 4 куфы (бочки) вина простого. При заводе мельница на речке Вороновке.

Дворовые люди (24 чел. м.п., 17 чел. ж.п.) проживали на скотном дворе в пяти людских избах.

Крестьянские дворы отмечены в сельце Щипань (8), в слободе Буда (6), в селе Ларионово (1). Всего 20 семей со своим хозяйством. В перечне перечислены люди об.п. без указания возраста, скот, посев ржи в четвертях. Принята группировка дворов по числу вдовцов и женатых мужчин. Намечены 4 группы. В последней только два двора, но они выделяются по хозяйственным показателям.

Крестьянские дворы (*табл. № 2.49*) отличаются высокой населенностью (в среднем на двор 10 чел. об.п., 5 чел. м.п., по группам от 5 до 27 чел. об.п., от 3 до 14 чел. м.п.). Малые семьи только в первой группе. На первом месте неразделенные отцовские.

У всех дворов «посеено в поли хлеба ржи» 204 четверика (*табл. № 2.50*). В среднем на двор приходилось 10,2 четверика, на чел. м.п. 1,9. Средний дворовый показатель в третьей группе почти в 2 раза больше первой, в четвертой в 4 раза. К тому же показатели первой и второй групп ниже общих по имению. Иные показатели душевые. Самый высокий в первой группе, а показатель четвертой группы равен общему по имению.

Животноводство было посредственным. Выделялись лишь показатели свиного поголовья (3,6 на двор, 0,7 на чел. м.п.). Лошадей не было в четырех дворах, коров — в пяти, коз — в 12, овец — в семи, свиней — в одном, кур — в одном. Гуси (9) отмечены только в четырех дворах (*табл. № 2.51*).

* * *

Сохранились описания имений, в которые переписчики не включили подворные описи крестьян, но в них зафиксированы подробные сведения об усадьбах. В первой четверти XVIII в. выделялись *господские дворы сенатора генерал-квартирмейстера Василия Андреевича Апухтина и сенатора начальника оружейного производства в Туле Григория Иванович Волконского*. Они по-

Табл. № 2.51

Средние показатели крестьянского хозяйства в брянском имении Безобразова Ф.М.

Группа	Поголовье					Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	козье	овечье	свиное		
	в среднем на двор						
1	0,7	0,7	1,0	1,7	1,5	2,7	6,0
2	1,4	1,1	0,5	1,1	2,7	5,1	7,3
3	3,0	1,8	1,2	2,2	5,0	7,0	11,6
4	4,5	4,5	-	7,5	9,0	14,5	28,0
Всего по имению	**2,0**	**1,5**	**0,7**	**2,1**	**3,6**	**6,0**	**10.2**
	в среднем на человека м.п.						
1	0,3	0,3	0,4	0,6	0,5	1,0	2,2
2	0,3	0,3	0,1	0,3	0,6	1,2	1,7
3	0,5	0,3	0,2	0,4	0,9	1,2	2,0
4	0,3	0,3	-	0,5	0,6	1,0	1,9
Всего по имению	**0,4**	**0,3**	**0,1**	**0,4**	**0,7**	**1,1**	**1,9**

теряли свои имения в 1715 г. после следствия, установившего казнокрадство и злоупотребления при поставке провианта для армии[29].

У Апухтина в Московском уезде описаны 3 усадьбы. В одной из них, Аксеновке в стане Воря и Корзенев, «построено вновь» две светлицы на глухих подклетах и «промеж их сени». Покрыто все под одну кровлю дранью. К сеням приделано крыльцо на 2 всхода с одной лестницей и 2 нужника. Прежние строения «сгнили и от ветхости обвалились». К «помешикову» двору «пригорожен» скотный двор, где жили скотники, а к нему «на овощ огород». «Вотчинников» двор в усадьбе Жучки (стан Радонеж и Бели) имел сходное хоромное строение: поземные светлица с комнатой и горница отхожая соединялись двумя сенями, к хоромам приделана баня с предбанником и 3 нужника, а также крыльцо, и «все брушатое соснового лесу». Печи «обращатые ценинные», а в бане «обращатая муравленая». Заслоны железные, а трубы «выкладены кирпичом». Из сеней на чердак вела большая лестница. У двора сад и огород. Яблонь, груш, слив — 270 деревьев. Устроен и особый двор скотный. Третья усадьба Коняево располагалась в Шеренском стане. На «вотчинниковом» дворе жилья для владельца не было. В черной избе жили скотники. Крестьяне подмосковных вотчин (9 дворов) отбывали барщину, а продуктовый оброк вносили и крестьяне, и дворовые люди.

В звенигородской усадьбе Новое двор делился на передний и задний. Две горницы на омшаниках соединялись сенями. На скотном и конюшенном

[29] Материалы... С. 372—373; *Юрган И. Н.* «В Москве и на Туле у оружейного дела...» (кн. Г. И. Волконский в 1710-е гг.) / Петровское время в лицах. СПб., 2000. С. 72—73.

дворах содержались скот и птица, в том числе 7 немецких кобыл и от них 5 жеребят. В житницах хранилось зерно. В двух копаных прудах разводили карасей. Имелись «овощник» и два сада. В одном 430 деревьев, в другом 580. Повинности крестьян и дворовых такие же, как в подмосковных.

Подобное хоромное строение отмечено в усадьбах Спасское и Богородское Болховского уезда и в усадьбе Паюсово Орловского уезда. Двор в Спасском представляется более благоустроенным. Там 4 горницы с печами «изразцатыми» и ценинными, со стенными зеркалами в рамах и двумя коврами столовыми, медной и оловянной посудой. Подле двора два сада. В большом саду пруд с саженой рыбой (караси, лини). Возле сада устроена беседка еловая. В 11 людских избах проживали 95 чел. м.п., 89 чел. ж.п., в том числе 66 детей. Крестьяне и бобыли (37 дворов) трудились на барщине и вносили продуктовый оброк. Рядом располагалась усадьба племянницы Апухтина, которая отдала ему имение по поступной. В девяти избах жили дворовые люди 11 чел. об. п.

На речке Дубенке построен винокуренный «завод»: две избы еловые большие, третья небольшая, амбар хлебный, варница с четырьмя колодами дубовыми, 6 котлов железных бражных, 25 казанов медных с трубами весом 26 $^1/_2$ пуд. Возле завода мельница с плотиной. Работали крепостные сенатского подьячего Елизара Петрова. Завод построил Апухтин и отдал подьячему в аренду за 200 руб. в год.

Примерно так же выглядела орловская усадьба. Из приусадебных 30 ульев отправлялось в Москву с продуктовым обозом до 12 пудов меда. В ее дворе и дворе племянницы отмечено дворовых и деловых старинных людей 42 чел. м.п. и 40 чел. ж.п. В имении 66 крестьянских дворов.

В усадьбах Переславль-Залесского, Владимирского, Алаторского, Курмышского уездов жилых помещений для владельца не было. В людских избах проживали приказчики и дворовые[30].

У Волконского подмосковная усадьба Якшино находилась в Замыцкой волости. Белые горницы, людские избы, амбары, сараи, поварня, погреба «крутом построены под одну кровлю в линею». С одной стороны «вотчинникова» двора располагалась роща, с другой сад, и все это окружала решетчатая городьба с воротами, выкрашенными белой и красной красками. Господское имущество хранилось в кладовой палате с железной дверью и немецким вислым замком: кибитка калмыцкая войлочная со всем прибором, 4 «башни» с полами полотняными расписаны красками, 5 палаток солдатских полотняных, палатка крашенинная новая, 5 седел русских, конская упряжь (шоры, плащи, набор медный с финифтью, узды, муидштуки), посуда медная, оловянная, хрустальная. В сенях 14 пушек чугунных, две из «красного» железа, 16 станков пушечных, окованных железом. В одном амбаре хранился инвентарь (косы, топоры, заступы, долота, буравцы), в двух зерно. В сарае приготовлен кровельный материал — 1037 тесниц, «суторской драни 600». В трех прудах у речки Чолвенки разводили щук, окуней, плотву, карасей, а в одном «есть и стерлядки». При ветряной мельнице

[30] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 140.

ще устроены кирпичные сараи и печь «обжигальная». «Зженого кирпичю» насчитывалось 70 тыс.

На скотном и конском дворах были лошади немецкие, ногайские, овцы ордынские и черкасские, свиньи чудские, куры индейские. Судя по постройкам, «вотчинниково» гумно было значительным по размерам. В нем стояли 3 овина, 2 половня, сарай. В скирдах рожь «новая», «двутоловая», «трехтоловалая», овес и ячмень.

Дворовых людей насчитывалось более 20 чел. об.п. Им выдавалось в месяц на семью по 4—6 четвериков муки ржаной, двум вдовам по 3 четверика. Всего 5 четв. 2 четверика. Застольные 5 чел. получали в день по хлебу с четвериком.

Крестьяне в имении (43 двора) работали на барщинных полях и отдавали продуктовый оброк.

По 2—3 горницы отмечено в усадьбах Алексинского, Данковского, Елецкого, Ефремовского, Тамбовского, Чернского уездов. В двух горницах данковского двора располагались жилые покои: передняя (в пяти окнах окончины слюдяные), крестовая (2 окна), спальня (2 окна с окончинами стеклянными и одно слюдяное) и еще помещение (3 окна) с хрустальной и стеклянной посудой. Везде устроены печи «колужского дела». На тамбовском дворе стояли 3 горницы на глухих подклетах, от первой к другой проходные сени. Печи «изращатые» зеленые поставлены в передней и задней горницах, а в «середней» их не было. В первой усадьбе перечислено 28 дворовых м.п., во второй 25.

Жилыми постройками и убранством выделялась усадьба Селезнево в Заушском стане Тульского уезда[31]. Только в ней наряду с деревянными хоромами (3 горницы и 2 комнаты и еще комната между ними) владельцем были возведены каменные палаты. Это уникальное явление в усадебном строении[32]. Палаты состояли из двух помещений на первом этаже и пяти на втором. Первый этаж использовался для хранения части имущества (вино, соль, железо, железные котлы и таганы). На верхнем этаже отмечены крытые тесом по-польски крестовая палата (возможно, она использовалась и как рабочее место владельца, и как гостиная), прихожая палата, спальня. Во всех палатах печи ценинные и кафельные, семь икон, одна в серебряном окладе, другие в черных рамах и рамках золоченых, в том числе «за стеклом», картины большие, средние и малые (в том числе государева персона, «описание Астрадама, описание Лондона, глобус, описание ветров, описание острогамское ж, описание аглицких провинцый, описание голанских провинцый, описание флота морского» и др.), мебель столярной работы и заморская посуда, в том числе хрустальная. В окна вставлены стеклянные окончины с деревянными затворами. В них железные решетки «стоячие прутовые». В палатах отмечены двери столярные[33].

[31] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 165—167.

[32] На господском дворе «каменные полаты и деревянное хоромное строение» отмечены лишь в усадьбе Никитино Алексинского уезда стольника Леонтия Семеновича Шешкина (1711 г.) (Материалы... С. 15).

[33] О столярных и плотницких дверях см.: *Тыдман Л. В.* Изба. Дом. Дворец. М., 2000. С. 182—186, 318.

Средние и мелкие имения в первой четверти XVIII в.

Средние имения

Помещичьих имений с числом крестьян м.п. от 20 до 100, по которым имеются перечни дворов с населением и хозяйством, насчитывается 20. В черноземных имениях располагались 18 имений, в черноземных два. В десяти имениях крестьяне отбывали барщину, да еще в двух отработочная рента дополнялась натуральной. Оброчных вотчин две. В большинстве владений (14) отмечено по 20—39 чел. м.п., в четырех по 40—50 чел. Свыше 50 чел. значилось в двух имениях. Владельцев имений 19. Усадьбы описаны в десяти имениях(см. Перечень).

Усадьбы владельцев средних имений уступали господским дворам в крупных вотчинах по числу жилых помещений. Однако жилые хоромы часто также представляли собой связанные сенями ряд покоев. К ним иногда пристраивались бани. Так, в описании *брянской усадьбы Евстрата Львовича Мясоедова* указано на «свясь» хоромного строения: светлица белая двойная, «во оной же связи сени», а против них изба черная. В светлицах печи кафельные зеленые. Во *владимирской усадьбе Федора Владимировича Безобразова* стояла светлица на глухом подклете, соединенная сенями с горницей на жилом подклете.

Жилье князя Бориса Мещерского в каширской усадьбе состояло из четырех горниц (двух белых и двух черных) на подклетах, а между ними были сени. Одна из горниц названа крестовой, в ней 20 икон. В *тульской усадьбе Нефеда Ивашкина* отмечены три горницы («меж горниц сени») и повалуша.

То же наблюдается в *подмосковных усадьбах*. В *усадьбе Пестриково Бохова стана Ивана Васильевича Кожина* (1705 г.) поземные хоромы состояли из четырех жилых помещений и мыльни, связанных сенями с чуланами. В крестовой отмечен иконостас (11 икон) да «ковчег писаной, где ставят крест», а также в рамах «распятие Господне, да Деисус», стол дубовый, «шапошник, где ставят женские шапки», ящик и скрыня с деревенскими письмами. В «другом житье, где была спальня», образ Богородицы, «да на холсте ж писаных 5 персон», часы песочные, поставец со стеклянной и хрустальной посудой (стаканы, рюмки). На дворе были изба приказчика, поварня с избой поваренной, ледник, две конюшни, сарай, а в нем возок и «полукоретье». По обе стороны двора два сада «яблонных». На скотном дворе в избе жил садовник с детьми. У него корова, телица, 3 овцы, 3 свиньи. В другой избе — скотница с сыном, и у нее корова, телица, 3 овцы, 3 свиньи. В третьей — конюх (2 коровы, теленок, 2 овцы, 2 свиньи). В четвертой деловой человек (2 коровы, 3 теленка, 4 овцы, 3 свиньи). Они и приказчик, у которого лошадь, корова, телушка, 6 овец, «живут на месячине». В месяц дается всем ржи 5 1/2 четв. На корм их скоту 2 четв. Господского скота и птицы немного: 3 лошади, 5 коров и 5 быков, 6 овец и баран, 10 свиней, 7 1/2 гнезда гусей и столько же уток, 3 гнезда кур индейских, 12 гнезд русских. В двух житницах хранилось зерно (60 четв. ржи, 100 четв. овса и др.).

В начале лета 1725 г. отобрали имения у *дьяка Василия Нестерова*. В Московском, Владимирском, Галичском, Ярославском, Муромском, Рязанском, Темниковском уездах отмечено около 100 крестьянских дворов. Усадьбы

находились в четырех владениях. *Подмосковная располагалась при сельце Леоново стана Воря и Корзенев.* В «помещиковом» дворе стояли на омшаниках три светлицы и спальня с двумя сенями. К светлицам пристроена баня с предбанником. Жилье крыто тесом. В нем 8 икон «на полотнах в рамах», месяцеслов годовой в раме, 10 разных картин в рамах. Из мебели 3 стола простые, 2 скамьи, 5 стульев, обитых кожей. Светлицы обогревались двумя печами «изращатыми». В саду росли 33 яблони. В людской избе жил приказчик с семьей. Семья скотника проживала на скотном дворе. Всего дворовых 4 чел. м.п. и 4 чел. ж.п. Отмечен и конюшенный двор. У приказчика и скотника был собственный скот. У первого лошадь, у второго 2 коровы, 2 подтелка, 5 овец, 6 кур. Господского скота и птицы было мало: 5 коров и 2 подтелка, 9 овец, 2 гнезда гусей китайских и 2 гнезда гусей русских. В двух прудах, один из них копаный, разводили карасей.

В подворном описании указаны жители об.п. без отметок о возрасте и поголовье скота и птицы. В семи семьях (в одном дворе проживали в своих избах 2 чел.) значилось 45 чел. об.п., в том числе 22 чел. м.п.

Крестьяне отбывали барщину. По сказке приказчика и старосты посеяно ржи 15 четв. на 7 $^1/_2$ дес., овса 15 $^1/_2$ четв., жита 5 четв., пшеницы 2 четв., гороха 4 четверика, льна 2 $^1/_2$ четверика, конопли 3 четверика. В среднем на двор приходилось в озимом поле 1,1 дес., на чел. м.п. 0,4 дес. Норма барщины высокая.

Показательно описание 1719 г. *усадьбы Анненское Якова Ивановича Лопухина* в барщинном имении *Великолуцкого уезда.* В нем наблюдается стремление владельца к возведению новых построек. В усадьбе стояли горница с комнатой и горница белая, а между ними сени. В горницах 9 икон «на красках», «крест благословящий на красках же», 11 картин больших и малых, шкаф, 4 стола, ширмы, посуда оловянная, стеклянная, хрустальная. Владелец начал ставить «хоромы новые». Они еще не были отделаны полностью. «В одной связи» устроены «12 перерубов» с чердаком наверху, крытых тесом. В другой *усадьбе Высокое* «в одной связи» две горницы и при них две каморки и сени с чуланом и чердаком (на чердаке «прялка швецкая»). В горницах и каморке 3 печи «муравленые», 13 икон, 14 картин больших и малых. Отдельно поставлены еще две горницы, соединенные сенями[34].

Мелкие имения

Мелкопоместных владений с крестьянами м.п. до 20 чел., в описаниях которых приведены сведения о крестьянских дворах, оказалось 16. Ими владели 14 помещиков. Их описания относятся к 1700—1725 гг. Почти все они располагались в Нечерноземье. В большинстве имений (10) крестьяне находились на барщине. Только в одном крестьяне вносили денежный оброк. В 14 имениях число дворов крепостных не превышало четырех (в том числе в четырех владениях отмечено по одному двору). Всего в имениях 54 крестьянских двора — 181 чел. м.п. В среднем на двор 3,3 чел. (см. Перечень).

[34] Материалы... С. 169—171.

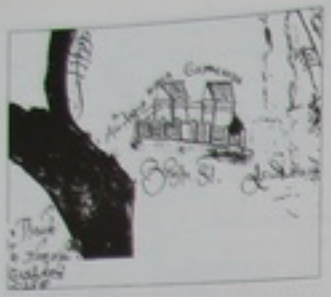
Усадьбы Ивана Леонтьева сына Нефедьева при деревне Шараповская и Григория Михайлова сына Скворцова при деревне Титовская Торопецкого уезда. Чертеж. 1679. (РГАДА).

Усадьбы Ивана и Степана Полибиных при деревне Величко и Михаила Саввина сына Голенищева при сельце Федоровское, Федюковское тож Торопецкого уезда. Чертеж. 1679. (РГАДА).

Усадьба Угрима Санникова при сельце Головино Переславль-Залесского уезда. Чертеж. 1681. (РГАДА).

Усадьба Алферовская Андрея Коробова Шацкого уезда. Чертеж. 1681. (РГАДА. Публикуется впервые).

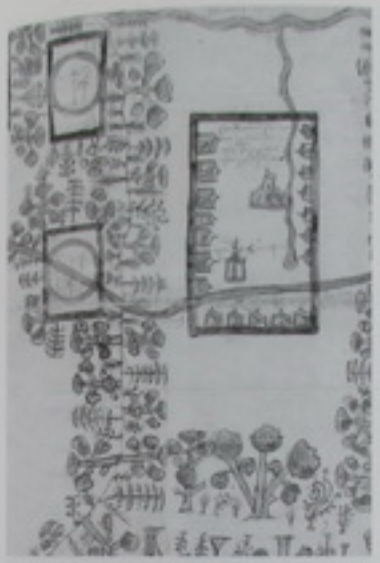
Усадьба Бориса Протопова при пустоши Топорково и плотина на реке Черной в Московском уезде. Чертеж. 1688. (РГАДА).



Усадьба дьяка Марка Бажанова при селе Андрианово Дмитровского уезда. Чертеж. 1680–1690-е гг. (РГАДА).

Усадьба Покровская окольничего Родиона Матвеевича Стрешнева Московского уезда. Чертеж. 1680-е гг. (РГАДА. Публикуется впервые).

Усадьба Куркино боярыни княгини Настасьи Львовны Воротынской, усадьба Гавриловка Никиты Боркова, усадьба Леонтьевых Московского уезда. Чертеж. 1695. (РГАДА).



Усадьба Лучинская стольника князя Григория Федорова сына Долгорукова Юрьев-Польского уезда. Чертеж. Конец XVII – начало XVIII в. (РГАДА. Публикуется впервые).

Селения на пути от Пскова до Москвы. Фрагменты рисунков из альбома А. Мейерберга. 1661.

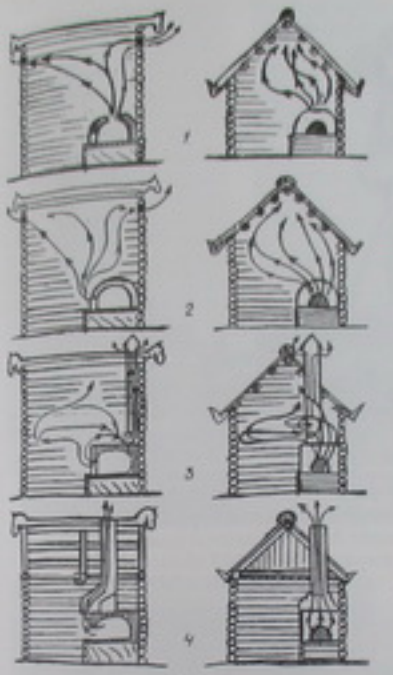
Сельскохозяйственные орудия: 1) плуг; 2) соха; 3) косуля; 4) борона. XVII–XVIII вв.

Боярыня с детьми и гуслером в тереме. Миниатюра из книги «Лекарство душевное». XVII в.

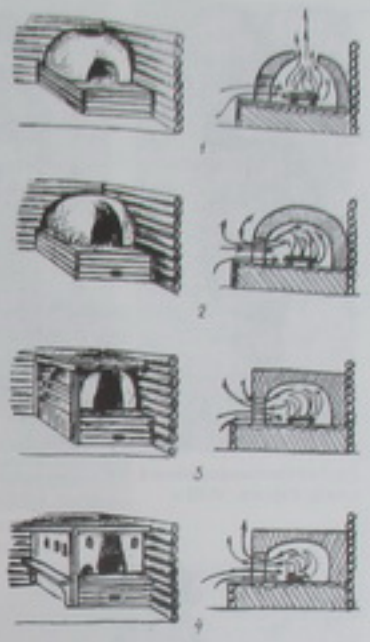
Русская баня. Миниатюра из книги «Лекарство душевное». XVII в.

Внутренний вид крестьянской избы. Гравюра с рисунка Ж.-Б. Лепренса. 1768.

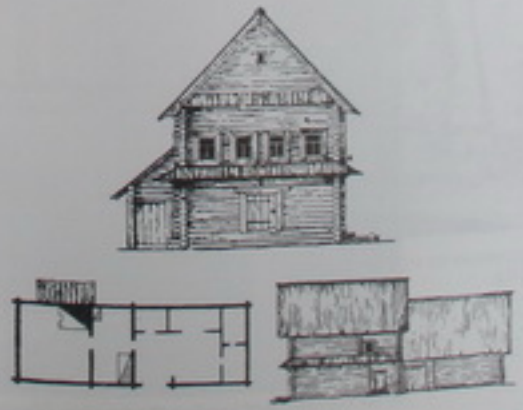
Молотьба. Миниатюра из рукописи. XVIII в. (ГИМ).



Эволюция отопительной системы крестьянской избы в XVIII в. Реконструкция Г. Г. Громова.



Эволюция печи в избе XVIII в. Реконструкция Г. Г. Громова.



Крестьянский дом на подклете. XVIII в. Реконструкция.

Русский крестьянин в зимней одежде. Рисунок. XVIII в.

Русский крестьянин в летней одежде. Рисунок. XVIII в.

Девичий крестьянский костюм. Рисунок. XVIII в.

Крестьянин, уходящий на заработки. Гравюра. Конец XVIII в.

Церковь в селе Марфино Московского уезда. Крепостной архитектор В. И. Белозеров. 1707. Современная фотография.

Церковь Богородицы и господский дом Михаила Гавриловича Головкина в усадьбе Сафарино Московского уезда. Рисунок. Середина XVIII в. (ГИМ).

Комната с камином в усадьбе Сафарино Московского уезда. Рисунок. Середина XVIII в. (ГИМ).

Василий Никитич Татищев. Гравюра А. А. Осипова. XVIII в.

Полиевкт изразец. Начало XVIII в. (ГИМ).

Петр Иванович Рычков. Гравюра А. А. Осипова. 1801.

Андрей Тимофеевич Болотов. Автопортрет в кабинете. 1789. Гравюра Л. С. Серякова по рисунку А. Т. Болотова.

Помещик и крестьяне его имения. Гравюра из книги А. Т. Болотова «Деревенское зеркало». 1798.

Помещик на барщинных работах Гравюра из книги А. Т. Болотова «Деревенское зеркало». 1798.

Заболевший помещик в спальне усадебного дома. Гравюра из книги А. Т. Болотова «Деревенское зеркало». 1798.

Выпечка хлеба в усадебном доме. Гравюра из книги А. Т. Болотова «Деревенское зеркало». 1798.

Отъезд помещика из имения. Гравюра из книги А. Т. Болотова «Деревенское зеркало». 1798.

Наказание крестьянина батогами в присутствии помещика. Гравюра Х. Г. Гейслера. Конец XVIII в.

Портрет Григория Дмитриевича Строганова. Художник Р. Н. Никитин. До 1715 г.

Портрет Прокофия Акинфиевича Демидова. Художник Д. Г. Левицкий. 1773.

Портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной с детьми Александрой и Татьяной. Неизв. художник. 1710-е гг.

Портрет Ивана Ивановича Скородумова. Художник Г. И. Скородумов. Конец XVIII в.

Дама в распашном платье-кунтуше. Деталь росписи шкафа. 1730–1740-е гг.

Гавриил Иванович Скородумов. Автопортрет. Конец XVIII в.

Усадьба Кусково. «Увеселительный дом». Чертеж крепостного графа П. Б. Шереметева архитектора А. Миронова. 1782.

Китайская беседка в саду усадьбы Надеждино. Гравюра В. Иванова по рисунку В. Причетникова. 1780–1790-е гг. (ГИМ).

Храм Дружбы в саду усадьбы Надеждино. Гравюра И. Ческого по рисунку В. Причетникова. 1780–1790-е гг. (ГИМ).

Храм Истины в саду усадьбы Надеждино. Гравюра И. Ческого по рисунку В. Причетникова. 1780–1790-е гг. (ГИМ).

Храм Славы в саду усадьбы Надеждино. Гравюра А. Березникова по рисунку В. Причетникова. 1780–1790-е гг. (ГИМ).

Вид села Кимры. Неизв. художник. 1770.

В восьми имениях не отмечено дворянских усадеб. В других хоромное строение состояло из изб, иногда черных. Ни светлицы, ни горницы не указаны.

В епифанском имении наборщика Федора Павлова (1715 г.) в одной усадьбе стояли 3 избы и амбар. Скотный двор с двух сторон был огорожен плетнем, с двух других сараями. Во второй усадьбе поставлены 5 изб, 5 клетей, конюшня. В избах проживали приказчик и дворовые люди (26 чел. об.п.). У них свой скот и птица. К каждой усадьбе отнесено по одному крестьянскому двору (6 чел. м.п., 6 чел. ж.п.). В «помещиковых» дворах проживали приказчик с семьей (3 чел. м.п., 2 чел. ж.п.) и дворовые люди (10 чел. м.п., 11 чел. ж.п.). Дворовые имели собственный скот. Сравнение поголовья людского и крестьянского скота оказывается в пользу первого. У крестьян 6 лошадей, у дворовых 10. Средняя на чел. м.п. одинакова (1,0). Однако у дворовых 6 коров, а у крестьян их совсем не было. Крестьяне имели 14 овец, дворовые 36 (средние 2,3 и 3,6). Свиней у крестьян 7, у дворовых 21 (средние 1,2 и 2,1). В крестьянских избах 3 гуся и 10 кур русских. У дворовых 15 гусей, 6 кур индейских и 20 русских.

В брянском имении прапорщика Петербургского полка Ивана Алексеевича Астафьева на господском дворе стояли изба черная поземная с сенями, клеть, изба людская семейная. В последней жил дворовый человек с женой, двумя сыновьями и дочерью, и еще один мужчина, видимо, одинокий. Семья имела 3 лошади, корову с подтелком, 3 овцы, свинью. В крестьянском дворе жил вдовец с тремя сыновьями (старший с женой). Скота у них было меньше: лошадь, 2 овцы, 3 свиньи.

Итоговые положения и показатели

В первой четверти XVIII в. усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками являлись, как и в прежнем столетии, важными составными большинства крупных дворянских владений. Преобладали деревянные строения. Сведения о каменных палатах встречаются очень редко. Примечательно, что они возведены в отдаленных от Москвы уездах.

Основными жилыми постройками являлись белые горницы и светлицы. Они были поземными или ставились на подклетах, реже на омшаниках. Среди жилых покоев названы прихожая, передняя, крестовая, спальня. Черные горницы, видимо, без печей, встречаются реже. Характерной чертой была связанность жилых покоев сенями под одной общей кровлей; могло быть и несколько крыш. Проходные сени соединяли горницы и светлицы между собой. Имеются случаи пристройки к хоромам бани (мыльни). Можно думать, что белые бани возводились с печами и печными трубами. Кровли были тесовыми, но отмечены покрытия гонтом и дранкой. Заметно стремление ставить печи кафельные и ценинные. В отличие от прошлого столетия окончины были стеклянными, меньше было слюдяных. Имеется запись о светлице, обитой холстом и побеленной (не указано, относится это к стенам или к потолку).

Владельцы средних имений стремились устраивать жилье по примеру крупных помещиков. Их хоромы тоже возводились в виде нескольких гор-

ниц и светлиц. Даже в отдаленных от Москвы уездах отмечалась богатая обстановка. Мебель была как плотницкой работы, так и столярной. В ее числе кровати, столы, «шкапы». Часть мебели расписана красками. В хоромах развешаны иконы на полотне в рамах и на холсте. Покои украшаются картинами и гравюрами в рамах и без рам, зеркалами, коврами, видимо, иностранными, часами песочными. В корьев-польской усадьбе И.В. Отяева стояли «клевикорты». Из-за рубежа поступала посуда хрустальная, медная и оловянная.

Обычными для усадебного хозяйства являлись конюшенные, скотные, житные дворы. Реже упоминаются псарные дворы. Имеется запись о поварне с поваренной избой. Отмечены овощные огороды, сады, ульи с пчелами, рыбные пруды. В некоторых имениях устраивались винокуренные «заводы», иногда с немалым числом построек. Изредка упоминаются избы столярные и ткацкие, кирпичные сараи и обжигальные известковые печи.

В отличие от усадебных строений традиционный набор построек крестьянского двора невелик — изба, клеть, баня, сарай, амбар, погреб, конюшня, хлев, гумно. Дворы с двумя-тремя избами встречаются редко[1]. Только в одном имении упомянуты крестьянские сады. Показательно, что они отмечены в восьми дворах из 19.

В господских повинностях превалировала барщина. Отмечены случаи увеличения барщинных полей в каширском и пензенском имениях П. П. Шафирова. Г. Г. Скорняков-Писарев в пензенском имении денежный оброк заменил барщиной.

Сравним данные о полевой барщине. Ее размеры указаны для десяти крупных имений. Учитывая, что показания давались в десятинах и в четвертях, что нормы посева на десятину оказывались различными, что поля под озимой рожью и яровыми не всегда были равными, приводим средние нормы на двор и на человека м.п. только для озимого клина. На двор приходилось в озимом поле от 0,2 до 2,2 дес., на чел. м.п. от 0,5 до 0,2 дес.:

Показатели на двор	Число имений	Показатели на чел. м.п.	Число имений
0,2	1	0,05 дес.	1
0,3	1	0,1	3
0,4	1	0,2	6
0,5	1		
0,7	3		
1,0	1		
1,2	1		
2,2	1		

Самые низкие нормы (0,2 дес. на двор, 0,05 дес. на чел. м.п.) выведены по Жерновской волости Каширского уезда, где в 1716 г. основной повин-

[1] Если судить по переписи дворов в касимовском имении царевича, то в особых избах проживали в основном не родные братья дворохозяина, а его двоюродные братья и племянники.

Табл.2.52

Семейное состояние крестьянских дворов в крупных имениях первой четверти XVIII в.*

Группа дворов	Всего семей		Малые семьи		Неразделенные семьи			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	в том числе	
							отцовские	братские
1	239	100,0	215	90,0	24	10,0	19	5
2	237	100,0	34	14,3	203	85,7	117	86
3	133	100,0	9	6,8	124	93,2	67	57
4	53	100,0	–	–	53	100,0	21	32
Всего	662	100,0	258	39,0	404	61,0	224	180

* Данные по 8-ми имениям.

ностью являлся денежный оброк. Средние дворовые менее 1 дес. (0,3—0,7) выведены для шести имений, выше 1 дес. (1,0—2,2) — для трех. Обычными нормами на чел. м.п. являлись 0,2—0,3.

Сумма дворовых средних 7,9 дес. Общая средняя 0,8 дес. Выше общей средней показатели по трем имениям, ниже — по семи.

Нормы оброка выводятся по трем крупным имениям. В рязанском имении Шафирова на двор приходится 1 руб. 30 алт., то есть почти 2 руб. По Жерновской волости Шафирова норма почти 4,5 руб., в селениях касимовского царевича 3 руб., 4 руб., 5 руб., 5,3 руб. В целом можно принять за обычный показатель 4—5 руб. на двор.

Человеческие ресурсы крестьянских дворов, структура и состав проживавших в них семей оказывались тесно связанными между собой. Количество и состав семей устанавливается по восьми крупным имениям (*см. табл. 2.52*). Всего в них отмечено 662 семьи, в том числе 258 малых (39 %) и 404 неразделенных (61 %). Среди неразделенных 224 отцовских и 180 братских. Первых больше в 1,2 раза.

Малые семьи преобладали во дворах первой группы (90 %). Уже во второй группе их более чем в 6 раз меньше. Их очень мало (9) в третьей и совсем нет в четвертой.

Неразделенных семей больше всего во второй группе (203 — 85,7 % от общей групповой численности). Они преобладали в третьей (93,2 %, а на долю малых приходится лишь 6,8 %). В четвертой группе отмечены только неразделенные семьи. А в первой группе отцовские и братские составляют одну десятую часть.

Распределение неразделенных семей по группам свидетельствует о скудных трудовых возможностях дворов первой, о возрастании числа рабочих рук от второй к четвертой группе.

Для первой четверти XVIII в. можно говорить о явном преобладании неразделенных семей. Все же надо учитывать, что при подворном обложении, до установления подушной подати, неразделенных семей в помещичьих владениях, естественно, оказывалось больше. Дворяне даже прибегали к объединению в одном дворе семей не родственных или дальнего родства.

Табл.№ 2.53

Демографическое состояние крестьянских дворов в крупных имениях первой четверти XVIII века[*]

Группа дворов	Дворы (14 имений)		Крестьяне м.п. (14 имений)			Взрослые м.п.(11 имений)[**]		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор
1	362	39,6	979	27,1	2,7	325	20,0	1,0
2	320	35,0	1255	34,8	3,9	553	34,0	2,0
3	177	19,3	916	25,4	5,2	488	30,0	3,0
4	56	6,1	458	12,7	8,2	260	16,0	4,6
Всего	915	100,0	3608	100,0	3,9	1626[***]	100	1,8

* Без имения касимовского царевича в Касимовском уезде.
** Без имений Волконского Я.Ю., Травина П.И., Шаховского И.Ф.
*** В 788 дворах.

О населенности крестьянских дворов по 14 имениям (без учета владения касимовского царевича) см. *табл № 2.53*. В 915 дворах проживало 3608 чел. м.п. (в среднем на двор 3,9). Средняя по имениям от 3,1 до 5,4:

3,1 чел.	2 имения
3,3	1
3,4	11
3,5	1
4,0	4
4,2	1
4,9	1
5,3	1
5,4	2

Сумма средних 57,6. Общая средняя — 4,1 чел. Ниже ее показатели по девяти имениям, выше — по пяти.

Сложно вывести для 14 крупных имений соотношение дворов по принятым 3—4 группам в зависимости от числа взрослых м.п., так как не всегда в описаниях приведен возраст крестьян м.п. По имению касимовского царевича разделение дворов по группам не удается.

По трем имениям 1700—1705 гг. Я. Ю. Волконского, П. И. Травина, И. Ф. Шаховского группировка дана по площади озимой ржи. Доли групп таковы:

1-я	52,8 %	50 %	41,2 %
2-я	33,3 %	32,5 %	45,1 %
3-я	13,9 %	17,5 %	13,7 %

Как видно, показатели порой близки. Разрыв обозначается по одному показателю первой группы (41 %), по одному второй (45,1 %), по одному третьей (17,5 %).

Численность дворов в трех владениях 127. В первой группе 60 (47,2 %), во второй 48 (37,8 %), в третьей 19 (15,0 %), т. е. в первой — почти половина, во второй — более трети, в третьей — одна пятая часть всех дворов.

Для пяти имений (Н. Т. Ржевского, П. П. Шафирова в Рязанском уезде, А. Г. Ратманова, В. П. Зиновьева, Ф. М. Безобразова) группы выделены по числу женатых и вдовцов. В трех имениях — 4 группы, в двух — 3. Процентные соотношения следующие:

1-я	55,8	21,2	58,6	35,0	20,0
2-я	20,9	36,5	27,6	35,0	45,0
3-я	23,3	23,0	13,8	20,0	25,0
4-я	—	19,3	—	10,0	10,0

Разброс показателей очевиден. По первой группе — от 20,0 до 58,6 %; по второй — от 20,9 до 45,0; по третьей — от 13,8 до 25,0; по четвертой — от 10,0 до 19,3 %.

Обратимся к численности дворов по всем пяти имениям (205). Первая группа 78 (38,0 %), вторая 66 (32,2 %), третья 43 (21,0 %), четвертая 18 (8,8 %). И количество дворов, и их доли последовательно снижаются.

Последняя часть имений с группировкой по числу работников м.п. (15—65 лет). Их шесть — С. Р. Пожарского, П. П. Шафирова (в Каширском и Пензенском уездах), Г. Г. Скорнякова-Писарева, В. Ф. Стремоухова, И. Отяева. В пяти — 4 группы, в одном — 3. Вот процентное соотношение дворов в группах:

1-я	40,7	34,7	45,0	48,0	22,9	15,8
2-я	33,3	39,1	35,0	32,0	31,1	31,6
3-я	20,4	19,0	16,8	20,0	24,6	42,8
4-я	5,6	7,2	3,2	—	21,4	10,5

Показатели первой от 15,8 до 48,0 %; второй — от 31,1 до 39,1; третьей — от 16,8 до 42,1; четвертой — от 3,2 до 21,4 %. Кроме второй группы, разрыв велик.

Количественные значения групп: первая — 224 двора (38,4 %), вторая — 206 (35,3 %), третья — 115 (19,8 %), четвертая — 38 (6,5 %). Всего 583 двора. Снижение показателей и долей очевидно.

Представим долевые показатели (%) по группам для всех 14 имений:

	3 имения (127 дворов)	5 имений (205 дворов)	6 имений (583 двора)
1-я	47,2	38,0	38,4
2-я	37,8	32,2	35,3
3-я	15,0	21,0	19,8
4-я	—	8,8	6,5

Для дворов первой группы расхождение между крайними показателями около 9 %, для дворов второй — около 5 %, для дворов третьей — 6 %, для дворов четвертой — 2,3 %.

В сравнении с прежними подсчетами можно говорить о сближении показателей. Разрыв между ними не более 9 %.

Обратимся к *табл. № 2.53*, которая позволяет представить соотношения по группам числа дворов, численности крестьян м.п. и взрослых м.п. в 14 крупных имениях. Большая часть из 915 дворов (362 — 39,6 %) вошла в первую группу. Несколько меньше дворов во второй группе (320 — 35,0 %). В 2 раза меньше дворов в третьей группе (177 — 19,3 %), более чем в 6 раз меньше (56 — 6,1 %) в четвертой.

По числу крестьян м.п. доля первой заметно снижается (27,1 %), второй — остается такой же (31,8 %), возрастает доля третьей (25,4 %) и четвертой (12,7 %). Средний показатель числа людей м.п. наименьший в первой группе (2,7). Показатель второй группы совпадает с общим для всех 915 дворов. Показатели третьей выше, чем в первой, почти в 2 раза (5,2), четвертой — выше в 3 раза. Как видно, населенность дворов первой группы оказалась на самом низком уровне. Несколько лучше положение во второй группе.

Еще более наглядны показатели взрослых м.п., работников в возрасте 15—65 лет. Их доля самая низкая в четвертой группе. Однако здесь средняя на двор составляет 4,6 чел. Это выше, чем в первой (1,0), во второй (2,0) и в третьей (3,0). Средний показатель для всех дворов 11 имений 1,8 чел.

Таким образом, о достаточном наличии людей м.п., и работников м.п. можно говорить лишь относительно дворов третьей и четвертой групп. А они вместе составляли лишь четвертую часть (25,4 %) от общей дворовой численности.

Сведения о крестьянском животноводстве (лошади, коровы, овцы) приведены в описаниях всех 15 крупных имений (см. *табл. № 2.54*). Данные о свином поголовье отсутствуют по одному имению. О козах они записаны только по четырем имениям, о курах — по девяти.

Среди средних дворовых конского поголовья показатель 1,8 встречается по трем имениям; 5,0 — по двум. Общий показатель — 2,7. Душевые показатели более компактны: 0,2 — в 2 имениях, 0,6 — в четырех, 0,7 — в двух, 0,9 — в двух.

Из дворовых средних по коровьему поголовью 1,6 и 1,7 выводятся по 2 раза. Чаще повторяются душевые (0,2 — 2 раза, 0,3 — 4 раза, 0,4 — 2 раза, 0,5 — 3 раза, 0,7 — 3 раза).

Сведения о крестьянских посевах встречаются не всегда (см. *табл. № 2.55*). Чаще переписчики приводили данные о высеве ржи озимой (11 имений), о высеве яровых реже (овес — 6 имений, греча — 5, пшеница — 3, просо — 2, ячмень — 1, горох — 1, лен — 1, конопля — 2). Общие средние для ржи на двор 17,4 четверика, на чел. 4,2, для овса 11,6 и 2,7, для гречи 7,6 и 1,7, для пшеницы 1,6 и 0,3. Как видно, посевы пшеницы по площади были незначительными.

Реже приводятся сведения о дворовых постройках, о запасах зерна в крестьянских дворах (3 имения), о заготовке сена (2).

Обратимся к средним имениям.

В подворных описях 1703—1708 гг. приведены перечни людей только м.п.

Табл.№ 2.54

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в крупных имениях первой четверти XVIII века (в числителе- на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по имениям от... до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	15	0,8-5,0 / 0,2-1,1	41,9 / 9,2	2,7 / 0,6	8 / 5	7 / 10
Коровье	15	0,7-4,9 / 0,2-1,2	31,3 / 7,2	2,0 / 0,4	9 / 6	6 / 9
Козье	4	0,6-2,4 / 0,1-0,4	5,5 / 1,0	1,3 / 0,2	2 / 1	2 / 3
Овечье	15	1,7-12,9 / 0,4-2,4	83,7 / 18,4	5,5 / 1,2	9 / 7	6 / 8
Свиное	14	0,5-7,2 / 0,1-1,3	41,7 / 9,0	2,9 / 0,6	8 / 6	6 / 8
Кур русских	9	2,1-16,0 / 0,2-3,0	79,0 / 17,3	8,7 / 1,9	5 / 3	4 / 6

Табл. № 2.55

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в крупных имениях первой четверти XVIII века (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	11	6,9-34,2 / 1,7-9,9	192,1 / 46,4	17,4 / 4,2	6 / 7	5 / 4
овес	6	5,2-18,3 / 1,6-3,6	69,6 / 16,5	11,6 / 2,7	3 / 3	3 / 3
греча	5	1,6-10,7 / 0,5-2,5	38,0 / 8,9	7,6 / 1,7	2 / 2	3 / 3
пшеница	3	0,5-2,5 / 0,1-0,6	5,0 / 1,1	1,6 / 0,3	1 / 1	2 / 2
просо	2	0,7-2,5 / 0,2-0,6				
конопля	2	2,1-4,5 / 0,4-0,8				
ячмень	1	0,8 / 0,1				
горох	1	1,0 / 0,2				
лен	1	3,6 / 0,9				

Табл. № 2.56

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в средних имениях первой четверти XVIII века (в числителе - на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по имениям от...-до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	20	1,0-3,4 / 0,3-0,9	35,3 / 10,9	1,7 / 0,5	5 / 4	15 / 16
Коровье	20	0,6-3,9 / 0,2-1,4	48,2 / 13,6	2,4 / 0,6	10 / 8	10 / 12
Козье	1	1,7 / 0,3				
Овечье	20	1,6-7,0 / 0,3-3,1	85,9 / 22,7	4,2 / 1,1	12 / 8	8 / 12
Свиное	13	1,0-3,2 / 0,4-0,9	27,6 / 7,1	2,1 / 0,5	7 / 3	6 / 10
Кур русских	14	2,9-17,6 / 0,7-3,4	112,6 / 27,9	8,0 / 1,9	8 / 7	6 / 7

Табл. № 2.57

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в средних имениях в первой четверти XVIII века (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	12	5,0-38,8 / 1,4-14,0	197,4 / 59,0	16,4 / 4,9	7 / 9	5 / 3
овес	2	11,5-12,4 / 3,2-3,6				

С 1711 г. перечисляется население об.п. Однако возраст каждого проставлен лишь в описи одного имения Скорнякова-Писарева (сельцо Вересково).

Во всех подворных описях средних имений указано поголовье лошадей, коров и овец. О козах говорится только в одном описании. Свиньи значатся в 13, куры в 11. По 12 имениям приведен высев ржи озимой, но о посеве яровых говорится только в двух описаниях (посев овса — два имения, остальные — в одном). Запасы зерна обозначены в 7 имениях, но далеко не по всем дворам. Хлеб необмолоченный дан только в двух описаниях. Сено в стогах обозначено лишь в одной описи. Хозяйственный инвентарь (плуги, косы, серпы) указан также в одной описи.

Всего в 20 средних имениях в 208 дворах проживало 723 крестьянина м.п. (в среднем на двор 3,5 чел.). По имениям сумма средних 71,3, общая средняя 3,6. В восьми имениях средние ниже общей, в 12 — выше. По восьми имениям средние (2,4; 3,4; 3,6; 5,7) встречаются дважды, а показатель 3,7 выводится по трем владениям.

Средние по конскому, коровьему и овечьему поголовью выведены для всех 20 имений, по свиному — для 13, по курам — для 14. Средняя по козьему поголовью дана по одному имению (*см. табл.№ 2.56*).

Имеются совпадающие показатели. По лошадям на двор 1,5 (2 имения), 1,7 (2), 1,8 (3), 2,2 (2), 2,7 (2). На чел. м.п. их больше: 0,4 (3), 0,5 (8), 0,6 (5). Для коров на двор 1,7 (3 имения), 3,0 (2). На чел. м.п. 0,3 (2), 0,5 (2), 0,7 (4), 0,8 (2). Для овец 3,3 (2), 5,0 (2). Душевые средние: 0,9 (3), 1,1 (4), 1,3 (2), 1,4 (2). Для свиней 1,5 (2), 3,0 (2), 3,2 (2). Душевые 0,4 (3), 0,5 (5), 0,6 (3). Для кур совпадающие показатели на двор 7,5 (2), на чел. м.п. их немало: 1,1 (2), 1,3 (2), 2,3 (2), 2,6 (2), 3,3 (2).

Средние данные по посевам зерновых имеются только по ржи (*табл. № 2.57*). Для 12 имений общие средние на двор 16,4, на чел. м.п. 4,9. По овсу показатели можно вычислить только для двух имений (1,5 и 12,4 на двор; 3,2 и 3,6 на чел.). По другим яровым имеются данные на одно владение: пшеница — 0,9 и 0,2; горох — 0,6 и 0,2; лен — 0,7 и 0,2; конопля — 1,6 и 0,4.

Глава 3

Помещичьи имения в 30–50 гг. XVIII в.

За 1730–1750-е гг. из дел фонда Канцелярии конфискации извлечены описания десяти крупных имений помещиков. Все они с усадьбами. Описанных средних имений оказалось пять (четыре с усадьбами). Мелких владений семь, и только в трех располагались господские дворы (см. Перечень).

Крупные имения (40–50-е гг. XVIII в.)

Перечень открывается конфискованными в 1741 г. имениями вице-канцлера графа Михаила Гавриловича Головкина, отказавшегося вместе с генерал-адмиралом графом Андреем Ивановичем Остерманом признать захват трона Елизаветой Петровной. В делах Канцелярии конфискации сохранились оформившие переход в казну описания только одного рязанского имения Остермана (по нему нет подворного описания крестьян) и восьми владений Головкина в шести уездах за время с декабря 1741 г. до марта 1742 г. В этих книгах переписаны «помещиковы» дворы и иные строения, а по трем имениям Головкина (подмосковные Сафарино и Тарычево и зарайское Клишино) составлены и подворные описи крепостного населения[1].

Описания семи имений шести помещиков относятся к 1750-м гг. По численности крепостных выделялись имения шталмейстера барона Василия Петровича Поспелова, статского советника Богдана Ивановича Пассека, президента Берг-коллегии генерал-майора Антона Федоровича Томилова. В них насчитывалось от 600 до 1500 крестьян м.п.

Крупные имения указанного периода располагались в нечерноземных уездах (Московский, Зарайский, Костромской, Нижегородский, Шацкий, Медынский, Смоленский). Их семь. В черноземных уездах (Пензенский, Тульский, Тамбовский) находились три имения.

По повинностям чисто барщинных имений было немного (2). Больше оказалось владений (6), где барщина дополнялась денежным либо продуктовым оброком. Денежный оброк отмечен в двух имениях.

[1] *Алефиренко П. К.* Описная ведомость Канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. / Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 307–309.

Среди знатных землевладельцев и душевладельцев 1730-х гг. выделялся М. Г. Головкин стремлением создать многоотраслевое доходное хозяйство. Подобно А. Д. Меншикову, его предпринимательская деятельность охватывала огромную территорию. В 28 уездах располагались 47 имений, где насчитывалось 6790 крестьянских дворов, около 55 тыс. чел. об.п. Граф отличался заботливым отношением к усадьбам, среди которых особое место занимали подмосковные[2].

Самой благоустроенной из подмосковных Головкина была усадьба *Сафарино стана Радонеж и Бели Московского уезда*. Описные книги были составлены в феврале 1742 г. В июле того же года в связи с переходом имения в дворцовые владения было составлено новое описание, включившее перечень крестьянских дворов[3]. Имение было получено в 1736 г. в качестве приданого жены Екатерины Ивановны Ромодановской.

Владельцы выделяли немалые средства на постройку и содержание храмов. В селе Сафарино находилась каменная церковь во имя Одигитрии Богородицы Смоленской с каменной колокольней. Отмечено 5 колоколов весом 18 пуд. 20 ф., 8 пуд. 14 ф., 2 пуд. 20 ф., 1 пуд, полпуда. Поодаль, у большого пруда стояла новопостроенная, освященная в 1740 г. деревянная церковь (видимо, летняя). При этой церкви колокольня «зделана шпицом». Вес пяти колоколов 11 пуд. 20 ф., 8 пуд. 14 ф., 2 пуд. 20 ф., пуд и полпуда. Церкви и колокольни крыты тесом и выкрашены «краскою черленою». В одном церковном дворе жили поп и его сын дьякон с семьей, в другом — дьячок с женой, дочерью и матерью-просвирней[4].

В каменной церкви своды были каменными, «а сверх своду крыта лещелнем и жестью». Над алтарем и трапезой «сверх сводов покрыто для охранения от течи тесом». В трех ярусах храма насчитывалось 29 окон с ветхими окончинами слюдяными. Ветхие окончины «закрыты ставнями и росписаны те ставни наподобие окончин краскою».

В каменной церкви иконостас резной вызолоченный; в деревянной — гладкий, расписан зеленой краской «и выкладен дорожники золотные», и в деисусных двух поясах иконы старинные «переправленные вновь». Перед иконами лампады медные вызолоченные и подсвечники жестяные и деревянные резные. В алтарях на престолах Евангелия, обложенные бархатом с серебряными образами Спасителя и евангелистов, а также кресты благословящие серебряные и медные. На жертвенниках серебряные позолоченные

[2] *Алефиренко П. К.* Крупное вотчинное хозяйство гр. М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 144–145, 167.

[3] Описания подмосковного имения села Сафарино с деревнями Головкина хранятся в двух фондах РГАДА: Канцелярия конфискации (оп. 1. Ч. 1. Д. 1076) и Дворцового отдела (оп. 1. Д. 838). В первом фонде имеется копия с описных книг, составленная 5 февраля 1741 г. Она включает в себя опись только усадьбы. Во втором – в деле от 18 июля 1742 г. о приписке имения к дворцовым владениям находятся и второй экземпляр упомянутой февральской копии и «росписной список» крестьянских дворов.

[4] О церковной благотворительности помещиков в XVII–XVIII вв., в том числе М. Г. Головкина, см.: Дворянская и купеческая сельская усадьба в России... С. 106, 170–174.

и оловянные сосуды: ковши, чаши водосвятные, укропники, блюда серебряные и медные, кропило с хрустальной ручкой, купленное на церковные деньги в 1739 г. Отмечены в алтарях «малые» зеркала, одно в жестяной раме, другое — в «черной». В каменной церкви имелась ризница, и в обоих храмах были «трапезы».

Среди книг Апостолы, Служебники, Требники, Триоди посные и цветные, Евангелие толковое, Шестоднев, Минеи месячные, Псалтыри со следованием, Часослов, книга молебная «на всякия потребы» и ветхий букварь.

Напротив церкви располагался дом господский, состоявший из каменных палат, пяти верхних и трех нижних. Первая верхняя палата (покой) — столовая «называетца залла»[1]. В столовой «комин»[2], а в нем 2 розкошки железные, на которые кладутца дрова», «доски на простых козлах, на которые становятца питье». В верхней палате десять окон с окончинами стеклянными. Возле столовой спальня маленькая с двумя окошками (в них окончины стеклянные «зделаны в штабель подъемные»[3]), с камином и столиком круглым китайской работы. У этих покоев двое сеней с двумя окошками и муравленой круглой печью («сделана для красоты»). А еще имелись сени большие и нужник. Свод у переходов к сеням обвалился. Третья палата безымянная. Четвертая — большая спальня с тремя окошками. На стенах висели образ в черной раме, персона в круглой золотой раме, зеркало стенное в черной раме. Из мебели упомянуты стол аспидный (четырехугольный) с выдвижным ящиком, два кариона китайских, кресло, шестнадцать стульев, обитых бархатом, стол «на чем становятца питье» с хрустальной медной и деревянной посудой. В пятой палате три окошка и муравленая печь. В хоромы со двора вело крыльцо «всходец» каменное с перилами деревянными. Напротив сеней стояла кухарня с тремя окошками. В ней были очаг и печь над очагом, полок дубовый, «на котором кушанье отправляют». Хоромы крыты дранью, а поверх гонтом. Зимой палатные окна прикрывались ставнями, обитыми красным сукном[4].

В первой нижней палате жили приказчики, во второй — их люди, девишки и сторожа, в третьей «кладетца приказщиков скарб». Печи в палатах кирпичные.

У реки стояли две светлицы. У пруда «для брания воды сделана лесница» с перилами. По правую сторону лестницы устроено гульбище («выстлано тесом ветхим»).

Вблизи ворот помещичьего двора поставлена судебная изба. В ней «огорожено досками судебное место», отмечены «шкап, в котором письма кладутца», и 3 стола. Земский жил вне двора. В его светлице были 4 окна с окончинами стеклянными и печь изразцовая. При ней сени с чуланом, «башня» с погребом и «приделаны небольшой дворик для скота». Для старосты предназначалась изба у конюшенного двора.

При господском дворе разбит «яблоневой сад» с цветниками и с парниками. Огорожен забором с воротами створчатыми. У ворот светличка, где жил садовник. Там же отмечен «огород, в нем цветники». Ограда решетчатая. За «продажную росаду из саду» получено 15 коп.

Возле усадьбы построены «под линею» 13 светлиц «под одну крышку». В них размещалась суконная и каразейная фабрика на 28 станов со всеми принадлежностями. На господском дворе у ворот в избе жил ткач с дворовыми людьми. В сенях с четырьмя чуланами хранился «разный полотняный инструмент». Упомянута красильная палата. Фабричное оборудование находилось в казенной палате под каменным храмом и в погребе теплом под церковной трапезной, в двух амбарах осиновых, в «лавке» возле башни у светлицы земского. Две избы и сени построены «для харчевен». Очаг, «где варивали для работных людей харч», весь развалился.

У харчевенных изб находился прудок («верхняя сажелка») с рыбой. В нем отмечены караси, лини, щуки, окуни, плотва.

Для хранения зерновых продуктов построены амбар и три житницы малые. В них 11 сит, «что крупичетою муку делывали», 2 безмена — двухпудовый и пудовый, окованные железом деревянные осьмина, полуосьмина, четверик «за помещичьим клеймом».

На гумне стояли 3 овина и 2 сарая с соломой и мякиной.

В особом конюшенном дворе в избе жили конюхи. Из построек названы конюшня на 10 стойл, 2 сарая, навес и ясли. Конского поголовья жеребец и 3 мерина. На скотном дворе находилась изба, 3 сарая, 2 омшаника. В нем 6 коров, бык и 7 телят.

В усадьбе был двор псарный, огороженный забором. В шести крытых соломой покоях «запираютца собаки». Сделан дворик для щенят. Указана поварня, «где гревалась про собак навара».

Около господского двора по реке находились 4 рощи березовые «сажеными». Одна роща из «разных» деревьев отмечена у ворот. В роще Тетерки было прорублено 22 линии. «Прешпективная» дорога к селу Григорково устроена в 4 линии, а по сторонам дороги высажены 2 рощи.

На реке Талице устроена мельница с рубленой плотиной для пруда с рыбой. В июле 1742 г. у старосты было сборных мельничных денег 3 руб. 53 ½ коп. Ранее стоял амбар «сукновалительной».

Вниз по реке располагался двор кожевенный. В трех избах хранились инструменты, котел для варки краски и материалы: зола, корье, деготь, масло конопляное, сало, краски. В амбаре лежали кожи «принятые из дела» и «не в деле». Под двумя навесами летом сушились кожи.

Неподалеку поставлены крытые тесом две каменные палаты, «что бывала красильня» для сукон. Здесь же отмечены 35 изб пустых, предназначенных для «фабричных работных людей».

[1] Л. В. Тыдман считает зал первым помещением дома по значимости. В источниках рубежа XVII–XVIII вв. зал не упоминается. Зал появился в дворцах первой четверти XVIII в. как комната для приема и собраний (см. *Тыдман Л. В.* Изба. Дом. Дворец: жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000. С. 130, 132–135).

[2] Камины появились в первые десятилетия XVIII в. в домах «самых богатых людей» (*Тыдман Л. В.* Указ. соч. С. 24, 289–290).

[3] К оконному переплету стекло крепилось с помощью подтесанных с двух сторон деревянных валиков. В XVIII в. валик именовался штабелем. Подъемные рамы состояли из двух частей, верхняя была неподвижной, нижняя поднималась и подпиралась жердочками. Позднее их сменили створчатые рамы на оконных петлях (*Тыдман Л. В.* Указ. соч. С. 176, 179, 325).

[4] Ставни – деревянные, чаще всего тесовые щиты, вставляющиеся в окно изнутри (*Тыдман Л. В.* Указ. соч. С. 179).

При усадьбе Сафарино насчитывалось дворовых людей 79 чел. об.п., в том числе 36 чел. м.п. Во главе стоял приказчик Иван Ракитин 42-х лет с женой и детьми. Его сын 11-ти лет взят помещиком в Санкт-Петербург. У приказчика имелся свой скот (корова, 5 овец, 2 свиньи) и птица (5 гусей, 3 утки, 15 кур) «на помещиковом корму». Годовое жалование (7 руб. денег, ржи 80 четвериков, ячменя 56, овса 48, мяса свиного 10 пудов, баранов 6, соли 2 пуда, вина 3 ведра) у него меньше, чем у приказчика в Тарычево, но больше, чем в Лыково. При приказчике присланный из московского двора «мальчик» 13-ти лет «для науки письма» (получал в год ржи 3 четв., круп 3 четверика). Вторым по значению был земский дьячок Иван Кручинин 44-х лет с семьей в 5 чел. Имел скот (2 коровы, 5 овец и 11 ягнят, 4 свиньи) и птицу (4 гуся и 15 гусенков, 3 куры индейские и 11 цыплят, 3 утки, 15 кур русских) и для их «корму» сенного покоса 2 дес. Из усадьбы он получал ржи 96 четвериков, крупы 14, мяса свиного 8 пудов 12 фунтов, соли 1 $^1/_2$ пуда.

Два конюха с семьями получали ржи по 48 четвериков, крупы гречневой по 16 четвериков каждый. На корм скоту им выделяли по 1 дес. Больше получал денщик (брат приказчика, 31 год) — ржи 48 четвериков, крупы 8, мяса свиного 5 пудов, соли 1 пуд. Покос у него для скота на 1 дес. Скотник с семьей получал чуть больше конюховой месячины. Его скот был на господском «корму». Другой скотник, а также лесник и рыбак получали месячины по 48 четвериков ржи, крупы 16 и для скота имели по 1 дес. «Полотняный» ткач скота не имел и получал от помещика 1 руб., ржи 48 четвериков, крупы 8 четвериков, мяса свиного 5 пудов, соли 1 пуд. Садовнику платили 1 руб. и давали месячину (ржи 48 четвериков, крупы 2 четверика), столяру — 2 $^1/_2$ руб. и месячину. Четырем псарям давалось по 3 руб. и обычная месячина. Вдовам выдавали ржи по 24 четверика, крупы по четверику и выделяли по полудесятине покосов независимо от наличия или отсутствия скота. Четыре кожевника с семьями (15 чел. об.п., 6 чел. м.п.) получали по 1 руб., ржи или 24, или 48 четвериков, крупы по 2 четверика, мяса свиного по 2 $^1/_2$ пуда, соли по полпуда. Все они имели покосы по 1 дес. Сами кожевники временно находились в Санкт-Петербурге.

Отмечено еще несколько дворовых, записанных с семьями в подушный оклад села Сафарино. Среди них три работника парусинной фабрики у звенигородского села Троицкое («пропитание имеют от выработанных своих денег»). В Москве на фабрике компанейщика Андрея Еремеева у «суконной работы» находились пять чел. с семьями и семь мужчин холостых. Два чел. с семьями пребывали в Москве в разных работах при господском дворе.

Женам дворовых людей (21 чел.) раздавался лен для пряжи (по 1 пуду каждой). Из пуда получалось 30 талек. Пряжа отдавалась для тканья полотен шириной 1 аршин с четвертью и длиной 40 аршин. Еще трем дворовым бабам выдано пакли 2 пуда 10 фунтов «на дело рыбьих сетей».

В имении в трех деревнях отмечено 38 чел. бобылей об.п. (16 чел. м.п.). Записаны четыре отставных солдата, отпущенных по паспортам в вотчину (один из них 80 лет с женой 60 лет).

Головкин отпустил «на урочные годы» в Москву на суконную фабрику компанейщика Еремеева 68 чел. об.п. (35 чел. м.п.). Среди них 16 семей и 10

холостых. Один человек перешел в подмосковное сельцо Михалево в лесники, а его сын оказался в Москве на стеклянном заводе купца Ивана Можеева.

Крестьяне «бывают на господской пашне и во всякой работе». Они отбывали барщину с 15 $^1/_2$ осьмаков и 12-й доли. Они же давали на господский двор 50 баранов, 355 кур русских, 7 тыс. яиц и платили вместо орехов 15 руб. На господском поле высевалось озимой ржи 39 четв. 2 четверика на 31 десятине. Сена поставлено к 1742 г. 36 стогов — 2320 копен. В среднем на двор в озимом поле 0,7 дес., на чел. м.п. 0,2 дес. Покос 51,5 и 15,3 копен.

По летнему описанию указан высев яровых. Ячменя посеяно 21 четв. на 12 дес., овса 63 четв. 6 четвериков на 17 дес., семени льняного 2 четв. на 1 дес.

Крестьяне платили подушные деньги за умерших, беглых и отданных в рекруты. Подушная подать за дворовых людей и «вышедших на фабрики крестьян» выплачивалась из господских денег. Рекрутские «отдачи» и налог по поставке драгунских лошадей за дворовых и фабричных вносила община.

В подворном описании крестьян указаны перечни населения об.п. и возраст каждого, поголовье скота и птицы, доля тягла (осьмака) на каждый двор.

Всего насчитывалось 45 крестьянских дворов. В них проживало 329 чел. об.п., 152 чел. м.п. (46,2 %). О группировке дворов по числу взрослых работников см. *табл. № 3.1.* В первую группу с одним работником вошли 11 дворов (24,2 %). Во вторую с двумя — 22 двора (48,9 %). Третью составили 11 дворов с тремя и один двор с четырьмя работниками (всего 12–26,7 %). Как видно, во вторую группу попала почти половина дворов. Доля людей м.п. низшая (15,8 %) в первой группе, высшая (42,8 %) — во второй, средняя (41,4 %) — в третьей.

Во всех дворах 92 работника м.п. (60 % от численности мужского населения). Распределение взрослых по группам таково: в первой 11 чел. (12 %), во второй — 44 (47,8 %), в третьей — 37 (40,2 %).

В первой группе дворов отмечены только малые семьи. Их же много и во второй группе. В третьей группе почти все семьи неразделенные. Численность отцовских и братских семей почти одинакова.

Показателен оклад по тяглу. В первой группе дворы были положены на шестую долю осьмака (4), и на четвертую (7). Во второй больше половины дворов (13) имели четвертую долю или чуть выше (с прибавкой шестой доли осьмака и двенадцатой). А на восемь дворов положили треть осьмака. В третьей группе половина дворов выполняла повинности с половины осьмака либо с трех четвертей осьмака. Как видно, тяглоспособность по группам возрастала.

О крестьянском животноводстве см. *табл. № 3.2.* Средние дворовые по именно свидетельствуют об удовлетворительных показателях конского (2,8) и коровьего (3,9) поголовья. Почти не было коз, лишь 4 головы в двух дворах. В 27 дворах (60,0 %) не отмечено свиней. Пчел не было во дворах первой группы. Во второй только в одном дворе стояли 2 улья. А в третьей стояло 25 ульев лишь в пяти дворах.

Распределение скота по группам довольно неравномерное (*табл. № 3.3*). Средний показатель на двор в первой и второй группах ниже общего по имению, а в третьей заметно выше. То же по другим видам скота. Показатели второй группы примерно в 2–3 раза больше показателей первой. А вот у третьей

Табл. № 3.1

Крестьянское население в подмосковном имении Головкина М.Г. в селе Сафарино

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семья		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	наемные	неразделенные отцовские	братские
1	11	24,4	63	19,2	5,7	24	15,8	2,2	11	12,0	1,0	11	-	-
2	22	48,9	136	41,9	6,3	65	42,8	2,9	44	47,8	2,0	15	3	3
3	12	26,7	126	38,9	10,7	63	41,4	5,2	37	40,2	3,1	1	5	6
Всего	45	100,0	329	100,0	7,3	152	100,0	3,4	92	100,0	2,0	26	8	9

Табл. № 3.2

Крестьянское животноводство в селе Сафарино

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры
1	11	24	20	26	89	5	81
2	22	65	53	70	250	11	189
3	12	63	55	80	241	18	149
Всего	**45**	**152**	**128**	**176**	**580**	**34**	**419**
В среднем на двор	-	3,4	2,8	3,9	12,9	0,7	9,3
В среднем на человека м.п.	-	-	0,8	1,1	3,8	0,2	2,7

Табл. № 3.3

Средние показатели крестьянского животноводства в селе Сафарино

Группа	Поголовье				
	конское	коровье	овечье	свиное	куры
в среднем на двор					
1	1,8	2,4	8,0	0,4	7,4
2	2,4	3,2	11,4	0,5	8,6
3	4,6	6,7	20,0	1,5	12,4
Всего по имению	**2,8**	**3,9**	**12,9**	**0,7**	**9,3**
в среднем на чел. м.п.					
1	0,8	1,0	3,7	0,2	3,4
2	0,8	1,0	3,8	0,2	2,9
3	0,9	1,3	3,8	0,3	2,4
Всего по имению	**0,8**	**1,1**	**3,8**	**0,2**	**2,7**

шевые средние в группах почти не различаются. Возрастание поголовья от первой группы ко второй и третьей наглядно проявляются при сравнении конкретных данных по отдельным дворам (*табл. № 3.4*). Так, в первой группе во дворах насчитывалось от одной до трех лошадей, во второй — до четырех, в третьей — до семи. Коров во дворах первой группы было не более пяти, а во дворах третьей — до 15.

Трудно считать состояние крестьянского полевого земледелия удовлетворительным. Своего хлеба сельчанам не хватало. Крестьянам «заимообразно» было роздано «капитального» хлеба 16 четв. 3 четверика ржи, 67 четв. овса, 73 четв. 4 четверика ячменя, 1 четв. 5 четвериков семени льняного. Да еще «укосу прошлого 741 г.» 239 копен сена «за неимением в сровую пашню корму». В среднем на двор приходится 2,9 четверика ржи, 11,9 четвериков овса, 5,3 копен сена

Подмосковное имение с усадьбой Головкина Тарычево, Рожествено тож находилось в *Ратуеве стане*. В нем отмечено 68 крестьянских дворов, из них 19 в селе Тарычево, остальные в сельце и двух деревнях.

В усадьбе стоял дом, огороженный частокольной решеткой на бревнах с двумя створчатыми воротами. Строение включало шесть светлиц и между ними проходные сени. В последних в трех чуланах хранились мебель, два подноса красной меди и хрустальная посуда. Приказчик жил в отдельно стоящих двух светлицах. На дворе находились поварня и каретный сарай[*]. К господскому двору примыкали житный двор (в нем шесть житниц с зерном, гумно, где отмечен необмолоченный хлеб, с овином и двумя ригами), пчельник в три улья и конюшенный двор (13 лошадей, 10 коров с подтелками и бык, пять кур гилянских), яблоневый сад площадью полдесятины, не огороженный, два пруда с «саженой» рыбой.

[*] Всего насчитывалось 22 постройки (*Лаферовский П. К.* Крестьянское движение... С. 32).

Табл. № 3.4

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Сафарино

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем															
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	15	16	19	20	25	26	27	30
лошади																										
1	11	–	11	20	1–3	6	3	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	22	–	22	53	1–4	2	11	7	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	–	12	55	1–7	1	1	1	2	3	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	45	–	45	–	–	9	15	11	4	3	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
коровы																										
1	11	2	9	26	1–5	2	2	2	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	22	–	22	70	1–6	3	4	7	4	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	–	12	68	1–15	1	1	–	2	2	–	–	1	–	2	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	45	2	43	–	–	6	7	9	7	4	2	–	1	–	2	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
овцы																										
1	11	–	11	83	3–15	–	3	–	–	1	–	–	–	–	1	2	1	1	–	1	–	–	–	–	–	1
2	22	–	22	260	2–20	–	–	1	1	–	–	–	1	2	6	–	2	–	2	2	3	2	–	1	1	–
3	12	–	12	241	9–30	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	2	1	1	2	1	2	1	1	1
Всего дворов	45	–	45	–	–	–	3	1	1	4	–	1	2	4	9	1	3	2	4	3	3	2	1	1	1	1
свиньи																										
1	11	7	4	5	1–2	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	22	15	7	11	1–4	1	–	5	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	12	5	7	10	1–4	–	–	1	3	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	45	27	18	–	–	9	5	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Из дворовых людей (34 чел. об.п., 15 чел. м.п.) названы приказчик, земский, конюх, скотник, два лесника, садовник с семьями, а также три вдовы. Почти все имели собственный скот и птицу, а у приказчика была и лошадь. Среди их домовой рухляди отмечены шубы овчинные, сермяжные, крашенинные, кафтаны сермяжные, сарафаны посконные и крашенинные. Жены дворовых из господского льна выделывали холста по 25 арш. с человека, всего 125 арш.

Приказчик получал от помещика больше, чем приказные в других подмосковных. Его жалованье составляло 12 руб. денег, 106 четвериков ржи, 96 мяса свиного, 3 пуда соли, 6 баранов, 3 ведра масла конопляного, 6 ведер простого вина. У него же был покос на 98 копен. Больше других давалось и земскому — 1 руб. 50 коп., 48 четвериков ржи, четверик муки пшеничной, 4 фунта масла коровьего к масленице, 5 пудов мяса свиного, пуд соли, шуба овчинная на 3 года, 8 арш. серого сукна на кафтан «в другой год», 1 пуд поскони на рубахи. Земскому под рожь и овес полагалось по осьминнику земли и десятине сенного покоса. Следующим по размеру жалованья был конюх. Ему давали 1 руб. денег, 48 четвериков ржи, 4 крупы гречневой, 5 пудов мяса свиного, пуд соли, овчинную на 3 года шубу, 8 арш. сукна на кафтан раз в 2 года, пуд поскони на рубахи «повсягодно». Садовнику полагалось 24 четверика ржи, 4 крупы гречневой (или 8 ячменя), 3 пуда мяса свиного, 3 барана, 20 фунтов соли, шуба овчинная, 8 арш. сукна на кафтан, 20 арш. холста на рубахи, а также полдесятины сенного покоса. Другим (скотнику, лесникам) выдавалось только зерно (48 или 60 четвериков ржи, четверик крупы гречневой или вместо нее 2 четверика ячменя). Им же отводилось по десятине сенокоса.

На реке Обитце строилась мельница. Ее начал строить крестьянин из села Троицкое Перемышльской волости, а достраивал «по мирскому согласию» зажиточный крестьянин Тит Григорьев. Он имел в Москве двор и ветряную мельницу на земле у Данилова монастыря, купленной на имя графа.

Крестьяне села Тарычево состояли «на пашне и сенных покосах и во всякой помещиковой работе». В озимом поле посеяно ржи 91 четв. 5 четвериков и четвертка (площадь 52 дес. и полтора осьминника). Примерный высев ржи на десятину 1,75 четв. В среднем (65 тяглоспособных дворов, 226 чел. м.п.) приходилось на двор 0,8 дес. в поле, 0,2 дес. на человека. Денежного оброка не было. Натурой собирали в год 48 $^{1}/_{2}$ баранов, 144 куры, 1470 яиц.

В имении отмечены бобыли (17 чел. об.п., 7 чел. м.п.). Еще четыре бобыля в возрасте 20–30 лет «ныне имеются на Журавлевой фабрике для науки».

В описании 68 крестьянских дворов приведены сведения о населении об.п. без указания возраста, о высеве озимой ржи и «яровых» в четвертях, о животноводстве, о садоводстве. Указан покос в копнах.

Три двора исключаем из дальнейших расчетов. В двух дворах не оказалось людей м.п. По одному двору нет сведений о посеве на надельной земле и о поголовье скота.

В 65 дворах проживало 438 чел. об.п., в том числе 226 чел. м.п. (51,6 %). За работников м.п. принимаем дворохозяев и женатых сыновей, братьев, племянников. О группировке 65 крестьянских дворов по числу работников

Табл. № 3.5

Крестьянское население в подмосковном имении Головкина М.Г. в селе Тарычево

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.		Крестьяне м.п.		Взрослые м.п.			Семьи неразделенные	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	отцовские	братские
1	18	27,7	91	20,8	5,0	49	21,7	2,7	18	-	-
2	32	49,2	204	46,6	6,4	104	46,0	3,2	64	48,1	2,0	15	6	9
3	10	15,4	93	21,2	9,3	45	20,0	4,5	30	22,6	3,0	-	10	-
4	5	7,7	50	11,4	10,0	28	12,3	5,6	21	15,8	4,2	-	5	-
Всего	65	100,0	438	100,0	6,7	226	100,0	3,5	133	100,0	2,0	33	23	9

Табл. № 3.6

Крестьянское хозяйство в подмосковном имении Головкина М.Г. в селе Тарычево

Группа	Дворы	Крестьянский м.п.	Лошади		Коровы		Овцы		Свиньи		Посевы ржи, четверики		Сено, копны		Сады яблоневые
			кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
1	18	49	25	18,0	9	8,0	53	19,5	9	11,7	232	19,4	76	19,9	8
2	32	104	65	46,8	27	50,0	132	48,7	36	46,7	576	48,2	185	48,5	25
3	10	45	34	24,5	11	20,0	56	20,7	22	28,6	260	21,7	80	21,0	8
4	5	28	15	10,7	6	12,0	30	11,1	10	13,0	128	10,7	40	10,6	3
Всего	**65**	**226**	**139**	**100,0**	**53**	**100,0**	**271**	**100,0**	**77**	**100,0**	**1196**	**100,0**	**381**	**100,0**	**44**
В среднем на двор	-	-	2,1		0,8		4,2		1,2		18,4		5,9		-
В среднем на человека м.п.	-	-	0,6		0,2		2,0		0,3		5,3		1,7		-

Табл. № 3.7

Средние показатели крестьянского хозяйства в подмосковном селе Тарычево

Группа	Поголовье				Посевы ржи, четверики	Сено, копны
	конское	коровье	овечье	свиное		
в среднем на двор						
1	1,4	0,5	2,9	0,5	12,9	4,2
2	2,0	0,8	4,1	1,1	18,0	5,8
3	3,4	1,1	5,6	2,2	26,0	8,0
4	3,0	1,2	6,0	2,0	25,6	8,0
Всего по селу	**2,1**	**0,8**	**4,2**	**1,2**	**18,4**	**5,9**
в среднем на человека м.п.						
1	0,5	0,2	1,1	0,2	4,7	1,5
2	0,6	0,2	1,3	0,3	5,5	1,8
3	0,7	0,2	1,2	0,5	5,8	1,8
4	0,5	0,2	1,1	0,3	4,6	1,4
Всего по селу	**0,6**	**0,2**	**2,0**	**0,3**	**5,3**	**1,7**

м.п. см. *табл. № 3.5*. Около половины дворов (32 — 49,2 %) приходится на вторую группу (2 работника). На втором месте дворы с одним работником (18 — 27,7 %). В третьей группе 10 дворов (15,4 %). К четвертой группе отнесены 4 двора с четырьмя работниками и один двор с пятью.

Процентное соотношение мужского населения по группам таково: в первой 49 (21,7 %), во второй — 104 (46,0 %), в третьей — 45 (20 %), в четвертой — 28 (12,3 %). Больше всего мужчин было во второй группе, меньше всего — в четвертой. Взрослых (15–65 лет) оказывается больше также во второй группе — 64 чел. из 133. Затем идет третья группа (30) и четвертая (21). На последнем месте первая (18).

Основным занятием крестьян имения было земледелие (см. *табл. № 3.6*). 65 дворов высевало озимой ржи 1196 четвериков (в среднем на двор 18,4). По объему высева первенство за дворами второй группы (576 четвериков — 48,2 %). Затем идут дворы третьей (260 — 21,7 %) и первой (232 — 19,4 %). Последняя — четвертая группа (128 — 10,7 %).

Показатели по животноводству невысокие. Лошадей не было в трех дворах, коров — в 31 (первая группа — 10, вторая — 17 и третья — 4), овец — в шести, свиней — в 19 (первая группа — 12, вторая — 6, третья — 1). Особенно мало оказалось коров и свиней. В среднем на двор приходилось конского поголовья 2,1, коровьего 0,8, овечьего 4,2, свиного 1,2. Судя по покосам, луговодов в имении было мало — 381 копна (в среднем на двор 5,9 копен). Это приводило к ограничению поголовья крестьянского стада.

Видное место занимало садоводство. При 44 дворах отмечены яблоневые сады. Пчеловодства практически не было (14 ульев в трех дворах).

Средние подворные показатели и по высеву ржи, и по поголовью скота по группам отражены в *табл. № 3.7*. Показатели первой группы значитель-

Табл. № 3.8

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Тарычево

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем								
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
лошади															
1	18	2	16	25	1–4	10	4	1	1	–	–				
2	32	1	31	65	1–4	8	15	5	3	–					
3	10	–	10	34	2–5	–	2	4	2	2					
4	5	–	5	15	2–4	–	2	1	2	–					
Всего дворов	**65**	**3**	**62**	–	–	**18**	**23**	**11**	**8**	**2**					
коровы															
1	18	10	8	9	1–2	7	1	–	–	–					
2	32	17	15	27	1–5	6	4	2	–	1					
3	10	4	6	11	1–3	2	3	1	–	–					
4	5	–	5	6	1–2	4	1	–	–	–					
Всего дворов	**65**	**31**	**34**	–	–	**21**	**9**	**3**	–	**1**					
овцы															
1	18	3	15	53	1–6	2	3	1	4	1	4	–	–	–	
2	32	3	29	132	1–9	1	3	4	7	7	2	3	1	1	1
3	10	–	10	56	1–10	1	1	–	–	4	1	–	1	1	1
4	5	–	5	30	4–10	–	–	–	1	2	1	–	–	–	1
Всего дворов	**65**	**6**	**59**	–	–	**4**	**7**	**5**	**12**	**17**	**5**	**3**	**2**	**2**	**2**
свиньи															
1	18	12	6	9	1–3	4	1	1	–	–	–	–	–	–	
2	32	6	26	36	1–2	16	10	–	–	–					
3	10	1	9	22	1–5	2	5	–	–	2					
4	5	–	5	10	1–3	2	1	2	–	–					
Всего дворов	**65**	**19**	**46**	–	–	**24**	**17**	**3**	–	**2**					

Табл. № 3.9

Посевы ржи (четверики) в крестьянских дворах в селе Тарычево

Группа	Дворы	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом					
				8	16	24	32	40	44
1	18	232	8–16	7	11	–	–	–	–
2	32	576	8–32	1	25	3	3	–	–
3	10	260	16–44	–	4	2	2	1	1
4	5	128	16–32	–	2	–	3	–	–
Всего дворов	**65**	–	–	**8**	**42**	**5**	**8**	**1**	**1**

но ниже общих по имению. Показатели второй группы совпадают с последними. В третьей и четвертой средние явно выше выведенных по имению в целом. Причем они превышают средние первой группы в 2–3 раза. Иное положение со средними на одного чел. м.п. Здесь они совпадают или имеют небольшой разрыв между собой. Показатели четвертой группы оказываются меньше общих и уступают средним третьей группы.

Показатели по группам в посеве ржи и в поголовье скота подтверждаются конкретными данными по отдельным дворам (*табл. № 3.8*). Однолошадные дворы имеются только в первой и второй группах. По коровьему поголовью групповые показатели близки. Овец на двор в первой группе не больше 6, в других группах верхний показатель 9–10 овец. Разница в высеве ржи очевидна (*табл. № 3.9*). Минимальный показатель в 8 четвериков прослеживается в первой группе — 7 дворов. Во второй группе это только один двор, в других такого посева нет. Зато во дворах третьей и четвертой групп заметны самые высокие высевы в 22–44 четверика.

Особенно заметны различия в показателях при заготовке сена. В первой группе дворы косили от 2 до 5 копен, во второй от 2 $^1/_2$ до 10. В третьей и четвертой группах минимальный покос 5 копен, а высший 10–12 $^1/_2$ копен.

Помимо господского в житницах хранился «капитальный хлеб», который зимообразно «даетца крестьянам на семена» — 5 четв. 2 четверика ячменя, 27 четв. овса. Для посева в 1742 г. крестьяне взяли 18 четв. 5 четвериков ржи (в среднем на двор 2,3 четверика). Им предстояло уже после февраля 1742 г. еще внести помещику 35 четв. 7 четвериков овса и 24 четв. 6 четвериков ячменя. В среднем на двор 4,4 четверика овса и 3,0 четверика ячменя[10].

По подмосковному имению *Лыдово в Можайском стане* подворной описи крестьян не имеется. Имение также перешло к Головкину в 1736 г. в качестве приданого княгини Ромодановской. Церковь сгорела в январе 1741 г. «без остатку». Уцелевшие иконы и прочее поставлены в господском доме. Для постройки храма «приуготовлен» кирпичный сарай, а в нем кирпича-сырца 8 тыс. штук. На двор священника дано огородной земли полдесятина, в поле 1 дес. и покосов на 200 копен. Скота у него 2 лошади, 8 коров и подтелков, 11 свиней, 5 овец.

[10] По сведениям Канцелярии конфискации размер семенной ссуды крестьянам села Тарычево ежегодно достигал 110 четв. 4 четвериков. Ссуда в приволжском селе Кимры была еще больше – 500 четв. (*Алефиренко П. К.* Крестьянское движение... С. 39).

Весь приход ежегодно получал «от помещикова дому» 8 руб. 75 коп., по 20 четв. ржи и овса, крупы гречневой 1 четв., 15 пудов свиного мяса.

Господский дом стоял посреди двора. Это были светлицы «под одною крышкою». Из 7 покоев указаны большая светлица, в которой хранились хрустальная посуда, инструменты от толчеи суконной, церковное имущество, столовая светлица — 3 стола, 12 стульев обиты кожей. На стенах образа на полотне и большая картина «в рамах». Светлицы соединялись сенями. По левую сторону от ворот находились две людские светлицы (в трех окнах окончины стеклянные «замазные»).

Из хозяйственных построек отмечены сушило «о трех жильях» вверху, под сушилом два погреба (ледник и теплый), поварня с поварненой избой.

Житный двор, огороженный забором, вмещал 6 житниц с зерном и гумно с четырьмя овинами, солодовней, ригой, двумя сараями. Здесь же были 7 ульев пчел. Сюда же свезли 5 пушек чугунных без станков.

На конюшенном дворе устроены по обе стороны 24 денника. При конюшне на 12 стойл была изба конюшенная и 2 сарая. Среди пяти жеребцов указан один «аглинской» с уздечкой «аглинской». Конское поголовье состояло из 27 меринов, 42 кобыл (три с жеребятами), 9 жеребчиков, 3 кобылок.

Скотный двор огорожен сараями. Скотник проживал в новой избе. На его попечении 15 коров, 32 быка, 12 телиц, 7 телят, 4 козы, 2 козла.

Псарный двор был огорожен забором. В нем отмечены 2 избы и денники.

При селе Льялово отмечено 4 пруда с «саженой» рыбой «разных родов», при селе Клушино — 2 пруда с карасями.

На реке Клязьме стояли 2 мельницы. Одну содержал «на вере» определенный от помещика крестьянин села Рожди. Вторая отдана на оброк 10 руб. в год крестьянину села Льялово.

Для приказчика «шведской нации», 70 лет, крещенного в 1712 г., и его жены построен особый двор. Среди дворовых с семьями перечислены земский, 2 скотника, конюший, 3 конюха, 2 псаря, ловчий, 5 охотников (всего с приказчиком 80 чел. об.п., в том числе 35 чел. м.п.). В отличие от дворовых в Сафарино и Тарычево скот у них не отмечен, и сенные покосы от помещика они не получали.

Здешний приказчик получал от помещика меньше, чем приказные в селах Тарычево и Сафарино, а именно 5 руб. денег, 56 четвериков ржи, 16 овса, 8 ячменя, 8 крупы гречневой, 5 пудов мяса свиного, пуд соли; баранов, масла, вина не значилось. И земскому, и ловчему выдавали каждому по 2 руб., 48 четвериков ржи, 8 четвериков крупы гречневой, 5 пудов мяса свиного, пуд соли. В усадьбе было много лошадей, и больше давалось конюшему — 8 руб., 48 четвериков ржи, 8 четвериков ячменя и столько же солода ячного, 8 четвериков овса, 8 четвериков крупы гречневой, 4 четверика муки пшеничной, 5 баранов, пуд масла коровьего и ведро постного, 3 ведра вина, пуд соли. Конюхам давали деньги (1–4 руб.), рожь (60–98 четвериков), гречневую крупу (1–4 четверика), овес (4 четверика), ячмень (8), 2 пуда соли. Скотнику доставалась только рожь (96 четвериков).

Жёнам дворовых людей раздавалось господского льна по пуду на человека «для пряжи». Каждая сдавала по 40 арш., а одна — 20 арш. Всего 380 арш.

В посеве на помещика озимой ржи 60 четв. на 30 дес. Сенокосных господских угодий 102 дес. Столовые и прочие припасы включали 30 баранов, 60 кур русских, 1160 яиц, 1 пуд 18 ф. грибов сухих, 580 поленьев лучины, 58 гнезд лаптей, 58 веревок лычных, 58 гнезд веников, 58 метел, 29 лопат. Видимо, в лесном имении у крестьян были развиты «лесные» промыслы. «А денежного оброку не збирается, того ради оные крестьяне бывают на господской пашни и сенных покосах и во всякой работе»[1].

Всего в селах Льялово, Клушино, Никольское и в двух деревнях насчитывалось 39 крестьянских дворов и один бобыльский. В среднем на двор приходилось барщины 0,8 дес. в озимом поле.

Зерна «капитального», которой раздается на семена крестьянам заимообразно» 70 четв. овса и 12 четв. ячменя. Он хранился на житном дворе. В среднем на двор приходится 14 четвериков овса и 2,4 четверика ячменя.

В Зарайском уезде у Головкина находилось имение с усадьбой Клишино. На помещиковом дворе, огороженном заметом с воротами, стояли на жилых подклетах и сенях 4 светлицы, крытые дранью и тесом. В первой отмечены 10 образов, 6 «кортин всяких», 2 листа «бывшего императора первого персоны», поставец с хрустальной посудой, поднос оловянный, 10 пар ножей, стол круглый, 5 стульев точеных, обитых кожей, «коровать стоячея точеная с перином и з изголовьем» и стамедным завесом. Такая же мебель отмечена в остальных. Во всех светлицах печи ценинные. В сенях при светлицах стол «з брахом», ящик платяной, «стол платяной».

Все это строение ветхое, и в нем «ныне... жительство» имеет московский купец первой гильдии Кондратий Дмитриев сын Хвастливый с семьей и людьми.

При том дворе погреб, а в нем 6 казанов, конюшня (3 лошади «ездалых»), гумно с хлебом необмолоченным, баня с предбанником, сарай с «коляской голанской», обитой сукном, коляской с отметом, крытой кожей, коляской на двух колесах, санями дорожными и возком зимним, пятью седлами, немецкими и простыми.

Усадьбу обслуживали 2 дворовых человека, 2 скотника, крестьянин. Всего 17 чел. об.п., в том числе 11 м.п., а также 2 вдовы и 4 жены солдатские.

На скотном дворе, огороженном заметом, в избе жили 2 скотника (один с семьей). Среди скота лошадь, 4 коровы, 3 подтелка, 3 быка, 15 овец и черкасский баран, 11 свиней, 6 кур индейских, 7 уток, 15 кур русских. При дворе в омшанике 19 ульев пчел. При дворе же огромный яблоневый, огороженный забором и плетнем, сад площадью 5 дес.

У реки Смедва находился опустевший винный завод. Сохранились 3 овина каменных, крытых дранью, омшаник сосновый с четырьмя дубовыми колодами («что хлеб мочат»), котел браговарный и котел пивной. В мельничном строении у той же реки в амбарах находились 3 постава, толчея, 6 толчком строении у той же реки в амбарах находились 3 постава, толчея, 6 толчком качей. На берегу 4 камня новых мельничных. В избе жил мельник с семьей. При мельнице гумно со «стоячим» хлебом: овса 5 копен, житаря 4, гречи 8. По реке Оке сенных покосов 10 дес. Здесь стояли изба и 2 амбара.

[1] *Алферович П. К.* Крестьянское движение... С. 41.

На земле имения располагалась полотняная мануфактура. Ее построил «московской Хамовной слободы содержатель Дмитрий Иванов сын Митрофанов на свои деньги». При ней «имеются фабришные и полотняные 8 светлиц крыты дранью», а в них «всякая фабричная инструменты». При мануфактуре сушильня, мыларня, чесальня сосновая, погреб, а на нем сушило, крытое дранью, баня с «передбанником» сосновые. «В тех фабриках», по сказке фабричного прикатчика, «разных чинов помешиков работныя люди с пошпортами».

Крестьяне трудились на господской пашне (127 дес. в трех полях). В конце 1741 г. посевна рожь в озимом поле 57 дес. В среднем на двор приходилось 3,5 дес. в трех полях, 1,6 дес. в озимом поле (на чел. м.п. 1,2 и 0,5). Нормы барщины высокие[1], и крестьяне «других доходов не плачивали и подвод не давали».

Всего описано 37 крестьянских дворов. Один двор приходится исключить из подсчетов, так как в нем проживали 2 женщины, и они не имели ни наделного участка под рожью, ни скота, ни птицы. По 36 дворам указано население (без данных о возрасте), поголовье скота и птицы, площадь высева ржи озимой в десятинах, дворовые постройки, количество сох с инструментами, телег и саней.

Редко встречаются записи о запасах зерна. По 14 дворам их вообще нет. Только в 6 дворах отмечен в гумнах хлеб стоячий. Для 11 дворов нет отметок о сене, а по другим не указано его количество.

Крестьянское домашнее имущество описывалось, можно полагать, выборочно и не в полном объеме. Оно отмечено только в 12 дворах. Указываются шубы баранья, кафтаны и зипуны суконные, сукно сермяжное, овчины, соленая ветчина и сало ветчинное.

Сад «яблоновый» был лишь в одном дворе, где проживали вместе три женатых брата. Пчелы в 29 ульев отмечены только в трех дворах.

Крестьянские дворы были огорожены плетнем. В ограде имелись ворота стоячие с притвором, крытые соломой. Жилой постройкой была изба сосновая, редко еловая с соломенной кровлей. Дворов с двумя избами не отмечено. Перед избой стояли обычно либо клеть, иногда две клети, либо одна-две хибарки, крытые соломой, в 8 дворах. В одном дворе отмечены 4 клети. Клети ставились либо рубленые (сосновые, еловые, березовые), либо плетеные. При них значились навесы, пристенки. В клетях хранилось зерно. Отмечен приклеток, огороженный досками, с соломенной кровлей. Хибарки были плетеные (над одной поставлен навес, крытый соломой). Одна хибарка стояла над погребом, но чаще над погребом сооружалась напогребица сосновая или плетеная, крытая соломой. Амбары и омшаники ставились редко (5 дворов). Они были сосновые, дубовые и еловые, крылись соломой. Бани (всего в двух дворах) сосновые и дубовые, крытые соломой. На гумне стояли овины и половни. Овины рубились из сосны, ели, липы, осины. Половни были плетеными. И те, и другие крылись соломой.

[1] По расчетам П. К. Алефиренко, в Московской губернии крестьянский двор обрабатывал от 2 ½ до 3,4 дес. барской пашни (Крестьянское движение... С. 40).

Ввиду отсутствия пометок о возрасте населения приходится группировать крестьянские дворы (их 36) по площади озимого поля. Наделные участки (четвериков) отнесены 19 дворов (52,8 %). Во вторую с высевом ржи на 38 дес. (608 четверика) попали 11 дворов (30,5 %). Третью составили 4 двора с посевом 6 дес. и 2 двора с посевом 8 дес., всего 6 дворов (16,7 %) с посевом 40 дес. — 640 четвериков (см. *табл. № 3.10*). Как видно, более половины дворов попали в первую группу. По численности населения группы мало отличаются.

Все 36 дворов засеяли озимой рожью 122 дес. (средняя на двор 3,4 дес., 54,4 четверика). В том числе на первую группу приходится 38 дес. — 608 четвериков (31,1 %), на вторую — 44 дес. — 704 четверика (36,1 %), на третью — 40 дес. — 640 четвериков (32,8 %). Средний показатель первой группы (32 четверика) ниже общего, показатель второй 64 четверика (выше общего), показатель третьей — 107,2 четверика (почти в два раза выше). Средние данные на человека м.п. по имению 17,6 четверика. Групповые близки и между собой, и к общему показателю (см. *табл. № 3.11* и *3.12*).

П. К. Алефиренко отметила, что в селе Клишино земельные наделы были больше, чем в селе Тарычево. В Тарычеве на безлошадную группу в среднем на двор приходилось полдесятины посевов ржи, а в Клишине 2 дес. Соотношение показателей по одно-лошадным дворам 1 дес. и 2,3 дес., по двух-

Табл. № 3.10

Крестьянское население в зарайском имении Головкина М.Г. в селе Клишино

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
										отцовские	братские
1	19	52,8	84	36,8	4,4	38	35,8	2,0	15	3	1
2	11	30,5	72	31,6	6,5	33	31,2	3,0	1	5	5
3	6	16,7	72	31,6	12,0	35	33,0	5,8	–	2	4
Всего	36	100,0	228	100,0	6,3	106	100,0	2,9	16	10	10

Табл. № 3.11

Крестьянское хозяйство в зарайском имении Головкина М.Г.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади		Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы ржи, четверики	
			кол-во	%					кол-во	%
1	19	38	41	37,6	25	56	32	148	608	31,1
2	11	33	33	30,3	23	65	38	125	704	36,1
3	6	35	35	32,1	13	64	27	92	640	32,8
Всего	36	106	109	100,0	61	185	97	365	1952	100,0
В среднем на двор	–	2,9	3,0	–	1,7	5,1	2,7	10,1	54,4	–
В среднем на человека м.п.	–		1,0	–	0,6	1,7	0,9	3,4	17,6	–

Табл. № 3.12

Средние показатели крестьянского хозяйства в зарайском имении Головкина М.Г.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье	свиное		
	в среднем на двор					
1	2,1	1,3	2,9	1,7	7,8	32,0
2	3,0	2,0	5,9	3,4	11,4	64,0
3	5,8	2,2	10,7	4,5	15,3	107,2
Всего по имению	**3,0**	**1,7**	**5,1**	**2,7**	**10,1**	**54,4**
	в среднем на человека м.п.					
1	1,0	0,6	1,5	0,8	3,9	16
2	1,0	0,7	2,0	1,1	3,8	20,8
3	1,0	0,4	1,8	0,8	2,6	17,6
Всего по имению	**1,0**	**0,6**	**1,7**	**0,9**	**3,4**	**17,6**

лошадным — 1 дес. с небольшим и 2,8 дес., по трехлошадным — 1,4 дес. и 3,2 дес., по многолошадным — 1,8 дес. и 5,1 дес. Разница существенная[13].

Из 109 лошадей на дворы первой группы пришлось 41 (37,6 %), второй 33 (30,3 %), третьей 35 (32,1 %). Как видно, показатели довольно близки.

Средние дворовые по имению по конскому (3,0) и овечьему (5,1) поголовью довольно высокие. А по коровам (1,7) и свиньям (2,7) низкие. По конкретным данным поголовья скота во дворах (*табл. № 3.13*) видно, что число лошадей в первой и второй группах одинаково (1–3 головы во дворе), а в третьей выше (3–13). А по коровьему поголовью данные по всем трем группам сходны (1–5). Также близки показатели дворов первой и второй групп по овцам, несколько расходятся они по свиньям. Дворы третьей группы имеют больше и овец, и свиней. Добавим также, что у двух дворов не было лошадей, у шести дворов коров, у восьми овец, у семи свиней, у четырех кур.

Средние показатели скота и птицы у дворов первой группы ниже общих по имению. Данные второй группы по лошадям совпадают с общими, по другим видам живности они выше. По третьей группе дворовые средние намного больше, чем по всему имению.

Иное дело со средними показателями на душу м.п. По лошадям они одинаковы. По другому скоту первые места с небольшим отрывом занимают дворы второй группы.

Можно сравнить по группам количественные данные о числе сох «с инструментом», телег и саней. В первой группе сох не было у семи дворов из 19, в третьей — у одного из шести. В первой группе в 10 дворах отмечено по одной сохе, в двух — по две. Во второй число дворов с двумя сохами возрас-

[13] Алефиренко П. К. Крестьянское движение... С. 37.

Табл. № 3.13

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Клишино

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем										
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	13	17	20
					лошади													
1	19	1	18	41	1–6	6	6	3	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–
2	11	1	10	33	1–6	1	3	1	3	1	1	–	–	–	–	–	–	–
3	6	–	6	35	3–13	–	–	1	2	1	1	–	–	–	–	1	–	–
Всего дворов	**36**	**2**	**34**	**–**	**–**	**7**	**9**	**5**	**7**	**2**	**3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**
					коровы													
1	19	4	15	25	1–3	7	6	2	–	–								
2	11	2	9	23	1–5	2	3	2	1	1								
3	6	–	6	13	1–4	2	2	1	1	–								
Всего дворов	**36**	**6**	**30**	**–**	**–**	**11**	**11**	**5**	**2**	**1**								
					овцы													
1	19	7	12	56	1–9	1	3	1	1	–	3	1	1	1	–	–	–	–
2	11	–	11	65	1–10	2	1	1	1	–	1	–	1	–	4	–	–	–
3	6	1	5	64	7–20	–	–	–	–	1	–	–	–	2	–	1	–	1
Всего дворов	**36**	**8**	**28**	**–**	**–**	**3**	**4**	**2**	**2**	**–**	**4**	**2**	**2**	**1**	**6**	**–**	**1**	**1**
					свиньи													
1	19	5	14	32	1–5	5	2	2	4	1	–	–	–	–	–	–	–	–
2	11	1	10	38	2–8	–	4	2	2	1	1	–	–	1	–	–	–	–
3	6	1	5	27	3–5	–	–	2	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	**36**	**7**	**29**	**–**	**–**	**5**	**6**	**6**	**4**	**1**	**1**	**1**	**1**					

тает до шести (из 11). В третьей группе в двух дворах было по 2 сохи, а в трех — по три. Заметим, что косы указаны только в четырех дворах, бороны — в одном.

В смежных с Московским уездах Головкину принадлежало еще 3 имения.

При селе Ухарово Каневского стана Коломенского уезда на помещиковом дворе стояли 4 горницы белые с двумя сенями. В них 16 окошек с окончинами стеклянными, 2 печи «нарядные» зеленые гладкие. Отмечены поварня, 3 житницы с зерном, погреб с напогребицей. В саду 112 яблонь и 90 груш да омшаник с пчелами (6 ульев).

Дворовые люди (приказчик, садовник, конюх и другие) проживали в особом «приказчиковом» дворе. Всего 21 чел., в том числе м.п. 11 чел. На скотном дворе отмечены скотник с двумя женатыми сыновьями (7 чел. об.п., 4 чел. м.п.); здесь указаны 4 лошади пахотные, 46 голов коровьего поголовья. На гумне 127 копен сеченых ржи, овса, ячменя. Имелись 2 пруда с рыбой.

В имении числилось крестьян 131 чел. об.п.

Поместье Якиманское, Стояки тож Дмитровского уезда досталось графу в 1737 г. после смерти тещи княгини Анастасии Федоровны Ромодановской. Усадьба светлиц не имела. Из хоромного строения указаны 3 избы (белая и 2 черные), сарай со скотиной и небольшая житница. Все крыто соломой. Хозяйственное назначение усадьбы очевидно. На конюшенном дворе стояли изба с сенями, конюшня, сарай для сена; на скотном — изба, теплый омшаник, 2 сарая, погреб с напогребицей, 2 житницы с зерном. Все это крыто соломой. На каждом дворе стояло по одной башне деревянной, крытые тесом. Скота было не так много: мерин, 15 коров, телят, бычков, 20 овец, баран.

Дворовых людей 16 чел. об.п., вместе с приказчиком 9 м.п. С господских коров «скопу масла» в год получалось 2 $^1/_2$ пуда, и оно отсылалось в Москву. Овцы давали 20 ягнят. Берег у реки Истры отдавался за 2 — 2 руб. 50 коп. «для кладки лесу сторонним людем, которой згонняется рекою в Москву».

Крестьяне пяти деревень (12 дворов — 119 чел. об.п.) отбывали барщину. Только рожи озимой высевалось 20 четв. «и больше». Сена косили 1035 копен. Натуральный оброк состоял из 10 баранов, 10 кур, 500 яиц. Часть шла графу, часть — на богаделни. В отдельные годы («когда баранов не уродится») оброк заменяли деньгами (барин 20 коп., курица 2 коп., яйца — 50 коп.).

В среднем на двор приходилось господской запашки (при высеве 2 четв. озимой ржи на десятину) 0,8 дес. в одном поле.

Хранившийся в житницах овес и ячмень отдавался «крестьяном по вся леты на семена» и собирался «по умолоту по тому ж по-прежнему в господския житницы».

В селе Якиманское при церкви стояли две деревянные избы богаделенные. В одной 4 чел. м.п., в другой 6 чел. ж.п. Их обслуживали две работницы.

При *селе Троицкое на реке Москве Угожского стана Зенигородского уезда* усадебного двора не было. Имение досталось Головкину от отца в 1734 г., а тому пожаловано Петром I в 1702 г. из дворцовых волостей.

На дворе, огороженном забором с воротами, стояли 2 светлицы с кирпичными печами и сени между ними. Над светлицами устроена светличка холодная. Здесь жил приказчик с женой и сыном. Земский с семьей занимал судную избу, в которой хранились копии с писцовых и переписных книг, квитанции платежа подушных денег и по рекрутским наборам.

В двух амбарах отмечена «в капитале» присланная из Москвы рожь «для ссуды немущим крестьяном на пропитание и семена на их крестьянскую землю» 49 $^1/_2$ четв. Из местного зерна «в капитале» было 422 четв. 5 четвериков овса и 2 четв. 3 четверика ячменя. Роздано на семена 15 $^1/_2$ четв. ржи.

В селе Троицкое для попа, дьячка и пономаря «вырезана» церковной земли в поле 7 дес. из крестьянской пахотной земли.

В селе Троицкое, в сельце и 6 деревнях значилось 960 крестьян (436 чел. м.п., 524 чел. ж.п.). Они несли повинности с 79 осьмаков (в среднем на осьмак 5,5 чел. м.п., 6,6 чел. ж.п.). В два приема, на Троицын день и Михайлов день, уплачивали денежный оброк 228 руб. 73 коп. (в среднем на чел. м.п. 52,5 коп.). Кроме того, за покосы в пустошах собирали сенные деньги 47 руб. 40 коп., оброк с мельницы 20 руб., свадебные с «первожещев» 50 коп. с венца, выводные с девки по 5 руб. Натурой давали помещику с осьмака по барану и по сажени дров трехаршинных, приказчику и земскому с осьмака по 1 четв. хлеба и 2 $^1/_2$ фунта масла коровьего.

Владельцу потребовалось больше денег. Доставшиеся графу в 1735 г. пустоши «по приданству» он не отдал крестьянам, а заставил косить сено на свои нужды. В 1740 г. помещик «неволею» заменил работы денежным платежом. Крестьяне попытались отказаться и были наказаны («от того правежа пришли во всеконечную скудость и разорение»)[14].

В сельце Куракова Глуховского стана Тульского уезда усадьбы тоже не было. На приказчиковом пустом дворе стояла изба (пол, потолок, лавки дощатые, печь глиняная, в «красном окне» оконечина стеклянная, 3 окна волоковых без окончин). Напротив избы клеть, соединенная сенями с нужником, амбар плетневый и баня. Все строение ветхое. На скотном дворе изба без пола с глиняной печью, где жил скотник с семьей. Коровьего поголовья 14 голов. В житницах на гумне хранилось зерно, а в сарае сено «для корму скотинного».

Крестьяне всех 8-ми дворов работали на трех господских полях (22 дес.). Рожи высевали на 11 дес. по 16 $^1/_2$ четв., овса — на 6 дес. 21 четв., гречихи на 5 дес. 7 $^1/_2$ четв. Натуральный оброк 4 пуда мяса свиного, 3 гуся, 3 утки, 10 кур. Денег они не платили. Высев на дес. рожи около 1,5 четв., овса — 3,5 четв., гречихи — 1,4–1,5 четв. В среднем на двор приходилось 2,75 дес. в двух полях.

В феврале 1742 г. были описаны имения бывшего *генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в Старорязанском стане Рязанского уезда.* Построенные усадьбы имели хозяйственное значение.

Усадьба Красная Слобода была огорожена забором с двумя воротами створчатыми и глухими (ворота со столбами и крышей). Здесь стояли 2 горницы бесчетными и чаянными

[14] П. К. Алефиренко подсчитала, что Головкин выделил надельной земли 93 дес. пашни и 52 дес. сенокоса. Граф взимал с крестьян оброк 228 руб. 73 коп., арендную плату за луга 216 руб. 65 коп., за мельницу 20 руб., платеж приказчику и земскому 5 руб. 50 коп. Всего 470 руб. 88 коп., за мельницу 20 руб., платеж приказчику и земскому 5 руб. 50 коп. Всего 470 руб. 88 коп., за мельницу 20 руб., платеж приказчику и земскому 5 руб. 50 коп. Всего 470 руб. 88 коп. (5 руб. 96 коп. с осьмака). Они же обрабатывали барской пашни 129 дес. и 30 $^1/_2$ дес. сенокоса (Крестьянское движение... С. 42–43).

лье и между ними сени, а также 2 горницы черные. Строение крыто лубьем. В белых горницах 6 «окон красных» с окончинами стеклянными в деревянных рамах, иконы, 4 стола дубовых. В них жил приказчик 86 лет с женой и дочерью. По приходно-расходным книгам у него должно было быть «остаточных» серебряных и медных денег 45 руб. 8 коп. и 2 четверти коп., но их во время описи вотчины украли «воровские люди», «подняв над дверьми доску в сушиле». Из хозяйственных построек указаны конюшня, 6 амбаров хлебных, погреб летний с сушилом, погреб теплый с напогребицей, сарай между погребами.

На дворе располагалась светлица фабричная (в 5 окнах окончины слюдяные и одна стеклянная). Перечислено оборудование: 4 стана «в которые ткут», 6 «бердов тростеных» ветхих, сновальня, при ней «коровать, на которой для снования ставятся шпули с пряжею». Поставка на фабрику пряжи была повинностью «дворовых баб и девок». Помещичьего льна получали по 30 талек и по 2 ли 15 женщин по 32 фунта каждая и ежегодно сдавали «мота» ниток. Четыре скотницы «не в полный оброк» из 8 фунтов сдавали 15 талек и ниток один мот.

Ткацкая мастерская действовала. В декабре 1741 г. в Москву в помещичий дом отправлено полотна производства 1740 г., «которые в беление не поспели», 2 куска размером 42 арш., изготовленных в 1741 г. — 3 куска 60 $^1/_2$ арш. (ширина 1 $^1/_2$ арш.), 10 кусков узких полотен размером 211 арш. (ширина 1 $^1/_4$ арш.), 2 куска подножных салфеток размером 42 $^1/_2$ арш., всего 17 кусков — 356 арш. Да ниток беленых 34 мота (изделия «оброчных дворовых баб»). Да еще кусок «чешуи красной пряденой из вешней шерсти по белой льняной пряже» размером 21 $^1/_2$ арш., 2 конца черного суконца тонкого прядевого из вешней шерсти размером 24 арш. (возможно, изготовления дворовых людей).

Для дворовых и «разных мастеровых людей» поставлены 7 изб и баня, крытые соломой. Среди дворовых земский дьячок 27 лет с семьей, ткач 70 лет с семьей, 44 ученика 20–25 лет (3 чел. с женами и детьми), 2 колесника с семьями, 6 конюхов с семьями, мельник, 3 скотника (среди них овчар), 2 скотницы-вдовы. Всего 34 чел. м.п. , 38 чел. ж.п.

Для содержания живности устроены 4 «скотских» двора с сараями и поветями, крытыми соломой. В одном конского поголовья (мерины, кобылы, кобылки, жеребчики) 41 голова. В других «рогатой скотины» (коров, телиц, телят, бычков — 41 голова, 139 овец, в том числе 2 барана), 7 свиней. Для кормления на усадьбе имелось 470 копен укоса 1740 г. и 5787 копен укоса 1741 г.

В особом омшанике стояли 8 ульев с пчелами.

В амбарах хранилось немало зерна, в том числе 99 четв. 1 четверик ржи, 15 четв. пшеницы, 21 четв. ячменя, 18 четв. овса, 44 четв. гречи, 19 четв. муки ржаной, 3 четв. и четверик крупы гречневой, а также чечевица, горох, просо, семя льняное и конопляное.

Гумно огорожено тыном и плетнем. При нем караульная изба. Из построек 6 овинов рубленых и мякинный сарай, крытые соломой. Здесь хранилась собранная в течение 4 лет рожь 1655 $^1/_2$ копен, в том числе 423 $^1/_2$ копны «роду» 1738 г., 341 $^1/_2$ копны «градобитной» ржи 1739 г., 353 $^1/_2$ копны ржи 1740 г., 537 копен ржи 1741 г. Овса урожая 1740–1741 гг. было 1516 копен, ячменя и гречи 1741 г. 211 копен и 630 телег.

Другая усадьба Красный Уголъ имела меньше строений. В ограде отмечены одни ворота чаяные. Стояли 2 горницы и между ними сени, приворотная изба, 2 амбара, сарай, погреб с напогребицей. На реке Ложке устроена мельница с житницей, «в которой кладется молотой помещиков хлеб и с помольцев собирается с четвертей лопатошная мука». В 1741 г. помольных денег собрано 23 руб. 26 коп., лопаточной муки 11 четв. 6 $^1/_2$ четвериков.

В крестьянских повинностях основное место занимала барщина полевая: «пашут и сеют всяким хлебом» в трех полях 662 дес. Крестьянских дворов в имении значилось 219, людей м.п. 720, ж.п. 684. В среднем на двор приходилось 3 дес., на чел. м.п. 0,9 дес. На 1742 г. высеяно ржи 214 дес. Для господского скота ежегодно заготавливалось сено. Продуктовый оброк собирали с 83-х с половиной и восьмой доли осьмаков. Возможно, за некоторые продукты крестьяне вносили деньги. С осьмака полагались пуд мяса свиного (цена 40 коп.), 2 барана (баран 25 коп.), 2 гуся (гусь 10 коп.), 2 поросенка (каждый 5 коп.), 6 кур русских (3 коп. кура), 40 яиц (2 коп. десяток), четверик хмеля («когда родится, тогда и посылается»). Имевшие пчел давали с улья фунт меда. Таким образом, оброк с осьмака оценивался в 1 руб. 46 коп. Оброк со всех осьмаков — около 122 руб. (в среднем со двора 55 коп.). Холста льняного и посконного помещик требовал по 500 арш. Сверх перечисленного собирали 150 руб. на наем подвод под столовый запас до Санкт-Петербурга. В московский дом помещика в зимнее время крестьяне отправляли до 100 и более подвод с оброчными продуктами.

Приказчику с крестьян шло ежегодно 15 руб. Они же засевали помещичьим зерном на него вешней и осенней пашни по 6 дес. Дворовым людям выдавалось годового денежного жалования и на соль, земскому дьячку 2 руб., ткачу 2 руб., мельнику 1 руб. 50 коп., на соль ученикам ткача и колесникам 7 чел. 1 руб. 2 коп., двум девкам «прядильным» на платье и на соль 80 коп. За 6 чел. дворовых крестьяне вносили подушную подать в год 4 руб. 32 коп. Хлебного жалованья полагалось приказчику 10 четвериков муки и четверик крупы, всем остальным 23-м семьям 90 четвериков муки и 5 $^1/_2$ четвериков крупы[15]. Помольных денег платили 23 руб. ежегодно.

Конфискованное осенью 1750 г. *имение барона Василия Петровича Поспелова находилось в Тамбовском уезде* и состояло из четырех сел и одной деревни. Опись помещичьих и крестьянских дворов датирована 22 ноября того же года[16]. Территория «дикой степи» по реке Керше, на которой располагалось имение барона, стала заселяться в годы царствования Михаила Романова. По источникам рубежа XVII–XVIII в. здесь была вотчина домового Чернеева монастыря, затем тамбовского архиерея (села Спасское, Троицкое, Богородицкое и деревня Русская Поляна). В конце 1725 г. по челобитью камер-юнкера Василия Поспелова последовал в Сенат императорский указ о передаче ему

[15] По подсчетам П. К. Алефиренко, на тягло приходилось 8 дес. пашни в трех полях, 0,6 дес. сенокоса. Все платежи составляли 188 руб., 2 руб. 26 коп. с осьмака (Крестьянское движение... С. 41).

[16] РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Кн. 2576. Л. 1.

дине XVIII в. сел стало больше (деревня Русская Поляна стала селом Васильевское), и появилась деревня, названная по реке — Казыванье.

При всех пяти селениях описаны «помещицкие дома». Указано хоромное строение и хозяйственные постройки. Дворовые люди (17 чел. об.п.) перечислены лишь при двух усадьбах.

«Хоромное строение» в усадьбах Поспелова было сходно с постройками господских дворов XVII – начала XVIII вв. В центральной усадьбе Спасское «в одной связи» стояли горница с комнатой, другая горница, изба с комнаткой, нужник, соединенные сенями. В других усадьбах отмечено по одной горнице, а в усадьбе Богородицкое изба с сенями, а в ней кирпичная печь. В источнике «сверх сей описи» приведено описание «собственного» дома Поспелова в Тамбове. Хоромы «ветхие» состояли из двух светлиц с комнаткой (3 покоя) сенями и двумя чуланами. Отмечены также амбар и изба приворотная, «в которой и жить невозможно». Из хозяйственных построек в сельских усадьбах упомянуты сараи, в том числе для колясок и фурманов, амбары, конюшни, бани с передбанником, курник, погреб с напогребницей, ледник с погребицей. Гумна, в которых были овины, огорожены.

Усадебное хозяйство имело, в основном, зерновую направленность. В усадьбах Спасское и Троицкое стояли житные дворы с зерном. Хлеб, обмолоченный и необмолоченный в гумнах, хранился во всех усадьбах. А поголовье скота (коровы, телята, овцы, свиньи) показано только в двух усадьбах. Во всех усадебных дворах хранилось довольно много обмолоченного зерна. В том числе 1151 четв. 4 четверика 6 гарнцев ржи, 447 четв. 7 четвериков овса, пшеницы озимой 23 четв. 7 четвериков, пшеницы яровой 64 четв. 2 четверика, 71 четв. 5 четвериков гречи, 46 четв. 6 четвериков ячменя, 13 четв. 4 четверика гороха. Всего 1819 четв. 3 четверика 6 гарнцев зерна, а в источнике указано 1752 четв.

В гумнах стоял в скирдах и копнах необмолоченный хлеб — всего 5654 копны. В том числе 2739 копен ржи, 2579 копен овса, 27 копен пшеницы, 297 копен гречи, 12 копен проса. Да еще отмечено 2 скирды пшеницы и 3 скирды ячменя, по которым число копен не указано. Имелись и значительные зерновые запасы. От прошлых лет оставалось 853 копны ржи, 40 копен овса, 143 копны ячменя, 110 копен пшеницы яровой и 91 копна озимой. Канцелярия конфискации приказала этот хлеб не молотить, так как «состоит в споре со вдовою Поспеловой».

Особой чертой помещичьего хозяйства (в отличие от крестьянского) являлись посевы и озимой, и яровой пшеницы. На барщинных полях сеяли рожь, пшеницу, овес, гречу, горох.

По итоговым показателям источника, крестьяне пяти селений — село Спасское, Талинское тож, село Троицкое, Керша тож, село Богородицкое, Малая Талинка тож, село Васильевское, Русская Поляна тож, деревня Казыванье — обрабатывали на помещика в озимом и яровом полях 489 дес. Всего высевалось 1082 четв. 6 четвериков (8662 четверика). На одну десятину приходилось в среднем 17,7 четвериков семенного зерна. В среднем на крестьянский двор (всего их 432) в двух (озимом и яровом) полях полагалось к обработке на помещика 1,1 дес. Если же взять 414 тяглоспособных

дворов (1501 чел. м.п.), то в среднем на двор приходилось 1,2 дес., на чел. м.п. 0,3 дес.

Нормы высева зерновых на барщинных землях в различных селениях совпадали. В селах Спасское, Троицкое, Богородицкое в озимом поле высевалось в среднем на десятину 14 четвериков. Только в селе Васильевское норма понизилась до 12 четвериков. Расчет высева ржи в деревне Казыванье (21 четв. на 20 дес., т. е. 8,4 четверика на десятину) вызывает сомнения. Может быть, переписчик ошибся, и в деревне высевали 41 четв. ржи. По всем селениям высев ржи озимой составил 419 четв. 5 четвериков (3357 четвериков) на 240 дес. (примерно 14 четвериков на десятину). Таким образом, площадь ярового поля 249 дес. оказывается меньше на 9 дес.

Сена на помещика крестьяне четырех сел (без учета деревни) заготавливали 4870 копен на 122 дес. Получается по 40 копен с одной десятины. В среднем крестьянский двор, считая в селах 389 тяглоспособных дворов, должен был давать землевладельцу 12 ½ копен примерно с трети десятины.

Крупного рогатого скота в усадьбах было мало (12 коров, бык, 13 телят). Больше отмечено овец (51) и свиней (110)[17]. Очевидно, что уход за скотом был обязанностью дворовых людей.

Господское пчеловодство отмечено только в усадьбе Васильевское (40 ульев).

За столовые запасы крестьяне четырех сел уплачивали барону 267 руб. 54 ½ коп. (в источнике 260 руб. 54 ½ коп.). Село Спасское (222 двора) давало 157 руб. 87 коп. (в среднем с двора 71,1 коп.); село Троицкое (110 дворов) 77 руб. 4 коп. (70 коп.); село Богородицкое (7 дворов) — 4 руб. 81 ½ коп. (68,8 коп.); село Васильевское (50 дворов) — 27 руб. 82 коп. (55,6 коп.). Таким образом, денежный оброк по селениям колебался от 55,6 до 71,1 коп. В среднем по имению с 389 дворов в селах взималось с двора 68,8 коп. Жители деревни денежный оброк не вносили.

Судя по источнику, в целом крестьяне справлялись с владельческими и казенными повинностями. Описание оканчивается записью: «А доимки на оной вотчине никакой не имеется». Беспосевных и безлошадных крестьянских дворов насчитывалось очень мало.

В селе Спасское отдельно перечислены бобыли (27 чел. м.п. и 16 чел. ж.п., всего 43 чел.). Можно полагать, что они земледелием и животноводством не занимались, так как их занятия (обычные для крестьян) не указаны. Бобыли жили и в селе Троицкое (23 чел. м.п. и 22 чел. ж.п. , всего 45 чел.). Здесь же отмечены «сироты» (6 чел.). В деревне Казыванье проживали положенные в подушный оклад церковники (17 чел. м.п. и 9 чел. ж.п.). Три семьи имели скот и птицу, а для одной указан высев «хлеба».

Подворное описание по имению Поспелова содержит следующие показатели: население обоего пола и его возраст, поголовье скота и птицы, посевы озимых и яровых, сенокос, пчелы в ульях. Отсутствуют сведения о по-

[17] В данном источнике в конское поголовье включались лошади и жеребята, в коровьем поголовье — коровы, подтелки, телята. В овечьем поголовье значились только овцы (без баранов, ягнят), в свином — только свиньи (без боровов и поросят).

стройках крестьянских дворов, о запасах хлеба, о ценах на крепостных людей, на скот и зерно.

Всего в имении 432 крестьянских двора. В них 1542 чел. м.п. , 3044 чел. об.п. Самое большое селение село Спасское (231 двор). В селе Троицкое было вдвое меньше (113). В селе Васильевское и в деревне дворов мало (52 и 26), а в селе Богородицкое только 10.

Из 432 крестьянских дворов считаем нужным исключить при дальнейших подсчетах 18 дворов (ок. 4 %). К ним относятся 7 беспосевных дворов. По двум дворам имеется помета — «не сеят хлеба»; для пяти дворов посев вовсе не указан. Дворы эти безлошадные (2 двора) и однолошадные (5). В хозяйственном плане их трудно сравнивать с другими земледельцами. Еще 11 дворов отличаются тем, что в них нет мужчин в возрасте от 15 до 65 лет. Главы семей отмечены в возрасте 70 лет (4), 75 лет (1), 80 лет (3), 90 лет (1), 100 лет (1). Одна семья состояла из вдовы 45 лет с малолетними сыновьями. Хозяйства некоторых таких семей довольно зажиточны. Однако по числу годных для пашни и сенокошения мужчин их невозможно соотнести с остальными.

Группировка дворов по числу взрослых работников м.п. дает следующие показатели (*табл. № 3.14*). На первом месте в имении дворы с одним взрослым м.п. (180 — 43,5 %), на втором — с двумя (144 — 34,8 %). Вместе эти дворы (324 — 78,3 %) составили долю более чем в три четверти. Доля дворов с тремя-шестью взрослыми оказалась около одной пятой (90 — 21,7 %).

Группировка дворов и выводимые усредненные показатели имеют условный характер. Так, в деревне Казывание среди малосостоятельных дворов первой группы выделяется по высеву ржи (48 четвериков) один двор. В другом 10 дворах высев составлял 8–24 четверика. Разные показатели и у дворов, где работников много. Другой пример. В селе Спасское в самой зажиточной группе оказалось 15 крестьянских дворов: в 9 дворах 4 чел. взрослых м.п., в 5 — 5 чел., в одном — 6 чел. Однако по хозяйственному состоянию дворы отличались. Два двора не имели посевов пшеницы, 11 дворов — ячменя. Коров не было у двух дворов, коз — у 11. Гуси отмечены только в трех дворах, утки — в шести. Пчел — 39 ульев — разводили только в четырех дворах.

В 414 дворах с взрослыми работниками отмечен 1501 чел. м.п. (50,6 % от жителей об.п. 2964 чел.). Среди них 770 чел. в возрасте от 15 до 65 лет (51,3 %). В первой группе доля взрослых составляет 41,6 %. В других она выше (53,8 %, 56,0 %, 57,8 %). Это свидетельство того, что во дворах с одним взрослым детей м.п. (до 15 лет) больше. В этой же первой группе больше семей, в которых отмечены мужчины в возрасте от 66 до 100 лет. Всего в имении таких людей 61 (ок. 4 %), в том числе 46 женатых и 15 вдовцов. Из них 29 чел. отмечены во дворах с одним взрослым, 223 чел. — во дворах с двумя, 7 чел. — во дворах с тремя, 2 чел. во дворах с четырьмя-шестью. Бездетные семьи (23) отмечены только во дворах с одним работником (17) и с двумя (6).

Из 770 чел. м.п. в возрасте от 15 до 65 лет отмечено 647 женатых, 13 вдовцов и 110 неженатых (доля последних 14,3 %).

О возрасте старших в семьях мужчин данные см. в *табл. № 3.15*. Представим и другую группировку: до 20 лет — 6 чел. (1,5 %), 20–29 лет — 73 чел. (177 %), 30–39 лет — 85 чел. (20,5 %), 40–49 лет — 85 (20,5 %), 50–59 лет —

Табл. № 3.14

Крестьянское население в тамбовском имении Поспелова В.П.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи нераздельные	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	крестьяне отцовские	крестьяне братские
1	180	43,5	872	29,4	4,8	433	28,8	2,4	180	23,4	1,0	159	21	-
2	144	34,8	1096	37,0	7,6	535	35,7	3,7	288	37,4	2,0	21	87	36
3	66	15,9	683	23,0	10,3	353	23,5	5,3	198	25,7	3,0	1	51	14
4	24	5,8	313	10,6	13,0	180	12,0	7,5	104	13,5	4,3	-	22	2
Всего	414	100,0	2964	100,0	7,1	1501	100,0	3,6	770	100,0	1,8	181	181	52

Табл. № 3.15

Возраст крестьянского населения в тамбовском имении Поспелова В.П.

Возраст, лет	Люди м.п.	%	Люди м.п.	%	Всего	%
1–10	580	44,3	508	40,0	1088	42,2
11–14	85		77		162	
15–19	127	51,6	170	57,9	297	54,7
20–29	226		314		540	
30–39	140		135		275	
40–49	100		118		218	
50–59	94	4,1	80	2,1	174	3,1
60–65	78		30		108	
66–69	1		1		2	
70–79	25		18		43	
80–89	26		11		37	
90–100	9		1		10	
Всего	1501	100,0	1463	100,0	2964	100,0

90 чел. (21,7 %), 60–65 лет — 75 чел. (18,1 %). По возрасту распределение довольно равномерное. Обычно юноши вступали в брак начиная с 15 лет. Лишь в двух семьях отмечены женатые сыновья в возрасте 13 лет.

Во дворах с одним взрослым наибольшая часть работников (104 из 180) имела возраст от 20 до 39 лет. В семьях с двумя взрослыми больше всего людей в возрасте от 40 до 59 лет (74 из 288). В семьях с тремя-четырьмя взрослыми показатель еще выше. Большинство показано в возрасте от 50 до 65 лет.

Крестьянские дворы в основном населяли неразделенные семьи. На первом месте были отцовские. Семей, где наряду со взрослыми сыновьями или без них отмечены внуки, племянники, двоюродные братья, пасынки, приемыши, зятья и шурины (в возрасте свыше 15 лет), было мало. Братские семьи заметны только в группах с двумя и тремя взрослыми.

Семьи, в которых отмечены только дочери, были в первой группе (24) и во второй (3).

Главной отраслью крестьянского хозяйства была озимая рожь (высев 12181 (*см. табл. №3.16 и 3.17*). Ведущей культурой была озимая рожь (высев 12181 четверик, в среднем на двор 29,4). Только в одном из изучаемых 414 дворов рожь не сеяли. На втором месте шел овес (15170 четвериков, средний показатель 36,6), на третьем греча (5646, в среднем 13,6). Гречи не было лишь в двух дворах, а пшеница отсутствовала в 136 дворах (32,8 %). На двор приходилось пшеницы 5,5 четвериков. Большинство дворов высевало другую крупяную культуру — просо. Проса не было лишь в 23 дворах (5,5 %). В четвертой части дворов не сеяли горох (25,1 %); конопля отсутствовала в 44 (10,6 %). Средние показатели 1,1 и 2,3 четверика. Средний душевой показатель по именно у ржи, овса, гречи соответственно 8,1; 10,1; 3,8, а у пшеницы небольшой — 1,5. По отдельным селениям самый низкий показатель ржи и гречи у крестьян села Васильевское, но у них высший показатель пшеницы. Крестьяне сел Васильевское и Богородицкое совсем не высевали горох. В Васильевском ничтожный высев конопли — 0,2; в других селениях 2,0–2,9 четверика.

От общей картины земледелия перейдем к его рассмотрению по культурам с учетом принятой группировки крестьянских дворов (*см. табл. № 3.18*).

Количественные показатели высева озимой ржи в четвериках заметно возрастают от первой группы (4–64) до четвертой (24–104). Посев ржи в первой группе начинается с 4 четвериков, второй — с 5, третьей — с 6, четвертой — с 20. В первой группе основная часть дворов (79 — 44,1 %) высевала рожь в пределах 10–19 четвериков, во второй — в пределах 20–29 четвериков (40 — 27,8 %), да еще несколько меньше дворов (35 — 24,3 %) с посевом 30–39 четвериков; в третьей больше всего дворов (18 — 27,3 %) значилось с высевом 40–49 четвериков. Самые высокие показатели у дворов четвертой группы: 5 дворов с посевом 40–49, еще 5 дворов с посевом 60–69 четвериков (41,6 %). Довольно часто дворы с высоким посевом ржи в 40, 48, 56, 64 четверика сеяли много и других культур, и у них было немало скота. Дворов с низкими показателями (до 10 четвериков) было в первой группе 34 из 179, во второй — 4, в третьей — 2, в четвертой их не было.

Посевы пшеницы занимали скромное место. По ним, как по ржи, заметной дифференциации не наблюдается. В первой и второй группах перене-

Табл. № 3.16

Крестьянское хозяйство в тамбовском имении Поспелова В.П.

Группа	Дворы	Крестьянских м.п.	Посевы зерновых, четвери						Поголовье					
			рожь	пшеница	овес	греча	просо	горох	конопля	Лошади	Коровы	Козы	Овцы	Свиньи	Куры	Семь, копны
1	180	433	3274	486	4066	1656	362	144	306	518	413	44	1503	835	2243	12315
2	144	535	4645	900	6002	2097	457	169	364	698	602	84	2131	1143	2690	17995
3	66	353	2944	645	3604	1307	109	102	200	436	348	53	1376	650	1348	11830
4	24	180	1318	245	1498	586	41	44	94	160	134	16	493	249	340	4590
Всего	**414**	**1501**	**12181**	**2276**	**15170**	**5646**	**479**	**459**	**964**	**1812**	**1497**	**197**	**5553**	**2877**	**6821**	**46730**
В среднем на двор	-	3,6	29,4	5,5	36,6	13,6	1,1	1,1	2,3	4,4	3,6	0,5	13,4	6,9	16,5	112,9
В среднем на человека м.п.	-	-	8,1	1,5	10,1	3,8	0,3	0,3	0,6	1,2	1,0	0,1	3,7	1,9	4,5	31,1

Табл. № 3.17

Средние показатели крестьянского хозяйства в тамбовском имении Поспелова В.П.

Группа	Посевы, четверти						Поголовье					
	рожь	пшеница	овес	греча	просо	горох	конопля	лошади	коровы	козы	овечьи	свиньи	куры	Семь, копны
	в среднем на двор													
1	18,2	2,7	22,6	9,2	2,0	0,8	1,7	2,9	2,3	0,2	8,3	4,6	12,5	68,4
2	32,2	6,2	41,7	14,6	3,1	1,2	2,5	4,8	4,2	0,6	15,2	7,9	18,7	125,0
3	44,6	9,8	54,6	19,8	1,6	1,5	3,0	6,6	5,3	0,8	20,8	9,8	20,4	179,2
4	54,9	10,2	62,4	24,4	1,7	1,8	3,9	6,6	5,6	0,7	20,1	10,4	22,5	191,2
Всего по имению	**29,4**	**5,5**	**36,6**	**13,6**	**1,1**	**1,1**	**2,3**	**4,4**	**3,6**	**0,5**	**13,4**	**6,9**	**16,5**	**112,9**
	в среднем на человека м.п.													
1	7,6	1,1	9,4	3,8	0,4	0,3	0,7	1,2	0,9	0,1	3,5	1,9	5,2	28,4
2	8,7	1,7	11,2	3,9	0,9	0,3	0,7	1,3	1,1	0,1	4,1	2,1	5,0	33,6
3	8,3	1,8	10,2	3,7	0,3	0,3	0,6	1,2	1,0	0,1	3,9	1,8	3,8	33,5
4	7,3	1,4	8,3	3,2	0,2	0,2	0,5	0,8	0,7	0,1	2,7	1,4	3,0	25,5
Всего по имению	**8,1**	**1,5**	**10,1**	**3,8**	**0,3**	**0,3**	**0,6**	**1,2**	**1,0**	**0,1**	**3,7**	**1,9**	**4,5**	**31,1**

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в имении Поспелова В.П.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																			
						до 1	1–1,9	2–2,9	3–3,9	4–4,9	5–5,9	6–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80–89	90–99	104	120	160
рожь																									
1	180	1	179	3274	4–64	–	–	–	–	2	–	32	79	40	18	6	1	1	–	–	–	–	–	–	
2	144	–	144	4645	5–80	–	–	–	–	–	1	3	19	40	35	34	5	5	–	2	–	–	–	–	
3	66	–	66	2944	8–96	–	–	–	–	–	–	2	4	6	12	16	7	7	1	5	2	–	–	–	
4	24	–	24	1318	24–104	–	–	–	–	–	–	–	3	2	5	4	5	–	4	–	1	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**1**	**413**	–	–	–	–	–	–	**2**	**1**	**37**	**102**	**91**	**67**	**63**	**17**	**15**	**1**	**11**	**2**	**1**	–	–	
пшеница																									
1	180	87	93	486	1–20	–	13	12	6	27	4	16	12	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	144	32	112	900	1–24	–	7	5	3	23	5	30	36	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
3	66	13	53	645	1–48	–	2	2	1	5	1	16	16	5	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	24	4	20	245	1–40	–	1	–	–	2	–	4	12	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**136**	**278**	–	–	–	**23**	**19**	**10**	**57**	**10**	**66**	**76**	**9**	**2**	**2**	–	–	–	–	–	–	–	–	
овес																									
1	180	–	180	4066	2–96	–	–	1	–	5	1	25	53	46	22	22	1	2	–	1	1	–	–	–	
2	144	–	144	6002	4–120	–	–	–	–	2	–	2	12	23	19	51	9	12	3	8	2	–	1	–	
3	66	–	66	3604	8–120	–	–	–	–	–	–	2	4	7	6	12	8	9	1	12	2	–	3	–	
4	24	–	24	1498	4–160	–	–	–	–	1	–	–	1	2	–	5	2	2	1	4	4	–	1	1	
Всего дворов	**414**	–	**414**	–	–	–	–	**1**	–	**8**	**1**	**29**	**70**	**78**	**47**	**90**	**20**	**25**	**5**	**25**	**9**	–	**5**	**1**	
гречка																									
1	180	2	178	1656	1,5–32	–	2	7	2	33	2	64	60	7	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	144	–	144	2097	1–80	–	1	2	1	5	1	31	75	21	3	3	–	–	–	1	–	–	–	–	
3	66	–	66	1307	6–48	–	–	–	–	–	–	11	19	21	9	6	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	24	–	24	585	8–48	–	–	–	–	–	–	1	8	7	5	3	–	–	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**2**	**412**	–	–	–	**3**	**9**	**3**	**38**	**3**	**107**	**162**	**56**	**18**	**12**	–	–	–	**1**	–	–	–	–	

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																			
						до 1	1–1,9	2–2,9	3–3,9	4–4,9	5–5,9	6–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80–89	90–99	104	120	160
просо																									
1	180	15	162	162	0,13–8	62	82	19	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	144	8	136	167	0,5–4	16	88	29	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
3	66	–	66	109	0,5–4	12	20	24	7	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	24	–	24	41	0,5–3	2	8	12	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**23**	**391**	–	–	**92**	**198**	**84**	**12**	**4**	–	**1**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
горох																									
1	180	63	117	144	0,5–8	15	81	17	–	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	144	26	118	169	0,5–4	3	69	45	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
3	66	13	53	102	1–4	–	15	30	6	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	24	2	22	44	1–4	–	9	7	4	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**104**	**310**	–	–	**18**	**174**	**99**	**10**	**8**	–	**1**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
конопля																									
1	180	19	161	306	0,5–8	5	64	60	19	10	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	144	12	132	364	0,5–8	1	23	45	26	27	4	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
3	66	11	55	200	1–8	–	3	9	13	18	6	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
4	24	2	22	94	1–10	–	2	3	6	2	–	8	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**414**	**44**	**370**	–	–	**6**	**92**	**117**	**64**	**57**	**11**	**22**	**1**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	

ство было за дворами с высевом 4–19 четвериков; в третьей и четвертой — 6–19. Во всех группах преобладали высевы 10–19 четвериков.

Овес сеяли все крестьяне без исключения. Размеры высева колебались от 2–4 до 120 четвериков и даже в одном дворе до 160 четвериков. В первой группе наибольшее число дворов (53 — 29,4 %) высевало по 10–19 четвериков. В других группах первое место занимали дворы с высевом от 40 до 49 четвериков. Во второй группе 51 двор (35,4 %); в третьей — 12 (18,2 %), да еще у 12 дворов высев 80–89 четвериков; в четвертой — 5 дворов (20,8 %), да еще 8 дворов имели высев в пределах от 80 до 99 четвериков. Если принять обычный высев овса на десятину в пределах 10–19 четвериков[*], то показательно наличие дворов, высевающих овес в пределах 2–9 четвериков. В первой группе таких 32 из 180; во второй — 16 из 144. Можно предположить, что в основном это малосостоятельные хозяйства. В третьей и четвертой группах их единицы.

В первой группе высев гречи от одного до 39 четвериков, а в основном (124 двора из 178) от 6 до 19. На первом месте дворы с высевом 6–9 четвериков. Во второй, третьей и четвертой группах первенство за дворами с посевом от 10 до 29 (96 из 144; 40 из 66; 15 из 24)[**]. Можно думать, что более состоятельные крестьяне стремились к заметному расширению площади под этой ценной культурой.

Посевы проса и гороха были небольшими во всех группах — не более 5 четвериков. Первенствовали дворы с высевом 1–1,9 (по просу 198 — 50,6 %; по гороху — 174 — 56,1 %). Посевы конопли не превышали 10 четвериков. У 209 дворов (56,5 %) они колебались от 1 до 2,9 четвериков.

Обратимся к крестьянскому животноводству. На 414 дворов имения приходилось 1812 лошадей (их не было только в одном дворе). Средний дворовый показатель 4,4, душевой 1,2. Из селений выделяется село Васильевское (6,8 и 2,1). Коровье поголовье насчитывало 1497. В 51 дворе (12,3 %) коров не было. Средние показатели (3,6 и 1,0) положение выравнивают. Среди селений вновь на первом месте Васильевское (8,4 и 2,6), видимо, по причине наличия более обширных лугов. 197 коз отмечено в 66 дворах. Не было их в 348 дворах (84 %). В селе Васильевское коз не отмечено. Только по селу Богородицкое средний показатель на двор выше единицы (1,7), а душевой (0,6) выше среднего по имению. С овечьим поголовьем (6183) дело обстояло удовлетворительно (14,9 и 4,1). Овец не было лишь в 12 дворах. Свиней (2877) не оказалось в 28 дворах. Средние по имению 6,9 и 1,9. Из селений на последнем месте показатели села Васильевское. Однако село отличалось значительным поголовьем лошадей, коров и овец.

Средние показатели кур русских (из 6821) удовлетворительны (16,5 и 4,5). Лишь в двух дворах птицы не было. Здесь село Васильевское вновь впереди (20,9 и 6,5).

Численность поголовья скота по группам крестьян см. в *табл. № 3.16* и *3.17*.

[*] Для Курской и Орловской губерний отмечено преобладание высева овса в 16 четвериков (Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 86).

[**] Нормы высева гречи составляли 8–9, 10–11, 13–16 четвериков (Там же).

В первой группе у 179 дворов было 518 лошадей. Средняя дворовая (2,9) ниже показателя по имению в целом. Во второй группе 698 лошадей на 144 двора, во второй — от одной до 13 (*табл. № 3.19*). Средняя на двор второй группы (4,8) чуть выше показателя в целом. В третьей группе 436 лошадей на 66 дворов. Средняя на двор высокая — 6,6. Колебания от 1 до 20 голов на двор, в основном 3–7 единиц. В четвертой группе дворовый показатель столь же высок — 6,6. 24 двора имели 160 голов. Здесь двор имел от 3 до 12 лошадей, в основном от 3 до 9.

В 143 дворах первой группы отмечено 413 коров. В 37 дворах коров нет. Средняя на двор (2,3) ниже средней по имению (3,6). Во дворах отмечено от 1 до 9, в основном 1–4 головы. По другим группам подворные показатели (4,2; 5,3; 5,6) выше среднего в целом. Во дворах второй группы 1–41 (в основном 2–4); в третьей — 1–21 (в основном 2–5); в четвертой — 3–17 (в основном 3–5). Коз у крестьян было мало: 197 голов в 66 дворах (16 %). Наибольшие показатели во дворах второй группы (84 в 25 дворах) и третьей (53 в 15).

Овечье поголовье 5553 головы в 402 дворах; овец не было в 12 дворах. Средняя на двор — 13,4. Средняя на двор в первой группе ниже — 8,3. В остальных выше: 15,2; 20,8; 20,1. В целом по имению основная часть дворов держала от 5 до 10 голов. Колебания по дворам в поголовье в первой группе 1–40; во второй 1–75; в третьей 2–90; в четвертой 5–60. В первой группе верхний показатель для основной части дворов 10.; во второй — 20; в третьей — тоже 20; в четвертой — 30.

Свиней не отмечено в 29 дворах. В 385 было 2877 голов. В среднем на двор 6,9. И опять в первой группе показатель ниже (4,6), в других выше (7,9; 9,8; 10,4). Дворы первой группы дают численность от 1 до 16 (а в основном 2–10); второй группы — от 1 до 32 (в основном тоже 2–10); третьей группы — от 2 до 40 (в основном 7–15); четвертой группы — от 4 до 20 (в основном 7–10). Как видно, в третьей и четвертой группах многие дворы имеют больше голов. По имению в целом основная часть дворов имела от 2 до 10 голов.

Средние душевые показатели во всех группах либо совпадают с общими для имения, либо различаются незначительно. Численность населения м.п. соответствует в целом количеству крестьянских дворов в группах. В целом показатели выглядят так: лошадей 1,2; коров 1,0; овец 3,7; свиней 1,9.

Сенокосных угодий в имении в целом, видимо, было достаточно. Без сенных покосов отмечен только один двор. Всего заготавливалось 46370 копен сена (в среднем на двор 112,9 копен, на душу м.п. 31,1 копны). По группам показатели заметно расходятся. Больше всего сена у дворов второй группы (38,5 %), затем идут дворы первой (26,3 %) и третьей (25,3 %) групп. В четвертой группе доля небольшая — около одной десятой (9,9 %). Однако средние подворные идут по нарастающей: первая — ниже общей по имению (68,4), вторая (125,0) — немного выше общей средней, третья (179,2) и особенно четвертая (191,2) — заметно выше общей. Причем показатель четвертой почти в 3 раза больше показателя первой.

Средние душевые иные. У дворов второй и третьей групп они несколько выше общего показателя, а у дворов первой и четвертой ниже.

Табл. № 3.19

Поголовье скота в крестьянских дворах в тамбовском имении Послелова В.Л.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем: 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	90–99
лошади																															
1	180	1	179	518	1–10	40	50	34	19	15	7	2	6	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–						
2	144	–	144	698	1–15	10	22	16	26	22	11	8	8	2	5	4	3	1	–	–	–	–	–	–	–						
3	66	–	66	436	1–20	1	5	10	5	9	6	11	4	4	–	4	2	1	–	–	–	–	2	–	1						
4	24	–	24	160	3–12	–	–	3	3	5	2	1	2	4	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–						
Всего дворов	414	1	413	–	–	51	83	65	53	49	26	22	21	12	9	8	7	2	–	–	–	–	2	–	1						
коровы																															
1	180	27	153	413	1–9	34	51	15	15	8	11	3	2	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–				
2	144	8	136	602	1–41	16	25	27	23	12	11	5	2	2	8	1	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	1				
3	66	4	62	348	1–21	3	10	8	10	9	3	6	3	4	1	–	–	–	–	1	2	1	–	–	1	–	–				
4	24	2	22	134	3–17	–	–	4	7	4	1	–	–	2	1	1	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–				
Всего дворов	414	51	363	–	–	53	87	54	55	33	26	14	7	11	10	2	1	3	–	1	2	2	–	–	1	–	1				
овцы																															
1	180	8	172	1569	1–40	5	6	8	12	18	24	20	11	6	19	2	6	6	3	8	3	–	1	–	10	1	1	–	–	–	–
2	144	4	140	2191	1–75	1	2	4	–	7	8	6	13	5	19	2	6	6	–	9	4	7	5	1	16	9	5	1	2	1	–
3	66	–	66	1276	2–90	–	1	–	–	1	–	1	–	1	10	2	4	2	2	7	3	5	2	–	12	4	2	–	1	1	2
4	24	–	24	483	5–60	–	–	–	–	1	2	–	–	2	1	–	1	1	–	2	2	2	–	–	4	5	–	–	1	–	–
Всего дворов	414	12	402	–	–	6	9	12	12	27	34	27	24	17	49	6	17	16	6	26	12	14	8	1	42	19	9	1	4	2	2
свиньи																															
1	180	22	158	835	1–16	6	23	21	21	21	20	11	11	6	14	1	–	–	–	2	1	–	–	–	–	–	–				
2	144	6	138	1143	1–32	2	7	5	15	9	21	13	14	5	22	2	2	2	2	6	3	–	1	–	6	1	–				
3	66	–	66	600	2–40	–	3	2	2	5	4	6	6	4	17	1	6	1	1	7	–	–	–	–	3	–	1				
4	24	1	23	349	4–20	–	–	–	1	1	1	3	3	1	6	–	–	1	–	2	–	1	–	–	2	–	–				
Всего дворов	414	29	385	–	–	8	33	28	39	34	46	33	24	16	59	4	8	4	3	17	4	1	1	–	11	1	1				

Табл. № 3.20

Заготовка сена в крестьянских дворах в имении Послелова В.Л.

Группа	Дворы	Дворы без сена	Дворы с сеном	Общий укос	Сена на двор (крайние показатели)	Кол-во дворов с сеном, копен: 15	20	30	35	40	50	60	70	80	90	100	105	120	130	150	160	190	200	240	250	270	300	350	360	400	420	500
1	180	1	179	12315	15–200	2	13	24	–	20	28	13	10	11	1	34	–	2	2	9	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	144	–	144	17995	20–400	–	2	1	2	7	15	7	7	7	2	42	1	1	–	21	1	1	20	1	2	–	4	1	1	2	–	–
3	66	–	66	11830	50–500	–	–	–	–	–	5	3	2	1	1	12	–	1	–	9	–	–	17	–	3	–	7	1	–	1	1	2
4	24	–	24	4590	70–500	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	4	–	–	–	5	–	–	9	–	2	1	1	–	–	–	–	1
Всего дворов	414	1	413	–	–	2	15	25	2	27	48	23	20	19	4	92	1	4	2	44	1	1	52	1	7	1	12	2	1	3	1	3

Конкретные показатели (*табл. № 3.20*) по дворам первой группы колеблются от 15 до 200 копен, а в основном от 30 до 100 копен (145 дворов из 180). Вторая группа — от 20 до 400 копен, а в основном от 50 до 20 копен (121 двор из 144). В третьей группе показатели начинаются с 50 копен, а последний — 500. В основном от 100 до 300 (49 дворов из 66). В четвертой колебания от 70 до 500. В основном 100–200 у основной части дворов (18 из 24).

Видное место в неземледельческих занятиях крестьян занимало пчеловодство. Всего в 99 дворах (ок. 24 %) стояли 2124 улья с пчелами. Больше всех их значится у крестьян второй группы (971 в 38 дворах) и третьей (625 в 25 дворах). Среди селений выделялись села Спасское (940 в 49 дворах) и Васильевское (828 в 30 дворах).

В 1751 г. были конфискованы имения *статского советника* белгородского вице-губернатора *Богдана Ивановича Пассека*. О благосостоянии помещика свидетельствует запись о владении им каменным домом в Санкт-Петербурге. Он потерял имения за незаконный увоз им из Белгорода, где он занимал должность воеводы, рассыльщиков, «определенных» к губернской канцелярии. «Немалое время» Пассек задерживал рассыльщиков в своих смоленских владениях.

Обширное имение Пассека в Смоленском уезде включало 6 сел и множество деревень. Церкви отмечены в 4 селах. У села Ивонино «церковь его, Богдана Пассека» находилась «на помещиковом дворе». Она была построена из соснового леса и крыта гонтом. При ней две паперти, «нижняя да вышняя». На верхнюю шел «всход под шатриком». Храм окружала с трех сторон решетчатая ограда, а с четвертой стороны — забор.

В церкви 7 икон, 6 стенных лампад, кадило медное ветхое. На престоле в алтаре Евангелие в медном окладе, 2 подсвечника оловянных и крест деревянный. Одежда церковная из выбойки и тафты. На жертвеннике лжица серебряная, оловянные потир, дискус, звезда, ампулка, медный укропник. Из книг Псалтырь и Псалтырь следованная, Триодь посная и цветная, Минеи праздничная и общая, Служебник и «книжица молебных пений».

В селах Яковлевичи и Отвичи также стояли церкви сосновые брусованные. При них проживали неположенные в подушный оклад священники, дьячки, пономари. При церкви на усадьбе Ивонино церковнослужители не упомянуты. Церковь при селе Вербово стояла на усадебном дворе. Она была ветхая и «служения в ней не имеется».

В имении Пассека находилось 6 усадеб, из них описано 5. На территории Ивановского стана располагалась главная усадьба Ивонино (Ивашино) на реке Устроме. В этом же стане стояла усадьба Яковлевичи, в Долгомостском стане — усадьбы Васильево, Юково тож и Отвичи, в Максимовском стане — усадьба Вербово. Об усадьбе Язвино сведений нет. Площадь ивонинского двора 2268 кв. саж. (63 × 36, т. е. более двух третей десятины в 3200 кв. саж.). Двор окружен забором в 20 звен с двумя калитками (цена 50 коп.), с двумя двойными воротами — передними створчатыми на дубовых верея (2 руб.) и задними — дощатыми (40 коп.). Двор в Яковлевичах занимал более 3100 саж. (72 саж. 2 арш. × 43 саж. три четв. арш.), т. е. почти целую десятину. Заборника оказалось 48 звен на 42 сосновых столбах. В ограде двое ворот без кровли на дубовых верея. Общая цена 5 руб. 80 коп. Васильевский двор располагался примерно на полудесятине (53 на 28). Заборника 20 звен ценой 1 руб. 50 коп. В ограде трое ворот, передние и двое задних. Передние на сосновых столбах с восьмиугольной «крышкой», крытой гонтом. На крышке «шпиц». Усадьба Отвичи в половину десятины (40 на 32 = 1280) окружена заборником осиновым ветхим в 47 звен и тремя ветхими воротами ценой 60 коп. Последняя усадьба по площади была небольшой — примерно пятая часть десятины (28 на 25 = 700 кв. саж.). Ограда в описании не упомянута. Как видно, размеры дворовых площадей от одной трети до целой десятины с третью.

Усадебные постройки можно разделить на жилые и хозяйственные. Их стоимость указана для трех дворов: Ивонино — 150 руб., Яковлевичи — 300 руб., Вербово — 1 руб. 50 коп., так как дом ветхий.

В усадьбе Ивонино главный дом сосновый брусованный состоял «в одной связе» из 10 покоев поземных на дубовом фундаменте. Его площадь 112 кв. саж. (16 × 7). «Оные хоромы о дву крышках, крыты гонтом». С задней стороны два крыльца со всходами дубовыми. В кровле 14 окон. В них 13 окончин простого зеленого стекла (цена каждой 10 или 15 коп.). Среди покоев 6 светлиц, холодный покой, кухня, «спижарня». Площади светлиц 6, 8, 16 кв. саж. Позади главного дома по углам «в одной связе» еще два покоя — «наугольная» светлица, при которой сени, чулан, нужник, и другая «наугольная» светлица с чуланом и нужником. «Наугольные покои о трех крышках, крыты гонтом же, и на оных по шпицу».

В 12 покоях 37 окон с оконницами белого, зеленого и зеленого простого стекла. В каждом покое не более 4 окон. Стоимость всех окон 37 руб. 15 коп. Цена одной оконницы «замазной в дереве» в светлицах 1 руб. (ее размер 2 × 1 арш.). Цена оконницы простого стекла определена была в 10 — 40 коп. в зависимости от степени ветхости. На окнах дубовые затворы на железных завесах «слесарской работы». В чуланах и нужниках окошки с окончинами простого стекла. Общее количество дверей дубовых 16 столярной работы. В них 6

замков «внутряных» слесарной работы и один немецкий (в другом месте замок московской работы). Дом очапливался восемью печами: 4 израсчатые ценинные, 2 израсчатые «разных кафель», 1 ценинная, 1 «из кафель зеленых с комином кирпичным». Имелся «очаг» на четырех кирпичных столбах и при нем печь кирпичная. Стоимость печей и очага 35 руб. 60 коп. Мосты (полы) и потолоки сосновые, «тесяные», а в одном покое «мост дубовой шахматами чернова и белова дуба»[20]. Только пол на кухне был наполовину каменный, а наполовину деревянный.

В 12 покоях перечислены 14 столов: длинных и круглых, простой и столярной работы, дубовых, липовых, еловых, в том числе «красного дерева немецкой работы», «эспидной в рамах штукарных немецкой работы». Их стоимость 14 руб. 81 коп. Указаны 18 стульев липовых столярной работы, обитых красной кожей. Каждый стул ветхий по 20 коп. Отмечены шкаф липовый треугольный с дверцами и замком ценой 30 коп.; 5 кроватей дубовых, липовых и еловых ценой 1 руб. 30 коп.; 9 скамеек ценой 11 коп. Посуды хрустальной, стеклянной, глиняной, деревянной хранилось на 4 руб. 24 коп. Среди них кувшины и тарелки «виницеские», глиняные кувшины, стеклянные чайники, чашечки и бутылки, деревянные блюда и тарелки. Имелись 3 подсвечника медных стеновых и 2 лейки жестяные. В хоромах 8 икон на досках, полотне и бумаге в черных рамах. Стоимость 1 руб. 34 коп.

Другие строения: «в одной связе» светлица с чуланом и изба черная, а «промеж оных сени», новая светелка без печи с сенями; «в одной связе под одною кровлею» светлица с сенями, в которых два чулана, и изба черная. В избах печи глиняная и черная кирпичная. Еще одна постройка — светлица еловая и при ней сени («крышка» двойная крыта гонтом). В светлице печь кирпичная белая «з большим комином», цена 40 коп.

В усадьбе Яковлевичи отмечено 14 покоев «в одной связе». Площадь 135 кв. саж. (15 × 9). Главный дом из тех же материалов, что и в Ивонино. Отдельные покои имеют размеры от двух (2 × 1) до девяти (3 × 3) кв. саж. При них трое сеней с чуланами и чердаками, два крыльца сосновых тесаных на столбах. В покоях 24 окна с окончинами белого (каждое по 1 руб.) и зеленого (10 коп.) стекла; 16 дверей простых, в том числе 10 дубовых и 6 сосновых. Позади, «по углам отступя», еще два покоя. Первый размером 15 кв. саж. (5 × 3) «о четырех крышках» и крыт гонтом, «пятой спиц». Имеется ход наверх. Печь кирпичная, побеленная известью, «с комином» ценой 10 коп. Около покоя с двух сторон мост дощатый на брусах со всходом. При покое нужник дощатый, крыт гонтом. Второй покой с перерубом, и в нем есть также холодное помещение. В нем 4 окна (2 «наглуха заделаны», а другие 2 с окончинами простого стекла). «При втором угле кладовой покой» — сосновый брусованный такой же площади и тоже с перерубом и с такой же кровлей о четырех «крышках» (на ней 5 «шпиц»). К покою вел всходец еловый.

[20] В богатых домах полы настилались из досок. Плотницкие полы делали из досок, а столярные из шпонов — узких досок из простой древесины, хорошо склеенных (*Гидион Д. В.* Указ. соч. С. 201). Паркетные полы в первой половине и в середине XVIII в. отмечены только в XVII в., но позднее получили широкое распространение в кухнях, коридорах, людских (Там же. С. 202).

Без указания расположения отмечены две светлицы сосновые брусованные, крыты тесом, между ними сени. В каждой по 3 окна со стеклянными оконцинами и по одной печи «кафленой» (цена каждой 1 руб. 80 коп.). Другие две светлицы «в одной связе» еловые, крыты тесом. В них печь «кафл белы» «с комином кирпичным», побеленным известью и с трубой (30 коп.) и печь «кирпичная с трубою» (30 коп.).

Во дворе отмечены также 2 избы черных с сенями. Среди них одна «кухмистерская», другая «для сторожов» с глиняной печью. Напротив кухмистерской кухня (3 × 3 саж.), «а в ней горен на чем есты готовят».

В перечисленных строениях 24 окна (в каждом покое 1–3 окна) с оконницами стоимостью по 10 коп.

Из мебели упомянуты 17 столов дубовых и сосновых «маливанных... молярством» разными красками. Один стол круглый «складаной», ноги «здвижлярством» разными красками. Один стол круглый «складаной», ноги «здвижные». Стоимость столов 6 руб. 14 коп. Среди 19 стульев 6 обитых кожей. Каждый по 20 коп., простой — 10 коп., а общая стоимость 2 руб. 50 коп. Отмечено 18 скамеек больших и малых за 50 коп. Один шкаф большой «маливаной черным молярством» с двумя дверцами и замком, цена 1 руб. 50 коп.; другой небольшой за 5 коп. Указан «креденс, где ставят посуду» простой работы о четырех досках, обитый полотном — 40 коп. В хоромах 2 кровати, дубовая и сосновая, стоимостью в 50 коп.

В главном доме 7 печей: 4 цельных, «моливанных» по белой земле травами желтыми и синими, печь израсчатая «зеленых кафл», 2 печи «кафлеными резные» с зелеными «кафлами». Одна из них с «комином кирпичным, выбеленным известью». Стоимость печей 33 руб. 70 коп. (от 3 до 9 руб.).

В покоях 33 иконы с окладами и без них, на досках и полотне (цены в основном от 1 до 2 руб.); 5 «коприк на пергомине в черных рамах» (каждая картина по 10 коп.).

Среди посуды и другого имущества 4 рюмки медные «на шайдане» (1 $^1/_2$ фунта — 30 коп.), 17 чашечек синих глиняных (33 $^1/_2$ коп.), солянница оловянная «о двух крышках» (1 коп.), 3 колокольчика медных с финифтью (20 коп.), жаровня железная (20 коп.), кастрюлька медная на ножках (10 коп.), 2 судна деревянных, «где ножи кладут», судок деревянный, «где ставят фрустальные стаканы» (60 коп.), безмен железный двухпудовый (15 коп.), сундук еловый «на колесках» (40 коп.), сундук, окованный железом, с висячим замком (1 руб.) (в нем Триодь, Псалтырь, Часослов ценой 1 руб. 40 коп.), шипцы медные (3 коп.) и железные (1 коп.).

Главный дом в усадьбе Васильево имел «в одной связе» 7 покоев — еловые ветхие, крыты тесом. Среди них 5 светлиц (2 × 2 $^1/_2$ саж.), холодный покой (1 $^1/_2$ × 1 $^1/_2$) и кухня (2 × 2). К дому примыкали сени передние (2 × 2) и сени задние (2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$).

В светлицах 3 печи с трубами израсчатые «зеленых кафл», два камина, в том числе «комин кирпичная с трубою». В кухне печь кирпичная «с очажком и с трубою». В трех светлицах стены обиты: в одной «выбита крутом обоем холстиные травчатые набиты сукном», в двух — «выбиты ветхим холстиным моливаным обоем». В покоях 13 икон, 7 столов (цены от 5 до 40 коп.), 11 стульев деревянных точеных (по 3 коп. каждый), две кровати липовые по 7 коп.

На дворе стояли еще 2 светлицы «в одной связе» и в том числе одна кладовая. Другие 2 светлицы с сенями и чуланом «под одною крышкою», а также светлицы крыты тесом. В первом строении две печи «израсчатые» кафельные, во втором — две кирпичные, в избе — печь глиняная, на кухне — очаг.

Дома в усадьбах Отвичи и Вербово были небольшими и ветхими. В первой «в одной связе» 2 еловые светлицы, соединенные сенями, во второй — под одной «кровлею» светлица с «хоморою» и сени. В домах печи «израсчатые» и кирпичные, в том числе печь «двойная» из кирпича и белого кафеля.

Из построек бытового и хозяйственного назначения отмечены бани, гумна, клети, овшаники, амбары, сараи, «ледовни» (ледники), конюшни. Особенно много их в усадьбах Ивонино и Яковлевичи.

Наиболее сложной по конструкции была конюшня в Ивонине. Ее размер значителен — 32 кв. саж. (8 × 4). В середине устроен ход наверх. При конюшне навес с перилами на сосновых столбах и повет (10 × 3 саж.) на 6 столбах дубовых, приделанный к забору. В конюшне с двух сторон 2 окна с круглыми оконцинами простого стекла (цена 10 коп.). В самой конюшне 8 стойл и решетка «болясная» на сосновых столбах «для поклажи сена». Ясли с решеткой отмечены в повете. Строение из елового леса, крыто гонтом. Стоимость конюшни 15 руб. Конюшня в Яковлевичах меньше — около 20 кв. саж. Она также имела 8 стойл. Ее цена 10 руб.

Ледовня в Ивонине сделана из елового леса с навесом на дубовых резных столбах. Размер 4 × 3 саж. Наверх имеется ход. Крышка двойная, крыта гонтом. Цена 10 руб. Постройка ледника в Яковлевичах более сложная. Здесь при нем 2 чулана дощатых, и он окружен «стоячим» забором. В ледовне и чуланах 3 двери. На ледовне поставлено сушило, куда ведет лестница дощатая. Размер ледовни и сушила (4 саж. × 3 саж. 1 $^1/_2$ арш.). Верхний выход из сушила окружен перилами с балясинами. Кровля гонтами о двух крышках. В леднике хранились 2 бочки по 10 ведер с пивом (5 коп. ведро) и бочка «с поливом» на 10 ведер (2 коп. ведро), бочонок с 40 солеными лимонами (40 коп.). А в сушиле отмечен пуд ветчины (40 коп.), «мышами поединой местами».

Погреб «паходной» в Ивонине сделан из дуба. Его размер 1 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$ саж. Выход из него также дубовый. Двери (2) деревянные. Погреб крыт дубьем. Его цена 1 руб. 20 коп. Еловый погреб в Яковлевичах назван «походным». Его размер больше (2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$). Сверху засыпан землей. Цена 2 руб. 50 коп.

По размерам большой сарай стоял на помещичьем дворе в Яковлевичах (7 саж. × 3 саж. 1 арш.). Он был крыт тесом. Ворота двойные дощатые еловые. Мост в сарае дощатый сосновый. При сарае навес на 12 столбах сосновых брусованных. Цена строению 13 руб. В Ивонине сарай меньше (6 × 3). Сделан из елового леса, крыт дранью. Его цена 3 руб. В нем хранились весы с двумя железными крюками (цена 25 коп.) и гири двухпудовые железные (5 штук — 6 руб.), пудовик (60 коп.), полупудовики (2 штуки по 30 коп.), четвертьпудовая (15 коп.), пятифунтовая (7 $^1/_2$ коп.).

В усадебных сараях Ивонина и Яковлевичей находились сани польской работы «малеванные», окованы железом (одни новые — 2 руб., двое ветхих —

1 руб.), сани московской работы ветхие, «выбиты сукном и тесьмами вахлаевы» ценой 50 коп. Еще трое саней, обитых кожей и обшитых крашениной, а внутри «выбиты» сукном или войлоком. Среди них сани с двумя окончинами стеклянными зеленого стекла и дверцами лубяными обитыми кожей. Цены — 4, 6, 8 руб.

Клеть в Ивонине была новая сосновая (2 саж. 1 арш. × 2 саж. 1 арш.), крыта тесом. При ней крыльцо. В Яковлевичах отмечена клеть людская ветхая с чуланами по обе стороны «в одной связке». Сделана из ели, крыта дранью. Ее размер 3 саж. 1 арш. × 1 саж. 2 арш. Перед клетью рундук с навесом на четырех резных столбах. Цена 2 руб. 80 коп.

Большим числом амбаров (16) отличается усадьба Ивонино. Отмечен амбар (4 × 4 саж.), на котором поставлено еловое сушило. На сушило вел всход («перилы точеные круглые кругом»). В сушиле 3 окна с окончинами «круглова простого стекла», ветхие и разбитые. Крыто оно гонтом. Цена 8 руб. На дворе располагались еще 5 одиночных амбаров. Другие построены «в одной связке»: 3 амбара еловых (7 × 2 саж.) с навесом на столбах, крыты тесом (цена 15 руб.); 3 амбара с двумя чуланами по обе стороны (9 $^1/_2$ × 2 саж.) со всходом деревянным наверх (25 руб.); 2 амбара ветхих, с чуланом между ними (5 × 2 саж.) и навесом (цена 2 руб.). За пределами двора были поставлены 2 амбара с чуланом между ними под одной кровлей из теса (8 × 3 саж.). В амбарах хранилось зерно, пенька, хмель, «домашняя рухледь» (косы, лопаты, заступы, рогатины).

В Яковлевичах было 13 амбаров. Отмечены 4 хлебных и чулан «в одной связи» (12 саж. 1 арш. × 2 саж. 1 арш.). К ним примыкали 2 навеса на дубовых столбах, крыльцо впереди и крыльцо позади. Наверх вел ход с переднего крыльца. Все строение крыто гонтом. Общая цена (вместе с пятью отдельными чуланами) 100 руб. Здесь хранились рожь, пшеница, ярица, греча, горох (49 руб. 40 коп.), 12 бочек вина — 195 $^1/_2$ ведра (по 50 коп. ведро — 97 руб. 87 $^1/_2$ коп.), железная рухлядь — пяла небольшая, скобели, бурав и другое (1 руб. 50 коп.).

Еще 3 амбара «в одной связке» размером 7 саж. 3 арш. × 2 $^1/_2$ саж., еловые, крыты гонтом. При них навес на простых столбах, крыльцо и «позади во всю связь чулан забором приделан». В эти амбары с крыльца ход (с двух сторон «ганки забраны досками»). Цена строения 35 руб. Также «в одной связке» 2 амбара, а между ними чулан. Каждый амбар 2 × 2 саж., чулан 1 × 2 саж. Цена не указана. Хранилось 14 четв. гречи стоимостью 7 руб.

На дворе располагались еще 4 амбара еловых, ветхих, крытых дранкой и тесом. Цена каждому 2 руб. В них лежали рожь, овес, солод, «сушеная», хмель «затхлый, негодный», общей стоимостью 8 руб. 90 коп.

В усадьбе Ивонино располагалось обширное гумно площадью 4851 кв. саж. (77 × 63), т. е. полторы десятины. Оно было огорожено большим частоколом и звеничным забором с дощатыми воротами. На территории гумна отмечена роща березовая и «лозовая» (18 × 8 саж.).

Главной составной частью гумна были 4 овина 2 × 2 саж. каждый. При каждом передовинье (длинику 15 саж., поперечнику 5 саж.). Овины сделаны из елового леса и крыты соловой, огорожены забориком. Цена каждого овина 6 руб.

Второй компонент — поставленные в одну линию 4 сарая и 4 пуни (длина 33, ширина 2 $^1/_2$ саж.). В сараях большие ворота, в пунях — двери. Цена 5 руб.

Третий — 2 сарая и одна пуня между ними (23 × 3 $^1/_2$ саж.) еловые, крыты соломой. Цена 7 руб. 40 коп. Четвертый — 3 пуни под одной «крышкой». Цена 60 коп. Пятый — 2 сарая между пунями «в одной связке» еловые, крыты соломой (16 × 2 $^1/_2$ саж.). Шестой — 4 очередка, «где хлеб сушат». Цена 2 руб. Общая стоимость 45 руб.

Гумно в Яковлевичах меньше. В нем 3 овина (цена 30 руб.) с передовинником; клетка «для клажи мякины» (40 коп.); 8 пунь (10 руб. 80 коп.) под одной крышей «для клажи сена, соломы, мякины» (40 × 2 саж.), 3 клетки (по 80 коп.). Гумно огорожено заборником еловым ветхим, 99 звен на 50 шухах. Цена 3 руб. 50 коп. Близ гумна «на холеще» пуня шестистенная еловая без кровли (2 руб. 50 коп.). Общая стоимость 48 руб.

Во всех усадьбах отмечены войты (управители) из крестьян ближайших селений «по наряду». В усадьбе Ивонино помимо войта указаны ключник и гумянник, в усадьбе Яковлевичи — ключник, в усадьбе Вербово — пастух. Они также были определены из крестьян. Вместе с дворовыми людьми войт и другие «хлебное и харчевое довольствие имеют из помещикова доходу за одним столом безъурочно». Дворовые люди находились при конюшенных и скотных дворах (28 чел. м.п. , 39 чел. ж.п.). У двух семей и двух вдов отмечен скот (без лошадей), куры и один улей пчел. В усадьбу Васильево приходили крестьяне «для сторожи... с переменою» по одному человеку.

Во всех усадьбах, кроме Отвичей, имелись конюшенные или конные дворы. Построек в этих дворах немного. В Ивонине 2 сарая, соединенных поветью на четырех столбах (цена 2 руб.); в Яковлевичах — 4 сарая «в одной связке» и погреб походный (18 руб. 60 коп.); в Васильеве — изба черная, сарай и 2 повети (2 руб. 50 коп.); в Вербове все строения ветхие — конюшня, 3 хлева, поветь на четырех сохах (2 руб.). Размер двора в Яковлевичах 77 кв. саж. (7 × 11), в Васильеве — 54 кв. саж. (9 × 6).

Численность конского поголовья (жеребцы, мерины, кобылы, жеребчаки, кобылки, жеребята) наибольшая в Ивонине — 61 голова. В остальных дворах от 20 до 22 голов. Во всем имении насчитывалось 143 головы. Их стоимость 465 руб. 85 коп.

Скотные дворы имелись во всех пяти усадьбах. Строений в них больше, чем в конюшенных. В Ивонине перечень открывается избой белой (3 саж. 1 арш. × 3 саж. 1 арш.). В ней чулан дощатый, печь «белых кафл» ветхая, 2 окна с окончинами простого стекла. Напротив изба черная тех же размеров с простой печью. Между ними сени с чуланом и ходом наверх. Поодаль еще изба черная (3 × 3 саж.) еловая ветхая с печью. «В одной связке» и под одной кровлей (три части крыты дором и одна тесом) стояли сарай и 7 хлевов разных — 2 теплых размером 2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$ саж. каждый, 2 теплых размером 2 × 2 саж., 2 хлева шестистенных размером 6 × 2 $^1/_2$ саж. каждый, один пристенный размером 4 × 2 $^1/_2$ саж. Между хлевами установлены 3 пристена размером 2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$ саж. каждый. Посреди двора ясли рубленые (3 $^1/_2$ саж. × 2 саж. 2 четв.). В ограде трое ворот дощатых. Цена всему строению 15 руб.

Скотный двор в Яковлевичах занимал 117 кв. саж. (13 × 9). Здесь стояли

10 сараев (от 4 до 28 кв. саж.) и 3 повета (от 4 до 12 кв. саж.). Все строения крыты соломой. Их цена 18 руб. 94 коп.

Из скотном дворе (14 × 8 = 112 кв. саж.) в Васильеве «в одной связе» были изба черная (3 × 3 саж.) с глиняной печью и изба без кровли, а между ними сени (3 × 3). Здесь же находились омшаник дубовый ветхий (50 коп.), амбар для птицы ветхий (50 коп.), 4 хлева еловых и осиновых под одной кровлей (14 × 2 саж.). Двор окружен заборником осиновым с дощатыми воротами (2 руб.).

Скотный двор в Отвичах 55 кв. саж. (11 × 5). Под одной «крышкой» находились 2 скотные избы с глиняными печами и «промеж их» сени еловые, крытые соломой (3 руб. 50 коп.). При избах была светелка брусованная ветхая с печью из белого кафеля (50 коп.), сырня на четырех дубовых столбах, кровля дощатая; 2 хлева 3 × 2 и 1 × 2 саж. ценой 1 руб. 50 коп.; 3 повети на столбах.

Самым большим по размерам оказался скотный двор в Вербове — 266 кв. саж. (19 × 14). Две избы черных (каждая $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$) и сени стояли под одной кровлей — еловые, ветхие, крыты соломой, печи глиняные. Цена 1 руб. 30 коп. Также под одной «крышкой» стояли 9 хлевов ветхих ($27\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$). Двор огражден заборником в 13 звен ветхим, с тремя воротами.

Всего на скотных дворах насчитывалось коровьего поголовья (коровы дойные и яловые, быки, подтелки, телята) 120 голов, овечьего (овцы, бараны, ягнята) — 223, свиного (свиные, боровы, подсвинки, поросята) — 246, козьего (козы, козлы, козлята) — 67. Общая стоимость 262 руб. 89 коп.

В Ивонине птица находилась на особом «птичном» дворе. Постройки — изба черная 3 × 3 саж., крыта тесом, с глиняной печью, цена 1 руб.; 3 хлева еловых ветхих, крыты дранью, цена 60 коп. В остальных усадьбах птица содержалась на скотных дворах. Всего было кур и петухов индейских с молодняком 80, гусей 112, уток 255, кур русских 293, каплунов 20. Отмечены в Яковлевичах 4 цапли. Общая стоимость птицы 27 руб. 54 коп.

Сады отмечены в четырех усадьбах. В Ивонине было два сада. Первый занимал площадь 2480 кв. саж. (62 × 40), второй — 460 (46 × 10). В них яблони (93 дерева), сливы (4), вишни (67), крыжовник (4 куста), смородина (2 гряды по 23 саж. длиной). Общая стоимость 23 руб. 77 коп. Указан также узей пчел ценой 70 коп. Первый сад окружен забором в 53 звена на 27 шулах дубовых ценой 6 руб. 30 коп. Возле садов два огорода « с аваншом» площадью 1350 кв. саж. (50 × 27) и 1935 кв. саж. (45 × 43). Забор еловый у первого огорода на 34 шулах оценен в 6 руб., забор второго (64 звена на 32 шулах) — в 1 руб. 92 коп. (по 3 коп. за звено). В заборе второго огорода указана «фортка» дощатая на железных петлях с цепью.

Около помещичьего двора располагались 6 рощ березовых, еловых, осиновых. Их длина от 30 до 80 саж., ширина от 2 до 50. Да еще 2 березника молодых «подчищены из рощи» (40 × 20, 20 × 10 саж.). Рощи оценены в 6 руб. 10 коп.

При других усадьбах было по одному саду. В Яковлевичах (площадь 85 × 40 = 3400) указаны дули и грушы, 9 гряд смородины красной, белой, черной длиной по 26 сажен. Сад в Васильеве самый большой — 4000 кв. саж. (50 × 80). В саду усадьбы Вербово (95 × 22 = 2090) стояли 2 узья пчел по 50 коп. каждый.

Рыбное прудовое хозяйство имелось в Ивонине. При усадьбе близ передних ворот находились «сажелка копаная» (13 × 12 = 156 кв. саж.) и пруд (30 × 26 = 780 с плотиной (длина 26, поперек $2\frac{1}{2}$, вышина $1\frac{1}{2}$ саж.). Плотина «засыпана землей с хворостом, спуск деревянной» соснового леса. Цена 10 руб. Рыба — щука, окунь, плотва, лещ. Да еще большой пруд с рыбой при мельнице (240 × 37 = 8880). В большом пруду в Яковлевичах (70 × 55 = 3850) водились плотва и окунь. Также отмечены пруды с рыбой при мельницах в Вербовс, Отвичах, Яковлевичах (там указан невод). Вблизи села Ивонино отмечен большой пруд (400 × 70 = 28 тыс. кв. саж.) с рыбой — щука, окунь, плотва, подлещик.

Мельниц с плотинами не было только в Отвичах и Язвино. В Ивонине одна находилась на реке Устроме в 85 саж. от помещичьего двора. Плотина длиной 37 саж., поперек — 2 саж. 2 арш., вышиной 2 саж. 1 арш. Она «засыпана землею с форостом», около гребли плетень на дубовых колах. На плотине устроен мост $5\frac{1}{2}$ саж. с перилами. Стоимость 15 руб. Мельничный амбар «о дву апартаментах» длиной и шириной 3 саж. с аршином на дубовых сваях и вокруг него ход с перилами на сосновых столбах. В амбаре два жернова со всяким припасом ценой 15 руб. Стоимость всего 30 руб.

В казну ежегодный платеж 65 коп. Хлеб мелют «про помещиков обиход на двор». Сверх этого «збирается с посторонних разного хлеба в год четвертей по 10».

При мельнице двор, где живет мельник 60-ти лет из крестьян села Ивонино с женой и двумя женатыми сыновьями. Все они — 5 чел. м.п., 5 чел. ж.п. — оценены в 46 руб. 10 коп. У мельника скот (5 лошадей, 2 коровы, 6 овец, 3 козы, 7 свиней) и птица (3 гуся, 3 утки, 10 кур). В посеве 2 четв. ржи, 1 четв. пшеницы, 2 четв. овса, 2 четверика ячменя, 4 четверика гречи, 1 четверик гороха, 2 четверика конопли.

Другая мельница на реке Устроме удалена на версту от первой. Плотина была протяженнее почти вдвое ($80 \times 2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$). Над сосновыми «ставами» два моста с перилами на резных столбах. Амбар также «о дву апартаментах» 4 × 3 саж., с трех сторон ход с перилами. «Крышка» у него четверная с шпицем, крыта гонтом. В нем два жернова за 25 руб. Общая стоимость 55 руб.

Мельник 70-ти лет из крестьян с женой и двумя женатыми сыновьями (5 чел. м.п., 4 чел. ж.п. оценены в 53 руб. 50 коп.). У него 4 лошади, 4 козы, 10 овец, 12 свиней больших и малых, 14 кур. В посеве ржи $1\frac{1}{2}$ четв.; пшеницы 1 четверик, овса 1 четв., ячменя 1 четверик, гречи 1 четверик, гороха 1 четверик, конопли 2 четверика. «Под оным мельником» значится пахотной земли 18 четв., сенных покосов на 72 копны.

Оклад в казну с двух мельниц 1 руб. 10 коп. в год. Мелют на помещика. С посторонних помольного хлеба «збирается» в год по 20 четв.

Третья мельница на реке Упокой находилась далеко от усадьбы. Плотина земляная стоимостью 15 руб. ($70 \times 2\frac{1}{2} \times 2$ саж.); к ней 2 спуска и на них 2 моста деревянных с перилами длиной 4 саж. Мельничный амбар (3 × 3), в нем жернова. Вокруг него ход с перилами на 20 столбах сосновых. Амбар крыт гонтом «о 4-х новых крышках», «пятой — шпиц». При мельнице суконовальня длиной 2 саж., крыта тесом. Цена плотины 15 руб. Цена суконовальни 3 руб. 50 коп. Цена всему строению 25 руб. 50 коп. Оклад с мельницы 65 коп. С посторонних собирается в год до 8 четв. Суконовальня «построена

вновь», и на нее оклад еще нее положен. Мельник из крестьян деревни Пне-
воледа.

В Яковлевичах действовала мельница на реке Стремище. Плотина дли-
ной 56 саж. Ее цена 15 руб. В амбаре жернова и др. на 7 руб. Мельник не
указан.

При усадьбе Вербово мельница стояла на реке Сож. Плотина 50 × 2 саж. Ок-
лад в казну 15 коп. Помольного хлеба 10 четв. в год. В избе мельника жил кре-
стьянин 40 лет с женой и детьми (3 чел. м.п. , 2 чел. ж.п. оценены в 17 руб. 15
коп.). У него корова, телка, овца, свинья. Посев не указан. В Отвичах указана
мельница на реке Белоручье. Плотина из земли с хворостом (46 × 2 × 1 саж.).
Ее цена 15 руб. 15 коп. На оброк не сдана. «Хлеб мелитца на помещиков оби-
ход полою и дождевою водою, а смалываетца в год» по 10 четв., да с посторон-
них «збираетца» 5 четв. В Васильеве мельница в оклад не положена и на оброк
никому не сдана; зерно мололось «на помещиков обиход» и для посторонних,
с которых помольного хлеба собиралось 10 четв. Мельник — крестьянин 25 лет
с женой и дочерью.

В четырех усадьбах, кроме Отвичей, действовали господские винокурни
(проворы). В Яковлевичах еловая винокурня (7 × 2 $^1/_2$ саж.) ветхая, крыта
дранью, находилась при пруде. При ней были изба черная (2 × 1 $^1/_2$) с кир-
пичной печью крыта лубьем и хлев еловый (4 х 1 $^1/_2$) на сосновых столбах,
крыт тесом. Отмечен также скотный двор (6 × 5) с сараем и двумя хлевами,
огорожен заборником еловым. При дворе 2 избы черные еловые (3 × 3 каж-
дая) с глиняными печами и небольшой хлев (1 $^1/_2$ × 1). В Ивонине винокурня
меньше (5 × 3). При ней 2 амбара и между ними сени, да еще изба ветхая, кры-
та соломой. При винокурне в Вербове стояли хлев (1 × 2) и пуня (2 × 4), вет-
хие, крыты соломой.

В хозяйствах усадеб Яковлевичи и Отвичи занимались сыроварением. В
первой «сырня» стояла на омшанике с крыльцом и навесом. Все строение
крыто дранью и «огорожено кругом заборником» (1 саж. 2 арш. × 1 саж. 2
арш.). Общая цена 2 руб. Во второй «сырню» возвели на четырех дубовых
столбах и покрыли досками.

Основной формой ренты в имении была отработочная. По показаниям
войтов шести усадеб, «к помещиковым дворам» высевалось 2232 четверика
озимой ржи и 5177 четвериков яровых, всего 7409 четвериков (см. *табл.
№ 3.21*). Если разверстать повинность на общее количество населения (398
дворов, 1598 чел. м.п.), то окажется в среднем на двор 18,6 четвериков, на
чел. м.п. 0,2 четверика. При раскладке барщины на дворы с взрослыми ра-
ботниками (347 — 1334 чел. м.п.) показатели таковы: на двор 21,3 четвери-
ка, на чел. м.п. 5,5. Барщинные показатели в озимом поле на двор 0,4 дес.,
на чел. м.п. 0,1 дес.

Барщинных полей больше всего было при усадьбе Яковлевичи. Посев
при главной усадьбе Ивонино был несколько меньше. На первом месте по
посеву шел овес, на втором озимая рожь. Под рожью около 140 дес. В сред-
нем на двор 0,4 дес. в поле, на чел. 0,1.

На усадьбы Ивонино и Яковлевичи поступал и натуральный оброк. В
первую крестьяне сдавали 12 берковцев (120 пудов) пеньки, 500 арш. хол-

Табл. № 3.21

Посевы зерновых (четверики) на барщинных полях в имении Пассека Б.И.

Зерновые \ Усадьба	Ивонино	Яковлевичи	Васильево	Отвичи	Вербово	Язвино	Всего
Рожь озимая	640	640	320	160	320	152	**2232**
Овес	960	1128	280	240	504	243	**3355**
Греча	160	184	240	80	112	56	**832**
Ячмень	80	120	40	37	72	78	**427**
Пшеница	80	96	4	31	64	38	**313**
Ярица	16	20	16	–	–	–	**52**
Горох буйный и дробный	24	14	7	4	11	3	**63**
Конопля	16	32	16	14	14	4	**96**
Лен	8	12	6	3	8	2	**39**
Всего	**1984**	**2246**	**929**	**569**	**1105**	**576**	**7409**

Табл. № 3.22

Крестьяне в имении Пассека Б.И.

№№[1] п/п	Усадьба	Селения с крестьянами		Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Крестьяне ж.п.	Оценка людей об.п., руб.
		села	деревни				
1	Ивонино	–	18	163	600	638	5578,14
2	Яковлевичи	1	–	24	86	86	890,80
3	Отвичи	1	6	44	179	194	1768,85
4	Васильево	–	5	36	132	137	1252,65
5	Вербово	1	2	23	159	144	1470,77
6	Язвино	1	10	108	442	439	4144,92
Всего	–	**4**	**41**	**398**	**1598**	**1638**	**15106,13**

ста льняного и посконного; во вторую — 30 пудов пеньки чистой, 67 $^1/_2$ арш.
холста льняного, 20 гусей живых, а также весной 60 кур и 1350 яиц. Других
продуктов и денег «не збираетца..., а токмо крестьяне ходят на всякую по-
мещикову работу». В усадьбы Васильево и Отвичи привозили по 2 берков-
ца пеньки, 17 четвериков конопли, 40 арш. холста льняного в каждую.

В имении Б. И. Пассека крестьянские дворы находились в четырех селах
и 41 деревне. В пятом селе Нежицы Ивановского стана отмечены только
двор священника, двор церковного старосты и два двора церковных бобы-
лей. Церковь «строения» Б. И. Пассека в 1747 г. сгорела и «ныне близ того
места построена часовня». Церковные причетники положены в подушный
оклад. Всего в имении значилось не менее 398 крестьянских дворов[1]. В них
проживали 1598 чел. м.п. и 1638 чел. ж.п. Обоего пола 3236 чел. Общая оцен-
ка крестьян 15106 руб. 13 коп. (*табл. № 3.22*). В среднем на двор приходит-
ся по 4 чел. м.п. и ж.п., 8 чел. об.п. Средняя оценка чел. об.п. 4 руб. 67 коп.

[1] По причине некоторой дефектности архивного дела пропущены описания примерно 46 кре-
стьянских дворов.

Описание крестьянских дворов включало перечень населения об.п. с указанием возраста и цены каждого члена семьи, поголовье скота и птицы, высев ржи и яровых («в посеве хлеба») в четвертях и четвериках.

Для определения хозяйственной состоятельности крестьянских дворов проведем их группировку по числу работников м.п. в возрасте от 15 до 65 лет включительно.

При группировке крестьянских дворов исключаем 9 крестьянских дворов: 1 двор без посева зерновых, 8 дворов — без взрослых мужчин. Среди них 3 безлошадных двора, 5 дворов — с одной лошадью, 1 — с двумя. Таким образом, в нашем распоряжении сведения о 347 тяглоспособных дворах.

Деление крестьянских дворов по числу работников м.п. дало следующие результаты (см. *табл. № 3.23*): первая группа с одним работником — 125 дворов (36,0 %); вторая — с двумя — 149 (43,0 %); третья — с тремя — 57 (16,4 %); четвертая — с 4–5 чел. — 16 (4,6 %). Последняя группа оказалась немногочисленной. В 12 дворах было по 4 взрослых работника, в 4 — по 5.

В 347 дворах проживало 2694 чел. об.п., в том числе 1334 чел. м.п. (49,6 %). В среднем на двор 7,8 чел. об.п., 3,8 чел. м.п. Взрослых работников оказалось 662 чел., почти половина от числа всех людей м.п. — 49,6 %. О соотношении численности дворов, крестьян м.п., взрослых работников (см. *табл. № 3.24*). Наибольшее количество дворов и населения приходится на вторую группу. По первой группе их доля понижается, если доля дворов составляла 36 %, то доля работников снизилась почти вдвое — 18,9 %. Для дворов третьей и четвертой групп, напротив, процентные показатели заметно увеличиваются.

По семейному составу в имении больше всех было отцовских неразделенных семей (156 из 347 — 45 %). На втором месте малые семьи (140 — 40,3 %). Братских неразделенных мало — 44 (12,7 %). Малые семьи преобладали в первой группе. Во второй их немного: 33 из 149 — около 22 %. Во всех группах, кроме первой, подавляющее большинство составляли неразделенные семьи, прежде всего отцовские.

В 21 отцовской семье (4 — в первой, 12 — во второй, 5 — в третьей) встречаются зятья; в трех семьях — пасынки; в одной тесть, еще в одной шурин. В двух семьях отмечено по два зятя 23–30 лет. Дворы, где среди детей только дочери (1–5 чел.), встречаются только в первой группе (11). Значатся также племянница (15 лет) и «вскормленица» (14 лет).

В подворном описании указаны возраст и цена каждого человека м.п. от рождения до 90 лет. Всего 1334 чел. Разделим их на 3 части (*табл. № 3.24*): 1) до 14 лет включительно 639 чел. (47,9 %), 2) 15–65 лет — 659 чел. (49,4 %), 3) 66–90 лет — 36 чел. (2,7 %). Как видно, значительную часть составляют дети и юноши. Очень мало людей старше 65 лет.

Среди тружеников в возрасте 15–19 лет — 117 чел., 20–29 лет — 172 чел., 30–39 лет — 140 чел., 40–49 лет — 97 чел., 50–59 лет — 78 чел., 60–65 лет — 55 чел. Среди них наибольшее число в возрасте 20–49 лет (409 чел. — 30,6 % от общего числа людей м.п.). Уменьшение численности приходится на людей с 50 лет. Постоянное физическое и моральное напряжение сказывалось на здоровье крестьян.

Табл. № 3.23

Крестьянское население в смоленском имении Пассека Б. И.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи неразделенные	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	отцовские	братские
1	125	36,0	754	28,0	6,0	371	27,8	3,0	125	18,9	1,0	106	18	1
2	149	43,0	1146	42,5	7,7	546	40,9	3,7	298	45,0	2,0	33	83	33
3	57	16,4	579	21,5	10,1	303	22,8	5,3	171	25,8	3,0	1	44	12
4	16	4,6	215	8,0	13,4	114	8,5	7,1	68	10,3	4,2	-	11	5
Всего	347	100,0	2694	100,0	7,8	1334	100,0	3,8	662	100,0	1,9	140	156	51

Табл. № 3.24

Возраст крестьянского населения в смоленском имении Пассека Б. И.

Возраст, лет	Люди м.п.		%	Люди м.п.		%	Всего		%
1–10	562		47,9	534		43,7	1096		45,8
11–14	77			60			137		
15–19	117		49,4	163		53,8	280		51,8
20–29	172			198			370		
30–39	140			167			307		
40–49	97			97			194		
50–59	78			63			141		
60–65	55			44			99		
66–69	-		2,7	1		2,5	1		2,6
70–79	21			21			42		
80–89	11			11			22		
90	4			1			5		
Всего	1334		100,0	1360		100,0	2694		100,0

Бросается в глаза одна особенность возрастной градации среди взрослого населения. Большие возрастные группы составляют люди в 15, 20, 25, 30, 35, 40, 50, 60 лет. Объяснение может быть лишь одно: возраст указывался не строго индивидуально, а приближенно к упомянутым возрастным показателям.

В подворном описании указан возраст всех людей ж.п. от 1 до 90 лет. Самую значительную группу составляют дети до 10 лет включительно (534 чел. — 39,3 %). Если прибавить 60 чел. в возрасте 11–14 лет, то доля до 15 лет возрастет до 43,7 %. Численность трудоспособных с 15 до 65 лет составит 1391 чел. (50,4 %). С 60 лет число женщин заметно уменьшается. Надо, конечно, учитывать условность данных источника. Для взрослых ж.п. (как и м.п.) в основном записывался возраст 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60 лет.

В подворном описании проставлены цены каждого человека об.п. Их определяли, исходя из физических данных, местные и окрестные жители. Физические и умственные недостатки указывались редко, но при их наличии цены снижались в 2–3 раза. Очевидна разница в ценах для людей одного и того же возраста, иногда значительная.

Для детей м.п. до одного года наиболее часто проставлена цена 50 коп., реже — 25 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп. Детям 1–2 лет указана цена 1 руб. и более — 25 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп. Детям 3–4-летних — 1 руб. 50 коп. — 2 руб., более, до 1 руб. 50 коп. Обычная цена 3–4-летних — 1 руб. 50 коп. — 2 руб., 5–6-летних — 2 руб., 2 руб. 50 коп., 3 руб. С 6 лет появляется и цена 4 руб. С 7 лет — 5 руб. С 8 лет — 6 руб. И до 11 лет цены 4–6 руб. С 12 лет наряду с ними возникает цена 10 руб., с 15 лет — 12 руб. Мужчины в 20 лет получают обычно цену 12 руб., но появляется и становится распространенной к 25 годам цена 15 руб. Люди до 45 лет оценивались в 15 руб. Правда, у 40-летних нередко цена и 10–12 руб., а у 50-летних и 5–10 руб. Мужчинам в 60 лет ставились цены 4–8 руб., не более 10 руб., в 70 лет — 2–6 руб., в 80 лет — от 1 руб. 50 коп. до 3 руб., в 90 лет — 1 руб.

Колебания цен для людей ж.п. одного возраста еще более заметны. Для детей до года цена 25–50 коп. Для возраста 1–3 года цена поднимается до 60–80 коп. и нередко до 1 руб. Девочкам в 4–7 лет ставится цена до 1 руб. 80 коп., а с 8-летнего возраста появляется двухрублевая оценка. С 11 лет преобладает цена 2 руб. — 2 руб. 50 коп., редко 3 руб. Для 20–40-летних цена 3 руб. и даже 3 руб. 50 коп. становится более частой. Очень редко встречается показатель 4 руб. — 4 руб. 50 коп. Для людей с 50 лет цена снижается до 1 руб. 50 коп. — 2 руб. 50 коп. Женщины в 60 лет получают в основном цены 1 руб. — 1 руб. 50 коп., в 70–80 лет — не более 1 руб., а чаще 40–80 коп. За единственной женщиной 90 лет записана цена 10 коп.

Описание имения позволяет предположить, что основной отраслью крестьянского двора было зерновое земледелие (см. *табл. № 3.25*). На первом месте по высеву озимая рожь (4810 четвериков) и овес (1139). Далее шли гречиха (1289) и ячмень (1139). Овса не было в 14 дворах, гречи в 14, ячменя — в пяти. Мало (501) сеяли пшеницу, в 54 дворах она вообще не отмечена. Незначительными оказались посевы гороха (не отмечены в 19 дворах). Коноплю сеяли все за исключением четырех дворов.

Средние дворовые показатели высева культур первой группы уступали общим по именьям (*табл. № 3.26*). Группа с двумя работниками была близка

Табл. № 3.25

Крестьянское хозяйство в смоленском имении Пассека Б.И.

Группа	Дворы	Крестьянские м.п.	Посевы зерновых, четвериков						Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры
			рожь	пшеница	овес	ячмень	гречка	горох	конопля						
1	125	371	1278	129	1054	298	333	117	180	291	202	73	488	390	760
2	149	546	2095	215	2119	494	546	180	282	491	309	146	703	618	1165
3	57	303	1079	113	1052	355	295	82	133	272	175	74	370	312	484
4	16	114	360	44	388	82	115	26	47	80	47	28	121	86	158
Всего	347	1334	4810	501	4613	1139	1289	405	642	1134	733	321	1702	1406	2553
В среднем на двор	–	3,8	13,9	1,4	13,3	3,3	3,7	1,2	1,8	3,3	2,1	0,9	4,9	4,0	7,3
В среднем на человека м.п.	–	–	3,6	0,4	3,6	0,8	1,0	0,3	0,5	0,8	0,5	0,2	1,3	1,0	1,9

Табл. № 3.26

Средние показатели крестьянского хозяйства в смоленском имении Пассека Б.И.

Группа	Посевы, четверики							Поголовье				
	рожь	пшеница	овес	ячмень	гречка	горох	конопля	коровы	лошади	овцы	свиньи	куры
	в среднем на двор											
1	10,3	1,0	10,0	2,4	2,7	0,9	1,4	2,3	1,6	0,6	3,9	6,1
2	14,1	1,4	14,2	3,3	3,7	1,2	1,9	3,3	2,1	1,0	4,8	7,7
3	18,9	2,0	18,5	4,6	5,2	1,4	2,3	4,8	3,1	1,3	6,5	8,5
4	22,5	2,7	24,2	5,1	7,2	1,6	2,9	5,0	2,9	1,7	7,6	9,8
Всего по именью	13,9	1,4	13,9	3,3	3,7	1,2	1,8	3,3	2,1	0,9	4,9	7,3
	в среднем на человека м.п.											
1	3,4	0,3	3,4	0,8	0,9	0,3	0,5	0,8	0,5	0,2	1,3	2,0
2	3,6	0,4	3,9	0,9	1,0	0,3	0,5	0,9	0,6	0,3	1,3	2,1
3	3,6	0,4	3,5	0,9	1,0	0,3	0,4	0,9	0,6	0,2	1,2	1,6
4	1,7	0,2	1,8	0,4	0,5	0,1	0,2	0,4	0,2	0,1	0,6	0,7
Всего по именью	3,6	0,4	3,6	0,8	1,0	0,3	0,5	0,8	0,5	0,2	1,3	1,9

к показателям по имению. Дворы третьей и четвертой групп превосходили средние по всему владению.

Иное положение с душевыми средними. Здесь показатели четвертой группы оказались ниже показателей имения. А другие группы по этим данным близки к среднем всего владения.

Конкретные данные высева зерновых в четвериках (*табл. № 3. 27*) дают на двор следующие крайние показатели. В целом по имению они колебались от 1 до 40 по ржи; от 0,5 до 8 по пшенице; от 1 до 56 по овсу; от 1 до 16 по гречи; от 0,5 до 24 по ячменю; от 0,5 до 3 по гороху; от 0,5 до 6 по конопле. От первой к четвертой группе они в основном повышаются. Расчет и количество дворов с наибольшими показателями.

Обратимся к данным по животноводству. У крестьян за исключением четырех дворов насчитывалось 1134 лошади. Средняя на двор 3,3, на чел. м.п. 0,8). Дворовый показатель неполной, а душевой — низкий. По группам дворовые средние возрастают от 2,3 (первая группа — ниже общего) и 3,3 (вторая группа — совпадает с общей) до 4,8 (третья) и 5,0 (четвертая). Душевые средние в первой, второй, третьей группах совпадают с общей, а для четвертой группы ниже в два раза.

Коров (733) у крестьян было немного, в 14 дворах они отсутствовали. Коз не было у 150-ти дворов. Средний показатель коровьего поголовья на двор 2,1, на чел. 0,5. Средние первой группы ниже; второй — совпадают; третьей и четвертой — выше общей. А средние душевые соотносятся так же, как и по конскому поголовью. Средние показатели по овечьему и свиному поголовью сходны. Овец не было в пяти дворах, свиней — в четырех.

Птицы у крестьян было мало. Отмечено 353 гуся в 121 дворе, 121 утка в 45, 15 кур индейских в пяти дворах. Лишь показатели численности кур русских оказались удовлетворительными. Средний душевой показатель и здесь наименьший у четвертой группы.

Конкретные данные для дворов по обеспеченности скотом таковы (*табл. № 3.28*). Крайние показатели для всего имения по лошадям от одной головы до 12; по коровам 1–10; по овцам 1–10; по свиньям 1–15; по курам 2–20. Они для дворов второй–четвертой групп возрастают по отношению к дворам первой группы.

По всем усадьбам имения Пассека приведены сведения, сколько «до описи розданно своей же отчины немущим крестьяном заимообразно хлеба» (*см. табл. № 3.29*). Как видно, по количеству ссужаемого хлеба на первом месте стоит овес. Далее следуют греча, ячмень, рожь примерно в одних размерах. Конопли выдавалось мало. В среднем на 347 дворов приходится 1,1 четверик ржи, 1,2 ячменя, 3,2 овса, 1,2 гречи.

Осенью 1752 г. описаны в казну владения умершего *генерал-майора президента Берг-коллегии Антона Федоровича Томилова* «за неименем... наследников»[2]. В сентябре были составлены книги по двум имениям. Первое с усадьбой Никольское при реке Оке Колоденского стана Тульского уезда. Второе с усадьбой Троицкое, Борисово Поле тож Закудемского стана Ни-

[2] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7023. Л. 24–65, 72–73, 79–81, 96–179, 193–299.

Табл. № 3.27

Посевы зерновых (четвериков) в крестьянских дворах в имении Пассека Б.И.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	0,5	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	16	18	20	21	24	28	30	32	36	40	56
						рожь																						
1	125	–	125	1276	1–32	–	1	2	14	1	2	–	52	–	2	22	19	–	3	–	4	–	–	1	–	–	–	–
2	149	–	149	2695	4–40	–	–	–	5	1	1	–	42	–	6	24	45	1	3	–	15	–	6	–	1	–	–	1
3	57	–	57	1079	5–40	–	–	–	1	–	–	–	2	–	1	4	27	1	3	–	12	–	1	3	1	1	1	–
4	16	–	16	360	12–40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	6	–	–	–	5	1	–	2	–	–	4	–
Всего дворов	347	–	347	–	–	–	1	2	20	3	3	–	96	–	9	51	97	2	9	–	36	1	8	12	2	1	5	1
						пшеница																						
1	125	23	102	129	0,5–8	15	57	26	3	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	149	29	120	215	0,5–8	4	53	45	8	6	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	57	2	55	113	1–5	–	15	30	3	6	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	16	–	16	44	1–5	–	1	7	4	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	347	54	293	–	–	19	126	108	15	20	2	1	–	2														
						овес																						
1	125	6	119	1954	1–32	–	3	6	1	9	1	4	1	61	–	–	16	30	–	2	–	4	–	1	–	–	–	–
2	149	6	143	2119	3–40	–	–	2	1	6	–	3	–	30	–	1	19	49	–	2	1	17	–	9	2	3	1	–
3	57	2	55	1052	2–56	–	–	–	1	–	–	–	–	6	1	1	5	20	–	2	1	10	–	1	3	2	–	1
4	16	–	16	366	8–40	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	6	–	–	–	2	–	2	4	–	–	–
Всего дворов	347	14	333	–	–	–	3	8	2	17	1	7	1	78	1	2	41	106	–	6	2	33	–	13	15	5	1	1

Табл. №.3.27 (прод.)

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом														
						0,5	1	1,5	2	3	4	5	6	7	8	10	12	14	16	24
ячмень																				
1	125	2	123	298	0,5–6	1	21	1	61	10	26	–	3	–	–	–	–	–	–	–
2	149	1	148	494	1–8	–	12	–	43	24	50	4	8	–	7	–	–	–	–	–
3	57	1	56	265	1–24	–	1	–	12	2	22	2	8	–	8	–	–	–	–	1
4	16	1	15	82	2–12	–	–	–	2	1	5	2	1	1	1	–	2	–	–	–
Всего дворов	**347**	**5**	**342**	–	–	**1**	**34**	**1**	**118**	**37**	**103**	**8**	**20**	**1**	**16**	–	**2**	–	–	**1**
гречи																				
1	125	8	117	333	1–8	–	22	–	48	11	24	–	5	–	7	–	–	–	–	
2	149	2	146	546	1–12	–	12	–	44	14	42	4	14	–	15	–	1	–	–	
3	57	2	55	295	1–16	–	2	–	10	3	14	4	5	–	13	1	1	–	2	
4	16	1	15	115	1–16	–	1	–	1	–	5	–	1	–	2	–	2	1	2	
Всего дворов	**347**	**14**	**333**	–	–	–	**37**	–	**103**	**28**	**85**	**8**	**25**	–	**37**	**1**	**4**	**1**	**4**	
горох																				
1	125	10	115	117	0,5–2	16	89	–	10	–										
2	149	9	140	180	1–3	7	91	1	39	2										
3	57	–	57	82	1–2	–	32	–	25	–										
4	16	–	16	26	1–2	–	6	–	10	–										
Всего дворов	**347**	**19**	**328**	–	–	**23**	**218**	**1**	**84**	**2**										
конопля																				
1	125	3	122	180	0,5–3	3	68	–	43	8	–	–	–							
2	149	–	149	282	0,5–6	1	42	1	84	16	4	–	1							
3	57	1	56	133	1–4	–	5	–	33	10	8	–	–							
4	16	–	16	47	2–6	–	–	–	7	5	3	–	1							
Всего дворов	**347**	**4**	**343**	–	–	**4**	**115**	**1**	**167**	**39**	**15**	–	**2**							

Табл. № 3.28

Поголовье скота в крестьянских дворах в смоленском имении Пассека Б.И.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем											
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	15
лошади																	
1	125	4	121	291	1–8	18	57	31	12	2	–	–	1	–	–	–	
2	149	–	149	491	1–8	6	41	36	41	19	4	1	1	–	–	–	
3	57	–	57	272	2–12	–	2	11	15	13	9	4	2	–	–	1	
4	16	–	16	80	3–7	–	–	4	2	3	4	3	–	–	–	–	
Всего дворов	**347**	**4**	**343**	–	–	**24**	**100**	**82**	**70**	**37**	**17**	**8**	**4**	–	–	**1**	
коровы																	
1	125	11	114	202	1–5	44	55	13	1	1	–	–	–	–	–		
2	149	2	147	309	1–7	43	68	24	5	5	1	1	–	–	–		
3	57	1	56	175	1–10	3	20	17	7	5	3	–	–	–	1		
4	16	–	16	47	1–6	2	5	4	3	1	1	–	–	–	–		
Всего дворов	**347**	**14**	**333**	–	–	**92**	**148**	**58**	**16**	**12**	**5**	**1**	–	–	**1**		
овцы																	
1	125	2	123	488	1–10	5	14	32	35	20	7	7	1	–	2		
2	149	3	146	723	1–10	3	9	19	31	47	19	13	1	1	3		
3	57	–	57	370	2–10	–	2	2	3	14	10	8	7	4	7		
4	16	–	16	121	5–10	–	–	–	–	2	2	5	3	–	4		
Всего дворов	**347**	**5**	**342**	–	–	**8**	**25**	**53**	**69**	**83**	**38**	**33**	**12**	**5**	**16**		
свиньи																	
1	125	4	121	380	1–7	17	26	36	19	14	6	3	–	–	–	–	–
2	149	1	148	618	1–10	9	21	25	23	44	12	10	1	–	3	–	–
3	57	1	56	312	2–15	–	2	8	11	11	6	8	5	2	2	–	1
4	16	–	16	98	3–12	–	–	1	2	2	6	3	1	–	–	1	–
Всего дворов	**347**	**6**	**341**	–	–	**26**	**49**	**70**	**55**	**71**	**30**	**24**	**7**	**2**	**5**	**1**	**1**

Табл. № 3.29

Выдача помещичьих хлебных ссуд (четверики) крестьянам в имении Пассека Б.И.

Зерновые \ Усадьба	[illegible]	[illegible]	Васильево	[illegible]	Вербово	[illegible]	Всего
Рожь	14	72	-	88	160	60	392
Овес	412	206	80	14	240	160	1112
Греча	40	164	64	32	48	60	408
[illegible]	66	90	16	32	120	72	405
[illegible]	-	-	-	-	24	-	24
Всего	532	530	160	166	592	352	2341

жегородского уезда. В октябре описано имение с усадьбой Никольское Дмитровского уезда и имение с усадьбой Никольское, Пушкино тож Залесского стана Шацкого уезда. Ранее, в 1750 г. Томилов заложил тульское и нижегородское имения, а также сельцо Введенское, Борисовка тож Шахова стана Московского уезда действительному статскому советнику барону Николаю Григорьевичу Строганову. Залог в 6 тыс. руб. был просрочен, и Строганов продал деревни жене и сыну действительного статского советника Василия Ивановича Демидова. Подмосковная усадьба Томилова также была описана в 1752 г.

Всего описано в указанных имениях 5 усадеб и в пяти селениях 190 крестьянских дворов (633 чел. м.п.). И по усадебным постройкам, и по числу дворов крепостных они заметно отличались друг от друга.

В *подмосковной усадьбе Введенское, Борисовка тож* двор огорожен забором в 46 пресел. Хоромы представляли собой 3 светлицы еловые поземные в одной связи в ветхом состоянии, крытые тесом. Первая светлица называлась крестовой, ее длина 3,5 саж. В ней печь голландская изращатая зеленая на кирпичном фундаменте, заслонка железная голландская. В трех окнах оконницы белого стекла в еловых рамах (в каждой по 24 стекла) на петлях и крючьях железных. Дверь сосновая столярная с немецким замком. Перечислены два иконостаса — липовый и сосновый, иконы, распятие, писанное на холсте, крест буковый с распятием из свинца, персона Елизаветы Петровны на холсте (2 арш. с четв. на 2 арш. с четв.). Из мебели стол раздвижной дубовый, пристенок с двумя затворами (в каждом по 4 стекла), кровать осиновая на ножках еловых, сундучок дубовый немецкой работы с висячим замком и погребец, окованный железом, а в нем 4 полуштофа стеклянных с винтами оловянными.

Вторая, «что называется передняя», тех же размеров. В ней 2 стола круглых — дубовый и липовый, 6 стульев кожаных, 8 стульев кожаных дубовых раздвижных на дубовых ножках, кресло березовое обито байкой полосатой, «табурси» обиты сукном на ножках точеных сосновых, шкаф старинный с внутренним замком, зеркало стенное в липовых рамах вызолоченных. Светлица обогревалась печью голландской с белыми изразцами. Возле печи «комель» из чугунных досок. В четырех окнах по 20 стекол «белых». Указаны 5

икон, распятие, 2 картины немецких на холсте в рамах сосновых крашеных (2,5 арш. × 2,5 арш., 1,5 арш. × 1,5 арш.), хрустальная посуда (бокалы цветные с гербами, стаканы граненые на ножках, рюмки, солонки), фарфоровая в футляре деревянном, обшитом кожей (чашки, блюдечки, молочник, чарки), деревянная (кружки, чашечки), чашка «свиная» дорожная.

Третья светлица — спальня. В ней кровать столярная сосновая на винтах с периной пуховой, подушечки пуховые, наволочки из крашенины. Другая кровать осиновая дощатая. Печь простая изращатая зеленая на кирпичном фундаменте.

При покоях трое сеней: сенцы малые с чуланом, сенцы малые с нужником, сквозные проходные сени. В этих сенях икона и картина немецкая большая размером 2 арш. с четв. в длину и ширину. Из проходных наверх вела всходная лестница, обитая тесом. Подле сеней находилась кухня с очагом кирпичным с трубой. При кухне чулан и нужник, забраны досками. Упомянута и «пекарная» изба с печью кирпичной.

Перечень хозяйственных построек начинается с крытых тесом новой еловой конюшни (4 саж. × 3 саж. 2 арш.) на 10 стойл. Над ней сушило. Там хранилась железная посуда — блюда, тарелки, сковорода, а в чулане при конюшне — 9 «чугунных статуев», затворки от голландских печей, «камфор» железный на ножках. В каретном сарае (3,5 × 3,5 саж.) стояли сани крытые, обитые кожей, с тремя слюдяными окошечками, сани городовые, сверху обиты кожей, а внутри сукном, коляска дорожная, сани простые. Житницы каждая в 6 закромов имели соломенную кровлю. В одной из них хранились 9 четв. ржи, 17 четв. овса, 6 четвериков крупы гречневой и прочие запасы.

На скотном дворе стояли 2 избы с глиняными печами и 3 сарая. Скота и птицы было немного: 3 коровы, 9 овец, свинья, 11 кур индейских, 22 куры русские, 2 гуся и 2 утки китайских, 8 и 6 русских. На корм полагалось в месяц овса 14 четвериков. В случае недорода зерно 20 четв. и более присылалось из имений в Тульском и Данковском уездах.

Возле скотного двора располагалось господское гумно. Здесь отмечена рига осиновая, рублена в угол (3 × 3 саж.) с кирпичной печью, половень рубленый и половень плетеный. В скирдах стояли пшеница и овес.

Близ господских хором у реки Волконейки выкопаны 2 пруда (70 × 25 и 80 × 25 саж.) с «саженой» рыбой — карасями. При них 2 плотины земляные с деревянными спусками.

При помещиковом дворе находился огороженный тыном сад (53 × 52 саж.). В нем 5 яблонь матерых и 40 молодых, 3 груши, сливнику 6 кустов, вишнику 15 кустов.

Дворовых на помещиковом дворе перечислено 5 чел. м.п. и 4 чел. ж.п. , в том числе «ключник» 80 лет, садовник и конюх. Они проживали в двух светлицах людских ветхих (3 саж. 1 арш. × 2 саж. 2 арш.; 2,5 × 2,5 саж.) с кирпичными печами, крыты тесом. На скотном дворе жили конюхи и скотники (7 чел. м.п. , 7 чел. ж.п.). Видимо, месячины полагалось всем на каждый месяц ржи 29 четвериков.

В сельце Введенское Московского уезда стояли 7 крестьянских дворов (22 чел. м.п. , 22 чел. ж.п.). В описании хозяйств указан только скот. На себя

крестьяне сеяли рожь 20 четвериков, овса 32 четверика, ячменя 8 четвериков, гороха и льна по четверику. «Коска погода добрая», они накашивали по 250 копен и больше.

Крестьяне были на барщине. На 5 дес. высевалось 7 четв. ржи, в яровом поле — 12 четв. овса, 2 четв. ячменя, четверик гороха, 2 четверика льна, четверик конопли. Если считать в двух полях 10 дес., то на двор приходится 1,4 дес., на чел. м.п. 0,4 дес. В озимом поле на двор 0,7 дес., на чел. м.п. 0,2 дес. Сенные покосы давали 180 копен.

В *усадьбе Никольское Данковского уезда* «двор боярской», «заплетен вокруг плетнем» с трех сторон, а с четвертой стоял сарай. Основное жилье — горница белая. Перед ней изба черная, а между ними сени. Другая изба у ворот. На гумне, огороженном плетнем, отмечен овин дубовый. В том дворе «жительство имеют» 2 семьи дворовых людей (3 чел. м.п. , 6 чел. ж.п.). В селе Томилову принадлежали 4 крестьянских двора (м. п. 14 чел., ж.п. 14 чел.). Их хозяйства не описаны.

В даниловском имении помещичья рожь высевалась на 4 дес., овес на 2 дес., греча — тоже на 2 дес. В двух полях 8 дес. В среднем на двор 2 дес., на чел. м.п. 0,6 дес. Оброк (помещичий доход) включал 1,5 пуда мяса свиного, 3 барана, 3 гуся, 6 кур, 75 яиц, 15 арш. холста посконного.

Усадьба Никольское, Пущино тож Залесского стана Шацкого уезда по хоромному строению напоминала крестьянский двор. На дворе, огороженном дубовым тыном, стояла изба осиновая старая, клеть осиновая ветхая, амбар новый. Скота и птицы было немало: 8 коров, 35 овец, 13 свиней, 10 гусей, 20 уток, 10 кур индейских. На гумне 4 одонья хлеба стогчего: рожь, овса, пшеницы, полбы. Зерна намолотили ржи 4 четверика, овса — 5, гречи — 32, пшеницы — 16, гороха — 6, проса — 6. Дворовых всего 2 семьи (2 чел. м.п. , 4 чел. ж.п.).

В 11 крестьянских дворах отмечено 36 чел. м.п., 21 чел. ж.п. Их хозяйства не описаны. Господское поле озимое 3 дес. «севали все крестьяне обще». На двор приходилось 0,3 дес. в поле, на чел. м.п. 0,08 дес. С тягла собирали помещику 10 фунтов мяса свиного и курицу русскую; да еще с двух тягол 5 фунтов масла коровьего, барана, гуся и курицу индейскую.

Переходим к имениям, в описании которых имеются перечни крестьянского хозяйства.

Тульская усадьба А. Ф. Томилова Никольское у реки Оки являлась резиденцией владельца. На помещиковом дворе стояли 5 светлиц жилых поземных соснового леса новых «в одной связе». Первая именовалась залой (3 саж. 1 арш. ×2 саж. 3 четв. арш.) с печью «кафляной цветной с живописью». У печи дверки чугунная и железная, а вверху в трубе вьюшка с крышкою и заслонкой чугунными. В зале «поняли» дубовые[25] и балясины[26]; двери створчатые дубовые (в них 12 стекол), другие двери «глухие»; 3 окончины в дубовых рамах (одна в 10 стекол, две — в 24 стекла зеленых каждая) с дубовыми затворами на крючьях железных; пол и потолок сосновые.

[25] В 1730-гг. в богатых домах вошли в употребление деревянные панели, высотой до подоконника 50–70 см. (*Тыдман Л. В.* Указ. соч. С. 193).

[26] Балясины – фигурные столбики, составляющие ограждение (Там же. С. 317).

Во второй светлице (2 саж. 2 арш. × 2 саж. 2 арш.) печь кафельная на чугунных ножках и на чугунном фундаменте с затворами и вьюшкой. Окончины, двери, окна, пол и потолок такие же, как в первой.

Третья светлица примерно таких же размеров. Печь «кафленая по белой земле цветная» на кирпичном фундаменте. Здесь потолок тоже сосновый, а пол дубовый. При этой светлице, названной и горницей, сени с чуланом и нужником. Из сеней наверх вела лестница, и был выход на крыльцо. В четвертой такая же печь на чугунных ножках и чугунном фундаменте. Из 3 окон в 2 окончинах стекла «залиты свинцом». Здесь и пол и потолок дубовые.

Пятая — «стряпущая горница» (2 саж. 2 арш. × 2 саж. 1,5 арш.) с кирпичной печью и трубой. Вьюшка и заслонка у печи чугунные. Потолок дубовый, а пол кирпичный. В сенях при этой горнице устроен очаг кирпичный на столбах и на брусьях чугунных с трубой кирпичной. Здесь также лестница, ведущая наверх, и выход на крыльцо и нужник.

Перед покоями 2 крыльца дубовые рубленые с перилами. Одно со двора, другое с улицы.

Второй этаж хором состоял из двух светлиц дубовых холодных (2 саж. 2 арш. × 2 саж. 2 арш.) со стеклянными окончинами зелеными. При них поставлена «голландрейка з болясами». Между светлицами сени дубовые. Все полы и потолки дубовые. Хоромы «стоят под одною крышкою» и крыты мелким дубовым тесом.

Из мебели в светлицах указаны изголовные шкафы дубовые, столы сосновые и дубовые, в том числе круглый складной, лавки и коники дубовые, «кровати» дубовые на точеных ножках, стулья дубовые, обитые кожей либо с накладными кожаными подушками, кресло складное липовое. Отмечены 3 святых образа «на краске» шести- и восьмилистовые, складни «кипарисные» с крестом.

На помещиковом дворе указаны две избы людские с сенями (8 саж. 1 арш. × 3 саж. 1 арш.). Одна крыта тесом, другая соломой. Печи кирпичные — одна с трубой, другая — черная. Четыре окончины в дубовых рамах. Другие две избы людские, крыты соломой, с печами «глиняными битыми».

На помещиковом дворе 2 конюшни (4 саж. × 3 саж. 2 арш. каждая) на 12 стойл. Полы и потолки деревянные. Между ними «колясочный сарай» тех же размеров. Всё в одной связи, крыто тесом сосновым. Здесь хранился большой рыбный невод 18 саж., бродник 3 саж., 2 рогатины. Отмечены «скоцкие ясли» дощатые в столбах и курник плетневой, крытый соломой. В трех житницах находилось зерно, мука ржаная и разное имущество. «Помещиков» двор огорожен спереди забором в 10 звен и «забран решеткою брусчатою». Ворота передние створчатые.

Двор скотный огорожен плетнем, при котором сделаны сараи, крытые соломой. Здесь перечислены 15 голов конского поголовья, в том числе немецкая и русская кобылы, 13 голов коровьего поголовья, 38 овец русских «разных шерстей», 51 свинья, 26 гусей, 30 уток, 40 кур индейских и 43 русских.

На «помещиковом» гумне в скирдах стоял хлеб: 600 копен ржи («по опыту» из копны намолачивали 5 четвериков), 433 копны овса (умолот тот же), 45 копен пшеницы яровой (3 четверика).

При «помещиковом» дворе был огороженный плетнем сад (47 × 58 саж.): 7 яблонь старых, 40 молодых почечных и «прививок», 12 груш молодых. В саду «заделаны прешпекты из разных лесных дерев»; «осек», в котором 54 улья пчел. 2 арш. × 16 саж. 2 арш.) для мелких карасей; «осек», в котором 54 улья пчел. Перед господским двором насажено 30 липок, 11 березок, 6 сосенок, 4 «лаз-жины». А в крутом озере развели мелких карасей. Второй сад (40 × 30 саж.) при деревне Климовская также огорожен плетнем. В нем 10 лесных яблонь, вишни, а сколько, «за множеством считать невозможно». В одной пустоши устроена заказная роща (4 × 1 дес.). Другая молодая роща была у деревни Боровлево.

На реке Глутне действовала мельница при плотине земляной с хворостом (длина 45 саж., ширина 2,5 саж.). Мельничный двор с двумя избами огорожен плетнем, к которому пристроены сараи. В избе (6 × 2 саж.) проживал с семьей мельник из местных крестьян. У него лошадь, 4 коровы, 7 овец, 44 свиньи и птица, в том числе 10 индейских и 15 русских кур. Крестьянин держал мельницу на оброке уже пять лет. Он уплачивал помещику 10 руб. в год и бесплатно молол на него по 200 четв.

В довольно длинном перечне господского имущества значатся весы на железных цепях с досками железными и 11 гирь, меры веса (четверик, окованный железом; полуосьмина липовая), кубы клейменые медные по два ведра, скребок железный, «что в кубах скребут», кубик с крышкой, «что водку двоят», 5 сит, «что крупичетую муку делают» (в том числе одно холщовое), лопаты, заступы, 2 косы, «что солому режут», 2 пилы большие, «что тес пилят», 2 струга, «что тес правют», пила маленькая с лучком, ножи садовые прямые и кривые, сечка, «что капусту секут».

Именьем управлял приказчик Никита Христонов 46 лет («приданой» человек жены Томилова Дарья). Его жалованье не указано. Делопроизводство вел земский Федор Бакланов 30 лет. Земскому и еще одному дворовому «финской нации» давалось месячины ржи 96 четвериков, крупы 10 четвериков, гороха и толокна по 4 четверика, солода ржаного 6 четвериков, семени конопляного 4 четверика, соли 2 пуда, денег 1 руб. 50 коп. Дворовые (4 чел. с семьями и 2 вдовы) получали ржи от 24 до 48 четвериков, крупы от одного до 5 четвериков, гороха от половины до 2 четвериков, семени конопляного 1–2 четверика, соли от 10 фунтов до пуда. Вдовицу слепому полагалось ржи 12 четвериков.

Крестьяне выполняли полевую барщину. Ежегодно «севалось во всех трех полях, также и в пустошах» ржи 81,5 четв., пшеницы озимой и яровой по 4–5 четв., овса 159 четв., гречи 35 четв. (а также ячмень, горох, лен и конопля). Всего 300 четв. 3 четверика (2403 четверика). В среднем на двор приходится 30,8 четвериков, на чел. м.п. 8,9 четвериков. В озимом поле 0,5 и 0,1 дес.

Сельчане поставляли также значительный оброк натурой. Из положенного «столового доходу за их крестьянскими нуждами и совершенною скудостью и за малоимением у них земли одного числа, в жизнь оного бывшего помещика их сполна не збиралось». Оклад и действительные взносы изобразим табличным способом:

«Збирать было определено»	«Збиралось»
Мяса свиного 49 пуд.	26 пуд.
Масло коровье 12 пуд.	7 пуд.
Баранов 96	64
Осоков 96	67
Гусей 90	64
Уток 88	61
Кур русских 196	103
Яиц 1126	1126
Холста льняного 980 арш.	Холста посконного 540 арш.
Сукна серого 262 арш.	«Не збиралось»
Орехов 5 чет. 6,5 ч-ков, малины, земляники, клубники сухой 1 четв. 3 ч-ка 3 доли ч-ка, грибов сухих 5 чет., 6,5 ч-ков	Орехов, ягод, грибов «когда род бывает, збиралось по малому числу».

Показательно примечание, записанное отписчиком со слов крестьян: «а остальное не збиралось и никогда, за тою их крестьянскою великою нуждою и совершенною скудостию, более того не требовано». Как видно, помещик уступил своим крепостным.

С оброчных «трех мужиков» села Никольское помещик взимал в год по 5 руб. с человека, всего 15 руб. Возможно, они занимались прибыльным ремеслом.

В Тульском уезде Томилову принадлежали в Колодезском стане село Никольское (32 крестьянских двора) и *деревня Климовская* (41 двор), в *Глутненском стане деревня Боровлево* на реке Глутне (5 дворов). Всего 78 дворов.

В подворном описании указано население об.п. с указанием возраста, поголовье скота и птицы, посев («сеят на себя») ржи и яровых.

Хозяйств без посевов зерновых в имении не значится. Отмечены в деревне Климовская 2 бобыльских двора. В первом проживал вдовец 65 лет с сестрой и малолетним сыном и «у него пашни и скота нет». Во втором бобыль 80 лет с женой и дочерью «сеят на себя семя конопляного четверик» и 2 четверика овса. У него корова с теленком и 5 кур.

По числу работников м.п. выявляются четыре группы дворов (*см. табл. № 3.30*). В первой с одним работником 36 дворов (почти половина — 46,2 %), во второй — 24 (около трети — 30,8 %). Доля людей м.п. несколько уменьшается во дворах первой и второй групп, а в третьей и четвертой — возрастает. Доля работников м.п. заметно сокращается в первой группе и увеличивается во второй и в третьей. В четвертой группе показатели возрастают, хотя и в незначительной мере.

Малые семьи преобладали в первой группе. В других группах превалируют семьи неразделенные, главным образом отцовские.

Среди посевов зерновых культур основное место занимали рожь (в среднем на двор 9,9 четвериков), овес (10,2) и греча (5,2). Овса не было в двух дворах, гречи — в пяти (*см. табл. № 3.31*). Меньше высевали ячменя (его не было у 16 дворохозяев) и гороха (отсутствовал в 16 дворах). Мало сеяли пше-

Табл. № 3.30

Крестьянское население в тульском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Свиньи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	мужчин	неразделенные отцовские	братские
1	36	46,2	180	34,6	5,0	94	34,8	2,6	36	25,2	1,0	25	10	1
2	24	30,8	170	32,6	7,1	82	30,4	3,4	48	33,5	2,0	4	17	3
3	14	17,9	124	23,8	8,8	69	25,5	4,9	42	29,4	3,0	-	12	2
4	4	5,1	47	9,0	11,7	25	9,3	6,2	17	11,9	4,2	-	4	-
Всего	78	100,0	521	100,0	6,7	270	100,0	3,5	143	100,0	1,8	29	43	6

Табл. № 3.31

Крестьянское хозяйство в тульском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Посевы зерновых, четверики							Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры
			рожь	овес	греча	ячмень	пшеница	горох	конопля					
1	36	94	260	288	154	43	11	22	49	90	68	191	69	291
2	24	82	253	263	141	40	21	20	48	94	65	181	85	249
3	14	69	197	189	77	26	20	12	33	71	44	137	67	164
4	4	25	61	54	38	12	10	6	11	26	16	55	28	61
Всего	78	270	771	794	410	121	62	60	141	281	193	564	249	755
В среднем на двор	-	3,5	9,9	10,2	5,2	1,5	0,8	0,7	1,8	3,6	2,5	7,2	3,2	9,7
В среднем на человека м.п.	-	-	2,8	2,9	1,5	0,4	0,2	0,2	0,5	1,0	0,7	2,1	0,9	2,8

Табл. № 3.32

Средние показатели крестьянского хозяйства в тульском имении Томилова А.Ф.

Группа	Посевы, четверики							Поголовье				Куры
	рожь	овес	греча	ячмень	пшеница	горох	конопля	конское	коровье	овечье	свиное	
	в среднем на двор											
1	7,2	8,0	4,3	1,2	0,3	0,6	1,4	2,5	1,9	5,3	1,9	7,8
2	10,5	10,9	5,9	1,7	0,9	0,8	2,0	3,9	2,7	7,5	3,5	10,4
3	14,0	13,5	4,5	1,8	1,4	0,8	2,3	5,0	3,1	9,8	4,8	11,7
4	15,2	13,5	9,5	3,0	2,5	1,5	2,7	6,5	4,0	13,7	7,0	15,2
Всего по имению	9,9	10,2	5,2	1,5	0,8	0,7	1,8	3,6	2,5	7,2	3,2	9,7
	в среднем на человека м.п.											
1	2,8	3,1	1,6	0,4	0,1	0,2	0,5	0,9	0,7	2,0	0,7	3,0
2	3,1	3,2	1,7	0,5	0,2	0,2	0,6	1,1	0,8	2,2	1,0	3,0
3	2,8	2,7	1,1	0,4	0,3	0,2	0,5	1,0	0,6	2,0	1,0	2,4
4	2,4	2,2	1,5	0,5	0,4	0,2	0,4	1,0	0,6	2,2	1,1	2,4
Всего по имению	2,8	2,9	1,5	0,4	0,2	0,2	0,5	1,0	0,7	2,1	0,9	2,8

ницы. Ее не было в 40 хозяйствах из 78. Конопля отсутствовала в посевах четырех дворов.

Дворы первой группы имели средний показатель меньше общего по имению. Средние остальных групп превышают общий. Показатель четвертой группы примерно в 2 раза выше, чем в первой, а по пшенице — в 8 раз (*табл. № 3.32*).

Конкретные данные по посевам отдельных дворов (*табл. № 3.33*) свидетельствуют о нарастании объемов высеваемого зерна от первой к четвертой группе. Особенно заметен разрыв по посевам гречи, пшеницы и конопли.

При измерении посевов ржи, гречи, ячменя, гороха показательно для 20 дворов первой группы указание на части четверика (доли и четвертки). Таких дворов во второй группе 4, в третьей — 1. Это еще одно свидетельство преобладания части небольших обрабатываемых участков в первой группе. Обычное измерение для других групп — получетверики и четверики.

Животноводство находилось на среднем уровне. Средние на двор по лошадям 3,6, по овцам 7,2. Мало было коров (2,5), а в 13 дворах их не было. Только в 14 дворах имели коз, и в основном вместе с коровами. Средняя по свиному поголовью 3,2. В 6 дворах свиней не держали. Из птицы заводили в основном кур русских. Другой птицы отмечено мало: в 22 дворах 161 гусь, 21 утка и единственная кура индейская.

Средний показатель скота во дворах первой группы ниже общего по имению. В остальных группах, особенно в третьей и четвертой, он выше. Средние душевые сходны между собой и близки к общему по имению.

Конкретные данные поголовья по отдельным дворам (*табл. № 3.34*) существенной разницы по группам не выявляют. Лишь по четвертой группе несколько больше дворов с немалым количеством голов скота.

Табл. № 3.33

Посевы зерновых (четверики)* в крестьянских дворах в тульском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевами																			
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	18	19	20	24	32	36	37
рожь																											
1	36	–	36	260	5,5–14	–	–	–	–	1	19	10	2	1	–	–	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
2	24	–	24	218	6–20	–	–	–	–	–	2	5	2	1	2	1	5	1	2	1	–	–	1	–	–	–	1
3	14	–	14	197	5–37	–	–	–	–	1	1	–	–	1	–	1	6	1	–	–	–	1	–	1	–	–	–
4	4	–	4	61	12–20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–
Всего дворов	**78**	**–**	**78**	**–**	**–**	–	–	–	–	**2**	**22**	**15**	**4**	**3**	**3**	**2**	**13**	**4**	**3**	**2**	**–**	**1**	**2**	**1**	**–**	**–**	**1**
овес																											
1	36	–	36	248	1–24	3	–	5	1	1	6	1	1	2	1	–	4	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–
2	24	2	22	263	4–36	–	–	–	2	–	3	1	2	–	1	–	10	–	–	–	–	–	–	3	1	–	–
3	14	–	14	169	4–32	–	–	–	1	–	2	–	2	1	2	–	2	–	–	–	–	–	–	3	1	–	–
4	4	–	4	54	8–18	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	**78**	**–**	**76**	**–**	**–**	**3**	**–**	**5**	**4**	**1**	**13**	**2**	**10**	**3**	**4**	**–**	**19**	**–**	**–**	**2**	**1**	**–**	**–**	**7**	**1**	**1**	**–**
гречи																											
1	36	2	34	154	2–6,5	–	1	5	10	9	3	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	24	–	24	141	1–16	1	3	2	4	6	–	1	1	3	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
3	14	3	11	77	2–16	–	1	–	1	4	1	–	–	2	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
4	4	–	4	38	1–14	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Всего дворов	**78**	**5**	**73**	**–**	**–**	**2**	**5**	**7**	**21**	**19**	**4**	**1**	**1**	**6**	**3**	**–**	**1**	**–**	**2**	**2**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**

* Доли в четвертях округлялись до половины четверика.

Табл. № 3.33 (прод.)

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели	Число дворов с посевами								
						0,5	1	1,5	2	2,5	3	4	4,5	5
ячмень														
1	36	10	26	43	1–3	–	9	6	8	–	3	–	–	–
2	24	4	20	40	1–4	–	8	1	5	1	3	2	–	–
3	14	2	12	26	1–3	–	3	3	2	1	3	–	–	–
4	4	–	4	12	2–5	–	–	–	2	–	1	–	–	1
Всего дворов	**78**	**16**	**62**	**–**	**–**	**–**	**20**	**10**	**17**	**2**	**10**	**2**	**–**	**1**
пшеница														
1	36	27	9	11	1–2	–	7	1	1	–	–	–		
2	24	10	14	21	1–2	–	5	4	5	–	–	–		
3	14	3	11	20	1–4	–	4	1	5	–	–	1		
4	4	–	4	10	2–4	–	–	–	3	–	–	1		
Всего дворов	**78**	**40**	**38**	**–**	**–**	**–**	**16**	**6**	**14**	**–**	**–**	**2**		
горох														
1	36	11	25	22	0,5–1,5	10	12	3	–					
2	24	3	21	20	0,5–1,5	5	14	2	–					
3	14	2	12	12	0,5–2	3	8	–	1					
4	4	–	4	6	1–2	–	2	1	1					
Всего дворов	**78**	**16**	**62**	**–**	**–**	**18**	**36**	**6**	**2**					
конопля														
1	36	3	33	49	1–3	–	8	21	3	–	1	–	–	
2	24	–	24	48	1–3	–	6	2	8	2	6	–	–	
3	14	1	13	30	1–4,5	–	2	–	3	1	6	–	1	
4	4	–	4	11	1–4,5	–	1	–	1	–	1	–	1	
Всего дворов	**78**	**4**	**74**	**–**	**–**	**–**	**17**	**23**	**15**	**3**	**14**	**–**	**2**	

Табл. № 3.34

Поголовье скота в крестьянских дворах в Тульском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем																			
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	20	22	25
						лошади																			
1	36	1	35	90	1–9	8	15	2	8	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	24	-	24	94	2–7	-	5	7	5	2	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	14	-	14	71	2–12	-	2	1	4	3	1	1	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
4	4	-	4	20	5–9	-	-	-	-	2	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего дворов	78	1	77	-	-	8	22	10	17	8	3	5	1	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
						коровы																			
1	36	9	27	68	1–9	6	11	6	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	24	3	21	65	1–7	3	5	6	4	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	14	1	13	44	1–7	3	1	3	3	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	4	-	4	15	3–5	-	-	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего дворов	78	13	65	-	-	12	17	16	12	3	2	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
						овцы																			
1	36	-	36	191	1–25	1	8	3	6	6	4	3	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	24	-	24	181	5–14	-	-	-	-	9	3	3	1	2	3	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-
3	14	-	14	137	3–22	-	-	1	2	-	2	-	3	-	-	1	2	-	-	-	1	1	-	-	-
4	4	-	4	55	8–20	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-
Всего дворов	78	-	78	-	-	1	8	4	8	15	9	6	7	3	4	1	3	1	2	1	1	1	1	1	1
						свиньи																			
1	36	4	22	69	1–10	16	7	7	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	24	2	22	65	1–13	4	5	5	1	3	1	-	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
3	14	-	14	67	1–11	1	3	3	1	-	2	1	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	4	-	4	28	3–12	-	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего дворов	78	6	72	-	-	21	15	16	2	3	4	2	3	1	2	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-

Другое имение *Томилова* находилось в *Закудемском стане Нижегородского уезда*. Двор помещиков располагался на берегу реки Пасмуровки. Хоромное строение состояло из 4 светлиц поземных сосновых новых в одной связи. В первой (7 × 7 саж.) и четвертой (2 саж. 3 четв. 2 вершка, «поперек тож») отмечены печи кирпичные белые; во второй (2 саж. 9 четв. × 2 саж. 6 четв.) и третьей, примерно такого же размера — печи муравленые израсчатые. В светлицах 12 окошек красных в деревянных рамах без стекол с деревянными ставнями на крюках и петлях с винтами железными. В покоях 8 дверей на крюках и петлях железных. При светлицах двое сеней (3 саж. × 1 саж. 3 четв.) с чуланами и рундуками. К ним прирублены нужники. В светлицы вела обитая сосновым тесом лестница с дверями. Длина всех построек «с лица» 12 саж., с задней стороны от сада 10 саж. с арш. Поперек — 3 саж. 2 арш. с четв. Все крыто дранью. На кровле 6 слухов с крышками.

Из мебели в светлицах усадьбы Троицкое указаны стол дубовый большой с двумя ящиками «столярного мастерства» и столик с одним ящиком (оба с точеными подножками); скамья с подножками точеными и перильцами; кровать дубовая «одинакая» с железными винтами и 6 стульев дубовых столярного мастерства. В амбаре хранились 2 стола дубовых простых и 9 скамеек малых и больших липовых и сосновых.

На дворе стояли две людские приворотные избы с двумя сенями и нужниками. В сени вела лестница, обитая сосновым тесом. В избах печи кирпичные с трубами, столы и лавки. Длина всему строению 9 саж., поперек 2 саж. 1 арш. с четв. В стороне от ворот поставлены еще 2 избы людские с сенями. Крыты под одну крышу драньем и лубьем.

В усадьбе Троицкое проживали дворовые люди: земский 33 лет и садовник 50 лет с семьями (4 чел. м.п., 8 чел. ж.п.). У них отмечены скот и птица: у первого 2 коровы и бык, 7 овец, 15 кур; у второго лошадь с жеребенком, 2 коровы и 3 подтелка, 10 овец, 10 кур. Каждому выдавалось «из мирского, а не из помещикова хлеба месячины» 4 четверика ржи, 2 гарнца круп; садовнику еще ежегодно 2 четверика гороха. Кроме того, в месяц земский получал 2 фунта соли, садовник — 3.

Из хозяйственных построек перечислены сарай плетневый с воротами, хлев скотский бревенчатый с воротами, 2 погреба с напогребицами и амбаром между ними в одной связи (8 × 3 саж. 2 арш.). Среди имущества кадки, бочки, 2 котла чугунных по полтора ведра, корыта липовые хлебные и капустные, посуда деревянная, утюг железный с рукояткой, пила железная большая «для роспилования бревен», железа ножные с замком («что людей куют»), садовый инструмент (топор, заступ, 2 ножа кривых). Далее следуют сарай каретный бревенчатый сосновый с потолком и створчатыми воротами; конюшня (4 × 3 саж.) бревенчатая сосновая на 10 стойл с лестницей, забранной дубовым тесом; хлев скотный бревенчатый сосновый; изба (2 саж. 2 арш. × 2 саж. 2 арш.) бревенчатая, в ней печь кирпичная с трубой. При избе сени (1 саж. 2 четв., поперек 2 арш. 1 четв.), в которых очаг кирпичный поваренный с трубой. Все постройки крыты дранью.

При «помещиковом» дворе были два сада и овощной огород. Первый сад (40 × 30 саж.) огорожен заборником сосновым и еловым в столбах с двумя

воротами. В нем яблоней рослых 25 деревьев, мелких 38, «лесовых» 34, вишен 26, слив 27, груш 29, рябины 52, черемухи 20, кустов красной смородины 9 да 11 кустов ореховых. Малинник и черная смородина посажена близ забора «в разных многих местах». Здесь же отмечены 451 дерево клена мелкого, 37 деревьев вяза, 26 ясеня, 3 дуба, 57 лип, 6 осин, 3 березы, 7 ив. Второй сад (30 × 70 саж.) огорожен с дух сторон заборником сосновым и еловым в столбах дубовых и сосновых, с двух сторон — решетчатым забором. В нем груш 2 дерева, слив 4, вишен 14, рябин 14, черемухи 4; а также 2 гряды (во весь сад) смородины черной, малинник подле забора. Среди деревьев 7 вязов, 72 клена, 10 лип, осина, ива, 7 ильмов.

В огороде (29,5 × 7 саж.), «в котором сажаетца овощ», значатся 9 кустов черной смородины, 9 кленов, вяз, 2 ильма.

Около помещикова двора, садов и огорода (общая площадь 60 × 41 саж.) «розсажено» 11 сосен и 13 берез небольших.

На реке стояла мельница об одном поставе. Плотина (длина 43, поперек 2, вышина 1 саж.) сделана из мелкого леса и завалена соломой и землей. Томилов свою половину мельницы сдал своему крестьянину Григорию Никитину, чтобы он ее «содержал в добром смотрении и охранении». Никитин платил ежегодно в губернскую канцелярию по 22,5 коп., а помещику 3 руб. Помольных денег собиралось от 3 до 3 руб. 50 коп., лопаточного хлеба от 3 до 3,5 четв.

Крестьяне платили помещику денежный оброк 200 руб. В год. Столовые запасы были переведены на деньги: за 50 пудов свиного мяса 20 руб. (пуд 40 коп.), за 50 баранов 12 руб. 50 коп. (баран 25 коп.), за 80 гусей битых 8 руб. (10 коп.), за 80 уток 4 руб. (5 коп.), за 80 кур индейских 8 руб. (10 коп.), за 80 кур русских 4 руб. (5 коп.), за 12 фунтов масла коровьего 18 руб. (1 руб. 50 коп.), за 5 ведер постного масла 5 руб. (1 руб.). Всего 82 руб. 50 коп. Деньги собирались в 2 срока — в январе и в апреле. В среднем (на 90 дворов) приходилось по 3 руб. 14 коп., на чел. м.п. (291) по 98 коп. Барщины не было, «на помещика пашенной земли ничего не пашетца».

Казенные налоги («подушные деньги и государевы поборы») за дворовых, бобылей и бестяглых уплачивались из крестьянских денег, а «не из помещиковых».

Подворное описание содержит следующие данные: население об.п. с указанием возраста, поголовье скота и птицы, посев («высеваетца») ржи и яровых (овес, ячмень, пшеница, горох, лен, конопля, дикуша). Дикуша встречается лишь в перечне культур двух хозяйств. Из птицы разводили кур русских; только в 21 дворе отмечены 26 гусей, 13 уток, 8 кур индейских.

Всего в *нижегородском имении Томилова (село Троицкое и деревня Отерево)* отмечено 89 крестьянских дворов. В шести дворах проживали 12 семей, каждая со своим отдельным хозяйством. Из них в одном отмечены отец и сын, в другом — два брата.

Из подсчетов исключены 5 дворов, в которых нет взрослых м.п., а также один двор, где проживали муж с женой (23 и 20 лет) и вдова (50 лет) бестяглая с тремя сыновьями и дочерью. В этом дворе скота и птицы «ничего не имеется», кроме одной лошади, «також и в посеве хлеба ничего не бывает». Таким образом, в имении 90 тяглоспособных семей, т. е. дворов.

В селе также «имеетца в жительстве бестяглых бобылей» 6 семей (мужчина 60 лет с женой и 5 вдов 40–70 лет) и с ними «имеет жительство в келье» солдатка 50 лет с сыном 19 лет. У них «хлеба в посеве не бывает»; у двух бобылей отмечено по корове и 2–3 курицы. В деревне в своих кельях жили 2 бобылки, крестьянские вдовы 60–70 лет (у одной сын 20 лет). У одной вдовы была корова.

Крестьяне «по разделу пашут на себя», и надельной земли насчитывалось 400 четв. в поле, в том числе 140 четв. доброй земли, 180 четв. средней, 80 четв. плохой. Сенных покосов на 1700 копен. Лес занимал площадь 4 × 2 версты.

На реке Сереже крестьяне арендовали рыбные ловли (щука, плотва, налим, окунь), уплачивая «всегда бездоимочно» в Нижегородскую губернскую канцелярию ежегодно 84 коп. Пруд у реки Пасмуровки с мелкой рыбой (174 × 43 саж.) помещик передал крестьянам без уплаты оброчных денег.

Делением дворов по числу работников м.п. устанавливаются четыре группы (*табл. № 3.35*). В первой 38 дворов (42,2 %), во второй почти столько же — 37 (41,1 %), в третьей только 10 (11,1 %), в четвертой всего 5 (5,6 %). По числу жителей об.п., м.п. и работников впереди вторая группа, за ней первая. Однако доля работников в первой группе ниже предшествующих показателей, а в других группах показатели повышаются.

В первой группе преобладают малые семьи. В других — неразделенные отцовские. Братских семей очень мало.

Основные занятия крестьян земледелие и животноводство (*табл. № 3.36*). В среднем двор имел посевы ржи 31,6 четвериков, овса 19,7, ячменя 9,3, пшеницы 5,6. Гороха, льна и конопли высевалось мало (0,2; 0,8; 0,8). Посевов овса не было в трех хозяйствах, ячменя — в четырех, пшеницы — в трех, гороха — в 62, конопли — в пяти. Соотношение по группам основной культуры ржи таково: 35,0 %; 38,5 %; 15 %; 11,5 %. Обратимся к средним показателям (*табл. № 3.37*). По ржи и пшенице у дворов первой и второй групп средняя ниже общей по имению; у второй группы средняя по овсу и ячменю близка к ней. Дворы третьей и четвертой групп по своей средней превосходят общий показатель. Средняя четвертой группы выше средней первой в 2–2 $^1/_2$ раза. Средняя на чел. м.п. у первой группы, напротив, либо выше общей, либо совпадает с ней. Средние показатели четвертой близки к общим, а по овсу даже ниже.

Конкретные данные о посевах отдельных дворов (*табл. № 3.38*) показывают, как от первой к четвертой группе увеличиваются показатели. Самые высокие нормы высеваемого зерна относятся к дворам третьей и четвертой групп.

Вряд ли можно назвать состояние животноводства удовлетворительным. Средние на двор по лошадям, коровам, свиньям низкие. К тому же в 24 дворах свиней не было. Среднюю по курам тоже нельзя считать высокой. Другая птица (26 гусей, 13 уток, 8 индейских кур) отмечена только в 21 хозяйстве.

Распределение самого важного для крестьян конского поголовья по группам таково: 36,2 %; 40,0 %; 14 %; 9,8 %. Сравним эти данные со средними на двор. В первой группе показатель (2,2) ниже общего по имению (2,6). Во второй он близок к общему (2,5). В третьей и четвертой он заметно выше (3,3 и 4,6). То же наблюдается по коровам и овцам. Только в свином пого-

Табл. № 3.35

Крестьянское население в нижегородском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.		Крестьяне м.п.		Взрослые м.п.		Семьи	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные отцовские / братские
1	38	42,2	200	34,2	5,3	93	31,9	2,4	32	6 / –
2	37	41,1	238	40,7	6,4	122	41,9	3,3	23	2 / 2
3	10	11,1	87	14,9	8,7	43	14,9	4,3	9	1 / 1
4	5	5,6	60	10,2	12,0	33	11,3	6,6	4	1 / 1
Всего	90	100,0	585	100,0	6,5	291	100,0	3,2	68	10 / 4

Табл.№ 3.36

Крестьянское хозяйство в нижегородском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Посевы зерновых, четверики						Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры
			рожь	овес	ячмень	пшеница	горох	лен	конопля					
1	38	93	996	604	273	183	8	26	26	85	69	62	265
2	37	122	1096	734	353	188	6	28	27	94	76	65	290
3	10	43	428	268	116	70	3	10	7	33	31	17	98
4	5	33	328	172	100	60	2	7	14	23	19	10	58
Всего	90	291	2848	1778	842	501	19	71	74	235	215	154	711
В среднем на двор	–	3,2	31,6	19,7	9,3	5,6	0,2	0,8	0,8	2,6	2,4	1,7	7,9
В среднем на человека м.п.	–	–	9,8	6,1	2,9	1,7	0,06	0,2	0,2	0,8	0,7	0,5	2,4

Табл. № 3.37

Средние показатели крестьянского хозяйства в нижегородском имении Томилова А.Ф.

Группа	Посевы зерновых, четверики							Поголовье				
	рожь	овес	ячмень	пшеница	горох	лен	конопля	конское	коровье	овечье	свиное	Куры
в среднем на двор												
1	26,2	15,9	7,2	4,9	0,2	0,7	0,7	2,2	2,3	5,4	1,6	7,0
2	29,6	19,8	9,5	5,0	0,2	0,7	0,7	2,5	2,0	5,8	1,7	7,8
3	42,8	26,8	11,6	7,0	0,3	1,0	0,7	3,3	3,1	9,2	1,7	9,8
4	65,6	34,4	20,0	12,0	0,4	1,4	1,4	4,6	3,8	10,2	2,0	11,6
Всего по имению	**31,6**	**19,7**	**9,3**	**5,6**	**0,2**	**0,8**	**0,8**	**2,6**	**2,4**	**6,2**	**1,7**	**7,9**
в среднем на человека м.п.												
1	10,7	6,5	2,9	1,9	0,08	0,3	0,3	0,9	0,9	2,2	0,6	2,8
2	8,9	6,0	2,9	1,5	0,04	0,2	0,2	0,8	0,6	1,7	0,5	2,4
3	9,9	6,2	2,7	1,6	0,06	0,2	0,2	0,7	0,7	2,1	0,4	2,3
4	9,9	5,2	3,0	1,8	0,06	0,2	0,2	0,7	0,6	1,5	0,3	1,7
Всего по имению	**9,8**	**6,1**	**2,9**	**1,7**	**0,06**	**0,2**	**0,2**	**0,8**	**0,7**	**1,9**	**0,5**	**2,4**

зовые показатель первой немного ниже общего, во второй–третьей — совпадает, в четвертой — выше.

Средние на чел. м.п. изменяют положение. Показатели первой группы выше общего, показатели второй–третьей — близки к нему, показатели четвертой — ниже.

Конкретные данные по отдельным дворам (*табл. № 3.39*) показывают некоторое превышение по поголовью лошадей в третьей и четвертой группах. По коровам и свиньям показатели всех групп близки. Лишь по овцам показатель 8–15 голов более значителен в третьей и четвертой группах.

В конце 1752 — начале 1753 г. за «учиненные... фальшивые векселя» были отобраны имения у бывшего *артиллерии цейхвартера Никифора Михайловича Колокольцева*. Владения его располагались в пяти уездах (крестьян м.п. 445 чел., ж.п. 302 чел.). Помещик получал с них оброк не менее 454 руб. Сохранились описания усадеб и крестьянских дворов коломенской (29 дворов — 92 чел. м.п.) и медынской (52 двора — 203 чел. м.п.) вотчин.

Усадьба в коломенском сельце Порядниково Мещерской волости была окружена забором (по счету 21 звено ценой 70 коп.). Дворовое строение состояло из двух поземных горниц ветхих длиной 3,5 и 3 саж., соединенных сенями еловыми длиной 3,5 саж. Все эти покои «крыты под одну связь дранью». Из хозяйственных построек перечислены 2 житницы еловые двухсаженные Из хозяйственных построек перечислены 2 житницы еловые двухсаженные старые (крыты дранью), конюшня еловая новая 5 × 2,5 саж. ценой 1 руб. 20 коп., амбар еловый длиной 3 саж., ветхий, ценой 10 коп., скотский сарай, крытый соломой, ценой 7 коп. Близ ворот на улице была «кладезь» ценой 15 коп. На гумне ценой 40 коп. стояли два овина старые еловые двухсаженные. Судя по тому, что одна стена в избе людской развалилась, люди давно покинули усадьбу, по этой причине отписчикам в жилых помещениях «пожитков не явилось».

Табл. №3.38

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в нижегородском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																			
						1	2	3	4	6	8	10	12	16	20	24	28	32	36	40	44	48	56	60	80
рожь																									
1	38	–	38	996	8-56	–	–	–	–	–	1	–	–	5	13	1	8	2	–	7	–	–	1	–	–
2	37	–	37	1096	4-48	–	–	–	1	–	1	–	–	4	7	2	5	1	1	12	–	3	–	–	–
3	10	–	10	428	20-80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1	–	2	1	3	–	–	1
4	5	–	5	328	48-80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	2
Всего дворов	**90**	**–**	**90**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**2**	**–**	**–**	**9**	**21**	**3**	**14**	**4**	**1**	**21**	**1**	**7**	**1**	**2**	**3**
овес																									
1	38	2	36	604	2-28	–	1	–	1	–	3	1	4	11	7	6	2	–	–	–	–	–	–		
2	37	1	36	734	4-32	–	–	–	1	–	–	1	2	12	1	14	3	2	–	–	–	–	–		
3	10	–	10	268	12-56	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	5	–	2	–	–	–	–	1		
4	5	–	5	172	28-40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2	–	2	–	–	–		
Всего дворов	**90**	**3**	**87**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**2**	**–**	**3**	**2**	**7**	**24**	**8**	**25**	**6**	**6**	**–**	**2**	**–**	**–**	**1**		
ячмень																									
1	38	3	35	273	2-12	–	2	1	6	1	16	–	9	–	–	–									
2	37	1	36	353	3-16	–	–	1	2	–	19	–	6	6	–	–									
3	10	–	10	116	4-24	–	–	1	–	–	4	–	2	2	–	1									
4	5	–	5	100	16-24	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	2									
Всего дворов	**90**	**4**	**86**	**–**	**–**	**–**	**2**	**3**	**8**	**1**	**39**	**–**	**19**	**10**	**1**	**3**									
пшеница																									
1	38	–	38	183	1-16	7	5	2	11	3	8	–	–	2											
2	37	3	34	188	1-12	4	1	4	10	–	14	–	1	–											
3	10	–	10	70	1-12	2	–	–	–	–	7	–	1	–											
4	5	–	5	60	8-16	–	–	–	–	–	1	–	3	1											
Всего дворов	**90**	**3**	**87**	**–**	**–**	**13**	**6**	**6**	**21**	**3**	**30**	**–**	**5**	**3**											

Табл. № 3.39

Поголовье скота в крестьянских дворах в нижегородском имении Томилова А.Ф.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем										
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	15
лошади																
1	38	–	38	85	1-4	9	16	8	5	–	–					
2	37	–	37	94	1-5	5	12	16	3	1	–					
3	10	–	10	33	2-6	–	2	5	2	–	1					
4	5	–	5	23	4-6	–	–	–	3	1	1					
Всего дворов	**90**	**–**	**90**	**–**	**–**	**14**	**30**	**29**	**13**	**2**	**2**					
коровы																
1	38	2	36	89	1-5	9	16	6	4	1						
2	37	1	36	76	1-5	10	16	7	2	1						
3	10	–	10	31	1-5	1	4	1	1	3						
4	5	–	5	19	3-5	–	–	2	2	1						
Всего дворов	**90**	**3**	**87**	**–**	**–**	**20**	**36**	**16**	**9**	**6**						
овцы																
1	38	1	37	206	1-15	2	–	9	2	9	4	4	1	1	4	1
2	37	2	35	214	2-10	–	1	6	2	6	7	4	3	–	6	–
3	10	–	10	92	1-15	1	–	–	–	1	–	–	2	–	4	2
4	5	–	5	51	8-15	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2	1
Всего дворов	**90**	**3**	**87**	**–**	**–**	**3**	**1**	**15**	**4**	**16**	**11**	**8**	**8**	**1**	**16**	**4**
свиньи																
1	38	11	27	62	1-4	7	8	9	3	–						
2	37	9	28	65	1-5	8	9	6	4	1						
3	10	2	8	17	1-4	1	6	–	1	–						
4	5	2	3	10	2-5	–	1	1	–	1						
Всего дворов	**90**	**24**	**66**	**–**	**–**	**16**	**24**	**16**	**8**	**2**						

Жилая усадьба Колокольцевых находилась у деревни Михеево Городского стана Медынского уезда. На помещиковом дворе, огороженном заметом еловым, стояли 3 светлицы поземные «в одной связи» новые из елового леса с сенями, в которых чулан и нужник. Первая светлица «прихожая» (2 × 3 саж.). В светлице отмечены дубовые столы круглый и «русской забран ящиком», 3 стула столярной работы точеные обиты кожей, в том числе «одно с креслами», 2 кровати деревянные простые, 2 сундучка, обитые железом. Вторая — «комнатка» (2 саж. с локтем × 2 саж.), а в ней 2 столика дубовые, один четырехугольный, другой с выдвижным ящиком, скамья простая, шкаф створчатый длиной 1,5 арш., его затворы «забраны стеклом белым четырехугольным», а рамки «выкрашены краскою». В комнатке была печь «кафленая живописной работы». Третья — «светелка», из которой топят «комнатку». В ней находятся две лавки сосновые, шкаф русский крашеный с дверями створчатыми. У светелки в подмосте погребок с подъемной дверью.

Во всех покоях 6 окончин стеклянных «в дереве замазных» белого стекла (в длину 1 арш. с четв., в ширину 3 четв. каждая), 8 дверей (крючья, петли, затворы, скобы железные). Хоромы крыты тесом двойным новым. Для входа имелось крыльцо с рундуком.

В светлицах 7 икон и 4 картины «живописные». «Оные картины персоны написаны» отца Михаила и матери Варвары Петровны владельца, его самого и его брата Аполлона. Размером 1 арш. 2 вершка на 1 арш. и меньше, в том числе одна «в рамах».

У ворот стояла изба людская с сенями ветхая, 3 $^1/_2$ саж., крыта дранью. Дворовых людей (5 чел. м.п., 3 чел. ж.п.), в том числе конюх и птичница. Четверо взрослых получали месячину по два пуда. Иван Воронков 40 лет с женой и двумя сыновьями имел «присевок» на господской земле полторы десятины в поле. Им нажато к концу лета 8 копен ржи, 3 копны овса, 22 копны ячменя. Скота 2 овцы, 3 свиненка, 8 кур русских старых и молодых. Лошадей у него не было.

В описании усадьбы перечислены дворы конюшенный и скотный, 5 житниц, «господская хлебня, где становится всякий хлеб» в скирдах и копнах, 3 овина, загороженный решеткой «для овощу огород» (капусты 10 грядок), пчельник (в омшанике 5 колодок пчел), пруд (50 × 20 саж.) с плотиной на реке Рудинке без рыбы, «понеже запружен в прошлом 751 году». На конюшенном дворе отмечена крытая соломой изба трехсаженная, где жили конюхи, конюшня ветхая трехсаженная, 4 сарая ветхие. Конское поголовье 11 голов. На скотном дворе 2 избы для скотников трехсаженные, новая и ветхая, омшаник, сарай, 4 закутка, все крыто соломой. На улице был сарай с сеном. Скота (корова, 2 овцы черкасских, 16 русских, 5 свиней) и птицы (6 гусей, 15 уток, 17 кур русских, 13 индейских) было немного. В житницах хранились рожь, пшеница плохого качества с головней, ячмень, горох «волоцкий» и русский, семя льняное, а также мякина для корма скота и птицы, овчины, безмен железный двухпудовый, 3 пилы большие, «которыми пилят лес».

Водяная мельница «о дву поставах» была «в найму» у крестьянина Пафнутьево-Боровского монастыря. Ему же принадлежали жернова и снасть.

При мельнице стояли изба жилая и амбар новый трехсаженный. С 1751 г. мельник платил ежегодно 5 руб.

После отписки имения в Медынской воеводской канцелярии велась ведомость о продаже помещичьего имущества. За улей пчел было получено 2 руб. 50 коп. За лошадей (жеребец 4 руб. 15 коп.; кобыла 3 руб. 75 коп.; 2 мерина 2 руб. 10 коп. и 6 руб. 25 коп.) выручили 16 руб. 25 коп., за трех гусей — 50 коп., двух уток — 16 коп., двух кур индейских — 50 коп., за 10 кур русских — 45 коп.

Согласно ведомости скотнику и конюху было выделено на два тягла пашенной земли 2 $^1/_2$ дес., под коноплянник «колесо», сенных покосов «колесо». На посев в апреле они получили 3 четверика пшеницы, 24 четверика овса, 4 четверика ячменя, 8 четвериков гречи, 2 четверика гороха, 4 конопли. Им же даны 2 лошади, корова, 4 овцы, свинья, 4 куры русских. С апреля до августа получили месячины 24 четверика ржи. Третьему дворовому человеку с сыном прибавлено на два тягла 1 дес. земли пашенной, а также колесо луга (вместо месячины помещик им дал 1 $^1/_2$ дес. и колесо коноплянника). Скота дано: 2 лошади, 2 телки, 4 овцы, свинья да еще 4 куры. На посев он получил пшеницы 1 $^1/_2$ четверика, овса 12, ячменя 2, гречи 4, гороха 1, конопли 2.

Крестьяне медынской вотчины состояли на барщине. Ржи высевалось 24 четв., видимо, на 12 дес. (на двор 0,2 дес., на чел. м.п. 0,05 дес.). Яровые занимали тоже 12 дес. В среднем на двор приходилось в двух полях 0,8 дес., на чел. м.п. 0,3 дес. Годовые доходы (хлеб и столовые запасы) помещик с них не собирал.

Описание дворов деревни Михеево Медынского уезда относится к августу–сентябрю 1752 г. Помимо населения об.п. с указанием возраста, поголовья скота и птицы оно содержит сведения о количестве в копнах сжатой ржи, овса, ячменя и пшеницы. Крестьяне, возможно, успели обмолотить часть гороха и конопли. Посев ржи озимой к будущему году указан в десятинах. Для сравнения с другими имениями переводим их в четверики.

В деревне Михеево в 52 крестьянских дворах насчитывалось 106 взрослых работников м.п. (52,2 % по отношению к числу всех людей м.п.). По числу взрослых намечены четыре группы: с одним — 18 дворов, с двумя — 19, с тремя — 10, с четырьмя — 5 (*табл. № 3.40*). Дворы крестьян в основном входили в первую и вторую группы (37 дворов — 71,2 %). Во второй группе доля работников вдвое превосходила показатель первой группы, хотя число дворов почти не различалось (19 и 18). Доля дворов четвертой группы около 10 %, а доля работников в них почти в 2 раза больше. В первой группе почти все семьи малые. В других преобладали неразделенные отцовские и братские.

Крестьяне деревни Михеево засевали рожью 72 дес. Без посева числился только один двор (см. *табл. № 3.41* и *3.42*). В среднем по имению на двор приходилось 1,4 дес., на душу м.п. 0,3 дес. (в четвериках 11,1; 2,8). У крестьян первой группы дворовый показатель ниже (0,9 дес., 7,1 четверика), у второй группы — близок к общему (1,4 дес., 10,9 четверика), у третьей и четвертой выше общего по имению (1,8 и 2,4 дес., 14,4 и 19,2 четверика). Показатель третьей группы выше первой в 2 раза, четвертой в 2 $^1/_2$ раза. Душевые показатели сходны, а по четвертой группе выше (0,4 дес., 3,3 четверика). Данные о посевах ржи

Табл. № 3.40

Крестьянское население в медынском имении Колокольцева Н.М.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	нераздельные	
													отцовские	братские
1	18	34,7	94	23,7	5,2	50	24,6	2,8	18	17,0	1,0	17	1	-
2	19	36,5	151	38,0	7,9	73	36,0	3,8	38	35,8	2,0	4	5	10
3	10	19,2	96	24,2	9,6	51	25,1	5,1	30	28,3	3,0	-	6	4
4	5	9,6	56	14,1	11,2	29	14,3	5,8	20	18,9	4,0	-	3	2
Всего	52	100,0	397	100,0	7,6	203	100,0	3,9	106	100,0	2,0	21	15	16

Табл.№ 3.41

Крестьянское хозяйство в медынском имении Колокольцева Н.М.

Группа	Дворы	Крестьяне	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы ржи, четверики	«Хлеба нажато», копны				«Вымолочено», четверики	
									рожь	овес	ячмень	пшеница	горох	конопля
1	18	50	48	20	28	26	213	256	168	135	62	9	44	119
2	19	73	83	18	80	58	336	416	308	240	114	12	71	127
3	10	51	64	17	46	52	215	288	200	169	80	26	82	96
4	5	29	32	9	21	19	108	192	135	95	53	19	24	44
Всего	**52**	**203**	**227**	**64**	**175**	**157**	**872**	**1152**	**811**	**639**	**309**	**66**	**221**	**386**
В среднем на двор	-	3,9	4,4	1,2	3,4	3,0	16,8	22,1	15,6	12,3	5,9	1,3	4,2	7,4
В среднем на человека м.п.	-	-	1,1	0,3	0,9	0,8	4,3	5,7	4,0	3,1	1,5	0,3	1,1	1,9

Табл. № 3.42

Средние показатели крестьянского хозяйства в медынском имении Колокольцева Н.М.

Группа	Поголовье				Куры	«Хлеба нажато», копны				«Вымолочено», четверики		Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье	свиное		рожь	овес	ячмень	пшеница	горох	конопля	
в среднем на двор												
1	2,7	1,1	1,5	1,5	11,8	9,3	7,5	3,4	0,5	2,4	6,6	14,2
2	4,4	0,9	4,2	3,0	17,7	16,2	12,6	6,0	0,6	3,7	6,7	21,9
3	6,4	1,7	4,6	5,2	21,5	20,0	16,9	8,0	2,6	8,2	9,6	28,8
4	6,4	1,8	4,2	3,8	21,6	27,0	19,0	10,6	3,8	4,8	8,8	38,4
Всего по имению	**4,4**	**1,2**	**3,4**	**3,0**	**16,8**	**15,6**	**12,3**	**5,9**	**1,3**	**4,2**	**7,4**	**22,1**
в среднем на человека м.п.												
1	1,0	0,4	0,6	0,6	4,3	3,4	2,7	1,2	0,2	0,9	2,4	5,1
2	1,1	0,2	1,1	0,8	4,6	4,2	3,3	1,6	0,2	1,0	1,7	5,7
3	1,2	0,3	0,9	1,0	4,2	3,9	3,3	1,6	0,5	1,6	1,9	5,6
4	1,1	0,3	0,7	6,6	3,7	4,6	3,3	1,8	0,6	0,8	1,5	6,6
Всего по имению	**1,1**	**0,3**	**0,9**	**0,8**	**4,3**	**4,0**	**3,1**	**1,5**	**0,3**	**1,1**	**1,9**	**5,7**

Табл.№ 3.43

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в медынском имении Колокольцева Н.М.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом								
						8	12	16	20	24	32	40	48	56
1	18	-	18	256	8–32	4	7	4	1	1	1	-	-	-
2	19	1	18	416	8–56	3	1	4	-	4	5	-	-	1
3	10	-	10	288	16–40	-	-	1	1	4	1	3	-	-
4	5	-	5	-	-	-	-	-	-	2	-	1	1	1
Всего дворов	52	1	51	-	-	7	8	9	2	11	7	4	1	2

по отдельным дворам (*табл. № 3.43*) указывают на значительные различия по группам. Крайние показатели по дворам первой группы колеблются от 8 до 32 четвериков. В других группах верхняя грань 40–56 четвериков. В первой группе чаще встречается посев 12 четвериков, во второй — 16–32, в третьей — 24–40. Показатели четырех дворов четвертой группы от 24 до 56 четвериков.

Данные о сжатом хлебе в копнах (рожь, овес, ячмень, пшеница) представляются условными, так как нет уверенности, что к моменту описания все дворы закончили уборку в полях.

Дворовые показатели по конскому, овечьему и свиному поголовью по медынскому имению в целом неплохие. Однако овец не было в 14, а свиней — в 11 дворах. Мало было коров, в среднем на двор 1,2. В 27-ми дворах коровы совсем не значились. Из птицы везде разводили кур (16,8). Гуси (73) и утки (37) отмечены лишь в 9 дворах.

Данные о поголовье скота по дворам (*табл. № 3.44*) свидетельствуют о лучшей обеспеченности дворов третьей и четвертой групп.

Слабо развито было пчеловодство. Зарегистрировано лишь 35 колодок пчел в четырех дворах.

В 1754 г. (или в начале 1755 г.) были составлены описные и ценовные книги и экстракт к ним по *имению Никифора Киселева селу Никольское, Новый Чирчим тож Узинского стана Пензенского уезда*. Как показали крестьяне, «сам помещик в селе Чирчиме не живал», господского скота и хлеба не было, а «двор построен для приезду». На «боярском дворе» стояли 2 белые горницы (в одной «комнатка»), а «промеж их сени». В горницах 2 печи муравленые изразцовые с трубами. Все строение, крытое дранью, оценено в 15 руб. Из других строений отмечены 3 амбара бревенные, крыты дранью (1 руб., 60 и 50 коп., всего 2 руб. 10 коп.), конюшня пластинная (1 руб. 40 коп.), подклет пластинный (20 коп.), сенница пластинная (40 коп.), погребица бревенная (40 коп.), поварня винная пластинная (1 руб.), изба приворотная с сенями (1 руб. 20 коп.). Все они сосновые, кровли из дранки. Двор окружен заметом пластинным в 27 звеи (50 коп.) с воротами чазинными (10 коп.). В экстракте все строения двора оценены в 22 руб. 40 коп.

Во дворе проживала дворница, вдова 60 лет с женатым сыном. У них было 2 лошади (3 руб.), корова с подтелком (1 руб. 10 коп.), 13 овец (1 руб. 50 коп.), 2 свиньи (15 коп.), 10 кур (10 коп.). В состав хлеба обмолоченного входили 16 четвериков муки ржаной (1 руб. 30 коп.) и 16 четвериков пшеницы (1 руб.). В гумне 2 овина овса (80 коп.). Дворовые посеяли ржи 1 осьминник. Общая цена людям и имуществу 30 руб. 95 коп.

Составители экстракта оценили поместную землю 170 четв. в 170 руб., двор боярский, оборудование винокурни и прочее в 205 руб. 70 коп. Стоимость крестьян, их пожитков, дворового строения, скота и хлеба составила 1617 руб. 10 коп. Все имение оценено в 1822 руб. 80 коп.

Из общей суммы больше половины (1006 руб. — около 55 %) — это стоимость крестьян об.п. Доля стоимости крестьянского скота около 17 % (307 руб.), необмолоченному хлебу на гумне 7 % (127 руб.). Стоимость крестьянского строения около 120 руб. (около 6 %). В среднем на двор 4 руб. 44 коп., примерно в 5 раз меньше господского.

Табл. № 3.44

Поголовье скота в крестьянских дворах в медынском имении Колокольцева И.М.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем								
						1	2	3	4	5	6	7	8	10	16
лошади															
1	18	1	17	48	1–5	1	7	4	4	1	–	–	–	–	–
2	19	–	19	83	2–10	–	2	3	9	2	–	2	–	1	–
3	10	–	10	64	4–8	–	–	–	2	–	2	4	2	–	–
4	5	–	5	32	6–7	–	–	–	–	–	3	2	–	1	–
Всего дворов	52	1	51	–	–	1	9	7	15	3	5	8	2	2	–
коровы															
1	18	9	9	20	1–4	2	4	2	1	–					
2	19	11	8	18	1–4	4	1	3	–	–					
3	10	5	5	17	1–5	1	–	2	1	1					
4	5	2	3	9	1–5	1	–	1	–	1					
Всего дворов	52	27	25	–	–	8	5	8	2	2					
овцы															
1	18	7	11	28	1–6	5	2	1	1	2	–	–	–	–	–
2	19	5	14	80	2–8	–	1	1	2	2	2	3	3	–	–
3	10	2	8	46	1–16	1	1	–	2	1	1	–	1	–	1
4	5	–	5	21	2–7	–	1	1	1	1	–	1	–	–	–
Всего дворов	52	14	38	–	–	6	5	3	6	6	3	4	4	–	1
свиньи															
1	18	5	13	28	1–4	5	4	1	3	–	–	–	–	–	–
2	19	4	15	58	1–8	2	2	3	2	3	2	–	–	–	–
3	10	–	10	52	2–16	–	1	2	2	4	–	–	–	1	–
4	5	2	3	19	4–8	–	–	–	1	–	–	1	–	–	1
Всего дворов	52	11	41	–	–	7	7	6	8	7	2	1	2	–	1

Крестьяне уплачивали денежный оброк 80 руб. (в среднем на двор 2 руб. 96 коп., на чел. м.п. 68 коп.) и ставили помещику 50 ведер вина.

Подворное описание села Никольское включало данные о возрасте населения об.п. Оценщики проставили на каждого чел. м.п. цену 5 руб., ж.п. 4 руб. Конкретные данные приведены по скоту и птице с указанием цены каждой головы, по дворовым постройкам с указанием цены каждого строения, по хозяйственному инвентарю (топоры, косы, серпы). Посев ржи («в земле посеяно») указан в осьминниках (считаем, что осьминник — 4 четверика). По трем дворам посев не указан, хотя в этих дворах отмечено немало скота (4 лошади в двух и 14 в третьем) и хлеб необмолоченный, включая рожь в гумнах. Хлебостоячий в гумнах указан в «овинах». Единичны указания о цене овинас: пшеницы — 40 коп., овса — 15–20 коп., проса — 20–30 коп., полбы — 30 коп. Ржи не было лишь в четырех дворах, пшеницы и овса — в одном, проса — в 18. Полба значилась лишь в двух дворах. Обмолоченного хлеба у крестьян оказалось очень мало. Его стоимость указана лишь однажды. Цена 1 четв. (8 четвериков) ржи 25 коп., пшеницы — 50 коп., овса — 20 коп. Запасы в некоторых дворах записаны большими (80, 160, 200 четвериков). Однако рожь указана только в шести дворах, пшеница — в четырех, овес — в трех, полба и горох — в четырех, ячмень — в одном, греча — в одном. Странно, что в большинстве дворов к обмолоту не приступали. Пчелы были только в одном дворе — 2 улья ценой 2 руб. По дворам указаны количество и цена топоров, кос, серпов. В двух дворах отмечены 2 пивных котла ценой 1 руб. и 1 руб. 20 коп.

В 27-ми дворах проживало 224 чел. об.п. (117 чел. м.п., 107 чел. ж.п.). Их возраст представлен в *табл. № 3.45*. Детей до 10 лет включительно было 55 мальчиков и 50 девочек. Всего 105 чел. (46,9 %). Людей преклонного возраста (от 66 лет и более) отмечено 9 чел. м.п. и 7 чел. ж.п. ; всего 16 чел. (7,1 %).

Табл. № 3.45

Возраст крестьянского населения в пензенском имении Киселева Н.

Возраст, лет	Крестьяне м.п.	%	Крестьяне ж.п.	%	Всего	%
1–10	47	47,0	40	46,7	87	46,9
11–14	8		10		18	
15–19	9	55,3	5	56,8	14	46,0
20–29	9		14		23	
30–39	9		12		21	
40–49	11		10		21	
50–59	10		3		13	
60–65	5		6		11	
66–69	–	7,7	–	6,5	–	7,1
70–79	5		3		8	
80–89	2		2		4	
90	2		2		4	
Всего	117	100,0	107	100,0	224	100,0

Табл. № 3.46

Крестьянское население в пензенском имении Киселева Н.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	10	37,0	59	26,3	5,9	32	27,4	3,2	10	19,3	1,0	8	2	–
2	12	44,5	104	46,4	8,7	53	45,2	4,4	24	46,1	2,0	2	10	–
3	5	18,5	61	27,3	12,2	32	27,4	6,4	18	34,6	3,6	–	2	3
Всего	27	100,0	224	100,0	8,3	117	100,0	4,3	52	100,0	1,9	10	14	3

По количеству взрослых м.п. можно составить три группы дворов (*табл. № 3.46*). Число дворов наибольшее во второй группе. Немного меньше дворов в первой. В третьей доля дворов менее 20 %, а доля работников примерно одна третья часть. В первой группе семьи в основном малые. В других — неразделенные (отцовских 14, братских — 3).

Посев озимой ржи в среднем на двор 6,8 четвериков, на чел. м.п. 1,6 (*табл. № 3.47*). По группам дворовые показатели различные: 5,2; 7,3; 8,8. Душевые средние близки друг к другу: 1,6; 1,7; 1,4 (*табл. № 3.48*).

О крестьянском хозяйстве можно судить и по размерам хлеба в гумнах, ждущего своего обмолота (*табл. № 3.47* и *3.48*).

Во дворах первой группы отмечено рожи 30 овинов стоимостью 14 руб. 20 коп. Дворы второй группы имели 49 овинов (16 руб. 90 коп.). Дворы третьей группы (а их только 5) — 40 (14 руб.). Общая стоимость 119 овинов 45 руб. 10 коп. (в среднем на двор 1 руб. 67 коп.). Средние по стоимости различные: в первой группе на двор 1 руб. 42 коп., во второй 1 руб. 40 коп., в третьей 2 руб. 80 коп. Можно считать, что во дворах третьей группы ржи фактически было не только больше, но она была и лучше по качеству.

По количеству овинов пшеницы различия более наглядны. Во дворах второй группы отсчет начинается не с одного овина, а с двух, а в третьей группе — с трех. Стоимость всех 108 овинов 49 руб. (в среднем на двор 1 руб. 81 коп.). А вот средняя стоимость по группам: 1 руб. 50 коп., 1 руб. 76 коп., 2 руб. 38 коп.

Стоимость 100 овинов овса 25 руб. 75 коп. (средняя на двор 95 коп.). Средние по группам: 88 коп., 91 коп., 1 руб. 20 коп. Труднее судить о запасах проса (нет сведений по 18 дворам).

Средние на двор по общему количеству овинов таковы: в первой группе они ниже общего показателя по имению; во второй — близки к нему; в третьей — явно выше. По средним на чел. м.п. наблюдается большое сходство. Лишь показатель ржи в третьей группе превышает общий.

Средние показатели животноводства по имению удовлетворительны. Показатели первой группы ниже общих, второй — близки к ним,

Табл. № 3.47

Крестьянское хозяйство в пензенском имении Киселева Н.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Скот и птица: лошади, голов	лошади, цена, руб.	коровы, голов	коровы, цена, руб.	овцы, голов	овцы, цена, руб.	свиньи, голов	свиньи, цена, руб.	куры, голов	куры, цена, руб.	Общая цена, руб.	В гумнах, овины: ржи, кол-во	ржи, цена, руб.	пшеницы, кол-во	пшеницы, цена, руб.	овса, кол-во	овса, цена, руб.	проса, кол-во	проса, цена, руб.	Общая цена, руб.	Посевы ржи, четверики
1	16	32	34	40,70	21	15,60	162	16,20	40	4,75	150	1,50	80,58	30	14,20	26	15,90	29	8,80	1	0,20	39,40	52
2	12	53	69	85,65	36	24,30	270	27,10	70	7,75	240	2,40	148,75	49	18,90	54	21,20	44	10,95	11	2,55	52,10	88
3	5	32	41	46,10	20	15,55	142	14,20	35	4,50	110	1,10	82,20	40	14,00	28	11,90	27	6,00	5	1,00	32,90	44
Всего	**27**	**117**	**144**	**172,00**	**77**	**55,45**	**574**	**57,50**	**145**	**0,17**	**500**	**5,00**	**311,53**	**119**	**45,10**	**108**	**49,00**	**100**	**25,75**	**17**	**3,75**	**124,40**	**184**
В среднем на двор	–	4,3	5,3	6,38	2,8	2,05	21,2	2,12	5,4	0,62	18,5	0,18	11,53	4,4	1,67	4,0	1,81	3,7	0,95	0,6	0,13	4,60	6,8
В среднем на человека м.п.	–	–	1,2	–	0,6	–	4,9	–	1,2	–	4,3	–	–	1,0	–	0,9	–	0,8	–	0,1	–	–	1,6

Табл. № 3.48

Средние показатели крестьянского хозяйства в пензенском имении Киселева Н.

Группа	Лошади, голов	Лошади, цена	Коровы, голов	Коровы, цена	Овцы, голов	Овцы, цена	Свиньи, голов	Свиньи, цена	Куры, голов	Куры, цена	Общая цена, руб.	В гумнах овинов: ржи, кол-во	ржи, цена	пшеницы, кол-во	пшеницы, цена	овса, кол-во	овса, цена	проса, кол-во	проса, цена	Общая цена, руб.	Посевы ржи, четверики
в среднем на двор																					
1	3,4	4,07	2,1	1,56	16,2	1,62	4,0	0,47	15,0	0,15	8,05	3,0	1,42	2,6	1,50	2,9	0,88	0,1	0,02	3,94	5,2
2	5,7	7,13	3,0	2,02	22,5	2,25	5,8	0,64	20,0	0,20	12,39	4,1	1,40	4,5	1,76	3,7	0,91	0,9	0,21	4,34	7,3
3	8,2	9,22	4,0	3,11	28,4	2,84	7,0	0,90	22,0	0,22	16,44	8,0	2,80	5,6	2,38	5,4	1,20	1,0	0,20	6,58	8,8
Всего по имению	**5,3**	**6,38**	**2,8**	**2,05**	**21,2**	**2,12**	**5,4**	**0,62**	**18,5**	**0,18**	**11,53**	**4,4**	**1,67**	**4,0**	**1,81**	**3,7**	**0,95**	**0,6**	**0,13**	**4,60**	**6,8**
в среднем на человека м.п.																					
1	1,1		0,6		5,1		1,2		4,7		2,51	0,9		0,8		0,9		0,03		1,23	1,6
2	1,3		0,7		5,1		1,3		4,5		2,80	0,9		1,0		0,8		0,2		0,98	1,7
3	1,3		0,6		4,4		1,1		3,4		2,56	1,2		0,9		0,8		0,1		1,02	1,4
Всего по имению	**1,2**		**0,6**		**4,9**		**1,2**		**4,3**		**2,66**	**1,0**		**0,9**		**0,8**		**0,1**		**1,06**	**1,6**

Табл. № 3.49

Поголовье скота в крестьянских дворах в пензенском имении Киселева Н.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Цена скота во дворе, руб.	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем: 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	14	15	17	20	24	25	30	35	37	40
лошади																											
1	10	–	10	34	0,60–9,00	1–5	1	1	3	3	2	–	–	–	–	–	–	–									
2	12	–	12	69	2,70–14,80	2–14	–	3	1	2	1	1	1	1	–	–	1	1									
3	5	–	5	41	3,70–19,70	3–14	–	–	1	1	–	1	–	–	–	–	–	2									
Всего дворов	**27**	–	**27**	–	–	–	**1**	**4**	**5**	**6**	**3**	**2**	**1**	**1**	–	–	**1**	**3**									
коровы																											
1	10	2	8	21	1,00–3,30	1–4	1	2	4	1	–	–	–														
2	12	–	12	36	0,75–4,00	1–7	2	6	–	1	1	1	1														
3	5	–	5	20	0,30–5,50	1–6	1	–	1	1	–	2	–														
Всего дворов	**27**	**2**	**25**	–	–	–	**4**	**8**	**5**	**3**	**1**	**3**	**1**														
овцы																											
1	10	–	10	162	0,80–2,50	8–25	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	–	–	3	–	2	–	2	–	–	–	–
2	12	–	12	270	1,40–4,00	14–40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	3	1	2	1	1	1	1	–	1
3	5	–	5	142	1,50–4,00	15–40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	1	–	1	1
Всего дворов	**27**	–	**27**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**1**	**1**	**1**	–	**1**	**7**	**1**	**5**	**1**	**3**	**2**	**1**	**1**	**2**
свиньи																											
1	10	1	9	40	0,20–1,25	2–9	–	2	3	–	1	1	1	–	1	–	–										
2	12	1	11	70	0,30–1,50	3–12	–	–	2	–	1	4	2	–	1	–	1										
3	5	–	5	35	0,40–2,00	3–12	–	–	2	–	–	–	1	–	–	1	1										
Всего дворов	**27**	**2**	**25**	–	–	–	–	**2**	**7**	–	**2**	**5**	**4**	–	**2**	**1**	**2**										

третьей — выше в 1 ½ — 2 раза. Средние душевые близки к общему показателю и друг к другу.

Общая стоимость всего скота и птицы для дворов третьей группы в 2 раза больше, чем для первой (16 руб. 44 коп. и 8 руб. 5 коп.).

По количеству приходящегося на двор поголовья (*табл. № 3.49*) также видно преимущество второй и особенно третьей группы над первой.

Цены за голову конского поголовья следующие: мерин — от 50 коп. до 3 руб. 70 коп., жеребец — 1 руб. 50 коп., кобыла — от 25 коп. до 3 руб., жеребчик — от 20 коп. до 1 руб. 20 коп., кобылка — от 50 коп. до 2 руб., жеребенок — 20–30 коп. По коровьему поголовью: корова — 1 руб., бык — от 25 до 50 коп., бычок — 25 коп., подтелок — 30–50 коп., телица 30–50 коп.

Стоимость скота в отдельных дворах имеет существенные отличия. В первой группе цены на лошадь указаны в пределах 60 коп. — 9 руб., второй — 2 руб. 70 коп. — 14 руб. 80 коп., третьей — 3 руб. 70 коп. — 19 руб. 70 коп. Цены на корову: первая группа — 1 руб. — 3 руб. 30 коп., вторая — 75 коп. — 4 руб., третья — 30 коп. — 5 руб. 50 коп. Соответственно для овцы: 80 коп. — 2 руб. 50 коп., 1 руб. 40 коп. — 4 руб., 1 руб. 50 коп. — 4 руб.; для свиньи: 20 коп. — 1 руб. 25 коп., 30 коп. — 1 руб. 50 коп., 40 коп. — 2 руб. Верхняя граница постоянно повышается.

Из хозяйственного инвентаря указаны топоры (51), косы (43), серпы (97). Стоимость топоров 4 руб. 9 коп., кос 5 руб. 24 коп., серпов 2 руб. 89 коп. Общая цена 12 руб. 42 коп. (в среднем на двор 46 коп.).

В 27-ми дворах общая стоимость построек 118 руб. 20 коп. На двор в среднем 4 руб. 37 коп., на чел. м.п. 1 руб. 1 коп. Соотношение по группам следующее: 37 руб. 55 коп., 52 руб. 75 коп., 27 руб. 90 коп. Цена построек до 2 руб. указана для 3-х дворов первой группы. Основная часть дворов (18) имела стоимость от 2 до 9 руб., а для трех дворов она составила 11–12 руб. Во дворе с самой низшей ценой (60 коп.) стояли изба бревенная ветхая, крыта дранью, с пристеном и амбар сосновый бревенной. Постройки, оцененные в 11 руб. 45 коп., включали избу бревенную сосновую и избу старую, сени и сенницу пластинные, клеть, баню пластинную, хлев овечий пластинный, 4 амбара бревенных, крытых тесом, в том числе три на улице. На дворе высшей стоимости (12 руб. 50 коп.) отмечены изба бревенная сосновая, изба сосновая новая, крыта дранью (3 руб.), изба старая, ветхая (20 коп.), сени бревенные и сенница пластинная (1 руб. 50 коп.), баня бревенная сосновая, ветхая (40 коп.), конюшня, 4 амбара бревенных сосновых, крытых дранью (цена двух из них 1 руб. и 1 руб. 20 коп.). Большинство дворов были огорожены заметом, забором, тыном и имели ворота.

В других дворах названы еще бани с передбанниками, погреба, подизвесы, пристены, хлевы, хлевки, хлев овчаренный, овчарник, скотные избы. Цены отдельным постройкам проставлены не везде. Изба оценена в 80 коп., ветхие в 15–30 коп. Баня новая стоила 50 коп., ветхая — 25–30 коп. Клети имели цену 15–20 коп., амбары — от 40 коп. и 1 руб. 20 коп. (новый сосновый), сенница — 20 коп. и 1 руб. 50 коп., погреб — 15 коп., скотная изба ветхая — 30 коп., конюшня — 50 коп.

В октябре 1759 г. отобрано имение *капитана Преображенского полка Григория Ивановича Мячкова в Плесском стане Костромского уезда сельцо Хмелицы и*

12 деревень. Владение конфисковано за неплатеж взятых 12 октября и 17 декабря 1758 г. по векселям из Санкт-Петербургской конторы банка для дворянства 250 руб. Очевидно, помещик вернул долг. В 1761 г. он снова занял в банке 400 руб. И опять не вернул их в срок. В ноябре 1762 г. последовало распоряжение описать его костромское имение. На этот раз составили описание усадьбы Хмелицы и крестьянских дворов в двух деревнях. К другое описание попала одна деревня целиком и еще несколько дворов в других двух деревнях.

Усадьба Мячкова находилась в сельце Хмелицы. В ней стояли в одной связи 2 горницы (мерой по 3 саж.) сосновые поземные и двое сеней с чуланами и нужниками. «Убор» первой состоял из разъемных шпалер «писанных аблематов». В каждой по 5 окон с оконницами зеленого стекла. Печи кирпичные «галанские» белые простые с затворами железными. Горницы крыты дранью под одну кровлю «спанчем». Возле погреба располагалась изба кухарная (мерою 2 саж.) сосновая с деревянной трубой и тремя окошками. При той избе кухня (2 саж.) сосновая, «забрана в забор». Изба и кухня крыты дранью.

На скотном дворе, огороженном бревнами в столбах, значились: изба черная сосновая (3 саж.), 2 сарая сосновых (10 × 4 саж.), 2 амбара (4 саж.) сосновые, погреб еловый (2 саж.). Все крыто соломой. Здесь хранились дроги колесочные на летнем ходу, сани с оковницами стекольчатыми, обитый черной кожей «берлин» на летнем ходу. Господского скота и зерна не было.

По описанию 1763 г., помещичий двор не был огорожен. Две горницы значатся еловыми. В них полы и потолки тесовые. Внутри шпалеры в деревянных рамках «росписаны на парусине разными красками», ветхие, ценой 30 коп. Печи «галанские» с выводными трубами. Цена первой горницы 2 руб. 50 коп., второй — 1 руб. 50 коп. Из мебели отмечены: стол дубовый с выдвижными ящиками столярной работы ценой 10 коп., стол сосновый длинный, широкий, старый (5 коп.), стол небольшой сосновый столярной работы (3 коп.), 5 стульев сосновых («стулов») с кожаными подушками стоимостью 25 коп. Горницы и сени крыты не только дранью, но и лубьем.

Прежняя кухарная изба названа теперь избой лакейской (цена 70 коп.). Над погребом установлена напогребица (40 коп.), крытая соломой. Потолок в погребе бревенчатый «накатной». Кухня (25 коп.) «забрана бревнами в столбы». Потолка в ней нет, а пол бревенчатый тесовый.

По описанию 1759 г. на скотном дворе проживали 2 дворовых человека (один 60 лет с женой и дочерью, другой вдовец — с сыном). «Пропитание имеют собранным со крестьян хлебом». Описание 1763 г. застало только одного Ивана Андреева с женой. У него прежде были лошадь и корова, а через 4 года отмечены корова и 6 кур с петухом. Он высевал по одной четверти ржи, овса, ячменя.

По сказке крестьян в октябре 1759 г., они собирали помещику оброк 356 руб. в год («столового запасу никакого не собирается»). В среднем на двор приходилось 2 руб. 96 коп., на чел. м.п. 96 коп.

На реке Новоселке стояли 8 мельниц (6 — окрестных помещиков, 2 — помещиков поводам с крестьянами). При них плотины «леса фашинного» (10 х 3 саж. каждая). С населения «помещичья оброку ничего не платится, а держат по тяглу... деревень крестьян и мелетца всякой хлеб для своих пропитания; как помольного, так лопаточного хлеба не собирается».

В подворное описание 1759 г. вошли сведения о населении об.п. с указанием возраста каждого, о поголовье скота (лошади, коровы, овцы, свиньи) и птицы (куры русские), о высеве («сеет») ржи, овса, ячменя, семени льняного.

Сравнение ряда крестьянских дворов по разновременным описаниям (1759 и 1763 гг.) показывает сходство в составе семей, в поголовье скота и в посеве льна. В то же время очевидны разночтения в возрасте. Так, иногда проставлен один и тот же возраст, хотя прошло около четырех лет. Или же разница в возрасте превышает четырехлетнюю. Часто в описании 1763 г. даны различные размеры высева ржи, ячменя, овса. Также здесь по многим дворам дополнительно проставлены сведения о посеве пшеницы и гороха (обычно в размере одного четверика). Можно предположить, что в описание 1759 г. были внесены сведения только об основных культурах (рожь, ячмень, овес) и нормы их высева оказались в значительной мере уравненными: в переводе на четверики 4, 8, 12, 16, 24, 28, 32, 40, 56.

В имении Г. И. Мячкова на 1759 г. в трех дворах не было взрослых м.п., среди них два двора без посевов зерновых. Остальные 120 дворов по числу работников разбиты на три группы (*табл. № 3.50*).

В первую группу — один работник м.п. — вошли 53 двора (44,2 %). Доля людей м.п. в них меньше (33,3 %), а доля работников еще меньше (25,2 %). Во второй группе дворов меньше — 47 дворов (39,2 %), а доля людей м.п. (42,6 %) и взрослых (44,5 %) больше. Третью группу составили 17 дворов с тремя взрослыми, два двора с четырьмя, один двор — с пятью. Всего 20 дворов (16,6 %) — 64 взрослых м.п. (30,3 %). Их хозяйственные показатели сходны.

В дворах первой группы преобладали малые семьи. В других группах неразделенные, в основном отцовские.

Общее состояние животноводства удовлетворительно (*табл. № 3.51*). В среднем на двор лошадей 1,8, коров 2,0, овец 3,5 (*табл. № 3.52*). Коров не было в 12 дворах, овец в 16. Отмечено лишь 8 свиней в четырех дворах. Средняя по птице 7,3. Средние показатели дворов первой группы меньше таких же по имению в целом. В других группах средние выше. Средние третьей группы примерно в 2–3 раза больше средних

Табл. № 3.50

Крестьянское население в костромском имении Мячкова Г.И.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи неразделенные	
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	отцовские	братские
1	53	44,2	241	33,8	4,5	123	33,3	2,3	53	25,2	1,0	47	5	1
2	47	39,2	296	41,6	6,3	157	42,6	3,3	94	44,5	2,0	20	22	5
3	20	16,6	175	24,6	8,7	89	24,1	4,4	64	30,3	3,2	2	13	5
Всего	120	100,0	712	100,0	5,9	369	100,0	3,0	211	100,0	1,7	69	40	11

Табл. № 3.51

Крестьянское хозяйство в костромском имении Мячкова Г.И.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Куры	Посевы, четверики			
							рожь	ячмень	овес	лен
1	53	123	69	69	89	284	468	468	472	54
2	47	157	91	106	182	375	684	656	680	70
3	20	89	55	67	154	219	356	356	356	53
Всего	**120**	**369**	**215**	**242**	**425**	**878**	**1508**	**1480**	**1508**	**177**
В среднем на двор	–	3,0	1,8	2,0	3,5	7,3	12,6	12,3	12,6	1,5
В среднем на человека м.п.	–	–	0,6	0,6	1,1	2,4	4,1	4,0	4,1	0,5

Табл. № 3.52

Средние показатели крестьянского хозяйства в костромском имении Мячкова Г.И.

Группа	Поголовье			Куры	Посевы, четверики			
	конское	коровье	овечье		рожь	ячмень	овес	лен
в среднем на двор								
1	1,3	1,3	1,7	5,3	8,8	8,8	8,9	1,0
2	1,9	2,2	3,9	8,0	14,5	13,9	14,5	1,5
3	2,7	3,3	7,7	10,9	17,8	17,8	17,8	2,6
Всего по имению	**1,8**	**2,0**	**3,5**	**7,3**	**12,6**	**12,3**	**12,6**	**1,5**
в среднем на человека м.п.								
1	0,6	0,6	0,7	2,3	3,8	3,8	3,8	0,4
2	0,6	0,7	1,1	2,4	4,3	4,2	4,3	0,4
3	0,6	0,7	1,7	2,5	4,0	4,0	4,0	0,6
Всего по имению	**0,6**	**0,6**	**1,1**	**2,4**	**4,1**	**4,0**	**4,1**	**0,5**

первой. Душевые по группам сходны между собой.

Конкретные данные о поголовье скота (*табл. № 3.53*) в отдельных дворах первой группы свидетельствуют о его низком уровне. Во дворах отмечено 1–3 лошади (в других группах — до 4–5), 1–3 коровы (в других до 6–8), овец 1–6 (в других до 10).

По причине произведенного уравнивания норм высева в показаниях крестьян средние дворовые показатели высева ржи, овса, ячменя по имению в целом оказались близкими: 12,6; 12,6; 12,3. Средние по первой группе ниже общих. В других группах — выше. Средние на чел. м.п. самые низкие в первой группе, самые высокие — во второй. Средние душевые первой группы ниже общих, второй группы — выше. А третьей — в основном сходны с общими (лишь по ржи немного ниже).

Конкретные данные о посевах в отдельных дворах (*табл. № 3.54*) показывают, что самые высокие показатели присутствуют во второй группе, самые низкие — в первой.

Табл. № 3.53

Поголовье скота в крестьянских дворах в костромском имении Мячкова Г.И.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем								
						1	2	3	4	5	6	7	8	10
лошади														
1	53	1	52	69	1–3	36	15	1	–	–				
2	47	–	47	91	1–4	12	28	5	2	–				
3	20	–	20	55	2–5	–	10	7	1	2				
Всего дворов	**120**	**1**	**119**	–	–	**48**	**53**	**13**	**3**	**2**				
коровы														
1	53	8	45	69	1–3	28	14	3	–	–	–	–	–	
2	47	4	43	106	1–6	15	10	9	4	2	3	–	–	
3	20	–	20	67	2–8	2	6	3	5	2	1	–	1	
Всего дворов	**120**	**12**	**108**	–	–	**45**	**30**	**15**	**9**	**4**	**4**	–	**1**	
овцы														
1	53	12	41	89	1–6	12	18	6	3	1	1	–	–	–
2	47	4	43	181	1–10	7	9	10	6	5	3	2	–	1
3	20	–	20	154	2–10	–	3	1	4	3	6	2	–	1
Всего дворов	**120**	**16**	**104**	–	–	**19**	**30**	**17**	**13**	**9**	**10**	**4**	–	**2**

Табл. № 3.54

Посевы зерновых в крестьянских дворах в костромском имении Мячкова Г.И.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом												
						0,5	1	1,5	2	3	4	8	12	16	24	28	32	40	56
рожь																			
1	53	–	53	468	4–24	–	–	–	–	–	7	35	6	4	1	–	–	–	–
2	47	–	47	684	4–56	–	–	–	–	–	2	15	12	8	7	1	1	–	1
3	20	–	20	356	12–32	–	–	–	–	–	–	–	4	11	3	1	1	–	–
Всего дворов	**120**	–	**120**	–	–	–	–	–	–	–	**9**	**50**	**22**	**23**	**11**	**2**	**2**	–	**1**
овес																			
1	53	–	53	472	4–24	–	–	–	–	–	7	35	5	5	1	–	–	–	–
2	47	–	47	680	4–56	–	–	–	–	–	2	15	12	8	8	–	1	–	1
3	20	–	20	356	12–32	–	–	–	–	–	–	–	4	11	3	1	1	–	–
Всего дворов	**120**	–	**120**	–	–	–	–	–	–	–	**9**	**50**	**21**	**24**	**12**	**1**	**2**	–	**1**
ячмень																			
1	53	–	53	468	4–24	–	–	–	–	–	7	35	6	4	1	–	–	–	
2	47	–	47	656	4–40	–	–	–	–	–	2	15	12	8	9	–	–	1	
3	20	–	20	356	12–32	–	–	–	–	–	–	–	4	11	3	1	1	–	
Всего дворов	**120**	–	**120**	–	–	–	–	–	–	–	**9**	**50**	**22**	**23**	**13**	**1**	**1**	**1**	
лен																			
1	53	–	53	54	0,5–2	7	41	1	4	–	–								
2	47	–	47	70	0,5–3	1	24	1	19	2	–								
3	20	–	20	53	2–4	–	4	–	12	3	1								
Всего дворов	**120**	–	**120**	–	–	**8**	**69**	**2**	**35**	**5**	**1**								

Средние и мелкие имения в 1730–1750-х гг.

Средние имения

За эти годы сохранились описания пяти имений. По четырем владениям они включают подворные описи крестьян. Среди них три барщинных владения, одно — с барщиной и натуральным оброком, одно с денежным(см. Перечень). Усадьбы указанных имений по своим строениям отличаются от господских дворов крупных имений. В них меньше жилых помещений (горниц). Обставлены они проще. Однако следует учесть, что некоторые помещики имели свои дворы и в других уездах. Так, подмосковная усадьба президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова (имение по численности крестьян отнесено к средним) мало уступает резиденциям знатных людей. Коломенская усадьба артиллерии цейхвартера Никифора Михайловича Колокольцева оказалась запущенной, так как владелец обустроил себе другую в Медынском уезде.

В июле 1741 г. было описано и оценено выморочное имение *Никифора Федоровича Серебряного — половина сельца без шестого жеребья Стремякиково и три части деревни Жарки в Котогорском стане Любимского уезда.* Описание примечательно тем, что дает соотношение помещичьей, людской и крестьянской пашни.

В сельце располагался «помещиков» двор с проживавшими четырьмя семьями дворовых людей. Господское жилье состояло из горницы черной (в ней печь глиняная с деревянной трубой и еловым заслоном, стол еловый, лавки тесовые) и «повалыше» холодной, а между ними сени. В горнице, крытой соломой, 3 образа, «писаных на красках», в повалуше — 6. У дворовых 3 избы людские, крытые соломой, клеть и сарай с той же кровлей и баня новая. За двором амбар хлебный с пробойным замком железным. Ценз всему дворовому строению 6 руб.

Усадебное строение можно считать обычным для небольших помещичьих вотчин.

Указаны помещичий скот и птица: 4 кобылы с жеребенком (4 руб. 90 коп.), 4 коровы (3 руб. 40 коп.), 4 овцы и 4 ягненка (1 руб. 40 коп.), 3 свиньи (90 коп.), 11 кур русских (11 коп.). Общая цена 10 руб. 71 коп. Хлебные запасы оценены в 20 руб. 90 коп.

Дворовые люди (10 чел. м.п. , 5 чел. ж.п.) оценены в 38 руб. 40 коп., в том числе взрослые мужчины в 5–8 руб., их жены — 1 руб., дети от 20 коп. до рубля. Дворовая «девка» 60 лет оказалась «за старостью в цену не годна». Только одна семья имела корову ценой 60 коп., свинью с поросенком — 25 коп. Да еще у другой отмечены 4 курицы. Среди «пожитков платья» были шубы баранья (3–9 коп.), кафтаны серые (3 коп.), многие из которых «ветхие». Пожитки оценены в 76 коп.

На время описания («ныне») отмечено «в том же сельце на полевой того сельца пашенной земле» «в посеве» помещичьей ржи 4 четв., людской — 8 (четв. по 1 руб., всего 12 руб.), помещичьего овса 7 четв., людского — 14 (четв. по 40 коп., всего 8 руб. 40 коп.), людского ячменя осьмина (30 коп.).

людского льна 1 четверик (20 коп.). Как видно, на дворовых высевалось ржи и овса в 2 раза больше, чем на помещика, поэтому можно полагать, месячина им не выдавалась.

В деревне Жарки (8 дворов, 28 чел. м.п.) «на пашенной земле их крестьянского хлеба севом выходит» ржи 18 четв. в поле (1 руб., всего 18 руб.), овса 26 четв. (40 коп., всего 10 руб. 40 коп.), ячменя 5 четв. (60 коп., всего 3 руб.), льна 2 четверика.

Итак, соотношение господского, людского и крестьянского высева в четвертях ржи 4–8–18, овса 7–14–26. Ячмень почти весь был крестьянским. Льна и крестьяне, и люди высевали очень мало.

Господского сена на покосах ценой 13 руб. ставилось в год по 20 возов, у крестьян в полях и по заполью да еще в пустоши на реке Уче — 25 возов.

В подворном описании указывалось население об.п., возраст и цена людей, хоромное и огуменное строение и его цена, скот и его стоимость, хозяйственный инвентарь, конская упряжь, «платье» с ценами. Крестьянский посев не значился.

По имущественному состоянию различия заметны. В одном дворе 2 взрослых м.п. (отец 50 лет и сын 15 лет). Жили в ветхой избенке, крытой соломой, ценой 15 коп., «скота и пожитков не имеется». Постройки (изба, сарай, сенник) в трех дворах (в двух по 1 взрослому работнику, в трех — два) оценены в 2 руб. на каждую семью. У двух хозяев по одной лошади, у третьего — две. У всех по одной корове. Никакого хозяйственного инвентаря у этих крестьян не отмечено. Крестьян двух дворов (в каждом по 2 работника) можно отнести к средней группе. Постройки у них оценены в 5 и 7 руб. (изба, сени, сенник на подклете, сараи сенные и подъезжие и под ними хлева, в огуменниках либо овин, либо сарай). Во дворе 1–2 лошади, 1–3 коровы. Цена всему скоту и птице 2 руб. 48 коп. и 5 руб. 20 коп. Имелись 2 косули ценой по 12 коп., 2 сохи ценой 5–6 коп., 1 коса.

Последние два двора выделялись своим достатком. В одном 3 работника, в другом 7. Цены постройкам 10 и 15 руб. В одном дворе стояли 2 избы. Один крестьянин имел 2 лошади, 6 коров, другой — 5 лошадей и 6 коров. Стоимость всего скота 8 руб. 20 коп. и 14 руб. 81 коп. У них цены косулям 25 и 40 коп., сохам 12 коп. В одном дворе косуля, соха, 3 косы общей стоимостью 70 коп., в другом — 2 косули, 2 сохи, 4 косы, 7 серпов — на 87 коп.

Средние показатели на двор по лошадям 1,7, по коровам 2,4, по овцам 2,7, по курам 6,2. Свиней было мало (в четырех дворах их не было).

В 1757 г. составлена опись выморочному имению *Волковых — дьяка Ивана и его сына переводчика Иностранной коллегии Бориса.* Имение оценено в 551 руб. 57 коп. *В сельце Абросово, Головцово тож Верейского уезда* усадьба имела нежилой вид. Отмечены ветхие еловые горница, крытая тесом, на омшанике и горница, крытая соломой, с комнаткой на дубовом подклете. Из двух «кафлезных» печей одна развалилась, стекла в окнах разбиты. Горницы соединялись сенями. Двор огорожен заборомс в столбах 120 бревен. На скотном дворе скота не было. Два амбара и сарай пустовали. Цена всему строению 14 руб. 57 коп. В саду (28 х 24 саж.) 45 садовых яблонь и 35 лесных. В огороде «овоща никакого нет». Цена саду и огороду 9 руб. Напротив господ-

ского двора «выкопан по буераку пруд, и внизу зделана плотина из хворосту» в 20 саж. В пруду «саженая» рыба (караси, лини).

В двух людских избах людей не отмечено. Два брата 14 и 13 лет «отпущены по пашпорту для прокормления в работу», а вдова 60 лет «пропитание имеет собою».

По показаниям старосты, на помещиков «севалось в год» 10 четв. ржи и 20 четв. яровых. Можно считать под рожью 5 дес., под яровыми тоже около 5 дес. В среднем на двор 1,25 дес. в двух полях, на чел. м.п. — 0,4 дес. Продуктового оброка не было. Крестьяне сеяли на 11 жеребьях ржи 22 четв., яровых 33 четв. и косили сена 300 копен. Средний показатель на двор 6,9 четв., 37,5 копен, на чел. м.п. 2,1 четв., 11,5 копен.

В сельце находилось 8 крестьянских дворов — 26 чел. м.п. В подворной описи перечислено население об.п. с указанием возраста и цены каждого, поголовье скота, новые постройки. Избы были еловые размерами от 2 до 2 $^1/_2$ саж. На огородах стояли 1–2 клети еловые и осиновые. Два двора окружали сараи еловые на дубовых столбах. В 6 дворах указано по 2–3 лошади, а в двух их не было. В двух дворах отмечено по 1–2 коровы, в одном — 2 подтелка, а два двора были бескоровными. Еще в двух дворах значатся «испольные» коровы и подтелки, взятые «исполу» у верейских купцов Дмитрия Глушкова, Ивана Корелого, Гаврилы Нечаева. Три крестьянина имели «испольных» 12 овец, взятых у купцов Федора Глазунова и Екима Погожева. Собственные овцы (13) записаны в трех дворах, еще в двух их не было. Собственные свиньи (8) имелись только в четырех дворах. Как видно, животноводство находилось на низком уровне. Пчелы (11 ульев) были лишь в одном дворе, и они взяты исполу у того же купца Погожева.

Описание 1751 г. имения *генерал-майорши Татьяны Михайловны Фроловой-Багреевой Никольское, Лутковка тож Пензенского уезда* не имеет подворного перечня крестьян (28 дворов, 105 чел. м.п.). Имение примечательно и числом дворовых людей, и их размещением в крестьянских избах. Во дворе помещика стояли изба сосновая ветхая и хозяйственные строения. В избе жили дворовые люди (3 чел. м.п. и 5 чел. ж.п.). Значительно больше их указано в 28 крестьянских дворах — 69 чел. об.п., в том числе 29 чел. м.п. и 40 чел. ж.п. («за помещиковым двором между крестьян во дворах живут дворовые люди»)[25].

Мелкие имения

За 1730–1750-е гг. сохранились описания семи имений. По ним же имеются подворные перечни крестьян. В четырех владениях господских дворов не оказалось. Почти все эти вотчины барщинные (см. Перечень).

Описанная в июне 1732 г. *усадьба Василия Ивановича Ценина Никольское в Данковском уезде* находилась в «безкрестьянском» имении. Деревянное строение помещикова двора, огороженного плетнем стоимостью 4 коп., состояло из четырех изб ветхих (двух дубовых ценой по 50 коп. и двух разного леса ценой 50 и 25 коп.) и четырех клетей дубовых и липовых. В избах про-

[25] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 3. Д. 9529. Л. 40 и об.

живали 6 семей дворовых людей (14 чел. м.п. и 9 чел. ж.п., их оценили в 34 руб. 5 коп.), а сам помещик вряд ли навещал эту усадьбу. Четыре семьи имели скот и птицу (5 лошадей и жеребенок — 2 руб. 60 коп., 3 коровы и 4 подтелка — 1 руб. 10 коп., 16 овец — 1 руб. 60 коп., 11 свиней и поросят — 60 коп., 32 курицы — 16 коп.). У дворовых людей было посеяно «в земле» 3,5 дес. ржи (70 коп.), 2 дес. без четверти овса (30 коп.), 1 дес. гречи (20 коп.). На помещика они ежегодно засевали по полторы десятины ржи и овса (стоимость 60 коп.) и ставили столовый запас с трех тягол (с тягла — полпуда мяса свиного, поросенок, 33 курицы, 30 яиц).

Местом жительства *В. И. Ценина* являлась *усадьба Фурсово в Кобыльском стане Рязанского уезда*. Она была описана позднее, в мае 1734 г. Хоромное строение без кровли выглядело ветхим. Это «связные» три горницы на подклетах с сенями (2 руб. 70 коп.). Двор огорожен заметом на пряслах (1 руб. 50 коп.). Одни ворота створные с калиткой, крытые тесом, другие — «об одном притворе» (стоимость 1 руб. 60 коп.). Сад яблоневый (11 деревьев) с вишенником оценен в 2 руб. В четырех жилых людских избах (стоимость изб и четырех клетей «со всякою рухлядью» 7 руб.) проживали 4 семьи деловых дворовых людей во главе с приказчиком (11 чел. м.п. и 17 чел. ж.п. — оценены в 87 руб.). Дворовые имели скот: 8 лошадей, 2 коровы, 3 подтелка, 3 телки, 43 овцы с ягнятами, 14 свиней стоимостью 13 руб. 80 коп. Причем 7 лошадей записано за одной, самой многочисленной семьей — 4 чел. м.п. и 7 чел. ж.п.

В рязанском имении В. И. Ценина в 1734 г. отмечены 4 крестьянских хозяйства. Еще из одного двора крестьянин с женой, сыном и женатым пасынком, «покиня дом свой пуст, бежал без остатку», оставив лишь три телеги и трое саней. В подворном описании указаны жители об.п., постройки, скот с оценкой денежной. Крестьяне выполняли барщинные повинности. Доходов «не збиралось для того, что были на работе»[26].

Среди четырех дворов один зажиточный, два средних и один разорившийся. Жители зажиточного (6 м.п., 3 ж.п.) оценены в 38 руб., средних (4 м.п. и 2 ж.п.; 4 м.п. и 4 ж.п.) в 20 и 25 руб. Для живших в разоренном дворе (3 м.п. и 3 ж.п.) цена не проставлена Больше, чем в других, перечислено строений в зажиточном: изба, сени, амбар, 2 клети, омшаник, баня, погреб с напогребицей, навесы, двое ворот — передние и задние, городьба. Цена строения 8 руб. У других — 2 руб. 50 коп., 4 руб. 50 коп., у обедневшего крестьянина — 2 руб. 30 коп. Скот зажиточного двора — 11 лошадей, в том числе 4 жеребенка, 2 коровы и 5 подтелков, 20 овец с ягнятами, 7 свиней, 6 гусей и 12 цыплят, 15 кур — оценен в 15 руб. Скот в средних дворах оценен в 2 руб. 30 коп. и в 3 руб. В разоренном дворе отмечены лишь 2 овцы ценой в 10 алт.

Одно из дел Канцелярии конфискации позволяет сравнить сельскую и городскую усадьбы одного владельца.

Усадьба Литокчино в Пензенском уезде канцеляриста Ивана Васильевича Лебедева была отписана в начале 1733 г. за сокрытие в записных настольных книгах пошлин с подрядного вина и разных промыслов в сумме 668 руб. 8 коп. Площадь помещикова двора (17 × 30) 510 кв. саж. Стоимость 2 руб. 24 коп.

[26] О других имениях Ценина см.: *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение... С. 32, 397–398.

Хоромное строение: горница дубовая белая, бревенная, 2 саж. с печью «изращиной» (1 руб.), изба березовая бревенная, ветхая, 2 саж. (25 коп.), 2 клети березовые, крытые соломой (31 коп.), 2 сарая ветхие 3 саж. (70 коп.), клетка ветхая (8 коп.). Двор огорожен жердями ветхими с поперечинами (40 коп.) и воротами на дубовых столбах (10 коп.). На гумне отмечено 2 овина ржи (80 коп.). Усадебный скот и птица (корова, телица, 7 овец, 6 гусей, 8 кур индейских, 12 уток) оценен в 2 руб. 25 коп.

Городская усадьба в Пензе выглядела побогаче. Ее площадь меньше (15 × 11), но при ней огород (25 × 10). Цена усадебной и огородной земле 2 руб. Жилое строение — белая горница в связи с черной. Обе на подклетах, а «промеж их сени» (4 руб.). Приворотная изба сосновая ветхая (40 коп.). Баня липовая бревенная (40 коп.). Два амбара сосновых бревенных (40 и 31 коп.). Ледник и сушило над ним бревенные (40 коп.). Ограда в 18 заметин ветхих оценена в 30 коп., ворота чанные — в 25. Цена усадебных 3 ульев с пчелами — 1 руб. 30 коп.

В пензенском имении И. В. Лебедева стояло 5 крестьянских дворов — 8 чел. м.п. Еще один крестьянин без семьи 70 лет двора не имел. Они засевали на помещика ржи и ярового на 10 дес. В среднем на двор 2 дес., на чел. м.п. 1,25 дес.

Избы бревенные у крестьян ветхие либо горелые, и поэтому оценены низко: одна изба в 1 руб., две в $^1/_2$ руб., две в 25 коп. В одной избе проживал холостой мужчина 20 лет, скота у него не было. Стоимость скота в других дворах составляла от 2 руб. 13 коп. до 3 руб. 20 коп. Хозяева держали по одной лошади, одной корове (только в одном дворе 2 коровы), 2–5 овец, от 3 до 10 кур.

К 1750-м гг. относятся описания трех небольших имений в разных уездах. Все они были без усадеб.

В июне 1752 г. по делу о фальшивых векселях конфисковали *безусадебное имение майора Богдана Гавриловича Норова, деревню Елино Мезинской волости Коломенского уезда*. Здесь проживали крестьяне в четырех дворах. Отписчики записали сведения о людях об.п., их возрасте, цене каждого, о поголовье скота и высеве («сеет на себя») озимой ржи и яровых (овес, ячмень, греча, семя конопляное). Крестьяне отбывали барщину. Годовых доходов и столовых запасов с них «ничего не збиралось».

Спустя 11 лет, в сентябре 1763 г. была составлена еще одна подворная опись на те же крестьянские семьи. Причина, наверное, заключалась в том, что крестьяне не внесли в Канцелярию конфискации оброчные деньги за 1762–1763 гг. В опись дополнительно вошли данные о стоимости скота и высеве гороха и проса.

За прошедшее время численность людей об.п. снизилась с 17 (11 чел. м.п. и 6 чел.) до 13 чел. (8 м.п. и 5 ж.п.). Их стоимость поднялась с 87 руб. 20 коп. до 105 руб.). Число взрослых мужчин уменьшилось на одного человека (ранее в одном и том же дворе их было три чел., в 1763 г. — не более двух).

Конское поголовье к 1763 г. не изменилось. Цена каждой головы 45; 50; 60 коп. Всего 6 лошадей стоимостью 3 руб. 5 коп. Коров в 1752 г. в двух дворах не было, в других двух отмечено по одной. Через 11 лет уже 3 двора не

имели коров, а в четвертом отмечены 3 коровы (1 руб. 20 коп.). Овечье поголовье возросло на 6 единиц (цена овцы 10 коп.), свиное — на 5 (10–15 коп.). Вдвое увеличилось число куриц — с 15 до 33 (1,5 коп.).

Высев ржи и овса возрос с 56 до 64 и с 28 до 36 четвериков, ячменя — упал с 20 до 4. Заметно повысились посевы гречи (с 14 до 44). На 1,5–3 четверика больше посеяли конопли. В 1763 г. горох посеяли три двора (1–2 четверика на двор), проса — также три двора (на двор одна четверть четверика). Возросшие показатели прослеживаются в целом по деревне по овцам, свиньям, курам, высеву ржи, овса, особенно гречи, конопли. Горох и просо, вероятно, высевалось и ранее, но в 1752 г. их не включили в опись.

Среди других в 1763 г. выделялся один двор. Взрослых работников в нем всего 2 чел. А скота много: 3 лошади (в других дворах по одной), 3 коровы (в других нет), 10 овец (в других 4–5), 5 свиней (в других 1–3). На двор приходятся самые большие посевы: ржи 24 четверика (в других 12–16), овса 16 четвериков (4–8), гречи 24 (2–12), конопли 4 (1–2).

Из *тульского имения Норова* после его смерти вдове выделена 7-я часть. Она описана в мае 1755 г. Близ *деревни Никифоровка Верхошевского стана* стоял только скотный двор. В нем отмечены корова, 2 овцы и 2 ягненка, свинья с тремя поросятами, 4 гнезда гусей, гнездо кур индейских, 2 гнезда кур русских. В деревне было два крестьянских двора (6 чел. м.п.) Всего в имении усадебной и пашенной земли, сенных покосов и леса в трех полях насчитывалось 11 четвертей с осьминой (в том числе помещичьей — 6 четв.). В озимом поле (2 четв.) в прошлом году посеяно ржи 3 $^1/_2$ четв. (28 четвериков), в яровом поле (2 четв.) посеяно овса 4 $^1/_2$ четв. (36 четвериков), гречи ($^1/_2$ четв.) — 4 четверика. Да еще в разных местах «чрезмежно» к будущему году отведено 1 $^1/_2$ четв. земли. Всей крестьянской земли значилось 5 $^1/_2$ четв. Сверх барщины крестьяне отдавали в год 1 $^1/_2$ пуда мяса свиного, 2 барана, 2 фунта масла коровьего, 2 утки, 2 куры, 75 яиц, 7 $^1/_2$ арш. холста посконного.

В *Веневском уезде вдове майора Норова* достались 2 крестьянских двора (5 чел. м.п.) в *селе Прудище*. Имение отписали в 1755 г. В нем было земли 8 четв. 1 $^1/_2$ четверика (доброй 3 четв., средней 2, плохой 3 четв. 1$^1/_2$ четверика, по 5 руб. дес., всего 40 руб. 93 $^1/_2$ коп.). На помещицу крестьяне обрабатывали полдесятины ржи и столько же яровых. После отписки барщина возросла вдвое (2 дес.). Продуктовый оброк состоял из полпуда мяса свиного (15 коп.), барана (15 коп.), фунта масла коровьего (3 коп.), курицы (3 коп.), 30 яиц (3 коп.), 5 арш. посконного холста (5 коп.). Общая стоимость 44 коп.

У крестьян было немало скота и птицы. В одном дворе 2 лошади и 2 жеребенка, корова и 2 подтелка, 14 овец и ягнят, 4 свиньи, 34 куры; в другом — столько же лошадей и коров, 20 овец (в том числе ягнят), 22 свиньи (в том числе поросят), 31 курица (в том числе цыплята), а также 25 ульев пчел. А пашни крестьянской было не так много. Засевали на себя ржи 1 $^1/_2$ дес., яровых — тож.

В 1756 г. по распоряжению Государственной вотчинной коллегии была отказана вдове часть ярославского имения умершего *прапорщика Гаврилы Никитовича Аксенова*. Имение и описали, и оценили. Цену горницы и сеней определили в 3 руб. 50 коп. Цена людской избы 1 руб. Хозяйственные

постройки стоили 5 руб. 85 коп. Всего на 10 руб. 35 коп. Скот (лошадь, 3 коровы, 5 овец, 8 ягнят) оценили в 9 руб. 80 коп., 14 кур русских в 42 коп. Зерновой запас (4 четв. ржи, 8 овса, 2 ячменя, четверик льна) получил цену 3 руб. 70 коп. Четыре крестьянских двора (20 чел. об.п.) с постройками и скотом, а также двор, в котором жил дворовый человек с семьей, оценили в 141 руб. 32 коп. Оценщики отметили ветхость и помещичьего, и крестьянского строений.

Итоговые положения и показатели

Существенных изменений в облике крупных усадеб 30–50-х гг. XVIII в. не произошло. В основном происходило изменение отдельных элементов усадебного строения и усадебной обстановки. Однако появлялись и новшества. Так, в тульской усадьбе А. Ф. Томилова при верхних светлицах поставили галерею с ограждением. На светлицах в усадьбах Б. И. Пассека устроены «шпицы». Отмечены ворота с восьмиугольной крышей, увенчанной шпицем.

Хоромы оставались, как правило, деревянными. Каменные палаты отмечены только в одном подмосковном имении М. Г. Головкина. Продолжалось и усиливалось стремление к «связанности» отдельных жилых покоев между собой через сени. Отмечена и пристройка к жилью бани. Сени названы проходными[27]. В них устраивались чуланы для хранения имущества. В одном случае к светлице пристроили «стряпущую» горницу с кирпичным полом. Однако чаще поварни, «кухарные» и «пекарские» избы ставили отдельно. Довольно часто упоминаются нужники, изредка в людских избах. Преобладали стеклянные окончины простого и цветного стекла. Некоторые стеклянные окончины именуются «замазными в дереве». Отмечены подъемные рамы, оконные ставни, обитые сукном. Кроме обычных кровельных материалов, употребляли мелкий дубовый тес, более прочный, чем дранка.

В жилых помещениях полы и потолки были дубовыми и сосновыми. Указаны стенные панели из дуба. Стены покрывались обоями из холста, «шпалерами на парусине» в деревянных рамах и шпалерами разъемными, расписанными красками. Тканая драпировка стен в изученных описаниях не встречается[28]. В усадебном интерьере появляется покой — «залла» (зал). Отмечены камины, очаги, камелек из чугунных досок, печи голландские, печи с белым и зеленым кафелем «живописной работы», «с живописью», печи двойные — из кирпича и кафеля. Упомянуты печи кафельные, на чугунных ножках и на чугунном фундаменте. Некоторые предметы мебели (стол, шкаф) столярной работы названы русскими. Среди мебели китайский столик, «табуреи», обитые сукном, столы немецкой работы, кровати с завеса-

[27] Вряд ли все из них можно назвать «сквозными», т. е. размещенными посредине, вдоль поперечной оси дома (*Тыдман Л. В.* Указ. соч. С. 29).

[28] Л. В. Тыдман пишет, что тканые (из дорогих тканей) драпировки были распространены в первой половине XVIII в. (с. 192). Очевидно, это относится к городским домам.

ми. Примечательно упоминание в медынской усадьбе И. М. Колокольцева живописных картин с изображением отца и матери владельца, его самого и брата. В перечнях картины «живописные», «немецкие».

Необычно устройство сада в тульской усадьбе А. Ф. Томилова. Из фруктовых, лиственных и хвойных деревьев создавались аллеи, т. е. сад и парк образовывали единое пространство.

Хозяйственные постройки те же, что и в предшествующий период. Наиболее подробно они описаны в смоленском владении Б. И. Пассека (с указанием размеров, а также денежной стоимости). Иногда избы, сараи, хлева ставятся в одной связи. Среди гуменных построек овины, солодовни, сараи, риги (в одной печь кирпичная), половни. Имеются отдельные сведения о полотняной мастерской, о кожевенном дворе, суконной фабрике, о винных заводах, о винокурнях и сыроварнях.

В некоторых имениях среди зерновых упоминается озимая пшеница, а в посевах крестьян она отсутствует. Имеется запись о горохе «волошском» и русском.

В некоторых владениях оставались хлебные запасы за несколько лет. В рязинском имении А. И. Остермана (февраль 1742 г.) хранилась рожь, убранная еще в 1738–1740-х гг., овес урожая 1740 г. Много хлеба в копнах урожая прошлых лет отмечено в тамбовском владении В. П. Поспелова.

В крупных именниях дворовые люди обычно проживали в избах хозяйственных дворов. Их содержание шло из помещичьих припасов. Иногда же месячина дворовым выдавалась из мирского хлеба. Старосты господского довольствия не получали. Подробно выдача продуктов и одежды расписана в описаниях подмосковных усадеб М. Г. Головкина.

Усадьбы в средних именниях уступают крупнопоместным и по числу покоев, и по обстановке. В мелких имениях горницы возводились не везде. Часть помещиков ограничивалась постройкой изб.

«Разрыв» между жильем дворянских усадеб и крестьянских дворов, отмеченный еще ранее, продолжал нарастать. Это проявилось в стоимости жилых построек. Строение усадебного двора Н. Киселева в Пензенском уезде оценено в 22 руб. 40 коп., а постройки 27 крестьянских дворов в 120 руб. (в среднем на двор 4 руб. 44 коп., т. е. в 5 раз меньше цены господского). Судя по описанию среднего владения Н. Ф. Серебряного в Любимском уезде, постройки у бедных крестьян оценивались не выше 2 руб., у среднестатейных — 5–7 руб., у зажиточных — 10–15 руб. Редко встречаются дворы с двумя избами. Перечень хозяйственных строений в крестьянском дворе невелик.

В описании ряда крупных владений имеются записи о выдаче крестьянам «капитального хлеба» для будущего урожая. Особенно много выдавалось овса. В звенигородском имении М. Г. Головкина после раздачи овса и ячменя не оказалось просимой крестьянами ржи для питания и из семена. Пришлось присылать рожь из господских запасов в Москве.

Сведения о размерах барщинных повинностей содержатся в описаниях 9 крупных имений и 4 средних. Приводим средние данные по площади озимого поля (в дес.):

На двор	Число имений	На чел. м.п.	Число имений
0,2	2	–	1
0,3	1	0,05	1
0,4	1	0,07	1
0,5	1	0,08	1
0,6	2	0,1	3
0,7	2	0,2	4
0,8	2	0,3	1
1,0	1	0,5	1
1,6	1		

Размеры на двор от 0,2 до 1,6 дес. (показатели 0,2; 0,6; 0,7; 0,8 выведены по двум имениям каждый). Размер на душу от 0,05 до 0,5. Показатель 0,1 приходится на 3 имения, 0,2 – на 4.

Размеры денежного оброка приведены по трем имениям. В нижегородском имении Томилова он исчислен в среднем на двор 3 руб. 14 коп. (на чел. 98 коп.), в пензенском имении Киселева 2 руб. 96 коп. (68 коп.), в костромском имении Г. И. Мячкова – 2 руб. 96 коп. (96 коп.)[29]. Кроме того, известно, что с крестьян звенигородского владения Головкина с чел. м.п. в среднем брали 52,5 коп. Поспелов взимал за столовые запасы в среднем с двора по 68,8 коп., к тому же двор обрабатывал еще 0,6 дес. господского озимого поля. Как видно, размер оброчной ставки не согласовывается с мнением о «легкости» для крестьян натурального оброка.

О тяжести подводной повинности можно судить по рязанскому владению Остермана. С 210 дворов на наем подвод с продуктами до Санкт-Петербурга собирали 150 руб. Да в Москву сами крестьяне снаряжали до 100 и более подвод с оброчными продуктами.

Семейное состояние определяется по всем 10 крупным именьям (см. *табл. № 3.55*). Всего 1274 семьи, в том числе 571 малая (44,8 %) и 703 неразделенных (55,2 %). Преобладают отцовские (532), братских (171) меньше в 3 раза.

В первой группе дворов большинство составляли малые семьи (43,8 — 86,2 %). Во второй их в 3,4 раза меньше (128 — 27,5 %). В третьей их число ничтожно. В четвертой они отсутствуют. Неразделенных семей больше всего во второй группе (369 — 74,3 %). В третьей они составляют подавляющее большинство. Четвертая состоит только из неразделенных. В первой группе доля неразделенных 13,8 %.

В сравнении с данными первой четверти XVIII в. разница в долях малых и неразделенных семей уменьшилась (было 22 %, стало 10,4 %). Среди неразделенных резко возросла доля отцовских семей.

Количественные показатели крестьянских дворов и крестьян м.п. даны в описаниях всех 10 крупных имений, а численность взрослых м.п. выводит-

[29] По данным первой четверти XVIII в. (глава 2) оброчных платежей приходилось на двор больше (в основном 4–5 руб.). Нужно учитывать, что в ряде описаний не всегда указывался полный перечень повинностей.

Табл. № 3.55

Семейное состояние крестьянских дворов в крупных имениях 40–50-х гг. XVIII в.

Группа дворов	Всего семей		Малые семьи		Неразделенные семьи			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	в том числе	
							отцовские	братские
1	508	100,0	439	86,2	70	13,8	66	4
2	497	100,0	128	25,7	369	74,3	263	106
3	210	100,0	5	2,4	205	97,6	154	51
4	59	100,0	–	–	59	100,0	49	10
Всего	1274	100,0	571	44,8	703	55,2	532	171

Табл. № 3.56

Демографическое состояние крестьянских дворов в крупных имениях в 40–50-х годах XVIII века

Группа дворов	Дворы (10 имений)		Крестьяне м.п.(10 имений)			Взрослые м.п.(9 имений)		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор
1	508	39,9	1307	28,6	2,6	489	21,0	1,0
2	497	39,0	1770	38,7	3,6	972	41,7	2,0
3	210	16,5	1083	23,7	5,1	620	26,6	3,0
4	59*	4,6	409*	9,0	6,9	250*	10,7	4,2
Всего	1274	100,0	4569	100,0	3,6	2331**	100,0	1,9

* В 6-ти имениях.
** В 1238-ми дворах.

ся по 9 имениям (см. *табл. № 3.56*). Группировка дворов для 8 владений дана по числу взрослых м.п. (15–65 лет), так как в описаниях представлены крестьяне с указанием возраста. Лишь по подмосковному имению Тарычево пришлось отнести к взрослым дворохозяев и женатых сыновей, братьев, племянников, а по зарайскому имению Клишино группы намечены по площади озимого поля в наделах.

Всего 1274 крестьянских двора — 4569 чел. м.п. (в среднем на двор 3,6). Средние по 10 имениям от 2,9 до 4,3. Сумма средних 35,1. Общая средняя 3,5. По 4 имениям показатель ниже, по 6 — равный общему или выше.

Основная часть дворов приходится на первую (508 — 39,9 %) и вторую (497 — 39,0 %) группы. Вместе их доля почти четыре пятых (78,9 %). На третью и четвертую группы падает немного более одной пятой (269 — 21,1 %), причем доля одной четвертой группы менее одной двадцатой (4,6 %).

По числу людей м.п. впереди дворы второй группы (38,7 %). Далее идут дворы первой группы (28,6 %) и третьей (23,7 %). Доля четвертой менее одной десятой (9,0 %).

Численность взрослых опять ж велика во второй группе (47,7 %). На второе место выходит третья (26,6 %), а первая отодвинута на третье место (21,0 %). Одна десятая часть работников м.п. приходится на четвертую группу.

Средняя по числу людей м.п. 3,6. Показатель первой группы ниже, второй — равен общему. У третьей и четвертой групп показатели значительно выше общей средней (5,1 и 6,9). Таково же соотношение по числу взрослых м.п. В среднем на двор показатель работников от первой к четвертой группе возрастает от 1,0 до 4,2.

В сравнении с данными первой четверти XVIII в. соотношение групп таково: доля дворов первой группы не изменилась (было 39,6 %, стало 39,9 %). Несколько возросла доля дворов второй группы (с 35,0 до 39,0 %). Снизились доли третьей (с 19,3 до 16,5 %) и четвертой (с 6,1 до 4,6 %) групп.

При средней 3,6 по всем владениям показатели по имениям колеблются от 2,9 до 4,3 чел. м.п. взрослых:

2,9 чел.	1 имение
3,0	1
3,2	1
3,4	2
3,5	1
3,6	1
3,8	1
3,9	1
4,3	1

Сумма средних 35,1. Общая средняя 3,5. В сравнении с данными первой четверти XVIII в. крайние показатели заметно снизились. Общая средняя уменьшилась (4,1 — 3,5).

По трем имениям (В. П. Поспелова, Б. И. Пассека, Н. Киселева) 1750-х гг. можно установить примерное соотношение жителей крестьянских дворов по возрасту. Доля лиц до 14 лет включительно 44–48 % у м.п., 40–46 % у ж.п. Доля людей 15–65 лет — 52-55 % у м.п., 54–58 % у ж.п. Людей после 65 лет мало: 3–8 % м.п., 2–6 % ж.п. Несмотря на высокую смертность, численность детей об.п. оказывается значительной (42–47 %). Количество взрослых об.п. составляет половину и даже больше всего населения (46–55 %). Показатель после 65 лет резко снижается. Его доля от 2 до 7 %.

Средние по поголовью скота и птицы приведены для лошадей, коров, овец по 10 имениям, для свиней и кур — по 9, для коз — по двум (см. *табл. № 3.57*). Для лошадей средний дворовый показатель 4,4 выведен по двум имениям. Сумма средних 33,3. Общая средняя 3,3. Для пяти имений показатель ниже, для пяти — выше. Средние душевые от 0,6 до 12. Показатели близки друг к другу: 0,6 — 2 имения, 0,8 — 3 имения, 1,0 — 2 имения, 1,2 — 2 имения. Сумма средних 9,1. Общая средняя 0,9. По числу имений соотношение 5 на 5.

По коровьему поголовью средние на двор от 0,8 до 3,9. Сумма средних 23,0. Общая средняя 2,3. Выше ее средние по пяти имениям, ниже — тоже по пяти. Средние душевые от 0,2 до 1,1. Совпадающие: 0,6 — 3 имения, 0,7 — 2 имения. Сумма средних 6,3. Общая средняя 0,6. Ниже показатель у трех имений, выше — у семи.

Табл. № 3.57

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в крупных имениях 1740–1750-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по имениям от... до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	10	1,8–5,3 / 0,6–1,2	33,3 / 9,1	3,3 / 0,9	5 / 5	5 / 5
Коровье	10	0,8–3,9 / 0,2–1,1	23,0 / 6,3	2,3 / 0,6	5 / 3	5 / 7
Овечье	10	3,4–21,2 / 0,9–4,9	82,0 / 23,4	8,2 / 2,3	7 / 7	3 / 3
Свиное	9	0,6–6,9 / 0,2–1,9	28,8 / 7,7	3,2 / 0,8	5 / 3	4 / 6
Козье	2	0,5–0,9 / 0,1–0,2				
Кур русских	9	7,3–18,5 / 1,9–4,5	103,4 / 28,7	11,5 / 3,2	6 / 5	3 / 4

Табл. № 3.58

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в крупных имениях 1740–1750-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	9	6,8–54,4 / 1,6–17,6	199,1 / 58,6	22,1 / 6,5	5 / 6	4 / 3
овес	5	10,2–36,6 / 2,9–10,1	93,0 / 26,8	18,6 / 5,4	3 / 3	2 / 2
пшеница	4	0,8–5,6 / 0,2–1,7	13,3 / 3,8	3,3 / 0,9	2 / 2	2 / 2
ячмень	4	1,5–12,3 / 0,4–4,0	26,4 / 8,1	6,6 / 2,0	2 / 2	2 / 2
горох	4	0,2–1,2 / 0,1–0,3	3,2 / 0,9	0,8 / 0,2	2 / 1	2 / 3
конопля	4	0,8–2,3 / 0,2–0,6	6,7 / 1,8	1,7 / 0,5	1 / 1	3 / 3
гречка	3	3,7–13,6 / 1,0–3,8	22,5 / 6,3	7,5 / 2,1	2 / 2	1 / 1
лён	2	0,8–1,5 / 0,2–0,5				
просо	1	1,1 / 0,3				

Табл. № 3.59

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в средних имениях 1740–1750-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье скота и птицы	Число имений	Средние по имениям от… до…	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
конское	5	1,7–3,7 / 0,5–0,8	11,7 / 3,3	2,3 / 0,7	3 / 2	2 / 3
коровье	5	0,9–3,6 / 0,2–1,1	9,9 / 2,9	2,0 / 0,6	3 / 3	2 / 2
овечье	5	2,7–11,2 / 0,8–3,5	28,4 / 8,1	5,7 / 1,6	3 / 4	2 / 1
свиное	4	0,7–1,9 / 0,2–0,6	5,1 / 1,4	1,3 / 0,3	2 / 1	2 / 3
Куры русские	5	6,2–10,6 / 1,8–3,3	46,3 / 13,5	9,3 / 2,7	2 / 2	3 / 3

Табл. № 3.60

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в средних имениях 1740–1750-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от…до…	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	3	3,1–26,7 / 0,6–8,4	49,8 / 15,4	16,6 / 5,1	1 / 1	2 / 2
овес	2	3,7–32,0 / 0,9–10,2				
ячмень	1	8,0 / 2,5				
горох	1	1,0 / 0,3				
лен	1	1,0 / 0,3				

Для овечьего поголовья дворовые от 3,4 до 21,2; душевые — от 0,9 до 4,9. Совпадающих по имениям средних показателей нет. Общие средние 8,2 на двор, 2,3 — на чел.

Дворовые показатели для свиного поголовья колебания дворовых от 0,7 до 6,9; душевых — от 0,2 до 1,9. Общие средние 3,2 и 0,8.

Общая картина средних показателей посевов зерновых менее полна (*см. табл. № 3.58*). Рожь представлена по 9 имениям, овес — по 5. Средние высева пшеницы, ячменя, гороха, конопли имеются по 4 имениям, гречи — по 3, льна — по 2, проса — по одному.

Средние для ржаного поля на двор в четвериках от 6,8 до 54,4; на чел. от 1,6 до 17,6. Сумма средних 199,1 и 58,6. Общие средние 22,1 и 6,5. Дворовые у 5 имений ниже, у 4 выше. Душевые — у 6 имений ниже, у 3 выше.

По овсу показатели дворовых от 10,2 до 36,6; душевые от 2,9 до 10,1. Суммы средних 93,0 и 26,8. Общие средние 18,6 и 5,4. По всем средним соотношение: ниже 3, выше 2 имения.

По средним имениям показатели животноводства выведены для пяти имений (для свиного поголовья — по четырем) (*см. табл. № 3.59*). Общие средние ниже подобных показателей, вычисленных по крупным имениям. Сведения о посевах зерновых в описаниях встречались редко. Средние данные посева ржи оказалось возможным получить только по трем имениям, а овса — по двум (*табл. № 3.60*).

Глава 4

Помещичьи имения в 1760–1770-х гг.

За период 1760–1770 гг. имеются описания 9 крупных имений (среди них 4 безусадебных), 29 средних (в том числе 17 безусадебных), 25 мелких (13 безусадебных). Генерал-аншеф князь Александр Александрович Меншиков владел двумя крупными имениями в Арзамасском и Саранском уездах. У подпоручика гвардейского Преображенского полка Федора Швайковского отмечено два средних в Смоленском и Рославльском уездах. Коллежский асессор Герасим Андреевич Ларионов был владельцем среднего имения в Галичском уезде и мелкого — в Чухломском. Полковник Леонтий Михайлович Шишкин — владелец двух мелких имений в Каширском и Тульском уездах. Отставной премьер-майор Николай Федорович Бурков имел среднее поместье в Коломенском уезде и мелкое в Каширском

По селу Никитино Арзамасского уезда сохранялись подворные описания за 1764 и 1775 гг. Однако, если за А. А. Меншиковым значилось 224 крестьянских двора (800 чел. м.п.), то за его сыном гвардии капитаном Петром Александровичем — только 47 дворов (152 чел. м.п.).

Крупные имения в 1760–1770 гг.

В каждом из 8 крупных имений численность крестьян не более 239 чел. Лишь в одном имении насчитывалось 800 чел. В семи имениях с крестьян взимался денежный оброк. Еще в одном баршином также уплачивали денежные поборы. Господские дворы отмечены в пяти имениях, а дворовые люди — в четырех (см. Перечень).

В июле 1762 г. за неплатеж и неотсрочку взятых в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка для дворянства 9 тыс. руб. описано заложенное в 1759 г. *подпоручиком Конногвардейского полка графом Николаем Федоровичем Апраксиным имение, усадьба и село Богородское, Салманово тож Тороканова стана Московского уезда.* Жилье в помещиковом дворе, огороженном решетчатым забором с двумя воротами (цена 2 руб.), состояло из шести светлиц поземных, еловых ветхого состояния (12 × 6 саж., цена 30 руб.), крытых тесом. Три покоя располагались «что на левой руке», три — на правой. Печей не отмечено. В доме 20 окон со стеклянными оконница-

мя зеленого стекла, «в дерево замазанных» (2 арш. 2 вершка × 2 арш. 1 вершок, цена каждой 50 коп.); 10 дверей столярных крашеных на петлях железных (каждая 6 коп.). Во всех покоях обои холщовые, выбелены известью (цена 2 руб. 50 коп.). Из мебели указаны шкаф липовый столярный о шести дверцах (50 коп.), 5 столов из дуба, липы, ели (цена каждому 25 коп., а «здвижному» — 75 коп.), 23 стула дубовых, обитых красной кожей, 9 обитых сукном синим, 5 обитых набойками (цена каждому 5 коп.), 2 постава (45 коп.). При покоях сени прихожие, в них 2 медные пушки (по 3 руб.) на колесах и 13 чугунных на станках (по 1 руб.).

В покоях отмечена посуда фарфоровая китайская («каменные» «мраморы синей»): 6 блюд каменных «большой руки» (по 15 коп.), 5 блюд мелких (по 10 коп.), 19 тарелок (по 3 коп.), 3 солонки (по 3 коп.), чайник каменный (5 коп.), молочник (5 коп.), 15 чашек чайных (по 2 коп.), 14 блюдечек чайных (по 3 коп.), 5 чашек больших «фарфоровых» (по 7 коп.), 3 чашки «лимонные» (по 4 коп.), 3 блюдечка закусочных (по 3 коп.). Немало указано хрустальной посуды: 2 бокала резных немецких (30 и 25 коп.), бокал гладкий без крышки немецкий (12 коп.), кружка резная немецкая (15 коп.), кружка резная с крышкой оловянной (30 коп.), бокалец меловый резной (15 коп.), чашка резная с крышкой (15 коп.), 5 чашек «лимонных» резных (по 5 коп.), 12 стаканов пивных, 6 резных (по 5 коп.) и 6 граненых (по 6 коп.), 3 рюмки резные (по 4 коп.), 7 графинчиков круглых (по 10 коп.). Среди другой посуды — кувшины простого стекла (по 6 и 3 коп.), 3 блюда деревянные, расписаны краской (по 10 коп.).

Вспомогательные строения построены из елового леса, в том числе конюшня на 12 стойл (8 × 8 саж., цена 1 руб. 50 коп.), погреб (10 × 7 саж., 50 коп.), 3 житницы (3 × 3 саж., каждая ценой 1 руб. 50 коп.), баня (1 руб.). Был и особый скотный двор, окруженный забором (3 руб.).

При господском дворе сад (59 × 5 саж.): 6 яблонь (по 10 коп.), 10 кустов смородины красной (по 5 коп.) «да линеями насажено березок». Три березовые рощи (одна 10 дес. и две — по 2 дес.), оценены в 84 руб. (дес. — 6 руб.). В пяти господских прудах с плотинами (61 × 39, 150 × 40, 136 × 40, 146 × 25, 86 × 25 саж.) разводили рыбу (караси, линя).

Прежде на 40 дес. четвертной пашенной земли «на помещика севалось до положенного оброку во всех трех полях» 80 четв. ржи, 160 четв. овса, 80 четв. ячменя. Наложив на крестьян ежегодный оброк 300 руб., помещик отдал им землю, и они стали обрабатывать все поля (100 дес., или 200 четв., цена четверти 3 руб.). В среднем на двор приходилось 6 руб. 52 коп., на чел. м.п. — 1 руб. 86 коп.

При господском дворе стояли 6 людских изб еловых (каждая 2½ саж. × 8 арш., цена 2 руб.). В них проживали 5 семей дворовых (всего 22 чел., м.п. 11 чел., ж.п. 11 чел.). Они оценены в 109 руб. 50 коп.

В селе и прилежащей деревне отписчики отметили также «живущих бобылей и бобылок» (20 чел. об.п., в том числе 8 чел. м.п., цена им 79 руб. 50 коп.).

Общая стоимость имения вместе с крестьянскими дворами определена в 3794 руб. 93 коп.

Подворное описание содержит данные о населении об.п. с указанием воз-

раста и цены каждого, о поголовье скота и птицы. В 2754 руб. 20 коп. оценены 316 чел. об.п., в том числе 161 чел. м.п. — в 2076 руб. 50 коп.

Группировка дворов по числу работников м.п. дала следующие результаты (*см. табл. № 4.1*). Первая группа (с одним работником) — 19 дворов (41,3 %). В нем 47 чел. м.п., 19 чел. взрослых м.п. Вторая — 16 дворов (34,8 %), 53 чел. м.п., 32 взрослых. В третьей группе 11 дворов (23,9 %). В 10 дворах по 3 взрослых работника, в одном — 4, а в двоей больше — 61 чел. м.п., 34 работника. Средние дворовые показатели первой и второй групп ниже общих по имению, а третьей — выше. Объясняется это высокой населенностью дворов третьей группы. Доля людей об.п. и м.п. в них выше, чем во дворах с одним и двумя работниками. Косвенно об этом свидетельствуют данные о соотношении малых и неразделенных семей.

О численности крестьян по возрасту см. *табл. № 4.2*. Мальчиков до 10 лет — 53 чел. (32,9 %), девочек — 53 чел. (34,2 %). Подростков 11—14 лет — 11 и 5 чел. Юношей и девушек 15—19 лет — 10 и 14. Людей 20—65 лет — м.п. 77 чел. (47,8 %), ж.п. 69 чел. (44,5 %). Всего от 15 до 65 лет м.п. 87 чел. (54,0 %), ж.п. 83 чел. (53,6 %). Пожилых (66—90 лет) мало: 10 чел. м.п., 14 чел. ж.п. Доля лиц об.п. до 14 лет — 38,6 %, «взрослых» 15—65 лет — 53,8 %, старших 66—90 лет — 7,6 %.

Приведем изменение цен по возрасту. Младенцы до одного года — 1 руб. — 1 руб. 50 коп.; дети с двух лет — 2—4 руб.; 5 лет — 5 руб.; 6—8 лет — 6—8 руб.; 10 лет — 10 руб.; 12 лет — 12 руб. С 13 лет — 15—17 руб., к 20 годам обычная цена — 20 руб. С 22 лет появляется цена 25 руб., с 25 лет — 30 руб. Этот самый высокий показатель преобладает до 40 лет. Позже, до 54 лет ставятся цены в 10—20 руб. Единичные случаи оценки в 15 руб. наблюдаются для 60 лет. С 70 лет все чаще значится цена 50 коп.

Цены на людей ж.п. заметно ниже. Младенцы до одного года — 50 коп. С 2 до 6 лет — 1—2, редко 3 руб. Увеличивается цена до 5—6 руб. для детей 7—12 лет. С 14 лет появляется цена 10 руб. Она значится вплоть до возраста 35 лет одновременно с ценой 5 руб. С 40 до 60 лет цены от 2 до 5 руб., с 70 лет — 50 коп.

Табл. № 4.1

Крестьянское население в подмосковном имении Апраксина Н.Ф.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи неразделенные		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	отцовские	братские
1	19	41,3	93	29,4	4,9	47	29,2	2,5	19	22,4	1,0	14	4	1
2	16	34,8	107	33,9	6,7	53	32,9	3,3	32	37,6	2,0	7	5	4
3	11	23,9	116	36,7	10,5	61	37,9	5,5	34	40,0	3,1	1	5	5
Всего	46	100,0	316	100,0	6,9	161	100,0	3,5	85	100,0	1,8	22	14	10

Табл. № 4.2

Возраст крестьянского населения в московском имении Апраксина Н.Ф.

Возраст, лет	Люди м.п.	%	Люди ж.п.	%	Всего	%
1-10	53	39,7	53	37,4	106	38,6
11-14	11		5		16	
15-19	10	54,0	14	53,6	24	53,8
20-29	19		18		37	
30-39	21		19		40	
40-49	15		16		31	
50-59	11		10		21	
60-69	11		6		17	
66-69	–	6,3	–	9,0	–	7,6
70-79	5		6		11	
80-89	2		3		5	
90	3		5		8	
Всего	161	100,0	155	100,0	316	100,0

Табл. № 4.3

Крестьянское хозяйство в подмосковном имении Апраксина Н.Ф.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Куры
1	19	47	25	27	96	132
2	16	53	26	31	86	99
3	11	61	27	27	90	83
Всего	46	161	78	85	272	314
В среднем на двор	–	3,5	1,7	1,8	5,9	6,8
В среднем на человека м.п.	–	–	0,5	0,5	1,7	1,9

Представим стоимость людей по группам с числом работников м.п.

В первой группе — 47 чел. м.п., их стоимость 583 руб., взрослых м.п. 19 чел. (430 руб.).

Во второй группе — 53 чел. м.п. — 680 руб. 50 коп.; 32 чел. (614 руб.).

В третьей группе — 61 чел. м.п. — 813 руб.; 34 чел. (670 руб.).

Всего: 161 чел. м.п., их стоимость 2076 руб. 50 коп.; взрослых м.п. 85 чел. (1714 руб.).

Состояние животноводства трудно назвать удовлетворительным (*см. табл. № 4.3* и *4.4*). В среднем на двор приходилось 1,7 лошади, 1,8 коровы, 5,9 овцы. Свиньи (13) указаны только в пяти дворах. Конкретные данные о поголовье в отдельных дворах (*табл. № 4.5*) показывает сходство показателей по группам. Лишь по овечьему поголовью очевидно более лучшее состояние у дворов третьей группы.

Примерно в июне—июле 1762 г. по присланным из Московской конторы Государственного банка для дворянства в Канцелярию конфискации рас-

Табл. № 4.4

Средние показатели крестьянского хозяйства в подмосковном имении Апраксина Н.Ф.

Группа	Поголовье			Куры
	конское	коровье	овечье	
	в среднем на двор			
1	1,3	1,4	5,0	6,9
2	1,6	1,9	5,4	6,2
3	2,4	2,4	8,2	7,5
Всего по имению	1,7	1,8	5,9	6,8
	в среднем на человека м.п.			
1	0,5	0,6	2,0	2,8
2	0,5	0,6	1,6	1,9
3	0,4	0,4	1,5	1,4
Всего по имению	0,5	0,5	1,7	1,9

поряжением было указано отобрать у *капитана князя Николая Семеновича Багратиона его владения в Костромском уезде* за неплатеж оставшегося долга (4370 руб. из 9 тыс.).

Помещичья усадьба находилась недалеко от села Минское у пруда. Жилые покои были небольшими. На вотчинниковом дворе стояли в одной связи горница белая (3 саж.) и горница черная (2,5 саж), сосновые, соединенные сенями. Сени «забраны в столбы из бревен» мерою 3 саж. Они крыты «скалами» и дранью. Цена кровле 2 руб. В горницах потолки и полы бревенчатые тесаные, печи кирпичные с выводными трубами, окна в белой со стеклянными окончинами, в черной — со слюдяными. Цена горницам 4 руб. Изба еловая («для приходу крестьянам») крыта соломой. В ней печь битая из глины. В 4 окошках окончины слюдяные. Цена 1 руб. Из хозяйственных строений указаны погреб с напогребицей (1 руб.), конюшня еловая «рублена в угол», крыта соломой, мерой 3 саж. (1 руб.), амбар мерой 2 саж. (1 руб. 20 коп.), сарай (25 коп.). Весь двор огорожен забором (10 коп.). Стоимость всех строений 11 руб. 5 коп.

Крестьянские дворы располагались в трех станах Костромского уезда. В Минском стане к селу Минское «тянуло» 6 деревень. Остальные 3 села находились на Волге: в Дуплеховом стане Злемирово (14 деревень) и Сунгурово (11), в Ивангусском стане Селище (14).

Крестьяне села Минское с деревнями (16 дворов, 32 чел. м.п.) платили денежный оброк в год 45 руб. В среднем на двор приходилось 2 руб. 81 коп., на чел. м.п. — 1 руб. 40 коп. «Помещиков доход» с села Злемирово (33 двора, 76 чел.) 82 руб. (в среднем с двора 2 руб. 48 коп., с чел. м.п. — 1 руб. 7 коп.); с села Селище (23 двора, 39 чел.) — 66 руб. (2 руб. 86 коп. на двор, 1 руб. 69 коп. на чел.). Оброк с крестьян села Сунгурово (23 двора, 49 чел.) был установлен в сумме 45 руб. (в среднем на двор 1 руб. 95 коп., на чел. м.п. 91 коп.). Колебания оброка на двор от 1 руб. 95 коп. до 2 руб. 86 коп., на душу м.п. от 91 коп. до

Табл. № 4.5

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Богородское, Салмановo тож

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем										
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	15
				лошади													
1	19	1	18	20	1-4	13	4	-	1								
2	16	-	16	20	1-3	8	6	2	-								
3	11	-	11	27	1-4	1	6	2	2								
Всего дворов	46	1	45	-	-	22	16	4	3								
				коровы													
1	19	2	17	27	1-4	9	7	-	1								
2	16	-	16	31	1-4	5	8	2	1	-							
3	11	-	11	27	1-5	3	3	3	1	1							
Всего дворов	46	2	44	-	-	17	18	5	3	1							
				овцы													
1	19	1	18	90	2-10	-	1	1	4	7	2	1	-	-	2	-	-
2	16	1	15	88	2-10	-	1	2	2	3	2	1	1	2	1	-	-
3	11	-	11	90	3-11	-	-	1	2	-	1	1	-	1	1	1	1
Всего дворов	46	2	44	-	-	-	2	4	8	10	5	3	1	3	4	1	1

1 руб. 69 коп. Наибольший показатель приходится на село Селище, наименьший — на село Сунгурово.

Все крестьянские дворы вносили 238 руб. В среднем с двора дало 2 руб. 50 коп., с чел. м.п. — 1 руб. 21 коп.

Все минское имение, движимое и недвижимое, оценивалось в 2936 руб. 47 коп., имение Сунгурово в 525 руб. 45 коп. Оценка земли и имущества в других селениях в источнике отсутствует.

Описание крестьянских дворов костромского имения Н. С. Багратиона содержит следующие показатели. В перечне населения об.п. указан возраст и денежная оценка каждого. Дано поголовье скота (лошади, коровы, козы, овцы, свиньи) и птицы (куры русские). Отмечен посев ржи озимой («в посеве в предбудущей 763 год ржи») в четвертях и осьминах. Проставлены сведения о запасах хлеба (рожь, овес, ячмень, пшеница, греча) в четвертях, осьминах и четвериках. Количество обмолоченной ржи дано по всем дворам. Овес не указан в 20 хозяйствах, пшеница — в 45, ячмень — в 13, греча — в 77, лен — в 73. Видимо, часть крестьян к обмолоту яровых еще не приступала.

Во всех костромских селениях насчитывалось 126 крестьянских дворов и один бобыльский, без хозяйства. Среди них оказалось без взрослых м.п. в возрасте 15–65 лет 14 дворов, в их числе 9 без посева ржи и лошадей и 5 с посевом 8–12 четвериков и небольшим поголовьем скота. Еще в 15 дворах без высева ржи и без скота (лишь в двух по одной корове) отмечено по одному работнику да в двух — по два работника. Слой беднейших дворов (31) мы исключаем из дальнейших подсчетов. Остается 95 дворов.

По числу взрослых м.п. дворы можно разделить на две группы (*см. табл. № 4.6*). Первая по количеству дворов чуть ли не вдвое превосходит вторую. По численности населения разрыв сокращается. А по числу взрослых первая группа почти не уступает второй (63 и 67).

Бросается в глаза низкая населенность крестьянских дворов, особенно по числу людей м.п. В среднем на двор приходится 4,6 чел. об.п., 2,1 чел. м.п., 1,4 чел. в возрасте от 15 до 65 лет. В группах соотношение таково: средняя об.п. 4,0 и 5,8, м.п. — 1,7 и 2,8, взрослых м.п. 1,0 и 2,0. В первой групп мужского населения намного меньше, чем во второй.

Можно предположить, что основная часть крестьян имения находилась (в том числе из-за малой численности людей м.п.) в незавидном имущественном положении. В 69 дворах проживали малые семьи. Неразделенных семей — 26, в том числе 20 отцовских.

Табл. № 4.6

Крестьянское население в костромском имении Багратиона Н.С.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи неразделенные		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	отцовские	братские
1	63	66,3	251	57,2	4,0	107	55,0	1,7	63	48,5	1,0	57	6	-
2	32	33,7	188	42,8	5,8	89	45,0	2,8	67	51,5	2,0	12	14	6
Всего	95	100,0	439	100,0	4,6	196	100,0	2,1	130	100,0	1,4	69	20	6

Табл. № 4.7

Крестьянское хозяйство в костромском имении Багратиона Н.С.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Куры	Посевы ржи, четверики
1	63	107	74	151	86	426	611
2	32	89	59	108	81	264	430
Всего	95	196	133	259	167	690	1041
В среднем на двор	-	2,1	1,4	2,7	1,7	7,3	10,9
В среднем на человека м.п.	-	-	0,7	1,3	0,8	3,5	5,3

Общая стоимость крестьян об.п. 2876 руб. 51 коп. (в среднем на двор 30 руб. 27 коп.), крестьян м.п. — 2524 руб. 95 коп. (26 руб. 57 коп.), взрослых м.п. — 2233 руб. 50 коп. (23 руб. 51 коп.). В первой группе сумма цен людей об.п. выше, чем во второй, на 78 руб. 61 коп.; по сумме людей м.п. — на 33 руб. 95 коп. А по стоимости людей м.п. в возрасте 15–65 лет впереди уже вторая группа — на 64 руб. 50 коп.

Крестьяне села Минское (16 дворов) «пашут про себя и секут всякой хлеб» на площади 24 четв. 6 четвериков в поле озимом и столько же в яровом (стоимость посевов 24 руб. 45 коп.). В лугах, пустошах и на островах они заготавливали «на свой крестьянской росход» 203 копны сена (цена 3 коп. копна, всего 6 руб. 9 коп.). У крестьян села Здемирово (33) пашенной земли 45 четв. в поле стоимостью 45 руб. Сенных покосов в лугах и пустошах у них гораздо меньше — 86 копен (2 руб. 58 коп.). Жители села Селище с деревнями (23) имели пашни 40 четв. в поле (40 руб.); в лугах, пустошах и на островах косили 111 копен (3 руб. 33 коп.). При селе Сунгурово (23) оказалось пашни 32 четв. в поле (32 руб.); сенных покосов по берегам Волги, в деревнях «круг поль и по заполью» 100 копен (3 руб.). Всего в четвертном измерении 141 четв. 6 четвериков пашни, 500 копен сенных покосов.

Как видно, меньше всего пашни отмечено в приусадебном селе Минское, но здесь много заготавливали сена.

Трудно дать общую оценку зерновому земледелию в приволжских селениях. Собранный хлеб, видимо, еще не был обмолочен полностью. Только рожь обмолоченная (3452 четверика) имелась во всех дворах всех селений (в первой группе 2052 четверика, во второй — 1400). В среднем на двор приходилось 36,3 четверика. Однако больше зерна оказалось во дворах второй группы (в среднем 43,7), чем в первой (32,6).

Обратимся к данным о посеве к будущему году озимой ржи. Все дворы, без исключения, посеяли 1041 четверика (*табл. № 4.7*). В среднем на двор приходится около 11 четвериков. Это низкий показатель. По количеству высеянной ржи впереди дворы первой группы (58,7 %). А по средним дворовым показателям они (9,7 четверика) уступают дворам второй группы (13,4) (*табл. № 4.8*).

Табл. № 4.8

Средние показатели крестьянского хозяйства в костромском имении Багратиона Н.С.

Группа	Поголовье			Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье		
	в среднем на двор				
1	1,2	2,4	1,4	6,9	9,7
2	1,8	3,4	2,5	8,2	13,4
Всего по имению	1,4	2,7	1,7	7,3	10,9
	в среднем на человека м.п.				
1	0,7	1,4	0,8	3,9	5,7
2	0,7	1,2	0,9	3,0	4,8
Всего по имению	0,7	1,3	0,8	3,5	5,3

Различия в высеве ржи более наглядно проявляются при сопоставлении конкретных показателей по дворам (*табл. № 4.9*). В дворах первой группы наиболее часто встречаются высевы 8 четвериков (25 дворов) и 12 четвериков (14 дворов). Для дворов второй группы показатель 16 четвериков обозначен почти для половины дворов (15).

Крестьянское животноводство находилось на низком уровне. Мало было лошадей и овец. В среднем на двор приходилось конского поголовья 1,4, овечьего — 1,7. Больше коров (2,7). Практически не оказалось в имении свиней (15 голов в 10 дворах) и коз (2 — в двух дворах). Лошадей не было в 8 дворах, коров — в 11, овец — в 30.

Средние подворные первой группы ниже общих показателей, а второй — выше. По средним душевым наблюдается большое сходство, особенно по лошадям.

Конкретные показатели по дворам (*табл. № 4.10*) показывают более или менее равномерное распределение скота по группам (1—3 лошади, 1—8 коров, 1—5 овец).

В апреле 1762 г. Московская контора Государственного банка для дворянства направила в Канцелярию конфискации копию составленных на рубеже 1761—1762 гг. описных книг на заложенное владение *капитанмуса гвардейского Семеновского полка Сергея Петровича Вельяминова-Зернова* «для збирания доходов... и для неупущения заемных денег и процентов и чтоб имение не пришло в упадок». Указанное в промемории имение в *Пензенском уезде Завадьном стане* состояло из усадьбы, *села Юлово*, Дмитриевское тож и села Андреевское. В банковской конторе считали, что в первом селе было 555 душ м.п., во втором — 145. Однако в подворном описании села Юлово отмечено 220 чел. м.п. Возможно, что Вельяминов-Зернов заложил в банке лишь часть пензенского имения.

По показаниям крестьян села Юлово в августе 1760 г., выполнялись и барщинные, и оброчные повинности. Они ежегодно уплачивали помещику 400 руб. Площадь господских полей — 60 дес. На них высевалось ржи 40 четв. (цена 5 руб.), овса 70 четв. (7 руб.), гречи — 3 четв. (30 коп.). Сена становилось в год 74 стога (25 копен в каждом, всего 1850). Если исходить из числа

Табл. № 4.9

Посевы ржи (четверики) в крестьянских дворах в имении Багратиона Н.С.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом											
						3	4	5	6	8	9	10	12	15	17	20	24	28
1	63	–	63	611	3-24	1	5	5	25	3	1	14	7	1	–	1	–
2	32	–	32	430	4-28	–	2	–	7	2	–	3	15	–	1	1	1
Всего дворов	95	–	95	–	–	1	7	5	32	5	1	17	22	1	1	2	1

Табл. № 4.10

Поголовье скота в крестьянских дворах в костромском имении Багратиона Н.С.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем						
						1	2	3	4	5	6	7	8
лошади													
1	63	8	55	74	1-3	40	11	4					
2	32	–	32	59	1-3	11	15	6					
Всего дворов	95	8	87	–	–	51	26	10					
коровы													
1	63	9	54	151	1-8	17	6	14	10	4	2	–	1
2	32	2	30	108	1-7	2	7	6	7	4	2	2	–
Всего дворов	95	11	84	–	–	19	13	20	17	8	4	2	1
овцы													
1	63	25	38	66	1-5	8	18	8	2	2	–		
2	32	5	27	81	1-5	1	11	5	7	3			
Всего дворов	95	30	65	–	–	9	29	13	9	5			

тягловспособных дворов (66 дворов, 200 чел. м.п.), то приходится в среднем на двор 6 руб. 6 коп. и 0,3 дес. (без сенокоса), на чел. м.п. — 2 руб. и 0,1 дес. Нормы довольно высокие. Можно предположить, что к барщинным работам привлекались крестьяне из других селений.

Усадьба Юлово имела хозяйственное назначение. На огороженном липовым заметом господском дворе стояла изба липовая новая, крытая лубьем, и перед ней сеня, крытые соломой. Цена всего 4 руб. Отмечены еще крытые лубьем изба приворотная, амбар ветхий ценой 2 руб. 50 коп., погреба с омшаником ветхие ценой 50 коп. Таким же заметом огражден конюшенный («конюшей») двор. В нем изба и сеня, 2 конюшни, сенница. Стоимость 8 руб. Такая же ограда окружала скотный двор. Здесь находились 3 избы ветхие (3 руб. 50 коп.), баня людская ветхая (20 коп.), солодовня, крытая соломой (20 коп.). Общая стоимость двора 3 руб. 90 коп. Поодаль стояли 5 амбаров, крытых лубьем (3 руб.), с рожью (176 четв. — 24 руб. 50 коп.) и овсом (40 четв. — 4 руб.), небольшим количеством пшеницы, гречи, гороха, семени конопляного (1 руб. 50 коп.).

Господское гумно огорожено тыном с двумя овинами липовыми (20 коп.). В них хранились рожь и овес стоимостью 70 руб.

Скота было довольно много. Конское поголовье: жеребцы, мерины, кобылы с жеребятами, жеребчики, кобылки (47 голов) оценено в 92 руб. 20 коп. Коровье поголовье (4 коровы дойные, бык, 6 подтелков) в 8 руб. 50 коп., овечье (40 овец и баран) — в 4 руб., свиное (10 свиней, 10 поросят) — в 80 коп.

Усадебное хозяйство вели 3 семьи дворовых людей (6 чел. м.п., 9 чел. ж.п.). У каждой имелся собственный скот. Всего 4 лошади — цена 3 руб. 10 коп.; 4 коровы и 6 подтелков — цена 5 руб. 50 коп.; 14 овец — цена 1 руб. 40 коп.; 25 свиней — цена 2 руб. 55 коп.; птица (гуси, куры русские и индейские) — цена 1 руб. 23 коп.

Подворное описание по селу Юлово содержит сведения о населении об.п. и возраст. Цена 4 руб. проставлена для каждого, независимо от пола и возраста. По всем дворам дано поголовье скота и птицы, величина посева зерновых (ржи, овса, гречи, полбы) и конопли и их стоимость. Описаны постройки в крестьянских дворах и указаны их цены. Сведения о хозяйственном инвентаре и «крестьянских пожитках» (шубы и кафтаны сермяжные, холст посконный) приведены только по 20—25 дворам (из 76).

Наличие «хлеба молоченого» ржи отмечено только в двух дворах. В одном 4 четверика ценой 10 коп., в другом — 40 четвериков, ценой 50 коп. В последнем также было 24 четверика гречи (30 коп.), 4 четверика крупы гречневой (15 коп.), 8 четвериков проса (8 коп.) и 16 четвериков полбы (16 коп.). «Хлеб стоячий» (необмолоченная рожь и овес) отмечены в трех дворах. Его стоимость в двух дворах составила всего 6 коп., а в третьем, где было много обмолоченного зерна, — 15 руб. 60 коп.

Крестьянский инвентарь (сошники, полицы, косы, топоры) указан далеко не по всем дворам, причем для самых состоятельных дворов о нем нет сведений. Из 32 дворов первой группы инвентарь отмечен в 10, из 26 дворов второй группы — в 18. Обычно во дворе было не более двух единиц. Изредка встречаются 2 сошника, 2 косы, 2 топора. Стоимость инвентаря для двора — от 5 до 35 коп., но по большей части — 10—16 коп.

Табл. № 4.11

Возраст крестьянского населения в пензенском имении Вельяминова-Зернова С.П.

Возраст, лет	Люди м.п.	%	Люди ж.п.	%	Всего	%
1-10	74	47,5	92	50,9	166	49,3
11-14	21		18		39	
15-19	18	49,0	12	42,6	30	45,7
20-29	19		30		49	
30-39	26		19		45	
40-49	12		16		28	
50-59	10		10		20	
60-65	13		5		18	
66-69	–	3,5	1	6,5	1	5,0
70-79	1		6		7	
80-89	4		4		8	
90-99	1		3		4	
100	1		–		1	
Всего	**200**	**100,0**	**216**	**100,0**	**416**	**100,0**

Из крестьянских пожитков перечислены для 20 дворов холст посконный, шубы и кафтаны сермяжные серые. Их высшая стоимость 75 коп., но обычно — не более 30 коп.

Пчеловодством занимались лишь в 8 дворах. Пчелы находились либо в 22 ульях (9 руб.), либо в 42 «пенках» (16 руб.).

В описании села Юлово указано 76 дворов. В двух крестьянских дворах проживали вдовы (одна — с детьми), не имевшие своего хозяйства. Еще в одном жила солдатка с дочерью 12 лет и сыном 10 лет «кои прижиты до отдания мужа ее в рекруты». Отмечено 10 дворов (20 чел. м.п.), среди жителей которых не оказалось работников м.п. Это 6 дворов вдов и вдовцов 70—100 лет, одиноких или с детьми. Почти все дворы (9) беспосевные. В четырех дворах скота не было, а в пяти записано по одной лошади.

Для рассмотрения взяты семьи и хозяйства 66 дворов. В них проживало 416 чел. об.п., 200 чел. м.п., в том числе 98 чел. работников от 15 до 65 лет. Для каждого лица и м.п., и ж.п. в описании проставлена одинаковая цена — 4 руб. Такая же цена указана и для дворовых людей.

Соотношение людей по трем группам просчитано. До 14 лет включительно лиц м.п. 95 (47,5 %); 15—65 лет — 98 (49,0 %); от 66 до 100 лет 7 (3,5 %). Для лиц ж.п.: до 14 лет 110 (50,9 %), 15—65 лет — 92 (42,6 %), от 66 до 90 лет 14 (6,5 %). Число людей в первой группе (до 14 лет) составляет около половины населения м.п. (47—50 %). По количеству взрослых у людей м.п. 49 %, у женщин меньше — 42,6 %. Доля старших возрастов небольшая — 3,5 % у лиц м.п., 6,5 % у лиц ж.п. В целом для людей об.п. на первом месте «дети» до 14 лет (49,3 %), на втором — взрослые (45,7 %), на третьем — старики (5 %). Среди взрослых выделяются двадцати- и тридцатилетние (*см. табл. № 4.11*).

Табл. № 4.12

Крестьянское население в пензенском имении Вельяминова-Зернова С.П. в селе Юлово

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	37	56,0	204	49,0	5,5	96	48,0	2,6	37	37,7	1,0	33	4	-
2	29	44,0	212	51,0	7,3	104	52,0	3,6	61	62,3	2,1	14	14	1
Всего	**66**	**100,0**	**416**	**100,0**	**6,3**	**200**	**100,0**	**3,0**	**98**	**100,0**	**1,5**	**47**	**18**	**1**

Табл. № 4.13

Крестьянское хозяйство в пензенском имении Вельяминова-Зернова С.П. в селе Юлово

Группы	Дворы	Крестьяне м.п.	Поголовье скота и птицы										Посевы зерновых, четверики					
			лошади		коровы		овцы		свиньи		куры		рожь		овес		греча	
			кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.
1	37	96	61	47,84	41	17,45	188	17,00	32	2,68	235	2,35	392	5,42	255	2,70	60	1,07
2	29	104	91	70,05	49	22,10	261	21,00	80	7,44	296	2,96	508	6,36	368	3,79	104	1,41
Всего	**66**	**200**	**152**	**117,89**	**90**	**39,55**	**449**	**38,00**	**112**	**10,12**	**531**	**5,31**	**900**	**11,78**	**623**	**6,49**	**164**	**2,48**
В среднем на двор	–	3,0	2,3	1,78	1,4	0,59	6,8	0,57	1,7	0,15	8,0	0,08	13,6	0,17	9,4	0,09	2,5	0,03
В среднем на человека м.п.	–	–	0,8	–	0,4	–	2,2	–	0,6	–	2,6	–	4,5	–	3,1	–	0,8	–

Табл. № 4.14

Средние показатели крестьянского хозяйства в пензенском имении Вельяминова-Зернова С.П.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы, четверики		
	конское	коровье	овечье	свиное		рожь	овес	греча
в среднем на двор								
1	1,6	1,1	5,1	0,9	6,5	10,6	6,9	1,6
2	3,1	1,7	9,0	2,7	10,2	17,5	12,7	3,6
Всего по имению	**2,3**	**1,4**	**6,8**	**1,7**	**8,0**	**13,6**	**9,4**	**2,5**
в среднем на человека м.п.								
1	0,6	0,4	1,9	0,3	2,4	4,1	2,6	0,6
2	0,9	0,5	2,5	0,8	2,8	4,9	3,5	1,0
Всего по имению	**0,8**	**0,4**	**2,2**	**0,6**	**2,6**	**4,5**	**3,1**	**0,8**

Группировка дворов по числу взрослых м.п. указана в *табл. № 4.12*. Дворов с одним работником — больше половины — 37 (56 %). Дворов с тремя и четырьмя работниками оказалось всего 2. Пришлось их присоединить к дворам второй группы, в которых значатся по два работника. К тому же по хозяйственным показателям они мало различались. По населенности дворы обеих групп схожи. Однако по числу работников разница велика — 37 и 61 чел.

В первой группе преобладали малые семьи (33). Отцовских — 4. Во второй малых было 14, отцовских тоже 14, братских — одна.

Село Юлово не отличалось высоким уровнем животноводства (см. *табл. № 4.13*). В среднем на двор приходилось 2,3 лошади, 6,8 овец. Мало было коров. У 25 дворов (37,8 %) их вообще не было, овцы отсутствовали в 12 дворах, свиньи — в 37 (56 %). Общая стоимость скота и кур русских (3 куры индейские отмечены только в одном дворе) 210 руб. 93 коп. В среднем на двор — 3 руб. 19 коп.

Интересно отметить, что стоимость скота и птицы почти в 10 раз выше стоимости высеваемого зерна.

Средние подворные показатели по скоту в первой группе ниже общих по селу (см. *табл. № 4.14*). Показатели второй — выше. В первой средняя стоимость скота и птицы 2 руб. 36 коп., во второй гораздо выше — 4 руб. 26 коп., а средняя стоимость посевов, без конопли, 25 коп. и 41 коп. Средние на чел. м.п. у второй группы выше общих, у первой — сходны с общими (по коровам) или ниже.

Конкретные данные поголовья по отдельным дворам (*табл. № 4.15*) выявляют преимущество второй группы. У этих дворов лошадей от одной до 13-ти (у дворов первой — 1—3), овец 2—40 (2—16), свиней 2—20 (2—4). Только по коровам примерное сходство — 1—4 (1—5).

Цены на скот были таковы. Мерин стоил обычно 60, 70, 80 коп. и выше — 1 руб., 1 руб. 50 коп. (редко оценивался в 15 или 40 коп.). Цена кобылы в основном указывалась в 70, 80, 90 коп. и выше — до 1 руб. 80 коп. (оценки в 20, 30, 60 коп. встречаются редко), коровы — 70, 80, 90 коп., 1 руб. 20 коп., быка — 20 коп., телицы — 15 коп. Стоимость овцы или свиньи — 9—10 коп. Цена курицы русской 1 коп., индейской — 3 коп.

Табл. № 4.15

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Юлово

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем													
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	15	16	20	35	45
						лошади														
1	37	1	36	61	1-3	15	17	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	29	-	29	91	1-13	4	11	6	3	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Всего дворов	66	1	65	-	-	19	28	10	3	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
						коровы														
1	37	15	22	41	1-5	9	10	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	29	10	19	49	1-4	2	7	7	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего дворов	66	25	41	-	-	11	17	8	4	1										
						овцы														
1	37	6	31	168	2-16	-	2	5	5	3	4	3	1	2	3	-	1	1	-	-
2	29	6	23	261	2-40	-	-	1	1	1	2	-	6	1	3	-	1	3	1	1
Всего дворов	66	12	54	-	-	-	4	6	6	4	6	3	7	3	6	1	4	1	1	1
						свиньи														
1	37	25	12	32	2-4	-	6	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	29	12	17	80	2-20	-	3	5	1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего дворов	66	37	29	-	-	-	9	9	3	7	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-

Среди крестьянских посевов на первом месте стояла рожь, на втором — овес. Ржи не было в 4 дворах, овса — в 8 дворах. С посевами других зерновых дело обстояло плохо. Посевы гречи отсутствовали в 33 дворах (45,5 %). Пшеница отмечена только в двух дворах, полба — в трех. Конопли не было в 30 дворах. В одном дворе указан под конопляй «огород», огороженный частоколом. Посевы конопли небольшие, они даны в пудовках и четвериках.

Стоимость всех высеваемых культур определена в 21 руб. 55 коп. (в среднем на двор — 32 коп.), конопли — 2 руб. 84 коп. Всего 24 руб. 39 коп. (в среднем на двор 36 коп.). Припомним, что общая стоимость скота и птицы намного выше — 210 руб. 93 коп. (в среднем на двор — 3 руб. 19 коп.). Цены на высеваемую рожь — 10, 12, 20 коп. за четверть (8 четвериков); овес — 8, 10 коп.; гречу — 8, 10, 12, 20 коп.

В среднем на двор посевы невелики: по ржи — 13,6 четверика; по овсу — 9,4; по гречке — 2,5. По дворам первой группы они заметно ниже общих по имению, по дворам второй — явно выше. Лишь по конопле показатели сходны. Это же относится к средним на человека м.п.

Конкретные данные по отдельным дворам (*табл. № 4.16*) показывают преимущество дворов второй группы в посевах ржи (7 дворов с посевом 32 и 80 четвериков), овса (4 двора с посевом 32 четверика), гречи (7 дворов с посевом 8—12 четвериков).

Посевы конопли в пудовках и четвериках лучше представить по их стоимости (см. *табл. № 4.17*). По общей стоимости впереди дворы первой группы. По конкретному высеву по дворам это подтверждается.

В 1763 г. были описаны *арзамасское и саранское имения генерал-аншефа князя Александра Александровича Меншикова*, заложенные в 1754 г. его женой в Государственном банке для дворянства за 10 тыс. руб. *В усадьбе Никитино Собакина стана Арзамасского уезда* стоял двор помещиков. Светлицы большая — 2 ½ саж. с изразцовой печью и малая — 2 саж. сосновые ветхие и изба черная липовая с кирпичной печью были связаны сенями липовыми. Цена постройкам — 6 руб. 10 коп. Судя по этому состоянию построек и количеству мебели (2 стола дубовых и шкаф стоимостью 90 коп.), владельцы в усадьбе не проживали. В саду при дворе устроена баня липовая с передбанником 4 саж. ценой 1 руб. Отмечен двор помещиков «загородной», который «застроен вновь». Здесь были горница о четырех покоях без подов и печей и крытые соломой сени липовые «в одной связи». В старом «загородном» дворе были ветхая изба с кирпичной печью и сени. Стоимость с погребом и погребицей 1 руб. 50 коп. На этом дворе находился огороженный тынником дубовым огуменник; 4 овина еловые ветхие, овин солодовенный новый, 2 избы солодовенные липовые. Стоимость гуменного строения — 8 руб. 30 коп.

Еще один двор помещиков, в котором «прежде производились вотчинные дела», состоял из ветхих двух горниц на омшаниках ценой 4 руб. 50 коп., светлицы без крыши ценой 4 руб., избы людской 4 ½ саж. с печью кирпичной ценой 2 руб., а также 2 амбаров и сарая ветхих ценой 1 руб. 30 коп. Перед ним отмечен амбар сосновый 3 саж., в который прежде ссыпали «помещиков покупной разной хлеб» ценой 1 руб. 50 коп.

Отдельно располагались скотный и житный дворы с избами, амбарами,

Табл.№ 4.16

Посевы зерновых (четвериках) в крестьянских дворах в пензенском имении Вельяминова-Зернова С.П.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом					
						2	3	4	8	12	16	24	32	80
рожь														
1	37	4	33	392	4-32	-	-	3	15	1	12	1	1	-
2	29	-	29	508	4-80	-	-	7	5	2	6	2	5	1
Всего дворов	66	4	62	-	-	-	-	10	20	3	18	3	7	1
овес														
1	37	7	30	255	3-24	-	1	4	21	1	2	1	-	
2	29	1	28	368	4-32	-	-	4	10	1	8	1	4	
Всего дворов	66	8	58	-	-	-	1	8	31	2	10	2	4	
гречка														
1	37	22	15	60	2-8	2	-	12	1	-				
2	29	11	18	104	4-12	-	-	11	6	1				
Всего дворов	66	33	33	-	-	2	-	23	7	1				

Табл.№ 4.17

Стоимость посевов конопли в крестьянских дворах в селе Юлово

Группа	Дворы	Дворы без посевов	Дворы с посевами	Общая стоимость, руб.	Крайние показатели стоимости, коп.	Число дворов по стоимости посева								
						3 коп.	4 коп.	5 коп.	6 коп.	7 коп.	8 коп.	9 коп.	10 коп.	12 коп.	15 коп.	18 коп.	30 коп.
1	37	16	21	1,78	4-30	-	2	6	1	-	2	2	7	-	-	-	1
2	29	14	15	1,06	3-18	1	2	3	1	1	-	1	3	1	1	-	-
Всего дворов	66	30	36	-	-	1	4	9	2	1	2	3	10	1	1	1	1

сарачми (8 руб. 20 коп. и 14 руб.). В житном хранились мука ржаная (20 четв. — 8 руб.), солод (30 четв. — 10 руб.), семя конопляное (1 четв. — 60 коп.), пенька толченая и нетолченая (30 пудов — 4 руб. 50 коп.).

Крестьяне села Никитино состояли на оброке. С 879 душ в год платили по 3 руб., всего 2634 руб. В эту сумму вошли подушные деньги и «накладные» (по 72 коп. с души), всего 632 руб. 88 коп. Помещику оставалось 2004 руб. 12 коп. С тяглоспособных (800 чел. м.п. в 224 дворах) оброк выше (в среднем с двора 8 руб. 94 коп., с чел. м.п. — 2 руб. 50 коп.). Кроме того, «сверх того держан был крестьянами» винокуренный завод, где они трудились безвозмездно. Ежегодно заготавливалось 700 саж. дров (по 40 коп. за саж., итого 280 руб.). Подрядное вино 112 бочек крестьяне отвозили во Владимир. Проезжая барщина прекратилась. Вместо крепостных «в работу нанимаются и материалы покупаются за деньги», очевидно крестьянские.

В описании перечислены работники. Винокуру и двум подкуркам помещик давал в месяц 4 руб. 50 коп., за 9 месяцев — 40 руб. 50 коп., а также 4 пуда мяса свиного (40 коп. пуд), пуд масла постного за 1 руб., 5 четв. 2 четверика муки ржаной за 3 руб. 51 $^1/_2$ коп. , крупы гречневой 1 четв. за 1 руб., 2 пуда соли (по 40 коп. пуд). Стоимость натуральной оплаты 7 руб. 91 $^1/_2$ коп. 16 жеганам и браговару платили ежемесячно по 1 руб. 80 коп., за 9 месяцев — 259 руб. 20 коп.; меднику за починку казанов — 7 руб. в год, 7 четв. муки ржаной (по 67 коп. за четв., всего 4 руб. 69 коп.). Таким образом, денежная плата составила 270 руб. 70 коп., стоимость продуктов — 6 руб. 60 $^3/_4$ коп.

Весь владельческий доход, т. е. денежный оброк и деньги за подрядное вино составил 2939 руб. 42 $^3/_4$ коп. (на двор 13 руб. 12 коп., на чел. м.п. 3 руб. 67 коп.)[1].

В имении проживали в трех дворах церковники, положенные в подушный оклад (20 чел. об.п., в том числе 9 м.п.). У них были лошади, другой скот и птица. У хозяев двух дворов «хлеба всякого в посеве бывает» по 4,5 четв. У малочисленной семьи в третьем дворе «хлеба в посеве не бывает». Без своих дворов и без хозяйства значатся две солдатские жены с малолетними детьми («оные прижиты прежде отдачи рекрутщкой») и вдова с сыном. При богадельне находились двое: один крестьянин без руки, другой «дряхлой».

Подворное описание содержит следующие данные: население об.п. с указанием возраста и цены каждого, поголовье скота и птицы, посев озимой ржи («хлеба сеет») в четвертях и четвериках.

В имении насчитывалось 247 крестьянских дворов. Приходится исключить из подсчетов 23 двора без взрослых м.п. 10 из них — беспосевные. В них либо скота не было, либо его поголовье незначительно (1—2 головы). В 13 дворах посев озимой ржи колебался от 3 до 28 четвериков, но только в четырех из них он составлял от 16 до 28 четвериков.

С работниками м.п. в селе Никитино оказалось 224 двора. Группировка по числу работников отражена в *табл. № 4.18*. Дворов с одним работником ока-

[1] На заводе отмечено 10 кубов объемом 131 ведро. В них выкуривалось более 3500 ведер вина (*Панченко Н. Я.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII—XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 63).

залось больше, чем остальных (106 — 48,4 %), с двумя — около трети (76 — 33,9 %), с тремя — около седьмой части (30 — 13,4 %). В последнюю группу включены дворы (9) с четырьмя работниками, с пятью (2), шестью (1). Всего 12 дворов (5,3 %). По численности работников соотношение выглядит несколько иначе. В первой группе их 106 (26,6 %), а во второй больше — 152 (38,0 %). В четвертой группе доля дворов лишь около 5 %, по числу душей м.п. она уже 10,1 %, а по количеству работников (52) доля еще выше (13,0 %).

В первой группе преобладали малые семьи. Во второй их немного, а в третьей и четвертой совсем не оказалось. Больше обозначено неразделенных семей (119), в основном отцовских (78).

Сыновья (внуки) 15 лет упоминаются редко (19 чел.), 16 — еще реже (6 чел.). Женатых парней до 15 лет оказалось очень мало: 1 чел. — в возрасте 13 лет, 2 чел. — 14 лет. Зятьев в семьях было 19 чел. Во дворах первой группы их 11, второй — 6, третьей — 2, четвертой — не отмечены. Приемышей от 15 лет и старше — 6 чел. Пасынки упоминаются один раз.

Мужчин старше 65 лет в крестьянских дворах оказалось мало — 48 чел. (6 % от общей численности населения м.п.). В их числе 25 женатых и 23 вдовца. В основном их возраст от 70 до 80 лет — 42 чел. (еще 1 чел. — 67 лет, 5 чел. — 90—97 лет).

Бездетные семьи встречаются только во дворах первой (17) и второй (6) групп. Так же обстоит дело с семьями без мальчиков. Дворов с детьми ж.п. без сыновей и внуков в первой группе 11, во второй — 13, в третьей — 2. В одном дворе проживал одинокий Петр Никифоров 60 лет. У него одна лошадь, а ржи в посеве 12 четвериков.

В селе Никитино в 224 дворах насчитывалось 1556 чел. об.п. (800 чел. м.п., 756 чел. ж.п.). До 14 лет включительно отмечено 349 мальчиков и юношей (их доля среди населения м.п. 43,6 %); 297 девочек (39,3 %). Большую часть составляли «взрослые» от 15 до 65 лет. У мужчин их 400 чел.

Табл. № 4.18

Крестьянское население в арзамасском имении Меншикова А.А. в селе Никитино

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	неразделенные		братские
												отцовские	малые	
1	106	48,4	520	33,4	4,9	264	33,0	2,5	106	26,6	1,0	14	92	-
2	76	33,9	546	35,1	7,2	285	35,6	3,7	152	38,0	2,0	13	40	23
3	30	13,4	333	21,4	11,1	166	20,7	5,5	90	22,4	3,0	-	19	11
4	12	5,3	157	10,1	13,1	86	10,7	7,2	52	13,0	4,3	-	5	7
Всего	224	100,0	1556	100,0	6,9	800	100,0	3,6	400	100,0	1,8	105	78	41

Табл. № 4.19

Возраст крестьянского населения в арзамасском имении Меншикова А.А.

Возраст, лет	Люди м.п.	%	Люди ж.п.	%	Всего	%
1-10	294	43,6	255	39,3	549	41,6
11-14	55		42		97	
15-19	50	50,0	54	55,0	104	52,4
20-29	115		128		243	
30-39	98		116		214	
40-49	71		64		135	
50-59	39		27		66	
60-65	27		27		54	
66-69	1	6,4	4	5,7	5	6,0
70-79	24		23		47	
80-89	21		14		35	
90-97	5		2		7	
Всего	800	100,0	756	100,0	1556	100,0

(50 %), у женщин 416 (доля еще выше — 55 %). Жителей в возрасте старше 66 лет оказалось мало: 51 чел. м.п. и 43 чел. ж.п. Доля первых 6,4 %, вторых еще меньше — 5,7 %. В целом люди от 14 лет составили долю 41,6 %; 16—65 лет — 52,4 %; от 66 до 97 лет — 6,0 %. В количественном отношении среди работников об.п. первенствовали лица в 20—29 и 30—39 лет (см. *табл. № 4.19*).

Общая стоимость 1556 чел. об.п., проживавших в 224 дворах, составила 7554 руб. 80 коп. По группам — первенство за второй группой (2805 руб. 50 коп.), затем идет первая (2270 руб. 80 коп.), третья (1630 руб.), четвертая (848 руб. 50 коп.). Средние подворные данные дают иные показатели. Последние возрастают от первой группы (21 руб. 12 коп.) ко второй (36 руб. 91 коп.), к третьей (54 руб. 53 коп.), к четвертой (70 руб. 71 коп.). Средняя на двор 33 руб. 73 коп. Ниже ее показатель первой группы, чуть выше — второй, примерно в полтора раза выше — третьей и в 2 раза выше — четвертой.

О посевах ржи и состоянии животноводства в крестьянском хозяйстве см. *табл. № 4.20* и *4.21*. По высеву озимой ржи в среднем на двор приходится 34,2 четверика, на чел. м.п. — 9,6. Примерно 2 дес. на двор и полудесятины на чел. м.п. В пяти дворах посева не было. Дворовая средняя первой группы ниже общей по имению; в остальных группах показатели выше. Показатели третьей и четвертой групп выше первой примерно в 3 и 3,6 раза. Это же относится к средним на чел. м.п. В первой группе показатель ниже общего; в трех других — выше.

Конкретные сведения о посеве отдельных дворов, приведенные в *табл. № 4.22*, показывают значительную дифференциацию. В первой группе низший высев 4 четверика, во второй — 12, в третьей — 24, в четвертой — 40. По группам возрастает и высший посев: 52, 64, 112, 128 четвериков. Последний показатель выше первого в 2,46 раза.

Табл. № 4.20

Крестьянское хозяйство в арзамасском имении Меншикова А.А. в селе Никитино

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Посевы ржи, четверики
1	106	264	182	133	446	314	810	2158
2	76	285	202	150	606	512	999	2878
3	30	166	145	124	415	268	497	1752
4	12	85	62	58	156	157	211	894
Всего	**224**	**800**	**591**	**468**	**1619**	**1247**	**2517**	**7672**
В среднем на двор	–	3,6	2,6	2,1	7,2	5,6	11,2	34,2
В среднем на человека м.п.	–	–	0,7	0,6	2,0	1,5	3,1	9,6

Табл. № 4.21

Средние показатели крестьянского хозяйства в селе Никитино (1763 г.)

Группа	Поголовье				Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье	свиное		
в среднем на двор						
1	1,7	1,2	4,2	3,0	7,7	20,4
2	2,6	2,0	8,0	6,7	13,1	37,9
3	4,8	4,1	13,8	8,9	16,6	58,4
4	5,2	4,8	13,0	13,1	17,6	73,7
Всего по селу	**2,6**	**2,1**	**7,2**	**5,6**	**11,2**	**34,2**
в среднем на человека м.п.						
1	0,7	0,5	1,7	1,2	3,1	8,2
2	0,7	0,5	2,1	1,8	3,5	10,2
3	0,9	0,7	2,5	1,6	3,0	10,5
4	0,7	0,7	1,8	1,8	2,4	10,3
Всего по селу	**0,7**	**0,6**	**2,0**	**1,5**	**3,1**	**9,6**

Обеспеченность крестьянских дворов лошадьми и коровами не очень высокая. В среднем на двор 2,6 и 2,1. К тому же коров не было в 50 дворах (22,3 %). Лучше обстояло дело с овечьим (7,2) и свиным (5,6) поголовьем, хотя овцы отсутствовали в 25 дворах (11,2 %), а свиньи — в 36 (16,1 %). Кроме кур (11,2 в среднем на двор), другой птицы оказалось мало, и в большинстве дворов гусей, уток, индеек не было. В 17 дворах отмечено 53 гуся, в одном — 2 утки, в четырех — 9 кур индейских.

Средние показатели поголовья скота на двор первой группы ниже общей для всего имения. Средние показатели других групп совпадают или выше. Показатели в среднем на чел. м.п. близки между собой и по отношению к общим.

Табл. № 4.22

Посевы ржи (четверики) в крестьянских дворах в селе Никитино (1763 г.)

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																													
						4	6	8	12	14	16	18	20	22	24	26	28	32	36	38	40	48	50	52	56	60	64	72	80	84	92	96	112	120	128
1	106	4	102	2158	4-52	2	1	8	14	1	17	2	3	1	32	2	4	6	3	–	2	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	76	1	75	2878	12-64	–	–	–	1	–	1	–	2	–	14	–	2	7	9	2	9	16	1	3	6	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
3	30	–	30	1752	24-112	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	3	–	–	3	6	–	1	2	4	1	4	1	1	2	–	1	–	–
4	12	–	12	894	40-128	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	3	–	–	1	–	2	–	1	–	1	1	–	1	1
Всего дворов	**224**	**5**	**219**	–	–	**2**	**1**	**8**	**15**	**1**	**18**	**2**	**5**	**1**	**47**	**2**	**6**	**16**	**12**	**2**	**15**	**28**	**1**	**5**	**9**	**5**	**4**	**4**	**2**	**1**	**3**	**1**	**1**	**1**	**1**

Конкретные данные о поголовье по отдельным дворам (*табл. № 4.23*) показывают, что в третьей и четвертой группах крестьяне имели от 2 до 10 лошадей (первая и вторая группы — 1—6). Во дворах первой и второй групп число коров доходило в основном до 7, а в других группах — до 14. По овцам и свиньям к показателям третьей и четвертой групп приблизилась вторая, а первая продолжала отставать.

У Меншикова вместе с арзамасским имением отобрали *безусадебное владение — село Троицкое, Мещаны тож Рудневского стана Саранского уезда*. Крестьяне вносили денежный оброк — с тягла 50 коп., но число тягол не указано. В книге от января 1764 г. описание крестьянских дворов включает состав населения с указанием возраста и цены каждого человека об.п., перечень дворовых построек с их ценой, поголовье скота с указанием стоимости, размер в четвертях и четвериках посеянной в земле ржи озимой. На январь 1764 г. дано количество в гумне стоячего хлеба (ржи, пшеницы, гречи, полбы) с пояснением веса после предстоящего умолота. Последний показатель по ржи имеется для 42 дворов из 58. Вес пшеницы указан для 11 дворов, овса — для четырех, полбы — для восьми, гречи — для одного. Вес обмолоченного зерна в наличии отмечен только по 13 дворам. Показатели по зерну очень неполны и для подсчетов непригодны.

В имении значителен слой обедневших дворов (17 из 58). К ним относятся в основном беспосевные (16) и безлошадные (14). Среди них 5 дворов без мужчин в возрасте от 15 до 65 лет (в двух из них имелось по одной лошади, в одном — посев ржи 8 четвериков). Среди остальных 12 дворов даже продуктивный скот отмечен только в трех. Приходится исключить их при рассмотрении крестьянских хозяйств.

Общая стоимость населения об.п. в 41 дворе — 1797 руб. 31 коп. В среднем на двор — 43 руб. 83 коп. Цена людей м.п. — 1480 руб. 44 коп. (82,4 %). В среднем на двор — 36 руб. 10 коп. Стоимость работников м.п. — 1207 руб. 44 коп. В среднем на двор 29 руб. 44 коп. Это составляет 81,5 % от стоимости всего населения м.п.

Разница в ценах на одного человека велика. Так, высшая цена взрослого мужчины — 20—30 руб., встречается обычно в возрасте от 19 до 50 лет. Для этой же возрастной группы (до 60 лет) часты цены 5, 8, 10, 15, 18, 20, 25 руб. Цены для лиц от 61 до 69

Табл. № 4.23

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Никитино (1763 г.)

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем																			
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	13	14	15	17	18	19	20	25	30
лошади																									
1	106	12	94	162	1-5	39	31	16	7	1	–	–	–	–	–										
2	76	4	72	202	1-6	8	26	18	14	4	2	–	–	–	–										
3	30	–	30	145	2-10	–	3	7	4	7	3	2	2	1	1										
4	12	–	12	62	2-10	–	1	2	2	2	3	–	1	–	1										
Всего дворов	**224**	**16**	**208**	–	–	**47**	**61**	**43**	**27**	**14**	**8**	**2**	**3**	**1**	**2**										
коровы																									
1	106	36	70	133	1-7	37	19	6	3	3	1	1	–	–	–	–	–	–							
2	76	13	63	154	1-10	24	22	3	4	4	4	1	–	–	1	–	–	–							
3	30	1	29	124	1-14	3	6	5	6	1	2	2	2	1	–	–	–	–							
4	12	–	12	58	2-9	–	3	3	–	1	2	2	–	1	–	–	–	1							
Всего дворов	**224**	**50**	**174**	–	–	**64**	**50**	**17**	**13**	**9**	**9**	**6**	**2**	**2**	**1**	–	–	**1**							
овцы																									
1	106	18	88	446	1-12	6	16	12	8	16	6	2	4	1	15	2	–	–	–	–	–	–	–	–	
2	76	5	71	606	1-20	2	2	1	5	7	9	7	8	1	17	3	2	–	2	–	–	–	5	–	–
3	30	2	28	415	4-30	–	–	–	3	–	–	–	1	–	8	3	–	–	2	2	–	–	4	3	2
4	12	–	12	156	10-20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	1	–	–	3	–	–	1	1	–	–
Всего дворов	**224**	**25**	**199**	–	–	**8**	**18**	**13**	**16**	**23**	**15**	**9**	**13**	**2**	**46**	**9**	**2**	–	**7**	**2**	–	**1**	**10**	**3**	**2**
свиньи																									
1	106	32	74	314	1-10	12	10	16	6	4	13	2	5	2	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	76	8	68	512	1-30	2	4	2	6	10	14	5	4	3	11	–	–	–	4	–	–	–	2	–	–	1
3	30	–	30	268	1-20	1	3	4	–	1	1	–	4	–	9	1	1	1	–	–	1	1	2	–	–	–
4	12	–	12	157	5-20	–	–	–	–	1	–	–	–	–	5	1	–	–	2	–	–	–	3	–	–	–
Всего дворов	**224**	**40**	**184**	–	–	**15**	**17**	**22**	**12**	**16**	**28**	**7**	**13**	**5**	**29**	**2**	**1**	**1**	**6**	–	**1**	**1**	**7**	–	–	**1**

Табл. № 4.24

Крестьянское население в саранском имении Меншикова А.А.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	25	61,0	133	46,7	5,3	65	43,3	2,6	25	36,2	1,0	15	10	–
2	9	21,9	71	24,9	7,9	37	24,7	4,1	18	26,1	2,0	1	7	1
3	7	17,1	81	28,4	11,6	48	32,0	6,8	26	37,7	3,7	–	5	2
Всего	**41**	**100,0**	**285**	**100,0**	**6,9**	**150**	**100,0**	**3,6**	**69**	**100,0**	**1,7**	**16**	**22**	**3**

Табл. № 4.25

Крестьянское хозяйство в саранском имении Меншикова А.А.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.		Лошади		Коровы		Овцы		Свиньи		Куры		Общая цена, руб.	Посевы ржи, четверики	Постройки	
		кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.			кол-во	цена, руб.
1	25	65	584,86	38	86,06	20	29,00	103	17,17	80	20,12	244	4,85	152,73	273	68	128,89
2	9	37	378,35	23	60,60	18	20,25	76	12,99	50	13,15	145	2,90	112,72	160	33	70,41
3	7	48	517,23	21	54,85	16	26,66	65	13,35	45	11,50	130	2,60	109,47	160	23	47,87
Всего	**41**	**150**	**1480,44**	**82**	**201,51**	**54**	**75,91**	**244**	**43,51**	**175**	**44,75**	**519**	**10,35**	**374,92**	**593**	**124**	**252,67**
В среднем на двор	–	3,8	36,10	2,0	4,91	1,3	1,85	5,9	1,06	4,3	1,09	12,6	0,25	9,14	14,5	3,0	6,16
В среднем на человека м.п.	–	–	–	0,5	–	0,4	–	1,6	–	1,2	–	3,5	–	–	3,9	–	–

Табл. № 4.26

Средние показатели крестьянского хозяйства в саранском имении Меншикова А.А.

Группа	Поголовье				Куры	Посевы ржи, четверики
	конское	коровье	овечье	свиное		
	в среднем на двор					
1	1,5	0,8	4,1	3,2	9,8	10,9
2	2,5	2,0	8,4	5,5	16,1	17,8
3	3,0	2,3	9,3	6,4	18,6	22,8
Всего по имению	**2,0**	**1,3**	**5,9**	**4,3**	**12,6**	**14,5**
	в среднем на человека м.п.					
1	0,6	0,3	1,6	1,2	3,7	4,2
2	0,6	0,5	2,0	1,3	3,9	4,3
3	0,4	0,3	1,3	0,9	2,7	3,3
Всего по имению	**0,5**	**0,4**	**1,6**	**1,2**	**3,5**	**3,9**

лет — от 1 руб. 50 коп. до 10 руб., от 70 до 90 лет — от 90 коп. до 4 руб. (для дряхлых и слепых — 50 коп.).

Дети до 3 лет имеют цену 1—4 руб., от 4 до 9 лет — 1 руб. 50 коп. — 5 руб., 10—11 лет — от 3 до 12 руб.

Самая высокая цена женщины — 5—6 руб. Цена эта чаще указана для возраста от 17 до 50 лет, наряду с ценами 2—4 руб. Цены девочек лишь изредка достигали 3 руб., а обычные — до 2 руб. После 50 лет цены — 1—1 руб. 50 коп. и меньше.

Как видно в сравнении с данными по арзамасскому селу Никитино, здесь цены выше, а амплитуда их колебаний более заметна.

Деление дворов (41) по числу взрослых работников м.п. дает три группы (*см. табл. 4.24*). К первой относятся 25 дворов с одним работником (61 %), ко второй — 9 с двумя работниками (21,9 %). Пять дворов с тремя взрослыми м.п. и два двора — с 5—6 чел. составили третью группу (17,1 %). По хозяйственным показателям эти дворы близки друг к другу. Сами взрослые работники (их 69) так распределяются по группам: 25 чел. (36,2 %), 18 чел. (26, 1 %), 26 чел. (37,7 %). Больше всего их во дворах третьей группы. Среди семей первое место занимают неразделенные отцовские.

Рассмотрим зерновую отрасль крестьянского хозяйства. К началу года у дворов первой группы было обмолочено ржи 412 четвериков, у второй — 328, третьей — 320. Соотношение стоимости ржи: 19 руб. 70 коп., 12 руб. 18 коп., 19 руб. 25 коп. В среднем цена четверика 4,8 коп., 3,7 коп., 6 коп. Очевидно, качество зерна во дворах третьей группы оценено выше.

Полнее данные о посевах озимой ржи (*табл. № 4.25*). В среднем на дворе высев 14,5 четвериков ржи, на душу м.п. — 3,9 (*табл. № 4.26*). Средняя на двор первой группы ниже общей, средняя других групп — выше. Причем, средняя третьей группы выше первой почти в 2 раза. Средние душевые показатели иные. У дворов первой и второй групп они выше, у третьей — ниже общей по имению.

Посев ржи на каждый двор первой группы значился от одного до 32 чет-

Табл. № 4.27

Посевы ржи (четверики) в крестьянских дворах в саранском имении Меншикова А.А. (1764 г.)

Группы	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом										
						1	4	8	12	16	24	32	40	48		
1	25	2	23	273	1-32	1	6	7	4	3	–	2	–	–		
2	9	–	9	160	8-40	–	–	2	2	2	2	–	1	–		
3	7	–	7	160	8-48	–	–	1	2	–	2	1	–	1		
Всего дворов	**41**	**2**	**39**	**–**	**–**	**1**	**6**	**10**	**8**	**5**	**4**	**3**	**1**	**1**		

Табл. № 4.28

Поголовье скота в крестьянских дворах в саранском имении Меншикова А.А.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем										
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	15	20
					лошади														
1	25	2	23	38	1-4	13	6	3	1	–	–	–							
2	9	–	9	23	1-7	4	2	–	2	–	–	1							
3	7	–	7	21	1-4	1	–	4	2	–	–	–							
Всего дворов	**41**	**2**	**39**	**–**	**–**	**18**	**8**	**7**	**5**	**–**	**–**	**1**							
					коровы														
1	25	11	14	20	1-5	11	2	–	–	1	–	–							
2	9	2	7	18	1-6	3	2	–	–	1	1	–							
3	7	–	7	16	1-5	2	3	1	–	1	–	–							
Всего дворов	**41**	**13**	**28**	**–**	**–**	**16**	**7**	**1**	**–**	**3**	**1**								
					овцы														
1	25	4	21	103	2-10	–	4	4	2	5	1	1	1	2	–	–	–	–	
2	9	1	8	76	2-30	–	1	1	–	2	1	–	–	1	1	–	–	1	
3	7	–	7	65	3-15	–	–	1	–	1	–	–	2	1	–	1	–	–	
Всего дворов	**41**	**5**	**36**	**–**	**–**	**–**	**5**	**6**	**2**	**7**	**2**	**1**	**3**	**4**	**1**	**1**	**–**	**1**	
					свиньи														
1	25	5	20	80	1-12	4	2	3	4	3	1	2	–	–	–	–	–	–	
2	9	–	9	50	2-12	–	1	–	2	4	–	–	1	–	–	–	1	–	
3	7	1	6	45	4-12	–	–	–	2	–	1	–	–	1	1	1	–	–	
Всего дворов	**41**	**6**	**35**	**–**	**–**	**4**	**3**	**3**	**8**	**7**	**2**	**2**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**3**

вериков, во второй — от 8 до 40 четвериков, в третьей — от 8 до 48 четвериков (*табл. № 4.27*). Причем, во второй и третьей группах показатель 8 четвериков приходится только на 3 двора из 16, а в первой высев до 8 включительно указан для 14 дворов из 23. В целом дифференциация дворов по посевам озимой ржи проявляется довольно отчетливо.

Средние показатели на двор конского поголовья (2,0), овечьего (5,9) и свиного (4,3) удовлетворительны. Бросается в глаза слабая обеспеченность коровами (1,3). В 13 дворах их не было. Козы (8) значатся только в четырех дворах (цена 3 руб. 34 коп.). Значителен показатель кур. Гуси были лишь в шести дворах, индейки — в трех, уток не было совсем.

Средняя величина поголовья скота и птицы на двор у первой группы ниже общей по имению, у второй и третьей — выше (*табл. № 4.26*). Средние душевые показатели наиболее благополучны у второй группы. А самые низкие у дворов третьей группы.

Конкретные данные о скоте по отдельным дворам (*табл. № 4.28*) показывают, что его наибольшая численность отмечена у дворов второй группы. А в целом распределение более-менее равномерное.

Рассмотрим усредненные цены на скот. Цена одной лошади в целом по имению — 2 руб. 45 коп., по группам — 2 руб. 26 коп.; 2 руб. 63 коп.; 2 руб. 61 коп. Первая группа — ниже общей, другие — выше. Цена одной коровы по имению 1 руб. 38 коп., по группам — 1 руб. 45 коп., 1 руб. 12 коп., 1 руб. 62 коп. Здесь низший показатель по второй группе. Цена одной овцы — 17 коп.; по группам — 16 коп., 17 коп., 20 коп. Ниже общего показателя средняя по первой группе. Цена одной свиньи — 25 коп.; по группам — 25 коп.; 26 коп., 25 коп. Как видно, показатели близки и лишь во второй группе — чуть выше. Усредненные цены в основном свидетельствуют о более высоком качестве скота по дворах третьей группы.

Конкретная цена одной лошади колеблется в основном от 1 руб. 20 коп. до 3 руб., одной коровы — от 1 до 2 руб.

В селе практически не было пчеловодства. Ульи (35) находились в одном дворе (цена 70 руб.). В этом дворе с двумя работниками (7 чел. м.п.) отмечено больше всего лошадей (7), коров (6) и овец (30), а также 5 коз; посев ржи 40 четвериков.

Всего в селе Троицком в 41 крестьянском дворе насчитывалось 124 постройки (избы, сени, клети, бани, амбары, сенницы и др.). Их стоимость по оценке крестьян — 252 руб. 67 коп. В среднем на двор приходилось 3 постройки ценой 6 руб. 16 коп. Возрастание цен косвенно свидетельствует, что в первой группе многие постройки находились в ветхом состоянии, а постройки в других группах по качеству были лучше.

Избы жилые бревенные липовые имеют стоимость от 1,5 до 10 руб. (ветхие — от 50 коп. до 1 $^1/_2$ руб.). Чаще встречаются цены от 2 до 8 руб. Изба с подклетом (8 руб.) имелась только в одном дворе. Заметной разницы в ценах на избы по группам не видно. Сени липовые пластинные оцениваются низко (30—45 коп., ветхие — 10—15 коп.). Клети строились из липы и очень редко из осины. Их цена — от 80 коп. до 2 руб. во дворах первой группы, 2—4 руб. — второй группы, 3—4 руб. — третьей группы. Единственная клеть

с подклетом стоила 5 руб. Ветхие клети имели обычно цену не выше 1 руб. Бани делали из липы (одна — из дуба). Стоимость — 1 $^1/_2$ руб. — 2 руб. Ветхие оценивались в основном от 30 коп. до 1 руб. Все бани во дворах первой группы ветхие. Во второй группе их тоже много. Амбары все липовые, только один — осиновый. Их стоимость — 1 $^1/_2$ — 3 $^1/_2$ руб. Стоимость липовых сенниц от 40 коп. до 1 руб. 50 коп., но в основном — до 1 руб. Пристены имели цену от 10—25 коп., погребицы ветхие — 15—40 коп.

Как правило, крестьянские дворы огораживались тыном, редко — плетнем или заметом.

В сентябре 1768 г. у *действительного камергера Сергея Васильевича Салтыкова отобрали имение в Опольском стане Суздальского уезда* за неплатеж еще в феврале 1764 г. занятых в банке 20 тыс. руб. В марте 1788 г. указано оставить имение в прежнем владении. Усадьба Быково при реке Нерли располагалась «около города». На помещиковом дворе, огороженном «мелким осинником» ценой 1 руб., стояли 2 светлицы, построенные «через сени» в одной связи из елового леса (9 × 3 саж.) ценой 15 руб. В них 2 печи кирпичные, выбеленные известью, с трубами (цены 2 и 1 руб.). В 6 окнах окончины зеленого стекла в дереве замазанные, ветхие ценой 2 руб. Двери (2) сосновые «простой работы» по 20 коп. каждая. Хоромы крыты дранью. Ветхая мебель «простой работы» (стол, постав, кровать) оценена в 55 коп.

На дворе отмечены ветхая сосновая скотная изба и сени 5 × 3 саж. с кирпичной печью, общая цена 3 руб.; 3 сарая ветхие, крытые соломой и дранью, стоимостью 3 руб.; 5 житниц сосновых, крытых соломой, ценой 3 руб. 50 коп., из них 2 житницы построены в одной связи с перегородкой. Вне двора находился погреб с напогребицей, крытый соломой, ценой 2 руб. Сад с «вишенными» деревьями (20 × 20 саж.) располагался позади двора, его цена — 2 руб.

Господского имущества, скота, зерна в усадьбе не было. В ней проживала вдова-дворяница с сыном 16 и дочерью 9 лет «на содержании крестьянском, а от помещика ничего не дается».

Крестьяне платили «годовых доходов» 500 руб. Хлеб и столовые запасы с них не взимали. Отмечено отсутствие доимки за прошлые годы. За текущий год оброк еще не был внесен. В среднем двор уплачивал по 6 руб. 49 коп. (2 руб. 9 коп. — с чел. м.п.).

Подворная опись имения С. В. Салтыкова состоит из следующих показателей: население об.п. с указанием возраста и цены каждого, поголовье скота (лошади, коровы, овцы) и птицы (куры русские), высев ржи, пшеницы и овса («сеют всякого хлеба про домовой свой обиход») в четвертях и четвериках.

В имении С. В. Салтыкова в селе Быково и в четырех деревнях всего насчитывалось 85 крестьянских дворов. Из подсчетов приходится исключить 8 дворов, в том числе 7 дворов, в которых не значилось взрослых м.п. от 15 до 65 лет. Половина дворов (4) не имели посевов зерновых, другие высевали ржи немного (16—20 четвериков). У жителей беспосевных дворов скота не было. В имении отмечены бобыль (20 лет) и бобылка (60 лет) с дочерью. У них «своего дому не имеется», а «жительство имеют... у крестьян».

Остальные 77 дворов разделены на четыре группы (*табл. № 4.29*). В имении 142 работника м.п. В первой с одним работником оказалась почти половина дворов (36 — 46,7 %), во второй — почти треть (25 — 32,5 %), в третьей — намного меньше (11 — 14,3 %). Совсем мало выявлено дворов (3) с четырьмя, пятью, шестью работниками (5—6,5 %). Доля взрослых работников во второй группе — наибольшая (35,2 %). Показатели первой и третьей групп примерно одинаковы. Доля четвертой группы наименьшая (16,2 %).

Соотношение малых и неразделенных семей почти равное. Преобладали малые только в первой группе. Заметно значительное количество отцовских и небольшое — братских.

Обратимся к возрастному составу крестьянского населения (*табл. № 4.30*). В 77 дворах описание зафиксировало 508 людей об.п. в возрасте от младенцев, не достигших одного года, до престарелых — 90 лет. До 10 лет численность мальчиков и девочек примерно одинакова (71 и 77), в возрасте 11—14 лет расхождение больше (12 и 22). С 15 до 29 лет отмечено равное число людей об.п. В целом до 14 лет включительно доля лиц об.п. — более трети (182 — 35,9 %). Численность и мужчин, и женщин увеличивается для возрастов 30; 35; 40; 45; 50 и 60 лет. Возможно, это связано с приблизительным определением возраста крестьянами. Свыше 65 лет количество и мужчин, и женщин почти одинаково (16 и 15). Доля старших об.п. 6,1 % (31 чел.). От 15 до 65 лет мужчин 140 чел. (58,6 %), женщин 155 чел. (57,6 %).

Очевидно, стоимость людей записывалась со слов самих крестьян. Об этом свидетельствуют заметные колебания цен для людей одного возраста, что зависело от их физического состояния. Высшая цена мужчины зрелого возраста — 35 руб. Цена 10—15 руб. проставлялась для м.п. в 12—15 лет, 20—25 руб. — для 16-летних и старше. С 19 лет появлялась цена в 30 руб. (наряду с ценами в 20—25 руб.). Она ставилась до 45-летнего возраста, затем, к 50 годам, ее снижали до 10, 15, 20 руб. Цена мужчин 60 лет в основном — 5—8 руб., 65 лет — 5—15 руб., 70—75 лет — 2—3 руб., хотя изредка встречаются показатели 5, 8 и даже 15, 20 руб. Цена 80-летних — 5—10 руб., 90-летних — 1—2 руб.

Для женщин высший показатель — 10 руб. Он указан для женщин с 22 до 54 лет, но в основном до 40 лет. Цена 5—8 руб. проставлялась с 16 лет. До 60 лет нередко стоимость женщины — 4—5 руб., старше — 2—3 руб.

Основным занятием крестьян было зерновое земледелие (*табл. № 4.31*). Все 77 дворов высевали 3008 четвериков ржи (39,1 из двор), 1344 четверика пшеницы (17,4), 1388 четвериков овса (18,0). Овес не сеяли 13 дворов (16,8 %). По посевам ржи на первом месте дворы второй группы (34,2 %), затем — первой (30,6 %). Дворы третьей и четвертой групп сеяли почти вдвое меньше (17,8 % и 17,4 %).

Средние подворные данные дают иную картину (*табл. № 4.32*). Показатель второй группы (41,1) немного превосходит общий по имению. Показатель первой (25,5) ниже общего, третьей (48,7) выше примерно на 8—9 четвериков. Дворы четвертой группы (104,8) почти втрое превосходят общую среднюю. У них же наивысший показатель по пшенице и овсу. У всех других групп он ниже общего.

Табл. № 4.29

Крестьянское население в суздальском имении Салтыкова С.В.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.		Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные отцовские	неразделенные братские
1	36	46,7	181	35,6	5,0	78	32,7	36	25,4	1,0	27	8	1
2	25	32,5	162	32,0	6,5	73	30,5	50	35,2	2,0	9	14	2
3	11	14,3	90	17,7	8,2	49	20,5	33	23,2	3,0	1	9	1
4	5	6,5	75	14,7	15,0	39	16,3	23	16,2	4,6	1	4	-
Всего	77	100,0	508	100,0	6,6	239	100,0	142	100,0	1,8	38	35	4

Табл. № 4.30

Возраст крестьянского населения в суздальском имении Салтыкова С.В.

Возраст, лет	Люди м.п.			Люди ж.п.			Всего		
1-10	71		34,7	77		36,8	148		35,9
11-14	12			22			34		
15-19	20		56,6	25		57,6	45		56,0
20-29	41			43			84		
30-39	35			35			60		
40-49	16			22			40		
50-59	17			20			37		
60-69	19			10			29		
66-69	-			1			1		
70-79	7		8,7	5		5,6	12		6,1
80-89	5			8			13		
90	4			1			5		
Всего	239		100,0	269		100,0	508		100,0

Табл. № 4.31

Крестьянское хозяйство в суздальском имении Салтыкова С.В.

Группа	Дворы	Крестьяне об.п.		Крестьяне м.п.		Взрослые м.п.		Лошади		Коровы	Овцы	Куры	Посевы, четверики			
		кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	%				рожь кол-во	%	пшеница	овес
1	36	181	1317,25	76	973,75	36	818,00	68	30,2	97	128	208	920	35,6	198	328
2	25	162	1569,50	73	1147,00	50	1047,00	76	33,9	97	109	179	1028	34,2	938	868
3	11	90	828,50	49	668,50	33	621,00	44	19,5	55	53	103	536	17,8	116	264
4	5	75	738,50	39	562,50	23	492,00	37	16,4	39	42	64	524	17,4	92	378
Всего	77	508	4453,75	239	3351,75	142	2978,00	225	100,0	288	332	554	3008	100,0	1344	1388
В среднем на двор	-	6,6	57,84	3,1	43,52	1,8	38,67	2,9	-	3,7	4,3	7,2	39,1	-	17,4	18,0
В среднем на человека м.п.	-	-	-	-	-	-	-	0,9	-	1,2	1,4	2,3	12,6	-	5,6	5,8

Средние показатели крестьянского хозяйства в суздальском имении Салтыкова С.В.

Табл. № 4.32

Группа	Поголовье			Куры	Посевы, четверики		
	конские	коровье	овечье		рожь	пшеница	овес
	в среднем на двор						
1	1,9	2,7	3,5	5,8	25,5	5,5	9,1
2	3,0	3,9	4,4	7,2	41,1	9,5	18,7
3	4,0	5,0	4,8	9,4	48,7	10,5	24,0
4	7,4	7,8	8,4	12,8	104,8	18,4	65,6
Всего по имению	2,9	3,7	4,3	7,2	39,1	17,4	18,0
	в среднем на человека м.п.						
1	0,8	1,2	1,6	2,7	11,8	2,5	4,2
2	1,0	1,3	1,5	2,4	14,1	3,3	6,4
3	0,9	1,1	1,1	2,1	10,9	2,4	5,4
4	0,9	1,0	1,1	1,6	13,4	2,3	8,4
Всего по имению	0,9	1,2	1,4	2,3	12,6	5,6	5,8

Иное соотношение по средним на душу м.п. Здесь по посеву ржи и овса впереди дворы второй группы. Лишь высев овса выводит на первое место четвертую.

Конкретные данные высева зерновых по каждому двору (*табл. № 4.33*) подтверждают средние показатели. Дворы первой группы высевали ржи от 16 до 48 четвериков (в основном по 24 четверика). Верхняя грань по второй группе поднимается до 56 (в основном 32 и 48), по третьей — до 72, по четвертой — до 140. То же наблюдаем по пшенице и овсу.

Показатели конского поголовья (*табл. № 4.32*) кажутся удовлетворительными (2,9 на двор, 0,9 — на чел. м.п.). По коровьему поголовью они еще выше (3,7 и 1,2). То же по овечьему. По группам средние вносят коррективы. Показатель по лошадям первой группы (1,9) ниже общего, показатель второй (3,0) равен общему. Показатель третьей (4,0) и особенно четвертой (7,4) — намного выше усредненного по имению. Такая же картина наблюдается по коровам и овцам.

Средние на душу м.п. в группах по лошадям близки друг к другу. Сходны они и по коровьему поголовью. Лишь по овцам дворы первой и второй групп выше показателей третьей и четвертой групп. Последние даже ниже общего по имению, что встречается очень редко.

Конкретные данные о поголовье по каждому двору (*табл. № 4.34*) показывают его возрастание от первой к четвертой группе. В то же время и в некоторых дворах третьей и четвертой групп встречаются низкие показатели, особенно по овцам.

В июле—августе 1774 г. за неплатеж взятой в 1772 г. банковской ссуды 1800 руб. *кавалергардом поручиком Федором Федоровичем Зубовым описано имение его отца статского советника Федора Ильича Зубова*. Усадьбы в нем не было. В Новосельской волости *Вологодского уезда в селе Новое Никольское* и в шести деревнях располагались 45 крестьянских дворов (244 чел. об.п., в том числе 140 чел. м.п.). Составители описания оценили крестьянское население в 1810 руб. 56 коп. Подворная опись включила данные о численности жителей с указанием возраста и цены каждого, о поголовье скота (лошади, коровы, овцы) и его стоимости, о постройках крестьянских дворов и их стоимости.

Цены на чел. м.п. одного возраста значительно колеблются. Видимо, лучше ориентироваться на высший показатель для каждого возраста. Цена 1 руб. появляется для детей 3 лет; 2 руб. — 4 лет; 3 руб. — 5—6 лет; 4 руб. — 7 лет; 5 руб. — 8—9 лет; 6 руб. — 10—13 лет. Юноши 15—16 лет получают цену до 12 руб., имеющие возраст от 17 до 23 лет оценивались в 10—16 руб. Самая высокая цена (20 руб.) отмечена для людей 25 лет. У 30—35-летних она снижается до 12—15 руб. Мужчины 40—50 лет имеют цену от 4 до 10 руб., 60 лет — 4—5 руб., 70 лет — 1—2 руб. Единственному человеку, дожившему до 80 лет, дана цена 5 коп.

Население ж.п. отмечено в имении с 3 до 80 лет. С 5-летнего возраста появляется цена 1 руб., с 8 лет — 2 руб. Девушки 12—13 лет и до 19 получали цену до 4 руб. Женщины 20—35 лет отмечены самой высокой ценой в 5 руб. Для 40-летних она понижается до 4 руб. Цены, проставленные для женщин 50, 60, 70 лет — 5—10 коп.

Табл. № 4.33

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в имении Салтыкова С.В.

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																				
						2	3	4	5	6	8	12	16	20	24	32	40	48	52	56	64	72	80	96	120	140
рожь																										
1	36	–	36	920	16-48								10	–	14	8	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–
2	25	–	25	1028	24-56								–	–	1	8	4	10	1	1	–	–	–	–	–	–
3	11	–	11	536	40-72								–	–	–	–	4	4	2	–	–	1	–	–	–	–
4	5	–	5	524	64-140								–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	2	1
Всего дворов	**77**	**–**	**77**	**–**	**–**								**10**	**–**	**15**	**16**	**11**	**15**	**3**	**1**	**1**	**1**	**1**	**–**	**2**	**1**
пшеница																										
1	36	1	35	198	2-12	1	3	17	1	1	9	3	–	–	–											
2	25	–	25	938	2-24	1	–	2	–	–	15	3	3	–	1											
3	11	–	11	116	8-16	–	–	–	–	–	6	3	2	–	–											
4	5	–	5	92	16-24	–	–	–	–	–	–	–	3	1	1											
Всего дворов	**77**	**1**	**76**	**–**	**–**	**2**	**3**	**19**	**1**	**1**	**30**	**9**	**8**	**1**	**2**											
овес																										
1	36	10	26	328	8-24						8	10	6	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
2	25	3	22	468	12-32						–	3	4	4	8	3	–	–	–	–	–	–	–	–		
3	11	–	11	264	16-32						–	–	3	–	5	3	–	–	–	–	–	–	–	–		
4	5	–	5	328	40-96						–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	1	1	1		
Всего дворов	**77**	**13**	**64**	**–**	**–**						**8**	**13**	**13**	**4**	**15**	**6**	**2**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**1**		

Табл. № 4.34

Поголовье скота в крестьянских дворах в суздальском имении Салтыкова С.В.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с посевом											
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	15
лошади																	
1	36	–	36	68	1-4	13	16	5	2	–	–	–	–	–	–		
2	25	–	25	76	1-5	1	6	10	7	1	–	–	–	–	–		
3	11	–	11	44	2-5	–	1	2	4	4	–	–	–	–	–		
4	5	–	5	37	4-10	–	–	–	1	1	–	–	–	2	1		
Всего дворов	**77**	**–**	**77**	**–**	**–**	**14**	**23**	**17**	**14**	**6**	**–**	**–**	**–**	**2**	**1**		
коровы																	
1	36	1	35	97	1-7	4	11	13	5	1	–	1	–	–	–	–	
2	25	–	25	97	1-8	1	3	7	4	9	–	–	1	–	–	–	
3	11	–	11	55	3-9	–	–	3	2	1	4	–	–	1	–	–	
4	5	–	5	39	4-12	–	–	–	1	–	1	–	1	1	–	1	
Всего дворов	**77**	**1**	**76**	**–**	**–**	**5**	**14**	**23**	**12**	**11**	**5**	**1**	**2**	**2**	**–**	**1**	
овцы																	
1	36	1	35	128	1-8	5	7	6	4	8	2	1	2	–	–	–	–
2	25	–	25	109	1-10	2	4	5	3	4	2	2	2	–	1	–	–
3	11	–	11	53	1-10	1	1	3	1	1	–	2	1	–	1	–	–
4	5	–	5	42	2-15	–	1	–	1	–	–	–	–	1	–	1	1
Всего дворов	**77**	**1**	**76**	**–**	**–**	**8**	**13**	**14**	**9**	**13**	**4**	**5**	**5**	**1**	**2**	**1**	**1**

По числу взрослых работников м.п. дворы распределены по трем группам (см. *табл. № 4.35*). В первую, с одним взрослым, вошел 21 двор, во вторую, с двумя работниками, — 18 дворов, в третью, с тремя-четырьмя работниками, — 6 дворов (в пяти дворах по 3 чел., в одном — 4). Люди м.п. в группах составили 43 чел. (30,7 %), 67 чел. (47,9 %), 30 чел. (21,4 %). Взрослые работники (76 чел.) разделились так: 21 чел. (27,6 %), 36 чел. (47,4 %), 19 чел. (25,0 %). По всем показателям доля первой группы понижается, доля второй изменяется мало, а доля третьей — возрастает. В целом по селу преобладает малая семья. Неразделенных — одна треть.

Имение находилось вблизи Кубенского озера и имело хорошие сенокосные угодья (119 копен). По этой причине у крестьян довольно много коров (в среднем на двор 5,1 голов) и овец (6,9), однако лошадей было мало (1,3) (*табл. №№ 4.36, 4.37*). По первой группе средний показатель на двор меньше средней величины по имению в целом, а у других групп он выше. Средние для чел. м.п. выглядят иначе. Они близки к общему показателю. Лишь у третьей группы по лошадям и коровам средние ниже.

Общая стоимость крестьянского скота составила 377 руб. 65 коп. На каждый двор приходится в первой группе 6 руб. 30 коп., во второй — 9 руб. 90 коп., в третьей — 11 руб. 16 коп.

Распределение по дворам конского поголовья в группах равномерное (*табл. № 4.38*), 1—3 головы на двор. Иначе обстоит положение с коровами и овцами. Во дворах первой группы в основном 1—3 головы, второй — 4—10, третьей — 5—8 коров. По овцам показатели в первой и третьей группах сходны (2—10), а в третьей — выше (4—25).

В описании указаны цены на скот. Средняя по дворам первой группы цена одной лошади 1 руб. 36 коп., второй — 1 руб. 53 коп., третьей — 1 руб. 44 коп. Конкретные цены для дворов с одной головой — 30 коп.; 50 коп.; 1 руб.; 1 руб. 50 коп.; 2 руб.; 3 руб. Наиболее часто встречаются цены в 50 коп., 1 руб., 2 руб. Средняя для коровьего поголовья по группам — 82 коп., 70 коп., 80 коп. Для дворов с одной коровой указаны цены 50 коп.

Табл. № 4.35

Крестьянское население в вологодском имении Зубова Ф.И.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	21	46,7	79	32,4	3,8	43	30,7	2,0	21	27,6	1,0	20	1	-
2	18	40,0	113	46,3	6,3	67	47,9	3,7	36	47,4	2,0	9	6	3
3	6	13,3	52	21,3	8,7	30	21,4	5,0	19	25,0	3,2	3	2	1
Всего	45	100,0	244	100,0	5,4	140	100,0	3,1	76	100,0	1,7	32	9	4

Табл. № 4.36

Крестьянское хозяйство в вологодском имении Зубова Ф.И.

Группа	Дворы	Крестьяне м.п.	Лошади		Коровы		Овцы		Цена скота, руб.	Цена дворовых построек, руб.
			кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.		
1	21	43	23	31,50	67	54,95	100	46,00	132,45	58,70
2	18	67	27	41,50	125	88,50	142	48,20	178,20	78,10
3	6	30	9	13,00	40	32,00	67	22,00	67,00	23,35
Всего	**45**	**140**	**59**	**86,00**	**232**	**175,45**	**309**	**116,20**	**377,65**	**160,15**
В среднем на двор	-	3,1	1,3	1,91	5,1	3,89	6,9	2,58	8,39	3,55
В среднем на человека м.п.	-	-	0,4	-	1,6	-	2,2	-	-	-

Табл. № 4.37

Средние показатели крестьянского хозяйства в вологодском имении Зубова Ф.И.

Группа	Поголовье								Цена скота, руб.		Цена дворовых построек, руб.
	конское		коровье		овечье						
	кол-во	цена	кол-во	цена	кол-во	цена					
	в среднем на двор										
1	1,1	1,50	3,2	2,61	4,8	2,19			6,30		2,79
2	1,5	2,30	6,9	4,91	7,9	2,67			9,90		4,33
3	1,5	2,16	6,7	5,33	11,2	3,66			11,16		3,99
Всего по имению	1,3	1,91	5,1	3,89	6,9	2,58			8,39		3,55
в среднем на человека м.п.											
1	0,5		1,5		2,3						
2	0,4		1,9		2,1						
3	0,3		1,3		2,2						
Всего по имению	0,4		1,6		2,2						

Табл. № 4.38

Поголовье скота в крестьянских дворах в вологодских имениях Зубова Ф.И.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем													
						1	2	3	4	5	6	7	8	10	12	13	15	20	25
лошади																			
1	21	–	21	23	1-2	19	2	–											
2	18	–	18	27	1-3	10	7	1											
3	6	–	6	9	1-2	3	3	–											
Всего дворов	45	–	45	–	–	32	12	1											
коровы																			
1	21	–	21	67	1-7	5	2	8	1	2	1	2	–	–	–	–			
2	18	–	18	125	2-13	–	1	1	4	1	1	2	3	3	1	1			
3	6	–	6	40	5-8	–	–	–	–	2	1	–	3	–	–	–			
Всего дворов	45	–	45	–	–	5	3	9	5	5	3	4	6	3	1	1			
овцы																			
1	21	4	17	100	2-10	–	1	2	3	1	4	1	3	2	–	–	–	–	–
2	18	–	18	142	2-20	–	1	–	–	2	7	–	1	6	–	–	–	1	–
3	6	–	6	67	4-25	–	–	–	1	–	1	1	–	1	–	–	1	–	1
Всего дворов	45	4	41	–	–	–	2	2	4	3	12	2	4	9	–	–	1	1	1

и 1 руб. Для овец можно привести только средние цены: 46 коп., 33 коп., 32 коп. Как видно, средние для лошадей выше для второй группы, коров и овец — для первой.

Стоимость построек всех 45 дворов — 160 руб. 15 коп. В среднем на двор — 3 руб. 55 коп. Дворовые средние по группам таковы: 2 руб. 79 коп., 4 руб. 33 коп., 3 руб. 89 коп. Первенство — за дворами второй группы. В составе построек входили изба сосновая, одна клеть (в двух дворах — по две), амбар, овин, мякинница (в одном дворе), погреб (в двух дворах), баня (в одном). Избы были покрыты либо соломой, либо «желобьем» еловым.

В первой группе в семи дворах (из 21) стояли только избы и клети. В шести дворах к ним добавлены амбары, в восьми — амбары и овины. Соломенная кровля отмечена в пяти дворах, ее стоимость от 15 до 30 коп. Один двор крыт и соломой, и желобьем (35 коп.) и 15 дворов покрыты только желобьем. Цена колеблется от 10 коп. до 2 руб., но чаще свыше 50 коп.

Во второй группе лишь один двор имел избу и клеть. В большинстве (13) дворов были также амбары и овины. Только 4 двора покрыты соломой (цена от 15 до 50 коп.). В 14 дворах — покрытие желобьем (цена от 20 коп. до 3 руб.). Постройки дворов третьей группы ничем не выделяются.

Дворовые постройки различались по времени возведения (старые, новые) и по материалу (сосновые, еловые). Нередко цены на избу старую и новую, сосновую и еловую, совпадали, но чаще изба новая сосновая стоила дороже (1; 2; 3 руб.). Изба старая могла оцениваться и ниже (20; 30; 35; 50; 75 коп.; 1 руб. 50 коп.). Клеть сосновую старую ценили в 20—50 коп., новую — в 1—2 руб.; амбар еловый — в 20—40 коп., новый сосновый — в 1—4 руб.; овин старый еловый — в 30—60 коп., новый сосновый — в 50 коп., 1—3 руб.). Цена бане — 25 коп., погребу — 50 коп.

В феврале 1775 г. за долг 3 тыс. руб. в Санкт-Петербургскую контору Государственного банка для дворянства было описано в *Арзамасском уезде село Никольское князя Петра Александровича Меншикова*. Видимо, это часть имения его отца, описанного в 1763 г. Усадьба уже не упоминается. Ранее значилось 224 крестьянских двора (800 чел. м.п.). Спустя 12 лет перечислено 47 дворов (152 чел. м.п.).

Крестьяне уплачивали помещику денежный оброк по 2 руб. с души м.п. Всего 154 руб. В среднем с двора 6 руб. 46 коп.

Подворное описание включает данные о населении об.п. с указанием возраста и цены каждого, о поголовье скота, о заготовке сена, о высеве озимых и яровых. Оно составлено в феврале, так что данные о посевах яровых и сенокошении могли записываться только со слов самих крестьян.

В описании 1775 г. дворов беспосевных не зафиксировано. Дворов безлошадных насчитывалось 7. Однако за ними значится посев озимой ржи $1^1/_2$ — 2 четв. (12—16 четвериков), а такой посев был у многих одиолошадных.

В семи дворах отмечены женатые сыновья в возрасте: 12 лет (1 чел.); 13 (4); 14 (2). Возраст жен выше на 3—5 лет. Возможно, их брали в эти семьи как работниц. Для этих юношей проставлена такая же цена, как для взрослых мужчин — 20 руб.

В описании цена человека м.п. устанавливалась в соответствии с возрастом и физическим состоянием. Мужчины в 15—60 лет, как и юноши в 13—

14 лет, оценивались местными и окрестными жителями в 20 руб. (редко 15 руб.). При возрасте в 8—10 лет цена снижалась до 9—12 руб., но встречались и цены в 2,5—3 руб. Разница в ценах отмечена для мальчиков 5—7 лет (от 1,5—2 руб. до 11 руб.). Мальчики 2—4 лет оценивались от 1 до 4 руб., еще моложе — от 1 до 2 руб. и ниже (20—30 коп.). Взрослые 60 лет получали цену от 7 до 12 руб., 70 лет — от 2 до 6 руб.

Для женщин 15—40 лет показатель — 5—6 руб., реже он опускался до 3 руб. или поднимался до 10 руб. Крестьянки от 40 до 50 лет оценивались в 3—4 руб., более старшего возраста (60—70 лет) — в 1—2 руб. Девушки 12—14 лет имели цену 2—5 руб., девочки до 10 лет — в основном 1—2 руб., до одного года — менее 1 руб.

Таким образом, в сравнении с описанием 1763 г. цена мужчины-работника 15—60 лет поднялась с 10 (реже 8 руб.) до 20 (реже — 15) руб., т. е. вдвое. Цены для женщин остались прежними.

Деление дворов по числу взрослых работников позволяет наметить три группы (*табл. № 4.39*). Дворов с одним работником было почти две трети (32 — 68,1 %), с двумя — одна четверть (12 — 25,5 %). По три работника приходилось всего на 3 двора. На первую группу приходилась половина всей численности взрослых 15—65 лет (49,2 %), на вторую — более трети (36,9 %), на третью — седьмая часть (13,9 %).

В первой группе преобладали малые семьи. В других — неразделенные отцовские.

Стоимость людей об.п. в 47 дворах — 2323 руб. 28 коп. В среднем на двор — 49 руб. 43 коп. Население дворов первой группы оценено в 1356 руб. 62 коп., второй — 750 руб. 36 коп., третьей — 216 руб. 30 коп.

Зафиксирован высев шести культур (см. *табл. № 4.40*). На двор приходилось посева озимой ржи почти 26 четвериков, овса — 17, гречи — 7,5, пшеницы — почти 6. У 10 дворов не высевалась пшеница, у 9 — греча. Посевы гороха и конопли были незначительными. В целом уровень земледелия оказывается невысоким.

Средние показатели по высеву самые высокие у третьей группы, несколько ниже — у второй (см. *табл. № 4.41*). Но все они заметно

Табл. № 4.39

Крестьянское население в арзамасском имении Меншикова П.А. в селе Никитино (1775 г.)

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.				Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	Куры	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
														отцовские	братские
1	32	68,1	169	58,3	5,3	89	58,5	2,8	103	32	49,2	1,0	27	5	-
2	12	25,5	98	33,8	8,2	52	34,2	4,3	79	24	36,9	2,0	1	10	1
3	3	6,4	23	7,9	7,7	11	7,3	3,7	17	9	13,9	3,0	-	3	-
Всего	47	100,0	290	100,0	6,2	152	100,0	3,2	199	65	100,0	1,4	28	18	1

Табл. № 4.40

Крестьянское хозяйство в арзамасском имении Меншикова П.А. в селе Никитино (1775 г.)

Группа	Дворы	Крестьянин м.п.	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Сено, копны	Посевы, четверики					
									рожь	овес	пшеница	греча	горох	конопля
1	32	89	89	54	129	36	103	273	612	358	116	140	32	50
2	12	52	40	35	100	37	79	221	480	336	122	148	23	27
3	3	11	7	11	20	5	17	54	124	104	40	64	7	7
Всего	47	152	136	100	249	78	199	548	1216	798	278	352	62	84
В среднем на двор	-	3,2	2,9	2,1	5,3	1,6	4,2	11,6	25,9	17,0	5,9	7,5	1,3	1,8
В среднем на человека м.п.	-	-	0,9	0,6	1,6	0,5	1,3	3,6	8,0	5,2	1,8	2,3	0,4	0,5

Табл. № 4.41

Средние показатели крестьянского хозяйства в селе Никитино (1775 г.)

Группа	Лошади			Коровы	Овцы	Свиньи	Куры	Сено, копны	Посевы, четверики					
	конские	коровьи	овечьи	свиные					рожь	овес	пшеница	греча	горох	конопля
	в среднем на двор													
1	2,8	1,7	4,0	1,1	3,2	0,5	19,1	11,2	3,6	4,4	1,0	1,6		
2	3,3	2,9	8,3	3,1	6,6	18,4	40,0	28,0	10,2	12,3	1,9	2,2		
3	2,3	3,7	6,7	1,7	5,7	18,0	41,3	34,7	13,3	21,3	2,3	2,3		
Всего по имению	2,9	2,1	5,3	1,8	4,2	11,6	25,9	17,0	5,9	7,5	1,3	1,8		
	в среднем на человека м.п.													
1	1,0	0,6	1,4	0,4	1,1	3,1	6,9	4,0	1,3	1,6	0,3	0,6		
2	0,8	0,7	1,9	0,7	1,5	4,2	9,2	6,5	2,3	2,8	0,4	0,5		
3	0,6	1,0	1,8	0,4	1,5	4,9	11,3	9,4	3,6	5,8	0,6	0,6		
Всего по имению	0,9	0,6	1,6	0,5	1,3	3,6	8,0	5,2	1,8	2,3	0,4	0,5		

Табл. №.4.42

Посевы зерновых (четверики) в крестьянских дворах в селе Никитино (1775 г.)

Группа	Дворы	Дворы без посева	Дворы с посевом	Общий посев	Крайние показатели посева	Число дворов с посевом																							
						1	2	3	4	6	8	12	14	15	16	24	26	28	30	32	36	38	40	43	46	50	52	54	56	60
рожь																													
1	32	–	32	612	6-36	–	–	–	–	1	–	8	3	1	5	6	4	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
2	12	–	12	460	12-62	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–	1	2	–	1	2	–	1	1	–	1
3	3	–	3	124	36-50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	1	–	–	–	–
Всего дворов	**47**	–	**47**	–	–	–	–	–	–	**1**	–	**9**	**3**	**1**	**5**	**9**	**4**	–	**2**	–	**3**	**3**	–	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**	–	**1**
овес																													
1	32	1	31	358	4-32	–	–	–	6	1	9	2	–	11	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	12	–	12	336	4-56	–	–	–	1	–	–	–	–	2	–	3	–	1	–	2	–	–	2	–	–	–	–	–	1	
3	3	–	3	104	32-40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	
Всего дворов	**47**	**1**	**46**	–	–	–	–	–	**7**	**1**	**9**	**2**	–	**13**	–	**4**	–	**1**	–	**5**	–	–	**3**	–	–	–	–	–	**1**	
полевица																													
1	32	9	23	116	2-8	–	5	–	9	1	6	–	–	–																
2	12	1	11	122	6-16	–	–	–	–	1	4	3	–	3																
3	3	–	3	40	8-16	–	–	–	–	–	1	–	–	2																
Всего дворов	**47**	**10**	**37**	–	–	–	**5**	–	**9**	**2**	**13**	**3**	–	**5**																
греча																													
1	32	7	25	140	2-8	–	1	2	9	2	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–										
2	12	2	10	148	8-32	–	–	–	–	–	4	1	–	3	–	1	–	–	–	1										
3	3	–	3	64	8-32	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	1										
Всего дворов	**47**	**9**	**38**	–	–	–	**1**	**2**	**9**	**2**	**15**	**1**	–	**3**	–	**2**	–	–	–	**2**										
горох																													
1	32	7	25	32	1-2	18	7	–																					
2	12	1	11	23	1-3	1	8	2																					
3	3	–	3	7	2-3	–	2	1																					
Всего дворов	**47**	**8**	**39**	–	–	**1-9**	**1-7**	**3**																					
конопля																													
1	32	1	31	50	1-3	13	17	1																					
2	12	–	12	27	1-3	1	7	4																					
3	3	–	3	7	1-3	1	–	2																					
Всего дворов	**47**	**1**	**46**	–	–	**1-5**	**2-4**	**7**																					

Табл. № 4.43

Заготовка сена в крестьянских дворах в селе Никитино (февраль 1775 г.)

Группа	Дворы	Дворы без сена	Дворы с сеном	Общее количество копен	Крайние показатели	Число дворов с сеном, копен														
						2,5	5	7,5	8-8,5	10	11	12	15	16	17-17,5	18	19	22	23	47
1	32	2	30	273	2,5-17,5	1	6	3	3	9	1	5	–	–	2	–	–	–	–	–
2	12	–	12	221	5-47	–	1	–	–	1	–	1	2	1	–	1	2	1	1	1
3	3	–	3	54	15-22	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	1	–	–
Всего дворов	**47**	**2**	**45**	–	–	**1**	**7**	**3**	**3**	**10**	**1**	**6**	**3**	**1**	**3**	**1**	**2**	**2**	**1**	**1**

Табл. № 4.44

Поголовье скота в крестьянских дворах в селе Никитино (1775 г.)

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем										
						1	2	3	4	5	6	7	8	10	15	20
лошади																
1	32	6	26	89	1-5	7	12	5	–	2						
2	12	1	11	40	1-5	1	–	4	3	3						
3	3	–	3	7	1-3	1	–	2	–	–						
Всего дворов	**47**	**7**	**40**	–	–	**9**	**12**	**11**	**3**	**5**						
коровы																
1	32	6	26	54	1-5	9	11	2	3	1	–	–				
2	12	–	12	35	1-7	2	4	4	–	–	1	1				
3	3	–	3	11	3-4	–	–	1	2	–	–	–				
Всего дворов	**47**	**6**	**41**	–	–	**11**	**15**	**7**	**5**	**1**	**1**	**1**				
овцы																
1	32	4	28	129	1-8	2	3	2	7	6	3	1	4	–	–	–
2	12	1	11	100	3-20	–	–	2	–	1	–	2	–	4	1	1
3	3	–	3	20	4-10	–	–	–	1	–	1	–	–	1	–	–
Всего дворов	**47**	**5**	**42**	–	–	**2**	**3**	**4**	**8**	**7**	**4**	**3**	**4**	**5**	**1**	**1**
свиньи																
1	32	15	17	36	1-5	8	4	2	1	2	–	–	–			
2	12	2	10	37	1-8	1	3	1	2	1	1	–	1			
3	3	1	2	5	2-3	–	1	1	–	–	–	–	–			
Всего дворов	**47**	**18**	**29**	–	–	**9**	**8**	**4**	**3**	**3**	**1**	–	**1**			

выше средних по имению. Дворы же первой группы высевали значительно меньше. Их средний показатель ниже общего. То же можно сказать о средних на чел. м.п.

Конкретные размеры посевов по отдельным дворам отмечаются большим разнообразием (*см. табл. № 4.42*). Высев ржи колеблется от 6 до 62 четвериков на двор. Самые большие (38—62) были у дворов второй и третьей группы. Высев овса — от 4 до 56. Здесь с посевом 40—62 четверика опять дворы тех же групп. У них же высев пшеницы до 16 четвериков (в первой группе — до 8), ячменя — до 32 (в первой — до 8 четвериков). Сходны показатели по гороху и конопле. Высевали их немного — 1—3 четверика. Таким образом, в самой многочисленной первой группе наименьшие посевы зерновых.

То же наблюдается и в заготовке сена. В первой группе заготавливали от 2 1/2 до 17 1/2 копен, во второй — 5—47, в третьей — 25—22 копен (*см. табл. № 4.43*).

Обеспеченность дворов лошадьми (*см. табл. № 4.41*) представляется удовлетворительной (в среднем 2,9), а коров — низкой (2,1). По овцам показатель — неплохой (5,3), а по свиньям — низкий (1,6). К тому же у 18 дворов (38,3 %) свиньи совсем не отмечены. Очень мало было кур (4,2).

По скоту и сену средние подворные показатели первой группы оказываются ниже общих для имения, а второй—третьей — выше. По лошадям самый низкий показатель у третьей группы.

Конкретные данные о поголовье скота в отдельных дворах (*см. табл. № 4.44*) говорят об известном сходстве показателей в первой и второй группах. Правда, с высоким показателем голов коров, овец, свиней дворы относятся ко второй группе. Второй группе уступают и дворы третьей группы.

В октябре 1775 г. описано безусадебное имение *капитана гвардейского Семеновского полка Николая Дмитриевича Шетнева. Села Рождествено и Новое находились в Едомской волости Ярославского уезда.* Шетнев трижды в 1771 г. брал ссуду в Санкт-петербургской банковской конторе: 22 марта 1700 руб., 23 июня 800 руб., 4 ноября 3 тыс. руб., всего 5500 руб.

Табл. № 4.45

Крестьянское население в ярославском имении Шетнева Н.Д.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.			Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.			Семьи		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор	малые	неразделенные	
													отцовские	братские
1	19	41,3	76	28,3	4,1	37	27,8	1,9	19	23,5	1,0	18	–	1
2	21	45,7	142	51,4	6,8	69	51,9	3,3	42	51,8	2,0	1	14	6
3	6	13,0	56	20,3	9,3	27	20,3	4,5	20	24,7	3,3	–	3	3
Всего	46	100,0	276	100,0	6,0	133	100,0	2,9	81	100,0	1,8	19	17	10

Табл. № 4.46

Крестьянское хозяйство в ярославском имении Шетнева Н.Д.

Группа	Дворы		Крестьяне об.п.		Крестьяне м.п.		Взрослые м.п.		Лошади		Коровы		Овцы		Общая цена скота, руб.
	кол-во		цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	колво	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	кол-во	цена, руб.	
1	19	78	1546,00	37	1104,00	19	649,00	15	88,00	38	106,40	21	16,80	211,20
2	21	142	9812,00	69	2129,00	42	1605,00	28	161,00	58	162,00	32	26,00	349,00
3	6	56	1377,00	27	1019,00	20	939,00	12	60,00	23	58,00	15	12,00	130,00
Всего	46	276	5835,00	133	4252,00	81	3193,00	55	309,00	119	326,40	68	54,80	690,20
В среднем на двор	–	6,0	126,84	2,9	92,43	1,8	69,41	1,2	6,71	2,6	7,09	1,5	1,19	15,00
В среднем на человека м.п.	–	–	–	–	–	–	–	0,4	–	0,9	–	0,5	–	–

Табл. № 4.47

Средние показатели крестьянского хозяйства в ярославском имении Шетнева Н.Д.

Группа	Поголовье			
	конские	коровье	овечьи	
	в среднем на двор			
1	0,8	2,0	1,1	
2	1,3	2,8	1,5	
3	2,0	3,8	2,5	
В среднем по имению	1,2	2,6	1,5	
	в среднем на человека м.п.			
1	0,4	1,0	0,6	
2	0,4	0,8	0,5	
3	0,6	0,8	0,5	
В среднем по имению	0,4	0,9	0,5	

Табл. № 4.43

Поголовье скота в крестьянских дворах в ярославском имении Шетнева Н.Д.

Группа	Дворы	Дворы без скота	Дворы со скотом	Общее поголовье	Крайние показатели поголовья на двор	Число дворов с поголовьем					
						1	2	3	4	5	6	7
лошади												
1	19	6	13	15	1-2	11	2					
2	21	1	20	26	1-2	12	8					
3	6	-	6	12	2	-	6					
Всего дворов	46	7	39	-	-	23	16					
коровы												
1	19	1	18	38	1-5	5	9	2	1	1	-	-
2	21	-	21	58	1-7	5	4	6	5	-	-	1
3	6	-	6	23	2-6	-	1	1	3	-	1	-
Всего дворов	46	1	45	-	-	10	14	9	9	1	1	1
овцы												
1	19	8	11	21	1-3	3	6	2	-			
2	21	6	15	32*	1-4	4	6	4	1			
3	6	-	6	15	2-3	-	3	3	-			
Всего дворов	46	14	32	-	-	7	15	9	1			

Господский двор отсутствовал, но в селах находились 8 дворов «дворовых людей непахотных». Люди м.п. (19) и ж.п. (18) оценены в 836 руб. В шести дворах отмечен скот (1 лошадь, 6 коров, 6 овец) стоимостью 26 руб. 30 коп.

Имение (земля и крестьянские дворы) оценено в 7563 руб. 48 коп. Имеется запись, что помещик Романовского уезда поручик Василий Дмитриевич Агдавлетев давал за него 9 тыс руб.

В подворное описание включены данные о крестьянах об.п. с указанием возраста и цены, о поголовье лошадей, коров, овец и их стоимости.

Крестьянские дворы по числу взрослых работников разделены на три группы (см. *табл. № 4.45*). В первой с одним взрослым 19 дворов. Во второй больше — 21 двор. В третью попали 4 двора с тремя работниками и 2 с четырьмя. Доля людей м.п. в третьей группе 20,3 %, взрослых — четвертая часть (24,7 %).

Население об.п. первой группы оценено в 1546 руб., второй — 2912 руб., третьей — 1377 руб. Всего 5835 руб. (в среднем на двор 1126 руб. 84 коп.). Средние по группам таковы: 81 руб. 36 коп., 138 руб. 66 коп., 229 руб. 50 коп. Так возрастает средняя населенность двора в денежном выражении.

Малые семьи находятся в первой группе (во второй только одна). Неразделенных семей больше, и почти все они во второй и третьей группах (отцовских 17, братских 10).

Скот по группам распределяется неравномерно (см. *табл. № 4.47*). Показательно, что из 19 дворов первой группы лошадей не отмечено в 6 дворах. Средние дворовые показатели первой группы ниже общих по селу. Средние второй группы немного выше общих. Средние третьей группы заметно больше общих. Средние на человека м.п. или совпадают, или имеют очень малую разницу.

Конкретные данные о поголовье скота по дворам показывают его возрастание для второй и третьей групп (см. *табл. № 4.48*).

Средние и мелкие имения в 1760–1770-е гг.

Средние имения

За указанный период обнаружены описания господского и крестьянского хозяйства 29 имений (см. Перечень). Они расположены в 15 уездах Нечерноземной полосы и в 4 уездах Черноземной. По повинностям соотношение следующее: чисто барщинных 7 имений. Столько же имений с барщиной, дополненной продуктовым оброком. По 9 имениям отмечен денежный оброк. Нет сведений по 6 имениям. В основной части имений (19) число крепостных м.п. колеблется от 21 до 39 чел. В границах 40–59 чел. — 5 имений, 60–79 чел. — 3 имения. В одном имении 87 чел., еще в одном 98.

Усадьбы в средних имениях выглядели в описаниях по-разному. Некоторые по числу жилых покоев в господских хоромах производят внушительное впечатление. Обстановка в таких горницах богатая.

В марте 1763 г. было описано имение умершего *подпоручика Якова Семеновича Лаврова* сельцо *Ольхово Великолуцкого уезда*. В усадьбе стояли «помещиковские» хоромы «под одною крышкою о пяти покоях белых». В них 2 печи «кафленые зеленые» и одна кирпичная. Еще для одной печи был приготовлен кафель «хорошей работы с живописью». В окнах 11 больших окончин. Под той же крышкой была баня «о дву покоях» с тремя окончинами. В хоромах отмечены 18 икон, 3 стола, 2 шкафа столярной работы, 5 стульев, в том числе «одне кресты», обитые сукном и кожей. Из хозяйственных построек названы 2 конюшни и 3 амбара, крытые дранью. Среди них один амбар «кладовой», а в нем заклейменный котел в 8 ведер с трубами и 20 фунтов воска, и два хлебных с зерном (рожь, пшеница озимая и яровая, греча, ячмень, горох). В сарае хранились обитые кожей коляска и кибитка зимняя. Указано, что все другие господские пожитки вывезены матерью помещика.

К усадьбе примыкали 3 сада «яблонные и вишенные».

На скотном дворе стояли скотная изба с сенями, омшаник и 2 хлева. Здесь размещался господский скот (7 лошадей, 3 коровы и др.) и птица (8 гусей, 5 уток, 4 куры индейские и 11 русских) и дворовых людей (4 коровы, теленок, коза, 3 свиньи). Дворовых было 17 чел., в том числе 9 чел. м.п. Гуменное строение состояло из 2 риг, крытых дранью, сарая для соломы, нового сарая, амбара.

В имении 9 крестьянских дворов (24 чел. м.п.). Источник, к сожалению, о повинностях не сообщает.

По сведениям на весну 1763 г., в *боровском имении майора Якова Григорьевича Жемчужникова* крестьяне (8 дворов, 26 чел. м.п.) высевали на себя ржи 30 четв. на 17 дес. (яровых по тому ж). На помещика высев был меньше: 20 четв. ржи на 10 дес., 30 четв. яровых на 10 дес. На себя косили 170 копен на 17 дес., на господина — 120 копен.

В среднем на двор в крестьянском озимом поле приходилось 2,1 дес., на чел. м.п. 0,6 дес. На господском ржаном поле дворовый показатель 1,2 дес., душевой 0,4 дес.

Видимо, летом 1764 г. описали *имение покойного статского советника Федора Яковлевича Жилина* за неплатеж заемных в банке денег, взятых еще в 1755 и 1758 гг. Усадьба находилась возле *деревни Ламовой в Каменском стане Одоевского уезда*. На помещиковом дворе стояли в одной связи 5 светлиц сосновых поземных, крытых тесом и дранью. Одна из них пристроена новая. В них 2 печи «кафленые» и 2 кирпичные (затворки железные, а одна медная резная). В четырех старых светлицах обои бумажные немецкой работы и «холстинныя вымазаны лебастром», а также «травчатыя понели» столярной работы в деревянных рамах. Всего 13 окон с окончинами стеклянными зелеными, замазанных в дубовом дереве. Дверей 6, в том числе 3 столярных русских и 3 створчатых зеленого стекла в дубовых рамах. Икон на досках 11, на холстине в деревянных рамах 2, да 6 картин на холсте без рам «разных персон». В светлицах три стола с мраморными столешницами на деревянных ножках русской столярной работы, канапе столярной работы, 4 стула дубовых немецкой работы, обиты красным трипом, стенное немецкое зеркало в деревянной раме «вызлачено». В бане с прибанником сосновым (3 × 3 саж.)

печь кирпичная белая. Из березы сделаны кухня и изба приспешная с печью кирпичной, крытая соломой.

В особом сарае поставлены коляска «четвероместная», обитая кожей с подбоем красного российского сукна с вензелями из белой и красной тесьмы, коляска кожаная, обитая внутри красной каразеей, одноколка «размалеванная разными красками и золотом», обитая сукном голубым, «бильнар» дубовый (4 × 2 арш.), обитый сукном зеленым, дроги колясочные.

На скотном дворе отмечены 5 коров дойных русских, 2 подтелка, 6 овец и 4 ягненка, 4 свиньи, 4 гуся, 4 утки, 6 кур индейских, 10 русских. Возле господского двора пруд (20 × 10 саж.) с саженой рыбой (караси, лини).

Довольно много в усадьбе было дворовых людей (21 чел. м.п., 25 чел. ж.п.), оцененных в 357 руб. В 16 крестьянских дворах проживали 118 чел. об.п. (644 чел. м.п.). Оценка всему имению 1589 руб. 25 коп.

Среди повинностей полевая барщина не указана, но вряд ли можно сомневаться в ее наличии. Продуктовый оброк был сравнительно небольшой. С 23 жеребьев собирали около 14,5 пуда мяса свиного, 23 барана, 23 курицы, 230 яиц. В феврале 1765 г. Канцелярия конфискации распорядилась «вместо столовых и прочих припасов» брать 1,5 руб. с души м.п.

Среди прочих выделяется одна усадьба в *Торопецком уезде*. В сентябре 1763 г. описано заложенное еще в 1757 г. за заемные 300 руб. *имение вдовы лейб-кампании гренадера Степана Васильевича Титова* полусельцо *Шапкино Казаринской волости*. На «помещиковом» дворе стояли 4 горницы. Наряду со множеством икон (33) упомянута «картины потрет» Елизаветы Петровны в деревянных «рамках». В горницах 11 окон с окончинами, 3 печи «кафленые галанские» (2 белые, одна зеленая), 2 стола и 8 стульев крашеных. Напротив горниц «черная стряпейная горница» с печью «черной». Через сени горницы соединялись с баней, в которой печь «белая» кирпичная. В двух амбарах хранилось зерно (рожь, пшеница, греча, овес, ячмень), а на гумне хлеб необмолоченный. Возле господского двора два сада с яблонями. Довольно много скота (9 лошадей, 7 коров с тремя телятами, 8 овец) и птицы (4 гуся, 6 утят русских и 3 гилянских, 6 кур индейских и 25 русских). Дворовых людей на месячине 20 чел., в том числе 9 чел. м.п. В четырех деревнях стояло 5 крестьянских дворов (32 чел. м.п., 29 чел. ж.п.). Имение оценили в 895 руб. 90 коп.

Крестьяне, по словам приказчика, «ходят» в сельцо Шапкино «для пахоты господского хлеба и прочих поделков на бояршину в недели по 3 дня». С каждого двора отдают ежегодно барана, окорок, 4 фунта масла коровьего, 22 куры, 60 яиц[1].

Многие усадьбы с одной-двумя горницами имели скромный вид. Владельцы не могли благоустраивать свое жилье в усадьбах, расположенных в разных уездах.

За неплатеж взятых *отставным премьер-майором Николаем Федоровичем Бурковым* в 1772 г. в Санкт-Петербургской конторе банка для дворянства 2900 руб. и неотсрочку в 1773–1774 гг. были описаны в 1775 г. *его имения в Каширском и Коломенском уездах. Каширская усадьба Таптыково*, огорожен-

[1] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 3. Д. 9733. Л. 42–46.

ная плетнем, не имела господского жилья. Здесь стояли 2 людские избы ветхие, крытые соломой (цена 4 руб.), господский амбар ветхий (2 руб. 50 коп.), 2 сарая плетневые ветхие (50 коп.). Расположенное позади двора господское гумно («обрыто валом») с ветхим овином оценено в 1 руб. Скота было мало: 2 кобылы (6 руб.), 10 овец (5 руб.), 7 кур (21 коп.). Проживали 7 дворовых людей, в том числе 4 чел. м.п., оцененных в 70 руб. По ревизии они записаны живущими в селе Таптыково.

По-иному выглядела *коломенская усадьба Комарево*. Вначале были описаны в помещиковом дворе, огороженном стоячими решетками, «в одной связе» 2 горницы людские еловые ($2\frac{1}{2}$ саж. × 2 саж. 1 арш. каждая), «рублены в угол», с дощатыми полами и потолками, кирпичными печами, пятью окошками с окончинами стеклянными. При горницах сени с крыльцом. Все строение ветхое, и его оценили в 15 руб. 50 коп.

Видимо, это были прежние господские хоромы, а затем были построены другие, тоже в виде двух горниц «в одной же связи» еловых и тоже рубленых в угол. Размеры этих горниц побольше прежних ($3\frac{1}{2}$ саж. на 2 саж. 1 арш.). Полы и потолки дощатые и печи кирпичные такие же. Окошек больше (7). Строение крыто тесом. Его оценили лишь в 14 руб., назвав также ветхим. Ветхой названа мебель: стол складной сосновый столярной работы (15 коп.), столик ломберный, обитый зеленым сукном (30 коп.), 2 стула, обитых кожей (10 коп.), 2 стана «нагольных» (по 25 коп). Третья горница еловая, ветхая ($2\frac{1}{2} \times 3$ саж.) с сенями (3 саж. × 2 саж. 2 арш.), крыта «скалою» и дранью, оценена в 16 руб. Имелась еще горница «нежилая» ветхая (2 × 2 саж.) с сенями (1 × 2 саж.), крытая дранью. Ее цена 9 руб.

Из хозяйственных построек назван скотный двор, погребица с ледником каменным (2 саж. 2 арш. × 2 саж. 2 арш.) ценой 2 руб. 50 коп., 2 житницы без хлеба (6 руб.), каретный сарай (6 × 3 саж.) с бревенчатыми тесаными полом и потолком. В нем одноместная карета, обитая красным сукном и черной «клеоночной» подушкой «для сидения кучера» (цена 20 руб.), ветхая, обитая кожей коляска четырехместная (4 руб. 50 коп.), возок, обитый рогожами (2 руб. 50 коп.). Здесь же хранилась ветхая мебель, в том числе «двое канапель нагольных подбиты тесьмою» (ценой 30 коп). Имущество было сложено также в рубленой еловой конюшне (6 × 3 саж.): в том числе 22 подушки «перовые в наволоках пестрых» по 15 коп. (3 руб. 30 коп.), 2 подушки каретные суконные, ветхие (35 коп.), пушка чугунная в 1 арш. (20 коп.), погребец с хрустальными солонками и чарками (50 коп.), 15 тарелок «каменных» по 3 коп., 2 блюда «каменных» по 5 коп., 3 чайника оловянных (12 коп.) и 2 жестяных (8 коп.), 13 чашек чайных глиняных (13 коп.), 2 трубы «валторные» медные, ветхие (2 руб. 50 коп.), 2 шпаги с «протупеями» (30 коп.), 2 ружья «заржавеных» (20 коп.), утюг чугунный «заржавеной» (3 коп.), картина живописная ветхая, «на ней писаны разные птицы» (5 коп.).

Дворовых людей оказалось немало: 15 чел. м.п. и 15 чел. ж.п. На август месяц отмечен посев господским зерном ржи 6 нив и гречи 3 нивы. «Овса по недостатку земли и в посеве не бывает».

Общая стоимость довольно обветшавшей усадьбы 144 руб. 36 коп. Видимо, владелец давно сюда не наезжал.

В селе Комарево отмечено 7 крестьянских дворов (23 чел. м.п.). Надельной пашенной земли в одном поле им на 15 душ, положенных в подушный оклад, выделено по $1\frac{1}{2}$ дес., всего $22\frac{1}{2}$ дес. Сена они косили на себя «по урожаю» по 5 копен, а «не по урожаю» по 3 копны.

В *каширском имении Буркова селе Таптыково на реке Смедве*, по показаниям старосты и крестьян (4 двора, 16 чел. м.п.), «по примеру... имеет быть» до 120 дес. земли, в том числе 50 доброй (десятина 4 руб.), 30 средней (3 руб.), 40 худой (2 руб.). Ее стоимость 370 руб. Сенных покосов около 10 дес. (десятина 2 руб.). Крестьяне отбывали барщину: в озимом поле 15 дес., в яровом 10. В среднем на двор в двух полях 6,2 дес., на чел. м.п. — 1,6 дес.; в озимом поле 3,7 дес. и 0,9 дес. Это высокая норма. В посеве было на 1775 г. ржи на 15 дес., овса — на 3, гречи — на 5, ячменя — на 2. К августу хлеб с полей «еще не снят». «Столового запасу» они не вносили.

Крестьяне сеяли «на себя» ржи на 16 дес., яровых тож, косили сена 12 копен. В среднем на двор приходилось 8 дес. в двух полях, сена — 3 копны; на ва в двух полях. Один двор засевал 4 дес., 2 двора — по 8 дес., 1 двор — 12 дес. Площадь изменялась в соответствии с увеличением в каждом дворе числа жителей м.п. и взрослых работников.

Различия в показателях крестьянского животноводства существенны. Во дворах отмечено от 2 до 5 лошадей. В среднем на двор 4,0, на чел. м.п. 1,0. Овец отмечено от 5 до 10. Дворовая средняя 8,0, душевая 2,0. А коров и свиней было очень мало: во всех дворах по одной корове; в двух дворах 2–3 свиньи. В двух других их не было.

В июне 1768 г. описано за неплатеж взятых в банке 700 руб. под залог 70 душ *калужское имение отставного поручика Михаила Алексеевича Карпова. Усадьба Иванково, Лотырево тож Лисинского стана* выглядела скромно. В ней отмечены хоромы с горницей. Названа печь кафельная, «изразцы и кладка старинные». При горнице крыльцо с лестницей, сени о двух стенах с чуланом и нужником. Из 4 окон горницы 3 с окончинами, в которых 12 стекол. В 3 житницах хлеба не было. Посреди помещикова двора поставлено сушило на 4 столбах с перилцами «для вывешения ветчины», а также ледник огороженный и погреб. Все строение усадьбы покрыто соломой. От ворот шла городьба дубовая решетчатая на столбах. А другие заборы «стоят ветхости и все развалены». В двух избах проживали дворовые люди (5 чел. м.п., 12 чел. ж.п.). Среди них солдатская жена с рожденными до отдачи мужа в рекрутский набор тремя детьми.

Скотный двор начали «городить забором, да не окончено». В нем конюшня и сарай скотный. В двух сараях хранилось сено. Скота мало: кобыла, 2 жеребенка, 8 овец, 6 свиней. Больше было птицы: 6 гусей, 10 уток, 2 кур индейских.

Напротив господского двора «запруженской» пруд с карасями. На плотине устроен мост с перилами.

Карпов и его сестра владели мельницей на реке Тарусе. Прежде она сдавалась за годовой оброк в 15 руб. Ныне ее «содержат сами господа и збирают с нее доход обще мучной и денежной». Считалось окладных денег 80 коп.,

да вновь прибавочных 1 руб. 29 коп. При мельнице устроен пруд, в котором «ловится щука и всякая рыба, кроме стерляди».

На барщинных полях посеяно ржи озимой 46 четв. 3 четверика. Весной высеяли 6 четвериков пшеницы-ледянки и 4 четверика яровой. Среди яровых 9 четв. гречихи, 53 четверти овса, 4 четв. 1 четверик ячменя, 3 четв. 1 четверик гороха, по 9 четвериков льна и конопли. Всего с пшеницей в яровом поле посеяно 582 четверика. В среднем на 16 крестьянских дворов (63 чел. м.п.) приходится 23,9 четверика ржи и 36,4 четверика яровых. Озимое поле — на двор 1,4 дес., на чел. м.п. 0,4 дес.

Присланному из провинциальной канцелярии старосте сказал во время описания: годовой денежный оброк «не плачивали, а только хаживали на господскую работу он, старост, со крестьяны и крестьянския бабы на пашни и на прочия господские работы». А вместо денег «збиралися с нас в год столовой запас»: 22 барана, 11 пудов свинины, 33 фунта масла коровьего, 66 кур, 660 яиц. За пеньку вносили 5 руб. 50 коп.

Помещики небольшого достатка вместо горниц ставили в усадьбах избы. Показательна усадьба, где, по примеру богатых господских дворов со многими горницами, каждая жилая изба также получила свое назначение. В феврале 1778 г. описано имение *полковника Алексея Алексеевича Юрова* «за его умертвием и за невладением оного никем» *село Шепелево Шуромского стана Переславль-Залесского уезда*.

На помещиковом дворе при селе находилось 5 изб: «передняя» с печью «израшатой», крестовая («христовая»), спальня с печью израшатой, кладовая, людская. В каждой 2—3 косящатых окна, полы и потолки дощатые. Все строение «весма ветхое». Его стоимость 20 руб. В усадьбе дворовых людей не отмечено. А в селе записано 2 двора дворовых людей с таким же хозяйством, как у крестьян. В 12 крестьянских дворах — 39 чел. м.п. «Высевалось, как на помещика, так и на крестьян» по 10 четв. в поле (цена четв. 80 коп., всего 30 четв. за 24 руб.), Сенных покосов на 80 копен (40 руб.). Да «трезполосного» с разными помещиками пашни 1 четв. в поле, сенных покосов 3 копны. Леса «дровяного» 20 дес. (20 руб.). Нормы барщины невелики (0,4 дес. в поле на двор, 0,1 дес. на чел.). Возможно, крестьяне платили оброк.

Однако при возможности помещики стремились возводить в усадьбах горницы.

По описанию 1772 г. *боровского имения секунд-майора Дмитрия Федоровича Мартынова* в усадьбе господского жилья не было. Отмечена лишь изба людская осиновая с сенями. «На строение хором» приготовлен материал: 400 бревен еловых длиной 9 арш., цена 44 руб., 200 бревен осиновых ценой 20 руб.

По-видимому, ко второй половине XVIII в. уже сложилось представление об интерьере господского жилья в усадьбе.

По описанию 1765 г., в *усадьбе Погореловка Ростовского стана Каширского уезда С. П. Владычина* на помещиковом дворе стояли в одной связи хоромы еловые ветхие о трех покоях. Покои состояли из горницы, спальни и комнаты. В горнице была печь «кафленая» на кирпичном фундаменте. При покоях сени с крыльцом рубленым «з болясами». Размер построек 6 × 5 ½ саж. В них 7 дверей, в том числе одна створчатая — 12 малых стекол, 6 окон

с шестью окончинами «российского простого стекла мелкой рези в переплетах дубовых» ценой 60 коп.

Хоромы названы ветхими. Отмечена бедность обстановки: «стенных обоев и росписания и зеркал стенных и в рамах не имеется». Все имение оценено в 1045 руб. 69 ½ коп.

Дворовых людей 3 семьи (6 чел. м.п. и 4 чел. ж.п.). Муж с женой получали в год ржи 36 четвериков, муж с женой, тремя сыновьями 3—4 лет и матерью — 54 четверика. Они же имели «присевок по полуниве в поле». Жалованье третьей семьи не указано.

Крестьяне (5 дворов, 21 чел. м.п.) сеяли на помещика в трех полях ржи 12 четв. (96 четвериков), пшеницы озимой 4 четверика, овса 80 четвериков, ячменя 8, гречи 48, гороха 4. В ржаном поле на двор 1,2 дес., на чел. 0,3 дес. Столовые запасы с 6 тягол составляли 6 баранов, 3 пуда мяса свиного, 30 локтей холста посконного.

В описании 1765 г. строений брянской усадьбы Жарынь, заброшенной после смерти владельцев Кузеневых, записано, что в спальне «стулья, кроватей, зеркалов стенных, обоев и штукатурной работы и убрания и печей не имеется». Отмечено также, что еще в середине 1750-х гг. из усадьбы Жарынь Василий Викторович Кузенев «выломал и свез 3 кафленые калужские печи» в свою усадьбу близ села Харинова[3].

При описании другой усадьбы умерших Кузеневых близ села Панякович отмечено в светлицах отсутствие лавок, стульев, кроватей, шкафов, стенных зеркал, обоев, «штукатурной работы и убранья», печей, дверных замков, скоб, петель и крючьев, сундуков, посуды серебряной, «фарфоровой», медной, оловянной, деревянной.

Мелкие имения

За 1760—1770-е гг. в нашем распоряжении описания усадеб и крестьянских дворов 25 имений. Они расположены в 12 нечерноземных уездах и в 5 черноземных. Чисто барщинных имений 7 да еще 7 с барщиной и продуктовым оброком. С денежной рентой 5 имений, еще в одном крестьяне платили и оброк, и вносили за продукты деньги. Продуктовый оброк отмечен в одном имении. Имений, где число крепостных м.п. от 4 до 9 — 9; от 10 до 20 — 16. Всего 99 дворов — 299 чел. м.п. (в среднем на двор 3,0). Следует заметить, что в 13 владениях помещичьих усадеб не было. В их числе одно барщинное, 6 — с барщиной и продуктовым оброком, 6 — с денежным оброком (см. Перечень).

Некоторые мелкопоместные помещики устраивали в усадьбах хоромы с тремя и более жилыми помещениями.

В августе 1761 г. было описано и оценено небольшое имение *коллежского асессора Михаила Ивановича Вереекина* за невозврат в Московскую контору Государственного банка для дворянства 3500 руб. В усадьбе *Михалево Дмитровского уезда* стояли 6 светлиц, из них четыре теплые и две холодные.

[3] РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4268. Л. 39, 44.

В теплых 2 печи кирпичные с трубами, полы и потолки тесаные бревенчатые. С двух сторон 2 всходных крыльца. Над хоромами устроены «для ссыпания хлеба и всякой поклажи» 2 сусека. Цена крытому тесом строению 10 руб. Рядом находилась поверенная изба с кирпичной печью.

В одной людской избе (цена 1 руб. 50 коп.) проживала вдова с двумя детьми. При избе клеть «для поклажи всякого скарбу» (25 коп.). В другой избе с сенями жил дворовый человек 60-ти лет с женой 50-ти лет). У этой избы клеть для поклажи и клеть для скотины. Цена строению 2 руб. У дворового 2 лошади (60 коп.), корова (1 руб. 50 коп.) с телицей (20 коп.), 6 кур (12 коп.). «У него хлеба молоченого ничего не имеется, а пропитание имеет, покупая с торгу на свои деньги». Хотя отмечено необмолоченной ржи 600 снопов (80 коп.), ячменя 400 снопов (30 коп.), овса 300 снопов (20 коп.), а в земле посеяна 1 четв. ржи (70 коп.).

В скотной избе, перед которой построены клеть и 2 хлева скотные, бревенчатые, крытые соломой, проживали 2 престарелых увечных брата, вдова и немой пасынок 30 лет. Ни хлеба, ни скота у них не было, а «пропитание имеют работою своею».

Из господских хозяйских построек отмечены сарай «для становления карет», амбар, житница бревенчатая (овса 500 копен — 40 коп., ячменя 300 копен — 20 коп., льна 800 копен — 50 коп.), 3 хлева для гусей и уток (70 коп.). Здесь стояла еще одна изба людская. В ней жили две дочери умершего крестьянина 12 и 18 лет, «пропитание им работою своею крестьянскою»). Все людские избы бревенчатые, крыты соломой, с глиняными печами.

Все имение оценено в 278 руб. 81 коп. Крестьяне отбывали барщину и вносили продуктовый оброк. Ранее под рожь сеяли 3 четв., но «за неимением на оной земле навозу и за худобою земли» стали обрабатывать одну четверть. Сократилось и яровое поле. Под овсом с 8 четв. до 2, под ячменем с 2 до одной. Перестали сеять конопляю (ранее 2 четверика) и лен (1 четверик). Прежде для помещика заготавливали по реке Рогачевке 40 копен волоковых, потом перестали из-за отсутствия господского скота. Оброк с двора состоял из барана, курицы, 20 яиц, 10 арш. холста, четверти четверика орехов, 2 фунтов черники, 3 фунтов сухих грибов.

В двух дворах умерших крестьян остались вдовы и дети. В одном старшему сыну исполнилось 17 лет. Эти семьи ни скота, ни хлеба не имели («пропитание им работою своею крестьянскою, ходят по разным местам, нанимаясь в казаки и в пастухи»). Дворовые постройки оценены в 50 коп. и в 2 руб.

В подворном описании шести крестьянских дворов указываются люди об.п. и цена каждого, цена дворовому строению, скот с оценкой, сжатый хлеб в снопах и его цена. По показаниям самих крестьян указан посев ржи в четвертях. Все крестьяне в августе 1761 г. заявили об отсутствии у них обмолоченного зерна («пропитание им покупкою на торгу на свои деньги»). Возможно, в это время было выгоднее закупать зерно, чем заниматься молотьбой собственного хлеба. Общая цена «нажатой» ржи, ячменя, овса 16 руб. 60 коп. В среднем на двор 4 руб. 15 коп. В посеве ржи оказалось 52 четверика, на двор 13, на чел. м.п. 4. Стоимость посева 4 руб. 70 коп., на двор 1 руб. 17 коп..

Животноводство в сельце Михалево находилось на низком уровне, возможно, из-за нехватки сенных покосов. Мало было коров. Общая цена скота и птицы 42 руб. 14 коп. В среднем на двор 10 руб. 53 коп.

В феврале 1762 г. конфисковали *имение поручика Петра Львовича Косицкого сельцо Скородумка в Вологодском уезде* за неплатеж взятых в банке в 1758 и 1760 гг. 500 руб.

Посреди помещичьего двора в одной связи стояли 3 светлицы елового леса. Две светлицы (первая длиной и шириной 2 саж. 2 арш. с четвертью, вторая — 2 саж. 5 вершков) с кирпичными печами белыми, третья — без печи, холодная. Два нужника. Два крыльца с перилами, крытые дранью. В светлицах 11 окон, в том числе в 7 окончины слюдяные. Из мебели отмечены 3 стола, из них 2 на точеных ножках с ящиками (ценой 25 и 10 коп.), 1 складной на складных подножках (50 коп.), кровать сосновая на точеных ножках (25 коп.), шкаф сосновый (вышиной до 3 арш., поперек 1 арш. 14 вершков) крашеный со створчатыми дверями (60 коп.), 3 стула простых (8 коп.) и 3 кожаных (15 коп.). Под покоями погреб. При покоях кухня с кирпичным очагом и выводной трубой.

Из хозяйственных построек отмечены 2 курятника и сарай еловые для скота (2 лошади и 2 жеребенка), хлев коровий (3 коровы и 7 овец), житница (3 × 2 саж.) с овсом (72 четверика) и пшеницей (12 четвериков) для раздачи месячины дворовым людям. В людской избе с печью кирпичной хлебной проживали 8 чел. об.п. (5 чел. м.п.). Месячины выдавалось из расчета мужу с женой по 2 четверика ржи и овса. При отсутствии ржи «овса дается вдвое». Двум малолетним давали в месяц четверик ржи.

Крестьяне сеяли на помещика ржи 6 четв. (48 четвериков), овса и др. яровых в 2 раза больше — 12 четв. (96 четвериков). Сена ставили 20 возов (20 коп. — воз). На себя посев ржи и яровых такой же. Да еще в другом стане на пустой земле высевалось ржи 1 четв. (8 четвериков) — цена 3 руб. и собиралось сена 3 воза. По реке Согоже косили еще на 10 возов.

В мае 1762 г. отписано имение *подпоручика Невского полка Михаила Львовича Селиванова деревня Ретеши в Ростовском стане Каширского уезда* за неплатеж занятых в 1760 г. в банке 100 руб. Цена имения 305 руб. 35 коп. В деревне было 2 крестьянских двора (9 чел. м.п.). На помещиковом дворе стояли в одной связи горница белая с комнатой из елового леса и горница сосновая (каждая 4 × 4 саж.). Между ними сени забраны в две стены (2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$ саж.). Ценовщик из каширских купцов и понятые отметили отсутствие известных в то время стенных обоев, в том числе расписанных, и зеркал стенных в рамах. В белой горнице имелась печь «кафленая трапчатая зеленая» ветхая с затвором желязным и кирпичной трубой ценой 70 коп. В окнах 3 окончины стеклянные белые в дубовых рамах (60 коп.). При хоромах устроены нужник, 2 крыльца — переднее и заднее. Цена всему строению, крытому соломой, 12 руб. Из хозяйственных построек сарай сенной рубленый (5 × 2 $^1/_2$ саж., 1 руб. 50 коп.), житницы — липовая (2 $^1/_2$ × 2 $^1/_2$ саж., 2 руб.) и осиновая (3 × 3 саж., 3 руб.), крытые соломой. При усадьбе отмечены огород овощной и конопляник.

Скотный двор окружен забором в 17 звен с воротами (3 руб. 50 коп.). В нем 2 телушки (50 коп.) и 10 овец русской породы (2 руб.).

Дворовых людей — одна семья и вдова (4 чел. об.п., в том числе 1 чел. м.п.). Их стоимость 12 руб. Они получали месячину по 2 четверика ржи из помещичьего зерна. Глава семьи 50-ти лет имел пашенный участок. «На присев происходило» 1,5 дес. в поле.

Пашенной земли, покосов и леса насчитали 37,5 четв. в поле в общем владении с другими помещиками. Господского хлеба высевалось ржи на 5 четверех, овса — на 3, гречи — на 3, ячменя — на 1 дес.

Можно заметить, что в большинстве господских домов обстановка скромная. Печи ставили кирпичные. В окна вставляли слюдяные окончины.

В некоторых усадьбах стояли только избы, в которых проживали приказчики и дворовые люди.

В 1760 г. за взятые в банковской конторе 300 руб. было описано имение *вдовы и дочери подпоручика Петра Петровича Вердеревского деревня Енимская Каменского стана Пронского уезда*. Оценено в 515 руб. 23 коп. Близ деревни усадьбы не было, «только на старой усадьбе, где прежде имелся помещичий двор, на пустом месте без городьбы построена из соснового лесу изба людская» с печью глиняной, крытая дранью (цена 1 руб. 3 коп.). Сени соединяли избу с амбаром. Гумно с ригою и гречей немолоченой окружено плетнем. Приведен умолот «по опыту» (четверик ржи 24 коп., гречи — 4 коп.). «Роспашеной и росчистной земли» в имении в трех полях 130 дес. (80 × 80 саж.). Цена десятине 1 руб. Сенных покосов 3 дес. по той же цене. В посеве к нынешнему году из помещичьего хлеба озимой ржи 17 дес., озимой пшеницы 1 $^1/_2$ дес., овса 10 дес., гречи 3 $^1/_2$ дес., гороха 1 дес., всего 33 дес. В среднем на двор 4,7 дес. в двух полях, на чел. м.п. 2,1 дес. Да вспахано «осенней земли» для посева к 1761 г. 18 $^1/_2$ дес.

Крестьянам (7 дворов, 16 чел. м.п.) давалось на 9 тягол под посев озимых и яровых по 3 дес. на тягло в поле. Всего 81 дес. в трех полях. В среднем на двор 11,6 дес., на чел. м.п. 5 дес.

Помимо барщины с 9 крестьянских семей «збирается в год годового доходу» 4 $^1/_2$ пуда мяса свиного, 5 баранов, 5 поросят, 5 гусей, 5 уток, 9 кур, 90 яиц, 17 $^1/_2$ арш. посконного холста с 7 дворов.

Почти в половине безусадебных имений отмечена денежная рента. В таких владениях господских дворов не ставили.

В великолуцком имении вдовы Парфентия Никитовича Тыртова усадьбы не было. Имение описали в августе 1763 г. за неплатеж 370 руб. Крестьяне уплачивали денежный оброк 5 руб. с двора и отдавали «помещицкий пятинный хлеб». Они «живут на оброке с отдачею хлеба пятого снопа». Это одно из редких упоминаний фиксированного хлебного оброка. В деревне Боровково (2 двора — 7 чел. м.п.) отмечено 1500 снопов ржи, сжатой и местными крестьянами, и жителями других деревень помещицы, а сколько ярового «по ужину кветца снопов — познать невозможно». В половине деревни Семерново (1 двор — 10 чел. м.п.) отмечено только 90 снопов ржи (видимо, сжатой одним местным жителем).

В описании нет данных о крестьянских полях. Приведены лишь сведения о дворовых постройках и поголовье скота и птицы. Во всех дворах стояли избы, соединенные сенями с клетью, либо омшаником. В особых «скотских» дворах, огороженных заметом, отмечены хлевы. Вне дворов возведены амбары и «гуменное строение». Постройки в двух дворах крыты соломой, в одном — дранью. О постройках отмечено, что они ветхие.

Удивляет значительное поголовье скота у крестьян. Лошадей с жеребятами значилось 21 голова, коров с телятами 20, овец 21, свиней с поросятами 22, коз 8. Из птицы 20 кур и 15 гусей.

Итоговые положения и показатели

Надо учитывать, что описаний крупных имений 1760—1770-х гг. сохранилось мало. Почти половина имений безусадебные. Другие производят впечатление хозяйственных центров, в которых владельцы, видимо, изредка останавливались во время приездов. Обстановка жилья не очень богатая, но были исключения. Так, в одной усадьбе Орловского уезда в старых светлицах отмечены панели в деревянных рамах, обои бумажные немецкой работы и обои холщовые, покрытые алебастром. Имеются сведения о посуде хрустальной, фарфоровой, в том числе и китайской. Среди мебели столы мраморные на деревянных ножках, столик ломберный, обитый сукном.

Обычными предметами интерьера считались зеркала стенные в рамах, какая-то лепнина («штукатурная работа и убранье»), мебель, в том числе шкафы, столы, кровати, канапе, стулья и кресла, обитые кожей или сукном, столик ломберный, стол складной на складных подножках, стол с мраморной столешницей русской столярной работы. В усадьбе лейб-кампании гренадера был портрет Елизаветы Петровны. Нередко упоминаются дверные и оконные скобы, крючья, петли, запоры, сделанные из железа. Светлицы отапливались печами. Указаны и «холодные» без печей. В одной «черной» горнице стояла кирпичная печь с выводной трубой. Отмечена «черная стряпейная горница» с «черной» печью.

В средних и мелких имениях в домах насчитывалось иногда по 4—5 светлиц с кафельными печами. Как и ранее, многие малосостоятельные помещики ставили не горницы, а избы. В усадьбе А. А. Юрова Переславль-Залесского уезда светлиц не было, а упомянуто 5 изб — передняя, крестовая, спальня, кладовая, людская. Печи в избах кирпичные, «изращатые», окна «косящатые», двери «топорной работы» на крюках и петлях железных, потолки и полы дощатые. Впервые упомянуты двери створчатые со стеклами, в том числе в рамах дубовых, окончины «российского стекла».

За редким исключением в изучаемых крупных имениях крестьяне состояли на денежном оброке. В подмосковном имении Н. Ф. Апраксин заменил барщину денежным сбором. А. А. Меншиков упразднил трудовую повинность на винокуренном заводе, и в его арзамасском владении крепостные облагались только денежным платежом.

Размеры платежей можно вычислить по 5 имениям 1762—1775 гг. В среднем на двор в костромском имении Н. С. Багратиона ставка наименьшая 2 руб. 50 коп. со двора. В имениях Н. Ф. Апраксина, П. А. Меншикова и С. В. Салтыкова (1775 г.) показатели совпадают (6 руб. 52 коп., 6 руб. 46 коп., 6 руб. 50 коп.). В арзамасском владении А. А. Меншикова (1663 г.) оброк самый высокий — 8 руб. 94 коп.

В пензенском имении С. П. Вельяминова-Зернова на двор приходилось оброка 6 руб. 6 коп. (на чел. — 2 руб.) и небольшая норма барщины в озимом поле — 0,3 дес. (0,1 дес.).

Средние показатели на чел. м.п. колеблются от 1 руб. 21 коп. в имении Н. С. Багратиона до 2 руб. 50 коп. в арзамасском имении А. А. Меншикова. В других имениях: 1 руб. 86 коп., 2 руб. 2 руб. 9 коп.

Как видно, чаще встречается показатель около 6 руб. на двор, 2 руб. на чел. м.п. Это выше, чем по сведениям на первую четверть XVIII в.

Показатели барщинных повинностей определены только по 5 средним имениям. Наименьший выведен по переславль-залесскому имению А. А. Юрова (0,4 дес. в поле на двор, 0,1 дес. на чел.). Не исключено, что крестьяне этого имения уплачивали и оброк. Для других владений по озимому полю выведены дворовые показатели 1,2 дес. (2 имения), 1,4 и 3,7; душевые 0,3 дес., 0,4 (2 имения) и 0,9. Сумма средних по четырем владениям 7,5. Общая средняя 1,9 (т. е. около 2 дес.) на двор.

По боровскому имению Я. Г. Жемчужникова можно установить соотношение господского и крестьянского (8 дворов — 26 чел. м.п.) озимых полей. На двор приходилось 1,2 и 2,1 дес., на чел. — 0,4 и 0,6 дес.

По всем крупным имениям установлен семейный состав крестьянских дворов (*см. табл. № 4.49*). Из 687 семей более половины (54,7 %) приходится на малые. Доля неразделенных 45,3 %. В 1740—1750-х гг. первенство было за неразделенными. Теперь на первом месте оказываются малые семьи. Как и прежде, отцовских было больше почти в 3 раза, чем братских.

Почти 85 % малых семей относятся к дворам первой группы. Еще 28,2 % — ко второй. В третьей и четвертой группах их единицы. Неразделенных по численности больше во второй группе, а по долям они составляют 93—94 % — в третьей и четвертой.

Демографическое состояние также устанавливается по крестьянам всех крупных имений (*см. табл. № 4.50*). В 9 владениях отмечено 687 дворов — 2172 чел. м.п. (в среднем на двор 3,2). По каждому имению в среднем на двор приходилось от 2,0 до 3,6 чел. м.п. Сумма средних 28,0. Общая средняя 3,1. По трем именям показатель ниже, по шести — равный им. Средняя 3,1 вводится по двум владениям; 3,6 — тоже по двум.

Табл. № 4.49

Семейное состояние крестьянских дворов в крупных имениях 1760-1770-х гг.

Группа дворов	Всего семей		Малые семьи		Неразделенные семьи			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	в том числе	
							отцовские	братские
1	358	100,0	303	84,6	55	15,4	52	3
2	238	100,0	67	28,2	171	71,8	124	47
3 (7 имений)	74	100,0	5	6,7	69	93,3	46	23
4 (2 имения)	17	100,0	1	5,9	16	94,1	9	7
Всего	687	100,0	376	54,7	311	45,3	231	80

Табл. № 4.50

Демографическое состояние крестьянских дворов в крупных имениях в 1760-1770-х годах

Группа дворов	Дворы		Крестьяне м.п.			Взрослые м.п.		
	кол-во	%	кол-во	%	в среднем на двор	кол-во	%	в среднем на двор
1(Вельяминов)	358	52,1	826	38,0	2,3	358	31,2	1,0
2 (9 имений)	238	34,6	829	38,2	3,5	482	42,1	2,0
3 (7 имений)	74	10,8	392	18,0	5,3	231	20,1	3,0
4 (2 имения)	17	2,5	125	5,8	7,3	75	6,6	4,4
Всего	687	100,0	2172	100,0	3,2	1146	100,0	1,7

Группировка дворов везде проведена по взрослым (15—65 лет) м.п. Как и ранее, большинство дворов (358 — 52,1 %) отнесено к первой группе. Их более половины. Третья часть (2238 — 34,6 %) попала во вторую группу. В третьей группе (74 — 10,8 %) их одна десятая, в четвертой всего 17 дворов (2,5 %).

По численности людей м.п. показатели первой и второй групп равны (38,0 и 38,2 %). Доля третьей 18 %, четвертой 5,8 %. Средние на двор возрастают от первой (2,3) до четвертой (5,3).

По числу взрослых на первом месте вторая группа (482 — 42,1 %), а затем первая (358 — 31,2 %). Доля четвертой небольшая (6,6 %), но здесь и дворов всего 17.

По четырем имениям 1760-х гг. (Н. Ф. Апраксина, С. П. Вельяминова-Зернова, А. А. Меншикова и С. В. Салтыкова) можно установить соотношение числа крестьян по возрастным группам. Оно сходно с данными 50-х гг. XVIII в. Доля детей и молодых до 14 лет у м.п. составляла 34—47 %, у ж.п. — 35—50 %. Людей взрослых (15—65 лет) было больше: м.п. — 49—58 %, ж.п. — 42—57 %. Доля крестьян старших возрастов (66 и более лет) для м.п. 3—6 %, для ж.п. — 5—9 %. Данные в целом для людей об.п. следующие: дети и подростки до 14 лет включительно составляли от 36 до 49 %. Людей 16—65 лет насчитывалось около половины (48—58 %). Пожилых 66—90 лет оказалось мало — 5—7 %.

Показатели конского, коровьего и овечьего поголовья рассчитываются по всем 9 крупным имениям, свиного — только по 4 (*см. табл. № 4.51*). Сведения о курах даны в описаниях семи владений.

По конскому поголовью средние дворовые по имениям от 1,2 до 2,9. Показатель 2,9 встречается дважды. Сумма средних 18,3. Общая средняя 2,0. Ниже ее средние по 4 имениям, выше — по 5. Большие совпадения по душевым. Колебания от 0,4 до 0,9. Средняя 0,4 — 0,5, 0,7, 0,9 выделены для двух имений каждая. Сумма средних 5,8. Общая средняя 0,6. Ниже общей душевая по четырем имениям, выше — по пяти.

По коровьему поголовью дворовые показатели от 1,3 до 5,1. Дважды встречается один показатель — 2,1. Сумма средних 22,8. Общая средняя 2,5 (ниже — по пяти имениям, выше — по четырем). Душевая от 0,4 до 1,6. Дважды выводятся средние 0,4 и 0,6. Сумма средних 7,5. Общая 0,8. Соотношение по имениям: ниже — для пяти, выше — для четырех.

Табл. № 4.51

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в крупных имениях 1760-1770-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по именьям от... до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	9	1,2-2,9 / 0,4-0,9	18,3 / 5,8	2,0 / 0,6	4 / 4	5 / 5
Коровье	9	1,3-5,1 / 0,4-1,6	22,8 / 7,5	2,5 / 0,8	5 / 5	4 / 4
Овечье	9	1,5-7,2 / 0,5-2,2	45,5 / 14,0	5,0 / 1,5	3 / 3	6 / 6
Свиное	4	1,6-5,6 / 0,5-1,5	13,2 / 3,8	3,3 / 0,9	2 / 2	2 / 2
Кур русских	7	4,3-12,6 / 1,3-3,5	57,4 / 18,2	8,2 / 2,6	5 / 3	2 / 4

Табл. № 4.52

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в крупных имениях 1760-1770-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по именьям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	6	10,9-39,1 / 3,9-12,6	138,2 / 43,9	23,0 / 7,3	3 / 3	3 / 3
овес	3	9,4-18,0 / 3,1-5,8	44,4 / 14,1	14,8 / 4,7	1 / 1	2 / 2
гречь	2	2,5-7,5 / 0,8-2,3				
пшеница	2	5,9-17,4 / 1,8-5,6				
горох	1	1,3 / 0,4				
конопля	1	1,8 / 0,5				

Дворовые по овечьему поголовью от 1,5 до 7,2. Дважды встречается только один показатель — 5,9. Сумма средних 45,5. Общая средняя 5,0. Показатели по трем именьям ниже, по шести — выше. Душевые от 0,5 до 2,2. Дважды выведены показатели 1,6 и 2,2. Сумма средних 14,0. Общая средняя 1,5 (ниже показатели для трех, выше — для шести имений).

По свиному поголовью совпадающих нет. Сумма дворовых 13,2. Общая средняя 3,3. Сумма душевых 3,3. Общая средняя 0,9.

Табл. № 4.53

Средние показатели крестьянского животноводства и птицеводства в средних имениях 1760-1770-х годов (в числителе – на двор, в знаменателе – на человека м.п.)

Поголовье	Число имений	Средние по именьям от... до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
Конское	29	0,9-6,2 / 0,4-1,3	78,5 / 22,6	2,7 / 0,8	15 / 16	14 / 13
Коровье	29	0,9-6,2 / 0,2-2,5	71,9 / 22,0	2,5 / 0,7	15 / 13	14 / 16
Овечье	29	0,8-11,5 / 0,3-3,9	157,7 / 47,0	5,4 / 1,6	15 / 15	14 / 14
Свиное	20	0,3-7,5 / 0,1-1,7	60,7 / 9,9	3,0 / 0,5	10 / 6	10 / 14
Козье	5	0,4-3,6 / 0,2-1,0	7,3 / 2,1	1,5 / 0,4	4 / 3	1 / 2
Кур русских	20	3,1-17,7 / 1,1-4,4	158,8 / 46,2	7,9 / 2,3	11 / 11	9 / 9

Средние по посевам ржи выведены по шести крупным имениям, овса — по трем, гречи — по двум, пшеницы — по двум, гороха и конопли — по одному (*табл. № 4.52*).

Средние ржаного поля в четвериках от 10,9 до 39,1 на двор. Сумма средних 138,2. Общая средняя 23,0. Для трех имений показатели ниже, для трех — выше. Душевые от 3,9 до 12,6. Сумма средних 43,9. Общая средняя 7,3 (для трех — ниже, для трех — выше).

Средние по посевам овса от 9,4 до 18,0. Сумма средних 44,4. Общая средняя 14,8. Душевые от 3,1 до 5,8. Сумма средних 14,1. Общая средняя 4,7.

В средних имениях отмечено 342 крестьянских двора — 1136 чел. м.п. (в среднем на двор 3,3). По каждому имению показатели от 2,1 до 4,5. Наиболее часто встречаются: по 3 раза 3,2 и 3,5; по 2 раза 2,3; 2,7; 3,1; 3,3; 3,3; 3,6; 4,0.

Средние показатели по животноводству и птицеводству в 29 средних имениях см. *табл. № 4.53*. Поголовье конское, коровье, овечье представлено по всем имениям, свиное — по 20, козье — по пяти.

Совпадающих показателей немало, особенно по средним конского и коровьего поголовья. Для лошадей дворовые 1,3 (2 раза), 1,8 (4 раза), 2,8 (2 раза), 4,2 (3 раза); душевые 0,4 (5 раз), 0,5 (3 раза), 0,6 (3 раза), 0,7 (4 раза), 0,8 (3 раза), 0,9 (2 раза), 1,2 (3 раза), 1,3 (2 раза). Для коров дважды выводятся дворовые 0,9, 1,1, 2,6, 3,0 и трижды 3,3; душевых еще больше: 0,3 (3), 0,5 (6), 0,6 (2), 0,7 (4), 0,8 (4), 1,0 (2), 1,2 (2). Душевые для овец 0,8 и 0,9 (2 раза), 0,7, 1,1, 2,0 (3); для свиней по 2 раза показатели 0,1, 0,2, 0,6, 1,7.

По конскому поголовью дворовые средние от 0,9 до 6,2. Сумма средних 78,5. Общая средняя 2,7. Ниже общей показатели 15 имений, выше — 14.

Табл. № 4.54

Средние показатели крестьянских посевов зерновых (в четвериках) в средних имениях 1760-1770-х годов(в числителе – на двор, в знаменателе – на чел. м.п.)

Зерновые	Число имений	Средние по имениям от...до...	Сумма средних	Общая средняя	Число имений с показателем ниже общего	Число имений с показателем равным общему и выше
рожь	15	4,0-56,0 / 1,3-14,0	254,5 / 76,1	17,0 / 5,0	9 / 8	6 / 7
овес	7	6,2-27,4 / 1,4-17,4	118,4 / 44,7	16,9 / 6,4	3 / 4	4 / 3
пшеница	4	0,4-6,1 / 0,1-1,8	7,9 / 2,3	2,0 / 0,6	3 / 3	1 / 1
гречa	3	4,3-7,2 / 1,0-1,7	18,1 / 4,3	6,0 / 1,4	1 / 1	2 / 2
ячмень	3	1,0-3,0 / 0,3-0,7	5,5 / 1,3	1,8 / 0,4	2 / 2	1 / 1
горох	2	1,1-1,6 / 0,3-0,4				
конопля	3	0,5-2,3 / 0,2-0,6	4,6 / 1,2	1,5 / 0,4	1 / 1	2 / 2

Душевая от 0,4 до 1,3. Сумма средних 22,6. Общая средняя 0,8 (показатель ниже для 16 имений, выше – для 13).

По коровьему поголовью общие средние 2,5 (для двора) и 0,7 (для чел. м.п.), по овечьему — 5,4 и 1,6, по свиному — 3,0 и 0,5.

Представленные в описаниях сведения о посевах зерновых не всегда позволяют вывести средние показатели. Не удается везде местные меры (осьмины, четвертки) перевести на общепринятые. Посевы яровых по нескольким имениям не разделены по культурам. Иногда даются вместе площади под двумя яровыми культурами.

Средние показатели представлены в *табл. № 4.54*. Для ржи средние выведены по 15 имениям от 4,0 до 56,0 четвериков (на двор, от 1,3 до 14,0 (на чел.). Общие средние 17,0 и 5,0. Подворные показатели по девяти имениям ниже, по шести — выше; душевые — восемь и семь.

Посевы овса даны по семи имениям. Дворовые показатели от 6,2 до 27,4; душевые от 1,4 до 17,4. Общие средние 16,9 и 6,4. По трем имениям дворовый показатель ниже, по четырем — выше. Душевой — 4 и 3.

Общие положения и итоги

Подведем итоги изучения «государственных» описаний дворянских усадеб за весь период (вторая половина XVII — 70-е гг. XVIII в.). Содержание описаний усадебных дворов показывает, что переписчики ставили перед собой задачу зафиксировать перечень построек, их вид (горница, светлица, комната, сени и др.) и местоположение. Заметки о постройке жилых покоев «в одной связе» позволяют точнее представить расположение объектов. О наличии в господском доме парадных помещений прямых указаний нет.

Примерно за столетие облик сельского усадебного двора с господским домом предстает в виде значительного по площади огороженного участка. Постройки четко делились на жилые и хозяйственные. Обычными жилыми помещениями помещика были горницы и светлицы, реже комнаты и комнатки, а «помещиковы» избы встречаются все реже и реже. Вспомогательные постройки, кроме поварни и бани, ставятся вдали от жилых. В самом господском доме помещения хозяйственного назначения не встречаются. В сенях отмечаются чуланы, но в основном места хранения имущества отводятся в подклетах. На усадебной территории наряду с «черными» избами для дворовых людей и служебных надобностей появляются «белые» с кирпичными печами и трубами.

Внимание составителей усадебных описаний к печам и каминам объяснялось их существенным местом в организации пространства домов[4]. Детально описывались двери и окна (размеры, материал, задвижки, крючки, щепочки). Двери и окна выполняли важную роль в создании пространственных связей и выявлении художественной значимости интерьера. Штукатурный и лепной декор в сельском усадебном жилье встречался еще редко[5]. Скульптурный декор в сельском усадебном жилье встречался еще редко[5]. Сведения о мебели давались не для всех господских домов. Не часто упомина-

[4] Историк архитектуры считает, что «с 1700 по 1750-е и в 1750—1760-е гг. жилые дома близки к древнерусским, но уже с элементами регулярности, проявившейся в геометризации и симметричности композиций и планировки», а воссоздаваемые исследователями планы «показывают не только размеры и пропорции помещений, но и их взаимоотнесенность и планировочную взаимосвязь» (*Тыдман Л. В.* Изба. Дом. Дворец: жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000. С. 79, 273).

[5] Там же. С. 24—25.

дись картины и ювелирные изделия. Стены, реже потолки, обивались с первой четверти XVIII в. Позднее стали отмечать обои холщовые, побеленные известью или алебастром[6], а также деревянные панели.

Наименования светлиц столовыми, гостиными, приемными отмечено еще в конце XVII в. Однако распространенность такие названия получили с 1770-х гг.[7] Светлицы отмечены «теплыми» и «холодными». Горницы были «белые» и «черные». В отличие от «черных» изб в «черных» горницах стояли кирпичные печи с выводными трубами. В изученных нами описаниях XVIII в. записей о назначении жилых покоев мало. Упоминаются следующие покои (светлицы и горницы): прихожая, передняя, крестовая, столовая, спальня, зал (зала)[8].

Заметные изменения внешнего вида усадебных домов и их интерьера приходятся на 70-е и последующие десятилетия XVIII и начала XIX вв. В 1790-е и 1800-е гг. резко возросло и количество возведенных домов-дворцов, отличавшихся большой роскошью[9].

Попробуем сравнить приведенные по главам описания построек крестьянских дворов, а также показатели демографическо-семейные и хозяйственные.

Среди крестьянских жилых построек встречаются только «черные» (курные) избы[10]. О «белых» избах упоминаний нет. Изменений внешнего вида изб не замечено. Постройка пятистенных изб оказывалась под силу только зажиточным крестьянам[11].

Попробуем сравнить приведенные по главам показатели демографическо-семейные и хозяйственные крестьянских дворов.

По приблизительным данным 1750—1760-х гг. около половины крестьянского населения составляли люди в возрасте от 15 до 65 лет (мы считаем их взрослыми работниками). Их доля 46—54 %. Доля лиц детских и отроческих лет очень значительна (39—47 %). Можно считать, что высокая детская смертность перекрывалась высокой рождаемостью. Примерно к возрасту около 50 лет из-за плохих жизненных условий и тяжелого труда численность крестьян заметно уменьшалась. Доля людей старшего возраста (от 60 лет и выше) колебалась от 3 до 8 %.

Семейный состав дворов в крупных имениях заметно изменился на протяжении XVIII столетия. По описаниям первой четверти XVIII в. малых семей (258) меньше, чем неразделенных (404). Доля малых 39 %. Такое же по-

[6] Тыдман отмечает, что обивка холстом встречалась все реже, а затем была вытеснена штукатуркой (с. 191—192, 296).
[7] Там же. С. 133, 136, 141, 144.
[8] Л. В. Тыдман считает, что в конце XVII — начале XVIII вв. понятию «зал», возможно, могли соответствовать «большие столовые палаты» (с. 132—133). По нашему мнению, для сельских усадебных домов первой половины и середины XVIII в. зал, как просторный покой для приемов и собраний, был необычным и очень редким.
[9] Там же. С. 9, 23, 64.
[10] Даже в больших городах население окончательно отказалось от «черных» изб лишь к концу XVIII в. (Там же. С. 12, 272).
[11] Пятистенные и шестистенные дома (2—3 смежных жилых помещения и сени) в начале XVIII в. и позднее возводили состоятельные и богатые помещики (Там же. С. 68, 76).

ложение по описаниям 40—50-х гг. XVIII в. (555 и 683). Но теперь доля малых больше — 44,8 %. В 1760—1770-х гг. соответственно 376 и 311. Неразделенных стало меньше. Доля малых превысила половину (54,7 %) всего числа семей.

Можно также выявить уменьшение доли братских семей по отношению к отцовским: первая четверть XVIII в. — 44,5 %; 1740—1750-е гг.— 23,6 %; 1760—1770-е гг. — 25,7 %.

И количественные данные, и процентные соотношения позволяют довольно четко определить три контингента крестьянских семей. К первому относятся дворы первой группы. Их демографическое состояние для сельской местности наихудшее. В то же время их большинство. Состояние второго контингента (2 работника) заметно лучше. Однако и здесь число малых семей значительно. Третий контингент (3 и более работников) можно считать благополучным. В нем главенствуют неразделенные семьи.

Изменяется ли демографическое состояние крестьянских дворов в крупных имениях?

Доля дворов первой группы одинакова в первой четверти и в 40—50-х гг. XVIII в. (39—40 %). В 1760—1770-х гг. их доля возрастает до 52,1 %. Доля дворов второй группы мало изменяется. Она от 35,0 % возрастает к 39 % и вновь опускается до 34,6, т. е. возвращается к первоначальному показателю. Снижается доля дворов третьей группы (19,3; 16,5; 10,8 %) почти вдвое, а также четвертой (6,1; 4,6; 2,5 %) — в 2 $^1/_2$ раза. Как видно, доля зажиточных дворов уменьшается.

Сравним соотношение дворов первой и второй групп, т. е. дворов малосостоятельных, и дворов третьей и четвертой групп, которые можно считать зажиточными. В первой четверти XVIII в. их доли 74,6 и 25,4 %, в 40—50-х гг. — 78,9 и 21,1 %, в 60—70-х гг. — 86,7 и 13,3 %. Доля малосостоятельных возросла на 12,1 %, доля зажиточных настолько же уменьшилась. Таким образом, в первой четверти XVIII в. дворы с взрослыми работниками 1—2 чел. составили три четверти всей численности, к 60—70-м гг. их доля возросла еще больше (86,7 %). Примерно из каждых 100 дворов 87 оказывались малоустойчивыми в демографическом и хозяйственном положении.

Можно заметить и уменьшение населенности дворов людьми м.п. (средние 3,9; 3,6; 3,2). Средние показатели числа мужчин-работников остаются на одном уровне (1,8; 1,9; 1,7).

Если судить по общим средним на двор и на душу о состоянии животноводства и птицеводства, то можно заметить следующее. По конскому и овечьему поголовью и по курам показатели увеличились на период 1740—1750-х гг. и вновь снизились. А по коровьему и свиному поголовью показатели повышались в расчете и на двор, и на чел. м.п. Надо отметить, что во многих имениях коров и свиней у крестьян было мало, и, естественно, земледельцы стремились увеличить их поголовье.

Относительно крестьянских посевов в крупных имениях можно судить лишь по участкам под рожью и овсом. Общая средняя по ржи возрастает и в расчете на двор и на чел. м.п. Сопоставление показателей по овсу показывает, что после возрастания в 1740—1750-е гг. наступает их снижение.

По средним имениям сопоставление поголовья скота можно начинать с XVII в. В первой половине XVIII в. показатели общих средних на двор снижались. Затем к 1760—1770-м гг. они повысились, но уровня XVII столетия не достигли. По душевым показателям для конского поголовья видно некоторое повышение (0,7; 0,5; 0,7; 0,8). По курам наблюдается возврат к прежнему (2,3; 1,9; 2,7; 2,3).

Показатели средних имений в расчете на двор по посевам ржи в первой половине XVIII в. снижаются, в 1760—1770-х гг. почти подтягиваются до уровня XVII в. Душевые возрастают (от 5,7 до 7,3). По овсу данные только за XVIII столетие. Здесь сначала подъем (от 11,6 до 18,6), потом снижение (14,8). То же показывают душевые (2,7; 5,4; 4,7).

В целом каких-либо заметных изменений в показателях поголовья и посевов не наблюдается. Конечно, источников для более определенных выводов не хватает. И все же вряд ли можно полагать, что за изучаемый период хозяйственное состояние крестьянских дворов могло заметно измениться в лучшую сторону.

Часть 2

Крепостная деревня

Социальный облик и бытовое устройство по помещичьим инструкциям управителям имений

Деятели XVIII в. заинтересованно обсуждали вопросы экономического развития страны, среди которых важное место занимала сельскохозяйственная тема.

Примечательно суждение Петра I в переведенной книге 1723 г. или немного позднее о немецком сельском хозяйстве в главе, названной им «О бережении земледельцев». Редактируя текст переводчика, император написал: «Понеже поселяне суть артерии государства и как де чрез артерию (т. е. большую жилу) все тело человеческое питается, так государство поселянами. Чего ради надлежит оных беречь и не отягощать чрез меру...»[1] Увы, ни Петр, ни другие русские правители практически об этой мере не задумывались. Мнение о том, «что лучшее все изобретение и главные доходы государства Российского происходит от земледельства», выдвинул в 1735 г. Артемий Петрович Волынский, ранее составивший инструкцию об управлении своими владениями. Иван Тихонович Посошков и Василий Никитич Татищев в своих сочинениях первое место отводили промышленности и торговле. Михаил Васильевич Ломоносов ратовал за взаимосвязанное развитие всех областей экономики (сельского хозяйства, промышленности, внутренней и внешней торговли)[2].

Увлечение дворян сочинением инструкций по управлению имениями — яркая черта XVIII столетия. Нельзя не усматривать в этом влияние законодательства абсолютистской монархии, особенно времен петровских реформ, по регламентации хозяйственной, духовной и личной жизни подданных, по всесторонней опеке над ними[3].

К рубежу XVII—XVIII вв. российские дворяне стали осознавать, что хозяйственные возможности их сел и деревень не могут полностью обеспечить возраставшие потребности в деньгах. На протяжении XVIII в. разрыв в до-

[1] Цит. по статье П. К. Алефиренко «Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства» в книге «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия» (М., 1952. С. 261). В книге Гохбера глава имела название «О вольностях земледельцев и крестьян, которые они у древних имели».

[2] Там же. С. 265.

[3] См.: *Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. / Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 423—424; *Дружинин Н. М.* Просвещенный абсолютизм в России / Там же. С. 432.

ходах и расходах постоянно увеличивался. Русские и иностранные мастерские и мануфактуры предлагали разнообразные изделия для обустройства быта дворян. В связи с этим мысли о доходности имений становились волнующими для многих помещиков.

Мы можем судить об этом по возраставшему числу инструкций (наказов) приказчикам и управляющим[4]. ВЭО опубликовало в 1770 г. лучшие из представленных на конкурс наказы Андрея Тимофеевича Болотова и Петра Ивановича Рычкова. Показателен и возросший к середине XVIII в. интерес к переводным и оригинальным научным справочникам и сочинениям на сельскохозяйственные темы. Наконец, симптоматично появление отечественных научных трудов, затрагивавших кардинальные вопросы устройства дворянских экономий.

Уж к середине XVIII в. нужда дворян в деньгах проявилась настолько явно, что появились советы отказываться от излишней роскоши, придерживаться бережливости и жить по средствам. Рассуждая о денежных доходах дворянства, Василий Никитич Татищев так писал в сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки»: «Конец желаниям нашим ненасытным в свете главной пункт — деньги: не тот богат, кто их имеет много и еще желает, и не тот убог, кто их имеет мало, мало же скорбит о том и не желает, а богат, славен и честен тот, кто может по препорции своего состояния без долгу век жить и честь свою тем хранить и быть судьбою довольным, роскоши презирать, скупость в доме не пускать». Далее Татищев советовал всякому сельскому помещику оставлять от своего годового дохода по крайней мере пятую часть «для нечаянных приключениев: например, в случае недорода хлеба в прокормлении крестьян, в падеже скота и пожара». При доходе в 1 тыс. руб. не следует иметь в усадьбе более 12 дворовых людей (9 м.п. и 3 ж.п.). Среди них перечислены камердинер, повар и его ученик, кучер, форейтор, 2 лакея, истопник, работник, женщина «вверху», белая прачка, работная женщина. Для кареты достаточно завести 4 лошади[5].

Помещичьи инструкции XVIII в. по управлению имениями позволяют не только представить жизнь крепостной деревни. Разработанные в инструкциях правила хозяйствования и быта свидетельствуют также о том, какой хотелось бы владельцам имений видеть крепостническую повседневность.

Предшественниками помещичьих наказов XVIII в. явились «памяти» приказчикам XVII в. Сравнение «памятей» с инструкциями XVIII столетия проведено А. А. Новосельским. В сочинениях XVII в., писал он, нет «ни малейшего налета теоретической мысли, ни общих теоретических сельскохозяйственных соображений, ни, тем более, рассуждений о благосостоянии крестьян, никаких проявлений попечительства, часто, конечно, платонического»[6]. В наказах XVIII в. появляются рекомендации о проведении работ и сроках на господских полях, о содержании скота, об улучшении хозяйства и быта крестьянских дворов. Документы сугубо административно-фискального надзора превратились в своды административно-хозяйственных правил для данного имения. Присоединяясь к положениям Новосельского, В. А. Александров подчеркнул стремление помещиков XVIII в. очертить нормы частновотчинного права и обозначить «реальные проявления вотчинной власти в повседневном положении сельских общин»[7].

Введение инструкций в научный оборот началось в начале XX в. В течение 1903—1910 гг. М. В. Довнар-Запольский опубликовал значительное число наказов в Известиях Киевского университета[8]. В приложении к своей монографии «Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.)», изданной в 1976 г., В. А. Александров напечатал перечень известных ему инструкций, в том числе хранящихся в архивах. За XVIII столетие в его перечне насчитывается 32 инструкции. Их в действительности сохранилось больше. Так, Л. И. Кондрашова насчитывает в личных фондах РГАДА Щербатовых, Бутурлиных, Строгановых, Самариных 14 неопубликованных наказов. Известна инструкция В. Г. Орлова в Симбилейскую вотчину, опубликованная еще в 1929 г.[9] Позже установлено, что в 1790-х гг. граф составил инструкции и для других крупных имений Нижегородской губернии[10]. С. А. Козлов в изданной в 2002 г. книге «Аграрные традиции и новации в дореформенной России» упоминает отсутствующую в указанном перечне инструкцию князя С. Гагарина 1763 г. приказчику села Бобрики Московского уезда («Журнал землевладельцев», № 23, 1859 г.).

К. В. Сивков отнес к помещичьим инструкциям (наказам) рукопись В. Н. Татищева 1742 г. «Краткие экономические до деревни следующие записки» в силу конкретности и содержательности их хозяйственных рекомендаций. В. А. Александров также включил в перечень инструкций рукопись В. Н. Татищева. Н. Л. Рубинштейн полагает, что сочинение Татищева «правильнее рассматривать как памятник экономической сельскохозяйственной литературы», так как в нем «впервые выдвинуты предложения о серьезных нововведениях в русскую сельскохозяйственную практику»[11].

[4] Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). М., 1984. Ред. колл. Е. И. Индова, А. А. Преображенский. Составители Е. И. Индова, Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева; Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). М., 1987. Отв. ред. А. А. Преображенский. Составители Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева; Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). М., 1990. Отв. ред. А. А. Преображенский. Составители Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. В публикацию 1990 г. включены так называемые «образцовые» инструкции П. И. Рычкова и А. Т. Болотова. Постраничные указания на эту и другие публикации инструкций 1984 и 1989 гг. даются в тексте данной монографии.

[5] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 414. О находке сочинения, его опубликовании и использовании в литературе см. там же. С. 33—35.

[6] *Новосельский А. А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929. С. 70. См. также: *Кондрашова Л. И.* Малоизвестные помещичьи наказы управителям XVIII в. // Труды Московского Госуд. Историко-архивного ин-та. М., 1957. Т. 10. С. 222—224.

[7] *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 50.

[8] Университетские известия: Год 43. № 12. Киев, 1903; Год 44. № 6 и 7. Киев, 1904; Год 49. № 7. Киев, 1909; Год 50. № 11. Киев, 1910.

[9] *Архангельский С. И.* Симбилейская вотчина Вл. Гр. Орлова (1790—1800 гг.) // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. Нижний Новгород, 1929. С. 187—192.

[10] *Лебедева О. Н.* «Уложение» В. Г. Орлова 1796 г. как источник для изучения социально-экономической истории городецкой вотчины конца XVIII в. / Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 45—48.

[11] *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 133, 135.

Напротив, П. К. Алефиренко и К. В. Сивков считают, что написанные Татищевым разделы о господских работах и поборах, о дворовых людях в усадьбе, об образцовом крестьянском дворе сходны с другими инструкциями, в том числе с наказами А. Т. Болотова и П. И. Рычкова[12].

Корпус известных помещичьих инструкций продолжает пополняться. Е. И. Индовой издана инструкция князя М. М. Щербатова, составленная в 1758—1762 гг. для ярославской вотчины[13]. Э. С. Коган напечатала инструкцию по управлению пензенским имением А. Б. Куракина, введенную в действие вскоре после расправы с крестьянами, поддержавшими армию Пугачева в 1774 г.[14] В 1997 г. М. Ф. Прохоров опубликовал часть инструкции князя Михаила Михайловича Голицына 1774 г. приказчику сел Воскресенское и Вишенки Суздальского уезда (найдена в ОПИ ГИМ)[15].

О находке Е. Б. Смилянской в 1989 г. рукописи 1750-х гг. «Инструкция о домашних порядках» Тимофея Петровича Текутьева и ее значении для освещения усадебной жизни говорилось выше[16].

В помещичьих инструкциях сельская дворянская усадьба, по существу, не получила освещения (имеются лишь сведения о вотчинной администрации и дворовых людях, их жаловании и месячном довольствии). Так, в инструкции А. Т. Болотова специальный раздел посвящен действиям приказчика в господском доме («внутреннее домоводство»). Приказчик должен наблюдать за работой дворовых людей («особливо не были бы ослушны» и не было бы «никого праздноживущих и тунеядцов»), за выдачей им месячины, одежды и обуви, не допускать «ссор, браней и крику». Если у мастеровых (ткачи, столяры, кузнецы и др.) не было господской работы, разрешалось «отпускать их в наем с довольною для господина прибылью». Надо было смотреть за «прядею льна и пеньки, тканьем холстины, полотен, сукон и протчаго», приготовлением ветчины, копченостей, масла, круп, хранением имущества и пищевых продуктов. Как видно, вся усадьба и усадебное хозяйство вверялись приказчику (с. 146).

Инструкция Т. П. Текутьева специально посвящена регламентации усадебного хозяйства и повседневной жизни в господском доме. Вот рекомендации Текутьева по устройству усадьбы: ставить ее «подале» от крестьянского жилья для безопасности от пожара и «огородных и домовых краж»; чтоб «около усадьбы поболше пашни и сенокосу было, для лутчаго поблизости присмотру в пашне, севе, боронбе и козбе» (с. 34); хозяйственные постройки делать «крепкими и плотными»; завести «хмельники свои», пчельники, участки под лен и коноплю «для домовых нужд» (с. 36—37). Подробно расписаны обязан-

[12] См.: *Сивков К. В.* Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства России // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 245; *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 344—345. См. также: *Кузьмин А. Г.* Татищев. М., 1981. С. 302—307.

[13] Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 6. М., 1965. С. 432—469.

[14] *Коган Э. С.* Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева // Исторические записки. М., 1951. № 37. С. 122—124.

[15] Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Б. Вяземы, 1997. Ч. 1. С. 121—137.

[16] См. с. 47—48.

ности дворовых людей по содержанию господского жилья, по уходу за скотом; рекомендовано при охране дома сторожам «иметь неусыпных собак чем» (с. 57). Перечислены работы по заготовке продуктов (вина, пива, меда, мяса, рыбы, масла, сыра, колбас, пирогов, конфет, грибов и др.), что позволяет Е. Б. Смилянской не соглашаться с мнением Н. Д. Чечулина о скромном рационе питания провинциальных дворян до 1760-х гг. (с. 174).

Об обстановке усадебного дома инструкция ничего не сообщает. Текутьев рекомендовал устроить «на дворе нашем» столярную и токарную избу, жилую столяр, портной и сапожник (с. 66).

Изучаемые нами помещичьи инструкции первой половины и середины XVIII в. переизданы в 1980-х гг.[17] Инструкции 1790-х гг. в последнее время не переиздавались[18].

Во введении к публикации (1987 г.) проанализировано содержание помещичьих инструкций, воссоздающих внутренний уклад крепостнической деревни. Наказы позволяют представить и состояние агрономии и агротехники, и реальные взаимоотношения землевладельцев и закрепощенного населения. Подчас помещики выступают в них как практики, ищущие пути повышения уровня хозяйствования, т. е. доходности имений. Авторы введения отмечают, что инструкции наглядно показывают «определенную напряженность» аграрных порядков, проистекающих из непримиримых противоречий между крепостниками и крепостными. Эта напряженность еще более усиливалась в обстановке приобщения натурального хозяйства к рыночным связям. «Российская действительность середины XVIII в. уже ставила вопрос о несовместимости [крепостного. — *Ю. Т.*] права с ходом исторического прогресса», — считают публикаторы.

Н. Л. Рубинштейн попытался проследить изменения в содержании инструкций. По его мнению, наказы первой четверти XVIII в. «касаются в основном административно-фискальных и судебно-полицейских вопросов» и уделяют мало внимания собственно хозяйственным вопросам (с. 133). Не совсем ясна авторская мысль. Надо ли понимать, что сельские занятия все-таки получили освещение, пусть в небольшой степени? Н. Л. Рубинштейн считает, что «инструкции второй четверти XVIII в. также почти не касаются хозяйственных сюжетов. При этом он оспаривает мнение П. К. Алефиренко о прямой направ-

[17] См. сноску 4. Публикаторы не включили обширную инструкцию П. А. Румянцева 1751 г., опубликованную М. В. Довнар-Запольским (Университетские известия. Год 43. № 12. Киев, 1903); инструкцию Н. Г. Строганова 1725 г., опубликованную Н. В. Устюговым (Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4); инструкцию в пензенские вотчины Куракиных 1775 г. (напечатанную Э. С. Коган — «Исторические записки». Т. 37. С. 122—124); а также «Предписание» А. П. Волконской (1728 г.) (Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909).

[18] Инструкции напечатаны М. В. Довнар-Запольским и С. И. Архангельским. Среди них инструкция В. Г. Орлова 1790 г. (Нижегородский краеведческий сб. Нижний Новгород, 1929. Т. 2. С. 187—192); инструкция в вотчину Ростовского уезда 1790-х гг. (Университетские известия. Год 50. № 11. Киев, 1910); инструкции И. И. Шувалова в вотчину Суздальского уезда 1795 г. (Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909); инструкции Г. И. Шипова (1794 г.) и Ф. Н. Голицына (1796 г.) в вотчину Ефремовского уезда (Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909; Там же. Год 50. № 11. Киев, 1910).

ленности инструкций «на агрономическое улучшение и развитие сельского хозяйства»[19]. Далее следует положение, что инструкции 50—60-х гг. «в отношении агрономических интересов в основном мало отличаются» от прежних (с. 137). Можно согласиться, что за редким исключением во всех инструкциях преобладает административный крен (управление вотчиной и система наказаний), однако и хозяйственные вопросы занимают в них свое место.

Также спорно противопоставление инструкций второй четверти и 50—60-х гг. относительно доходности имений. Во всяком случае, положения Н. Л. Рубинштейна о наличии в инструкциях 50—60-х гг. «целой системы новых мероприятий по повышению доходности», о том, что «рыночная, товарная направленность составляет новую черту вотчинного хозяйства... этого периода» (с. 138) нуждаются в конкретном обосновании. Процесс усиления рыночных связей помещичьего хозяйства в 1740 — начале 1750-х гг. явно прослеживается в инструкциях, опубликованных, правда, после выхода в свет книги Н. Л. Рубинштейна.

Н. Л. Рубинштейн считает, что наказы второй четверти XVIII в. мало отличаются от сочинений первой четверти XVIII в., лишь подробнее описаны административно-полицейские функции приказчика и детальнее обозначены размеры крестьянских повинностей и сборов. Е. Б. Смилянская считает, что как раз Текутьев излагает ряд агрономических сведений (сроки пахоты, боронования, удобрения, посева, правила подготовки семян, способы уборки, обмолота и хранения зерновых), которые отсутствуют в других инструкциях первой половины XVIII в. (с. 20—21).

К сравнению инструкций первой и второй половины XVIII в. обратился в книге об аграрных традициях и новациях С. А. Козлов. По его мнению, для первой половины столетия характерна «жесткая и исключительно подробная регламентация всех хозяйственных работ, выполняемых крепостными крестьянами». В середине и во второй половине XVIII в. наряду с традиционными указаниями «появляются и новые», особенно касающиеся земледельческих работ (А. Т. Болотов) и содержания скота (П. И. Рычков). Подробнее «элементы рационализации» показаны автором на материале инструкции 1763 г. князя С. Гагарина приказчику подмосковного села Бобрики. Здесь во главу угла ставился строжайший учет и контроль за всеми хозяйственными операциями. В то же время помещик требовал завести в имении конский и овчарный заводы, вывозить на каждую десятину пашни по 400 возов навоза, завести конопляники во всех деревнях, а также вместо обычных плетней «обрыть рвами» крестьянские гумна, выгоны и конопляники. «Таким образом, — считает С. А. Козлов, — новые рациональные элементы хозяйствования включались в уже существующую экономическую и социокультурную систему русской крепостной деревни»[20]. Точнее следовало бы говорить не о деревне, а о господском хозяйстве.

Помещичьи инструкции, отмечал в своей книге В. А. Александров, пронизывает «хозяйственно-деловой подход к управлению вотчин, ведению и

[19] См.: *Анефиренко П. К.* Русская общественная мысль... С. 265.
[20] См.: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной деревне. М., 2002. С. 320—325.

организации в них хозяйства». Для второй половины XVIII в. можно отметить стремление «интенсифицировать и рационализировать ведение хозяйства» (с. 50).

На наш взгляд, следует более четко различать элементы рационализма в сфере управления имениями (они заметны в инструкциях) и элементы рационализма в самом сельскохозяйственном производстве. Последние едва прослеживаются в наказах приказчикам.

Все известные до сих пор помещичьи инструкции были адресованы управителям или приказчикам — людям, стоявшим во главе вотчинной администрации[21]. К старостам и общинным властям с письменными наказами общего инструктивного порядка землевладельцы не обращались. Казалось бы, что для управления оброчными имениями можно было бы заменить приказчика выборными крестьянами. Ведь это позволяло избежать расходов по содержанию вотчинной администрации, а они были значительными. Однако в сознании дворян укрепилось недоверие к сельской общине, что отразилось и в отмеченных золотыми медалями ВЭО инструкциях А. Т. Болотова и П. И. Рычкова. Приказчик, пусть и запускавший руки в господское добро, считался незаменимым в сфере управления имением.

Нам удалось обнаружить единственное, составленное в 1740 г. предписание помещика, адресованное не приказчику, а выборным крестьянам. Оно сохранилось в фонде Дворцового отдела РГАДА среди бумаг, относящихся к вотчинам вице-канцлера графа Михаила Гавриловича Головкина. Вотчины были конфискованы и взяты в дворцовое ведомство в конце 1741 — начале 1742 гг. по приказу императрицы Елизаветы Петровны, а сам граф сослан в Сибирь.

Документ представляет собой договор (контракт) по управлению селом Кимры с деревнями. По форме он сходен с обычной инструкцией, а написан в середине 1740 г. при необычных для вотчины обстоятельствах. Владелец решил упразднить господское хозяйство и полевую барщину и перевести крепостных с 1 января 1741 г. на повышенный денежный оброк. Возможно, Головкин сомневался в том, что приказчик сумеет провести такой перевод без уменьшения доходности имения. Помещик посчитал, что при резком изменении хозяйственного характера имения сами крестьяне будут заинтересованы в исправном сборе увеличенного платежа[22].

Можно считать основной причиной появления договора 1740 г. постоянный недобор оброчных денег с крестьян кимрского имения. 18 июня 1736 г. по указу помещика вступил в управление вотчиной Ларион Галахов. Новый приказчик собрал сход и объявил о снижении денежного оброка с двух до одной тысячи рублей. Для обеспечения сбора крестьяне должны были разверстать тысячу рублей между собой «полюбовно» и в подтверждение этого составить договор, под которым бы «письменно своеручно подписались»,

[21] См.: *Петровская И. Ф.* Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII — первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 22—24; *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 11—12.
[22] См. Отечественная история. 2003. № 3. С. 146; Муниципальная власть. 2004. № 3.

как непашенные, так и пашенные. Крестьяне приняли предложение помещика, так как при несогласии оброк взимался бы «по старому окладу» (как видно, слово «договор» бытовало в имении). Подлинник договора о платеже тысячного оброка и поставке «столовых доходов» приказчик оставил у себя в селе Кимры «впредь для спору», а копию послал Головкину в Москву.

Снижение оброка объяснялось не заботой владельца о своих крепостных. Скорее всего помещик пришел к мысли о нереальном размере денежных платежей.

Как собирался денежный оброк в 1734 и 1735 гг., показано в особом «Ведении», составленном кимрским приказчиком в 1736 г. Надлежало собрать за два года с пашенных крестьян 2458 руб., а было уплачено только 566 руб. 91 коп. Оставалось в доимке 1891 руб. 9 коп. Непашенные бобыли (они составляли примерно четвертую часть населения имения) сдали вместо 1684 руб. только 409 (в доимке 1275 руб.). Очевидно, помещик потерял надежду на полный сбор и в два раза уменьшил оброк с вотчины, сохранив полевую барщину и сбор продуктов.

М. Г. Головкин, как и его отец, канцлер Г. И. Головкин, скорее всего и ранее составлял инструкции по управлению многочисленными вотчинами. Головкины являлись богатейшими душевладельцами[23] и занимали высшие посты в государственном управлении. Сведений о таких инструкциях не имеется. Такие сановники, как Шереметевы, А. П. Волынский, П. А. Румянцев, М. М. Щербатов и др., составляли наказы приказчикам.

По указанию М. Г. Головкина в середине 1740 г. крестьяне кимрского имения выбрали для управления 8 человек — трех из пашенных деревень и пятерых — из непашенных. Они явились в Санкт-Петербург, и здесь «с ними учинен договор для облехчения их по нижеписаному что вы учините». Таким образом, договор получил силу оформленного инструктивного документа. После подписания контракта помещиком 9 июня 1740 г. выборным вручили копию и отпустили в тот же день «в домы своя»[24].

Договор 1740 г. заметно отличался от договора 1736 г. Необычная мера по устранению приказчика, естественно, потребовала включения в договор детальной росписи перехода к новому порядку управления. Головкин установил, что в селе Кимры «прикащику не быть, а вотчину править вместо прикащика погодно выбранным от всего миру» трем старостам. Один из них выбирался из первостатейных, второй — из среднестатейных, третий — «из убогих». Сменяемые ежегодно старосты должны были решать всякие вотчинные дела с «согласия и совету мирских людей». Передача управления седом трем старостам совершалась «по росписному списку с рук на руки». Росписной список «за отдатчиковой и приемщиковыми руками» выборные должны были «взять... к домовым делам для знания, что чего отдано будет в селе, а буде не все, что то отыщете» (л. 63 об.—64).

Выборным предписывалось: «нынешнаго прикашика Галахова и помощника ево Кирилова генворя с 1 числа 741 г. возмите в Москву совсем из бытия ево, Галахова». При этом им поручалось проверить все денежные дела приказчика: «по указом моим сочтите и буде что на нем явитца начету, то с него доправьте; а ежели и от крестьян на него жалобы будут в чем, что ледуйте и буде в чем по следствию явитца виновен, то учините с ним по указом моим, как и с прочими прикашики за их вины поступлено».

Итак, выборным передавалось общее управление имением. Повседневное исполнение («править... всякие вотчинные дела») функций приказчика поручалось старостам. Однако они выбирались по оригинальному порядку, определенному Головкиным, от трех имущественных групп. Такое представительство, по мнению помещика, сужало для сельских богачей возможность прибрать все управление к своим рукам.

В трехзвенной цепи (приказчик — старосты — общинные власти) заменялось высшее звено. Первостепенную задачу всех управленческих звеньев помещик усматривал в обеспечении доходов с имения.

Выборные обязывались 1 января 1741 г. собрать в господском доме всех крестьян и новоизбранных старост и «по совету своему разложить» поступление подушных денег по полугодиям и помещичьего оброка по третям года с каждого осьмака. Расклад фиксировался в мирском приговоре и старостами в приходной книге. Помещик требовал деньги «збирать заранея, до сроку, изподоволь» и «платить не пропуская сроку, но конечно до сроку за сколько времени возможно». Копии квитанций о платеже надо было прислать в Петербург. Это же относилось к уплате в казну откупных денег за мельницы, перевоз, конскую площадку и др.

«Зборные деньги» предписывалось «содержать в удобном месте в сундуке» вместе с приходно-расходной книгой и «в тот сундук ходить всем оным трем человекам старостам и при них одному земскому». Подчеркивалось, что к сундуку «ходить» обязательно должны были все старосты вместе «чинить всем обще приход и росход справедливой и из приходу не убавливать, а к росходу лишняго не приписывать». После проверки выбранными через год новыми старостами и поверенными от всех крестьян приходно-расходные книги отправлялись в домовую канцелярию (л. 64 и об.).

Основное место в договоре занимает текст о переменах в системе крестьянских повинностей и вытекавших из этого изменениях в господском хозяйстве. Последнее стало теперь занимать довольно скромное место[25].

В первом пункте договора владелец приказывал крестьянам имения до 1 января 1741 г. «быть на пашне и из работах всяких так, как они прежде были и ныне имеютца». При выполнении полевой барщины в течение года

[23] *Алефиренко П. К.* Крупное вотчинное хозяйство гр. М. Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961. С. 138.

[24] Копию договора см.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 369. Л. 62—66 об.

[25] П. К. Алефиренко кимрскую вотчину посчитала оброчным владением (в действительности в ней бытовали и барщина полевая, и денежный оброк). В среднем с души м.п. взимался платеж 1 руб. 51 коп. О продуктовом сборе сведений нет. Крестьяне занимались в основном сапожным промыслом (в 1741 г. отходников в Москву «для прокормления» насчитывалось 89 чел.). О земледелии и животноводстве крестьян вотчины материалов в фонде Канцелярии конфискации РГАДА не обнаружено (*Алефиренко П. К.* Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40—50-х гг. XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. С. 137, 141, 143.

сохранялся прежний порядок. Предписывалось яровые и рожь «ждать и убрать и обмолотить». После обмолота зерно надлежало продать в селе Кимры своим крестьянам или посторонним «по тверской настоящей цене», кроме необходимого для местной богадельни, до прихода с зерном «низовых или шашких стругов». При низкой цене хлеб надо было «перевести зимою на подводах или весною на барках во Тверь». Выбор перевозки зимой или летом отдавался на усмотрение крестьян. Крепостные освобождались от посева озимой ржи на господском поле на 1741 г., а сам барщинный клин приказывалось отдать «им, крестьянам, во весь мир», т. е. всей общине (л. 62).

Сенные покосы требовалось также «подкосить и убрать», а сено продать в Кимрах, Твери или Кашине по настоящей цене, а в Москву не привозить. Крестьяне могли господский укос отдать «внаймы за настоящую цену» (л. 62).

Помещичье скотоводство в Кимрах упразднялось. Господский племенной скот выборные обязывались «разослать» по пахотным деревням («куда усмотрите, туда и разошлите»). Неясно, оставался ли он в собственности графа или передавался крестьянам.

Господское рыбное хозяйство на первых порах сохранялось. Рыбу «в улове» требовалось содержать «в прудах и в садках или прорезах». Осенью часть ее, включая стерлядей, «в бочке прислать суда», а прочую по первому пути перевезти в московские пруды и в пруды подмосковных деревень (л. 62 и об.).

В крестьянские работы по-прежнему входило обслуживание господских садов: «садовников содержать им, крестьянам, на своем коште, и обноважать садовую землю их крестьянским навозом». Яблоки и прочие фрукты надо было выборным «продавать в Москве ль, или где вы заблагорассудите» (л. 66).

На текущий 1740 г. крестьяне обязаны были, согласно окладной книге, денежный оброки «разные припасы» сдать сполна и «в доимку ничего не запустить». Это же касалось сборов с мельниц, перевоза, конской площадки и прочего. В последних числах декабря все должно было быть доставлено в Москву к казначею. «А как 1741 год придет», то указано отдать крестьянам «все сенные покосы, пашню, мельницы, пруды и рыбные ловли, волской перевоз, конскую площадку, полавочныя, пчелиныя и протчия все доходы, житницы и амбары и рыбных ловцов» (л. 62 об.).

За все перечисленные и за другие «всякие работы» крестьяне обязывались в течение 1741 г. по третям уплачивать 2600 руб. (на треть 866 руб. 66 2/4 коп.). В 1742 г. оброк повышался на 200 руб. В 1743 г. сумма возрастала до 3000 руб. (л. 63).

Полностью барщинные работы в господском хозяйстве не отменялись. Сверх оброка крестьянам надлежало «исправлять работы в Кимре, что будет при церквах Божьих, при мельницах и прудах, и при амбарах, и при нашем доме, и скотных и конюшенных дворах починок». Кроме того, надо было ремонтировать двор и амбары в Твери из своего леса, осенью выгружать из «низовых и шашких барок» хлеб и складывать в амбары тверского запасного двора. Весной «им же самим или наймом» грузить хлеб в барки «для отпуску питербурского». Как и прежде, крестьяне должны были «взводить» барки до Вышнего Волочка. Эта повинность рассчитывалась из платежа 3 руб. на лошадь. Однако оговаривалось, что численность людей и время работы зависели от количества перевозимого хлеба, а его по годам «неравна бывает». При отправке несоразмерного «со излишеством» числа работников и жалоб от них виновным грозили штраф и наказание (л. 63 и об.).

Договор запрещал выборным под угрозой штрафа помимо вышеописанных работ устанавливать другие, «и подвод никаких не спрашивать... для того, что они определены на оброк». Помещик был озабочен, чтобы в пашеже оброка не было от крестьян «никаких оттворок и... прошений, что они излишнее работали» (л. 63 об.).

С 1741 г. в вотчине упразднялись барщинные полевые работы и сенокошение. Ликвидация полевой и луговой барщины обусловила исключение из договора разного рода наставлений о повышении продуктивности господского и крестьянского сельского хозяйства.

Довольно подробно оговаривались судьбы дворовых людей. С упразднением господского хозяйства многие дворовые люди переводились вновь в крестьянское состояние. Находящихся в Кимрах взятых из местных жителей скотников, конюхов и прочих Головкин приказал отдать «всем крестьянам в мир нынe по-прежнему во крестьяне». Тех же, которых мир не примет, или переведенных из других имений нужно было передать «в другия вотчины, где дворовых не достает». Особо оговаривался перевод из Кимр «в мир и во крестьянство» 9 человек — двух земских, двух деншиков, двух садовников, двух мельников и часовщика, так как они и прежде были местными сельчанами. Канатчика, если он из дворовых, помещик указал перевести «в тверской запасной двор в дворовыя и для дела канатов». Если же он из крестьян и женат, то «туда, откуда был взят» (л. 62 и об.).

В договоре расписано Головкиным денежное и хлебное жалование дворовым людям. Оно шло от общины («от всего миру»), а прежде хлеб поступал из господских житниц. Земским полагалось (каждому) 3 руб. денег, 6 четв. ржи, по 3 четв. овса и ячменя, пуд соли, 3 пуда мяса, 4 барана. Другие получали ежегодно каждый 1 руб., 6 четв. ржи, 1 четв. овса, 4 четверика круп, пуд соли, 3 пуда мяса, 3 барана. Мир мог заменить продукты деньгами (четв. ржи — 50 коп., четв. овса — 36 коп., четв. ячменя — 45 коп., пуд соли — 25 коп., пуд мяса — 30 коп., баран — 25 коп.). В таком случае весь оклад земского составлял в год 10 руб. 58 коп. (обоим земским 21 руб. 16 коп.), дворового 5 руб. 42 коп. На семью давалось также по 2 саж. дров (л. 66 и об.). Видимо, это местные цены.

Перевод на денежный оброк повлек расширение сферы действий крестьянской общины. Усилились ее контрольные функции. Записано право общины отдавать на оброк рыбные ловли, как своим, так и посторонним. Головкин предложил рыбаков «положить в тягло» с предоставлением пашенной земли и сенных покосов. Сами крестьяне всем миром решали, держать ли «на вере» или сдавать на откуп мельницы, волжский перевоз и конскую площадку «к лутчему и доброму своему прибытку». Плату за помол на мельницах устанавливала община («как они миром похотят»). Это же касается платы за хранение в амбарах и житницах «купецкого» хлеба (л. 65 об.—66). При отдаче мельниц на откуп община определяла положение мельни-

ков. Либо они переводились на содержание откупщиков, либо определялись «во крестьяне» (л. 66 об.). Крестьянам, живущим в Санкт-Петербурге, Москве и в других местах, полагалось «быть под ведением» кимрской общины, которая устанавливала размер оброчных денег. На волю общины отдано право решать дела о досрочном возвращении отходников в кимрскую вотчину. В обязанность кимрских крестьян входил розыск «своим коштом» беглых. Вернувшимся община давала льготы в оброке на 1—2 года и оказывала помощь при дворовом строении («дворовое им строить миром и скотом ссужать»). Показательна при этом запись: «а на розвод давать *с возвратом* как питальной хлеб на семена и на емена» (курсив мой. — *Ю. Т.*) (л. 65).

Можно считать, что большинство из перечисленных в договоре функций общинных властей прежде состояло либо в ведении одного приказчика, либо в совместном ведении и приказчика, и общинных властей.

Сибирская ссылка М. Г. Головкина и конфискация его кимрской вотчины привели к тому, что уникальный договор помещика с выборными крестьянами вскоре утратил свою силу. Дворцовая администрация восстановила власть своего приказчика (имение перешло «под смотрение» Алексея Фатуева). Все же крестьяне, продолжая уплачивать увеличенный денежный оброк, избавились от полевой барщины. В составленном в 1742 г. перечне имений М. Г. Головкина и его жены находится описание кашинской вотчины, которое свидетельствует о реализации многих статей договора 1740 г.: «в селе Кимре помещиковой пашни и сенных покосов, конюшеннаго и скотнаго заводов не имеется и столовых доходов не собирается, того ради, что оное село Кимра з деревнями при бывшем графе Михаиле Головкине с 741 году положена в оброк и определено собирать с крестьян в 741 году 2600 рублев, в 742 году 2800 рублев, а с 743 году впредь повсягодно платить в год по 3000 рублев»[26].

* * *

С каждым десятилетием XVIII в. все более явно обозначалось одно из коренных противоречий российской экономики. Крепнущий внутренний рынок порождал спрос на продукцию сельскохозяйственного производства, заставлял усиливать товарность земледелия и животноводства. Однако крестьянское хозяйство, натуральное в своей основе, опутанное крепостническими узами, с трудом удовлетворявшее растущие потребности дворян, не могло выставить на продажу достаточную массу своей продукции. Правящие круги были озадачены и обеспокоены неурожаями и небывалым ростом хлебных цен в 1760-х гг. В донесениях с мест это объяснялось отходом сельского населения на заработки. Доля истины в таком объяснении была. Возраставшие владельческие и государственные поборы вынуждали крестьян искать деньги на стороне. Вовлекаемые в торговлю, промышленность и на транспорт земледельцы сами становились потребителями продуктов питания.

Обеспечить товарный выход продукции в тех условиях, казалось бы, могло помещичье хозяйство. И в правительстве, и в дворянской среде стали за-

[26] РГАДА. Ф. 6. Д. 322. Ч. 8. Л. 225 об.

думываться о мерах, благодаря которым помещичьи экономии могли бы занять ведущие позиции в земледелии и животноводстве, увеличить товарную долю сельских продуктов и тем самым поднять доходность имений[27].

Наиболее обоснованное решение данной проблемы было предложено в *наказах известных ученых Андрея Тимофеевича Болотова и Петра Ивановича Рычкова*. Они разработали проекты устройства и управления помещичьими имениями. Следование предложенным правилам могло бы увеличить доходность дворянских владений. Болотов и Рычков не были беспочвенными мечтателями. Будучи сельскими помещиками, они хорошо представляли уклад жизни в помещичьей деревне.

Каким же образом сочинения Болотова и Рычкова были созданы и опубликованы? Обратимся к событиям 1760-х гг. Манифест 1762 г. «О даровании вольности и свободы дворянству», превратив службу дворян из обязанности в право, коренным образом изменил положение сословия в государстве и «открыл путь к его «золотому веку»». Упразднение обязательной службы было с одобрением встречено дворянами[28]. Ушли в прошлое преграды для возвращения дворян в свои сельские усадьбы на постоянное проживание. Манифест открыл новые возможности для дворянского хозяйственного предпринимательства. Правительство стало считать (по словам В. О. Ключевского) помещика и покровителем, и хозяйственным опекуном своих крестьян, а его усадебное хозяйство примерным для крепостных. Не случайно к 1765 г. относится учреждение общественной организации —ВЭО. Екатерина II одобрила эту инициативу петербургских сановников, предпринятую «к исправлению земледелия и домостроительства». Под этим понималось, прежде всего, содействие обустройству помещичьих имений. Члены Общества считали, что без «тщательного изучения русского земледелия и условий русской жизни» разрабатываемые рекомендации «будут скучны и мало полезны»[29]. Исполняя намеченное, Общество составило перечень вопросов, разослало анкеты по провинциям и приступило к подготовке научно-практических трудов.

Образование ВЭО явилось заметным событием не только для российского сельского хозяйства, являвшегося главной отраслью экономики страны. Деятельность общества в первую очередь была направлена на развитие научной мысли и практики в области агрономии и агротехники[30]. Вместе с

[27] *Анфиренко П. К.* Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства. С. 262, 265; *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 315—316; *Анфиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в. С. 6—8, 387—388; *Миронов Б. Н.* Сельское хозяйство России в 60-х гг. XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. Сб. 9. С. 224—233.

[28] См.: *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 3.

[29] *Ходнев А. И.* Краткий обзор столетней деятельности имп. Вольного экономического общества с 1765 до 1865 гг. СПб., 1865. С. 3—4.

[30] О деятельности ВЭО в последней трети XVIII в. см.: *Сивков К. В.* Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961. С. 153—162; *Индова Е. И.* Вопросы земледелия в «Трудах ВЭО» во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1970 г. Рига, 1977. С. 114—123; *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995. С. 24—37; *Казаков С. А.* Указ. соч. С. 331—334.

тем она оживила интерес к экономической мысли и к общественной мысли в целом. Устав ВЭО ставил целью заботу «о приращении в государстве народного благополучия», для чего необходимо «стараться приводить экономию в лучшее состояние».

Как ни странно, свою деятельность ВЭО начало с широкого обсуждения поставленной в ноябре 1766 г. конкурсной задачи «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны». Это было сделано под давлением императрицы, которая уже с февраля 1765 г. работала над «Наказом» Уложенной комиссии и которую не устраивало ограничение деятельности Общества областью сельскохозяйственного производства[31]. Последовавшую отрицательную реакцию дворянского сословия выразил писатель Александр Петрович Сумароков — «лучше не иметь крестьянам земли собственной, да и нельзя — ибо земля есть собственность дворянская». Поступившие в Общество ответы достаточно подробно проанализированы в научной литературе. Историки, экономисты, юристы использовали при этом и архивные источники из фонда ВЭО, хранящегося в ЦГИА в Санкт-Петербурге[32].

В ряде ответов содержится обоснование выгодности и пользы наделения крестьян землей в собственность в целях стимулирования труда. Так, анонимный автор писал, что человек по натуре своей «об имении собственном большее попечения имеет, нежели об общем». Крестьянин без собственной земли «делается нерадивым, мало думает о земледелии, впадает в бедственное состояние» и, «будучи сам нищ, приводит в нищету и общество». Однако в целом участники конкурса отрицательно отнеслись к учреждению крестьянской собственности.

Всего поступило 162 ответа, в основном на немецком и французском. Первая премия была присуждена доктору права Беарде-де-Лабею (Ахен). Автор считал, что собственностью на землю может обладать только свободный крестьянин. Сначала следует узаконить право лишь на движимое имущество. Правовед рекомендовал помещикам сдавать крестьянам, имеющим наделы, за плату в аренду небольшие земельные участки, что поднимет благосостояние крепостных, а значит, и доходы дворян.

Из семи ответов на русском языке было отмечено второй премией сочинение академического переводчика юриста Алексея Яковлевича Поленова. Он предлагал предоставить помещикам право передачи наделов в наследственное пользование, а также право передавать в собственность земледельцам их движимое имущество. Отсутствие имущественных прав, считал Поленов, ведет к нерадивому отношению крестьянина к сельской работе (он

[31] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 1. С. 46—48.

[32] Там же. С. 51—54, 58—94; *Каратаев Н. К.* Очерки по истории экономических наук в России XVIII в. М., 1960. С. 51—65; *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. М., 1963. С. 63—78; *Он же.* Труды Вольного экономического общества: зарождение капитализма // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. М.; СПб., 1995. Т. 2. С. 151—158.

«наперед знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насилия, не получит»). Автор предлагал перейти к нормированию крестьянских повинностей, «чтобы крестьянин один день работал на своего господина, а в прочие на себя».

Ответ Лабея был напечатан в Санкт-Петербурге в 1768 г. Ответ Поленова увидел свет почти 100 лет спустя — в 1865 г. Вероятно, в связи с открытием заседаний Уложенной комиссии сочинение печатать не решились, а позже постарались и вовсе забыть о нем[33].

Не напрасно опасались члены ВЭО поступления ответов, содержащих предложения о смягчении крепостного режима (право крестьянского наследования надельной земли, нормирование барщинных повинностей), что могло привести к вмешательству государства в жизнь помещичьих имений. Можно думать, что проживавшая в Санкт-Петербурге часть членов ВЭО в июле 1768 г. в виде реванша за конкурс 1766 г. о возможной земельной собственности крестьян решила провести новый — на составление наказа для управителя или приказчика помещичьего имения. Инициаторы как бы спускали обсуждение проблем крепостничества с заоблачных высот социально-экономической теории на «грешную землю», предполагая, что авторы ответов будут опираться и на реалии помещичьей деревни, и на действовавшие в первой половине века наказы (инструкции) помещиков, предназначенные для отдельных имений. И они не ошиблись в своих расчетах. Поступившие конкурсные наказы не посягали на существующие крепостнические порядки[34].

Поначалу лучшими были признаны наказы надворного советника Федота Удолова «Наставление приказчикам в господских мызах и деревнях около Санкт-Петербурга» и майора барона Ф. Вольфа «Наказ управителю или прикашику, как управлять деревнями в отсутствие помещика», опубликованные в 11 и 12 частях «Трудов» ВЭО в 1769 г. Однако они мало отличались от обычных помещичьих инструкций. Золотые медали получили сочинения географа, экономиста, историка члена-корреспондента Петербургской Академии наук оренбургского помещика Петра Ивановича Рычкова «Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина» и одного из основоположников русской агрономической науки, писателя, тульского помещика Андрея Тимофеевича Болотова «Наказ управителю или прикашику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина», напечатанные в 1770 г. в 16 части «Трудов» ВЭО[35]. По своему пространному и всестороннему содержанию инструкции

[33] *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 444.

[34] Трудно согласиться с мнением Н. К. Каратаева, согласно которому во второй половине XVIII в. дворян мало интересовали вопросы агрономии и агротехники и в угоду им Общество обратилось к проблеме организации и управления имениями. Тираж «Трудов» ВЭО вырос с 1200 до 2400 экземпляров. Издавалось 6 сельскохозяйственных журналов (см.: Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. Автор текста об агрономии Л. Н. Вдовина).

[35] Последняя по времени публикация подготовлена А. А. Преображенским, Л. В. Даниловой и М. Д. Курмачевой и издана в 1990 г. в виде 2 части книги «Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.)».

Рычкова и Болотова явно отличаются от других и действительно могут быть названы «образцовыми».

Можно с большой долей уверенности предположить, что Рычков и Болотов, будучи известными учеными и практиками-агрономами, хорошо знали содержание бытующих с начала XVIII в. помещичьих инструкций приказчикам отдельных имений. Ряд тезисов их «образцовых инструкций» перекликается со статьями наказов, составленных некоторыми помещиками до 1770 г.[36] Главное отличие наказов Рычкова и Болотова в их научно-практической направленности, в наличии общих для всего помещичьего и крестьянского хозяйства положений и наблюдений, в попытках осмыслить состояние сельскохозяйственного производства в целом[37].

В научной литературе слабо освещены проекты, поступившие на конкурс 1768 г.[38] Проблема крестьянской собственности на землю в проектах конкурса 1766 г. оказалась более привлекательной для специалистов. Однако изучение вопроса, как следует управлять крепостническими экономиями, также является важной научной задачей.

В силу особого значения для раскрытия избранной темы «образцовых» наказов А. Т. Болотова и П. И. Рычкова им уделено нами особое внимание. Именно их положения взяты нами за структурную основу. «Образцовые» инструкции дополнены иными, опубликованными в 1980—1990-х гг. Среди последних важны по содержанию «Краткие... записки» В. Н. Татищева, «Инструкция о домашних порядках» Т. П. Текутьева (1750-е гг.).

* * *

«Образцовые» инструкции А. Т. Болотова и П. И. Рычкова детально наметили наилучшие способы организации и ведения сельскохозяйственного производства во всех его отраслях. Но они же заявили об условиях претворения в жизнь агрономической науки и практики в крепостной деревне. Следует

[36] Книги и статьи А. Т. Болотова были известны в ученой среде. Ныне установлено его авторство трехтомного труда «Деревенское зеркало, или общенародная книга...», изданного в 1798 г. (*Мыльников А. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 39).

[37] «Это собственно теоретические и отчасти практические руководства для ведения рационально поставленного сельского хозяйства» (*Сивков К. В.* Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России... С. 242). Н. Л. Рубинштейн при разборе экономической литературы и помещичьих инструкций середины XVIII в. называет наказы Рычкова и Болотова «обстоятельными». Он отмечает их направленность на управление имениями и организацию крепостного труда (при слабом освещении агрономии), считает, что они отражают «хозяйственную практику помещиков этого периода» и фактически следуют за ней. (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 146—147.) Инструкции Болотова и Рычкова являются свидетельством включения новых рациональных элементов хозяйствования в давно сложившуюся систему отечественных аграрных традиций в сфере земледелия, луговодства и животноводства. В них затронуты также особенности крестьянской психологии, отношения крепостных к труду и деревенскому общежитию. (*Козлов С. А.* Указ. соч. С. 323—325.)

[38] В центре внимания экономистов при освещении наказов были проблемы сопоставления барщины и оброка. В труде И. К. Каратаева проведено лишь сравнение наказов Рычкова и Болотова. В монографии В. В. Орешкина подчеркнуто, что в «образцовых» наказах предпочтение отдавалось барщинному хозяйству и в земледелии, и в помещичьих промышленных предприятиях.

сразу же отметить, что их наказы являются сочинениями в похвалу и в защиту дворянских имений и крепостного хозяйства середины XVIII в. Их цель усовершенствовать управление имениями, являющимися материальной основой привилегированного положения дворянского сословия в общественном строе России XVIII в.[39]

По мысли авторов, от процветания помещичьих экономий зависит общий уровень сельскохозяйственного производства и даже всего народного хозяйства страны. Доходность имений определяет и благоденствие находящихся в дворянских имениях крестьян. Рычков и Болотов пытались убедить, будто повышение производительности сельскохозяйственного производства и улучшение сельского быта возможно не путем смягчения, а, напротив, путем ужесточения крепостнических порядков, внедрения всестороннего попечительства помещиков и их администрации над крепостным населением. Они не только не призывали расчетливых дворян к замене барщины (самого тягостного для крестьян вида повинностей) оброком, а, напротив, — стремились обосновать жизненную необходимость сохранения отработочной ренты[40].

В отличие от обычных наказов «образцовые» инструкции (и в этом их несомненное достоинство) связывают процветание имения с *благополучием крепостных крестьян*. Это первое условие увеличения доходности имений. Они против безудержной эксплуатации, а за расчетливость и взвешенность при определении поборов и повинностей. Обратимся к этой двуединой цели, намеченной Болотовым и Рычковым. Как и все помещичьи инструкции, они ратуют за повышение доходности имений, однако при благоденствии крепостных в качестве непременного условия. Продуманное развернутое представление о средствах достижения этого находим у Болотова. Большой жизненный опыт и практика управления различными владениями позволили ему выдвинуть положение о взаимосвязанном сосуществовании дворянской усадьбы и крестьянского мира. В силу этого задачу управления он видел как в «приумножении доходов, так и в сохранении деревень в хорошем состоянии» (с. 97). Первого без второго достигнуть невозможно. «Отвращение тех причин, от коих деревни приходят в упадок и крестьяне разоряются, отчасти в изыскивании новых средств, служащих к приведению деревень в лутчее состояние» — вот условие выполнения «главного правила» действий помещика и приказчика (с. 147).

Пожалуй, Болотов оказался единственным из составителей инструкций, кто связал «приумножение доходов» с действиями помещика и приказчика «о неразорении крестьян»[41], «Сохранение деревень в целом и невредимом

[39] С. А. Козлов усматривает в наказе А. Т. Болотова призыв к соединению двух определяющих начал: упразднение причин, ведущих к разорению крестьян, и изыскание новых средств для их «благосостояния». Встает вопрос: можно ли меры, направленные к наведению порядка в управлении, к экономии и бережливости, к извлечению максимальной прибыли из всех отраслей хозяйства, трактовать как «элементы рационализма» или «попытки модернизации» (с. 323—324).

[40] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 167.

[41] Повторяя болотовские указания, Григорий Иванович Шепов в своей инструкции 1794 г. писал приказчику: коль все «описать тебе не можно», то «брать свои меры и иметь здравый рассудок, дабы всем оным сохранен был господский интерес и крестьяне б соблюдены были от разорения».

состоянии и приведение оных отчасу в лутчее зависит от трех причин», — указывал он. Первая группа причин, «от которых деревни приходят в худое состояние и разоряются..., происходят от их господина» (с. 95). Среди них отягощение «непомерною работою, тяжкими поборами, многочисленными подводами». «Отягощение» господской работой происходит не только из-за полевой барщины. Вследствие «безпрестанных» работ «на дворянской усадьбе» крестьяне весной, осенью и зимой не имеют отдыха и времени «о домах своих стараться» (с. 148). Это же случается тогда, «когда распоряжения в них сделаны будут беспорядочны и разорительны». Вторая группа — упадок хозяйства «от самих крестьян..., когда они извольничаются, изленятся и запьются». Третья — урон от стихийных бедствий и пожаров (с. 95—96).

Среди конкретных мер по поддержанию имущественной состоятельности крестьян Болотов называет отказ от непомерного увеличения полевой и иной барщины, так как крепостные, «будучи отягощены непомерною господскою работою, упускают за тем и свое земледелие и от того приходят в крайнее разорение». «Хорошо, — пишет Болотов, — когда по-земледельчески говоря, люди возмут верх над землею, а не земля над людьми» (с 107). Для этого он призывает, «чтоб крестьянин столько ж земли пахал на господина, сколько он для себя вспахать может или сколько под собою имеет». Болотов признает, что такая норма барщины чрезмерна, однако «легче и способнее сего для них быть уже не может, ибо часто случается, что они и гораздо более половины на господина пашут» (с. 148). Долг приказчика «разсматривать безпристрастным образом, не обращаются ли которыя-нибудь из положенных господином на крестьян поборов им в крайнее отягощение и... о сложении или уменьшении оных делать своему господину представления». Примечательно дополнение к этому. При взимании поборов «бедных и скудных крестьян возможнейшим шадить образом» (с. 142). Задача приказчика заключается в «учреждении» «хорошего порядка в хлебопашестве, или так называемых полевых работах, дабы они колико можно с лутчим успехом были производимы и крестьянам сколько можно меньше делали отягощения» (с. 103)[6].

Таким образом, автор уповает на толковое, разумное управление имением, при котором барщина не повредит сохранению состоятельного крестьянского хозяйства. Все-таки хочется отметить противоречивость болотовской позиции. Его «человеколюбивость» уживается с чрезмерным отягощением крестьянина. Такова крепостническая диалектика.

А. Т. Болотов называет и еще одну важную причину «худого» состояния деревень: «Более же всего приводит крестьян в бедность и разорение малое количество даваемой им земли, а особливо естьли она не гораздо хлебороб-

[6] С наказом А. Т. Болотова перекликается написанное в 1742 г. сочинение В. Н. Татищева. Однако руководство Татищева по организации сельскохозяйственного производства и управлению имением написано для самого помещика. В отличие «от образцовых» инструкций Татищев к содержанию приказчика или старосты относится отрицательно: «Всякому помещику должно иметь на пашне деревни в одном месте для того, чтоб сам всю экономию мог видеть». Если же «своей экономии видеть за отлучкою не может», то следует отдать «всю землю и всякие угодья крестьянам» (с. 50).

ная» (с. 149). Тем самым он признает, что во многих малоземельных имениях большая часть земли и лучшая по качеству занята господскими посевами. Автор предлагает для смягчения малоземелья уравнительное наделение угодьями и «приумножение своей тягловой земли чрез распашки и копани, буде есть излишния удобныя к тому места» (с. 158). О наделении крестьян хотя б частью барских полей нет и речи. Другой способ заключается в том, чтобы «во всяком дворе был человек затягляй или излишний», который, будучи освобожденным от барщины, уходил бы на заработки по найму.

Как ни превозносил Болотов труд и занятия земледельцев-барщинников, он вынужден в качестве реального средства по изживанию последствий малоземелья рекомендовать меры «в поощрении и буде надобно в принуждении их к разным промыслам и рукомеслам» — извоз, подряды, работы на фабриках и мануфактурах, «деревенские художества» плотников, столяров, кузнецов, портных, колесников, шерстобитов и др. (с. 158).

П. И. Рычков также выступает за равенство господской и крестьянской пашни. Им приводится и расчет по земельной площади тягла и надела в разных имений. Надел составляет 1,1 $^1/_2$, 2 дес. в каждом поле (3,4 $^1/_2$, 6 дес. в трех полях), и такую же площадь имеют господские участки. Но показательно уточнение: «положенную помещичью пашню, не покидая ни из один день, исправить всю, а потом уже... приниматься за свою» (с. 69)[6]. Тем самым с потерей лучшего времени для полевых работ крестьянские поля обрекаются на низкую урожайность. Это же касалось и заготовки сена. М. М. Голицын (1768 г.) приказывал: «Собственные мои луга ежегодно расчищать и в поросль лесную не запускать, а сенокосы начинать прежде крестьянской работы».

Однако Рычков считал, что крестьянский надел надо увеличить. В его наказе венчает градацию помещиков «человеколюбивый господин, и прямо отечество свое любящий», который управителям и приказчикам велит из тягло давать во всех полях 1—1 $^1/_2$ дес. барщины. Крестьянину же для себя и для продажи на платеж государственных податей «по меньшей мере вдвое или втрое... пахать и сеять надобно» (с. 69). Рычков рассуждал, что при такой норме помещик будет в прибыли, так как господская пашня окажется «благовременно и хорошо вспахана и засеяна; а хлеб в надлежащее время у него пожнут и в гумно поставят». При высокой норме барщины, напротив, крестьянин «землю нехорошо вспашет и будет безвременно жать» (с. 70). Если же у крестьян на их собственных десятинах хлеб окажется лучшим по качеству, то Рычков рекомендует господину отобрать его, а труженику отдать худой «с наказанием». Таким образом, каково бы ни было соотношение земель, а при барщине без притеснения крестьян не обойтись.

Второе условие повышения доходов имения — квалифицированное управление. *Управитель, приказчик — фигура, находящаяся в центре «образцовых» инструкций.*

Многие дворяне не жили в сельских усадьбах (их прельщала служба и карьера), а если и жили, то в хозяйство, по существу, не вникали. Поэтому «об-

[6] В. Н. Татищев указывал: «Работу ж производить, сделав сперва помещичью, а потом принуждать крестьян свою» (с. 39).

разцовые» инструкции обращены к управителям (приказчикам). Это знающий агроном, организатор производства и предприниматель, обеспечивающий прибыльность и экономное расходование средств, а также учитывающий рыночную конъюнктуру коммерсант. Приказчик (по Болотову) — «верный и усердный раб» помещика — обязан вести дела, как «надлежит доброму и порядочному хозяину». Исправление «разных экономических дел» требует, «чтоб знал он грамоте и умел исправно читать и писать», знал «некоторую часть арифметики», умел «исправно класть на шотах», мог «осведомляться в других экономических книгах». В целом приказчик должен был исполнять все то, что «должен был исполнять сам его господин, естли б не был в отсутствии» (с. 92–93). Управители, писал Рычков, должны быть людьми добросовестными, трезвыми, знающими «деревенскую экономию», «умели б грамоте читать и писать и хорошо б знали сами шотную выкладку», «чтоб они непозволенных прибытков с отягощением подчиненных им отнюдь не искали» (с. 64).

Болотов начинает свою инструкцию главой «о качестве прикащика». Управителю надо, во-первых, «иметь довольной разум, чтоб мог управлять деревнями»; во-вторых, «быть честнаго и постоянаго жития и поведения и иметь все нужные добродетели, а паче всего верность и усердие к своему господину». Это человек «скораго и здраваго рассудка, памятливой, осторожной, разсмотрительной, богобоязливой, правдивой, чистосердечной, незлопомнительной, нелукавой и не горячаго и беспутнаго нрава», не склонный «к мотовству, воровству, пьянству, непотребству, лихоимству».

Невольно закрадывается мысль, не своими ли личными качествами сочинители наделяли идеального приказчика. По Болотову, приказчик обязан, «вступив в действительное правление», установить, «все ли в деревнях ему порученных добропорядочно... и не вкралася ли во что-нибудь беспорядица». «Лутчаго порядка» ему «никогда не достигнуть», если «его приказы действительно и точно, и без наималейшаго упущения были исполняемы». В противном случае «ежели хотя малое в том с начала ослабление сделается, то ему не только в десятеро более труда к тому прилагать будет надобно, но и довесть совершенно до того никак будет не можно». Настаивая таким образом на беспрекословном послушании крестьян, Болотов дает ему «ученое» обоснование: «Нравы и свойство нашего простаго народа необходимо сей предосторожности требуют». Установление крепостнической дисциплины, схожей с воинской, возможно лишь при наказании виноватых «в страх другим» («слух о том скоро в мужиках причинит страх и произведет то, что они будут осторожнее»). Без наказаний, считал Болотов, крестьянина «к трудам и хорошему домостроительству приучить неможно, и сие им после самим слюбливается и они, привыкнув к трудолюбию, после сами благодарят за оное» (с. 101, 151)[44].

[44] Напрашивается сопоставление с текстом одного петровского указа 1723 г.: «...Понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят» (ПСЗ. Т. 7. № 4345. С. 150).

За много лет до «образцовых» инструкций можно встретить сходный перечень требований к вотчинной администрации. Из требований Т. П. Текутьева к приказчику на первом месте указано «крестьян и людей в послушание приводить», не прикрывать плутов и ленивцев, думать о «господской пользе» (т. е. заведение порядка, основанного на крепостнической дисциплине). На втором месте — знание дела и умение наладить работу «в пашне, севе, боронбе, покосе, в жнитве, в приборе и молотбе хлеба, в кормлении скота и птиц» (с. 32–33).

Текутьев предостерегает приказчика от излишнего рвения во взыскании «поборов и оброков с крестьян и людей»: «сверх положеного излишняго отнюдь не брать». Иначе, по словам автора, страх перед наказанием рождает неповиновение, и «они от излишности ослабевают, в леность и жестокосердие обращаютца и ни каких страхов в бою не чувствуют, великия злобы и вред господину вымышляют» (с. 37).

Приказчик возглавлял вотчинную администрацию. В помощь ему крестьяне выделяли старосту («правая рука» приказчика), выборных и целовальников. В крупных имениях структура вотчинного управления усложнялась. В 1760 г. Петр Александрович Румянцев реформировал управление имениями. Вместо домовой канцелярии была устроена домовая контора из двух экспедиций — вотчинной и экономической. Последняя ведала господским домостроительством, земледельческими работами, содержанием скота и птицы. В штате каждой экспедиции бухгалтер и 10 чел. по регистратурам. Им в помощь крестьяне выбирали старост и целовальников. Учреждалось также домовое казначейство. Нижегородским имением Румянцева ведал стряпчий, а отдельными вотчинами — приказчики. Из крестьян определялись сотские, пятидесятские и десятские, полевые старосты, гуменные старосты. За ослушание и проступки («в малом или многом») служителям грозило наказание в виде лишения годового жалования. За причиненный убыток с них взыскивалось помещиком вдвое.

В 1790-х гг. во главе ряда вотчин вместо приказчика становится бурмистр. В инструкции В. Г. Орлова в нижегородские имения конца XVIII в. записано главное начальство в вотчине иметь бурмистру. Помещик его предлагал, а крестьяне выбирали. Ему в помощь мир выделяет «выборных» четырех человек «из таких крестьян, как бы через то тягости понести не могли», видимо, многосемейных и зажиточных, так как они состояли на собственном содержании. Бурмистр возглавлял вотчинное правление, при котором находились избираемый ежегодно денежный староста и земский для письмоводства. Бурмистр, староста, земский получали «годовое содержание деньгами и зерном». По окончании года мир назначал четырех человек сверять записи денежного старосты и расход денег.

В его же вотчине селе Поречье-Рыбное Ростовского уезда управителем был бурмистр, возглавлявший вотчинное правление. Жалование ему шло от мира (сколько мир положит). Ему помогали выборные два человека (мир решал, платить ли им). В послушании у бурмистра находился земский — человек способный, исправный, прилежный, добрый и трезвый. Бурмистр созывал мирские сходки. Для хранения оброка выбирался денежный староста.

По инструкции 1795 г. Ивана Ивановича Шувалова управителем вотчины назначался бурмистр («избирается по моей воле и одобрению мирского»). Бурмистр с крестьянами ежегодно выбирал выборного и старосту. Для письмоводства имелись два земских. Мир выбирал сотских и десятских. Для охраны лесов каждое селение определяло по человеку ежемесячно или еженедельно («наемщиков не брать, так как подозревать и усмотреть за ними невозможно»).

Рычков и Болотов уделили большое внимание *наложившейся приказчиком вотчинного делопроизводства по всем канцелярским правилам*. К этому делопроизводству авторы наказов питают особое пристрастие, предлагая свои формы книг и тетрадей. Благодаря этому в бумагах находило возможно подное отражение распорядительная и контролирующая деятельность приказчика относительно работы и жизни и дворовых, и крестьян. В то же время это облегчало помещику осуществлять контроль над самим управителем при сборе и расходовании денег и продуктов. Рычков считал, что вступающему в должность управителю «надлежит... описать господский дом с дворовыми людьми и со всеми его принадлежностьми», фабрики, заводы, мельницы, пахотные угодья, хлеб, скот, перечислить дворовых и тягловых крестьян, «и о всем том приеме уведомить своего господина, оставя у себя... такие же ведомости» (с. 64—65).

Первейшая обязанность приказчика — полное и всестороннее, «до самых мелочей» знание о «порученных в смотрение ему» деревнях, о всем имении. В этом залог эффективного управления. Но не только. «За первое и главное правило для прикащика почесть можно, — считает Болотов, — чтоб он во всем мог дать помещику своему... такой отчет, какой от исправнаго, усерднаго и рачительнаго прикащика требоваться может» (с. 159). А так как за всеми делами одному усмотреть невозможно, нужно подобрать в помощники (староста, земский, выборные, конюх, садовник, лесник и др.) «способнейших людей» и от них требовать отчеты если не ежедневно, то еженедельно. Сам же приказчик обязан вести «особливую книгу» и 7 «экономических тетрадей». Книга — это «некоторый род домашнего журнала» с записью всех событий и происшествий. Главное внимание в ней уделялось крестьянскому населению: записи о деторождении, смерти, побегах, отпуске на заработки и выдаче паспортов, жалобах, ссорах, наказаниях.

Любопытно содержание болотовских «тетрадей»: в первой переписной — состояние деревень и каждого крестьянского двора, во второй полевой — состояние полей, в третьей хлебной — приход и расход «всякому хлебу», в четвертой денежной — приход и расход денег, в пятой долговой — всевозможные долги хлебные, денежные и др., в шестой — «поборы с мужиков», в седьмой — записи о домашнем имуществе и запасах усадьбы (с. 159—160). В книге и тетрадях ведутся записи с 1 августа до конца июля следующего года, «ибо с того времени начинается приход и разход новаго хлеба» (с. 174).

Помещики обязывали приказчиков, иногда и старост, вести записи в виде книг, тетрадей, журналов о крестьянских дворах и семьях, о свадьбах, приходно-расходные книги доходов, продаж, приплода скота и птицы и др. Татищев (1742 г.) требовал иметь «годовой ежедневной журнал, что когда делано и зачем когда работы не было». Петр Борисович Шереметев (1764 г.) приказывал переписывать крестьянские дворы с населением об.п., «и что на ком тягла, и на то тягло что дано пашни и покосов, и что надлежит взять податей и доходов в год» и т. д. Один экземпляр всех книг «росписных» оставался в вотчине в судной избе, другой посылался в Москву в домовую канцелярию. Старосты должны были вести годовые «две книги белые в переплете — одну приходную, другую расходную». Эти книги приказчик просматривал еженедельно.

Помещики требовали детального описания имений. Однако не всегда добивались выполнения распоряжений. В июле 1735 г. А. П. Волынский из Петербурга послал управителю в Москву наказ с посланной для приказчиков формой, по которой следовало во всех деревнях сделать ведомости. В письмах он неоднократно приказывал составить переписные книги с указанием численности крестьян и их возраста, поголовья лошадей и скота, количества хлеба молоченного и немолоченного, посева ржи и яровых, сколько у крестьян надельной земли (распашной, нераспашной, сенных покосов) и сколько господской в тягле или денежного оброка, о платеже государственных подушных и мирских (общинных) денег. Однако, сетовал Волынский, никто таких книг не прислал. Ныне же в связи с жалобами на неурожай надобно знать, сколько «оскуделых» крестьян и «какое им учинить в том вспоможение». Помещик требовал включить также в указы по деревням обязательность сведений о неземледельческих занятиях крестьян. И «мужикам о том объявить..., ибо сие делается не для того, чтоб промыслом их прибавлять, или расположение какое вновь делать, но более для того, чтоб я совершенно мог ведать, кои весьма оскудели и не могут себя пропитать и чтоб... учинить ссудою хлеба и протчим». Перепись следовало проводить со старостами, выборными, «с лутчими и пожиточными крестьянами» по окончании полевых работ «и по убрании с поль хлеба»[41].

Подобные наставления повторялись и в последующее время. Сохранилась инструкция 1777 г. в пронскую вотчину Голицыных. Автор, управляющий И. А. Коровников, составил программу описания: «узнать каждого крестьянина в собственном его семействе и имуществе, для чего... всех крестьян самолично описать, сколько, в котором дворе мужска и женска пола душ состоит, коих они лет, все ли к работе способны или кто зачем не способен, чем кто из них пропитание имеет хлебопашеством ли или промыслом и каким имянно; кто из них тягло или землю содержит, то сколько числом, напротиву же того, кто земли не содержит, то также чем пропитание имеет, сколько у каждаго тяглого посеву, так же наличности хлеба и скота». Такое описание послужит основанием для заключения, «в состоянии ли был каждой поселянин заплатить как государеву, так и помещичью подать или подлинно ево невозможность тому принуждала»[42].

[41] Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909. С. 217—218.

[42] *Прохоров М. Ф.* Рукописное собрание Голицыных в РГАДА как источник по истории вотчинного хозяйства середины XVIII в. // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Б. Вяземы, 1998. С. 25—26.

Обеспечение вотчинных властей, содержание помещений, затраты на делопроизводство производились из крестьянских деньги. Так, по приказу Румянцева (1751 г.) с крестьян собирали ежегодно по 15 руб. на покупку бумаги и чернил для вотчинного правления.

Предметом «образцовой» инструкции является «сельское домостроительство», или домоводство») барщинного имения. ство» («разумное домостроительство, или домоводство»). Под «сельским домостроительством» он понимал именно заботу о возрастающей доходности А. Т. Болотов употребляет понятие «сельская экономия». Под «сельским домоважнейших частей господского хозяйства — земледелия и скотоводства. Инструкция выделяется среди других обобщенным характером изложения. Автор приводит «только нужнейшие и по большей части общие... для приказчика потребные правила», так как в нашем «пространном государстве» в каждой провинции бытуют особые «деревенские обстоятельства» — климат, почвы, рельеф местности, агрономия (с. 96).

Первейшая задача приказчика — «сбирание и приумножение доходов». Обеспечение доходности «хлебных» деревень, считал Болотов, является реальной целью, «не требует дальнего искусства» (с. 104). Однако изложение «сельского домостроительства» показывает, сколь трудно было обеспечить «лутчее состояние» имения. Надо вырастить высокий урожай зерна и других продуктов на господских полях, собрать натуральный оброк с крестьян и дворовых, выгодно реализовать на рынке часть продуктов, по возможности уменьшить помещичьи расходы.

По Болотову, перечень основных работ в господском хозяйстве выглядит следующим образом. Первый и важнейший источник доходов — хлеб. Его надо собрать больше и продать дороже. Для этого почва должна быть вовремя «уработана» и «унавожена». Посев лучшими семенами (на заготовку и покупку денег не жалеть) надо провести «в способную погоду» умеющими «севцами» и «лутче хлеб не сеять, нежели сеять худой» (с. 115). Засеянные поля следует сохранять от сорняков, насекомых и червей, скота, зверей, птиц и «самых человеков» (с. 117). Для выполнения перечисленного «прикашику надобно, как возможно чаще, все поля свои осматривать». А для постоянного «смотрения» Болотов советовал, «чтоб земли господския были, сколько возможно, вместе..., а не перемешаны с крестьянскою» или с другими владениями (с. 118). Как видно, изживание чересполосицы на господских угодьях диктуется не только агрономическими и производственными соображениями, но и заботой об усилении административного контроля. «Жнитво и прятанье хлеба» также нужно производить в короткие сроки и с избежанием потери зерна («иногда один час весьма дорог бывает») (с. 119—120). Для молотьбы иметь крытый ток либо ригу с крытым овином или «избу сушильную с потолком». Печи в овинах должны быть хорошими, и сушить хлеб поручать не ребятам, а «старым, обыкшим и умеющим людям», ибо известно, что пожары случаются «от неосторожности и неумения в сушке»[47]

[47] П. И. Рычков советовал по обычаям Сибири клади и одонья ставить не вблизи сел и деревень, а в полях, в середине пашни, чтобы экономить время на перевозке, а также по украинским и татарским обычаям хлебные одонья ставить не на землю, а на помосты (с. 76—77).

(с. 121). Далее следуют очистка зерна, заготовка круп и толокна, приданье товарного вида продаваемым продуктам.

Второй источник доходов — полевые (не зерновые), огородные и садовые продукты. Болотов полагал, что «великия деньги» можно получать от продажи мака и льна. Ф. Вольф (1769 г.) советовал приказчику «завести... особливой хмелевой огород, ибо от хмелю бывает хорошей доход».

Третий источник — доходы от скотоводства («заведение и размножение всякаго рода скота..., от котораго... наиболее господину своему прибыли принесть может». Масло, творог, шерсть, овчины, кожи, сукна следует продавать там, где цены выше. Требуется хорошее летнее и зимнее содержание скота, постройка теплых крытых хлевов и сараев, улучшение лугов. Рычков советовал строить для скота теплые покои, по пословице «построй наперед хлевину, а потом заводи скотину» (с. 80). Луговодство должно давать и корма своему хозяйству, и сено для продажи при условии «смотрения» за косцами. От сдачи излишних лугов в аренду «получаются... великие доходы». Соблюдать правило: «лутче иметь хотя немного, но хорошо родящия луга, нежели множество да негодных» (с. 133). Для этого надо их вычищать и удобрять. При нехватке кормов Болотов считал нужной их покупку.

Очень прибыльны лесные угодья (продажа строительного и дровяного леса). Леса надо разделять на участки и вырубать ежегодно по частям.

Болотов ратовал за заведение пчельников, так как продажа ульев, меда и воска приносит прибыль. «Великую прибыль» дают сады. Доход от рыбных ловель, «хотя бы был и не важный, но в домостроительстве всякая копейка дорога» (с. 139). Птицеводство, считал Болотов, «более необходимо, нежели полезно, потому что часто поядают оне столько хлеба, что и половины онаго сами не стоят» (с. 141). Обычные цены на птицу низкие, так что он советует ее разводить в пригородных местах.

Судя по некоторым инструкциям 1750-х гг., необходимость рыночной направленности некоторых отраслей вотчинного хозяйства еще не стала такой осознанной у помещиков, как позднее. Так, Е. Б. Смилянская пишет, что рынок вызывал у Текутьева «явное недоверие, и торговля воспринималась как мера, вынужденная условиями содержания его небогатого имения» (с. 25). Текутьев считал, что лишь частично рожь, пшеница и горох могли идти на продажу (о сбыте овса, ячменя, гречи речи нет). Продавать следует не более 40 четв., «смотря по нужде, а не на прихоти». Нужда в деньгах дикто валась уплатой казенных сборов и покупкой соли, дров, бревен, посуды и прочего (с. 26).

Однако делать из взглядов Т. П. Текутьева общие выводы было бы неправильно. Е. И. Заозерская на основании инструкций («пунктов») 1743, 1751 гг. пензенского помещика средней руки А. П. Жукова полагает, что в этих инструкциях заметен «упорный интерес к получению избытка продукции для реализации ее на рынке» (причем не только хлеба, но и сена, живности, творога, яиц, овощных и садовых плодов)[48].

[48] *Заозерская Е. И.* Помещик Жуков и его хозяйство // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 225—226.

Увеличение доходов помещики связывали с непрерывностью крестьянского труда в страдное время. Т. П. Текутьев заботился о том, чтобы перерывов в работе не было, и требовал «для ссуды крестьян, чтоб они в работное время не отъезжали и время полезного не тратили напрасно», всегда иметь 2 куля соли, 10 пар сошников, 5 станов колес, 10 кос, 10 дуг, 60 рогож и др. (с. 63).

Для уменьшения расходов, писал Болотов, «надобно прикащику быть сколько можно бережливым и скупым», наблюдать за сохранностью и починкой хоромного строения и хозяйственных построек, не допускать отвлечения крестьян от полевых работ в летнее время для «починки или исправления» усадебных и иных строений. «В деревнях городьба составляет великую важность», и приказчику иметь за ней «смотрение». А лучше вместо городьбы нужные места окапывать рвами и обкладывать их, как и валы, дерном (с. 144). Этого же мнения придерживается и Рычков.

Бережливости в расходах, считает Болотов, можно также достичь путем соблюдения «внутреннего порядка и экономии в господском доме» (с. 145). Приказчику надлежит смотреть, чтобы люди господскую работу и порученные им дела «исправляли б со всяким прилежанием, а особливо не были бы ослушны», чтоб не было никого «праздноживущих и тунеядцов». Особое наблюдение необходимо за кормлением дворовых, выдачей им господской одежды и обуви, за заготовкой круп, ветчины, масла, за пряжей льна и пеньки, тканьем холста, полотна, сукна, за хранением зерна и сена, «чтоб мера и вес был в доме исправный и сходный с казенным, дабы в торговле не могло происходить обманов и плутовства». Приказчику надо «стараться, чтоб в разсуждении людей не было бы у него излишних, праздных и тунеядцов». Поскольку содержание многих на месячине убыточно, «особливо, когда они непахатные», то лучше переводить их «в пахотные» при наличии свободной земли.

Т. П. Текутьев определял жалованье приказчика и дворовых. Им полагалась месячина «обыкновенная»: муж и жена получали 4 четверика в месяц. Для посева хлеба (ржи 2 четверика, овса 8, ячменя 3) на семью отводилась уже вспаханная крестьянами земля. Жатву и уборку производили сами дворовые. «Для содержания сошников, саней, колес, кос и протчаго» выдавалось по 3 четверика ячменя. Разрешалось иметь по 2—3 коровы, 2 овцы, 2 свиньи на господских кормах. «С того скота» дворовые платили подушную подать 70 коп. в год.

Приказчик за «верное старание и труды и что ему самому работать времяни нет» получал сверх месячины 3 четв. ржи, 4 четв. ячменя на крупу и солод, 6 четв. овса, 2 четв. пшеницы, четверик конопли, пуд соли. Скота ему полагалось 3 коровы, 4 овцы, 2 свиньи (с. 66).

Таким представлялось помещичье имение при хорошем приказчике. А. Т. Болотов считал, что именно от его постоянного смотрения и знаний зависит эффективность господского хозяйства. В середине и во второй половине XVIII в. многие отрасли этого хозяйства, особенно зерновая, нацелены не только на удовлетворение внутренних нужд, но и ориентированы на сбыт части продуктов на рынке. А значит, приказчику надо знать рыночную конъюнктуру. Недаром, подчеркивая трудности и сложности управления имением, Рычков приводит пословицу: «Век жить, век учиться и трудиться» (с. 88).

Сочинители «образцовых» инструкций желали видеть в приказчике человека знающего, честного, требовательного, но и справедливого. «Паче всего верность и усердие к своему господину» — в этом Болотов усматривал ту добродетель, которая «в прикашике всего дороже». Однако многие помещичьи инструкции сами показывают, как далек был реальный управитель от идеала.

Приказчики в отдельные имения назначались помещиками обычно из дворовых людей, реже из крестьян. В силу своего положения в имении приказчик неминуемо превращался в такого же крепостника, каким был и его господин. Как исполнитель наказаний он являлся для дворовых людей и крестьян олицетворением жестокости режима. Всевластие приказчика усугубляли его отрицательные черты, а бесконтрольность вела к безнаказанности.

Требование беспрекословного послушания крестьян представителям вотчинной администрации неминуемо влекло за собой самоуправство приказчиков. К тому же убеждение помещиков, будто крестьянам присуще стремление отлынивать от выполнения властных распоряжений, приводило к безнаказанности управителей. В. Г. Орлов запрещал крестьянам подавать просьбы и жалобы в контору в Москве, минуя вотчинное правление, за «неделыные и пустые» просьбы грозил наказанием. Получалось, что крепостные должны были искать защиту у самих же обидчиков и притеснителей.

Помещики, догадываясь о корыстолюбии приказчиков, не скрывали своего малоуважительного, а то и презрительного отношения к ним и к дворовым людям.

Показательно начало инструкции М. М. Голицына 1774 г. новому приказчику суздальской вотчины, где он жалуется на двух прежних. Первый (в 1760—1770 гг.) не столько заботился об имении, «сколько интересовался беззаконно для своего удовольствия». Второго помещик инструктировал «о содержании экономии в лутчем и порядочном состоянии довольными наставлениями». Однако приказчик «не хотел прилагать того усердия», чтобы «мои вотчины в приношении прибыли могли равняться посторонним или, по крайней мере, хотя посредственно». Наоборот, «по молодости своей и сродной к тому ветрености упражнялся большею частию в таких поступках, которых и изъяснять здесь нахожу за неприличное». Да «коснулси еще и к расточению мирских денег в свое удовольствие». Поручив управление «человеку надежному», Голицын и составил для него «правила вновь в рассуждение экономии и распоряжения таможних моих вотчин» (с. 124). Особенно раздражало помещиков стремление приказчиков поживиться хозяйским добром. Болотов считал, что «должно и всякое мелкое, и так сказать домашнее воровство и плутовство всеми образами истребляемо быть», чтобы «никто не дерзал самой безделицы господской, чужой и ему не принадлежащей, брать и остерегался б всякаго вида воровства» (с. 153). Ф. Вольф в 1769 г. грозил за получение взятки от крестьян отстранением старосты, а при виновности и приказчика от должности и «потом вместе с тем, кто его подкупал, наказать на теле при сборе крестьян» (с. 34).

Раздосадованный небрежным отношением дворовых к помещичьему имуществу, А. П. Волынский писал: «Понеже у нас люди нерадетельные, да к тому ж и

ленивые», то без «прибыли собственной» трудиться не захотят. «Однакож и тем удовольствовать нельзя, если с них не взыскивать, понеже во многих вкоренилася уже замерелая грубость, так что хотя который господин и подлинно отечески подданных своих содержал и снабдевал и кормил, однакож они, не смотря на то, не памятуя оных господских благодеяний и милостей, от несмотрения и небрежения и от лености что уморит, того и в грех себе не почитают» (с. 92).

А. М. Черкасский (1719 г.), перечисляя подчиненных приказчику старосту, сборщиков, земского дьячка, выбранных на сходе, указывал смотреть, чтоб они «служили правдою бескорыстно и крестьяном налог и обид не чинили». Прежде всего это относится к самому приказчику. В 1718 г. в Юхотской волости Б. П. Шереметева на старостах, коробейных целовальниках, приемщиках с 1712 г. «явился начет в зборе» излишних денег «сверх разводов не малое число». «За такое их воровство, что они мир разоряли... учинено жестокое наказание... и начетные деньги» взысканы «без пощады» (с. 134). О жестокости и лихоимстве говорится в инструкции М. М. Голицына (1767 г.). Приказчику велено суд и расправу «чинить... без всякой волокиты и фалши, ни касаяся ни х каким взяткам и подаркам... ниже смотря на лица богатых». Далее Голицын пишет: «Уведомился я, что для насыщения своего желания и корысти селские прикащики, а особливо их жены и дети... в праздничные дни ездят по деревням и забирают поспевший лен. Особый побор приходится на Рождество Христово, когда ездят «для славления и получают с крестьян деньгами, медом, мясами, птицами, хлебными и протчими припасами». На тех, кто по бедности «не удоволствует..., на них злобствуют и стараютца им за то отомстить». Помещик за «нерадение, пиянство, прохлады..., от моего капитала... прибытки и с крестьян... лихоимственные взятки и особливо зборы льгот и славленое» угрожает ссылкой «в горную работу вечно» (с. 239, 249).

Переписка помещиков с управителями и приказчиками содержит постоянные упреки и угрозы за нерадивую службу. А. П. Волынский, получив в конце 1734 г. известие о «малом» сборе оброка в муромских деревнях («крестьяне за недородом хлеба платить не могут»), приказал приказчика Ивана Немчинова «за слабое смотрение и за протчие его шалости, паче же за пьянство, велеть, оковав, выслать в Москву под караулом». Не принимая объяснения недобора оброчных денег, он писал: «Каковы б крестьяне были, однакож не чаю, чтоб у всех ничего хлеб...; того есть и таких большая часть крестьян..., что они имеют промыслы торговые и протчие, и та... всем статца нельзя, чтоб все не могли ничего заплатить»[49].

За небрежное хранение денег 855 руб. серебром (их украли, но вскоре они отыскались) Волынский в июле 1735 г. так выговаривал управителю: «Не только человек, ни самый бы скот того не зделал, как ты, что такие деньги держал в спаленной полате... в одном мешке», а не в сундуке с запорами. «И я истинно таким твоим оплошным поступкам надивится нее могу, как так деньги держите власно, как были соль или песок какой..., так надобно самому дураку зделать». Возможно, помещик подозревал в краже самого хранителя денег[50].

[49] Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909. С. 213.
[50] Там же. С. 216—217.

П. И. Рычков отмечал, что « несправедливые и корыстолюбивые прикащики, выборные и старосты», пользуясь разницей площади десятины в писцовых описаниях (80 × 30 саж.) и десятины помещичьей (80 × 40 саж.) при посевах хлебов «немалое могут делать хищение» (с. 66).

Так представлены помещиками люди вотчинной администрации. А ведь в них, в приказчиках и управителях, в их честной службе и энергичной деятельности усматривали Болотов и Рычков непременное условие квалифицированного управления имениями и повышения их доходности[31].

Авторы «образцовых» инструкций непременным условием эффективной деятельности приказчика считали *постоянное использование им системы наказаний крестьян, особенно в барщинных имениях.* В последних без постоянного всепроникающего досмотра и контроля со стороны приказчика хозяйствование было немыслимо. Российские почвенно-климатические условия заставляли проводить весь цикл земледельческих работ в кратчайшие сроки. И они проводились сначала на господских полях. Крестьяне, у которых свои поля оставались необработанными, трудились более или менее удовлетворительно на барщине только при строгом наблюдении и под страхом наказания. А. Т. Болотов наказывает приказчику «смотреть наиприлежнейшим образом за приходящими на боярщину работать мужиками, чтоб они приходили все в надлежащую пору и во время работ не отлынивали б от дела, что за ними обыкновенно водится» (с.146). Отлынивание от работ наблюдается и при полевых, и при домашних (на усадьбе) работах «при худом смотрении» надзирателя. «По свойству наших крестьян всегда два будут работать, а третий — гулять» (с. 149). Рычков призывал самих управителей и «через крестьянских старост» смотреть «особливо же в пашне, в посеве и в жнитве хлеба недреманным оком» (с. 70).

Авторы «образцовых» инструкций считали небрежность и нежелание крестьян трудиться, поголовное стремление к плутовству и кражам повседневной нормой их поведения, свойственной всем от рождения до старости. Призыв к наказаниям за проступки Болотов подкреплял таким обобщением: «Свойство и нрав нашего народа необходимо сего требуют, ибо малейшее упущение служит ему потачкою и обращается в вящшее побуждение к сему злу» (с. 152). Только «наижесточайшие» наказания могут исправить крестьян. Рычков приводил такое обоснование вмешательству приказчиков в деревенский уклад: «Между крестьянством случаются иногда столь нерадивые, что очень худо и весьма мало рачат о своем собственном домостроительстве, а особливо лошадей и скот свой в надлежащем присмотре и довольстве не содержат, и от того в крайнюю приходят бедность, в безпутства, в побеги и в воровства» (с. 85).

Предвосхищая Болотова и Рычкова, Татищев в инструкции (1742 г.) писал, что «ленивые крестьяня ни о чем больше не пекутца, как только узнать

[31] Увеличение численности приказчиков и их помощников в барщинных имениях и возрастание их жалования уменьшало помещичьи доходы (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 128). Так, по данным 1805 г. по Усольской вотчине В. Г. Орлова в Среднем Поволжье барщина принесла владельцу около 216 тыс. руб., но расходы, главным образом управленческие, «съели» около 106 тыс. руб., т. е. половину денежных поступлений (Там же. С. 167).

больше праздников» (с. 39). Даже после окончания полевой барщины крестьяне и на себя трудятся неохотно и «от лености в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу». Зимой Татищев рекомендовал проводить ревизию, чтобы выяснить, «что кто сделал для своей продажи и не были ль праздно; понеже от праздности крестьяня не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют муциону» (с. 40). Ход рассуждений таков: и господские, и крестьянские работы в совокупности являются лучшим средством для сохранения здоровья, тогда как праздность (длительный отдых и сытное питание) обрекает земледельца на болезни и даже приводит к смерти.

«Образцовые» и ряд других инструкций пространно говорят о принуждении крестьян к добросовестному труду на помещика, сопровождая рекомендации к исправному выполнению сельских работ разного рода наказаниями. Более того, сочинители инструкций требуют от приказчика наказывать крестьян не только за нерадивость на барщине, но и на своем наделе («кто... в своей работе ленив, мало будет на себя пахать и сеять или скота заводить, или во дворе своем строение... строить не станет»). Таких «негодных и богупротивных ленивцов, собрав всех крестьян, бить... батоги нещадно»[52].

Даже Болотов и Рычков, представляющие, сколь обременительны повинности, падавшие на крестьянский двор, обязывали приказчика ввести повседневный надзор и постоянно угрожать крестьянам телесными наказаниями. Главную причину низкого уровня труда в земледелии и животноводстве и в усадебном и в крестьянском хозяйстве они усматривали в нежелании крепостных работать от зари до зари. Не случайно в инструкциях Болотова и Рычкова часто идет речь о наказаниях крестьян за недобросовестную работу, непослушание, воровство и пьянство. Даже предписания об улучшении крестьянского быта сопровождались угрозами за их невыполнение. Считалось, что заставить крестьян улучшить свое хозяйство можно только репрессивным путем и при условии постоянного контроля со стороны приказчика и старосты.

Болотов писал, что многие крестьянские дворы и целые деревни, оброчные и хлебные, «единственно от лени и нерачения о собственном своем земледелии, скотоводстве и вообще о всем домоводстве пришли в крайнее разорение..., где за ними хорошаго смотрения нет». Необходимо, чтобы приказчик «по вине наказывал, ибо без того никоим образом их к трудам и хорошему домостроительству приучить не можно, и сие им после самим слюбливается и они, привыкнув к трудолюбию, после сами благодарят за оное» (с. 150—151).

Т. П. Текутьев в инструкции плохо отзывается о большинстве («едва не все») холопов и крестьян своего имения. Они не посещают церковь даже в праздничные и воскресные дни, не соблюдают посты и не являются к исповеди. В них нет «верности» к господину, как нет и «чистой совести». «Леность, обман, ложь, воровство бутто наследственно в них положено», а

[52] Цитирую инструкцию пензенского помещика А. П. Жукова, помещенную в книге Е. Б. Смилянской (с. 160).

«пьянство, лакомство» — «лутчее их удовольствие». «Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостию, ложным воздыханием, в работе леностию» (с. 41—42). Отцы духовные эти пороки «поощряют», так как сами далеко не безгрешны. Сам помещик «приметил»: «хотя нескладно говорят, глупо глядят, а плутовство и обман весма проворно и осторожно делают» (с. 33).

До какой же степени раздражения надо было дворовым и крестьянам довести своего помещика, что он не поленился в инструкции расписать их прегрешения.

Предвосхищая Болотова и Рычкова, Текутьев писал, что «порядок» могут навести приказчик и староста, обязанные знать «что и когда и как делать». Это раскрывается таким образом: постоянным надзором им надлежит добиться того, чтобы «люди и крестьяня в работах и в содержании себя в привычку вошли», а с помощью наказаний пресекать «праздность, тягость, плутовство, мотовство» (с. 43). Задолго до «образцовых» инструкций Текутьев заявлял: «...ничего так, как праздность и ис того происходящая леность, в крайнюю скудость, воровство, обман и гибель приводит» (с. 35). Надзор и наказания, по мнению автора, должны сделать крестьян трудолюбивыми и тем самым привести их к достатку.

Текутьев печется о справедливости наказаний. Приказчику следует «весма право и осторожно поступать и виноватых наказывать..., а всех вести и содержать равно, почему и они равное усердие иметь будут» (с. 33). «А кто против других излишне услужит, того доволно наградить», но о каких наградах идет речь, автор умалчивает.

Трудно не согласиться с автором публикации «Инструкции о домашних порядках», что в основе резких суждений Т. П. Текутьева (он «не был ни самодуром, ни жестоким крепостником») и других «гуманных дворян» о крестьянской нравственности лежит «глубочайшая пропасть взаимного недоверия, непонимания, разделившая общество не только по социальному, но и по культурному уровням» (с. 19).

Болотов перечисляет крестьянские основные хитрости на барщинных полях и лугах: «Ленивые и к плутовствам склонные крестьяне... многие делают пакости, а именно: когда пашут, то стараются делать недопашку и завалить ее пластом или рыхлою землею; когда сеют, то зерна мечут непорядочно и делают обсевки...; во время полотья и жнитва очень много втаптывают в землю хлеба так, что плутовства их и распознать невозможно. Косцы норовят косить не чисто и не плотно. При возке сена большая «разтерея». Стога и скирды не огораживаются плетнем. Можно полагать, что автор сам наблюдал за работами и выявлял указанные проделки. Не надеясь только на «прилежное смотрение» приказчика, он предлагал для устрашения обманщиков брать у крестьян «хлеб хорошей», а им отдавать господский «худой». Понятно, что для земледельцев это было самым страшным наказанием.

Волынка и небрежность в барщинных работах дополнялась прямым воровством помещичьих продуктов. Болотов считал «наиважнейшим» для приказчика следующий «пункт»: «Чтоб никто отнюдь и ни под каким видом не дерзал тайно, а того паче явно воровать» (с. 152). Он назвал воровство «вред-

ным и разорительным злом». Такие преступления «должны наижесточайше и без наималейшаго упущения наказываемы быть», так как «свойство и нрав нашего народа необходимо сего требуют». Даже «всякое мелкое, и так сказать домашнее воровство» необходимо «всеми образами» истреблять. Крестьяне крадут («что обыкновенно случается») помещичье зерно при севе, жатве и молотьбе, а также в закромах, выпускают лошадей на господские луга, косят травы по ночам. Свои и посторонние «воровски» руперед покосом, бят лес, а лесовщики продают его. Рыба из прудов ловится «бездельниками воровски» по ночам. На мельницах надо было смотреть, «чтоб кражи и обману в помоле не было». При винокурении мужики свой хлеб «подсыпают», «без дела» ходят за ракой и брагой на поварню. При заготовке масла отмечены такие плутовства, как добавление соли и пересол. Постоянно и повсеместно приказчику необходимо «иметь прилежное смотрение». Болотов сокрушается, что «при малом недосмотрении тотчас сделано будет что-нибудь от наших крестьян предосудительное».

Из этого перечня можно заключить, что за 100—150 лет крепостничества до сочинения «образцовых» инструкций плутовство и воровство в помещичьих имениях стали обыденным и неизживаемым явлением.

В помещичьих инструкциях перечислены такие виды наказаний, как денежные штрафы, заключение в вотчинную тюрьму, включая лишение пищи до трех дней, битье кнутом или батогами. Иногда штраф заменялся разовой повинностью, например, зимой поставка подводы для перевозки продуктов на московский помещичий двор. П. А. Румянцев ввел для оброчных крестьян денежное наказание за неплатеж — «на сроки взыскивать процент на каждой рубль по 5-ти коп.». В инструкции Румянцева (1751 г.) имеются специальные 10 пунктов, «по которым крестьян наказывают». Среди них за непосещение церковных служб и разговоры в церкви, за брань, «за бой» (драка, избиение). За «кражу малого и великого» вора публично «сечь плетьями» и, «продав его имение, возвращать» деньги пострадавшим. Особо оговаривались случаи хищения господского имущества: «из нашего же, хотя малое что, отважитцы кто украсть, то описав у такового все его имение, заключать в железы». Помещик приказал «вести обстоятельно журнал» о телесных наказаниях и денежных штрафах.

Особые наказания установлены для крестьян на господских работах и «особливо во время пашни, сенокосу и протчаго... взыскать за хлеб — хлебом, а сено — сеном вдвое». Если крестьянин «обесчестит» управителя или приказчика, ему грозил штраф 5 руб. (половина шла помещику, половина — «обиженым») и наказание плетьми или батогами, «как тот похощет».

Наказания сопровождались страшными побоями. Показательно предупреждение в инструкции М. М. Голицына (1767 г.): «В наказании ж крестьян моих по их винам поступать с умеренностию и с крайним разсмотрением, с надлежащим порядком, а не так, как наперед сего многие прикашики поступали в том безрассудно и в пьянстве и, кроме порядочного наказания, бьют палками по голове и по опасным другим местам, но поступать в таких случаях с крайним остерегательством» (с. 239). Помещик запрещает бить «крестьян в доме и во время праздничное в деревнях». Виновных следует от-

вести в земскую избу и посадить под караул и «назавтрие, во всякой трезвости» разобрать его вину на общем крестьянском собрании. Трудно поверить, чтобы приказчики прислушивались к таким увещаниям.

М. М. Голицын порицал приказчиков за чрезмерно жестокую расправу. Он установил для крестьян калужского имения один вид наказания — сечение. Наказание «должно получаться на мирском сходе, в судебной избе, не бесчеловечными побоями, а сечением». Иногда наказание выливалось в поголовную экзекуцию. В неурожайный 1787 г. за неуплату оброка высекли почти всех крестьян вотчины[1].

Повседневная, ставшая обычным явлением, система наказаний не смущала даже либеральных помещиков. В инструкции 1796 г. В. Г. Орлова (директора Петербургской Академии наук) указано виновных бить не по спине, а «по... розгами и батожьем, а плетьми не наказывать». Все наказания (кто за что и как наказан) бурмистр записывал «ясно и коротко в особую тетрадь», которую предписывалось «для сего нарочно и завести». Орлов устанавливал особый подход к наказаниям зажиточных крепостных: «Крестьян богатых, которые ведут торг немалый, а в пороках обращаются, наказывать сперва деньгами, дабы не подорвать их торгу», а если они для вотчины «вредны, позволяется наказывать и сих на теле». Наказания сельчан зажиточных должно быть примером для всех, и они их должны быть более устрашающими для остальных. Богатые, «хорошим поведением своим, должны служить примером для других, и более еще наказаны быть, нежели бедные, ибо бедный часто от недостатку принимается за худые дела».

Примечательно, что в «договоре Головкина 1740 г. бросается в глаза почти полное отсутствие указаний о наказании крестьян за леность, кражи, пьянство и др. Очевидно, это связано с переводом кимрской вотчины с барщины на денежный оброк и расширением прав общины.

Противоположность общественных и хозяйственных интересов помещика и крестьянина в XVIII в. резко проявлялась в полевой барщине, дополнявшейся подводной, строительной и прочими повинностями. В оброчной деревне противоречия с такой силой не ощущались.

А. Т. Болотов строго разделял два вида имений — «оброчные деревни» и «хлебные деревни» (барщинные) в соответствии с двумя «родами» доходов. Доходы денежные с оброчных «верные или известные» («получаются ежегодно и во всякое время») и называются «ординарными, или обыкновенными». Доходы с хлебных «бывают не в известном наперед количестве» в зависимости от урожая, его сбыта и продажных цен и являются «екстраординарными». Доходы с оброчных деревень «дальнаго изъяснения не требуют» и поэтому искусство управления относится к получению доходов с «хлебных» деревень (куда в основном приказчики и «определяются»). Эти доходы, пишет Болотов, «можно уподобить реке, получающей воду свою из разных источников», наиважнейшими среди которых суть земледелие и скотоводство, а среди других садоводство и огородничество, птицеводство, пче-

[1] *Дружинин Е. И.* Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. // Исторические записки. М., 1938. № 4. С. 140.

ловодство и прочее. Хлопот с «хлебными» больше, но и доходы могут быть выше (с. 94—95).

Помещики XVIII столетия хорошо понимали, что оброчные и барщинные деревни оказывались совершенно непохожими друг на друга имениями. В инструкции П. М. Бестужева-Рюмина 1731 г. названы «пашенные» и «оброшные» деревни. Большинство дворян отдавало предпочтение барщинным. И во многих инструкциях правила управления касались именно «хлебных» деревень. В наказе Рычкова дано и развернутое экономическое обоснование барщинным порядкам, как наиболее выгодным в рыночных условиях не только для сельских жителей, но и для всего российского общества. «Хотя оброчные крестьяне сами для себя и для своих помещиков бывают небезполезны, — писал он — но обществу невеликая бывает от них польза». Малая польза объясняется автором «отлучением» крестьян от земледелия «на промыслы в отдаленные города и жительства» (с. 84). А «никакой промысел и никакое ремесло столь полезно и прибытно быть не может, как земледелие, ибо оно против употребленнаго капитала не только вдвое, втрое и в пятеро, но иногда и вдесятеро прибыли приносит».

Правда, признает Рычков, в земледелии работа «несравненно труднее и тяжеле», и по этой причине многие крестьяне, «склонные к праздности и лености... вступают в торги разные и ремесла, от которых им весьма мало пользы, а обществу никакой прибыли нет» (с. 73)[34]. Последнее рассуждение очень противоречиво. Ленивый от природы крестьянин не может преуспевать в торгово-промысловых занятиях, требующих мастерства и сообразительности. Рычков пишет: «не только в стране, но и в сельской местности нужны ремесленники, и надо стараться, «чтоб каждое село и деревня в нужнейших потребностях своих мастеров имела» (с. 74).

Даже при переводе в 1740 г. кимрской вотчины с барщины на денежный оброк М. Г. Головкин не удержался от сентенции в предпочтительности земледельческих занятий своих крепостных. В договоре он писал: «а ежели можно, тоб и всякой свою тяглую пашню всю засевал и тем себе сверх своего промыслу прибыток имел первой тот, что бес купки своим хлебом себя содержать мог». Привязанность к дому и наделу, по мнению помещика, не только обеспечивала безбедное довольствие хлебом, но и являлась основой крестьянского трудолюбия, «коль крестьянин пристанет к дому, то он и отстать от него не может; а гуляки, то есть непашенныя, всегда бывают лытуны и бездомцы, и для того надобно, чтоб они были пашеныя и домовитыя крестьяня» (л. 65 об.).

[34] Примерно так же рассуждал в 1735 г. А. П. Волынский. Считая лучшим из всех производимых в стране продуктов хлеб, а значит, важнейшей отраслью хлебопашество, он называл вредными занятия крестьян в промышленности и на транспорте («многие, оставя свою пашню, лытают от места до места в легких работах и сами ядят хлеб от чужих рук, а не от своих земледельных трудов (так, как мыши), вместо того чтоб самим в пользу государственную им пахать свою землю» (см. *Алефиренко П. К.* Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о значении сельского хозяйства. С. 262). По подсчетам В. И. Семевского, численность барщинного крестьянства в конце XVIII в., составила более половины (56 %). К середине XIX в. ее доля достигла 72 %.

Говоря о доходности, Рычков делит имения на многоземельные и малоземельные. В первых крестьян «сходнее содержать...на пашне». Там же, где угодий мало, удерживать крестьян от торгов и промыслов «неполезно». В целом же, считает он, число оброчных должно быть невелико «и в земледелии б упражняющихся всегда находилось больше». А чтобы уменьшить число охотников отойти от сельских занятий он предлагает «оброк класть нелегкой», т. е. больше обычного, не ниже 5 руб. в год на тягло, а паспорта выдавать на срок не более 2 лет (с. 85).

Мнения многих инструкций, в том числе и «образцовых», о преимуществах барщинного хозяйства положительно воспринимались помещиками. Надо также учитывать широкое бытование смешанных повинностей. Немало владельцев заводили барщинные поля и в оброчных деревнях, не снижая размер денежного оброка. В ряде имений барщина дополнялась оплатой в деньгах некоторых повинностей. Так, в 1768 г. крестьян подмосковного села Покровское (375 душ м. п.) Голицыны перевели с оброка (2 руб. 67 коп. с человека м. п.) на барщину. На одно тягло (муж с женой) пришлось 1,4 дес. запашки и 25 копен сена. Кроме того, за натуральные поставки надо было уплатить 225 руб., за наем мельницы 10 руб. и обмолоть 200 четв. зерна. На ткацкую фабрику община должна была ежегодно направлять 45 работников и поставляла 85 пудов льняной пряжи[35].

Барщина отрицательно сказывалась на крестьянских наделах. В 1760-х гг. обычной считалась двухдневная барщина. Однако крестьяне трудились на помещичьей земле в течение этих двух дней как раз в лучшее по погоде время, упуская сроки обработки наделов. Так, они не успевали обработать свое паровое поле, ибо запоздалая пахота «засохлой земли» требовала чрезмерного напряжения и пахаря, и лошади. Помещичья хитрость проявлялась и таким образом. Дворянин мог не отпускать крепостных с барщинного поля до окончания всей работы в течение всей недели. Крестьянин, получая следующую неделю для своей земли, без всякого отдыха вновь включался в напряженный трудовой ритм. Надо также учитывать, что к обработке земли привлекались не только мужчины. Женщины и дети посылались на господские поля разбивать оставшиеся после пахоты комья или разбрасывать привезенный навоз[36].

Приказчики тульского имения в 1780—1790-е гг. доносили М. М. Голицыну, что несмотря на благоприятную погоду и отборные семена зерновые давали низкие урожаи. «Овсы плохи, — писали в 1788 г., — а крестьянские весьма безнадежны, и едва ли можно получить только одни семена», хотя дожди выпадали часто. «От чего оным вред последовал, никак узнать не можно»; «может быть от молний, — пытался объяснить приказчик, — которые...»; «может быть от молний, — пытался объяснить приказчик, — которые... были превелики и смотреть на них было невозможно». В письме 1799 г. указана и причина, по которой крепостные оставили зерновые под снегом: «Крестьяне не свезли хлеб затем болне, что задолжались они при уборке и посеве вашего сиятельства хлеба». Объясняя крестьянское «роптание про-

[35] *Прохоров М. Ф.* Рукописное собрание... С. 30.
[36] Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 41, 198 (автор Л. В. Милов).

тив всякой господской работы» и называя роптание несправедливым, управляющий писал князю: крестьянин не справляется с обработкой надела «по причине отдаленности, и худобы или неимением лошади..., от усталости, изнуренности уже все ему в тягость». Однако «на ту пору еще ево гонют на господскую работу» и «он с досады приписывает все свои тягости господину и кричит, что от господской работы он разоряется»[37].

Барщинные работы труднее было выполнять сельчанам, имевшим 1—2 головы рабочего скота. Анонимный автор в «Трудах» ВЭО за 1771 г. писал: весной «недостаточный крестьянин, не имея больше одной лошади и двух волов, посылает оных с работником своим на господское поле, а сам принужден был у достаточного соседа своего занимать других для спахания своей земли». Условие такое: работать день «на пашне хозяина того скота, а другой на своей. Следовательно, незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле»[38].

Осознавая тяжесть отработочной ренты для крестьян и их скрытое сопротивление, помещики принимали ответные меры. *Организация работ в «хлебных» деревнях занимала одно из важнейших мест в инструкциях.*

Прежде всего помещики определяли контингент работников. Тяглецами, работоспособными считались люди м.п. в основном от 15 до 65 лет[39]. Помещики обычно полагали, что в состав одного тягла должны входить муж и жена. В инструкциях А. П. Волынского (1724 г.) и Н. Г. Строганова (1725 г.) предлагалось включать в целое тягло двух работников м.п. и двух ж.п. Крестьяне не хотели брать на себя дополнительные поборы («мужики, не хотя на себя брать участия тягла, для того долго некоторые не женятся») (с. 78). В таких случаях Волынский и Строганов приказывали выяснить, женат ли достигший 20 лет или нет, и «накладывать на него полтягла», так как без жены муж целое тягло не осилит. Ф. Удолов (1769 г.) считал, что тягло должно состоять из 6 мужчин и 6 женщин в возрасте от 16 до 65 лет.

Помещики считали, что все сельские жители должны быть тяглецами. А. М. Черкасский (1719 г.) указывал: «бобылям не быть, а быть всем крестьянам и вновь в бобыли не верстать ни для чего». М. Г. Головкин указывал в договоре 1740 г.: «а бобылям не быть никому, а быть всем тяглыми крестьяны». Однако его не волновала имущественная дифференциация крепостных. Вспомним указания о выборе в кимрской вотчине трех старост: одного из первостатейных, другого от среднестатейных, третьего от убогих. П. Б. Шереметев (1764 г.) также подчеркивал, что ни крестьянам, ни бобылям (обедневшим либо занятым промыслами) «без тягла... не быть» (с. 203). В. Н. Самарин освобождал семья, где «после умерших остаются малолетныя дете», от повинностей («на работы мои не ходить и столовой запас и государеву подать (не) платить» «до возраста их сыновей»). Если вдовы не пожелают сдавать тягло, «то у них не отнимать». Лишь только окажется, что и

[37] *Бабаков Г. Н.* Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1938. № 4. С. 104—105.
[38] Цит. по диссертации М. Ф. Прохорова. С. 751.
[39] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 149—150.

через 5 лет дети будут еще малы, тогда следует отлавать тягло «охотникам» на срок. Учитывая практику повременного наемного труда в деревне, Самарин считал, что вдовы могут взять обязательство «наймом исправлять всю тягловую работу». В таком случае «тягол у них не отымать, как бы сыновья их малы не были»; или же из трех тягол одно отдать «охотнику», а 2 тягла оставить для трех вдов (с. 260—261). Трудно судить, насколько предложения помещика соответствовали интересам крепостной деревни. Но очевидно, что проблема «отнятия тягл» у потерявших главу семьи стояла достаточно остро, если сам владелец пытался что-то присоветовать, «дабы не разорить целых домов и не допустить до того, чтоб безвинныя лишились пропитания» и кормились «вечно мирским подаянием».

Во всяком случае, реальная помощь обедневшим дворам перекладывалась на самих общинников. Обращаясь к населению брянского имения, М. М. Голицын указывал миру, что он обязан «у безлошадных крестьян тягловую их землю всю запахать и засеять, ибо от такого неприсмотра многие крестьяне от того пришли в скудость»; помощь семенами община должна была оказывать «только бедным и недостаточным»[40].

Под равенством крестьян помещики понимали распределение повинностей согласно тяглоспособности дворов. В предписании (около 1728 г.) княгини Аграфены Петровны Волконской в вотчину под Петербургом указывалось «перемерить крестьянам землю поровну», т. е. на тягло (муж с женой) по полудесятине в поле (десятина 80 × 40 = 3200 кв. сажен). С каждой полудесятины «нашей пашни» исчислялась поставка пятины ржи, яровых, льна, капусты, репы и всего «что в земле будет», а также продуктового оброка (бараи, 2 куры, 20 яиц, 3 фунта масла с коровы). На лугах крестьяне ставили 100 копен сена. «В небытность» помещицы в усадьбе вместо овощей и продуктов животноводства собирались деньги[41].

А. П. Волынский писал в июле 1735 г. в подмосковное село Вороново о целях составления описных книг: «Потребно знать и видеть..., чтоб умеренная была сем в равенстве пашня моя и их собственная крестьянская и чтоб подати и доходы с них могли уравнительно платены быть, дабы от неуравнения некоторые не приходили в скудость»[42].

Интерес представляет понимание М. Г. Головкиным (1740 г.) уравнительного состояния крепостных крестьян под углом зрения равного для всех отбывания тягла. Причем помещик понимал равенство не по дворовому или душевому числу, а по числу окладных единиц поземельного обложения — осьмаков. Владелец писал: «всем того села Кимры з деревнями крестьяном быть одного звания что кимерския крестьяне и быть им в одном оброке всем тяглами уравнительным по мирскому расположению; и со всякого тягла... платить им поравну». «Бестолковыя» единицы тягла — копейки и полушки он требовал «отставить, а дать им знать что есть осьмак». «А всю пашенную прежде бывшую нашу, — продолжал владелец, — и их крестьянскую паш-

[40] *Прохоров М. Ф.* Рукописное собрание... С. 29.
[41] Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909. С. 210—211.
[42] Там же. С. 220.

ню и сенныя покосы розделить им, крестьяном, поравну каждому, что на осьмак достанеться, а кто хотя и пахать не будет, то он может отдавать внайомы, но только быть всем пашенным и всякому платить подушныя деньги и оброк с тягла своего поравну, а не менше и больше одному перед другим... не платить» (с. 64 об.).

Как видно, введение оброчных повинностей вместо барщинных вынудило Головкина разрешить слачу надела убогими своим состоятельным односельчанам. Однако эта оговорка не скрывала желания помещика видеть всех крепостных прежде всего «пашенными» и полностью платежеспособными.

Э. С. Коган высказала мнение, что в оброчной вотчине «обычно крестьяне распоряжались тяглой землей как своей собственностью, они обменивали ее, передавали друг другу, сдавали в аренду, в «годы», продавали, оставляли в наследство». Однако приведенные ею челобитные свидетельствуют, что сделки производились с разрешения помещика. Поэтому автор приходит к заключению: «владельцы вотчин, вотчинные власти, сходы поверенных и старших крестьян из фискальных соображений следили за тем, чтобы тот, кто брал на себя тягло, был в состоянии его «окупать», т. е. нести все повинности. Это способствовало сосредоточению тяглой земли в руках состоятельной части крестьян вотчины». И далее она пишет: «только в редких случаях и в весьма завуалированной форме можно констатировать действие принципа уравнительного распределения»[63]. Как видно, тяглоспособность оказывалась определяющим фактором.

Положения инструкций о «равенстве» крепостных в имениях исходили из необходимости дифференцированного обложения барщинными «уроками» и размером денежного оброка. По инструкции В. Г. Орлова в городецкую вотчину крестьяне по размерам платежа были разделены на две группы: «бедных и маломочных» и «полномочных».

В инструкции Т. П. Текутьева своеобразно проступает забота о «равенстве» крепостных крестьян. «Все мужеския души положены в платеж, и землею снабдены, и в работе и в протчем в равенство положены», — писал он. Поэтому приказчик обязан «смотреть накрепко, чтоб все в земле, в работе, в житье, достатке и исправности были равны и друг от друга безобидны». Помещик считает такое равенство основой порядка в имении («в том самой порядок состоит, чтоб было во всем равенство»), так как оно является залогом недопущения обеднения крестьянских дворов, потери ими тяглоспособности (с. 54, 56, 160—161).

В инструкции М. М. Голицына (1774 г.) говорится о несправедливом сборе государственных податей и господских оброков: «лутчие и прожиточные, льготя себе, много накладывали на маломочных и тем их приводили в конечное изнеможение». Помещик пишет, что «довольно известно мне» об этом «в бытность свою во оных вотчинах». Приказчику иметь «попечение, чтоб бедные совершенно изнурены не были», а для этого осматривать дома, семьи и их промыслы «с примечанием достатка каждого». Желание первостатейных состояло в том, «чтоб были богатой и убогой в равном окладе».

[63] *Коган Э. С.* Проект выкупа крестьян // Ежегодник ГИМ. 1965—1966. М., 1970. С. 155—158.

Поэтому при раскладке повинностей приказчику «быть... самому неотменно» и учитывать число работников, наличие промыслов, торгов, внешдельных земель, поголовья скота и «всяких заводов». При этом Голицын запретил расклад повинностей по душам.

Голицын считал, что повышенное тягло могут нести только крестьяне с «исправною семьей и богатством», а не те, кто не понимает, что «он еще не мог исправитца ни домом, ни же скотом, ни потребною для крестьянства збруею». Последние, «не в состоянии будучи поправитца», вынуждены «отдавать из малого платежа свои хлеба, пашенные земли и сенные покосы». И, наконец, «уже до того доходят, что в кабалу к ним же [прожиточным. — *Ю. Т.*] обязывались». Подобное неравенство в тягле вело к накоплению долгов. Помещик вынужден был прощать недоимки по просьбе крестьян. Гомою милость, будут стараться в поправлении себя». Этого не происходит из-за «пронырства», «по легкомыслию и ветренности бывшего над ними хозяина». Говоря иными словами, прежние приказчики принимали сторону «первостатейных» (с. 131—133).

В стремлении к «равенству» помещики не исключали помощи бедным крестьянам со стороны богатых. В. Г. Орлов писал в 1796 г. об облегчении «маломочных» в платежах государственных, мирских и оброчных путем снятия в них окладных душ и накладывания их на «прожиточных». Землю у бедных не отбирать, «дабы они, пользуясь оною без всякой платы, могли поправиться». Такую переверстку платежей должны были ежегодно производить выбираемые окладчики.

Однако другие дворяне в интересах исправного поступления доходов мирились с существованием обедневших крестьян. Голицыны приказывали отбирать наделы у неплатежеспособных дворов и отдавать «охочим» соседям «из платежа всяких податей». Такое положение становилось обычным. В челобитной 1787 г. общинники обратились с просьбой снять с них оброк за неимущих, так как им «за бедных всегда не платитца»[64].

Знающий Болотов считал употребляемое уравнение в повинностях по числу действительных душ и по количеству земли (т. е. по тяглу) неверным, ибо «для многих обстоятельств и неравности семей и подростков друг пред другом бывает многим обидно». «А лутчее и спокойнейшее уравнение, которым вдруг все требования и жалобы их пресекаются», состоит в раскладке «по числу работников». Он предлагал женатого работника считать за две души, холостого и вдового — за одну душу, подростка — за полдуши, а малые и престарелые при расчетах не учитываются.

Помещики всячески препятствовали уменьшению числа тягол, так как это вело к снижению объема повинностей. М. М. Щербатов приказывал в числе тягол «убавки никакой в нашем оброке не делать». На опустевшие земли он предлагал посадить других крестьян или разделить между всеми.

[64] *Петроченкова Н. С.* Положение крепостных крестьян смоленских и брянских имений Голицыных по их челобитным // Основные категории крестьян в период позднего феодализма (XVII — первая половина XIX вв.). Смоленск, 1985. С. 110.

П. Б. Шереметев писал, чтобы тягленов «в недоплатах... свидетельствовать помесячно» на сходах «и те доимки расположа взять со всех тое вотчины крестьян, чтоб по окладу в зборе было полное число». При таком крутовом раскладе страдали все сельчане. Льготы в податях старосты и сборщики давать не имели права. Это мог сделать мир, заплатив из мирских сборов, «дабы мои доходы по окладу с вотчины в казну вступали полное число». Помещик требовал «тяглые пустовытные земли верстать... по тяглам с мирского приговору, а чтоб земля впусте не была».

В инструкции В. Н. Самарина (1769 г.) прописана реакция общины на «повеление о прибавке пашни, столового запасу или о наложении оброка». Приказчик, получив повеление, собирал сход и, «склоня» мир к тому, «чтоб все крестьяне повиновались тому без огорчения». Если прибавка и налоги действительно «будут тягостны, то дозволяется вам просить меня об отмене». Одновременно, предупреждал помещик, «ежели вам сносна прибавка, а вы... по лености будите меня трудить и от того отговариваться станите», то «наложено будет еще сверх той прибавки... и подвергнитя себя навек моему гневу».

Самарин требовал, «чтоб положенное число тягл не упадало». «Буде кто устареет и станут тягла не в силах», приказчик собирал сход и «со общаго согласия... снявь, наложить на молодых робят». Далее рассмотрены такие случаи: «ежели случится двое подростков одних лет и одной силы, то можно на двух наложить одно тягло равномерно», «естьли... у тягловаго мужика жена от старости лет или по дряхлости работать будет не в силах», то дочь «принудить на все те работы»; приказчику «больных осматривать» и освобождать от работы только до выздоровления. Если же подростков «не случится», то «мужиков по старости лет или по дряхлости» или уволить от работ, которых «не в силах исполнять», при оставлении на них тягла, или при полной невозможности трудиться, уволить полностью, но опять же «тягла не отымать». При наличии в деревне 2—3 таких стариков допускается их перевод на одно тягло, но с согласия мира, который берет на себя ту землю «пахать и косить все обще» до тех пор, «пока подрастут такия рабята, кои могли принять все тяглы». Вместо тягловой работы старики могут караулить лес и топить риги.

Малолетним и совершеннолетним, но не способным «к управлению своего дома», В. Г. Орлов предлагал бурмистру вместе с выборными и родственниками назначать опекунов.

В инструкции бурмистру и старостам села Мыт И. И. Шувалова (около 1795 г.) недоимки в уплате оброка категорически не допускались («недоимок в вотчине моей быть не может, когда крестьяне никакими другими налогами не отягощаются»). Помещик определил и установил окладную единицу тягла в 5 коп. (всего 130 руб.). С окладной копейки крестьянский двор платил в месяц 10 коп. Годовой общий сбор 15 600 руб. Шувалов указывал неимущим раздавать «копейки» по их возможности, а «могущим столько, чтоб все тяглы по селению были розданы». Повинности за умерших и рекрутов должны нести члены их семей. Если им не под силу, то тягло перекладывалось на других крестьян. Льгота не полагалась, чтобы другие «отягчены» не были[65].

[65] Университетские известия. Год 49. № 7. Киев, 1909. С. 228—229.

Как видно, главное требование помещиков состояло в том, чтобы число окладных единиц не снижалось. Опустевшие тягла перекладывались на других крестьян. Крутовая порука в отбывании повинностей претворялась в жизнь неукоснительно.

А. П. Волынский предписывал при возвращении или поимке беглых «отводить им распашныя земли из моих земель, или вновь ему распахать всеми крестьянами, и посеять арданым и яровым хлебом моим первый хлеб». Крестьяне были обязаны построить двор и дать 2 овцы, свинью, 5 кур. Если по числу работников в семье бывший беглец мог быть на целом тягле, ему полагалось две лошади, если на половине тягла — одна лошадь (не указано, из господских или крестьянских). В течение года возвращенный освобождался от барщины и поборов, а затем «повинен он работать и столовые припасы давать, как и прочие». Таким образом, устройство беглых дополнительно увеличивало крестьянские повинности. Помещик лишь выдавал семена на посев и, возможно, обеспечивал рабочим скотом.

Приказчику предписывалось строго соблюдать *соотношение размеров помещичьей барщины и надельной земли крестьян*.

В барщинных деревнях в первой половине XVIII в. помещики определяли повинности на целое тягло в 1—2 дес. А. П. Волынский (1724 г.) считал, что «повинен всякой, имея целое тягло, вспахать моей земли 2 дес. в поле, а по ду потому же» (1 дес. 80 × 40 = 3200 кв. саж.) да еще «под мелкой хлеб» (пшеница, горох, конопля, лен, мак, просо, репа) «пахать и собирать всем поголовно». При такой «десятинной пашне» «надобно, чтоб собственной ему земли было на всякое тягло против того вдвое», т. е. надел 4 дес. в поле, 8 дес. в двух полях. Приказчику предписывалось, чтобы надельная земля «у ленивцев» «пуста не лежала» и не отдавалась «взаймы». Волынский требовал, чтобы на крестьянское целое тягло было не меньше двух лошадей, «а у кого больше, то и лучше». Имеются, продолжал он, «такие плуты мужики, что нарочно, хотя бы он мог и 3 лошади держать, однакож держит одну, и ту безделную, чтобы только про себя ему самую нужду вспахать». Н. Г. Строганов в 1725 г. приказывал на тягло давать по 2 дес. в поле, в надел — 4 дес.

В. Н. Татищев (1742 г.) указывал, что каждое тягло, «муж з женою» должно на помещика «сработать в каждом поле по десятине» (3200 кв. саж.) и накосить сена 120 пудов (с. 29). Вся оставшаяся земля отдается крестьянам. «Ежели довольно земли, лугов и лесов», то на тягло, мужу с женой, давать не менее 3 дес. надела (с. 51). При недостатке пашенных угодий «помещику делить землю с крестьянами пополам.., чтоб не менее крестьянину досталось земли». При нехватке земли для наделов «деревни должны быть на оброке» (с. 29). Татищев предписывал приказчику смотреть, чтобы тяглецы (муж с женой) имели у себя двух лошадей, двух волов, 5 коров, 10 овец и двух свиней, 2 пары гусей, 10 кур (с. 48).

Ф. Удолов (1769 г.) писал, что на каждое тягло полагалось «содержать» 6 дес. господской пашни в трех полях и сенокоса 6 дес. и закрепить эти участки за тяглецами на пять лет. В дополнение надо было возить в Петербург на помещичий двор сено и дрова. Он определял на каждое тягло под усадьбу с огородом и огуменником 3 дес., на пашню 27 дес. в трех полях, сенокоса

са 18 дес., выгона 6 дес., лесных угодий 6 дес., всего 60 дес. Помещик на тягло разрешал возводить две избы, овин и баню. Если же один из тяглецов «по своему упрямству или по несогласию с семьею захочет особую избу иметь», то должен сам покупать лес из общего лесного угодья. Он может вырубить деревья из господского леса, но тогда заплатит «попенные деньги». Дрова из тяглой дачи ему также придется покупать, и если из господского леса, то за 3 руб. 60 коп. ежегодно. Удолов требовал на тягло иметь не менее 6 лошадей, 12 коров и 12 овец.

Система наказаний в «хлебных» деревнях становилась все более изощренной. За плохую работу у крестьянина отбирали на помещика хорошее зерно, а ему передавали некачественное с господского поля. Принуждая крестьян к первоочередному выполнению работ на господских полях и лугах, особенно в дни жатвы и сенокошения, приказчик получал возможность заставлять их выполнять барщинные задания в самые благоприятные дни[66].

О длительности рабочего дня имеются сведения в инструкции В. Н. Татищева (1742 г.): летом «работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно». Вечером надо работать до 10 час. С 10 час. утра до 4 час. пополудни, т. е. в «самой жар иметь свободу». Получается, что вечерняя работа длится 6 часов. Не указано, с какого часа начинается работа утром. Если с 4 час., то утренняя работа занимает тоже 6 часов. Значит, летний рабочий день длился 12 часов.

Приказчик был обязан следить за состоянием крестьянских наделов. По инструкции 1751 г. Румянцева он наблюдал, чтобы крестьяне земель без посева не держали и исполу не сдавали. За два месяца до посева яровых он должен был составить именные списки «кому что по тяглу высевать потребно» и проверял наличие семян. Болотов требовал сохранять постоянную площадь обрабатываемого надела, и без ведома приказчика крестьяне не могли отдавать пашенные участки и луга в наем или исполу. Их обязывали беречь семенной материал. Об отсутствии семян (считалось, что у ленивых это первая отговорка) следует объявлять заблаговременно. Получив семенную ссуду, крестьянин обязательно возвращал ее после молотьбы.

Надзор за трудовой повинностью на барщине вызывал требования не допускать уменьшения площади надела, так как нередко вместо работы на тяглой земле крепостные обрабатывали вненадельные, т. е. не облагаемые поборами участки. Крестьяне постоянно стремились расширить земельные угодья под пашней и сенокосом либо путем аренды, либо путем расчистки вненадельных участков. Вотчинные власти наказывали земледельцев за сокращение наделов и запрещали обрабатывать заброшенные бесхозные земли[67]. М. Г. Головкин (договор 1740 г.) категорически запрещал крестьянам владеть в имениях других дворян «чужею землею и протчим». Нарушителям грозило наказание (л. 66).

[66] См. *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 160–162.

[67] См.: *Колев Э. С.* Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М., 1960. С. 67–68.

Полевая барщина выполнялась либо всеми поголовно («сгоном»), либо каждый из тяглецов получал свое задание. Различным в имениях оказывалось и число барщинных дней.

А. Т. Болотов считал, что пахать сгоном хуже, чем по тяглам: «Тут всякое тягло должно ответствовать за свою землю и скорей можно найтить нерадивого». Имеет значение и требуемая скоротечность пахоты, «ибо всякой спешит для себя и опасается делать проступки» (с. 114). На жатве ржи и другого семенного хлеба сгон всех работников обоего пола оправдывается проведением работы в кратчайшее время из-за опасности высыпания зерна. Уборку других хлебов лучше производить по тяглам. Относительно молотьбы Болотов определенно не высказывается: и работа по тяглам, и работа сгоном имеют «свои пользы и неудобства»; исходить надо из того, что «скорейшая молотьба лутче» (с. 119). Он выступал за деление понолым времени или работников на барщине. Либо три дня крестьянин работает на помещика и три дня на себя, либо чтоб «всегда половинное число ходило на боярщину, а другая оставалась дома, что для некоторых обстоятельств может почесться наивыгоднейшим».

П. И. Рычков писал, что господские работы производятся «у нас по произволению помещиков». Произвол доходит до перевода крестьян на месячину. Некоторые владельцы заставляли работать на барщине 4 дня, а крестьянам оставались 3 дня вместе с воскресным. Помещики, «кои умеренно их содержат», отводят барщине 3 дня, крестьянам 3 дня и воскресенье для отдыха, при этом пашня «более уроками исправляется»[68].

Т. П. Текутьев предполагает «всякую работу, а особливо полевую, в пашне и покосе, о приборе и молотбе хлеба, како уже учреждено, в раздел исправлять». Без «розделу» крестьяне станут «генерално такия ленивыя, что о своей ползе не брегут и добрыя порядки стараютца портить» (с. 35).

Издатель публикации Е. Б. Смилянская полагает, что Текутьев стоял за обычай сначала всем миром обрабатывать господские поля, а потом наделы. С этим трудно согласиться. По нашему пониманию, помещик считал рациональнее производить работы одновременно и в господском, и в крестьянском хозяйствах. Согласно камеральному описанию конца XVIII в., в Кашинском уезде помещичьи крестьяне выделяли на барщину одного работника от двух тяглецов и одну работницу от того же числа. Другая половина тяглецов в это время трудилась на своей земле (с. 150).

В имениях Куракиных полевая барщина в летнее время оказывалась непрерывной, так как урочные нормы дополнялись работой «сгоном». Из-за сопротивления крепостных пришлось пойти на перемены. Три дня в неделю половина тяглецов трудилась на господских полях, половина — на своих участках. Затем они менялись. Воскресный день помещик обещал оста-

[68] Как известно, по царскому указу 1797 г. рекомендовалось помещикам отводить на барщину не более 3 дней. На практике работа на господских полях занимала у крестьян 4–5 дней в неделю (История крестьянства в России... Т. 3. С. 362). Считается, что в среднем барщинные повинности за последнюю треть XVIII в. возросли не менее чем в два раза. С учетом роста цен отработочная рента в денежном выражении увеличилась в 8–9 раз (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 164–166).

вить крестьянам. Однако приказчики в страдную пору по воскресеньям гнали на барщину всех поголовно[69].

Инструкция (1794 г.) Г. И. Шипова приказчику ефремовской вотчины определяла организацию господских и крестьянских полевых работ в весенне-летний период. Барщина выполнялся в 3 дня в неделю. Однако следуют примечательные оговорки: «крестьянам между моими работами давать на их собственное изделье дни четверг, пятницу и субботу еженедельно, и на мою работу во оные дни уже не посылать, также и праздники оставлять на их волю, а когда нужда встребуется, то брав и у них дни, опосле возвращать их из моих». Получается, что в страдную пору число барщинных дней может быть увеличено и крестьянам сверхурочные дни зачтутся после самого благоприятного для пахоты и покоса времени. И тут же следует напоминание приказчику: за крестьянами на барщине «накрепко смотреть самому, чтоб вместо работы не находились в праздности».

В начале 1770-х гг. А. И. Полянский запретил отбывать барщину в своем имении по вениам. Все мужчины без исключения получали задания на пашне: три человека вырабатывали по одной десятине ежедневно. Боронование выполняли дети: мальчики и девочки. На жатве четыре женщины должны были убирать десятину в день. На свои наделы крепостных отпускали после завершения работ на помещика.

Показателен проведенный автором монографии расчет трудовых дней помесячно: в апреле на барщине 11 дней, на наделе 5; в июне — 18 и 12; в июле — 21 и 10; в августе — 18 и 13; в сентябре — 19 и 7. Всего 87 барщинных дней и 47 надельных. Общее соотношение 2:1[70].

Распорядок барщинных работ в имении дан в инструкции Т. П. Текутьева вместе с чередованием работ крестьян на надельной земле (с. 44—50). После схода снега с полей следовало приступить к пахоте парового клина под рожь. На каждую десятину ставились по четыре крестьянские сохи, и они «одну десятину легко вспахать могут в один день». Следующие дни пахота производилась по той же норме. «Как всю паровую пашню вспашут», следовало отпустить крестьян на надельные участки «для их пашни 4 дни». Затем «ту пашню заборонить порядошно, и потом... дать им для своей работы 2 дни».

Потом наступает время пахоты под овес. При этом чередование работы на барском поле и на наделе производили через каждые два дня. Крестьяне (4 сохи на десятину) один день пахали, другой — сеяли и боронили, после чего получали два дня на себя. Так работы чередовались по дням три-четыре раза. На господском поле в 20-х числах мая сеяли пшеницу, горох, лен, коноплю. После окончания крестьянам давали три дня. Пахота, сев и боронование участка под ячмень (4 сохи на десятину) подобно обработке овсяного поля чередовались — два дня на помещика и два на себя. «Потом вдруторед таким же порядком» другие десятины в три раза.

[69] См. *Косая Э. С.* Очерки истории крепостного крестьянства... С. 67.

[70] См.: *Бутылин И. А.* Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (По материалам Пензенской губ.). М., 1966. С. 78—79.

В июне наступало время для вывоза на поля навоза «по тяглам поровну, а мужикам накладывать на телеги, а бабам и ребятам водить лошадей в поле». Крестьяне, завершив эту работу, получали 3—4 дня. Около 20 июня наступала пора «зачинать пар озимой пахать» по 3 сохи на десятину. В течение трех дней урок по одной десятине. Затем крестьянам давали на надельы три дня. Однако до покоса их заставляли выполнять «плотнишную работу» в господском доме.

В начале июля начинали заготовку сена, и «весь покос во всех полях на всех по тяглам на каждого поровну разделить». Столько же дней крестьяне получали на свою косьбу; «а за згребаные того сена дать им 3 или 4 дни, смотря их исправности, дабы и они вовремя с своим сеном убратца могли». Сено в копны метали все по тяглам. А на «свое сено... уволять их сех на один день». Помещик считал, что, «помогая друк другу», крестьяне «сметать могут» и за короткое время.

В первые дни августа все выходили на барское озимое поле пахать, сеять и бороновать по 4 сохи на десятину. Работа шла 3 дня, затем еще 7—8 дней, и еще два дня давалось на «достальное». Надо полагать, что в промежутке крестьяне управлялись на своих участках. На жатву высылали баб «з доли по одной». После они выходили снопы вязать «во всякую неделю по два раза через день з доли по две жнеи». Сжатый хлеб делился на каждого полудольщика «до воски оправлять и сушить». Сухой возить «единовременно и, помогая друк к другу, класть в копны».

К этим барщинным урокам прибавлялась работа по выращиванию и обработке льна и конопли.

Обмолот зерна производился крестьянами поочередно, каждые 4 доли работники сменялись. При молотьбе череда барщинных дней сохранялась. После уборки господского хлеба в гумно следовало ежедневно (понедельник, вторник, среда) молотить рожь, а затем яровые.

Инструкция Румянцева (1751 г.) предусматривала распределение барщинных уроков по площадям между крестьянами. Весной приказчики вместе с полевыми старостами и сотскими на полях делили господскую пашню подесятинно с указанием, где какой сотне крестьян пахать, сеять, жать и увозить хлеб на гумно.

И для повышения урожайности, и для усиления контроля за качеством работ в «хлебных» деревнях помещики требовали выделения барщинных земель в особый клин. Д. А. Шепелев (1718 г.) указывал «хлеб сеять на добмель в особый клин. Д. А. Шепелев (1718 г.) указывал «хлеб сеять на добрых десятинах и обсеву бы не было, а десятины (80 × 30 саж.) отделить от крестьянских полос особливо» (с. 28). То же имеется в инструкции П. М. Бекстужева-Рюмина (1731 г.): «в моих наволоках крестьянской и моей пашне не быть». В инструкции А. М. Черкасского (1719 г.) указано также, что «кругом пашни» господской «всей иметь городьбу плетневую крепкую» и крестьянам эту пашню «не делить» (с. 61).

Помимо полевой барщины в перечень господских работ входили молотьба хлебов на помещичьем гумне, переработка зерна, труд на усадебных огородах и садах. Румянцев обязывал крестьян рожь и пшеницу перемалывать в муку, из овса делать муку и крупу, просо «перетолкивать в пшено», гречу

«переделать в крупу», «ячмень ростить в солод, а достальной переделать в крупу перловую», «бить масло» из льняного, конопляного, репного семени. Крестьяне должны были обрабатывать овощные огороды для дворовых людей и для «домового расхода». В домовом огороде гряды устраивали по 30 сажен «во все четыре стороны». Четвертая часть овощей предназначалась для управителей и приказчиков.

О каких-либо поощрениях труженикам на барщине помещичьи инструкции говорят очень редко. Инструкция Румянцева устанавливала, чтобы в дни перед началом пашни и окончанием сбора всех хлебов на поле священники служили молебен, а работникам «в утешение» давали по 10 ведер вина и «по варе» пива.

Т. П. Текутьев перечисляет крестьянские работы в господском доме с октября по апрель: подготовка свиней и птиц «на убой», винокурение и пивоварение, заготовка леса «на строение», упаковка столовых запасов и их отвоз, в том числе «для продаж... в способные места», подвоз дров, молотьба хлеба в усадьбе и на мельнице, замена льда в погребах, починка к полевым работам сох, борон, телег, «тако ж плотничную работу исправляют» (с. 73).

Мельницы обычно возводились помещиками и считались их собственностью. Помол господского зерна производился крестьянами, которые иногда брали мельницы на оброк. Ремонт и починку производили ежегодно крепостные крестьяне. В инструкции Румянцева было приказано везде строить мельницы «по моему чертежу». Управление ими поручалось приказчикам или особым целовальникам или же взявшим на оброк крестьянам.

Встречаются упоминания и о мирских мельницах. В куракинских вотчинах Пензенского уезда на реке Юлове действовали две мирские мельницы. Они находились на оброке 12 руб. «у чюжевотчинных мужиков». Вотчинное правление обязало с 1 февраля 1775 г. содержать мельницы общиною. Крестьяне вотчины мололи зерно для себя бесплатно, лишь отдавая «лопаточный» хлеб за помол из расчета одна четвертая часть четверика от четверти зерна. С посторонних брали 2 коп. с четверти зерна, а «лопаточного» больше в два раза.

В инструкциях определены *оброчные обязательства крестьян, денежные и натуральные*. Оброчные продуктовые повинности с тягла (муж с женой) подробно расписаны В. Н. Татищевым. К Рождеству Христову полагалось привезти помещику 50 пудов сена, 2 четв. ржи чистой, 4 четв. овса или ячменя, одну четверть круп, один четверик картофеля, 1 $^{1}/_{2}$ пуда мяса свиного, пару уток живых, 20 фунтов масла коровьего соленого, 1 штоф масла конопляного, 2 арш. сукна серого, 5 арш. холста льняного. Оброк к другим дням был меньше. К Пасхе — пару кур индейских, 3 куры русских, 20 яиц, 10 ведер творога, ушат сметаны (со всех крестьян), а также полсажени дров. На Петров день давали барана и 30 яиц, на Успенье — пару гусей, 5 цыплят. Все крестьяне приводили быка. За всю поставку крестьянин мог «без тягости» заплатить в год 10 руб. (с. 50—51).

Татищев считал, что приказчик и староста должны ежегодно «приготовлять... к довольствию и прибыли своего помещика» овощи (картофель, репа, морковь, зеленый горошек, бобы, редька, тыква, капуста, огурцы, свекла,

салат, лук, чеснок, спаржа, артишоки), травы (сельдерей, петрушка, пастернак, хрен, мята, шалфей, полынь, базилик), плодовые (арбуз, дыня), фрукты (яблоки, груши, дули, сливы, вишни, смородина, малина, крыжовник, клубника, земляника, черника, клюква, барбарис, рябина, черемуха, можжевеловые ягоды), орехи, грибы, сосновые шишки. Свежее хранить в погребах, прочее сушить и солить, ягоды и фрукты «водкою наливать». Для вина, пива и кваса заготавливать солод и дрожжи (с. 41).

Бестужев-Рюмин в 1731 г. указал первую половину денежного оброка и «мяса» доставлять к 1 декабря, вторую — к 1 марта. Сбор поручался выборным в деревнях. «А хто в натуре мяса, рыбы или леснова овощу не даст» — брать деньгами. Дрова для господских овинов крестьяне заготавливали летом, а привозили зимой. На конюшенный двор крестьяне заготавливали «оброшное» сено. Крестьянки были обязаны сдавать 2 пуда сухих березовых веников. В инструкции В. Г. Орлова в нижегородскую вотчину конца 1790-х гг. установлен порядок сдачи денежных платежей. Господский оброк крестьянин сам приносит в вотчинное правление денежному старосте. Подушную подать и мирские деньги собирали сборщики и сдавали на хранение в сундуки.

Изнемогавшие от господских повинностей и оброков крестьяне с трудом платили государственные налоги[7]. Чуть ли не издевательством выглядит поэтому совет Болотова: «Надобно прикащику стараться ввесть в употребление, чтоб крестьяне в противность нынешнему обыкновению о доставании и приуготовлении подушных денег заблаговременно помышляли и не доводили бы до того, чтоб встряхнувшись тогда, когда платить, последнюю лошадь или корову продавать или с предосуждением занимать принуждено было» (с. 157). Будто бы автор «образцовой» инструкции не ведал о хронической нехватке у крепостных свободных денег. Сам он призывал к помощи нуждающимся в деньгах. Но от кого эта помощь последует, умалчивал.

«Забота» о своевременной уплате государственных налогов вызывалась также опасением приезда в имение чиновников для их сбора. М. М. Голицын наставлял приказчика сдавать подушную подать в срок и без доимки. Иначе «чиниться будут от посылаемых ис канцелярии разсыльщиков старостам многие инсурбации, а крестьяном... немалое разорение» (с. 125).

Показательно, что владельцы оброчных деревень заставляли крестьян в срок и полностью вносить подати угрозой перевода на барщинные работы. Система наказаний за невыполнение повинностей в инструкциях очерчена детально. А. П. Шереметева (1727 г.) указывала «всякие сборы... збирать бездоимочно..., понеже от запущения доимки крестьяном горшая та участь происходит». При раскладе она рекомендовала скрывать от крестьян величину платежа по оброку и по государевым платежам, «понеже от того бывает умаление в зборах оброчных наших денег и остаются всегда в недоборе». Она

[7] В нечерноземных губерниях в помещичьих имениях к концу XVIII в. оброк с души м.п. увеличился до 3 руб., а в черноземных до 4 и более. Государственные крестьяне платили оброчную подать с 1761 г. 1 руб. с души м.п., с 1769 г. — до 2 руб., с 1783 г. — до 3 руб. (История крестьянства России... Т. 3. С. 364—365). Однако следует учитывать и другие поборы (выкуп рекрутских квитанций, мирские сборы и др.), так что нередко денежные платежи достигали 30 руб. (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 158—159).

же советовала «за недоимочный оброк» заставить неплательщиков обрабатывать заведенную приказчиком пашню, т. е. вводила наказание барщинными работами (с. 131—132). П. М. Бестужев-Рюмин (1731 г.) также наказывал оброчников переводом на барщину. В барщинную деревню «посылать заработать... в дворовых полях... з денги во всех трех полях по десятине вспахать и посеять и собрать и молотить и навоз возить». Тех, кто не заплатит оброк полностью, «велеть зарабатывать по препорции денег, чего не доплатит», путем обработки четверти или половины десятины. Такое наказание встретило упорное сопротивление. В 1737 г. Бестужев-Рюмин указал «оброчных крестьян на работу не высылать». А «ежели по крайней нужде надлежит послать оброчного», ему платить пешему 1 алт. в сутки, с лошадью по 2 алт. Таким образом помещик ввел денежную оплату оброчникам за барщинные работы.

Надо учитывать, что помимо денежного оброка крестьяне были обязаны оплачивать расходы общины, в том числе подношения различным чиновникам уездных учреждений. Значительными были расходы, связанные с выполнением рекрутской повинности.

Во владениях Куракиных в 1760—1780-х гг. денежный оброк в среднем на человека м.п. увеличился с 2 до 5 руб. Из-за мирских взносов платеж возрастал еще на пятую часть[72].

По подсчетам Е. И. Дракохруст, в 1780-х гг. на душу м.п. приходился платеж 7 руб. 50 коп. Помимо оброка в 6 руб. 25 коп. и подушной подати в 70 коп. с крестьян брали на содержание почты 15 коп., на расходы по путешествию императрицы 12 коп., «на благородную архиву» 5 коп. Содержание приказчика (60 руб.) и мирских выборных (12 руб.) оплачивали крестьяне. Ежегодно проводилось «одаривание» чиновников, повытчиков, счетчиков, сторожей нижнеземского суда, уездного казначейства, рекрутской экспедиции[73].

Очень тяжелой для крестьян являлась *рекрутская повинность*, требовавшая дополнительно к господским и мирским поборам огромных денежных средств и на поставку мужчин в службу, и на выкуп при необходимости рекрутских квитанций. О помощи крестьянам инструкции молчат. Лишь П. А. Румянцев приказал крестьян, которые захотят «от достатка» купить рекрутскую квитанцию, освобождать на 2 года от государственных и господских податей и от барщины. Надо только учесть, что, как правило, повинности раскладывались на остальных крестьян. А. Т. Болотов прямо указывал, что без господских денег крестьянам, особенно малоимущим, не справиться с выплатой: «ничто так крестьян не отягощает, как рекрутские складки...; но как и сие неотвратимо, то по крайней мере со стороны помещика бедным крестьянам, о коих он как о детях стараться обязан, надобно чинить возможнейше облегчение и без необходимейшей нужды до платежа складочных денег их не доводить или по крайней мере помогать им в том сколько можно» (с. 157). В 1787—1791 гг. с крестьян (180 дворов) калужской вотчины М. М. Голицына взяли в солдаты 25 чел. Их снаряжение и отправка обо-

[72] См. *Коган Э. С.* Очерки истории крепостного хозяйства... С. 69.
[73] См. *Дракохруст Е. И.* Указ. соч. С. 125.

шлись крестьянскому двору в 3 руб. 20 коп. По ведомости 1788 г. крестьяне за каждого рекрута платили 27 руб. 40 коп., в том числе за «платье» — 9 руб. 27 коп. (шуба, кафтан, сапоги, рубашка, штаны, чулки, «галстух», шапка, рукавицы и др.), «награждения от миру» 6 руб., «амуничных» 3 руб. 8 коп., провиантских 2 руб. 90 коп., «складочных» в рекрутскую экспедицию 3 руб. 60 коп.[74]

Помещики стремились избавиться от «плохих» крепостных. В инструкциях предписывалось отдавать в рекруты беспахотных, не занимающихся промыслами, «обращающихся в гульбе» (гуляк), воров, пьяниц. Ф. Вольф приказывал отдавать в рекруты тех, кто «к хлебопашеству ленивы, а в солдаты годны, да и праздно шатающихся». В. Г. Орлов предлагал отдавать крестьян «худого житья и непрочных по крестьянству». На покупку рекрутских квитанций он давал деньги, но с возвратом займа после уборки хлеба. Помещик прямо указывал, что у нерадивых земледельцев оставался только один путь — в солдаты. Те, кто «к земледелию не будут прилежны, — считал он, — останутся склонны к праздности, забичествам и к другим невоздержностям». Поэтому «из таковых молодых и здоровых... отдавать в рекруты, а кои постарее... ссылать на поселение». Прилежных к земледелию предлагалось «содержать с отменною ласковостию и предпочтением», их и членов их семей освобождать от солдатской повинности (с. 85—86). Показательна статья в инструкции 1775 г. для пензенского имения А. Б. Куракина. Тогда еще не забылись открытые антикрепостнические выступления крестьян. Приказчику наказывалось «во времена нарядов рекрутских всегда отдавать в рекруты продерзливых, входящих в расколы, внимающих вредным обществу баснями, бестягольных, нерадивых о своих домах».

Подробно расписан порядок отбора рекрутов в инструкции М. М. Голицына (1774 г.). При сдаче в рекруты приказчик обязан собрать всех общинников, чтобы они «на том совете» назвали «кого в отдачю выберут». Крестьяне приводили рекрутов и сдавали «под караул» приказчику. «Назначенные люди в рекруты» должны быть «здоровые и в меру точные» во избежание «убытков» при проверке. Приказчику предписывалось «накрепко смотреть..., чтоб отдаваны были от семей и ис таких, которые беспахотные и никаких промыслов не имеющие и безтягловых, которые только всегда обращаются в гульбе, и как мне, так и мирским людем никакого от них плода не бывает» (с. 129).

Крестьянские хозяйства ожидала не конкретная помощь в случае неурожая, болезней, пожаров, а усиление контроля со стороны приказчика и его помощников. Этого требовала внутренняя логика барщинного имения. Инструкции немало места отводили *налаживанию и действенности наблюдения и контроля за хозяйственной жизнью крестьян и соблюдением общежительских норм*. В «хлебных» деревнях это диктовалось стремлением добиться того, чтобы крестьяне все силы и все время отдавали господским работам и лишь потом заботились о своем наделе. Помещичьи доходы не должны были ущемляться крестьянским хозяйствованием. Этим же объяснялись заботы о благоустройстве дворов и селений, о благонравном поведении крепостных.

[74] Там же. С. 124.

Помещики в инструкциях обязывали приказчиков ужесточать режим постоянного наблюдения за крестьянами (Д. А. Шепелев — 1718 г., А. П. Волынский — 1724 г., П. М. Бестужев-Рюмин — 1731 г., М. М. Щербатов — 1758 г.). Десятские (десятники) каждый вечер, а то и утром, обязывались обойти свой десяток или более дворов и удостовериться, все ли ночуют «в домах своих и нет ли кого прибылых посторонних», кроме объявленных «приежих стоялыев». Беглых и «незнаемых людей без пашпортов ни на час не пущать». «А ежели за кем что увидит, или пьянство, или мотовство, или какое-нибудь непотребство», то десятский доносит приказчику, который «по вине чинит наказанье».

Помещики строго ограничивали возможности крестьян уходить или отъезжать в отдаленные места из своих деревень. Д. А. Шепелев (1718 г.) указывал уходящих без разрешения десятского или приказчика «бить батоги нещадно» и штрафовать. П. М. Бестужев-Рюмин (1731 г.) назначил штраф 1 руб., а с крестьян первой статьи — 2 руб. (с. 183). А. П. Волынский малейшее передвижение сельчан поставил под контроль десятских. Без его позволения «никакой крестьянин, ни крестьянка, ни дети их из двора своего никуды, и не токмо для иной нужды, ни для дров и ни для чего не в свои собственные угодьи не ездили и не ходили» (с. 70). Далее в инструкции повторялось: «ежели какая случится кому домашняя нужда ехать в свои угодья... повинен всякой мужик спроситься у своего десятника, и с его позволения итить или ехать».

Во многих инструкциях приведены *условия найма крестьянами работников*. Д. А. Шепелев (1718 г.) писал: если «похотят для своей домовной и крестьянской работы держать наймитов», объявить о том на мирском сходе и оформить «поручные записи» («помещиково письмо» работника «хранить для спору») (с. 27). А. М. Черкасский (1719 г.) указывал от «ближних помещиков» нанимать только с «кормежными письмами», «а из далних мест ни под каким образом незнаемых и с отпускными не принимать» (с. 46). А. П. Волынский (1724 г.) велел «накрепко во всех деревнях заказать, чтоб крестьяня отнюдь чужих работников, или по их званию батраков и казаков, также и работниц не наймывали, а брали б вместо того своих крестьян и крестьянок» (с. 82). Н. Г. Строганов (1725 г.) работников или «строшных» приказал без покормежных писем от управителей не держать, а «з женами пришлых, хотя б кто имел и покормежные письма, никто б к себе отнюдь жыть не пускали» (с. 102). П. М. Бестужев-Рюмин (1731 г.) указал приказчику, чтобы «в работу крестьяном наниматъ» на одно лето или на зиму с паспортами, а «долговременно не держать». Крестьянам, «которые кузнешные промыслы имеют», запрещалось «кузнецов, и середовых, и молотовщиков мимо своих» из чужих нанимать, и «утолья покупали по тому от своих». Чужих можно было брать за отсутствием своих «наймитов» (с. 183). Не удержался от партикуляризма Татищев, обязав приказчика «крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать [чужих]». П. Б. Шереметев (1764 г.) разрешал принимать работников с печатными и письменными покормежными из мест, расположенных не далее 30 верст (с. 199). А из дальних мест и с отпускными не принимать. Нельзя не видеть здесь повторения пункта

А. М. Черкасского спустя 45 лет. М. М. Голицын (1767 г.) велел требовать покормежные письма и при их отсутствии или «не с указными, а сумнительными» тем, кто нанимал, «чинить наказание батоги» (с. 236). Во всех инструкциях указывалось, что по истечении указанного в письмах срока «наймитов» надо отпускать по домам.

В оброчных вотчинах в конце XVIII в. практиковалась покупка работников в крестьянские зажиточные хозяйства. В. Г. Орлов разрешил крестьянам в городецкой вотчине «покупать для услуг своих работников», но при условии «позволения» бурмистра[75]. Очевидно, покупка оформлялась на имя помещика.

Продажа собственных лошадей и скота разрешалась крестьянам только с *ведома приказчика*. Своеобразная процедура продаж заведена была Татищевым. Лишний хлеб, лошадей, скот крестьянин обязан прежде всего предлагать покупателям из своей же деревни, а в случае отсутствия таковых товар предлагался помещику «повольною ценою»; если же и господин не проявит желания, «тогда вольно продать постороннему». Тому, кто продаст без ведома, грозила тюрьма. Болотов рекомендовал следить и за состоянием крестьянского скота. Приказчик должен наказывать за тощих лошадей. Указание о запрещении продажи лошадей, коров и др. без ведома приказчика направлено на сохранение поголовья у крестьян (с. 40).

Т. П. Текутьев запрещал брать взаймы деньги или хлеб от посторонних или отдавать посторонним в аренду пашню и покосы. «Владеть и довольствоваться самим», а «кто слутает..., того жестоко высечь»[76].

Болотов обязывал приказчика, чтобы хлеб «без нужды и неблаговременно за бесценок» не продавали, ибо «ленивцы и неголные крестьяне», не помышляя о будущем, «продают последней и деньги... проедают или пропивают на вине», а после требуют выдачи господского зерна или идут ишенствовать. Приказчик у таковых должен осенью семенной материал отбирать в свой амбар для сохранения на следующий год (с. 151). Татищев (1742 г.) предлагал даже более строгие меры («заарестовать» не только семена, а весь хлеб): «В случае недорода хлеба или в дороговизне должен всякой приказщик у крестьян весь хлеб собственной их заарестовать и продавать им запретить; дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать, чрез что можно их удержать в случае самой крайне нужды от разброду» (с. 41).

В своей инструкции (1796 г.) Ф. Н. Голицын выразил «заботу» об экономном расходовании крестьянами средств. Приказчик должен был следить, чтоб крепостные «сами не плошали и тщились приводить себя в лучшее состояние, сберегая свое имущество и хлеб от излишних и непотребных расходов». Помещик запрещал покупку за хлеб вина и «непомерное употребление в пиво», а также приобретение женщинами домашней утвари («глупость у баб, что образа, горшки и прочее на хлеб выменивают, чем... торгами чрезмерно от них интересуются, а лучше все то покупать на деньги, продав из хлеба».

[75] *Лебедева О. Н.* Указ. соч. С. 48.

[76] Запрет на сдачу земли посторонним в аренду имеется в «пунктах» 1751 г. А. П. Жукова (см. указ. книгу Е. Б. Смилянской, с. 166).

Пункты о *земельной аренде* в инструкциях встречаются редко. Обычно сдача надела в аренду запрещалась. А. П. Шереметева (1727 г.) разрешала «остаточные» и «пустовые» пашни и сенные покосы «отдавать охочим людям из наму своих же крестьян» или «с пятого снопа», но требовала, «чтоб крестьяне излишнею землею против тягл своих не владели» (с. 134). П. М. Бестужев-Рюмин (1731 г.) запрещал пашенные, сенокосные и лесные угодья отдавать «в кортому» и принуждал «обрабатывать своим крестьяном всякому свою зем-лю» (с. 181).

Инструкции требовали *при уходе или отъезде крестьян из деревень «для прокормления работою» и «для торгового промыслу»* получать письменные разрешения или выписывать паспорта в вотчинной или в воеводской канцелярии. А. И. Черкасский (1719 г.) для отъезда в дальние места с письмом устанновил срок на полгода и на год, а «больше года не отпущать». Детально разработаны правила А. П. Волынским (1724 г.). Если крестьянин или крестьянка поедут «на торжек, который в близости, а именно, не дале десяти верст», то они за день до торгового дня идут к десятнику «объявить ему, что имеют продать». Десятник идет на господский двор к приказчику, который посылает его с крестьянами на торг, чтобы «ничего без ведома... не покупали и не продавали; и притом же и того б смотрели, чтоб не лакомились по лабазам и [не]пили б по кабакам». При возвращении с торжка каждый десятский в своем десятке «должен пересмотреть всех, — не пьян ли кто, и что купил, то купленое, или что продал, деньги осмотреть» (с. 71). Под контроль, таким образом, поставлен и отъезд, и все торговые сделки. Н. Г. Строганов (1725 г.) указывал давать по прошению крестьян паспорта на указные в печатном плакате сроки, а «с женами и з детьми отнюдь никого никуды не отпущать». П. М. Бестужев-Рюмин ввел деление на ближние ярмарки и деревни и дальние места. Поездки до 10 верст разрешались старостами и выборными, а дальние — приказчиком с выдачей паспорта с указанием «куда кому ехать на сколько времени». П. А. Румянцев (1751 г.) запрещал без разрешения сотского отъезжать из деревень, в том числе на торги. Уйти из одной вотчины в другую разрешалось по паспортам, а в места далее 30 верст — по печатным паспортам. П. Б. Шереметев (1764 г.) приказал выдавать паспорта на срок не более одного года. При нарушении срока штраф и подати взыскивались с поручителей. М. М. Голицын (1767 г.) писал, что для работы и торговли внутри моих вотчин отпуск дает приказчик «за своею рукою». Тем, кто уходит «далее вотчин моих в отлучку», давать паспорта. Беспаспортным «чинить наказание батоги». С женами и детьми никого не отпускать. Многие крестьяне отлучаются на долгие годы и подушные и оброчные деньги не платят. Приказчики должны таких сыскивать, и деньги взыскивать, «и с увещанием приводить их в лутчее состояние, дабы они были при домех своих и обращались в работах и были б совершенными крестьянами, а не гуляками» (с. 235).

Обращение крестьян к торгово-промысловой деятельности и к заработкам вне имения, требующее ухода на длительное время из своей деревни, А. Т. Болотовым ставилось под контроль приказчика. Он же требовал, чтобы никто «не входил в большие подряды и наемки, ибо часто... входят в пре-

великие убытки и замешательства» и приходится «всею боярщиною исправ-дять». Даже нищенство им осуждалось из-за оставления своего местожитель-ства, чтобы никто «по миру не таскался». Он считал, что лучше давать для пропитания господский хлеб, лишь бы никто «не отлучался» (с. 156).

С течением времени в инструкциях усиливается внимание к наличию у крестьян паспортов. М. М. Голицын (1774 г.) требовал «наблюдать накрепко, дабы крестьяне мои никуда никто побегу и отлучек самовольно не чи-нили». Если «кто пожелает отойти куда для работы или торгового промыс-ла, таковых отпускать, давая им пашпорты со сроками» за господской пе-чатью. С женами и детьми уходить запрещалось. Родственники обязаны были давать за уходивших поручные записи (с. 130). М. М. Голицын наказывал не принимать в села и деревня и «даже ночлегу давать» беспаспорт-ным людям. Приходящих «для найма в работу» нанимать только «с указны-ми печатными пашпортами» и «далее сроков никому не держать». Выбор-ные сотские и десятские за этим обязаны следить (с. 127).

Настороженное отношение к рынку, к торговле Текутьев распространял и на крестьянское хозяйствование. Крестьяне излишки хлеба, скота, сукна, полотна, шерсти были обязаны объявлять «сперва в доме нашем и потом продавать» (с. 65). Приказчик должен «примечать, куда они те полученныя деньги держать будут, и ежели усмотрица чье мотовство и в издержке непо-рядок — того наказывать», чтобы «себя в скудость и неисправность не при-водили». Как видно, и денежная выручка, и расход ставились под господ-ский контроль.

Помещики предусматривали меры по ограничению в имении скупщичес-ких операций городских торговцев. Так, в инструкции Ф. Вольфа (1769 г.) говорится, что если «производится хорошей торг льном и пенькою», то сле-дует приказчику покупать у своих крестьян за наличные деньги («никакой купец не скупал бы в его поместье») и отвозить в город на продажу (с. 32).

Помещики в своих инструкциях разрешали заключение подрядно-от-купных операций только по своим «указам». Д. А. Шепелев (1718 г.) ука-зывал: крестьянам «ни в какие подряды отнюдь подряжатца не велеть и в том самоволства не давать, а чтоб они довольствовались работою своею и пашнею». Нарушителей «бить кнутом на козле нещадно, ...чтоб от их без-дельных подрядов... вотчине не учинилось какого напрасного разорения» (с. 34). А. М. Черкасский (1719 г.) выдачу разрешения оговаривал тем, что-бы поручители были не из «наших крестьян», а из посторонних (с. 49). Этого же требовал П. Б. Шереметев (1764 г.).

Казалось бы, что в оброчных вотчинах у крестьян существовало меньше ограничений, но это не так. В. Г. Орлов в инструкциях в нижегородское и ростовское имения (1796 г.) запрещал без позволения бурмистра наем зе-мельных участков, огородов, лугов, заем денег на стороне, отход на заработ-ки и привлечение для работы посторонних без паспортов. Граф установил, что крестьян «хорошего поведения» можно отпускать из вотчины, а «порочных» нельзя, так как «что ни приобретут, промотают, следовательно семей-ству своему никакой пользы не принесут, а при том через худое свое пове-дение безславят и меня и вотчину мою». На отход из нижегородской и ба-

лахнинской вотчин в Херсон и тамошний край «без воли» помещика паспорта не выдавались, «ибо в сей стороне много крестьян пропадает»[77]. Видимо, в Причерноморье легче было укрыться от помещика. Наконец, под контролем бурмистра совершались крестьянские сделки на покупку работников и работниц. Если покупатель затем не обходился с купленными «как должно», то люди отбирались у него «безо всякой заплаты».

Как видно, попытки крестьян найти новые виды хозяйственной деятельности ставились под контроль вотчинных властей, а бурмистр обязывался наказывать нарушителей инструкции. Он мог трактовать поведение крестьянина по своему усмотрению и, значит, облагать дополнительными поборами.

В договоре М. Г. Головкина 1740 г. не прописаны статьи об ограничении отъезда или отхода в города и другие места за пределами вотчины, о торгово-промысловой деятельности крестьян, об условиях найма работников, арендных, подрядных и откупных сделок. Все же помещик не удержался от некоторых запретов. У «наймитов» со стороны надо было требовать печатные паспорта. Нельзя было отходникам покидать свой дом на срок более года, брать с собой жен и детей. Под страхом наказания помещик не позволял крестьянам владеть «чужею землею и протчим». А ведь под «протчее» подходило многое — мельницы, перевозы, лесные участки и т. д.

Всевозможные ограничения хозяйственной деятельности крепостных крестьян превращали имение в замкнутую, закрытую для посторонних территорию. Л. С. Прокофьева полагает, что почти все статьи инструкции П. Б. Шереметева 1764 г. служат этой цели. За крестьянами оставалось лишь право временного найма на работы посторонних, но и оно затруднялось рядом оговорок[78].

Степень эксплуатации в помещичьих имениях оказывалась столь высокой, что без помощи владельцев крестьянский двор нередко не мог выжить. Среди помещиков преобладало мнение, будто энергичный, добропорядочный крестьянин может иметь крепкое и даже прибыльное хозяйство.

В этом плане показательно сочинение В. Н. Татищева. В его инструкции (1742 г.) имеется раздел под названием *«Нравоучение жизни доброго крестьянина и рукодельника»*. Текст начинается с распорядка дня крестьянина. И зимой, и летом с 4 до 10 часов производится уход за скотом, птицей и «надлежащая работа». Затем обед. В 12-м часу снова уход за живностью. После «роздых» (летом до 4 часов дня) и ужин, затем до 10 часов вечера работа и снова уход за скотом и птицей. Рекомендовалось крестьянину иметь 2 лошадей, 2 волов, 5 коров, 10 овец, 2 свиней, 2 пары гусей, 10 кур. В субботу после полудня баня. В воскресенье все должны быть в церкви «в белых рубашках и во всяком опрятстве». Добрый хозяин держит дом в чистоте, съестные припасы в избе не хранит, имеет «чистые хорошие постели из перья». Всякая крестьянка «должна уметь хлебы печь добрые, делать квасы хорошие, стряпать разное кушанье». Она же должна выращивать и использовать овощи с огорода,

[77] *Лебедева О. И.* Указ. соч. С. 47.

[78] *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 45—46.

фрукты — из сада. Летом лучше употреблять сыры «молошные» и масло «пахтанное», так как трудно «варить пищу от поспешности в работе».

В доме нужно иметь «посуду пенянюю», блюда, тарелки, ножи, вилки, оловянные ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенца, шкафы или поставцы, маленькое зеркало, деревянные стулья, жестяные шандалы для сальных свечей, железные половники и ковши. Татищев заключает: «а кто всего вышеписаннаго в доме своем иметь не будет, таковых отдавать другому в батраки без заплаты, которой будет за него платить всякую подать и землею его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу».

Суждения Татищева удивительны для человека, хорошо знающего деревенскую жизнь. Перечисленное крестьянское имущество скорее напоминает обстановку в доме мелкопоместного дворянина. А предлагаемое им наказание (отдача в батраки без оплаты труда) сходно с отношениями крепостника и крепостного.

Татищев перечисляет 25 «притчин», по которым «дом самаго ленивого крестьянина бывает» (с. 49—50). Попробуем привести «притчины» в некую систему. Довольно много их относится к земледелию. У «ленивого» на полосе «хлеб хуже всех» и «хлеб убирают позднее всех». Провстекает это от плохого удобрения («навоз долго не запахан») и его плохого хранения («с двора навоз течет»), плохого ухода за инвентарем («тупы» сошники, борона, коса, серп, топор, ножи). Наконец, «летом телег, а зимой саней нет». Этому соответствует и плохое содержание скота: «на дворе своево колодезя нет» и лошадям, скоту, птицам нет воды, отсутствуют колоды, ясли и решетки для корма живности.

Дом у ленивца плохой («изба и сарай от дождя каплет», «изба холодна и неконопачена», «мало дров заготовлено», «летом избу топит») и неуютный и грязный («стол не мыт, а изба не чиста», «тараканы и сверчки в избе»). К тому же в погребе нет льда, и отсутствует баня. В таком дворе недостаточное питание («худыя и сырыя хлебы печет», «квасу в доме нет»), плохая одежда и обувь («зимою лаптей и веревок не наготовлено», «мало рубах и один кафтан»).

В конце перечня Татищев указывает, от чего «ленивцу» плохо живется. Такой крестьянин «ранее всех ест», «долее всех спит», «здоровой по миру ходит и милостыни просит». По рассуждению помещика, все беды от нежелания крестьянина и его жены трудиться с полной отдачей от зари до зари, от их нежелания иметь хороший двор и дом, создать в доме чистоту и уют. От вопроса, возможно ли создать зажиточное хозяйство, помещик абстрагируется. Все для него связано с противопоставлением трудолюбия и безделья.

В «образцовой» инструкции Болотов описал «идеальный», по его мнению, крестьянский двор Петра Петрова (с. 164—165). В нем проживали хозяин 65 лет с женой, 3 женатых сына (40, 35, 30 лет) и вдовый племянник 32 лет. «Совершенных работников» 4 чел. м.п. (в семье 9 чел. м.п.). На двор положено 2 тягла: «на господина пашет в каждом поле по 6 дес.», в двух полях — 12 дес. Тягловой (надельной) земли в одном поле 6 дес., в другом 5,5

дес., в третьем паровом 5 дес., всего 16,5 дес.[79]; сенокоса на лугу 6 дес. На дворе было 12 лошадей, 4 коровы, 3 теленка, 22 овцы, 6 свиней, 3 козы, куры и гуся, «небольшой заводец пчел».

В деревне того времени дворов с 3–4 взрослыми работниками встречалось довольно мало. Трудно поверить, что наблюдательный Болотов не знал этого.

Казалось бы, крестьянскому двору, являвшемуся поставщиком рабочей силы для господского хозяйства, в инструкциях следовало бы уделить должное внимание. Но это не так. Напротив, крестьянин, его семья освещались в помещичьих наказах довольно скупо. *А дворянская забота проявлялась в назидательных поучениях, подкрепляемых часто угрозами.*

Болотов и Рычков ограничиваются общими предложениями об укреплении крестьянского хозяйства и устройстве деревенской жизни. Конкретных мер, направленных к улучшению хозяйствования крестьян в своих наделах, в инструкциях очень мало.

Из предлагаемых мер Болотов и другие прежде всего говорят об улучшении крестьянского земледелия. Крестьяне должны земли свои «порядочным образом» пахать, удобрять, засевать и собранный хлеб «прятать». Ему вторит Рычков: приказчику следует наблюдать, «хорошо ль вспаханы и одобрены» крестьянские десятины, «по надлежащему ль учинен сев» (с. 85). Рычков наказывает приказчику «приохочивать» крестьян, «особливо заживных», к постройке деревянных риг и крытых лубьем, дранью и соломой гумен (с. 78). В лесистых местностях Рычков советует «вместо топорных досок стараться обучать пилить их ручными пилами, что служит к великому поспорью и бережению лесов», а вместо дров «всякой валежник вывозить и употреблять» (с. 82).

Образцом грубого вмешательства в хозяйственную деятельность можно считать пункт из инструкции П. М. Бестужева-Рюмина (1737 г.). Он решил, что крестьянам вместо двухколесных телег лучше иметь четырехколесные («самим будет прибыльнее и лошадям легче»). Не надеясь на послушание, крепостник приказал «телеги... двосколесные все изрубить без остатку» (с. 202).

Заинтересованные в сохранении лесных угодий помещики обязывали приказчиков усиливать их охрану и наказывать нарушителей. Учитывая потребность крестьян в дровах, они старались регулировать лесопользование. П. А. Румянцев (1751 г.) разделил дровяной лес на 20 участков с тем, чтобы ежегодно одну часть отводить для рубки. Для охраны лесных угодий каждую неделю выделяли 6 крестьян. Ф. Вольф (1769 г.) рекомендовал деление на 15 участков. М. М. Голицын (1774 г.) наказывал сберегать лесные угодья «от опустошения крестьянского», «дабы крестьяне во оные въезду не имели, порубки и опустошения не чинили». «Для лутчего смотрения и охранения» годного строевого леса помещик требовал выбирать от каждой деревни «лесников» (с. 133–134). Приказчики Куракиных запрещали крестьянам

[79] В экономической литературе XVIII в. за нормальный принимался надел в 3 дес. пашни на 1 чел. м.п. (*Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 234). Данному двору по такому исчислению не хватало около 10 дес.

в лесных угольях заготавливать материалы для их деревообрабатывающих промыслов (с. 68). По инструкции И. И. Шувалова (1795 г.) запрещалось рубить лес, а для топки можно было вывозить валежник. С нарушителя за каждое дерево взимался штраф 1 руб., с уличенного вторично — 2 руб., в третий раз — 3 руб. и телесное наказание. В инструкции 1796 г. В. Г. Орлов отвел крестьянам особые лесные места, разделив на 4 части по 130 дес. каждая. Ежегодно разрешалось заготавливать лес в одной только части. За незаконную порубку грозил штраф в полрубля. Пойманных трюхлы помещик приказывал сдавать в рекруты.

Реальную помощь хозяйствам, потерявшим свою силу, по мнению помещиков, должны оказывать другие крестьяне. А. М. Черкасский (1719 г.) писал о помощи тем, «которые крестьяне погорят, или похищением воровских людей впадут в разорение, или... лошедми или скотом опадут, или, по свидетельству всех крестьян, явятся скудные, а земли их останутся за скудостию не выпаханы». И он приказывал таким скудным «всеми крестьяны вспахать и собрать... хлеба... на семена и посеять тое скудных землю, дабы они... в пущую нищету не пришли и не разбрелись по разным местам» (с. 56).

В ряде инструкций помещики под видом вспомоществования придумывали новые повинности. А. П. Волынский (1724 г.) приказывал для увеличения «доходов и столовых припасов» купить во всех деревнях молодых овец и свиней и раздать по одной голове на каждое тягло неимущим крестьянам. Через год в декабре забрать у них по пуду свиного мяса, по барану, по 3 фунта масла коровьего. А в июне взять по 3 фунта шерсти овечьей и по 5 арш. посконного холста. Помещик при поездках в Москву и Санкт-Петербург требовал дополнительно с тягла поросенка, гуся, утку, курицу, 20 яиц (с. 89). В. Н. Татищев предлагал выдавать на каждое крестьянское тягло «на племя» корову, овцу, свинью, пару гусей, пару уток, пару индеек. Через год с тягла требовать 20 фунтов масла, барана, борова весом 2 пуда, по 5 птиц «каждого рода», по 10 цыплят, 50 яиц или «деньгами за все овое» по 1 руб.

Недостающий на тягло скот Ф. Удолов (1769 г.) разрешал покупать из господского стада. Господин мог «наградить», продав лошадь, за которую в течение пяти лет следовало вернуть деньги. За взятую корову надо было сдавать ежегодно 2 фунта масла («подать давать вечно»). Теленок отдавался на три года, пятилетний бык — на 6 лет. За взятую овцу крестьянин отдавал в год 2 фунта шерсти и в два года — барана; за курицу — ежегодно по 10 яиц и 2 цыпленка. Если помещик не пожелает «скотом крестьян наградить», то приказчик должен в зимнее время мужчин «отдавать в казенные работы» на усадьбе. Предполагалось, что, получив деньги, крестьяне купят у господина скот и птицу. За подобное усердие приказчик будет награжден прибавкой жалованья (с. 15–16).

Раздача господского скота по крестьянским дворам иногда превращалась в постоянную повинность. Так, в 1787 г. крестьяне имений Голицыных в Брянском и Рославльском уездах в челобитной писали, что в течение 17 лет они поставляли масло от переданных им коров. «Оных коров живых ни одной нет», и сдача продукта продолжается «с пуста»[80].

[80] *Петроченкова Н. С.* Указ. соч. С. 109.

Так помещик стремился ежегодно увеличивать поступление в усадьбу значительного количества продуктов или денег.

Помещики в инструкциях требовали, чтобы дворовые и крестьянские женщины в виде повинности готовили пряжу и ткали холсты и сукна, вязали чулки нитяные и шерстяные. Татищев приказывал: «надлежит ткачам всех крестьянских баб ткать широкие тонкие холсты, пестрядь, и шерстяные кушаки, и сукна тонкие», а «для скорости иметь самопрятки».

Несмотря на все старания крепостников, особенно в барщинных деревнях, поддерживать средний уровень тяглоспособных хозяйств, крестьянская община расслаивалась по размерам надельного земледелия, поголовью скота, по наличию инвентаря, по облику дворового и домового благоустройства. Численность дворов, нуждающихся в помощи, увеличивалась по мере отягощения господскими повинностями.

Выдача продуктовых ссуд крестьянам с последующим возвратом отмечена лишь в инструкции начала XVIII в. Конечно, это продолжалось и позднее. А. А. Виниус (1709 г.) наказывал приказчику: в конце года «у крестьян, которой долговой хлеб недобран, донимать и выбирать без остатку, никому ни для какой помялки не наровить» (с. 23). А. П. Волынский (1724 г.) ввел некую систему. Он требовал во всех деревнях «по вся годы свидетельствовать бедных мужиков, отчего он обеднял, и ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость. Таких ссужать хлебом всяким». После снятия урожая хлеб «от него взять, а прибыль ему отдать». Тем, кто «от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать, отнакож с наказанием, дабы впредь даром хлеб есть не повадно было». Если же такие ссудой «себе пользы не сделают, то...брать в конюхи или в пашенную работу на мой двор, и таких ленивцов или непотребцов кормить месячиною невейным хлебом, и чтоб он был в непрестанной работе, а подати за ним моими деньгами платить» (с. 83).

Отдельная статья договора Головкина 1740 г. посвящена выдаче «капитального хлеба» из господских запасов. Выборным имеющееся барское зерно следовало оставить в Кимрах. Если его крестьянам на семена не хватало, можно было прибавить из урожая нынешнего 1740 г. Хлеб раздавали старосты до осени, «а в осени збирать обратно в житницы по указом моим». В случае ненадобности капитальный хлеб из Кимр надо было переправить в Тверь крестьянским «коштом» «для того, что они им пользовались; а буде себе пожелают купить, то им продать по настоящей тверской цене». Как видно, не желая терпеть даже небольшой убыток, помещик принуждал крестьян покупать хлеб по более высокой цене в Кимрах, а иначе крестьянам приходилось перевозить его в Тверь (л. 65 об.).

Выдача хлебных ссуд производилась при обязательном возврате зерна после урожая, а в ряде имений ссуда возвращалась с «надбавкою», как это указано в инструкции Ф. Вольфа 1769 г. (с. 35—36). Обычно ссуда возвращалась после из обмолоченного хлеба. В инструкции приказчику ефремовской вотчины Ф. Н. Голицын (1796 г.) приказывал: «как крестьяне скоро хлеб свой молотить будут, то розданный в заем, не упуская, взыскать и записать приемом обратно в реэстр, дабы впредь не считался в недоимке».

Вероятно, помещики не очень надеялись на возврат хлебных ссуд. В инструкциях отразились попытки создания запасных хлебных хранилищ (магазейн иметь». В нем надо хранить земледельческий и хозяйственный инвентарь, инструменты, в том числе «пожарные». «Оные вещи подлежит иметь для того, когда в рабочую пору потребует крестьянин, чтоб не ездил для покупки и не пропускать время в работе». Второе назначение — хранение зерновых (на 5 лет) и фуража (на 2 года) «в случае недорода». Третье — хранение «сухова лесу», строительных материалов, дегтя, соли, кожи, железа, стекла, красок, а также масла, сала, сельдей (с. 38—39).

П. И. Рычков предлагал при недородах для хлебных ссуд бедвейшим мужикам создать зерновой запас. Для этого ежегодно «по окончании положенного помещичья сева, жнитва и убирания хлеба», т. е. после полевой барщины, все крестьяне «згоном» по одному дню пашут, сеют, жнут и убирают. Рычков считал, что «в немногие годы в каждой деревне нарочитой хлебной запас сделается и без всякаго отягощения помещикам и крестьянам» и этого запаса хватит не только для помощи бедным и неимущим, но и «на церковные так же и на другие деревенские общие расходы» (с. 86—87). Добавим — именно крестьянскими руками.

Ф. Вольф приказывал «завести магазин, чтобы в голодные годы, когда хлеб не родится, можно было давать в заем бедным мужикам; напротив того, платили бы они осенью». При выдаче зерна приказчик должен выяснять состоятельность заемщика, чтобы не ссужать богатых. «Богатой крестьянин» берет вместе с бедными, говоря при том: «Для чего мне также не брать, как и бедным, ведь я такой же господской крестьянин». «А забывает то, что когда его бог благословил, должен он помогать бедным». Присланный в декабре 1774 г. вотчинным правлением обер-аудитор в инструкции обязал крестьян куракинских владений устроить магазин на удобном и безопасном от пожара месте. Деньги и хлеб поступали от двух мирских мельниц. «Лопаточный хлеб» раздавать весной взаимно своим мужикам, собирая от них из первых снопов с надбавкой по четверику с четверти, в 8 четвериков. На вырученные деньги в неурожайный год покупать зерно на всех крестьян на семена и для пропитания.

И. И. Шувалов (1795 г.) приказал «завести для хлеба в пользу бедных крестьян» магазин и ввел для сбора с тягла 1 четверик ржи, с ревизской души 1 четверик овса. Он писал: «Раздавать неимущим крестьянам моей вотчины заимообразно в такое время, когда еще не будет хлеб с полей снят, и они будут иметь во оном нужду и недостаток». Возвращали заемщики хлеб церковному старосте. По мнению помещика, он был не способен на злоупотребления. «В плодородный год» хлеб надо было «принимать с прибавкою, чтоб было приращение». От себя Шувалов отдавал в магазин с мельницы помольный хлеб.

Выдача ссуд была распространенным явлением. В тульской вотчине М. М. Голицына почти ежегодно значительная часть дворов получала ссуды на пропитание и семена. Так, в 1786 г. крестьяне не вернули прошлогодние займы и вновь просили хлеба. Приказчик подтвердил, что у них «молоченого и немолоченого хлеба ни зерна нет». Вотчинные власти отбирали

у крестьян часть зерна и складывали в особую житницу. Необходимость сохранения зерна была для них очевидной, так как весной надо было его же раздавать на семена. Голицын писал: «Крестьянам моим заимообразно хлеба копнами давать я позволю с пометенной верной запискою и таковым приказанием, чтоб они, пользуясь сим моим благодеянием, старались скота, а паче лошадей к весенней полевой работе иметь в исправности». Г. Н. Бибиков с полным основанием квалифицирует «благодеяние» князя как фарисейство. Помещик писал: «Мое намерение в том состоит, чтоб их не довести до излишнего отягощения, а привести в расторопность, потому что крестьяне сделают привычку лениться при господских работах, а оттого и в своем доме уже расторопности и прилежания иметь не будут»[81]. Таково было проявление логики крепостника, по которой барщина, отвлекавшая от работы на наделе, трактовалась в качестве стимула скорого и качественного труда в крестьянском хозяйстве.

А. И. Полянский указывал, что долг с крестьян надо забирать с нового урожая с начислением одного четверика с каждой четверти. Помещик считал, что ссуды возьмут прежде всего бедные и это поможет «маломощных и в состояние приводить». Однако в отдельные годы к займам прибегали от трети до половины сельчан, а иногда и все поголовно. Многие не могли вернуть долг зерном и отрабатывали его полевой работой в господском хозяйстве. В 1798 г. управляющий цинично предлагал раздавать рожь сырую и затхлую, а принимать только хорошую[82].

Практика систематической раздачи хлебных ссуд выручала земледельцев при низкой урожайности на надельных участках. В то же время она снижала заинтересованность в хорошей урожайности крестьянских полей[83].

Ряд пунктов в «образцовых» инструкциях касался *благоустройства дворов, дорог и деревень*. Болотов указывал приказчику на необходимость поддерживать дороги в хорошем состоянии. Рычков вменял в обязанность управителю «выведывать» о каждом крестьянине и «заходить к ним и на дворы, поощряя их к домостроительству, к заведению овощных огородов, плодовитых садов и проч.». Приказчик должен наказывать за «худой в его жилище пристрой», за большую грязь и «множество навоза». Рекомендовано обучить крыть дома соломой «на немецкий манер», особенно в безлесных местах; там же вместо деревянных заборов огораживать дома и огороды «плетневыми загородками», для чего вбивать в землю «таловые и ветловые колья, которые... и без коренья очень легко и скоро принимаются», а для полива привлекать «малолетних ребят» (с. 81—82, 85).

Инструкция Орлова предписывала в деревнях устраивать широкие улицы с посадкой ветел, дворы ставить в одну линию, между каждыми пятью дворами иметь проулок.

[81] См. *Бибиков Г. Н.* Указ. соч. С. 88—89.
[82] *Буганов В. А.* Указ. соч. С. 176—178.
[83] «...Крестьяне так убеждены во вспомоществовании со стороны помещика, — писал в 1847 г. А. И. Кошелев, — что собственными работами занимаются они еще хуже, чем господскими». Цит. по: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 408.

Г. И. Шипов так был удручен в дни своего пребывания в имении состоянием деревень, что в инструкции приказчику села Любашевка, Михайловского тож Ефремовского уезда (1794 г.) приказал выдать «на поправление ненимущим крестьянам изб и дворов 106 берез и 13 дубков и хвороста для плетней по 5 возов на тягло». Но даже и при этом благом порыве помещик не удержался от угрозы: «для чего из них ленивых и нерадивых принуждать с наказанием, чтоб они чрез то могли быть в лучшем состоянии, не так, как ныне с чувствительною прискорбностью вижу их от прошедших времен изнуренных, что и дворы их в крайнем разорении, а самих в совершенном изнеможении». О причине изнурения, разорения и изнеможения крестьян помещичья инструкция умалчивает, но показательно предписание приказчику, чтобы они «между моих рабочих дней все свои домашние ветхости поправили под твоим присмотром» и лес на сторону не продали. Уменьшения повинностей не предусматривалось, напротив, речь идет о неукоснительном выполнении господских работ.

Шипов писал, что при «бытности моей» на деревенских улицах перед избами лежали «великия кучи и бугры сора и всякой нечистоты». Приказчик получил указание содержать улицы в чистоте и опрятности, чтобы «нынешнего безобразия не было». Помещики не могли вникнуть в истинные причины равнодушного отношения крестьян к своим жилищам и их обустройству. Они объясняли нежелание крепостных придать домам достойный вид врожденной ленью и привычкой к принудительному труду.

По мнению специалиста-этнографа, назначение построек крестьянского двора в крепостной деревне прежде всего не бытовое, а хозяйственное. Это объясняется хозяйственным назначением жилища в целом. О имущественной, а тем более социальной дифференциации сельчан по жилищу судить трудно. Дворы скорее различались по количеству построек и их добротности. «Всесильная и подавляющая власть помещика заставляла даже очень богатых крестьян скрывать свою имущественную состоятельность». Жилым постройкам свойственны топка по-черному, хотя печные трубы были известны еще с XVI в., плохое освещение. Сами избы были рубленными. Дрань (длинная щепа) в качестве кровельного материала постепенно вытеснялась дранкой (короткой щепой, дощечкой)[84].

При земельной тесноте помещик не препятствовал переселению в другие свои деревни. В имениях В. Г. Орлова переселенцы, в том числе погорельцы, получали беспроцентную ссуду 50 руб.

Инструкция В. Г. Орлова предусматривала ряд мер в вотчине «для распространения торгу и для цветущего состояния оного». Среди них рекомендация устройства лавок на удобных местах, каменного строения со сводами или кровлей черепичной («сие советуется, а не приказывается»). Базарную площадь указано сделать широкой посреди селения. Крепостным крестьянам предписано (под страхом наказания) соблюдать верность слову или обещанию в кредитных операциях, «через переторжку друг друга не подрывать».

[84] См.: *Громов Г. Г.* Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 317—318, 324.

...а подавать взаимную помощь», заключать обязательства только в письменной форме, «дабы в случае споров можно было удобнее узнать правду». Трудно сказать, передавал ли бурмистр эти правила торгующим крестьянам и следовали ли они им.

Государственное законодательство XVIII в. призывало помещиков уделять внимание перепланировке «деревень» с целью защиты крестьянских дворов от частых в те времена пожаров. Указ, объявленный Сенатом 7 августа 1722 г., рекомендовал ставить дворы на расстоянии не менее 30 саж., так как «от дворового частного строения чинятся непрестанные пожары и выгорают все дворы без остатку», а между ними устраивать огороды и конопляники. Сенатский указ от 3 апреля 1724 г. обязал помещиков, приказчиков и старост принуждать крестьян к исполнению таких предписаний. К концу 1735 г. относится указ Сената «О порядке построения домов в погорелых деревнях», где расстояние между дворами увеличено до 35 саж.[85]

Постоянная опасность пожаров тревожила владельцев. Т. П. Текутьев советовал «усадьбу в таком месте иметь, чтоб от крестьянского жилья и всякого строения к безопасности от пожарного случая... подале была». Однако на необходимость расположения крестьянских дворов в отдалении друг от друга (и также на 30 саж.) писал только В. Н. Татищев. В других инструкциях противопожарные меры в основном сводятся к надзору за топкой крестьянских печей.

А. И. Рычков советовал ввести запрет под страхом наказания летней порой топить избы и бани, предлагая ставить особые печи в отдалении от жилья. Он пишет, что сам был свидетелем, как в засуху 1769 г. «от малых искр и от одной горячей золы, неосторожно из печи выброшенной, ...множество от того сел и деревень выгорело, от чего жители в крайнее разорение пришли и... кормились мирским подаянием» (с. 81).

О постоянной опасности пожаров в деревнях говорит ряд инструкций. Д. А. Шепелев (1718 г.) указал приказчику «смотрить и беречь накрепко», чтобы с 1 мая по 1 сентября «изб и бань никто не топили и с огнем не сидели и не ходили... А для хлебного печения и варения есть... велеть поделать печи в огородах и на пустых местах и от ветру те печи огородить» (с. 31—32). В. Н. Татищев предписывал отказаться от соломенных крыш, печи иметь всегда с трубами, летом во дворах не топить, а «для варения и печения хлебов иметь печи особливыя», лен в избах не сушить, по дворам ходить не с лучиной, а с фонарями и сальными свечами, в запасном магазине иметь «все пожарные инструменты». «А всего лутче, — заключает он, — где можно, старатца иметь строение все каменное и для того делать кирпичные заводы». Он предлагает «крестьянам построить дворы каменные или деревянные, а с них собирать за каждой двор по 1 рублю». Возможно, речь идет о сборе с крестьян средств на постройку новых дворов. Деревянные избы Татищев рекомендует строить «ис пильных досок 5 и 6-ти дюймов», что «прибальней, как из бревен, и лутче немшеные». Теплее ли в дощатом доме будет

[85] *Веденская А. Г.* Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX вв. // Сб. статей по истории СССР XIX в. Труды ГИМ. Вып. 15. М., 1941. С. 77—79.

жить, чем в бревенчатом, об этом не говорится (с. 37—38). П. Б. Шереметев (1764 г.) распорядился крестьянам, которые «погорят от воли божьей, а не от своего небрежения... в доходах моих... давать льготу». Тем же, что «погорят от своего небрежения... льготы никакой не давать и — для страху другим и чтоб впредь того остерегались — учинять наказание». П. А. Румянцев (1751 г.) требовал составить опись крестьян (одни с топорами, другие с ведрами) по их действиям во время пожара. На каждые 50 дворов полагалось иметь багор и повозку с чаном, наполненным водой. Ночами по жребию крестьяне обходили дворы с трещотками.

В инструкции В. Г. Орлова (1796 г.) указаны такие меры предупреждения пожаров: иметь в деревнях трубы и крючья, чаны с водой у каждого двора, ночами ходить не с лучиной, а с фонарем, не сушить лен в избах. Бани предписывалось строить посреди огородов и садов: зажиточным — каменные со сводами, деревянные с голландскими печами, маломощным — «в земле». Не разрешалось устройство в селениях кузниц и салотопных заводов. В инструкции Ф. Н. Голицына того же года содержатся указания складывать хлебные скирды и ставить овины не ближе 100 саженей от двора.

В инструкциях первой половины XVIII в. содержатся указания *об охране крестьянами своих деревень от воров и разбойников*. А. П. Волынский наказывал учредить караулы. Без караулов «мужики не токмо противятся, но и того не ведают, как [злоумышленники. — *Ю. Т.*] и в деревню войдут». Так как «с голыми руками не токмо против рогатины или еще пищали, но и против дубины не пошто соватца», помещик считал, «чтоб у всякаго десятскаго была пищаль, гладкая, а не винтовальная» ценой не выше рубля, купленная на крестьянские деньги. У рядовых сельчан должны быть копья длиной 2 саж. П. М. Бестужев-Рюмин писал приказчику: «приказать во всех деревнях накрепко, чтоб всегда от воровских людей были в опасности, имели б ружье, и рогатины, и бердыши всякой человек» (с. 185). При нападении «чтоб никто не уходил и все заодно стояли». В. Н. Татищев рекомендовал «иметь на господских хоромах колокол для сигналу ходить на работу и в случае разбоя зделать крестьяном через звон збор, к чему их пробами и приучить надлежит, и всем иметь рогатины». А на барском дворе каждую ночь должны были быть 3 караульщика с рогатинами (с. 38, 41).

Стремление к возрастанию доходности имений лежало в основе взглядов крепостников о приумножении численности крепостных, *о прочности крестьянских семей, о воспитании с детских лет привычки к трудовым занятиям и отвращения к лени и праздности*.

А. Т. Болотов считал «худым» того крестьянина, который без детей «один с женою живет во дворе своем». Он рекомендовал «к нему в дом кого, либо его куда определять», т. е. или подселять осиротевших, или переселять в семьи, потерявшие взрослых работников.

В инструкциях явно прослеживается стремление помещиков не потерять крепостных при оформлении ими брачных отношений. А. П. Шереметев (1727 г.), узнав, что «многия крестьяня, не взяв в вотченной приказной избе повелительной памяти и не заплатя куничных денег по окладу, женятся, а попы без таких памятей венчают тайно», пригрозил «чинить жестокое из-

казание» (с. 132). И в оброчной вотчине помещик через приказчика и бурмистра вмешивался в семейно-брачные отношения, принуждая «в замужество отдавать» за вдовцов девок и вдов[36].

Запрет на прием женихов со стороны и замужество вдов и девок в другие владения содержится в инструкции В. Н. Татищева (1742 г.). Нарушителей ждало «жестокое наказание» («понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданые, и тем богатятца чужие деревни» (с. 40). Румянцев (1751 г.) не позволял отпускать девок замуж на сторону и запрещал семейные разделы.

М. М. Голицын (1767 г.) требовал, чтобы крестьяне перед свадьбой брали у приказчика письма. В них должно подтверждаться, что жених и невеста крепостные этой вотчины и их «без писем венчать священником не велеть». Браки с крестьянами и крестьянками из «соседственных» вотчин могли совершаться при получении отпускных писем и уплаты «вывода». Однако, пишет сам князь, если у отца невесты, кроме дочерей, нет наследников или мальчики малолетны, «таковых ни под каким видом не отпускать, а выдавать за крепостных моих крестьян, чтоб имения их к посторонним людям не досталось» или же женить на мужчинах, «бывающих в отлучках, переводя их в дом к тестю, чтоб более могли быть они совершенными крестьянами» (с. 236).

В инструкции для куракинских вотчин (1775 г.) говорилось, что мужчин следовало женить с 20 лет, а женщин выдавать замуж с 18-ти. Нарушителям грозило наказание: «если в оные лета мужчины не оженятца, а девки замуж не выдут за бедностию женихов или за свойством, таковых отдавать в рекруты», а с девки брать штраф 3 руб. в мирскую казну. Женихам из бедных семей мирская казна давала деньги для покупки невест в других вотчинах. «Своих девок» можно было отпускать замуж за посторонних с уплатой выводных денег 10 руб. (5 руб. шло миру, столько же — помещику).

В. Г. Орлов разрешал (1796 г.) отпускать женщин замуж за пределы вотчины при условии уплаты выводных денег. Крестьянин, у которого были одни дочери, лишался этого права, так как все имущество могло перейти к посторонним людям. Это же относилось к вдовам, не имеющим сыновей. Орлов ввел порядок, при котором старший в семье должен был девушке 20-ти лет «приискивать жениха». Если через полгода жених не отыскивался, то бедного крестьянина ожидало наказание батожьем на мирском сходе, среднего — штраф 25 руб., богатого — штраф 50 руб. После этого вотчинный начальник вместе с выборными и лучшими сами должны были искать мужчину, «наблюдая при том тщательно, чтобы они друг другу и дом дома стоили», чтобы «через неравенство не произошло обиды». С холостыми, достигшими 25 лет, предписывалось поступать таким же образом[37]. Условия, на которых в дом шли зятья, записывались в вотчинном правлении. Крестьянам,

[36] *Колган Э. С.* Проект выкупа крестьян... С. 154.

[37] О принуждении помещиков к заключению равных браков в крепостной деревне см.: *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины... М., 1997. С. 152–153.

купившим женщин «для услуг», помещик разрешал выдавать их замуж за посторонних без уплаты вывода[38].

В договоре Головкина (1740 г.) не было запрета на брак с крестьянами из имений других помещиков. Не оговаривались сборы с женщин, выходивших замуж. Жених уплачивал свадебные деньги в размере 45 коп.

О семейной жизни в крестьянском дворе пространно говорится в инструкции П. М. Бестужева-Рюмина (1737 г.). Помещик указал приказчику усилить надзор за воспитанием крестьянами своих детей. «У крестьян дети в великой воле и растут без страха, — писал он, — ...отцов своих и матерей не слушают и не почитают, а иные и бранят, а отцы и матери их балуют и не бьют». Грубое поведение молодых губит их, плохо отражается на семейных отношениях и на внутридеревенском образе жизни. «От такого своевольства-чания и безстрашия ребята пристают к воровству, а девки впадают в блуд». Крестьяне обязаны содержать молодых «в крепости и страхе и наказании», вовремя женить юношей, а девушек отдавать замуж до 20 лет. Помещик приказывал не допускать неравных браков, а то «детей своих женят малых, а девок берут взрослых». Он не одобрял браков не по любви, когда приходят «мужья с женами не токмо в нелюбовь, но в великую злобу и ненависть, и мужья от жен и жены от мужей бегают и живут розно и впадают в великий грех и прелюбодеяние, и всякое недомовное строение от того приходит в разорение». «А все то делается от глупых отцов и матерей, — заключал помещик, — что в воле и без наказания детей своих выростят». Тяжким грехом помещик считал супружескую неверность: «мужья — дураки жен своих без страху содержат..., мужья от жен своих впали в грех, а жены от мужей своих». Для того чтобы «такое беззаконное и богомерзкое дело пресеклось», снова рекомендуется наказание — «при собрании людей» битье «кошками». Староста и десятские должны о поведении сельчан наблюдать и доносить. А «ежели ведав не доносят», их ждет наказание вместе с «прелюбодеями».

В. Н. Татищев (1742 г.) писал: «Всякой крестьянин детей своих должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог». Мальчиков и девочек от 5 до 10 лет надо «учить грамоте и писать» (с. 48).

Т. П. Текутьев считал необходимым привлекать к труду и детей и юношей, основываясь на том, что во всем государстве по ревизиям «со всякой души мужской в казну платить в год по 70 коп., и старые и малые, ни один не миновав». Поэтому родители должны детей «с малолетства» приучать к домашним работам, а девочек учить «прясть, ткать, шить, около скота ходить». Тогда труд станет для детей привычным, и они перестанут быть «родителем своим бесполезны», а то «только хлеб едят, платье дерут». А главное, все будут «доволно сыти, одеты и родители их покойны». Как обычно, по-

[38] «Женитьба шереметевских крестьян на посторонних женщинах была практически невозможна». За брак девушек с крестьянами других имений надо было платить «выводные» деньги (в 1796 г. 40, 80, 120 руб. в зависимости от состоятельности семьи). Н. П. Шереметев приказывал не выдавать замуж девушек из богатых семей (капитал 500 руб. и выше) без личного доклада помещику и его разрешения (Прохофьева Л. С. Указ. соч. С. 47–48).

желание подкреплено угрозой: «отцы и матери их за нестарание будут жестоко наказаны» (с. 58).

Особую заботу Текутьев проявляет о привлечении к труду юношей. Если в крестьянской семье два сына, то надлежит старшего «оставить в помочь» дворохозяину безоброчно, а за «меншова, когда он в лета войдет», брать в год по рублю с 12 до 15 лет, по 2 руб. с 16 до 18 лет; «от 18 покуда женится и тягло примет» по 3 руб. Если семья таких денег платить не сможет, «притягло примет» по 3 руб. Если семья таких денег платить не сможет, «прибавливать тягла по одной четверти доли неотменно» (с. 58—59).

А. Т. Болотов призывал приказчика к всемерной и постоянной борьбе с пьянством в деревнях, «ибо пьянство есть корень многому злу и доводит до многаго худаго, а следствия проистекающие от него толь вредны как для господина, так и для самого крестьянина» (с. 152). Ф. Вольф обязывал приказчика «наблюдать... строго, что крестьяне не вдавались в пьянство и не оттуливали бы чрез то от своей работы». Виновных следовало наказывать «в приличествующем мере другим, ибо из пьяниц делаются напоследок воры и душегубцы» (с. 34).

Помещики в инструкциях утверждали, что *лень и пьянство суть существенные пороки крестьянского поведения*. П. Б. Шереметев в инструкции (1764 г.) особому параграфу дал название «О воздержании крестьян от пьянства». Первостатейных надо наказывать штрафами, затем «брать в судную избу и содержать под караулом». Если и это «не пособит, то содержать под караулом на хлебе и воде». Средних и меньшестатейных наказывать штрафами и «телесным наказанием». М. М. Голицын (1767 г.) обязывал следить, чтобы крестьяне «праздны бы не были и в питейных домах отнюдь не пьянствовали». Нарушителей «в земской избе жестоко наказывать» и отдавать в рекруты, «дабы на то смотря, другие в леность и пиянство погружать себя не отважились» (с. 238). В. Н. Самарин (1769 г.) грозил приказчику, что если он «не уймет» тех, кто будет лениться в работе, не «рачить о доме или пропивать деньги», то с него и со всего мира станет взыскивать «за государеву и мою подать» (с. 254).

Помещики так рьяно осуждали пьянство, что договаривались до осуждения праздничных дней в своих деревнях. Они мирились с необходимостью отдыха, но только при соблюдении трезвого поведения крестьян, а также при обязательном посещении службы в храме.

В инструкции Текутьева содержались требования ежедневного посещения церкви «для молитвы к утрене, к обедне и вечерне». В праздничные и торжественные дни запрещалась полевая работа, «кроме легких домашних нужд не делать, опасаясь жестокого наказания». Великий пост был обязателен для всех, от мала до велика. Остальные три поста разрешалось говеть по желанию. Тех, кто «своим нетщанием пост праздной... пропустит», ожидала жестокая расправа. Помимо штрафа и телесного наказания виновного предписывалось при церкви приковать цепью на неделю (с. 43—44).

Праздничные дни Т. П. Текутьев требовал проводить без излишеств, чтобы «истратясь» не просить взаймы у «своея братии» и не оказаться «в неволе». И здесь же следует господский окрик: «А кто впредь станет много пива варить и пить, того за ослушание болно будут бить» (с. 68). Очевидно, для помещика хорошим крестьянин мог быть только в работе. На отдыхе он сразу превращался в лодыря или пьяницу. «А ежели... явится кто в гулянии или пьянстве; таковых при собрании прочих крестьян жестоко наказывать, дабы на то смотря, другие ленивцами, гуляками и пьяницами быть не могли» (с. 136).

М. М. Голицын (1774 г.) предписывал приказчику «домовых людей» в судебских вотчинах «содержать... в команде своей и накрепко за ними смотреть, чтобы каждой в должности своей был радетелен и исправен», денежное и хлебное жалование им выдавать «без задержания». Ленивцев и пьяниц надо было штрафовать, «держать скованными под караулом» и наказывать (с. 135). За крестьянами приказчик был обязан смотреть, «дабы они напрасно не гуляли, а обращались бы при своих пашенных или других работах и промыслах».

А. Т. Болотов считал, что приказчик должен пресекать *ссоры и драки среди крестьян*, ибо домашние ссоры «многие хорошие и заживные домы» доводят «до конечнаго разорения». Угрозами и наказаниями приказчику следует «доводить, чтоб все мужики жили между собою согласно и дружно, ...друг другу помогали, а не бранились и в семьях господствовало бы единодушие или так называемый лад». Автор инструкции считал, что несогласие происходит от непочтения молодых к старым и начальникам, «от развратности нравов некоторых из семейства, а особливо баб», «от собственнаго чего-нибудь себе присвоения» из общего имущества. Все это порождает «ненависть, зависть и недоброхотство друг к другу, что принуждает их к многочастному разделу». Между тем «в крестьянском быту чем которой дом самыянистее и согласнее, тем он богатее и заживнее» (с. 154—155).

Инструкции А. М. Черкасского (1719 г.) и П. Б. Шереметева (1764 г.) детально определяют порядок наследования крестьянского имущества после умерших: раздела пожитков между сыновьями («все поровну»), между сыновьями и дочерями (последним четвертая часть), между дочерями-девками («поровну»). Наследство не давалось замужним и вдовам при наличии сыновей. Имущество бездетных крестьян переходило к «ближним сродникам», в том числе племянникам и внучатам от дядьев и дедов. Бездетным вдовам «из мужних имений» полагалась четвертая часть (с. 206—207).

Помещики довольно дружно выступали *против раздела крестьянских дворов и семей*. А. М. Черкасский (1719 г.) приказывал: «крестьянов из особые дворы делиться не токмо не позволять, но и смотреть накрепко, чтоб того не чинили, понеже от того приходят в убожество» (с. 49). То же находим в инструкции П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.): «крестьянам сыну от отца и брату родному от брата без указу делитца не велеть, а которые и похотят, о том им бить челом и показать резон, для чего они хотят делитца» (с. 182). В инструкции П. Б. Шереметева (1764 г.) запрещение совпадает с распоряжением А. М. Черкасского. Некоторые крестьяне прибегают, дескать, к хитрости: они прибавляют на семью тягло и обращаются к приказчику «будто для новоприемных тягл чинят раздел». Если же им разрешить делиться, то имеется опасность разорения «от одиначества» (с. 203).

В. Г. Орлов (1796 г.) неодобрительно отзывался о семейных разделах, так как «от разделу семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение, а по-

тому оный и вреден». Просьбы о разделе рассматривались бурмистром с выборными и лучшими людьми. Если они находили раздел «нужным и дельным», то давали разрешение. Самовольно разделившимся грозило наказание.

Помещики отрицательно относились к семейным разделам из-за снижения трудоспособности разделенных семей. В то же время они не могли не понимать, что разделы вели к увеличению числа самостоятельных дворов. Видимо, решение в конкретных случаях оставалось за местной вотчинной администрацией и общиной.

Крестьянский двор представлял собой семейную кооперацию. Казалось бы, крестьяне должны были, как правило, осуждать разделы, ослабляющие зажиточные дворы. Действительность внутрисемейных отношений оказывалась сложнее. В одной челобитной помещику глава семейства сообщал, что племянники «имеют... роптание», так как «при исправлении господских и собственных своих работ» их положение «более отяготительно» в сравнении с сыном и внуком[93].

Н. Л. Пушкарева в указанной монографии полагает, что «тяжесть труда земледельца заставляла российских крестьян жить неразделенными, многопоколенными семьями, которые... были исключительно устойчивыми». По ее мнению, семейные разделы стали распространенными в XIX в. (с. 232). Наши материалы позволяют говорить о распространенности разделов уже в XVIII в. Причинами семейных разделов Пушкарева назвала факторы эмоционально-психологические и социальные (стремление избежать рекрутчины), а также материальные интересы. Такие соображения общего порядка мало что проясняют. Что касается рекрутских наборов, то в солдаты забирали и кормильцев, оставляя их жен и детей на содержание общины.

Благотворительность в помещичьих инструкциях была *направлена на оказание помощи детям, сиротам, старикам и увечным*. А. П. Волынский (1724 г.) посвятил этому большое место в своей инструкции. Помещик указал десятую часть убранного хлеба «сыпать в особую житницу», а также деньги за продажу молодняка скота, арендные мельничные и земельные тратить на содержание в деревнях церквей (покупка книг, «священных одежд», лампад, свечей, ладана и др.), на руту священникам и причетникам. «А что за тем останется, из того содержать престарелых и увечных и дряхлых, тех, коим никакой работы не могут работать». Им покупать «платье и пищу, дабы кроме хлеба и каша была с маслом». Из тех же денег содержать сирот, «бедных вдов и девок», одевать их и учить. Девкам выдавать приданое (на 2—5 руб.), «дабы женихи таких бедных и сирот лутче охотилися брать». Правда, помещик ставил условие — идти замуж «за своих», а не за чужих (с. 79—80).

Помещик указывал, чтобы престарелые и сироты «по миру не скитались..., но обучались бы работать всяк по своей возможности и по силе». Волынский и в них видел пусть неполноценных, но работников и требовал «отдавать в работу своим крестьяном, которыя заживные, и велеть их кормить и одевать». Ниших, которые «бродят для того только по миру, чтоб туне есть

[93] См. *Бибиков Г. Н.* Указ. соч. С. 84.

хлеб...; таких насильно к работе принуждать и наказывать». За неимением «заживных» сельчан предписывалось брать ниших на работу в усадьбу «и кормить моим хлебом и одевать» (с. 80—81).

Престарелых дворовых и крестьян, которые работать не могли, слепых, хромых, безруких, не имеющих ни родственников, ни свойственников, Волынский приказал «брать на мой двор и кормить их моим хлебом» и сверх того смотреть, «чтоб ходили за ними деловыя бабы и обмывали их и покои». Им давалось ежегодно по две рубашки, раз в два года по сермяжному кафтану, по две овчины на безрукавные полушубки и по шапке.

Особая забота касалась «одиноких и безтяглых холостых ребят». Таких скитальцев-ниших «брать на мой двор, сжели крестьяня свои не возмут в работу» и велеть им делать «всякую крестьянскую работу из моих лошадях, и одевать их и кормить и за них платить подати подушныя». Кого пожелают крестьяне «принять к себе в дом в семейство, таких выпускать в крестьяны и женить». А прочих в солдатский набор отдавать «вместо того, что у крестьян детей брать с тягл».

Волынский рекомендовал также брать в усадьбу безродных девок и тех, кого матери прокормить не могут, «и до возраста кормить», только чтоб даром хлеба не ели, и выдавать за конюхов и крестьян, «кроме тех, коих отдавать в солдаты» (с. 82).

В. Н. Татищев приказывал «для старых и увечных» построить две богадельни. Далее он разъяснял: «крестьян, старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пущать, а определять их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом» (с. 40—41). О благотворительности в договоре М. Г. Головкина говорилось применительно к богадельням. Крестьяне обязаны были ремонтировать жилые постройки. Выборным приказывалось «богадельщиков содержать пищею и одежею и протчим из нашего и хлеб им и протчее складывать, что надлежит на год с низовых или шапких стругов» или из других вотчин (л. 66). П. А. Румянцев писал: «самых дряхлых и неимущих из наших крестьян мужеска и женска пола содержать в изрочно построенных впредь богоделнях, каждого звания по 6 чел.». Граф обязал давать им «платье» и месячину (в размере, установленном для конюхов) и для услуг «определить мужика и бабу».

В. Н. Самарин указывал осиротевших малолетних ребят, если дом и пожитки «сродники не возьмут», брать «ко мне из двор и после во крестьяны никогда не выпустятся, а подушное платить за них будут миром» (с. 262).

Предписания об обучении детей грамоте отмечены в ряде инструкций. А. П. Волынский (1724 г.) указывал священникам учить чтению «коноховых детей», крестьянских сирот и детей семянистых, но бедных крестьян, 8—12 лет примерно 10 человек, а затем присылать их в Москву к «хорошим писцам». Цель — «быть в деревне приказщиком для записок» (с. 67). П. М. Бестужев-Рюмин (1731 г.) велел из всех деревень выбрать для учения грамоте и письму ребят с 7 лет и старше («а за учение заплачено будет из оброку») (с. 187). В. Н. Татищев (1742 г.) приказал «крестьянских ребят от 5 до 10 лет учить грамоте и писать, как мужеск и женск пол» (с. 35). П. И. Рычков предписывал приказчику заботиться об учете крестьянских детей. В каждой деревне,

пишет он, «от лутчих мужиков робят» м. п. 6—8 лет посылать к грамотному из сельчан учить чтению, а способных учить и письму, с тем, однако, чтобы «в деревне, 100 душ имеющей, писать умеющих крестьян более 2 или 3 чело- век не было». Рычков боялся, как бы научившиеся письму не употребляли это «во зло» сочинением фальшивых паспортов и других бумаг (с. 63).

Помещики заботились об *обучении дворовых и крестьянских детей и юно-* шей ремеслам и «разным мастерствам». В инструкции А. П. Волынского (1724 г.) говорилось об отправке двух человек в учебу иноземцу-коновалу, об отдаче ребят из бедных семей «добрым мастерам учить кузнечному ре- меслу, ...и платить за то мои деньги»; а «когда выучатца, купить им нужные инструменты на мои ж деньги» (с. 68). Помещик разъяснял: «ежели охот- ников не будет, то и по неволе брать таких же бедных, и отдавать, дабы ко- нечно свои не переводились». Во всех деревнях предписывалось отобрать в бедных семьях и «выучить колесников, бочарников, сани делать и пр.» для господских нужд и крестьянских («дома не всяк может сделать»). М. П. Бе- стужев-Рюмин (1731 г.) проявлял готовность платить за обучение «кожев- ному делу, медному, ...сыромятному, овчинному и шерстобойному, кузнеч- ному, котельному, сошному, гвоздям, прутьям, сапожному, партному, кра- шенинному, столярному и прочему, кто чему похочет, что всем крестьяном в пользу и честь и всякое довольство привести может» (с. 187). В. Н. Тати- шев (1742 г.) обязал крестьянских ребят с 10 до 15 лет «учить разным худо- жествам: кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, ко- невальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит». Татищев приказывал «всевозможными силами к тому их принуждать и обучать», что- бы ни один без рукоделья не был; «а особливо зимою оныя могут без тяж- кой работы получить свои интересы» (с. 35). М. М. Щербатов (1758 г.) счи- тал, что в обучении заинтересованы и крестьяне, и их владелец («не токмо из дворовых, но и с крестьян молодых ребят отдовать в разные мастерствы к чужим иль к своим, дабы они выучась, могли как себе хлеб достать, так и исправнее во всяких платежах быть») (с. 118). Он указывал, чтобы мир упла- чивал подушную подать за тех, кто отдан «в мастерство», а после обуче- ния ремесленникам платить «вдвое» (видимо, компенсируя общинные рас- ходы) (с. 74).

Т. П. Текутьев хотел бы видеть в своем имении равные по достатку за- житочные крестьянские дворы. Он предписывал обучать крестьянских де- тей «мастерствам», а дворовых — еще и грамоте. Крестьянскую взаимопо- мощь он готов был дополнять выдачей хлеба, скота и др. «из нашего дому» в случае разорения от пожара, разбоя, воровства, а бездетных и оскудевших от старости брать в богадельню. Сирот и малолетних он рекомендовал «от- давать несемьянистым крестьяном» для воспитания «как детей своих».

Существенное значение имеет отсутствие в договоре Головкина 1740 г. обычных для многих помещичьих инструкций статей о выполнении рекрут- ской повинности, о наблюдении за поведением крестьян в деревенском об- ществе, о благоустройстве деревень, об охране от пожаров, воров и раз- бойников, о воспитании и обучении детей, о семейных разделах, о выдаче

хлебных ссуд и заведении запасных магазинов. Можно полагать, что Голов- кин считал это делом общины и ее выборных. Имеются основания считать, что основным фактором усиления значения общины являлся не сам факт перевода на денежный оброк, а устранение из имения приказчика, как гла- вы вотчинной администрации в кимрском имении.

* * *

Присущее историческому развитию России XVII—XVIII вв. сплетение таких разнородных по своей сути процессов, как складывание единого национальн- ного рынка, зарождение раннекапиталистических отношений, с одной сторо- ны, и главенство дворянского землевладения и крепостнического типа сельс- кохозяйственного производства, с другой отразились и в «образцовых» нака- зах, и во всем комплексе помещичьих инструкций. А. Т. Болотов и П. И. Рыч- ков, по-своему отражая в своих воззрениях это своеобразие российской дей- ствительности, увидели в усилении товарной направленности барщинных имений средство не только сохранить, но и усилить экономическое значе- ние помещичьих экономий, поднять их доходность. Этот хозяйственный фактор объяснял и оправдывал их убежденность в необходимости всесто- роннего укрепления власти помещика над крепостным крестьянином. Та- ким образом «образцовые» инструкции, как бы отталкиваясь от Манифес- та о вольности дворянству 1762 г., подсказывали помещикам направление к ведущему положению в народном хозяйстве страны на основе развития рационального рыночного барщинного хозяйства. Тем самым Болотов и Рычков также выступали сторонниками политики, направленной на сохра- нение господствующего положения дворянского сословия в стране.

Как и подавляющая часть дворянства, Болотов и Рычков непреклонно выступали за полное сохранение вотчинного землевладения и крепостного права, и обоснованию этого были посвящены их сочинения. Более того, кре- постническое сельское хозяйство объявлялось такой частью сельских поряд- ков, которая должна была занять господствующее место в производстве и сбыте продуктов земледелия и животноводства. Отход крестьян в промыш- ленность и на транспорт, в торговлю рассматривался как контролируемое помещиками средство получения дополнительных денежных средств.

«Образцовые» инструкции были отмечены наградами и встретили благо- приятную оценку имению потому, что выразили желания массы крепостни- ков-землевладельцев занять первое место в сельскохозяйственной области экономики страны. Дворяне, благодаря наказам Болотова и Рычкова, уви- дели реальные пути достижения такого первенства.

Сочинители инструкций задавались целью путем улучшения управления имениями повысить их доходность. В идеале сельское владение выглядит следующим образом. Им ведает честный, знающий свое дело, бескорыстный приказчик, постоянно пекущийся и о господской усадьбе, и о крестьянских дворах. Пороки крепостных крестьян, порождаемые плохим воспитанием родителей, которые и сами не могли быть примером, можно было изжить

только постоянной опекой и системой неотвратимого наказания. Благодарные за постоянную опеку и за помощь зерном и скотом, крестьяне в знак признательности и под строгим надзором приказчика становятся исправными работниками по выполнению всех повинностей, в том числе самой тяжелой — барщины. Экономное хозяйствование позволяет увеличивать объем продаваемых продуктов. Надзирание за бытом, поведением крепостных, их хозяйством, помещичья благотворительность обеспечивают мир и благоденствие крепостной деревни.

Могли ли предлагаемые меры повлиять на реалии крепостной деревни и хотя бы частично приблизить ее к желаемому помещиками идеалу? Сами же инструкции позволяют в этом усомниться. Ведь роль создателей идеальных порядков отводилась прежде всего приказчикам и их помощникам, а те сами являлись нередко самодурами, мздоимцами, людьми бессердечными. Сама система управления, основанная на угрозах и телесных наказаниях, на постоянном раздражающем земледельцев вмешательстве в крестьянское хозяйство, в быт и семейные отношения крестьянского двора, не могла обеспечить уважения к людям, уповающим на карательные меры воздействия. Управитель, взирающий на крестьян глазами помещика, и сам невольно ставился крепостником. Да и трудно было найти управителя, сочетающего в себе дарование агронома (знание земледелия, сроков высева и др.), организатора крестьянского труда, коммерсанта (опытного продавца, учитывающего конъюнктуру рынка), к тому же участливо относящегося к нуждам подвластного населения. Вопреки надеждам инструкций, крепостные продолжали работать плохо, портить помещичье добро, красть то, что плохо лежит. Рабское состояние не могло возбудить желания трудиться на барщинных полях. В представлении авторов инструкций, крестьяне оставались лентяями и лодырями, вольнщиками, плохими исполнителями даже привычных земледельческих работ.

Идеальная система управления и получения высокой доходности оказывалась далекой от действительности.

Болотов и Рычков были убеждены, что увеличить товарный выход и тем самым поднять доход могут в первую очередь барщинные имения. Эта установка находил понимание у многих помещиков. Доля отбывающих барщину крестьян в европейской части (за исключением северных районов) неуклонно возрастала. Но барщина оказывалась возможной лишь при всепроникающем контроле, а значит, при внедрении целой системы наказаний, постоянно угрожавшей труженикам полей. Таким образом, приказчик должен быть непреклонным и даже жестоким при плохой работе и ослушании. «Образцовые» инструкции призывали к наказаниям как воспитательному средству по отношению к крестьянам с их врожденным якобы отвращением к труду.

Барщина была невозможна без четкой организации ее выполнения. Помещичьи инструкции регламентировали распределение тягла, его соотношение с крестьянским землепользованием, рекомендовали меры борьбы с уклонением от повинности (круговая порука и др.). В барщинных деревнях обычная система наказаний становилась более изощренной. Оброчным крестьянам за недоимки угрожала опасность перевода, хотя бы частично, на барщинные работы. Нормы барщины по дням недели устанавливались произвольно. В первую очередь крестьяне трудились на господских полях в лучшие по погоде дни. Лишь потом они, по существу, могли приступать к обработке своих наделов.

Направленность наказов на повышение доходности помещичьих владений приводило к тому, что само крестьянское хозяйство как бы исчезало со страниц помещичьих инструкций. Большинство авторов ограничивались пожеланиями и рекомендациями по его совершенствованию без указания средств для их выполнения. Даже помощь крестьянам раздачей скота и птицы обставлялась такими условиями, что приводила к дополнительным поборам. Все инструкции требовали, чтобы зерновые ссуды обязательно возвращались после нового урожая и даже с «прибавкою». Запасные магазины устраивались в основном за счет крестьянских взносов. Доступ к ним ограничивался обедневшими земледельцами.

Разработанная инструкциями крепостническая узда на шее крестьян выглядела впечатляюще. Их хозяйство и быт были опутаны жесткими ограничениями. Вотчинные служители систематически проверяли их проживание в деревнях. Крестьянам запрещалось уходить или отъезжать на сторону без разрешения и без соответствующих удостоверений. Они не могли без ведома продавать зерно и скот. Не разрешалось оставлять хотя бы часть надела незасеянной и необработанной, а также сдавать «в исполу» и за деньги земельные участки. Нельзя было и брать земли в наем. Длительный уход или отъезд на промыслы или для торговли находился под постоянным контролем. Запрещалось или контролировалось заключение подрядов и откупных сделок. При найме работников действовало правило о предпочтении своих крестьян, а посторонних можно было привлекать только с письменными документами. Отпускать на заработки разрешалось только лиц «хорошего поведения» и с оформленными паспортами.

Помещики поощряли вмешательство вотчинных служителей в семейно-брачные отношения крестьян. Запрещалось холостое или незамужнее состояние юношей и девушек; заключение браков с посторонними ставилось под контроль и ограничивалось. Семейные разделы, как правило, не допускались. «Плохих» крепостных помещики стремились сдать в рекруты. Детей в крестьянских семьях помещики советовали воспитывать в труде, и непременно «в страхе и в наказании». Вотчинные власти обязывались следить за семейной жизнью в крестьянских домах, пресекать ссоры, драки, разврат, не допускать пьянства.

Помещичья благотворительность заключалась в оказании материальной помощи сиротам, увечным, старцам. Устраивались богадельни на господском содержании. Приказчикам поручалось заботиться об обучении мальчиков грамоте и ремесленным специальностям.

Помещиков удручало убогое состояние крестьянских поселений и внешний вид дворов. Отсюда рекомендации о благоустройстве улиц, переулков, торговых площадей. Приказчикам иногда разрешалось отпускать из господских угодий лес и хворост для ограды, а также допускать переселение дво-

ров из-за земельной тесноты. Предлагались предохранительные от пожаров меры, а также меры охраны от воров и разбойников.

Обзор помещичьих инструкций подводит к заключению о несбыточности надежд на улучшение хозяйства и быта крепостной деревни. «Рационализация» господского хозяйства неизбежно оборачивалось падением жизненного уровня закрепощенного населения.

Нам представляется, что крепостное право и крепостнический режим могут быть с полным основанием определены как безнравственные. Они покоились на безудержном угнетении и бесправии человека-труженика. Их воздействия на последующие поколения ужасающи по своим отрицательным последствиям.

Тяжелую участь российской крепостной деревни в XVII—XVIII вв. нельзя представлять явлением исключительного порядка. Не только в странах Центральной и Восточной Европы, но и в Западноевропейском регионе многие черты сельской жизни оказывались сходными.

Крестьянский быт в западноевропейских странах в основных чертах также оставался неизменным. Вплоть до конца XVIII в. (и даже в XIX в.) бытовое устройство крестьян-земледельцев резко отличалось от жизненного уклада дворянства и зажиточного городского населения. В деревенской повседневной жизни сохранялись традиции средневековья[80]. Крестьянский костюм «пребывает как бы вне времени». Одежда по-прежнему изготовлялась из грубых тканей, шерстяных и холщовых. Посуда оставалась деревянной или оловянной. «На крестьянские дома время практически не оказало влияния». В доме имелась одна жилая комната (и для людей, и для домашней живности), служившая спальней, гостиной и кухней. Черепичная кровля встречалась редко (преобладала соломенная). Обстановка состояла из дощатой кровати с тюфяком, сундука, скамейки. Вместо стола или стула пользовались бочонком.

Среди продуктов питания первое место занимал хлеб. Из зерновых ценилась пшеница. Однако к пшеничному хлебу, как основному продукту, стали переходить лишь во второй половине XVIII в. Этот переход завершился в серединеXIX в. У бедноты был более дешевый хлеб из ржи, овса, ячменя,

[80] Положение крестьянства средневекового Запада было еще более удручающим. Общество X—XIII вв. из-за крайне невысоких урожаев зерновых «терзал страх голода и слишком часто сам голод», «повсюду достаточно регулярно недород каждые три-пять лет вызывал голод». К этому вели несовершенство орудий труда в земледелии, низкая урожайность, медленное внедрение плуга, многоразовой пахоты, трехпольного севооборота, истощение плодородных земель, сокращение лесных площадей, невозможность длительного хранения продуктов. От бескормицы и болезней «сильно страдал скот». Избавлению от этого препятствовала система взимания феодальной ренты светскими и церковными сеньорами. Весь прибавочный продукт, а иногда и часть необходимого, землевладельцы отбирали у крестьян. Минимальный жизненный уровень крестьянской массы и особенно беднейшей ее части, обусловленный размерами феодальной ренты, усугублялся «капризами природы» (засуха или наводнение). Большинство земледельцев было обречено «на бедность, а часто и на нищету, т. е. на нехватку самих средств существования, на голод». Средняя продолжительность жизни не превышала 30 лет. (См.: *Ле Гоффф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 214—216, 218, 219, 223, 226, 227).

полбы, проса и отрубей. Так, в 1780 г. зерно стоило в 11 раз дешевле мяса и в 5 раз дешевле свежей рыбы, в 6 раз дешевле яиц. Потребление мяса постоянно снижалось, начиная со второй половины XVI в. и вплоть до середины XIX в. В Германии и Франции показатель 100 кг на человека опустился до 20 кг. Беднота питалась в основном соленой. Сливочное масло входило в рацион богатых людей. Его широкое потребление началось в XVIII в. Вообще изменения в ассортименте пищевых продуктов относятся к XVIII — началу XIX вв. К этому же времени возрастает значение известных с XVI в. кукурузы, картофеля, сахарной свеклы, а ряд овощных культур «перекочевал» с крестьянских огородов на поля[81].

В аграрном западноевропейском обществе до второй половины XVIII в. и несколько позже «смертность была главнейшим фактором, определявшим демографическую картину. От нее зависели остальные факторы — брачность, плодовитость и миграция».

Ограниченность средств существования определяла и «демографическое поведение» (заключение брака в позднем возрасте, безбрачие) в западноевропейской деревне. Институт брака являлся «важнейшим инструментом, позволявшим достигнуть желаемого, т. е. ограниченного роста населения». Брачный возраст в XVIII в. оказывался выше возраста полового созревания: у девушек 16 лет, у юношей 18. Для западноевропейской модели брачности, примерно с XV до середины XIX вв., отмечены «две характерные черты: высокий процент людей, не вступивших в брак, и высокий возраст, в котором заключались браки». В Западной Европе в течение XV—XVIII вв. большая часть населения жила не в больших семьях (родители со своими женатыми, замужними и или малыми детьми), а в простых «нуклеарных» семьях (только родители с детьми, не вступившими в брак). Семья являлась формой общежития и в аграрном обществе «была практически единственной производственной единицей, дававшей как сельскохозяйственную, так и ремесленную продукцию». В индустриальном обществе она же являлась «инструментом социального контроля». Здесь дети овладевали трудовыми навыками, познавали житейские нормы и ценности[82].

[81] *Колькова М. Н.* История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века. М., 2002. С. 241, 281—285, 292, 295, 310.

[82] От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 27, 46—48, 54—59, 61, 62.

Заключение

Представить внутреннюю жизнь помещичьего имения, разнообразные отношения между помещиком и крепостным, между дворянской усадьбой и крестьянским двором удалось путем использования таких источников, как «государственные» описания дворянских владений и составленные самими владельцами инструкции по управлению «деревнями». Благодаря этому данные описаний приезжих чиновников о сельской усадьбе и усадебном хозяйстве, о ренте, о населении и хозяйственных показателях крестьянского двора были существенно пополнены установками помешиков по организации отбывания тягла и по повседневной жизни своих крепостных. Составление инструкций, являвшихся частным делом отдельных дворян, благодаря курсу ВЭО и публикации лучших («образцовых») проектов, становилось как бы коллективным творчеством всего сословия земле- и душевладельцев.

Помещичье имение в России XVII—XVIII вв. являлось не столько обособленной территориальной единицей (чему мешали разбросанность, чересполосица земельных угодий внутри и вне вотчины), сколько самостоятельной и во многом самодостаточной социальной организацией любого дворянского владения (и крупного, и среднего, и мелкого). Территориальная и административная общность имения, его хозяйственная целостность, бытовое устройство цементировались и обеспечивались разного рода отношениями между владельцами и крестьянами.

Ведущими, господствующими были отношения власти и подчинения. Закрепленные абсолютистской монархией в законах и распоряжениях, защищаемые чиновниками государственных учреждений всех уровней, они обеспечивали полновластие дворян в их вотчинах и бесправие сельских тружеников.

Внутри самих имений главным типом отношений являлись рентные, оброчно-барщинные. Именно для обеспечения их бесперебойного осуществления помещики устанавливали внутривотчинные порядки и подробно разработанную систему наказаний (вотчинная юстиция), именно в этом же направлении, прежде всего, действовали приказчики и общинные власти. Выполнению крестьянами в срок барщинно-оброчных обязательств и взиманию казенных налогов подчинялась вся жизнь сельской усадьбы и господских деревень. Всевластие приказчика, подкрепленное телесными наказаниями за любые нарушения, превращало его в своеобразного «второго» господина.

Все прочие отношения складывались по усмотрению помещика. Они и существовали, в первую очередь, ради повышения доходности имения путем возрастающего отягощения крестьянских дворов владельческими поборами и трудовыми затратами. Само крестьянское хозяйство лишалось необходимой устойчивости и стабильности. Такие рентно-хозяйственные отношения, обеспечивающие потребности владельца в ущерб крестьянам, держались только на устрашающей крепостнической дисциплине. Они воздействовали на все иные отношения, подчиняя их задаче усиления крепостного режима во всех сферах сельской жизни.

Выражая желания значительной части помещиков, А. Т. Болотов и П. И. Рычков в «образцовых» инструкциях обосновывали преимущества барщинной системы эксплуатации крестьян. Более того, ученые агрономы считали, что именно при барщинных порядках надзор вотчинных властей может стать не только действенным, но и всепроникающим, а значит, сыграть роль стимула в подъеме господского и крестьянского хозяйств.

Барщина оказывалась привлекательной для крепостников прежде всего тем, что обеспечивала примерно вдвое большую доходность в сравнении с денежной рентой. Вопрос, могли ли барщинные работы отрицательно сказываться на их исполнителях, по существу ни в ученых трудах, ни в инструкциях не затрагивался.

В действительности отработочная рента становилась фактором не только возрастающего угнетения непосредственно на господских полях, но и причиной возведения препятствий для всех сторон крестьянской жизни.

Барщина рыночного ориентирования приводила к возрастанию объема крестьянского труда в господском хозяйстве в ущерб занятиям на надельной земле. Правила отбывания повинностей (барщины прежде всего) сводились к требованию привлечения к работе на господских полях всего трудоспособного населения. Распределение урочных работ по размерам тягла вело к контролю за размером надела. Не допускалось уменьшение площади надельных земель, чтобы не терять рабочие руки. Из-за этого и стремление крестьян к расширению вненадельного (арендного) землепользования не поощрялось. Постоянная нужда барщинного хозяйства рыночной направленности в крестьянском труде, и мужском, и женском, и даровой для помещиков характер этого труда деформировали внутривотчинные связи. Все хозяйственные устремления крестьянина и в имении, и вне его контролировались и ограничивались: аренда земли или сдача участка в аренду, труд у односельчан по найму или использование наемных работников у себя, продажа или покупка хлеба, скота, отход на заработки и для торговых сделок, для подрядных и откупных операций, взятие денег взаймы или отдача в заем другому. И это объяснялось не только желанием дворянина замкнуть хозяйственную деятельность крепостного в своем владении, но присвоить результаты его труда в полном объеме. Регламентация ослабляла действия крестьянина как конкурента помещика на рынке, прежде всего хлебном, стесняла его как мелкого производителя. В этом противостоянии все преимущества были у помещика.

В барщинных имениях помещик и его администрация являлись организаторами земледельческого и промышленного производства. В определении правил и норм деревенского общежития, в том числе в вопросах благоустройства, защиты от пожаров, примерного поведения, особенно в праздничные дни, выполнения церковных служб и обрядов, землевладелец выступал в качестве попечителя и опекуна. Это же касалось регулирования семейно-брачных отношений, трудового воспитания детей. Крепостнический дух проникал и в эти сферы. Все отступления от норм помещичьих инструкций непременно и строго наказывались, причем публично.

Возраставшую барщину могла выдерживать сельская семья со значительными трудовыми возможностями. В крестьянском дворе необходимо было иметь двух, а то и трех взрослых работников. Этому должно было соответствовать и поголовье рабочего скота (2—3 лошади). В помещичьей деревне

XVIII в. преобладали дворы малочисленные по числу жителей, малосостоятельные семьи с 1—2 взрослыми работниками. Их доля в первой четверти XIX в. доходила до 75 %. В дальнейшем их стало еще больше. Доля зажиточных дворов (семьи с 3—4 и более взрослыми работниками), напротив, в течение столетия уменьшалась примерно с 25 до 15 %[1].

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что тупиковый путь развития аграрного сектора в XVIII — начале XIX вв. был обусловлен и крепостническим режимом помещичьей деревни, и его органической связью с барщинной системой товарного зернового земледелия. Эта система, повышая доходность имения, не могла не подрывать крестьянское хозяйство. Обычный земледелец в российских почвенно-климатических условиях физически не мог хорошо трудиться и на помещичьем поле, и на своем наделе[2].

Описания имений не дают сведений о крестьянской повседневной жизни. Со значительной долей вероятности можно считать, что отягощенное повинностями население имений не имело возможности улучшать свой быт. Растущие денежные поборы препятствовали заимствованиям предметов городского быта. Рыночные связи крестьянского хозяйства в немалой степени имели целью приобретение денег для уплаты налогов и денежного оброка.

По данным XVIII в., традиционный набор построек крестьянского двора был невелик (изба, клеть, баня, сарай, амбар, погреб, конюшня, хлев, гумно). Дворы с двумя-тремя избами встречались редко. «Разрыв» между жильем дворянских усадеб и крестьянских дворов продолжал нарастать. Это выражалось и в стоимости жилых построек. Сравнительно небольшой, оцененный в 120 руб., усадебный двор примерно в 5 раз оказывался выше по стоимости, чем крестьянский. По некоторым сведениям дворовые постройки у бедных крестьян оценивались не выше 2 руб., среднестатейных — 5—7 руб., у зажиточных — 10—15 руб.

Различное устройство усадьбы и двора было обусловлено и разными материальными возможностями и направленностью интересов дворянина и крестьянина. Сложившиеся в помещичьих имениях два жизненных мира[3] отражали противоположные крепостнические и антикрепостнические стремления сторон. В условиях всепроникающего воздействия внутреннего рынка помещик стремился занять в области сбыта единоличное положение и не дать крестьянину стать конкурентом. Крестьянин, напротив, выступал за использование рыночных возможностей, позволявших преодолевать сковывающие его хозяйство границы (вненалельная земельная аренда, промысловые занятия, отход на заработки и т. п.). В этой то открытой, то скрытой борьбе интересов преимущество имели крепостники.

Помещичьи инструкции в небольшой степени позволяют представить конкретные проявления господского попечительства в отношении крепостных. Проявление заботы о крестьянском хозяйстве и семье, включая систематическую выдачу хлебных ссуд, вытекала из необходимости сохранить трудоспособное население вотчины. Господская благотворительность проявлялась в помощи сиротам, старцам и увечным, в обучении детей и подростков грамоте и некоторым мастерствам. Однако основное участие в этом возлагалось на самих крестьян и общину. Нередко господская забота о быте и повседневной сельской жизни сводилась к рекомендациям и предписаниям. Материальное обеспечение их практического выполнения в инструкциях отражалось редко.

Общий взгляд на внутривотчинные связи и отношения свидетельствует об их направленности в сторону интересов и нужд усадьбы и господского хозяйства.

Использованные в данной монографии неизвестные ранее «государственные» описания помещичьих владений XVII—XVIII вв. подтвердили и расширили представления о важных сторонах сельского дворянского и крестьянского хозяйства и быта. Как в дворянской усадьбе, так и особенно в крестьянском дворе в целом продолжали бытовать традиционные способы ведения полевого земледелия. Господские инструкции пытались закрепить в барщинном полеводстве важнейшие из них и лишь иногда пытались в приказном порядке внедрять новые агрономические и агротехнические приемы.

Прежние наблюдения о постоянном нарастании новых черт в усадебных постройках, интерьере, домашнем имуществе, особенно на протяжении XVIII в., прослеживаются и в наших источниках. Это же относится к усадебным постройкам хозяйственного назначения. Усадьба все более становилась непохожей на двор самых зажиточных крестьян. В традиционно усадебный облик вплетались новые хозяйственные и культурно-бытовые заимствования из городской жизни. Улучшение быта обеспечивалось денежными платежами оброчных крестьян и трудом барщинников. Новшества материальной культуры охотно воспринимались помещиками. Расширение круга барских потребностей проявлялось в покупке картин, гравюр, мебели, посуды, отражалось в стремлении благоустроить господский дом (тесовая кровля, нарядные печи, холщовые и бумажные обои, стенные панели).

В противоположность усадьбе крестьянский двор, как жилой и хозяйственный организм, мало изменился. Даже избы сравнительно немногочисленного слоя зажиточных крестьян оставались по своему облику прежними. Обычным был и набор хозяйственных построек.

В понимании А. Т. Болотова и П. И. Рычкова «человеколюбие» помещиков заключается в отказе от «крайнего отягощения» господскими работами ввиду угрозы разорения крестьян. Однако их призывы не находили понимания у дворян. Один из крупнейших душевладельцев конца XVIII в. князь Александр Борисович Куракин писал брату: «Благосостояние крестьян есть источник помещичьего благосостояния, так что от разстройства первых чув-

[1] Позднее, в первой половине XIX в. населенность помещичьей деревни существенно не возросла. «Состояние хозяйства и положение основной массы крестьянства ухудшились», — отмечает в заключении своей книги И. Д. Ковальченко. Свое положение смогла улучшить «лишь небольшая прослойка крестьян» (Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 381). В. А. Александров обратил внимание (в статье «Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма» // История СССР. 1981. № 3. С. 96) на важное наблюдение И. Д. Ковальченко в указанной монографии (с. 140—141 и др.), а именно: с повышением средней численности населения крестьянского двора возрастала и доля работников в семье, и таким образом многолюдное хозяйство большинства зажиточных крепостных и в барщинных, и в оброчных имениях имело своей основой собственные трудовые ресурсы (привлечение посторонних людей играло вспомогательную роль).

[2] «Барщинное хозяйство... неизбежно заводило деревню в тупик» (История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3. С. 245—246).

[3] А. А. Зимин писал о «крестьянской» и «дворянской» («помещичьей) цивилизациях. «Расхождение между цивилизациями, — заявляет он, — в XVIII и XIX вв. было настолько разительным, что могло создаться впечатление о двух мирах, живших каждый своею жизнью» (Отечественная история. 2002. № 1. С. 11—12).

ствует иногда разстановку и последний». Однако трудно усматривать в этом нечто гуманное, ибо сентенция не подкреплена даже обещаниями снизить тягло. Помещик при строительстве винокуренного завода в 1780-х гг. не стал брать наемных работников на стороне, а заставил трудиться своих оброчных крестьян, не освобождая их от других поборов. Лишь иногда в ответ на их жалобы он «прощал» им часть оброка. «Жалки они мне, и жаль мне их, — писал Куракин, — но необходимость крайняя». И сам же так объяснял свою жестокость: «Не можешь поверить, мой друг, как совесть меня мучит, я от неумеренного желания доход мой утроить, я один причиною мучений и великих трудов моих ближних, жребей которых мне подвластен. В глубине моего сердца блаженства их хочу, но на деле против воли моей их от оного отдаляю». Как видно, получение тройного дохода перевешивает все заботы о ближних[4].

Крепостное право и крепостнический режим в помещичьей деревне отрицательно сказывались на состоянии аграрного строя страны. С высказанными в литературе мнениями об объективной необходимости самой тяжелой формы угнетения в сфере сельскохозяйственного производства в целях получения минимального прибавочного продукта для отбывания государственных и владельческих повинностей и уплаты постоянно растущих налогов, трудно согласиться.

Крепостное право, барщинная система эксплуатации, высокие денежные платежи землевладельцам и государству — все это при малоблагоприятных почвенно-климатических условиях обрекало помещичью деревню на низкий уровень земледелия и животноводства. Ему соответствовало удручающее материальное положение крестьян[4a].

Крепостнический режим в трудной природной обстановке не позволял укрепиться крестьянскому хозяйству, повысить производительность труда земледельца. «Ножницы» между производственными возможностями крестьян и стремлением дворян повысить прибыльность имений все более расходились, подрывая основы сосуществования усадьбы и крестьянского двора. Будущее в виде формирующегося комплекса буржуазных связей становилось все более заметным. Однако крепостничество не давало возможности крестьянству познавать в социальном и психологическом плане особенности ведения хозяйства рыночной направленности.

Жизненный уклад крепостной деревни, определявшийся владельческими инструкциями и надзором приказчиков, при анализе причин бедственного состояния деревни подводит к заключению о приоритете причин социального порядка, а не природных, почвенно-климатических.

Решение вопроса о значении природных условий для российского сельского хозяйства становится важной научной задачей. Б. Н. Миронов выразил несогласие с положениями Л. В. Милова о решающем влиянии географической среды «на развитие не только экономики, но также и Российского государства и общества»[5]. Б. Н. Миронов призывает учитывать природные особенности «во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами». Следует все же отметить, что в пылу полемики он не замечает противоречивости своих позиций. Трудно согласиться с положением, что климат и почвы России и Запада не имеют существенных отличий, что недостаток рабочего времени был малоощутимым для русских земледельцев. Вряд ли можно признать его утверждение, будто в Нечерноземной полосе можно было заниматься земледелием не 5, а 6—7 месяцев, в Черноземной — 7—9 месяцев[6]. Безусловно, «социально-экономические процессы в России, как и в других странах, испытывали многоплановое воздействие географического и демографического факторов»[7], но все же необходимо учитывать в полной мере отмеченные Л. В. Миловым региональные и местные природные особенности обширной российской территории.

Выше приводилось концептуальное положение редколлегии и авторского коллектива 3-го тома «Истории крестьянства в Европе» о сходстве многих сторон сельского земледельческого быта во многих странах континента. Сводный труд ученых Лейденского университета (Нидерланды)[8], основанный на новейших исследованиях, подтверждает указанный тезис. Сопоставление данных западноевропейских стран и центральных регионов России свидетельствует, что природные условия российского земледелия при объяснении его производственного уровня по отношению к странам Западной Европы того же времени следует считать фактором относительного (не абсолютного) порядка. На первый план выходит фактор социальный, включающий демографический, экономический и политический компоненты.

Если аграрные сдвиги в лучшую сторону в Англии, Северной Франции, Западной Германии, на севере и западе Нидерландов в XVII—XVIII вв. в результате специализации сельскохозяйственного производства и его рыночной направленности становились все более явственными, а крупные крестьянские ячейки приобретали черты фермерского хозяйства, то в других западных районах движение вперед наблюдалось в небольшой степени. В заэльбской Германии возобладали крупные барщинные владения. В большинстве районов Франции и восточной и южной частях Нидерландов ведущее место занимали мелкие крестьянские хозяйства, натуральные в своей основе, с низкой урожайностью, незначительным объемом прибавочного продукта. Франция оставалась страной с небольшими земельными наделами вплоть до конца XIX в. Земли, конфискованные у дворян и церкви в ходе революции 1789 г., были поделены среди мелких собственников, интересы которых оставались традиционными в наследовании и сохранении своего состояния.

Обреченность на тяжкий труд и крайне низкий уровень питания и жизненных условий являлись уделом не только российского, но и европейского крестьянства всего континента. Повсеместно стремление землевладельцев увеличить свои доходы и возраставшие нужды государственной казны в деньгах «съедали» плоды крестьянского земледелия и промыслов.

[4] Цит. по кн.: *Кочин Э. С.* Очерки по истории крепостного хозяйства... С. 124—125.

[4a] «Крепостное право — бич русского крестьянства» (*Павленко Н. И.* Анна Иоанновна. М., 2002. С. 194).

[5] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 56—57.

[6] Там же. С. 54, 58.

[7] Там же. С. 61.

[8] См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998.

Отсутствие многопольного севооборота и ограниченный перечень товарных продуктов не могли не повлиять на понижение плодородия почвы и ее урожайность. Даже при хорошем урожае излишки продуктов оставались незначительными. Для мелкого крестьянского хозяйства в Западной Европе (до конца XVIII в. и даже позднее) характерны низкая производительность труда и отсутствие возможностей для ее увеличения, высокие трудовые затраты, несоизмеримые с урожайностью даже в благоприятные годы, примитивные агрономия и агротехника, ограниченность источников энергии и сырья. Налоговое обложение и перераспределение доходов в пользу торгово-промышленной буржуазии обрекали крестьянское хозяйство на незначительный по объему прибавочный продукт. Постоянное дробление земельных участков в конце XVIII в. привело к тому, что в разных районах Франции от 10 до 50 % крестьян обладали такими наделами, прокормиться с которых было невозможно[9]. Улучшение крестьянского хозяйства относится ко второй половине XVIII в. в связи с ростом цен на продукты земледелия. Картофель «начал в это время свое победное шествие» по европейским землям.

В западноевропейских регионах резко выраженное несоответствие между количеством затраченного труда в земледелии в мелком крестьянском хозяйстве и достигнутым уровнем урожайности было свойственно аграрному строю вплоть до конца XVIII в., а во Франции — до конца XIX в. Зачастую собранного зерна не хватало даже для самих земледельцев. Характерным явлением считался для основной массы населения Германии и Франции «кризис существования». Это свидетельствовало о том, что «по отношению к высоким трудовым затратам собранный урожай был незначителен и зачастую слишком мал, чтобы прокормить такое количество людей»[10].

Сельскохозяйственному производству индустриального общества не свойственно повышение производительности, увеличение продуктивности труда каждого работника. Расширение обрабатываемых земель обычно происходило на основе привлечения дополнительной рабочей силы. Заметное ускорение развития земледелия и животноводства в Англии, ряде районов Нидерландов, Германии, Франции относится к XVIII в.[11]

Дуализм аграрного развития европейских регионов усиливал «превращение всего Европейского континента в единую взаимосвязанную в хозяйственном отношении систему государств»[12]. В XVII—XVIII вв. наращивание вывоза на Запад продуктов российского сельскохозяйственного производства (зерно, сало, кожа, лен, пенька и пр.) через портовые города Балтики, Беломорья, а затем и Причерноморья можно рассматривать как вклад закрепощенного крестьянства России в экономическое развитие Европы в целом.

[9] Там же. С. 6, 9, 11, 16, 70, 80—88, 98, 115, 127—129, 173, 247, 248, 282, 283, 389.
[10] Там же. С. 9, 41, 70, 144.
[11] Там же. С. 235, 236, 245—249.
[12] История крестьянства в Европе... Т. 3. С. 550.

Перечень помещичьих имений

(с описаниями крестьянских дворов)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1626 июль	дьяк Поздеев М.	Московский	Шатурово	6	барщина	д. Шатурово	1	1	РГАДА. Ф.1209. Оп.190. Д.9830. Л.47-57
1635 июнь	лекарь Давыдов К.	Московский	Понарьино	–	барщина	д. Понарьино	2	3	Там же. Д.9831. Л.662-666
1662 октябрь	Лыков Л.И.	Ржевский	–	–	барщина	д. Путилово	2	6	Там же. Оп.207. Д.12381. Л.418-419
1662 декабрь	Блудов И.	Рязанский	Зубово	–	барщина	д. Зубово	3	11	Там же. Оп.210. Д.13330 Л.348-349
1662 декабрь	Чаплыгин Е.В.	Рязанский	Кишкино	–	барщина	д. Кишкино	1	2	Там же. Л.350
1663 январь	кн. Щетинин И.И.	Рязанский	–	–	–	д. Малое	3	16	Там же. Л.351-352
1663 октябрь	Оладьин М.	Коломенский	–	–	барщина	с-цо Семибратское	4	16	Там же. Оп.180. Д.9282. Л.497-499
1665 декабрь	Карандеев М.А.	Рязанский	–	–	барщина	с-цо Моржово, Анцыфоровское тож	3	8	Там же. Оп.213. Д.13385. Л.48-56
1668 ноябрь	Воробьев Е.	Боровский	–	–	барщина	д. Белохрыстово, Тукаево тож	3	16	Там же. Оп.152. Д.10351. Л.552-562
1670 октябрь	Бестужев И.И.	Московский	–	–	–	с-цо Якимцево, д. Лопаткино	4	17	Там же. Оп.190. Д.9838. Л.1003-1007
1671 октябрь	Кокорев М.Г.	Московский	Перепечино	–	–	д. Акишево	7	20	Там же. Д.9836. Л.432-444,629-636
1675 февраль	Андреев Т.	Суздальский	Муромцево	–	–	д. Муромцево	2	8	Там же. Оп.224. Д.11342. Л.620-626
1681 июль	стольник кн. Козловский И.П.	Романовский	–	–	–	д. Вязово и др.	4	11	Там же. Оп.206. Д.8339. Л.473-478
1689 октябрь	Чашников Г.	Старицкий	–	–	–	с. Дегунино	3	13	Там же. Оп.223. Д.15400. Л.547-550
1690 январь	Чубышкин С.Т.	Московский	Тупицыно	–	барщина	с-цо Тупицыно	5	12	Там же. Оп.191. Д.9846. Л.539-547
1691 декабрь	Мотовилов К.И.	Ярославский	–	–	–	д. Воронино	1	4	Там же. Оп.239. Д.7889. Л.543-545

Мелкие имения (первая четверть XVIII в.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1700 октябрь	Леонтьев А.И.	Московский	Аксеновка	–	–	д. Аксеновка	2	12	РГАДА. Ф.1209. Оп.191. Д.9850. Л.1219-1236
1700 декабрь	Трофимов Ф.Ф.	Дмитровский	Данилково	–	барщина	с-цо Данилково	3	11	Там же. Оп.169. Д.15073. Л.42-45
1701 сентябрь	Полуектов Ф.П.	Коломенский	–	–	барщина	с-цо Козино	2	7	Там же. Книги приказных дел. Д.5147. Л.52-53
1701 октябрь	*	Ярославский	Шарапово	12	барщина	д. Бараново	4	18	Материалы. С.360-361
1705 февраль	Кожин И.В.	Вологодский	–	–	–	д. Дор	3	15	Материалы. С.50-51
1705 ноябрь	Кольчев Н.Г.	Коломенский	Зыбино	–	барщина	с-цо Зыбино	1	2	Материалы. С.130
1706 апрель	Еропкин М.	Вологодский	–	–	–	с. Егорьевское Заднее	10	16	Материалы. С.53-54
1706 апрель	Еропкин И.	Вологодский	–	–	–	с. Егорьевское Заднее	11	18	Материалы. С.52-53
1713 июль	Ермолов В.Ф.	Московский	Стулово	–	–	д. Стулово	4	20	РГАДА. Ф.1209. Оп.191. Д.9854. Л.556-562
1715 январь	Апухтин В.А.	Серпейский	–	–	денежный оброк	д. Остапово	4	17	Материалы. С.304-305
1715 октябрь	наборщик Павлов Ф.В.	Епифанский	Брусеная, Федоровка	26	барщина	д. Брусеная, д. Федоровка	2	6	Материалы. С.85
1716 январь	стольник Кологривов Б.А.	Московский	Численное	9	барщина	с-цо Численное, Буслаево, Внуково тож	3	10	РГАДА. Ф.1209. Оп.191. Д.9857. Л.115-118
1723 июнь	кн. Гагарин В.И.	Муромский	–	–	барщина	с. Захарово	1	4	Материалы. С.209-210
1724 июнь	Безобразов Ф.М.	Смоленский	–	8	барщина	д. Нагопи	1	5	Материалы. С.307
1724 декабрь	*	Бельский	–	–	барщина	д. Новгородово	2	16	Материалы. С.22-23
1725 март	Астафьев И.А.	Брянский	Крыжино	6	барщина	с. Крыжино	1	4	Материалы. С.36-37

Мелкие имения (1730-1750-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1732	Ценин В.И.	Рязанский	Фурсово	28	барщина	д. Фурсово, д. Перепечино	4	17	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.972. Л.46-56, 87
1733	Лебедев И.В.	Пензенский	Литокчино	–	барщина	д. Литокчино	5	8	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.624. Л.1-5
1751	Огарев Г.Е.	Веневский	–	–	барщина	д. Настасьино	3	20	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9529. Л.47-52
1752	Норова Т.М.	Коломенский	–	–	барщина	д. Елино	4	11	Там же. Л.53-54
1755	Норова Т.М.	Веневский	–	–	барщина	с. Прудище	2	5	Там же. Л.322-325
*	Норова Т.М.	Тульский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Никифоровка	2	6	Там же. Л.55-56
1756	Аксенов Г.Н.	Ярославский	Большой Двор	1	–	с-цо Б.Двор	4	10	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.4265. Л.64-67

Мелкие имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1760	Вердеревский П.П.	Пронский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Енинская	7	16	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9602. Л.31-37
1761	Веревкин М.И.	Дмитровский	Михалево	9	барщина, продуктовый оброк	с-цо Михалево	4	13	Там же. Л.3, 7-12
1762	Косицкий П.Л.	Вологодский	Скородумка	9	барщина	с-цо Скородумка	4	4	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9582. Л.2-14
1762	Алфимов И.Ф.	Пензенский	Пещанка	3	–	д. Пещанка	4	18	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9583. Л.1-4
1763	Шишкин Л.М.	Тульский	Бороденка	7	барщина, продуктовый оброк	д. Бороденка	5	14	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9733. Л.36-41

Мелкие имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1763	Шишкин Л.М.	Каширский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Шалокино, Ходынино тож	2	5	Там же. Л.34-35
1763	Тырлов Л.Н.	Великолуцкий	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Боровково, д. Семериково	3	17	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9807. Л.2-3
1763	Трофимов Г.Т.	Великолуцкий	Алексино	–	продуктовый оброк	д. Терехово	2	12	Там же. Л.40
1763	Хитрово М.	Казанский	Богородское	32	барщина	с. Богородское, Нижнее тож	5	10	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9733. Л.13-17
1764	Поскочин И.Н.	Вологодский	–	–	денежный оброк	с. Лесуново	7	19	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9807. Л.24-28
1764	Неелов В.Г.	Казанский	Иверское	1	–	с. Иверское, Белкакино тож	4	9	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.2. Д.5228. Л.7-11
1765	Полуектов Н.С.	Владимирский	–	–	денежный оброк	д. Алешино	6	18	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9901. Л.1-6
1767	Жемчужников Я.Г.	Боровский	–	–	денежный оброк	с-цо Зайцево	2	4	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9602. Л.232-234
1767	Самарин Ф.И.	Вологодский	–	–	денежный оброк	д. Алферовская	4	13	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10072. Л.1-9, 15
1768	Софонов Н.И.	Керенский	Введенское	6	барщина	с. Введенское, Тоноля тож	4	13	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10166. Л.27-31
1770	Чевкин Г.П.	Ржевский	Телешовка	–	барщина	д. Телешовка	2	7	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10827. Л.18-22
1772	Елесов А.	Тульский	–	–	барщина, продуктовый оброк	с-цо Мурзино, Алферово тож	2	8	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10830. Л.9-11
1773	Шидловский В.М.	Тульский	Хопилово	–	барщина	д. Хопилово	3	5	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11531. Л.50-51
1774	Ларионов Г.А.	Чухломской	–	–	денежный оброк	усадьба Чурилово	6	13	Там же. Л.30-31

Мелкие имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1774	Маслов А.Н.	Тульский	–	–	барщина, продуктовый оброк	с. Васильевское, Маслово тож	4	15	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11847. Л.12-18
1775	Новиков Н.	Мещовский	–	–	–	с. Устар	2	6	Там же. Л.91-92
1775	Бурков Н.Ф.	Каширский	Таптыково	10	барщина	с. Таптыково	4	16	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11874. Л.69-75
1777	Егачев С.	Пошехонский	Дресвянка	4	барщина	д. Дресвянка	6	20	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11930. Л.40-41
1777	Изъединов И.Б.	Ярославский	–	–	–	д. Белкево	5	18	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.12128. Л.3-5
1778	Зыбины	Серпуховской	–	–	денежный оброк, деньги за продукты	д. Сидоренки	2	6	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11945. Л.1-5

Средние имения (XVII век)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1629 июль	Немцов Г.С., Мичкин В.П.	Суздальский	Еремеево	–	–	д. Кузнечевка и др.	15	32	РГАДА. Ф.1209. Оп.224. Д.11332. Л.620-628
1659 май	стольник кн. Несвицкой Г.Д.	Романовский	–	–	–	д. Максимково	11	29	Там же. Оп.208. Д.8334. Л.792-798
1663 июль	дьяк Нефедьев В.	Московский	Ильинское	2	барщина	с. Ильинское, Спирово, Свиридово тож	11	38	Там же. Оп.190. Д.9837. Л.316-351
1664 июль	дьяк Богданов Г.	Московский	–	–	–	д. Вечоково, д. Сергеево	18	50	Там же. Л.611-630
1665 июль	Плещеев Л.А.	Владимирский	–	–	–	д. Высокое, д. Низкое	10	27	Там же. Оп.109. Д.12621. Л.679-682

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1670 октябрь	Бестужев С.И.	Рязанский	–	–	денежный оброк	д. Ганзино, Золотое кольцо тож	10	45	Там же. Оп.214. Д.13396. Л.87-94
1672 август	Лепунов И.И.	Рязанский	Павелково	–	барщина	д. Павелково	11	37	Там же. Д.13394. Л.705-711
1673 январь	подьячий Огарков А.	Рязанский	–	–	барщина	д. Осаново	5	28	Там же. Д.13395. Л.195-202
1678 февраль	стольник Пушкин П.М.	Московский	Максимовская, Медведково тож	6	–	д. Клыково	10	31	Там же. Оп.190. Д.9839. Л.1134-1138
1678 апрель	Челищев Ф.	Рязанский	–	–	–	с-цо Залегляжье, д. Мелеково	8	35	Там же. Оп.210. Д.13330. Л.613-619
1682 ноябрь	кн. Хованский И.А.	Волоколамский	Колтяково	2	барщина	с-цо Колтяково	14	65	Там же. Оп.228. Д.11466. Л.570-580
1686 март	Карпов В.Ф.	Суздальский	–	–	–	с-цо Мансурина	19	74	Там же. Оп.225. Д.11348. Л.559-569
1687 март	Румянцев В.С.	Московский	Брицыно	23	барщина	с-цо Брицыно, Татариново тож	6	37	Там же. Оп.191. Д.9845. Л.394-401
1697 март	Трегубов А.И.	Алексинский	–	–	–	д. Матюкино	5	24	Там же. Оп.152. Д.10348. Л.426-432
1699 апрель	Есипов И.Л.	Суздальский	Губачево	–	барщина	с-цо Губачево	4	22	Там же. Оп.226. Д.11352. Л.800-804

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1703 октябрь	Морев И.И.	Галичский	–	–	–	д. Отрушиха и др.	28	67	РГАДА. Ф.1209. Оп.168. Д.7367. Л.311-315
1704 январь	Чирихов И.М.	Ярославский	Овсянниково	8	барщина	с-цо Овсянниково	9	31	Там же. Книги приказных дел. Д.5147. Л.139-140
1704 февраль	стольник Окрилицын Д.Г.	Московский	–	–	–	д. Малинки, Филинская тож	7	21	Там же. Оп.191. Д.9853. Л.194-196

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1704 март	стольник Языков В.С.	Арзамасский	–	–	барщина	д. Озерки	8	42	Там же. Книги приказных дел. Д.5147. Л.89-91
1704 октябрь	капитан Плещеев Ф.А.	Ярославский	–	–	–	с. Никольское	10	37	Там же. Л.232-234
1705 февраль	думный дворянин Змеев В.С.	Шуйский	–	–	–	д. Авдеево	8	30	Там же. Оп.226. Д.11358. Л.272-274
1705 май	стольник Кожин И.В.	Можайский	–	–	денежный оброк	д. Гриднево	8	29	Материалы. С.177-178
1705 май	стольник Домогацкий А.А.	Шуйский	–	–	–	д. Студенцы	10	24	Материалы. С.354
1706 апрель	офицер Квашнин-Самарин И.М.	Вологодский	–	–	–	д. Едуденево и др.	22	46	Материалы. С.54-55
1708 октябрь	стольник Воейков В.Р.	Вяземский	–	–	денежный оброк, продуктовый оброк	д. Сычево и др.	22	80	Материалы. С.60-62
1708 декабрь	кн. Мещерский Б.Ф.	Каширский	Руново	6	барщина	с. Руново, с. Ослинки	13	37	Материалы. С.123-124
1711 май	Ивашкин Н.П.	Тульский	Анаское	15	барщина	с. Анаское	7	24	Материалы. С.327-328
1716 январь	стольник Кологривов Б.А.	Коломенский	Нигулино	2	барщина	с. Заворово	10	37	РГАДА. Ф.1209. Оп.191. Д.9850. Л.119-126
1723 май	Скорняков-Писарев Г.Г.	Московский	Мишнево	40	барщина	с-цо Мишнево	8	46	Материалы. С.202-204
1723 май	Скорняков-Писарев Г.Г.	Московский	Вересково, Грибово	1415	барщина, продуктовый оброк	с-цо Вересково*, д. Ладенино	12	50	РГАДА. Ф.1209. Книги приказных дел. Д.5278. Л.321-327
1724 март	капитан Безобразов Ф.В.	Владимирский	Лихинки	20	барщина, продуктовый оброк	с-цо Лихинки	6	29	Материалы. С.49-50

Средние имения (первая четверть XVIII в.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1725 март	Больчев Т.Г.	Брянский	–	–	–	д. Кислеково	4	24	Материалы. С.40-41
1725 март	Дуров В.И.	Брянский	Суботово	5	барщина	с. Ларионово, д. Суботово	5	24	Там же
1725 март	артиллерии школьник Мясоедов Е.Л.	Брянский	Родное	13	барщина	с-цо Родное, д. Коханово	4	23	Материалы. С.42-43
1725 июнь	дьяк Нестеров В.	Московский	Леоново	8	барщина	с-цо Леоново, д. Евсейково	7	22	Материалы. С.207-208

* Усадьба и дворы крестьян в с-це Вересково описаны также в июле 1725 г. в связи с возвращением имения прежнему владельцу (РГАДА. Ф.1209. Оп.191. Д.9861. Л.341-343)

Средние имения (1730-1750-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1741	Серебряный Н.Ф.	Любимский	Стрельниково	15	барщина	д. Жарки	8	28	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.6. Д.14567. Л.1-11
1751	Лутковский И.Е.	Веневский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Настасьино	15	71	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9529. Л.401-407
1752	Томилов А.Ф.	Московский	Введенское	20	барщина	с-цо Введенское, Борисовка тож	7	22	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.2. Д.7023. Л.193-206
1752-1753	Колокольцев Н.М.	Коломенский	Порядниково	–	денежный оброк	с-цо Порядниково, д. Бутово	29	92	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.2529. Л.10-17
1757	Волковы	Верейский	Абросово	–	барщина	с-цо Абросово, Головцово тож	8	26	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.4. Д.13076. Л.196-205

Средние имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1760	Венгерский И.А.	Вологодский	–	1	барщина	д. Кунилово	7	22	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9602. Л.48-54
1763	Лавров Я.С.	Великолуцкий	Олохово	17	–	с-цо Олохово	9	24	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9807. Л.41-43
1763	Жемчужников Я.Г.	Боровский	–	–	барщина, продуктовый оброк	с-цо Деревенеск	8	26	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9602. Л.106-111
1764	Лихачев И.Н.	Белозерский	Малино	1	барщина	д. Малино и др.	17	48	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9807. Л.4-16
1764	Воейков Ф.И.	Белозерский	–	–	барщина	д. Железница	6	24	Там же. Л.20-22
1765	Кузеневы	Брянский	Жарынь	–	барщина, продуктовый оброк	с. Жарынь, с. Паниковицы	20	87	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.4268. Л.44-65
1765	Владычин С.П.	Каширский	Погореловка	10	барщина, продуктовый оброк	д. Погореловка, Дементьевское тож	5	21	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9903. Л.2-6
1765	Жилин Ф.Я.	Орловский	Ламово	46	барщина, продуктовый оброк	д. Ламово	16	64	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9901. Л.10-26
1766	Багратион Н.С.	Пензенский	–	–	денежный оброк	с. Архангельское, Голицыно тож	16	54	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9903. Л.93-101
1766	Телепнев Е.О.	Вологодский	–	–	денежный оброк	д. Зубцово, д. Мочалово	9	32	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10113. Л.23-30
1767	Патракеев Л.И.	Вологодский	Осинники	13	денежный оброк	с-цо Осинники	12	37	Там же. Л.3-21
1767	Гольский В.Г.	Белозерский	Алексеевское	7	барщина	д. Курилово и др.	9	32	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10120. Л.2-9
1768	Яковлев И.Д.	Ярославский	–	–	денежный оброк	д. Улково	11	30	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10166. Л.5-13

Средние имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1768	Названов П.Ф.	Муромский	–	–	денежный оброк	д. Василево	7	23	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.6. Д.14574. Л.127-130
1768	Карпов М.А.	Калужский	Иванково	18	барщина, продуктовый оброк	д. Иванково, Лотырево тож	16	63	РГАДА. Ф.340. Оп.1.Ч.3. Д.10610. Л.2-9
1768	Бунин В.О.	Мценский	Васильевская	5	–	д. Васильевская	10	23	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.4. Д.13553. Л.1-6
1770	Жемчужников И.Г.	Орловский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Стрельниково	6	21	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10827. Л.13-21
1770	Швыйковский Ф.	Рославльский	–	–	–	д. Богачево и др.	10	45	Там же. Л.4-22
1771	Названов И.Ф.	Муромский	–	–	денежный оброк	д. Василево	10	37	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.6. Д.14575. Л.267-270
1772	Мартынов Д. Ф.	Боровский	Голубино	8	барщина	с-цо Голубино	9	34	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10830. Л.2-8
1773	Несвицкий И.В.	Нижегородский	–	–	денежный оброк	с-цо Крапивино	29	98	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11531. Л.3-12
1774	Швыйковский Ф.	Смоленский	–	–	–	д. Стогово	7	25	Там же. Л.18-22
1774	Ларионов Г.А.	Галичский	–	–	денежный оброк	усадьба Петрищево	10	23	Там же. Л.26-31
1774	Повало-Швыйковский А.	Смоленский	–	–	–	д. Рышково и др.	8	26	Там же. Л.23-25
1775	Бурков Н.Ф.	Коломенский	Комарево	30	барщина	с. Комарево	7	25	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11847. Л.79-90
1775	Нарышкин С.М.	Вологодский	–	–	денежный оброк	с. Егорьевское Заднее	21	52	Там же. Л.35-41
1776	кн. Голицын И.В.	Епифанский	–	–	барщина, продуктовый оброк	д. Березовка, Хотяинцево тож	20	67	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11916. Л.8-25
1777	Волков А.	Пошехонский	–	–	–	д. Плосково	13	28	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11928. Л.9-11
1778	Юров А.А.	Переславль-Залесский	Шепелево	–	барщина	с. Шепелево	14	45	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11936. Л.6-10

Крупные имения (первая четверть XVIII в.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1700 январь	кн. Волконский Я.Ю.	Ярославский	Акилининское, Андреевское	–	барщина	с-цо Акилининское, с. Андреевское	36	120	РГАДА. Ф.1209. Оп.239. Д.7893. Л.553-559
1700 апрель	окольничий кн. Пожарский С.Р.	Владимирский	–	–	барщина	с. Екимово	54	168	Там же. Оп.109. Д.12628а. Л.840-849
1704 октябрь	Травин П.И.	Ярославский	–	–	–	д. Бор и др.	40	161	Там же. Книги приказных дел. Д.5147. Л.225-231
1705 март	кн. Шаховской И.Ф.	Шуйский	–	–	–	с-цо Кудрявцево	51	209	Там же. Оп.226. Д.11358. Л.272-282
1714 октябрь	Ржевский Н.Т.	Болховский	Богословское	35	барщина	с. Богословское, д. Крутицы	43	148	Материалы. С.23-28
1716 август	Шафиров П.П.	Каширский	Жерновки	16	барщина, денежный оброк	с. Жерновки	175	717	РГАДА. Госархив.Р.XI. Д.139. Ч.3. Л.160-230. Материалы. С.126-127
1723 июль	Шафиров П.П.	Пензенский	Ломовская Слобода	15	барщина, денежный оброк, продуктовый оброк	с. Ломовская Слобода	220	764	Материалы. С.252-273
1723 февраль	Шафиров П.П.	Рязанский	Кутуково	2	денежный оброк, продуктовый оброк	с. Кутуково	53	258	Материалы. С.293-298
1723 июль	Скорняков-Писарев Г.Г.	Пензенский	Засечное	17	барщина, продуктовый оброк	с. Засечное	63	188	Материалы. С.247-252
1723 июль	Стремоухов В.Ф.	Кромский	Шаблыкино	140	барщина	с. Шаблыкино	61	332	Материалы. С.148-157
1723 май	Отяев И.В.	Кромский	Рассоховец	24	барщина, продуктовый оброк	с. Рассоховец, с. Вожево	19	102	Материалы. С.144-148

Крупные имения (первая четверть XVIII в.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1723 июль	Касимовский царевич Иван Васильевич	Касимовский	Селище	8	барщина, денежный оброк, продуктовый оброк	с. Селище, с. Белково, с. Ермолово, с. Шоста	104*	977	Материалы. С.105-119
1723 июнь	дьяк Ратманов А.Г.	Елецкий	Мокрая Сменка	24	барщина	д. Мокрая Сменка, д. Гололобово	29	115	Материалы. С.79-84
1724 июль	Зиновьев В.П.	Кромский	Госпомля	54	барщина, продуктовый оброк	д. Госпомля	60	250	Материалы. С.157-164
1725 март	капитан Безобразов Ф.М.	Брянский	Щитань	41	барщина	с-цо Щитань, слобода Буда	20	107	Материалы. С.37-39

* 32 двора на барщине, 72 – на оброке

Крупные имения (1740-1750-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1742 февраль	Головкин М.Г.	Московский	Сафарино	79	барщина, деньги за продукты	с. Сафарино	45	152	РГАДА. Ф.1239. Оп.1/51. Д.838. Л.14-25,125-133; РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.1076. Л.1-16.
1742 февраль	Головкин М.Г.	Московский	Тарычево	49	барщина, продуктовый оброк	с. Тарычево, Рождествено тож	65	226	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.1077. Л.1-2
1742 февраль	Головкин М.Г.	Зарайский	Клишино	34	барщина	с. Клишино	36	106	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.1. Д.1094. Л.3-15

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1750 ноябрь	Поспелов В.П.	Тамбовский	5*	17	барщина, деньги за продукты	5**	414	1501	РГАДА. Ф.248 (Сенат). Кн.2576
1751	Пассек Б.И.	Смоленский	5***	67	барщина, продуктовый оброк	6****	347	1334	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.2. Д.6881. Ч.1-2
1752 сентябрь	Томилов А.Ф.	Тульский	Никольское	более 12	барщина, продуктовый оброк	с. Никольское	78	270	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.2. Д.7023. Л.24-65
1752 сентябрь	Томилов А.Ф.	Нижегородский	Троицкое, Борисово Поле тож	12	денежный оброк, деньги за продукты	с. Троицкое, Борисово Поле тож	90	291	Там же. Л.97-174
Конец 1752-начало 1753	Колокольцев Н.М.	Медынский	Михеево	8	барщина	д. Михеево	52	203	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9529. Л.22-39, 98-101
Конец 1754-начало 1755	Киселев Н.	Пензенский	Никольское	2	денежный оброк, продуктовый оброк	с. Никольское, Новый Чирчим тож	27	117	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.2. Д.7617. Л.47-72
1759 октябрь	Мячков Г.И.	Костромской	Хмелицы	4	денежный оброк	с-цо Хмелицы, сцо Дядиково	120	369	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.8944. Л.6-40, Д.9733. Л.18-32

* Спасское, Троицкое, Богородицкое, Васильевское, Казманье.
** с. Спасское, Талинское тож, с. Троицкое, Керша тож, с. Богородицкое, Малая Таленка тож, с. Васильевское, Русская Полина тож, д. Казманье.
*** Ивонино, Яковлевичи, Васильево, Отвичи, Вербово.
**** с. Ивонино, Иванино тож, с. Яковлевичи, с. Васильево, Юково тож, с. Отвичи, с. Вербово, с. Яланно.

Крупные имения (1760-1770-е гг.)

Год описания	Владелец	Уезд	Усадьба	Дворовые люди об.п.	Рента	Селения	Крестьянские дворы	Крестьяне м.п.	Источник
1762 июнь	граф Апраксин Н.Ф.	Московский	Богородское	22	денежный оброк	с. Богородское, Салманово тож	45	156	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9589. Л.1-32
1762 июнь-июль	кн. Багратион Н.С.	Костромской	Минское	-	денежный оброк	с. Минское, с. Заимирово, с. Селище, с. Сунгурово	95	196	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9603. Л.1-73
1762	Вельяминов-Зернов С.П.	Пензенский	Юлово	15	барщина, денежный оброк	с. Юлово, Дмитриевское тож	66	200	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9581. Л.2-40, 86
1763	кн. Меншиков А.А.	Арзамасский	Никитино	-	денежный оброк	с. Никитино	224	800	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.9697. Л.1-56, 99-101
1764 январь	кн. Меншиков А.А.	Саранский	-	-	денежный оброк	с. Троицкое, Мельщина тож	41	150	Там же. Л.60-92
1768 сентябрь	Салтыков С.В.	Суздальский	Быково	3	денежный оброк	с. Быково	77	239	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.10151. Л.32-42
1774 июль-август	Зубов Ф.И.	Вологодский	-	-	денежный оброк	с. Новое Никольское	45	140	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11531. Л.32-42
1775 февраль	кн. Меншиков П.А.	Арзамасский	-	-	денежный оброк	с. Никитино	47	152	РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.3. Д.11847. Л.42-63
1775 октябрь	Шетнев Н.Д.	Ярославский	-	37	-	с. Рожествено, с. Новое	46	133	Там же. Л.20-34

Именной указатель

Агдавлетев В.Д., помещик 317
Агеева О.Г. 82
Аксенов А.И. 82
Аксенов Г.Н., помещик 236, 425
Александров В.А. 11, 12, 21, 23-26, 28, 47, 79, 341, 344, 416
Александров Д.Н. 82
Алексей Михайлович, царь 8
Алефиренко П.К. 42, 56, 57, 61, 63, 170, 171, 177,183, 185-188, 191, 193, 261, 339, 341-344, 346, 347, 351, 372
Алфимов И.Ф., помещик 425
Антонов А.В. 82
Андреев И., дворовый человек 253
Андреев Т., помещик 94, 423
Анна Иоанновна 418
Апраксин Н.Ф., граф помещик 80, 272, 274, 276, 327, 436
Апухтин В.А., помещик 155-157, 424
Архангельский С.И. 341, 343
Астафьев И.А., помещик 161, 424
Аурова Н.Н. 82

Багратион Н.С., князь, помещик 276, 278-281, 327-329, 431, 436
Бакланов Ф., земский 228
Бакланова (Швейковская) Е.Н., 14, 47, 67-69
Беарде-де Лабей 352, 353
Безобразов Ф.В., помещик 159, 429
Безобразов Ф.М., помещик 98, 152, 154, 156, 165, 424, 434
Бестужев И.И., помещик 423
Бестужев М.П., обер-гофмаршал 50
Бестужев С.И., помещик 96, 428
Бестужева А.Г., графиня, помещица 50
Бестужев-Рюмин П.М., помещик 53, 372, 383, 385, 386, 388, 390, 394, 401, 403, 405, 407, 408
Бибиков Г.Н. 52, 79, 374, 398, 406
Бланкеннагель Е.И., помещик 29
Блудов И., помещик 423
Богданов А.П. 82
Богданов Г., дьяк, помещик 90, 93, 427
Болотов А.Т. писатель, ученый, помещик 17, 18, 23, 28, 29, 31, 44, 340, 342, 344, 345, 351, 353-358, 360, 362-365, 367-371, 377, 380, 381, 385, 386, 389, 390, 393, 394, 398, 401, 404, 405, 409, 410, 417, 418
Больчев Т.Г., помещик 430
Боровой С.Я. 42
Букин, крестьянин 92
Булыгин И.А. 64, 66, 382, 398
Булычов А.А. 82
Бунин В.О., помещик 432
Бурков Н.Ф., помещик 272, 319, 427, 433
Бутурлины, помещики 341

Варламов, крестьянин 92
Васильев, крестьянин 92
Введенская А.Г. 400
Вдовина Л.Н. 15, 17, 27, 353
Вельяминов-Зернов С.П., помещик 280, 283-285, 288, 328, 329, 436
Венгерский И.А., помещик 431
Вердеревский П.П., помещик 81, 326, 425
Веревкин М.И., помещик 323, 425
Виниус А.А., помещик 396
Владычин С.П., помещик 392, 431
Водарский Я.Е. 5, 8, 13, 76
Воейков В.Р., помещик 429
Воейков Ф.И., помещик 431
Волков А., помещик 432
Волков Б.И., помещик 259
Волков И., дьяк, помещик 259
Волковы, помещики 431
Волконская А.П., помещица 343, 375
Волконский Г.И., князь, помещик 155-157
Волконский Я.Ю., князь, помещик 99, 101, 105-107, 164, 433
Волынский А.П., кабинет-министр, помещик 44, 339, 346, 361, 365, 366, 372, 374, 375, 379, 388, 390, 395, 396, 401, 406-408
Вольф Ф., барон, помещик 23, 31, 353, 363, 365, 387, 391, 394, 396, 397, 404
Воробьев Е., помещик 423
Воронков И., дворовый человек 242
Воронцовы, помещики 72

Гагарин В.И., князь, помещик 424
Гагарин С., князь, помещик 341, 344
Галахов, приказчик 345, 347
Гамаюнов А.И. 82
Глазунов Ф., купец 260
Глушков Д., купец 260
Голицын В.В., князь, помещик 86
Голицын И.В., князь, помещик 432
Голицын М.М., князь, помещик 52, 342, 357, 365,

366, 370, 371, 373, 375-377, 385-387, 389-391, 394, 397, 398, 402, 404, 405
Голицын Ф.Н., помещик 343,389, 396, 401
Голицыны, помещики 54, 63, 72, 361, 373, 377, 395
Головкин Г.И., граф, помещик 50, 346
Головкин М.Г., граф, помещик 61-63, 170, 171, 174, 176, 177, 180, 185, 187, 188, 190, 191, 264-266, 345-347, 349, 350, 371, 372, 374-376, 380, 392, 396, 403, 407-409, 434
Головкины, помещики 346
Голубев В.А. 82
Гольский В.Г., помещик 431
Гомбер, автор книги о немецком сельском хозяйстве 339
Греков Б.Д. 339, 342
Григорьев Т., крестьянин 179
Громов Г.Г. 399
Гросул В.Я. 82
Губертус, автор книги «Экономическая стратагема», переведенной М.В.Ломоносовым 17
Гуремон М.Е. 82
Гусь В., дворовый человек 88

Давыдов К., помещик 423
Данилова Л.В. 340, 353
Демидов В.И., помещик 224
Дмитриева Е.Е. 7,58
Довнар-Запольский М.В. 341, 343
Долгоруков А.Г., князь, помещик 135
Долгоруков М.Ю., боярин, помещик 86
Долгоруков Ю.А., боярин, помещик 86
Домогацкий А.А., помещик 429
Драконруст Е.И. 52, 371, 386
Дружинин Н.М. 339, 353
Дуров В.И., помещик 430

Евангулова О.С. 58
Евдокимов С., крестьянин 94
Егачев С., помещик 427
Екатерина II 22, 40, 48, 351
Елесов А., помещик 426
Елизавета Петровна 22, 44, 170, 224, 319, 327, 345
Елизаров Б.С. 82
Елистратов М., крестьянин 121
Еремеев А., владелец суконной мануфактуры в Москве 62, 174
Ермолов В.Ф., помещик 424
Еропкин И., помещик 424
Еропкин М., помещик 424
Есаков, помещик 81
Есипов И.Л., помещик 96, 428

Желчужников И.Г., помещик 432
Желчужников Я.Г., помещик 318, 328, 426, 431
Жилин Ф.Я., помещик 318, 431
Жуков А.П., помещик 363, 368, 389
Журавлев, фабрикант 179

Завозерская Е.И. 363
Захаров И., крестьянин 121
Зимин А.А. 416
Зиновьев В.П., помещик 149, 151-153, 165, 434
Змеев В.С., помещик 429
Зубов Ф.И., помещик 303, 306-308, 436
Зубов Ф.Ф., помещик 303
Зыбины, помещики 427
Зырянов П.Н. 82

Иван Васильевич, касимовский царевич, помещик 98, 135, 136, 162, 164, 434
Иванов А.Г. 69
Иванов А.Е. 82
Иванова Л.В. 7
Ивашкин Н.П., помещик 159, 429
Изъединова И.Б., помещик 427
Индова Е.И. 340, 342, 351
Истомина Э.Г. 82

Кабузан В.М. 5, 13
Карандеев М.А., помещик 423
Каратаев Н.К. 352-354
Карпов В.Ф., помещик 96, 428
Карпов М.А., помещик 321, 432
Кашин В.Н. 51, 52
Квашнин-Самарин И.М., помещик 429
Кирилов, помощник приказчика 347
Киселев Н., помещик 246, 248-251, 265, 266, 268, 435
Клубникин И.Е., крестьянин 121
Ключевский В.О. 31-33, 37, 38, 351
Ковальченко И.Д. 15, 44-47, 72, 76-78, 416
Ковальчук А.В. 82
Коган Э.С. 57, 60, 72, 79, 342, 343, 376, 380, 382, 386, 402, 418
Кожин И.В., помещик 98, 159, 424, 429
Козлов В.Ф. 7
Козлов С.А. 27-32, 341, 344, 351, 354, 355
Козловский И.П., князь, помещик 423
Козыкова М.И. 413
Кокорев М.Г., помещик 423
Кологривов Б.А., помещик 424, 429
Кологривов М.Г., помещик 69
Колокольцев А.М., помещик 242
Колокольцев М., помещик 242
Колокольцев Н.М., помещик 239, 244, 245, 247, 258, 265, 430, 435
Колокольцева В.П., помещица 242
Кольчев Н.Г., помещик 424
Комов И.М., ученый агроном 17
Кондрашова Л.И. 341
Кононова А.Ю. 7
Корелин А.П. 82
Корелый И., купец 260
Коровников И.А., управляющий 361
Короткий, крестьянин 92
Косицкий П.Л., помещик 325, 425
Кошелев А.И., помещик 398
Кошелев А.Р., помещик 111
Кошелев М.Р., помещик 111
Кошелев Р.Р., помещик 111
Красный, крестьянин 92
Крутиков В.И. 70, 71
Кручинин И.И., земский дьячок 174
Кузенев В.В., помещик 323
Кузеневы, помещики 323, 431
Кузьмин А.Г. 342
Купцова О.Н. 7, 58
Куракин А.Б., князь, помещик 58, 59, 342, 387, 417, 418
Куракины, помещики 57, 58, 72, 343, 380, 381, 386, 394
Курмачева М.Д. 63, 64, 340, 353
Кучкин В.А. 82
Кушева Е.Н. 51
Кушников Д.А., помещик 69

Лавров Я.С., помещик 80, 318, 431
Ларионов Г.А., помещик 272, 426, 432
Лебедев И.В., помещик 261, 262, 425
Лебедева О.Н. 341, 389, 392
Левшин В.А., ученый агроном 17
Ле Гофф Ж. 412
Леонтьев А.И., помещик 424
Литвак Б.Г. 43, 44, 47, 51, 52, 78, 345
Лыкачев И.Н., помещик 431
Ломоносов М.В. 17, 339
Лопухин Я.И., помещик 160
Лопухины 50
Лутковский И.Е., помещик 430
Лыков Л.И., помещик 423
Липунов И.И., помещик 428

Макаров, крестьянин 92
Манькова А.Г. 13, 34
Марасинова Е.Н. 82
Мартынов Д.Ф., помещик 80, 322, 432
Маслов А.Н., помещик 427
Матвеев, крестьянин 92
Меншиков А.А., князь, помещик 272, 287, 290-293, 295-297, 327-329, 436
Меншиков А.Д., светлейший князь, помещик 63, 171
Меншиков П.А., князь, помещик 272, 309-311, 327, 436
Мещерский Б.Ф., князь, помещик 159, 329, 373, 429
Милов Л.В. 9, 15-23, 27-29, 78, 120, 354, 418, 419
Миронов Б.Н. 33-40, 77, 79, 351, 398, 418
Митрофанов Д.И., мануфактурист 186
Михаил Федорович, царь 8, 193
Мохеев И., купец 175
Морев И.И., помещик 428
Морозан В.В. 42
Морозов Б.И., боярин, помещик 50, 85, 89
Морозов Г.И., боярин, помещик 86
Морозов И.Г., помещик 86
Моповилов В.И., помещик 94
Моповилов К.И., помещик 94, 423
Мосеедов Е.Л., помещик 159, 430
Мечин В.П., помещик 96, 427
Мечков Г.И., помещик 252-257, 266, 435

Нагаев К., помещик 93
Назаров В.Д. 85
Названов И.Ф., помещик 432
Названов П.Ф., помещик 432
Нарышкин С.М., помещик 80, 432
Нарышкина Е.С., помещица 80
Наумов, крестьянин 92
Невежин В.А. 82
Неелов В.Г., помещик 426
Немцов Г.С., помещик 96, 427
Немчинов И., приказчик 366
Несвицкий Г.Д., помещик 427
Несвицкий И.В., помещик 432
Нестеров В., дьяк, помещик 159, 430
Нефедьев В., дьяк, помещик 88-92, 427
Нечаев Г., купец 260
Никитин, крестьянин 92
Никитин Г., крестьянин 236
Никифоров П., крестьянин 290
Никонов А.А. 351
Новиков Н., помещик 29, 427
Новосельский А.А. 24, 340, 341
Норов Б.Г., помещик 262, 263
Норова Т.М., помещица 425

Огарева Г.Е., помещик 425
Огарков А., помещик 428
Одинцов И., помещик 111
Олсдахин М., помещик 423
Орешкин В.Ф. 352, 354
Орлов В.Г., граф, помещик 341, 343, 359, 365, 367, 371, 376-378, 385, 387, 389, 391, 395, 398-402, 405
Остерман А.И., граф, помещик 170, 191, 265, 266
Осьминский Т.И. 53
Отева И.В., помещик 142, 145, 146, 162, 165, 433

Павел I 58
Павленко Н.И. 289, 339, 418
Павлов Ф.В., помещик 161, 424
Панин П.И., граф, помещик 50
Пасоск Б.И., помещик 170, 205, 206, 215, 217, 219-221, 223, 224, 264, 265, 268, 435
Патрикеев Л.И., помещик 431
Петр I 5, 8, 9, 13, 37, 38, 40, 111, 190, 339
Петрикеев Д.И. 86, 89
Петров Е., помещик 197
Петров И., крестьянин 121
Петров П., крестьянин 393
Петрова Л.И. 63
Петровская И.Ф. 43, 345
Плещеев Л.А., помещик 96, 427
Плещеев Ф.А., помещик 429
Повало-Швейковский А., помещик 432
Погожев Е., купец 260
Пожарский С.Р., князь, помещик 90, 100, 165, 433
Поздеев М., дьяк, помещик 93, 94, 423
Поленов А.Я., правовед 352, 353
Полторацкий Д.М., помещик 29
Полуектов Н.С., помещик 426
Полуектов Ф.Л., помещик 424
Полянский А.И., помещик 64-66, 382, 398
Поскочин И.Н., помещик 426
Посошков И.Т., экономист, публицист 339
Поспелов В.П., барон, помещик 42, 170, 193-195, 197, 199, 200, 204, 205, 265, 266, 268, 435
Поспелова, помещица 194
Преображенский А.А. 11, 340, 353
Прокофьева Л.С. 25, 26, 71, 392, 403
Прохоров М.Ф. 42, 71-75, 342, 361, 373- 375
Пугачев Е.И. 42, 342
Пушкарева И.М. 82
Пушкарева Л.Н. 402, 406
Пушкаренко А.А. 14
Пушкин А.С. 30, 31
Пушкин П.М., помещик 428

Разин С.Т. 87
Ржитин И., приказчик 174
Рутманов А.Г., дьяк, помещик 98, 146, 148, 149, 165, 434
Рахматуллин М.А. 82
Ржевский Н.Т., помещик 98, 106-110, 165, 433
Рогожин Н.М. 82
Романдановская А.Ф., княгиня, помещица 190
Романдановская Е.И., княгиня, помещица 171, 183
Рубинштейн Н.Л. 21, 32, 33, 53-56, 341, 343, 344, 351, 354, 355, 367, 374, 380, 381, 385, 394
Румянцев В.С., помещик 95, 428
Румянцев П.А., граф, помещик 343, 346, 359, 362, 370, 380, 383, 384, 386, 390, 394, 401, 402, 407

Рычков П.И., ученый агроном, помещик 28, 44, 49, 340, 342, 344, 345, 351, 353-355, 357, 358, 360, 362-365, 367-369, 372, 373, 381, 394, 397, 398, 400, 407-410, 415, 417

Сабуров Я.В., помещик 81
Салтыков С.В., помещик 299, 301, 302, 304, 305, 327, 329, 378, 436
Самарин В.Н., помещик 374, 375, 404, 407
Самарин Ф.И., помещик 426
Самарин Ю.Ф., помещик 32
Самарины, помещики 341
Сапрыкина Л.Г. 82
Сахаров А.Н. 6, 14
Сверчков А.С., помещик 81
Селиванов М.Л., помещик 325
Селиванов, крестьянин 92
Семевский В.И. 48, 49, 54, 55, 74, 76, 352, 372
Семенов, крестьянин 92
Серебряный Н.Ф., помещик 258, 265, 430
Сивков К.В. 41, 50, 51, 63, 341, 342, 351, 354
Скорняков-Писарев Г.Г., помещик 98, 131, 134, 135, 162, 165, 168, 429, 433
Скрипицын Д.Г., помещик 428
Смиленская Е.Б. 47, 342-344, 363, 368, 381, 389
Софонов Н.И., помещик 426
Софья Алексеевна, царевна 86
Стремоухов В.Ф., помещик 137-141, 149, 165, 433
Струве П.Б. 35
Строганов Г.А., граф, помещик 25
Строганов Н.Г., барон, помещик 224, 342, 374, 379, 388, 390
Строгановы, помещики 341
Сумароков А.П., писатель 352

Тараканов И.Н., помещик 87
Татищев В.Н., историк, экономист, этнограф, помещик 81, 339-342, 354, 356, 357, 360, 367, 368, 379, 384, 388, 389, 392, 393, 395-397, 400-403, 407, 408
Текутьев Т.П., помещик 47, 48, 342-344, 354, 359, 363, 364, 368, 369, 376, 380-382, 384, 389, 391, 400, 403, 404, 408
Телепнев Е.О., помещик 431
Титов С.В., помещик 319
Тихонов С.Ю. 82
Тихонов Ю.А. 7, 41, 67, 85, 86, 94
Тихонова Л.А. 82
Томилов А.Ф., помещик 170, 220, 224, 226, 230-232, 234-236, 238-241, 258, 264-266, 430, 435
Томилова Д., помещица 228
Травин П.И., помещик 102, 103, 105-107, 164, 433
Трегубов А.И., помещик 87, 95, 428
Троицкий С.М. 111
Трофимов Г.Т., помещик 426
Трофимов Ф.Ф., помещик 424
Тыдман Л.В. 158, 172, 207, 226, 264, 333, 334
Тыртов П.Н., помещик 326, 426
Тютюкин С.В. 82

Удолов Ф., помещик 353, 374, 379, 380, 395
Украинцев Е.И., думный дьяк, помещик 111
Устюгов Н.В. 343

Фаизова И.В. 8, 76, 351
Фатуев А., приказчик 350
Федоров, крестьянин 92
Филипьев В., крестьянин 94
Филипьев И., крестьянин 94
Филипьев П.Большой, крестьянин 94
Филипьев П.Меньшой, крестьянин 94
Фролова-Багреева Т.М., помещица 260

Хвастливый К.Д., купец 185
Хитрово М., помещик 426
Хмылов, крестьянин 92
Хованский И.А., князь, помещик 88, 428
Ходнев А.И. 351
Христонов Н., приказчик 228

Ценин В.И., помещик 81, 260, 261, 425

Чаплыгин Е.В., помещик 423
Чашников Г., помещик 423
Чевкин Г.П., помещик 426
Челищев Ф., помещик 96, 428
Черкасский А.М., князь, помещик 366, 374, 383, 388-391, 395, 405
Черный И.С., помещик 81
Чечулин Н.Д. 343
Чириков И.М., помещик 428
Чубышкин С.Т., помещик 423

Шакловитый Ф.Л., думный дворянин 86
Шапиро А.Л. 25, 63
Шафиров П.П., барон, помещик 67, 98, 108, 111-114, 119, 120, 122-127, 129, 130, 162-165, 433, 434
Шахматов Н.А., помещик 51
Шахматовы, помещики 51
Шаховской И.Ф., князь, помещик 102, 104-107, 433
Швыйковский Ф., помещик 272, 432, 433
Шеншин Л.С., помещик 158
Шепелев Д.А., помещик 383, 388, 391, 400
Шереметев Б.П., граф, помещик 366
Шереметев Н.П., граф, помещик 27, 403
Шереметев П.Б., помещик 361, 374, 378, 388, 390-392, 401, 404, 405
Шереметева А.П., помещица 385, 390, 401
Шереметевы, помещики 21, 25-27, 54, 71, 72, 346, 392
Шетнев Н.Д., помещик 314-316, 436
Шидловский В.М., помещик 426
Шипов Г.И., помещик 343, 355, 382, 399
Шишкин Л.М., помещик 272, 425, 426
Шувалов И.И., помещик 343, 360, 378, 395, 397

Щербатов М.М., князь, помещик 22, 342, 346, 377,388, 408
Щербатовы, помещики 54, 341
Щетинин И.И., князь, помещик 423

Юркин И.Н. 156
Юров А.А., помещик 322, 327, 328, 432
Юшков А.Н., помещик 81

Языков В.С., помещик 429
Яковлев И.Д., помещик 431
Якубский В.А. 11

Географический указатель*

Абросово, Головцово тож,с-цо Верейского у. 259, 430
Абросово, ус. Верейского у. 259, 430
Авдеево, д. Шуйского у. 429
Азия 10
Акилининское, с-цо Ярославского у. 100, 433
Акилининское, ус. Ярославского у. 100, 433
Акишево, д. Московского у. 423
Аксеновка, д. Московского у. 424
Аксеновка, ус. Московского у. 156, 424
Алаторский у. 157
Алексеевское, ус. Белозерского у. 431
Алексино, ус. Великолуцкого у. 426
Алексинский у. 87, 158, 428
Алешино, д. Владимирского у. 426
Алешня, с. Болховского у. 149
Алешня, ус. Болховского у. 149
Алферово см. Мурзино
Алферовская, д. Вологодского у. 426
Анаское, с. Тульского у. 429
Анаское, ус. Тульского у. 429
Англия 59, 158, 419, 420
Андреевское, с. Ярославского у. 100, 280, 433
Андреевское, ус. Ярославского у. 100, 433
Анкудиново, Соколово тож, с. Московского у. 86
Анкудиново, ус. Московского у. 86
Анненское, ус. Великолуцкого у. 160
Анциферовское см. Моржово
Аргуново, д. Каширского у. 113
Арзамасский у. 89, 272, 287, 309, 429, 436
Архангельск, г. 15, 90, 92
Архангельское, Голицыно тож, с. Пензенского у. 431
Астрадам (Амстердам), г. 158

Балтика 420
Бараново, д. Ярославского у. 424
Бегичево, с. Каширского у. 112
Бегичево, с-цо Каширского у. 112
Бегичево, ус. Каширского у. 112
Белгород, г. 205
Белгородская черта 15
Белнево, д. Ярославского у. 427
Белозерский у. 431, 432
Беломорье 420
Белоручье, р. 214
Белохрыстово, Тунзево тож, д. Боровского у. 423
Бельский у. 98, 152, 424
Беляково, с. Касимовского у. 135, 137, 434
Беляково, ус. Касимовского у. 135
Белянкино см. Иверское
Березовка, Хотяинцово тож, д. Епифанского у. 432
Бобрики, с. Московского у. 341, 344
Богачево, д. Рославльского у. 432
Богородицкое, ус. Тамбовского у. 193, 194, 435
Богородицкое, Малая Талинка тож, с. Тамбовского у. 194, 195, 196, 198, 202, 435
Богородское, Нижнее тож, с. Казанского у. 426
Богородское, ус. Болховского у. 157
Богородское, ус. Казанского у. 426
Богородское, ус. Московского у. 272, 436
Богородское, Салманово тож, с. Московского у. 272, 277, 436
Богословское, с. Болховского у. 107, 157, 433
Богословское, ус. Болховского у. 107, 433
Болховский у. 99, 149, 157, 433
Большие Вяземы (Вяземы), ус. Московского у. 7, 342, 361
Большой Двор, с-цо Ярославского у. 425
Большой Двор, ус. Ярославского у. 425
Бор, д. Ярославского у. 102, 433
Борисоглебская вол. Шуйского у. 102
Борисоглебское см. Надеждино
Боровково, д. Великолуцкого у. 326, 426
Боровлево, д. Тульского у. 228, 229
Боровск, г. 81
Боровский у. 15, 80, 423, 426, 431, 432
Бороденка, д. Тульского у. 425
Бороденка, ус. Тульского у. 425
Бородино, д. Каширского у. 118
Бохов стан Московского у. 159
Брищино, ус. Московского у. 428
Брищино, Татариново тож, с-цо Московского у. 428
Брусеная, д. Епифанского у. 424
Брусеная, ус. Епифанского у. 424
Брянский у. 92, 93, 98, 99, 152, 155, 395, 424, 429-431, 434
Буда, слобода Брянского у. 155, 434
Буслаево, см. Численное
Бутово, д. Коломенского у. 430
Быково, д. Каширского у. 112, 119

* Сокращения: вол. – волость, г. – город, губ. – губерния, д. – деревня, р. – река, м-рь – монастырь, с. – село, с-цо – сельцо, у. – уезд, ус. – усадьба.

Быково, с. Суздальского у. 299, 436
Быково, ус. Суздальского у. 299, 436

Вандужский стан Владимирского у. 99
Васильево, д. Муромского у. 432
Васильево, Южово тож, с. Смоленского у. 208, 435
Васильево, ус. Смоленского у. 206, 211, 212, 214, 265, 435
Васильевская, д. Мценского у. 432
Васильевская, ус. Мценского у. 432
Васильевское, ус. Тамбовского у. 195, 435
Васильевское, Маслово тож, с. Тульского у. 427
Васильевское, Русская Поляна тож, с. Тамбовского у. 194-196, 198, 202, 205, 224, 435
Введенское, ус. Керенского у. 426
Введенское, Борисовка тож, с-цо Московского у. 224, 225, 430
Введенское, Борисовка тож, ус. Московского у. 224, 430
Введенское, Томола тож, с. Керенского у. 113, 426
Везищи, с. Каширского у. 113
Везищи, ус. Каширского у. 113
Великолуцкий у. 81, 318, 426, 431
Веневский у. 112, 263, 425, 430
Веняково, д. Московского у. 90, 92, 427
Вепринский стан Алексинского у. 87
Вербово, с. Смоленского у. 206, 435
Вербово, ус. Смоленского у. 206, 209, 211-215, 224, 435
Верейский у. 259, 431
Вересково, с-цо Московского у. 168, 429, 430
Вересково, ус. Московского у. 429, 430
Верхоцевский стан Тульского у. 263
Вешки, с. Касимовского у. 137
Вишенки, с. Суздальского у. 342
Владимир, г. 289
Владимирская губ. 17
Владимирский у. 99, 157, 159, 426, 427, 429, 433
Власово, д. Касимовского у. 137
Вяково см. Численное
Вожево, с. Кромского у. 144, 433
Волга, р. 15, 59, 62, 276, 279
Волконейка, р. 225
Вологодская губ. 17
Вологодский у. 67, 69, 98, 303, 325, 424-426, 429, 432, 433, 436
Волоколамский у. 88, 428
Вольнское, с. Московского у. 135
Вольнское, ус. Московского у. 135
Воронино, д. Ярославского у. 94, 433
Воронино, с. Московского у. 375
Воря и Коровнев стан Московского у. 156, 160
Воскресенское, с. Суздальского у. 342
Восточная Европа (Восточный регион европейских стран) 11, 12, 23, 34, 63, 85, 171, 346, 351, 412
Высокое, д. Владимирского у. 427
Высокое, ус. Великолуцкого у. 160
Выший Волочек, г. 348
Вяземский у. 429
Вяземы см. Большие Вяземы
Вяхово, д. Романовского у. 423

Галичский у. 61, 62, 159, 272, 428, 432
Гаинино, Золотое кольцо тож, д. Рязанского у. 428
Германия 413, 420
Глупенский стан Тульского у. 191, 229
Глупня, р. 228, 229
Годиревский стан Болховского у. 149
Голицыно см. Архангельское
Голландия 59, 158
Головцово см. Абросово
Гололобово, д. Елецкого у. 147, 434
Голубино, с-цо Боровского у. 80, 432
Голубино, ус. Боровского у. 80, 432
Голунь, с. Новосильского у. 52
Горники, с. Московского у. 135
Городской стан Медынского у. 242
Гостомля, д. Кромского у. 149, 150, 434
Гостомля, ус. Кромского у. 149, 434
Грибово, ус. Московского у. 429
Григорьево, с. Московского у. 173
Гриднево, д. Можайского у. 429
Губачево, с-цо Суздальского у. 428
Губачево, ус. Суздальского у. 428

Давыдково, д. Московского у. 135
Давыдовское, с. Юрьев-Польского у. 142
Давыдовское, ус. Юрьев-Польского у. 142
Данилково, с-цо Дмитровского у. 424
Данилково, ус. Дмитровского у. 424
Данилов м-рь (Москва) 179
Данковский у. 158, 225, 226, 260
Двинницкая вол. Вологодского у. 69
Дегунино, с. Старицкого у. 423
Дементьевское см. Погореловка
Деревенск, с-цо Боровского у. 431
Дмитровское см.Юлово
Дмитровский у. 190, 323, 324, 425
Доблинский стан Московского у. 146
Долгомосский стан Смоленского у. 206
Дор, д. Вологодского у. 424
Дресвянка, д. Пошехонского у. 427
Дресвянка, ус. Пошехонского у. 427
Дубенка, р. 157
Дуплеков стан Костромского у. 276
Дядьково, с-цо Костромского у. 435

Европа 10-12, 15, 34, 416, 419, 420
Европейская Россия (Европейская часть России) 15, 20
Евсейково, д. Московского у. 430
Егорьевское Заднее, с. Вологодского у. 424, 433
Едомская вол.Ярославского у. 314
Екимово, с. Владимирского у. 99, 433
Елецкая провинция 149
Елецкий у. 99, 146, 158, 434
Елино, д. Коломенского у. 262, 425
Енинская, д. Пронского у. 326, 425
Епифанский у. 146, 424, 433
Ераднево, д. Вологодского у. 429
Еремеево, ус. Суздальского у. 427
Ермолово, с. Касимовского у. 137, 434
Есуково, д. Каширского у. 119, 121
Ефремовский у. 158, 343, 399

Жарки, д. Любимского у. 258, 259, 430
Жарынь, с. Брянского у. 323, 431
Жарынь, ус. Брянского у. 323, 431
Железница, д. Белозерского у. 431
Жерновки, с. Каширского у. 98, 111-113, 119-121, 433
Жерновки, ус. Каширского у. 112, 113, 433
Жерновская вол. (стан) Каширского у. 108, 111, 114-118, 120, 162, 163
Жучки, ус. Московского у. 156

Завальный стан Пензенского у. 280
Заворово, с. Коломенского у. 429
Завражное, д. Кокшайского у. 69
Зайцево, с-цо Боровского у. 426
Закоторосский стан Ярославского у. 94
Закудемский стан Нижегородского у. 220, 235
Залесский стан Шацкого у. 224, 226
Залипяжье, с-цо Рязанского у. 428
Замыцкая вол. (стан) Московского у. 88, 90, 93, 157
Западная Европа (Западный регион Европы) 12, 18, 23, 34, 412, 413, 419, 420
Западная Германия 419, 420
Западный регион (район) России 8, 13, 56
Зарайский у. 170, 185, 435
Засеченое, с. Пензенского у. 133, 433
Засеченое, ус. Пензенского у. 133, 433
Заупский стан Тульского у. 158
Захарово, с. Муромского у. 424
Зазьльбская Германия 419
Звенигородский у. 50, 61, 86, 190
Здемирово, с. Костромского у. 276, 279, 436
Золотое Кольцо см. Гаинино
Зубово, д. Рязанского у. 423
Зубово, ус. Рязанского у. 423
Зубцово, д. Вологодского у. 431
Зыбино, с-цо и ус. Коломенского у. 424
Зюзино, с. Московского у. 86
Зюзино, ус. Московского у. 86

Иваново см. Ивонино
Иваново, Лопырево тож, д. Калужского у. 322, 432
Иваново, ус. Калужского у. 321, 432
Ивановский стан Смоленского у. 206, 215
Ивановское, с. Рыльского у. 63
Иванчусский стан Костромского у. 276
Иверское, Белянкино тож, с. Казанского у. 426
Иверское, ус. Казанского у. 426
Ивонино, ус. Смоленского у. 205-207, 209-215, 224, 435
Ивонино, Иваново тож, с. Смоленского у. 205, 435
Измайлово, подмосковная царская ус. 86
Ильинское, ус. Московского у. 98, 427
Ильинское, Спирово, Свиридово тож, с. Московского у. 88, 427
Истра, р. 50, 190

Казанская губ. 56
Казанский у. 62, 426
Казаринская вол. Торопецкого у. 319
Казьванье, д. Тамбовского у. 194-196, 435
Казьванье, ус. Тамбовского у. 194, 435
Калужская губ. 9, 11, 17, 52
Калужский у. 432
Каменский стан Орловского у. 318
Каменский стан Пронского у. 326
Канада 18
Канневский стан Коломенского у. 190
Касимовский у. 99, 135, 164, 434
Кашин, г. 348
Кашинский у. 47, 381
Кашира, г. 111
Каширский у. 90, 92, 98, 99, 111, 120, 162, 165, 279, 319, 322, 325, 426, 427, 429, 431, 433
Керенский у. 42, 426
Керша, р. 193
Керша см. Троицкое
Кимры, с. Кашинского у. 183, 345, 346, 348-350, 375, 396
Киселково, д. Брянского у. 430
Кишкино, д. Рязанского у. 423
Кишкино, ус. Рязанского у. 423
Климовская, д. Трубского у. 228, 229
Клишино, с. Зарайского у. 170, 185, 187, 189, 267, 434
Клишино, ус. Зарайского у. 185, 434
Клушино, с. Московского у. 184, 185
Клязьма, р. 184
Кобыльский стан Рязанского у. 261
Колено, с-цо Коломенского у. 424
Кокшайский у. 69
Колоденский стан Тульского у. 220, 229
Коломенский у. 131, 190, 262, 272, 318, 423-425, 429, 430, 432
Коломенское, подмосковная царская ус. 86
Комарево, с. Коломенского у. 320, 321, 432
Комарево, ус. Коломенского у. 320, 432
Конюево, ус. Московского у. 156
Копорский у. 61
Коптяжино, с-цо Волоколамского у. 88, 428
Коптяжино, ус. Волоколамского у. 88, 428
Костромской у. 112, 170, 252, 276, 435, 436
Котласы, д. Вологодского у. 69
Котогорский стан Любимского у. 258
Котырово, с. Касимовского у. 137
Кохаково, д. Брянского у. 430
Крапивино, с-цо Нижегородского у. 432
Красная Слобода, ус. Рязанского у. 191
Красный Угол, ус. Рязанского у. 193
Кромской у. 63, 99, 137, 144, 149, 433, 434
Крутицы, д. Болховского у. 433
Крыжино, с. Брянского у. 424
Крыжино, ус. Брянского у. 424
Крым 9
Кубенская треть Вологодского у. 67
Кубенское оз. 306
Кудрявцево, с-цо Шуйского у. 433
Кудрявцево, с-цо Шуйского у. 102
Кузнечевка, д. Суздальского у. 427
Кумилово, д. Вологодского у. 431
Кураково, с-цо Тульского у. 191
Курилово, д. Белозерского у. 431
Курмышский у. 157
Курская губ. 9, 202
Кутуково, с.(с-цо) Рязанского у. 129-133, 434
Кутуково, ус. Рязанского у. 129, 433
Кушниково, с. Кокшайского у. 69

Ладенино, д. Московского у. 429
Ламово, д. Орловского у. 318, 431
Ламово, ус. Орловского у. 318, 431
Ларионово, с. Брянского у. 155, 429
Ларюшино, ус. Звенигородского у. 107
Левково, с-цо Московского у. 160, 430
Левково, ус. Московского у. 160, 430
Лесуново, с. Вологодского у. 426
Лисинский стан Калужского у. 321
Литочино, д. Пензенского у. 425
Литочино, ус. Пензенского у. 261, 425
Лифляндия 34
Лихинки, с-цо Владимирского у. 429
Лихинки, ус. Владимирского у. 429
Лом, с. Касимовского у. 137
Ломовская Слобода, с. Пензенского у. 88, 122-128, 434
Ломовская Слобода, ус. Пензенского у. 123, 433
Лондон, г. 158

Лопаткино, д. Московского у. 423
Лопырево см. Иванково
Лутковка см. Никольское
Лысково, с. Нижегородского у. 87
Лычово, с-цо Юрьев-Польского у. 144
Лыялово, с. Московского у. 174, 183-185
Лыялово, ус. Московского у. 183
Любашевка, Михайловское тож, с. Ефремовского у. 399
Любимский у. 258, 265, 430

Макарово, д. Каширского у. 119
Максимково, д. Романовского у. 427
Максимовская, Медведково тож, ус. Московского у. 428
Максимовский стан Смоленского у. 206
Малая Талинка см. Богородицкое
Малинки, Филинская тож, д. Московского у. 428
Малино, д. Белозерского у. 431
Малино, ус. Белозерского у. 431
Малое, д. Рязанского у. 423
Мансурихa, с-цо Суздальского у. 96, 428
Марьино, д. Юрьев-Польского у. 144
Маслово см. Васильевское
Матюхино, д. Алексинского у. 87, 428
Медведково см. Максимовская
Медынский у. 170, 242, 243, 258, 435
Мезинская вол. Коломенского у. 262
Мелехово, д. Рязанского у. 428
Мельцаны см. Троицкое
Мещерская вол. Коломенского у. 239
Мещовский у. 131, 427
Минский стан Костромского у. 276
Минское, с. Костромского у. 276, 279, 436
Минское, ус. Костромского у. 276, 436
Митино, д. Каширского у. 118, 121
Михайловское см. Любашевка
Михалево, с-цо Дмитровского у. 175, 425
Михалево, с-цо Московского у. 325
Михалево, ус. Дмитровского у. 323, 425
Михалково, с. Суздальского у. 98
Михалково, ус. Суздальского у. 98
Михеево, д. Медынского у. 242, 243, 435
Михеево, ус. Медынского у. 242, 435
Мишнево, с. (с-цо) Московского у. 131, 429
Мишнево, ус. Московского у. 131, 429
Можайский у. 98, 429
Мокрая Сменка, д. Елецкого у. 147, 434
Мокрая Сменка, ус. Елецкого у. 147, 434
Молодотудская вол. Тверской губ. 71
Моржово, Анцыфоровское тож, с-цо Рязанского у. 423
Москва, г. 10, 17, 44, 51, 64, 65, 81, 122, 123, 135, 142, 156, 157, 161, 162, 174, 175, 179, 190-192, 265, 266, 346-348, 350, 361, 365, 366, 395, 407
Москва, р. 190
Московская губ. 9, 11, 17, 56, 186
Московский край 50
Московский у. 8, 15, 62, 88, 90, 92, 93, 98, 131, 146, 156, 170, 171, 224, 225, 272, 341, 423, 424, 427, 429, 430, 434-436
Мочалово, д. Вологодского у. 431
Мурашкино, с. Нижегородского у. 87, 89
Мурзино, Алферово тож, с-цо Тульского у. 426
Муромский у. 159, 424, 432
Муромцево, д. Суздальского у. 94, 423
Муромцево, ус. Суздальского у. 94, 423
Мценский у. 432
Мыльцово, с-цо Каширского у. 112
Мыт, с. Суздальского у. 378

Наготи, д. Смоленского у. 424
Надеждино (Борисоглебское), ус. Саратовской губ. 58, 59
Настасьино, д. Веневского у. 425, 430
Нежицы, с. Смоленского у. 215
Нерль, р. 299
Нерядово, д. Кокшайского у. 69
Нечерноземный центр (регион) 15
Нечерноземье (Нечерноземная полоса) 13, 16, 18-20, 22, 27, 28, 45, 46, 56, 61, 62, 74, 98, 160, 317, 419
Нидерланды 419, 420
Нижегородская губ. 56, 65, 341
Нижегородский у. 89, 170, 220, 235, 432, 435
Нижнее см. Богородское
Нижний Новгород, г. 45, 65
Низкое, д. Владимирского у. 427
Никитино, с. Алексинского у. 158
Никитино, с. Арзамасского у. 272, 289, 290, 292-294, 309-313, 436
Никитино, ус. Арзамасского у. 287, 436
Никифоровка, д. Тульского у. 263, 425
Никольское, с. Елецкого у. 147
Никольское, с. Московского у. 185
Никольское, с. Тульского у. 229, 435
Никольское, с. Ярославского у. 429
Никольское, Лутковка тож, с. и ус. Пензенского у. 260
Никольское, Новый Чирчим тож, с. и ус. Пензенского у. 246, 435
Никольское, ус. Данковского у. 224, 226
Никольское, ус. Данковского у. 260
Никольское, ус. Тульского у. 220, 226, 229, 435
Никольское, Пущино тож, ус. Шацкого у. 224, 226
Никулино, ус. Коломенского у. 429
Новгородово, д. Бельского у. 424
Новое, с. Ярославского у. 314, 436
Новое, ус. Звенигородского у. 156
Новое, ус. Кашинского у. 47
Новое, Новоселки тож, с. Кашинского у. 47
Новое Никольское, с. Вологодского у. 303, 436
Новое Покровское, с. Нижегородского у. 89
Новороссия 9
Новоселка, р. 253
Новосельская вол. Вологодского у. 303
Новосильский у. 52
Новый Чирчим см. Никольское

Обитца, р. 179
Овсянниково, с-цо Ярославского у. 428
Овсянниково, ус. Ярославского у. 428
Озерки, д. Арзамасского у. 429
Ока, р. 18, 111, 220, 226
Олохово, с-цо Великолуцкого у. 318, 431
Олохово, ус. Великолуцкого у. 318, 431
Опольский стан Суздальского у. 299
Ораниенбаумский у. 50
Орловская губ. 202
Орловский у. 157, 318, 327, 431, 432
Осаново, д. Рязанского у. 428
Осинники, с-цо Вологодского у. 431
Осинники, ус. Вологодского у. 431
Ослинки, с. Каширского у. 429
Остапово, д. Серпейского у. 424
Остафьево, ус. Подольского у. 7

Острецово, д. Каширского у. 90
Отвичи, с. Смоленского у. 205, 435
Отвичи, ус. Смоленского у. 206, 209, 211-215, 224, 435
Отерево, д. Нижегородского у. 236
Отлузиха, д. Галичского у. 428

Павелково, д. Рязанского у. 428
Павелково, ус. Рязанского у. 428
Павловское, с. и ус. Звенигородского у. 50, 86
Паниковицы, с. и ус. Брянского у. 323, 431
Пасмуровка, р. 235, 237
Пафнутьев-Боровский м-рь 242
Паюсово, ус. Орловского у. 157
Пенза, г. 262
Пензенская губ. 64, 382
Пензенский у. 62, 64, 98, 99, 123, 131, 165, 170, 246, 260, 261, 265, 280, 384, 425, 431, 433-436
Перемышльская вол. Московского у. 179
Перемышльский у. 52
Перепечино, д. Рязанского у. 425
Перепечино, ус. Московского у. 423
Переславль-Залесский у. 157, 322, 327, 432
Пестриково, ус. Московского у. 159
Петергоф, имп. резиденция 8, 9
Петрищево, ус. Галичского у. 432
Петровская, д. Московского у. 93
Петровское, с. Московского у. 120
Пещанка, д. Пензенского у. 425
Пещанка, ус. Пензенского у. 425
Плесский стан Костромского у. 252
Пневоледа, д. Смоленского у. 214
Плосково, д. Пошехонского у. 432
Поволжье 13
Погореловка, ус. Каширского у. 322, 431
Погореловка, Дементьевское тож, д. Каширского у. 323, 431
Подгородный стан Брянского у. 152
Пожва, р. 193
Покровское, с. Московского у. 373
Понарьино, д. Московского у. 423
Понарьино, ус. Московского у. 423
Поречье-Рыбное, с. Ростовского у. 359
Порядниково, с-цо Коломенского у. 430
Порядниково, ус. Коломенского у. 239, 430
Пошехонский у. 62, 427, 432
Прибалтика 39
Причерноморье 392, 420
Пронск, г. 81
Пронский у. 81, 326, 425
Прудище, с. Веневского у. 263, 425
Путилово, д. Ржевского у. 423
Пушкинские Горы 7
Пятницкое, с. Перемышльского у. 52

Радонеж и Бели стан Московского у. 156, 171
Рассоховец, с. (с-цо) Кромского у. 144, 433
Рассоховец, ус. Кромского у. 144, 433
Ратуев стан Московского у. 93, 177
Ретеши, д. и ус. Каширского у. 325
Речицкий стан Кромского у. 149
Речь Посполитая 93
Ржевский у. 71, 423
Рига, г. 107
Рогачевка, р. 324
Родное, с-цо Брянского у. 430
Родное, ус. Брянского у. 430
Рожаи, с. Московского у. 184
Рожествено, с. Ярославского у. 314, 436
Рожествено см. Тарычево
Романов, г. 15
Романовский у. 317, 423, 427
Рославльский у. 272, 395, 432
Россия (Российское государство) 5-7, 11, 13, 15-17, 19-23, 25, 27, 28, 33, 34, 38-42, 47, 53, 56, 61, 64, 71, 75-77, 79, 85, 86, 94, 142, 157, 158, 170-172, 289, 339, 341, 342, 346, 351, 352, 354, 355, 363, 381-383, 392, 398, 409, 414, 418, 420
Ростовский стан Каширского у. 322, 325
Ростовский у. 343, 359
Руднянский стан Саранского у. 299
Руново, с. Каширского у. 429
Руново, ус. Каширского у. 429
Русская Поляна, д. Тамбовского у. 193, 194
Русская Поляна см. Васильевское
Русский Север 67
Рыльский у. 63
Рышково, д. Смоленского у. 432
Ряжский у. 426
Рязанская губ. 9, 44, 129
Рязанский у. 90, 92, 99, 159, 165, 191, 261, 423, 425, 428, 433

Салманово см. Богородское
Санкт-Петербург (Петербург), г. 8-10, 44, 47, 56, 58, 64, 65, 113, 123, 124, 174, 193, 205, 266, 346, 347, 350, 352, 353, 361, 375, 379, 395
Сараево, с. Костромского у. 62
Саранск, г. 65
Саратов, г. 65
Саратовский у. 51
Сафарино, с. Московского у. 170, 171, 174, 176-178, 184, 434
Сафарино, ус. Московского у. 170, 171, 174, 434
Свиридово см. Ильинское
Север, Северный регион 15
Северная Двина, р. 15
Северная Европа (Северный регион Европы) 12
Северная Франция 419, 420
Северо-Западный регион 8, 15, 55
Селезнево, ус. Тульского у. 158
Селище, с. Костромского у. 135, 276, 278, 279, 436
Селище, с. (с-цо) Касимовского у. 135, 137, 434
Селище, ус. Касимовского у. 135, 434
Семернино, с-цо Дмитровского у. 88
Семерново, д. Великолуцкого у. 326, 426
Семибратское, с-цо Коломенского у. 423
Сергеево, д. Московского у. 427
Сережа, р. 237
Серпейский у. 424
Серпухов, г. 90, 92
Серпуховской у. 112, 427
Сетунский стан Московского у. 135
Сибирь 13, 50, 61, 345, 362
Сидоренки, д. Серпуховского у. 427
Симбирская губ. 65
Симбирская черта 15
Симбирский у. 61, 62
Скандинавские страны 18
Скородумка, с-цо Вологодского у. 325, 425
Скородумка, ус. Вологодского у. 325, 425
Смедва, р. 185, 321
Смоленск, г. 45
Смоленская губ. 56
Смоленский у. 90, 92, 98, 170, 205, 272, 424, 432, 435

Собакин стан Арзамасского у. 287
Сож, р. 325
Соколово см. Анкудиново
Спасское, ус. Болховского у. 157
Спасское, ус. Тамбовского у. 194-196, 435
Спасское, Талинское тож, с. Тамбовского у. 193, 194, 435
Спирово см. Ильинское
Средневолжский регион (Среднее Поволжье) 56, 241, 367
СССР 61, 67, 70, 80, 85, 342, 347, 400, 416
Ставки см. Якиманское
Старицкий у. 423
Старорязанский стан Рязанского у. 129, 191
Степановское, с. и ус. Звенигородского у. 86
Стогово, д. Смоленского у. 432
Стрельниково, д. Орловского у. 432
Стрельниково, с-цо Любимского у. 258
Стрельниково, ус. Любимского у. 258, 430
Стремиця, р. 214
Студенцы, д. Шуйского у. 429
Стулово, д. Московского у. 424
Стулово, ус. Московского у. 424
Суботово, д. Брянского у. 430
Суботово, ус. Брянского у. 430
Суздальский у. 61, 98, 142, 146, 299, 342, 343, 423, 427, 428, 436
Сунгурово, с. Костромского у. 276, 278, 279, 436
Сура, р. 59
Сычево, д. Вяземского у. 429

Талинское см. Спасское
Талица, р. 173
Тамбов, г. 194
Тамбовская губ. 44
Тамбовский у. 42, 158, 170, 193, 435
Таптыково, с. Каширского у. 320, 321, 427
Таптыково, ус. Каширского у. 319, 427
Таруса, р. 321
Тарычево, Рождествено тож, с. Московского у. 62, 170, 177, 179-184, 187, 267, 434
Тарычево, Рождествено тож, ус. Московского у. 174, 177, 434
Татариново см. Брицыно
Тверская губ. 9, 21
Тверь, г. 348, 396
Телешовка, д. Рижского у. 426
Телешовка, ус. Рижского у. 426
Темниковский у. 89, 159
Терехово, д. Великолуцкого у. 426
Терешинское, с. Симбирского у. 62
Томола см. Введенское
Торокманов стан Московского у. 272
Торопецкий у. 319
Троицкое, с. Звенигородского у. 174, 190
Троицкое, с. Московского у. 146, 179, 191
Троицкое, Борисово Поле тож, с. Нижегородского у. 235, 236, 435
Троицкое, Борисово Поле тож, ус. Нижегородского у. 220, 235, 435
Троицкое, Карша тож, с. Тамбовского у. 193-196, 435
Троицкое, Мельцены тож, с. Саранского у. 293, 298, 436
Троицкое, ус. Московского у. 146
Троицкое, ус. Тамбовского у. 194, 435
Тула, г. 155, 156
Тульская губ. 17, 18, 52, 70
Тульский у. 158, 170, 191, 220, 225, 229, 263, 272, 425-427, 429, 435
Тушаево см. Белокрыстово
Тупицино, с-цо Московского у. 423
Тупицино, ус. Московского у. 423
Турция 39

Уварово, с. Коломенского у. 190
Уварово, ус. Коломенского у. 190
Угожский стан Звенигородского у. 190
Узинский стан Пензенского у. 246
Уково, д. Ярославского у. 431
Упокой, р. 213
Устар, с. Мещерского у. 427
Устрома, р. 206, 213

Федоровка, д. Елифанского у. 424
Федоровка, ус. Елифанского у. 424
Филинская см. Малинки
Финляндия 18
Франция 413, 419, 420
Фурсово, д. Рязанского у. 425
Фурсово, ус. Рязанского у. 261, 425

Харино, с. Брянского у. 323
Хатавки, с. Каширского у. 111, 121
Херсон, г. 392
Хлыново, д. Московского у. 428
Хмелевка, с. Саратовского у. 51
Хмелевка, ус. Саратовского у. 51
Хмелита, ус. 7
Хмелицы, с-цо Костромского у. 252, 253, 435
Хмелицы, ус. Костромского у. 253, 435
Хованский стан Волоколамского у. 88
Ходыкино см. Шалонино
Холмогоры, г. 15
Хопилово, д. Тульского у. 426
Хопилово, ус. Тульского у. 426
Хотянцево см. Березовка

Царское Село, имп. резиденция 9
Центральная Европа (Центральный регион европейских стран) 11, 12, 134, 412
Центральная Россия 5, 8, 67, 419
Центральный нечерноземный (Центральный промышленный, Нечерноземье) регион, район 13, 55, 56, 74
Центральный черноземный (Центральный земледельческий, Центральное черноземье, Черноземье), регион, район 15, 55, 56, 74

Чернеев м-рь
Черноземье (Черноземная полоса, черноземные уезды, губернии) 9, 13, 16, 18, 20, 46, 55, 56, 61, 62, 317, 419
Чернский у. 158
Численное, ус. Московского у. 424
Численное, Буслаево, Внухово тож, с-цо Московского у. 424
Чолвенка, р. 157
Чувашская республика, Чувашия 69
Чурилово, ус. Чухломского у. 426
Чухломской у. 272, 426

Шаблыкино, с. Кромского у. 137, 139, 143, 433
Шаблыкино, ус. Кромского у. 137, 433
Шалонино, Ходыкино тож, д. Каширского у. 426
Шапкино, с-цо Торопецкого у. 319
Шаралово, ус. Ярославского у. 319, 424
Шатурово, д. Московского у. 93, 423
Шатурово, ус. Московского у. 93, 423
Шахов стан Московского у. 102, 224
Шацкий у. 170, 224, 226
Шведия 39
Шелелево, с. Переславль-Залесского у. 322, 432
Шелелево, ус. Переславль-Залесского у. 322, 432
Шеренский стан Московского у. 131, 156
Шоста, с. Касимовского у. 137, 434
Шуйский у. 99, 102, 105, 429, 433
Шуромский стан Переславль-Залесского у. 322

Щипань, с-цо Брянского у. 152, 155, 434
Щипань, ус. Брянского у. 152, 434

Эльба, р. 34
Эстляндия 34

Юго-Восточная Европа (Юго-Восточный регион европейских стран) 11, 12, 34
Юго-Западная Европа (Юго-Западный регион Европы) 12
Южное Черноземье 13
Юково см. Васильево
Юново, р. 384
Юново, ус. Пензенского у. 280, 282, 436
Юново, Дмитровское тож, с. Пензенского у. 280, 282-286, 288, 436
Юрьев-Польский у. 142
Юхотская вол. 366

Явино, с. Смоленского у. 205, 435
Явино, ус. Смоленского у. 206
Якиманское, ус. Дмитровского у. 190
Якиманское, Ставки тож, с. Дмитровского у. 190
Якимцево, с-цо Московского у. 423
Яковлевичи, с. Смоленского у. 206, 435
Яковлевичи, ус. Смоленского у. 206, 207, 209-215, 224, 435
Якшино, ус. Московского у. 157
Ямбургский у. 50
Ярославль, г. 15
Ярославская губ. 9
Ярославский у. 94, 99, 102, 105, 146, 159, 314, 423-425, 427-429, 431, 433, 436
Яская Поляна, ус. 7

Библиотека группы
ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ
И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
https://vk.com/sarist

Научное издание

Тихонов Юрий Александрович
Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII-XVIII вв.:
сосуществование и противостояние.

Художник: П.П. Ефремов
Компьютерная верстка: Ю. Балабанов
Корректор: С. Хорошкина

ISBN 5-94381-129-X

9 795943 811295 >

Подписано в печать 14.12.04. Усл. печ. л. 28.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Times.
Формат 70x100/16. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2432.

ЗАО ИТД «Летний сад». Москва,
121069, ул. Б. Никитская, 46.
Изд. лицензия ИД 03439 от 5.12.2000.
Издание отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
E-mail: poligraf@votel.ru, form.pfp@votel.ru http://www.vologda/~pfpv

Дворянская усадьба и крестьянский двор в России

17 и 18 веков

Тихонов Юрий Александрович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук. Автор научных работ по социально-экономической истории России периода позднего феодализма, в т.ч. монографий «Рынок Устюга Великого в 50–70-х гг. XVII в.» (вместе с монографией А.Ц. Мерзона она составила книгу «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.)», изданную в 1960 г.); «Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII – начале XVIII в.» (1974 г.). Член редколлегии и автор разделов третьего тома «Истории крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.» (1993 г.), коллективного труда «Дворянская и купеческая усадьба в России XVI-XX вв.: Исторические очерки» (2001 г.).